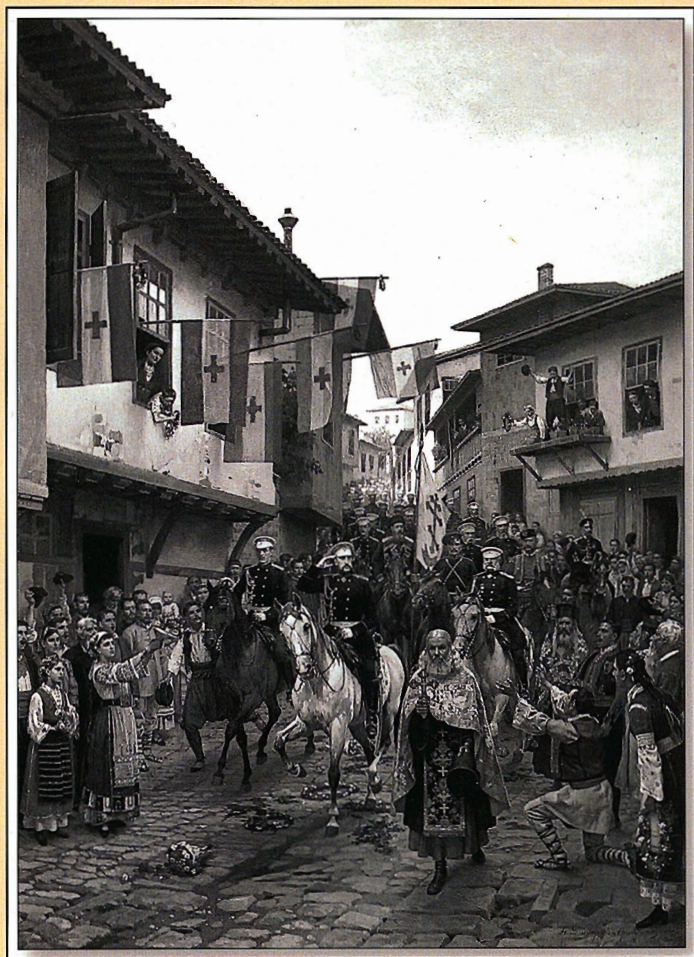

Славяне и Россия

Россия, Болгария,
Балканы

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Славяне и Россия:

Россия, Болгария,
Балканы

Проблемы войны и мира.
XVIII–XXI вв.
(Мифы и реальность)

МОСКВА
2019

УДК 327.8
ББК 66.4(47)
С47

Никитинские чтения
«Славяне и Россия»

Редакционная коллегия:

К. В. Никифоров (гл. ред.),
С. И. Данченко (отв. ред.),
П. А. Искендеров,
Н. Г. Струнина-Бородина,
М. М. Фролова

Рецензенты:

к. и. н. А. С. Аникеев,
к. и. н. О. А. Дубовик

Славяне и Россия: Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность). Сб. статей / Гл. редактор К. В. Никифоров. — М.: Институт славяноведения РАН, 2019. — 516 с. — (Никитинские чтения «Славяне и Россия»).

ISSN 2618-8570

DOI 10.31168/2618-8570

Настоящий сборник статей основан на материалах международной научной конференции «VIII Никитинские чтения: Славяне и Россия. Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность)», прошедшей в Институте славяноведения РАН в ноябре 2018 г. Представленные в нем статьи посвящены ключевым аспектам развития военно-политических процессов на Балканах сквозь призму российских интересов в регионе.

На основе анализа неопубликованных документов из российских и зарубежных архивов и других источников авторами изучены наиболее сложные и противоречивые проблемы взаимоотношений России и балканских народов в рассматриваемый период, в их числе всесторонне рассмотрены вопросы, связанные с Великим Восточным кризисом 1875–1878 гг. и их интерпретацией в современной исторической литературе и публицистике.

Книга рассчитана на ученых, преподавателей, студентов и всех интересующихся славянской и балканской проблематикой.

УДК 327.8
ББК 66.4(47)

ISSN 2618-8570
DOI 10.31168/2618-8570

© Коллектив авторов, 2019
© Институт славяноведения РАН, 2019

Содержание

От редколлегии	5
<i>Каширин Василий Борисович.</i> «Набег татарской множественным числом учинен...»: нашествие хана Крым-Гирея на Елисаветградскую провинцию Российской империи зимой 1769 г.	8
<i>Мельчакова Ксения Валерьевна.</i> К вопросу о строительстве вооруженных сил в Боснии и Герцеговине в 1860-е годы	107
<i>Алпеев Олег Евгеньевич.</i> Планирование Россией войны с коалицией Великобритании, Австро-Венгрии и Турции в 1878 г.	120
<i>Пырвев Иван.</i> Борьба за мировое господство и Восточный кризис (1875–1878)	137
<i>Искендеров Пётр Ахмедович.</i> Великий Восточный кризис 1875–1878 гг. и его военно-политические последствия: мифы и реальность	148
<i>Чуркина Искра Васильевна.</i> Славянофилы и русское правительство во время Восточного кризиса 1875–1878 гг.	168
<i>Захарова Ирина Михайловна.</i> Рукопись генерала А.А. Алымова «Новачин» из собрания Государственного Эрмитажа	185
<i>Фролова Марина Михайловна.</i> Передовой отряд генерал-лейтенанта И.В. Гурко и болгары летом 1877 г. (по воспоминаниям участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг.)	198
<i>Петрунина Ольга Евгениевна.</i> Восточный кризис 1875–1878 гг. в освещении константинопольской газеты «Византис»	240
<i>Григорова Дарина.</i> Константин Леонтьев о Болгарском вопросе на Балканах	258
<i>Кузьмичёва Людмила Васильевна.</i> Достижение Сербией независимости в 1878 г. Иллюзии и реальность	271
<i>Соколовская Ольга Владимировна.</i> Сто лет борьбы Греции за расширение территории (1820–1920 гг.)	290

<i>Хлебникова Варвара Борисовна.</i>	
Российский дипломат А.С. Ионин о положении Черногории после Берлинского конгресса и о внешнеполитических планах России на западе Балканского полуострова	310
<i>Струнина-Бородина Наталия Григорьевна.</i>	
Проблемы черногоро-турецкого территориального разграничения по итогам Берлинского конгресса 1878 г. (в освещении журнала «Нива» в начале 1880-х годов)	325
<i>Гусев Никита Сергеевич.</i>	
Актуализация в России памяти о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. в военных конфликтах первой половины XX в.	342
<i>Данченко Светлана Ивановна.</i>	
«Освободители» и «победители». Из истории отечественной болгаристики	359
<i>Симов Михаил.</i>	
Хотела ли Россия болгарского Освобождения? Новые интерпретации и мифы в современной болгарской исторической и публицистической литературе	386
<i>Атанасова (Марчева) Илияна.</i>	
Празднование 140-летия русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в контексте болгаро-российских отношений 2007–2018 гг.	403
<i>Елдаров Светлозар.</i>	
Обзор военно-исторических исследований о Первой мировой войне в Болгарии	424
<i>Никифоров Константин Владимирович.</i>	
Ю.А. Писарев о русской эмиграция в Югославии	446
<i>Волокитина Татьяна Викторовна.</i>	
Между Сциллой и Харибдой: Болгария в геополитических расчетах Германии и СССР в начальный период Второй мировой войны	457
<i>Гуськова Елена Юрьевна.</i>	
Распадающаяся Югославия: можно ли было избежать войн?	479
<i>Энгельгардт Георгий Николаевич.</i>	
Соседи-враги. Городская война в Сараево в новеллах «Братья по улице» Желько Пржуля	500
Сведения об авторах	513

От редколлегии

Сборник статей «Славяне и Россия: Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность)» подготовлен на основе материалов международной научной конференции «VIII Никитинские чтения. Славяне и Россия», прошедшей в Институте славяноведения РАН в ноябре 2018 г. Представленные в нем статьи написаны на основе неопубликованных материалов из российских и зарубежных архивов и других источников с учетом актуальных достижений отечественной и мировой историографии. Авторы использовали в своей работе новейшие методы исторической науки, в том числе принципы междисциплинарных исследований, системный подход, сочетание проблемного и хронологического методов, основы ситуационной логики.

Впервые в российской исторической науке предпринята попытка проанализировать проблематику военно-политических процессов на Балканах сквозь призму российской политики в регионе. Неудивительно, что в центре внимания авторов статей оказались многочисленные мифы, бытующие в историографии и общественном мнении государств Юго-Восточной Европы.

Вошедшие в настоящий сборник статьи хронологически и проблемно делятся на три основных блока. К первому относятся исследования, посвященные различным аспектам Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг., открывшего новую эпоху в истории Балкан и в отношениях России и балканских народов. Указанные события рассматриваются в контексте национально-государственных интересов Санкт-Петербурга, а также на фоне развития общей внешнеполитической ситуации в Европе в указанный период. В этой связи следует упомянуть статьи: В.Б. Каширина «“Набег татарской множественным числом учинен...”: нашествие хана Крым-Гирея на Елисаветградскую провинцию Российской империи зимой 1769 г.», К.В. Мельчаковой «К вопросу о строительстве вооруженных сил в Боснии и Герцеговине в 1860-е годы», О.Е. Алпеева «Планирование Россией войны с коалицией Великобритании, Австро-Венгрии и Турции в 1878 г.»,

И. Пырвева «Борьба за мировое господство и Восточный кризис (1875–1878)», П.А. Искендерова «Великий Восточный кризис 1875–1878 гг. и его военно-политические последствия: мифы и реальность», М. Симова «Хотела ли Россия болгарского Освобождения? Новые интерпретации и мифы в современной болгарской исторической и публицистической литературе», И.В. Чуркиной «Славянофилы и русское правительство во время Восточного кризиса 1875–1878 гг.», И.М. Захаровой «Рукопись генерала А.А. Алымова “Новачин” из собрания Государственного Эрмитажа», М.М. Фроловой «Передовой отряд генерал-лейтенанта И.В. Гурко и болгары летом 1877 г. (по воспоминаниям участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг.)», О.В. Петруниной «Восточный кризис 1875–1878 гг. в освещении Константинопольской газеты “Византис”», Д. Григоровой «Константин Леонтьев о Болгарском вопросе на Балканах», Л.В. Кузьмичёвой «Достижение Сербией независимости в 1878 г. Иллюзии и реальность», а также О.В. Соколовской «Сто лет борьбы Греции за расширение территории (1820–1920 гг.)».

Вторую группу работ представляют статьи, посвященные событиям конца XIX — начала XX вв. Здесь следует выделить такие темы, как становление государственности у балканских народов, попытки разрешения существовавших между ними и усилившихся в новых условиях межгосударственных проблем, нарастание противоречий между балканскими народами и Османской империей, что в конечном итоге привело к Балканским войнам 1912–1913 гг., ставшим серьезным вызовом не только для Балкан, но и для России. Заложенные именно тогда противоречия во многом сохраняют свою актуальность и в наши дни. В данном контексте следует особо отметить статью В.Б. Хлебниковой «Российский дипломат А.С. Ионин о положении Черногории после Берлинского конгресса и о внешнеполитических планах России на западе Балканского полуострова», а также исследование Н.Г. Струниной-Бородиной «Проблемы черногоро-турецкого территориального разграничения по итогам Берлинского конгресса 1878 г. (в освещении журнала “Нива” в начале 1880-х годов)».

Наконец, третью группу статей составляют труды, посвященные военно-политической истории Балкан, и прежде всего Бол-

гории после Первой мировой войны и вплоть до конца XX в. Ключевое внимание в них уделяется истории формирования мифов о роли России в освобождении болгар и других балканских народов, укрепившихся в последнее время в историографии и публицистике государств Балканского региона. Особое внимание авторы посвящают задачам, стоящим перед учеными-историками в преодолении подобных ошибочных и тенденциозных представлений, наносящих серьезный ущерб межгосударственным отношениям, фальсифицирующих историю и оказывающих негативное влияние на имидж России на Балканах. Данную группу статей составляют работы: С.И. Данченко «“Освободители” и “победители”. Из истории отечественной болгаристики», И. Атанасовой (Марчевой) «Празднование 140-летия русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в контексте болгаро-российских отношений 2007–2018 гг.», Н.С. Гусева «Актуализация в России памяти о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. в военных конфликтах первой половины XX в.», С. Елдарова «Обзор военно-исторических исследований о Первой мировой войне в Болгарии», К.В. Никифорова «Ю.А. Писарев о русской эмиграции в Югославии», Т.В. Волокитиной «Между Сциллой и Харибдой: Болгария в геополитических расчетах Германии и СССР в начальный период Второй мировой войны» и, наконец, исследование Е.Ю. Гуськовой «Распадающаяся Югославия: можно ли было избежать войн?» и статья Г.Н. Энгельгардта «Соседи-враги. Городская война в Сараево в новеллах “Братья по улице” Желько Пржуля».

Редакционная коллегия сборника выражает надежду на то, что представленные в нем исследования вызовут интерес у российской и зарубежной аудитории и внесут достойный вклад в славяноведение и балканистику.

**«Набег татарской
множественным числом учинен...»:
нашествие хана Крым-Гирея
на Елисаветградскую провинцию
Российской империи зимой 1769 г.**

Аннотация:

Статья посвящена опустошительному грабительскому нападению крупных сил Крымского ханства под командованием хана Крым-Гирея на Елисаветградскую провинцию Российской империи (бывшую Новую Сербию) в январе 1769 г., в самом начале русско-турецкой войны 1768–1774 гг. В 2019 г. исполнилось 250 лет со времени этого знакового события, ставшего последним в истории крупномасштабным татарским нашествием на русские земли. В историографии до сих пор отсутствовало специальное подробное исследование по данной теме, а в существующей литературе укоренились тенденциозные и предвзятые оценки целей и результатов набега Крым-Гирея и действий русского командования, в первую очередь генерал-аншефа П.А. Румянцева. В статье освещаются предпосылки и подготовка нападения, планы и силы сторон, их действия, с воссозданием подробной хронологии и географии событий, анализируются разногласия между русскими военачальниками и причины их неудач, приводятся данные о потерях и материальном ущербе от татарского набега. Помимо известных источников, в исследовании впервые вводятся в научный оборот документы по данной теме из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ).

Ключевые слова:

русско-турецкая война 1768–1774 гг., Елисаветградская провинция, крепость Св. Елисаветы, Крымское ханство, П.А. Румянцев, А.С. Исаков, Крым-Гирей, Франсуа де Тотт, татарский набег 1769 г., Буджакская орда, Едисанская орда.

Vasily B.
KASHIRIN

**«The Tartar raid
in great multitude was committed»:
Khan Qirim Girai's incursion
into the Russian Empire province
of Yelisavetgrad in the winter of 1769**

Abstract:

The article is devoted to the depredatory and massive incursion of the Crimean Khanate forces commanded by Khan Qirim Girai into Yelisavetgrad province of the Russian Empire (former Novosserbia) in January 1769, at the very beginning of the Russo-Turkish war of 1768–1774. 2019 was marked by the 250th anniversary of this milestone event that became the last full-scale Tatar raid into Russian lands. There has been no special research devoted to this topic so far while in the existing historical works the assessments of the consequences of the Khan Qirim Girai's incursion and the actions of Russian military commanders, general en chef Pyotr Rumyantsev in particular, seem one-sided and biased. The article covers the prerequisites and preparations for the incursion, Russian military commanders' intelligence data, parties' plans and forces, their actions as well as recreation of detailed timeline and geographical scope; disputes among Russian military leaders and the reasons for their misfortunes are also analysed; records of losses and material damage are presented in this paper. Along with the well-known sources the author uses the documents from the Russian State Military Historical Archive and the Manuscripts Department of the Russian State Library that have not been introduced into scientific discourse.

Key words:

Russo-Turkish war of 1768–1774, Yelisavetgrad province, St Elizabeth's fortress, the Crimean Khanate, Pyotr Rumyantsev, Khan Qirim Girai, Alexander Isakov, François Baron de Tott, the Tatar incursion of 1769, the Budjak Horde, the Yedisian Horde.

Русско-турецкая война 1768–1774 гг. стала судьбоносной вехой в истории политики России на черноморско-балканском направлении*. После неудачного Прутского похода Петра I 1711 г. и кровопролитной, но бесплодной «Миниховской» войны 1735–1739 гг. Россия в ходе первой Екатерининской войны с Турцией добилась безоговорочного военного триумфа в Северном Причерноморье, впервые в своей новой истории перенесла боевые действия за Дунай, что имело огромное стратегическое и символическое значение, вошла в тесное и длительное военное и политическое соприкосновение с христианскими народами Балкан — от Дунайских княжеств до греческого Архипелага — и начала оказывать мощное влияние на их судьбы. В результа-

* Данный очерк является частью моего исследования о военной политике России в отношении Буджакской татарской орды в XVIII — начале XIX вв. Приношу благодарности моим коллегам и друзьям д.и.н. А.В. Ганину, к.и.н. О.Е. Алпееву и к.и.н. В.М. Муханову за их мысли и замечания по поводу моей рукописи или отдельных её тезисов.

те войны 1768–1774 гг. Россия решила многовековой татарский вопрос. 7 (18) июля 1770 г. на речке Ларга в Молдавии русская армия в последний раз в истории сошлась в полевом генеральном сражении с главными силами Крымского ханства, последнего осколка бывшего Улуса Джучи Монгольской империи, и разгромила их, что предопределило почти бескровное покорение Крыма год спустя. Это стало окончательной победой оседлой Руси в её тысячелетней борьбе с тюркскими кочевниками Великой Степи. Успехи русского оружия обеспечили безопасность южных владений России и дали мощный импульс их колонизации и хозяйственному освоению. После победы над татарами, подчинения, а затем и присоединения Крымского ханства многовековой татарский вопрос для России естественным образом перерос в вопрос Восточный — борьбу с Османской империей за освобождение балканских христиан.

Однако всему этому предшествовало одно примечательное событие, случившееся в самом начале войны, — крупный набег главных сил Крымского юрта и подвластных ему ногайских орд во главе с самим ханом Крым-Гиреем на южнорусские земли зимой 1769 г. «Это было последнее в нашей истории татарское нашествие!», — эмоционально воскликнул С.М. Соловьев¹, и данная оценка, утвердившаяся в исторической литературе, безусловно справедлива, хотя некоторые исследователи, о чём будет сказано ниже, и пытаются опровергнуть её.

Зимнее нападение 1769 г. стало первым актом начавшейся многолетней войны против Турции и Крыма, а также проверкой на прочность для стратегической обороны южнорусских рубежей и всей военно-колониционной политики России. Основной удар ханского войска пришёлся на земли молодой Елисаветградской провинции на правом берегу Днепра, которая до 1764 г. носила официальное название Новой Сербии, и немалую часть её населения составляли выходы с Балкан — преимущественно сербы с австрийской Военной границы, молдаване и валахи из Дунайских княжеств. В войске же хана, помимо татар из самого Крыма, присутствовали ногайцы из Буджакской и Едисанской орд, а также казаки-некрасовцы и турецкие сипахи, грекоязычные уроженцы Западных Балкан. Так что в это столкновение

оказались вовлечены представители разных этнических и религиозных групп, давние враги, встретившиеся с оружием в руках после десятилетий беспокойного мира. И события зимы 1769 г. неизбежно оказали влияние на их дальнейшие взаимоотношения, и в ходе той войны, когда боевые действия были перенесены уже на татарские земли, и после её завершения. Причем свои выводы сделали как военачальники и дипломаты, решавшие татарский вопрос на стратегическом уровне, так и строевые чины русской регулярной армии, поселенных и казачьих полков.

В нынешнем 2019 г. исполнилось 250 лет последнего татарского нашествия на Россию, и представляется полезным рассмотреть детально это событие, тем более что хотя оно и известно историкам, но специальное исследование о нём до сих пор не написано.

Первый подробный рассказ о татарском набеге зимой 1769 г. увидел свет в мемуарах его участника барона Ф. де Тотта, французского дипломата, резидента при дворе крымского хана. Франсуа (Ференц) де Тотт (1733–1793) был незаурядной личностью с интересной судьбой². Его дед и отец, венгерские дворяне, участвовали в восстании трансильванского князя Ференца II Ракоци против Габсбургов, затем его отец Андраш Тотт бежал в Турцию, вместе с другими венгерскими эмигрантами воевал с Австрией на турецкой стороне, поступил на французскую военную службу, позднее исполнял ряд дипломатических поручений при Высокой Порте и дворе крымского хана, получил от Людовика XV баронский титул. Франсуа де Тотт родился во Франции, в 9 лет в чине корнета поступил на службу в гусарский полк Бершени (создан из венгерских эмигрантов), с ним участвовал в войне за Австрийское наследство в 1743–1748 гг. и был ранен в битве при Лауфельде 2 июля 1747 г. В 1755 г. он выехал в Турцию в качестве секретаря своего зятя (мужа сестры) Шарля Гравье, графа де Верженна (1719–1787), назначенного послом Франции в Константинополе, и до 1763 г. прослужил в османской столице, где в совершенстве выучил турецкий и греческий языки и восточные обычаи. В 1767 г. барон Ф. де Тотт был назначен на должность консула Франции при дворе крымского хана. Зимой 1769 г. он сопровождал Крым-Гирея в течение всего его набеге на русские

земли в качестве ближайшего наперсника, ел за ханским столом и ночевал с ним в одном шатре, а после оставил яркое и красочное описание этого события.

Четырѐхтомные «Мемуары барона де Тотта о турках и татарах», изданные на французском языке в Амстердаме в 1784–1785 гг., мгновенно стали бестселлером, были переведены на другие европейские языки, а в дальнейшем активно использовались историками и приобрели статус классического источника³. Рассказ де Тотта о татарском набеге на Елисаветградскую провинцию сообщает бесценные фактические сведения об этом событии со стороны неприятелей России, достоверность которых, однако, вызывала сомнения у авторитетных исследователей. Так, крупнейший отечественный специалист по истории Крымского ханства профессор В.Д. Смирнов (1846–1922) резко критиковал мемуары де Тотта: «Ни одно сочинение не производит такого безотрадного впечатления своей высокопарностью, авторским самомнением, вздорностью содержания, обилием самопротиворечий, как мемуары этого французского дипломата, проявляющего в них развязность, нередко доходящую до хлыщеватости и как будто составляющую отличительную черту характера самого автора этих мемуаров»⁴. Помимо прочего, по мнению Смирнова, де Тотт сыграл важную роль в раздувании размеров приграничного инцидента в Балте в июне 1768 г., давшего Турции формальный повод к началу войны с Россией⁵. Заметим от себя, что оценка Смирновым авторского стиля изложения и характера самого де Тотта нам понятна и близка. Даже спустя два с половиной столетия у русского читателя не могут не вызывать отвращение то снисходительное добродушие и ирония, с которыми просвещенный и любознательный аристократ-европеец описывал зверства турок и татар, отрезание голов пленным и насилие над женщинами во время нападения на русские земли в 1769 г. Однако что касается «вздорности содержания», то, как мы увидим, здесь профессор Смирнов был далеко не прав, и мы попытаемся с помощью русских архивных документов проверить и подтвердить точность сведений де Тотта по самому широкому кругу вопросов.

Среди историков первым обратил внимание на татарский набег зимы 1769 г. Аполлон Александрович Скальковский (1808–1898),

«Геродот Новороссии», первопроходец изучения и автор монументальных трудов по истории Войска Запорожского и причерноморских владений России. Во 2-м издании своей «Истории Новой Сечи» (1846) он писал: «Жаль, что до сих пор имеем столь мало достоверных известий об этом важном для Новой-России событии; тогда как, быть может, потомки многих тогда действовавших лиц живы доселе и наследовали бумаги, современные наезду и поражению Крымцев»⁶. В своем описании татарского набега Скальковский использовал, помимо уже упомянутых мемуаров барона Ф. де Тотта, найденные им документы архива запорожского Коша (войскового правительства). Этот автор подчёркивал тяжёлые последствия опустошительного нападения татар на Елисаветградскую провинцию, хотя в целом в своих трудах всячески занижал численность населения и военный потенциал Крымского ханства и подвластных ему ногайских орд.

20 лет спустя, в 1866 г., вышел первый том пятитомного труда «Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769 по 1774 гг.» А.Н. Петрова (1837–1900), в то время — капитана Генерального штаба, будущего генерал-лейтенанта, начальника библиотеки Главного штаба и корифея отечественной военно-исторической науки⁷. Изучение русско-турецких войн стало делом всей жизни Петрова, а исследование войны 1768–1774 гг. — первым его научным трудом на этом поприще. Петров стал первопроходцем изучения документов Военно-исторического и топографического архива, будущего Военно-учёного архива Главного штаба, и ввёл в научный оборот колоссальный объём фактического материала по той войне. Он же первым описал с военно-исторической точки зрения татарский набег зимы 1769 г., который, однако, остался для Петрова сравнительно незначительным эпизодом военных действий. При этом он ограничился кратким изложением фактических данных, избегая любых оценок действий русских военачальников и, кроме того, не слишком глубоко интересуясь проблемами политической истории, демографии и военного дела Крыма.

В 1883 г. исследователь под инициалами «С.Е.»* опубликовал в журнале «Киевская Старина» русский перевод фрагмента

* Предположительно, София Николаевна Егунова-Щербина (1860–1940).

мемуаров де Тотта о татарском набеге 1769 г., снабдив их некоторыми комментариями⁸. Так этот ценный источник стал доступен широкой публике в России. Однако полноты фактографического освещения данного события автор публикации также не добился.

Военно-историческое исследование татарского набега 1769 г. было неразрывно связано с изучением полководческой деятельности графа П.А. Румянцева-Задунайского. К началу нападения Крым-Гирея будущий генерал-фельдмаршал, а тогда генерал-аншеф, занимал должности малороссийского генерал-губернатора, президента малороссийской коллегии и главнокомандующего 2-й армией и осуществлял общее руководство силами, давшими отпор татарскому нашествию. Выдающийся русский военный историк XIX в. генерал-майор Д.Ф. Масловский (1848–1894), пылкий адепт концепции «национального» военного искусства, первым воздал хвалу П.А. Румянцеву за то, что он при обороне южнорусских границ выступал сторонником «действий сосредоточенными силами» и объединения всех войск Украинской линии в три «подвижных отряда». По словам Масловского, «события 1769 г., при последних неудачных попытках вторжения татар в Южную Россию, вполне оправдали план Румянцева»⁹.

В дальнейшем эта оценка была некритично воспринята и ещё больше развита советскими военными историками, столь же рьяно искавшими и превозносившими достижения «национальной» школы военного дела. В послевоенном СССР критические оценки Румянцева были недопустимы по идеологическим и политическим причинам. Однако гиперболизированное восхваление его советскими историками привело к ряду грубых и вульгарных искажений истории русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и деятельности этого выдающегося отечественного полководца, что оказало, на наш взгляд, дурную услугу памяти и самого генерал-фельдмаршала, и многих его достойных сослуживцев (князя А.М. Голицына, Х.Ф. фон Штофельна, Ф.В. Бауэра, отчасти графа П.И. Панина и др.). Вслед за Д.Ф. Масловским, советские военные историки сделали общим местом утверждения о том, что мудрые и дальновидные распоряжения Румянцева осенью–зимой 1768–1769 гг. позволили в целом успешно отразить татарское нападение, а ответственность за частные неудачи, размер

которых затушёвывался, сваливалась на командующего войсками в Елисаветградской провинции генерал-майора А.С. Исакова, подчинённого Румянцева.

Ю.Р. Клокман, автор книги 1951 г. о деятельности графа Румянцева в ту войну, утверждал, что будущий генерал-фельдмаршал в условиях нехватки военных сил для обороны южно-русских границ решительно порвал с устаревшей «кордонной системой» и предложил вместо этого новаторское решение — держать войска сосредоточенно, в крупных подвижных отрядах, и гибко реагировать на действия противника. «Целесообразность и эффективность таких мероприятий немедленно же сказалась при успешном отражении татарского набега зимой 1769 г. Крымская конница, перейдя границу, вторглась в пределы России на широком фронте. Часть татар во главе с самим крымским ханом двинулась в Елисаветградскую провинцию, в то время как остальные, действуя двумя отдельными отрядами, направлялись к Бахмуту и Волчьим водам. Эти последние были обнаружены и разбиты. Рассеянные остатки их бежали обратно в Крым. Что же касается отряда крымского хана, то ему, вследствие преступной пассивности командующего войсками генерал-майора Исакова, удалось прорваться почти до крепости св. Елисаветы и проникнуть затем еще далее в глубь провинции. Но крымский хан недолго пользовался своей безнаказанностью. Преследуемый русскими войсками, он вскоре также вынужден был поспешно уйти из Елисаветградской провинции и скрыться за турецкой границей, удержав часть награбленного имущества»¹⁰.

Так в чеканных формулировках того сурового времени было дано универсальное объяснение случившегося и назначены без права апелляции герои (генерал-аншеф П.А. Румянцев) и виновные (генерал-майор А.С. Исаков). Проблема в том, что трактовка Ю.Р. Клокмана отличалась не только вульгарным упрощением, но прямым искажением драматических событий, произошедших на южных рубежах России зимой 1769 г. Как мы увидим, ложью были утверждения историка о сосредоточенных подвижных отрядах русской армии, о преследовании ими хана и его поспешном бегстве, об общей эффективности оборонительных мероприятий Румянцева.

Автор комментариев к трехтомному сборнику документов П.А. Румянцева полковник П.К. Фортунатов полностью повторял концепцию Д.Ф. Масловского и Ю.Р. Клокмана и утверждал, что «Румянцев в пределах возможностей, предоставленных ему по должности “главного малороссийского командира”, успел кое-что заблаговременно предпринять для усиления обороноспособности южных границ России» и, главное, избрал «единственно правильный путь — отказ от прикрытия границ лишь линией мелких крепостей», что якобы представляло крупное новшество в области военной мысли¹¹. По словам советского военного историка, Румянцев разработал «свой план обороны, основанный на использовании крупных подвижных отрядов». «Быстрая ликвидация набега, организованного ханом в направлении Волчьей Воды — Бахмут, убедительно доказала принципиальную правильность вышеуказанного плана Румянцева, решительно порывавшего с системой пассивной кордонной обороны»¹². В настоящем очерке нам придется показать на фактическом материале, насколько далеки эти оценки от действительности.

В наше время вопросами истории Крымского ханства, ногайских орд и татарско-южнорусского пограничья в XVIII в. давно и плодотворно занимается украинский исследователь В.В. Грибовский. В ряде своих публикаций он обращается к событиям начала русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и роли в них Крымского ханства¹³. При этом его трактовка нападения хана Крым-Гирея на Елисаветградскую провинцию зимой 1769 г. является ревизионистской; сам автор претендует на «деконструкцию мифа» о «последнем татарском набеге». Якобы, «фактически, это предприятие не было ни набегом, ни татарским, ни последним»¹⁴. Свою точку зрения Грибовский обосновывает следующим образом. По его мнению, между Россией и Крымским ханством к второй половине XVIII в. сложились упорядоченные и «нормальные» для двух соседствующих государств отношения в политической и военной сфере, и, как утверждает автор, некорректно сводить «военные возможности Крымского ханства» к «архаичным набеговым практикам»¹⁵. В русле этой концепции, нападение Крым-Гирея трактуется как обычная для военного дела того времени операция соединённых сил Крыма и Османской Порты, пре-

следовавшая военно-стратегические, а вовсе не грабительские цели. По мнению Грибовского, тезис о военно-грабительском характере действий позднего Крымского ханства в отношении российских владений был искусственным идеологическим конструктом, созданным властями России в собственных внешнеполитических целях¹⁶. Неясно, является ли это утверждение автора его попыткой применить модную на Западе демагогическую концепцию «ориентализма» Э. Саида к историческому материалу южнорусских степей, или же оно обусловлено идеологической конъюнктурой текущего момента.

Ещё один тезис В.В. Грибовского заключается в том, что нападение Крым-Гирея «не было “национально” татарским, ввиду того, что основную часть войск составляли не крымские татары, а ногайцы, также турки, казаки-некрасовцы, поляки (члены Барской конфедерации) и французские военные»¹⁷. А последними татарскими набегами этот автор склонен считать нападения татарских сил под началом калги-султана* на земли Войска Запорожского низового в августе-сентябре 1769 г. и даже более поздние мелкие вылазки.

Не оспаривая научные заслуги и обширные познания В.В. Грибовского в истории Крымского ханства, мы считаем данные его тезисы ошибочными, к тому же подкреплёнными рядом неточных фактов и посылок. Как уже было отмечено, С.М. Соловьев писал, и совершенно верно, о последнем татарском «нашествии», а не «набеге», что, не меняя прочей семантики, указывает на иной масштаб события. В зимнем нападении 1769 г. участвовало массовое ополчение военных сил всего Крымского юрта под личным руководством хана, тогда как внезапная вылазка калги Шехбаз-Гирея летом того же года (якобы «наиболее интенсивные диверсионные рейды», по Грибовскому) была совершена небольшим отрядом, по некоторым данным, всего около трёх тыс. человек. В последнем случае татары ловко воспользовались малочисленностью русских сил в Приазовье и Левобережье Днепра

* Калга, или калга-султан, — высшая, после самого хана, должность во властной иерархии Крымского ханства в XV–XVIII вв., занимавшаяся одним из членов правящего дома Гиреев, как правило, одним из ближайших родственников хана. В отсутствие хана калга-султан обыкновенно выступал его наместником. Резиденция калги располагалась в Акмесджиде (Ак-Мечеть, Симферополь).

из-за ухода союзных калмыков к своим улусам, прорвались в земли «запорожских вольностей» на реке Самаре и разорили там ряд слобод и зимовников. Грибовский с помощью анахроничных понятий, словно взятых из работы о спецназе XX–XXI вв., характеризует действия татар в том эпизоде как «диверсионный рейд, направленный на уничтожение населения, экономики и административной инфраструктуры вражеской территории»¹⁸, и делает гротескный вывод о том, что это «меняет устоявшиеся представления о военных возможностях Крымского ханства в последние годы своего существования»¹⁹. На наш взгляд, эта гипертрофированная оценка не имеет фактического подтверждения, а выражение «удачный грабительский набег» описывает данное событие гораздо ближе к реалиям той эпохи. И уж, конечно, нет оснований видеть «последний набег» в неуспешном рейде татарского отряда в 500 человек в начале июня 1770 г.²⁰. Отметим, что мелкие разбойничьи вылазки ногайских татар из-за Кубани на казачьи поселения происходили даже в XIX в., но в исторической ретроспективе это едва ли даёт основания рассматривать их как «последние татарские набеги» на Русь.

В.В. Грибовский, ранее предложивший собственную типологию и классификацию татарских нападений в XVIII в.²¹, утверждает, что вторжение Крым-Гирея зимой 1769 г. было якобы не традиционным грабительским набегом, который у турок и татар обозначался понятием «чапул» (тур. *çapul* — «грабёж», «разбойничий набег»)*, а военной экспедицией османских вооружённых сил с целью взятия крепости Св. Елисаветы, юго-западного форпоста России, и разрушения «коммуникаций, поддерживаемых через сеть укреплений — шанцы»²². Однако это утверждение блистательно опровергается словами непосредственного участника тех событий, французского дипломата Пьера Жана Рюффена (*Pierre Jean Ruffin*; 1742–1824), заместителя и преемника де Тотта в качестве резидента при ханском дворе. Уже на склоне

* Большой турецко-русский словарь даёт следующие значения слова *çapul*: «грабёж, разбой, ограбление, разбойничий набег; мародёрство». И производные от него слова *çapulculuk* — «ограбление, разграбление, грабёж, разбой, бандитизм; мародёрство»; *çapulculuk harpleri* — «грабительские войны», *çapullamak* — «совершать разбойничьи набеги, грабить». См.: Большой турецко-русский словарь / Баскаков А.Н. и др.: 200 тыс. слов и словосочетаний. 2-е изд. М., 1998. С. 169.

своих лет Рюффен писал: «Я вспоминаю, что в январе 1769 года, вместе с г-ном бароном де Тоттом в Томбасаре (т.е. в Дубоссарах. — В. К.), на границе Бессарабии и Польши, уже в походе на *чанул* (или в набег), который татары решили совершить в Новую Сербию, албано-турецкие сипахи пришли представить хану Крым-Гирею, который командовал этой экспедицией, двух детей семи-восьми лет в двух корзинах, размещенных на лошади»*. Итак, опытный драгоман-ориенталист Рюффен, родившийся, проведший большую часть жизни и умерший в Османской империи и лично участвовавший в нападении на Елисаветградскую провинцию, называет его ясным и недвусмысленным турецким словом «*чанул*». Не может быть сомнений, что именно так это предприятие воспринимали и сами татары²³. И, как мы увидим, целый ряд других источников столь же недвусмысленно показывает, что основной целью нападения был грабёж и захват ясыря.

Что же касается этнического состава вторгшихся сил, то общеизвестно, что основой военно-мобилизационного потенциала Крымского ханства в XVIII в. были татары четырех подвластных ногайских орд. Две из них, Буджакская и Едисанская, составили ядро войска Крым-Гирея в 1769 г., и абсурдно, что В.В. Грибовский обособляет их от понятия «татарский». Автор не раз повторяет об участии в ханском нападении на Елисаветградскую провинцию польских конфедератов и французов. По его словам, «крымское войско [...] было усилено французскими офицерами, командовавшими турецкими отрядами, к которым российское командование относилось весьма серьезно»²⁴. Это утверждение абсолютно неверно. Автор ссылается на «Записки» князя А.А. Прозоровского, где на указанной странице говорится, что Прозоровский, действовавший со своим кавалерийским корпусом зимой 1769 г. в польской Подолии, прилагал усилия к поимке французского консула де Тотта и «других той же нации

* В оригинале: «Je me suis ressouvenu qu'étant en janvier 1769 avec M. le baron de Tott à Toumbassar, sur la frontière de la Bessarabie et de la Pologne, déjà en marche pour le *tchiapoul* (ou l'incursion) que les Tartares avaient résolu de faire dans la Nouvelle-Servie, des sipahi albano-turcs vinrent présenter à Krim Guéraï Khan, qui commandait cette expédition, deux enfants de sept à huit ans dans deux paniers posés sur un cheval». Цит. по: *Deherain, Henri. La mission du baron de Tott et de Pierre Ruffin... P. 10.* Дети-сипахи, о которых шла речь, были вынуждены участвовать в походе, чтобы сохранить в держании свои военно-ленные наделы.

офицеров»²⁵. Участие французских офицеров в деятельности Барской конфедерации общеизвестно. Очевидно, до генерал-майора Прозоровского дошла информация о дипломатической поездке де Тотта из Каушан от Крым-Гирея к конфедератам под Хотин в декабре 1768 г. Но из цитированного источника никак не следует, что французские офицеры в составе войска Крым-Гирея участвовали в нападении на русские земли и, тем более, командовали в нём турецкими подразделениями. Известно лишь о трёх французах, бывших в том походе, — это уже упомянутые дипломаты Ф. де Тотт и П.Ж. Рюффен, а также их третий спутник по фамилии Кустиллье (*Coustillier*). Все трое жили в одной палатке и ограничивались выполнением исключительно представительских и наблюдательных функций при свите хана. Повторим, что Ф. де Тотт в отрочестве и ранней юности служил в гусарском полку и имел боевой опыт, но его военная служба завершилась, по меньшей мере, за полтора десятка лет до начала русско-турецкой войны. Позднее де Тотту по воле обстоятельств военного времени пришлось сыграть важную роль в организации фортификационной обороны Дарданелл и реформе турецкой артиллерии, но нет ни единого упоминания о том, что в ходе нападения Крым-Гирея он играл роль офицера или инструктора и хоть малейшим образом влиял на действия орды.

Столь же неверно и утверждение В.В. Грибовского об участии в нападении на Елисаветградскую провинцию польских конфедератов. В действительности представители Барской конфедерации, несмотря на достигнутые договоренности, не прислали Крым-Гирею обещанных сил и, главное, пушек²⁶. Перед вторжением в русские пределы небольшая часть ханского войска была направлена, прежде всего, с целями фуражировки, в земли польской короны, где татары и турки действовали совместно с конфедератами²⁷. Однако нет данных, что поляки участвовали в нападении Крым-Гирея на Елисаветградскую провинцию, за исключением упоминаний, что на обратном пути через польские Смелянщину и Уманщину отдельные, поимённо известные конфедераты служили проводниками для орды. Участие же в походе Крым-Гирея крупного контингента турецких войск, о чём будет подробно сказано ниже, действительно придало этому военному

предприятию особую специфику, но никак не изменило при этом его целей и сущности крупномасштабного грабительского набега. Само нападение татарского войска зимой 1769 г. в работах В.В. Грибовского описывается кратко, по вторичным источникам и с рядом неточностей²⁸.

Итак, до сих пор не существует специального исследования о нападении Крым-Гирея на Елисаветградскую провинцию и о действиях русских военных властей по его отражению. Основными источниками для написания данного очерка послужили документы из фонда Военно-учёного архива (ф. 846) в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) — донесения разведки из турецких и татарских земель, письма кошевого атамана, рапорты, ордера и прочая служебная переписка местных военных властей, ведомости о численности войска, реляции П.А. Румянцева к императрице и т.д. Полтора века назад эти дела были просмотрены и частично использованы А.Н. Петровым в его труде, однако многие ценные документы так и не были введены в научный оборот ни им, ни позднейшими исследователями. Кроме того, в книге Петрова фактические сведения, как правило, приводятся без указания источников и без ссылок на документы, так что использование материалов из фонда ВУА по стандартам современной науки представляется полезным и оправданным.

Кроме того, привлекались также материалы из личного фонда братьев Н.И. и П.И. Паниных (ф. 222) из Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), в частности, письма к Никите Панину П.А. Румянцева за конец 1768–1769 гг. Эти дела не введены в научный оборот в полном объёме. Ценным источником являются опубликованные как в дореволюционное, так и в советское время документы П.А. Румянцева периода русско-турецкой войны 1768–1774 гг.²⁹. Также нами были широко задействованы вышеупомянутые записки барона Ф. де Тотта, как русский перевод его рассказа о набеге на Новую Сербию, так и французский оригинал, для сверки некоторых названий и терминов*.

* Записки де Тотта о походе Крым-Гирея широко цитируются в данном очерке, но мы всё же рекомендуем читателю ознакомиться с полным текстом этого источника, сочетающего в себе высокую фактографическую ценность и увлекательность слога.

Большое значение имеют записки генерал-фельдмаршала князя А.А. Прозоровского, в то время — генерал-майора и командира русского передового корпуса лёгких войск, стоявшего в Польше близ молдавской и татарской границ³⁰. Фактически, это — его личный журнал военных действий, в котором отражены и события начала 1769 г. Ценные сведения о происходившем накануне и во время татарского набега содержатся в известных воспоминаниях сотрудника российского посольства в Константинополе П.А. Левашева³¹ и австрийского купца Н.Э. Клеемана³².

Совокупность всех этих источников позволит подробно реконструировать ход событий, их хронологию и географию, осветить вопросы мобилизационного потенциала Крымского ханства в его последнюю войну, разведывательную деятельность и подготовку русского командования к отражению татарского нападения, эффективность действий высшего и местного воинского начальства.

Орды собираются в набег

Поводом к началу войны с Россией для Османской империи послужил известный инцидент в Балте в июне 1768 г., когда нападение гайдамаков сотника Семёна Шила на польский Юзефгруд перекинулось через пограничную реку Кодыма на «ханское местечко» Балта и другие соседние слободы, подвластные Крыму. Это привело к нескольким дням жестоких погромов и взаимных столкновений христианского, еврейского и мусульманского населения. Исчерпывающе подробное документальное исследование этого инцидента ещё не написано, и по историческим работам кочует утверждение, что вслед за гайдамаками на ханскую Балту якобы напал преследовавший их русский отряд полковника О.И. Вейсмана (будущего героя турецкой войны, «Ахилла русской армии», павшего в бою при отступлении от Силистрии в 1773 г.)³³. Однако это явная неточность. Действуя против конфедератов, Вейсман нарушал границы Молдавского княжества и непочтительно отвечал господарю, но нет никаких фактов, уязвляющих русские войска с Балтским инцидентом³⁴. Тем не ме-

нее, поскольку гайдамаки повсюду называли себя запорожцами и имели несколько захваченных в шляхетских усадьбах пушек, это дало Порте основания обвинить Россию в военном нападении.

25 сентября (6 октября) 1768 г.* великий визирь Силахдар Хамза Махир-паша вызвал российского посла тайного советника А.М. Обрескова и на торжественной аудиенции в присутствии большого числа сановников и иностранцев объявил ему о начале войны с Россией, после чего тот со всеми сотрудниками посольства был заточен в Едикуле (Семибашенный замок). Большая полевая армия могла быть собрана Портой не раньше весны следующего года, но в Константинополе приняли решение, не теряя времени, начать военные действия с крупномасштабного нападения сил Крымского ханства на южные земли России уже ближайшей зимой. Специально для этого был смещён хан Максуд-Гирей, возвращён из ссылки и вновь возведён на ханский престол Крым-Гирей I (1717–1769), ранее уже правивший в Крыму в 1758–1764 гг. и известный своей воинственностью. Как писал А.А. Скальковский, «чтобы вести наступательную войну, вызван был достойный предводитель авангарда, — герой Ногаев, Крым-Гирей, хан Крымский»³⁵.

Это был последний в истории Крымского юрта выдающийся правитель из дома Гиреев. По отзывам современников, в Крым-Гирее парадоксальным образом сочетались властность и волевые черты характера, импульсивность, жестокость, алчность, но расточительность и щедрость в отношении своих соратников, любовь к искусству и зодчеству (считается, что для него был построен знаменитый бахчисарайский Фонтан слёз), интерес ко всему европейскому, увлечение музыкой и театром, крайние даже по меркам восточных деспотов гедонизм и сластолюбие, и при всём этом — склонность к ипохондрии³⁶. Русский посол А.М. Обресков отмечал, что Крым-Гирей «нраву беспокойного, величе-

* В то время и Россия, и Дунайские княжества, и все христианские народы Балканского полуострова жили по «старому» Юлианскому календарю. Однако французский дипломат барон Ф. де Тотт жил по Григорианскому календарю и по нему датировал описываемые им события. В данном исследовании все события даются с двойной датировкой, чтобы читателю было проще соотнести их с современными календарно-климатическими реалиями и для избежания путаницы. Напомним, что в XVIII в. старостильный Юлианский календарь отставал от Григорианского всего на 11 дней.

ват, предприимчив и к повелениям Порты невеликое уважение имеет»³⁷. По словам русского дипломата П.А. Левашева, хан был «храбр, предприимчив и до крайности вспыльчив»³⁸. По отзыву Н.Э. Клеемана, Крым-Гирей, «человек роскошный и расточительный», был любим подданными-мусульманами и ненавидим христианами, из которых он умел выжимать последний грош³⁹. По выражению Клода-Шарля де Пейссоннеля (1727–1790), французского консула в Крыму в 1750-е годы, ещё до своего первого восшествия на престол Крым-Гирей был «кумиром всей нации» (*l'idole de toute la nation*)⁴⁰. Этот дипломат вообще оставил самый восторженный отзыв о Крым-Гирее: «Никогда султан (т.е. принц из дома Гиреев. — В. К.) не был более любим татарами и, быть может, никогда не был он более достойным этого. Он выгодного роста, с приятным лицом, и крепким телосложением, он непроницаем ни для чего, он обладает живым умом, основательными суждениями, тонким вкусом, и достаточно обширными познаниями; он жаждет славы, всецело поглощен заботами о своем честном имени, любитель искусств, стремящийся научиться, образовать себя, знающий и покровительствующий достоинству: он любит чрезмерно роскошь и простер бы пышность до излишества (если бы средства хана ему позволили это); его щедрость не знает границ; таким образом, с достаточно обильными для султана доходами, он всегда был в долгу, он очень склонен к удовольствиям (развлечениям), но никогда не позволяет себе никакого напитка и неумолим к тем, кто посягнул на этот пункт закона, больше из любви к порядку, чем из усердия по отношению религии; он непоколебим в своих решениях, тверд в неудачах, бесстрашен в опасности, но абсолютно уверен в своих желаниях, не считаясь совершенно с опасностью и подвергая себя каким бы то ни было опасностям, для достижения своей цели. Его любовь к справедливости и его строгость были бы добродетелями, если бы не были доведены до крайности; но он всегда склонен к тому, чтобы читать большие проповеди за маленькие ошибки. Он приветлив до вольности с низшими и надменен и величественен до гордости с высшими; он непреклонен и неумолим к тем, кто осмеливается противоречить ему в чем-нибудь и кого он считает способным противодействовать его целям и всегда великодушен

к ним, после того, как одержит над ними верх. Он не дал ни одного примера мщения, но его упрекают в злобных побуждениях и вспыльчивости, которая была бы большим пороком, если бы сопровождалась злопамятностью и если бы не сменялась милостью (милосердием)»⁴¹. В отношении России Крым-Гирей был всегда настроен воинственно. Ещё в первое свое правление он похвалялся «повесить свою плеть на столице русских, Петербурге, и заставить их вновь платить дань, как это было при его отцах и дедах, от которой они давно отстали»⁴².

Одним словом, это была крупная и незаурядная историческая личность, а с точки зрения османских властей главную ценность Крым-Гирея составляли его авторитет как военного вождя, а также популярность и влияние на ногайские орды — главную военную силу Крыма. Буджакская и Едисанская орды занимали особое место в жизни и правлении Крым-Гирея. В 1748–1750 гг. он был сераскер-султаном* Буджакской орды, во главе которой, по данным восточных источников, совершил разорительный поход в Молдавию вплоть до самых Ясс⁴³. В 1758 г., возглавив мятеж недовольных ногайцев Едисанской орды, Крым-Гирей, по сути, сам возвёл себя на ханский престол, и Порта была вынуждена одобрить это. Став ханом, Крым-Гирей построил дворец в Каушанах, фактически сделав столицу Буджакской орды своей второй главной резиденцией⁴⁴. В августе 1764 г. из-за неудачного похода на кавказских горцев он был смещён Портой с ханского престола и восстановлен на нём в самом начале войны с Россией⁴⁵.

Вернувшись из ссылки на Кипре и прибыв в Константинополь 17 (28) октября 1768 г., Крым-Гирей был торжественно принят султаном, получил знаки инвеституры в ханское достоинство, роскошное облачение и иные подарки, участвовал в совещаниях о предстоящих военных действиях⁴⁶. Именно тогда было решено, что главным объектом нападения станут земли русской Новой Сербии (французскими дипломатами в Турции использовалось это название, хотя область к тому времени была уже преобразована в Елисаветградскую провинцию).

* Сераскер-султан — в XVIII в. титул наместника-правителя подвластной Крыму ногайской орды; эта должность, как правило, занималась одним из ближайших родственников правящего хана, высоко стоящим в очереди престолонаследия.

Уже упомянутый француз Пьер Рюффен, спутник и преемник Ф. де Тотта при ханском дворе, будучи захвачен лихими русскими гусарами в Яссах год спустя, в сентябре 1769 г., сообщил на допросе, что целью набега было «разорить колонии, цветущее состояние которых возбуждало зависть соседей», «заинтересовать добычей татарскую нацию, не получавшую от Порты никакой платы»⁴⁷. Про захват крепости Св. Елисаветы, уничтожение «инфраструктуры и коммуникаций» ничего не говорилось. Татарское нападение изначально планировалось как грабительский «*чанул*», но в максимально крупных размерах. Это позволило бы удовлетворить экономические интересы Крыма и ногайских орд и обеспечить их активное участие в предстоявшей большой войне, уменьшив вероятность сепаратного мира с Россией. Так что стратегическая цель Порты и хищнические устремления татар в данном случае в полной мере совпадали.

Ещё до своего прибытия из-за Дуная хан назначил в Каушанах общий сбор татарской аристократии и конного войска подвластных орд. 13 (24) ноября Крым-Гирей вместе с бароном Ф. де Тоттом отбыли из Измаила в Каушаны и прибыли туда 17 (28) ноября⁴⁸. Французский консул вспоминал: «Каушаны стали центром Татариин: отсюда исходили все распоряжения, сюда стекались со всех сторон; толпа придворных увеличивалась с каждым днем»⁴⁹. В этом не было ничего необычного. Австрийский купец Николаус Эрнст Клееман, находившийся как раз в те дни в Буджаке, писал: «Ковшан редко видеть можно на карте, хотя сей город нарочито велик и есть Резиденция Хана Татарского, когда Султан имеет войну с Европейским Государем»⁵⁰. Здесь же, в столице Буджака, Крым-Гирей вёл переговоры с посланцем польских конфедератов, обсуждая с ним планы совместных действий⁵¹.

У барона де Тотта содержатся ценные сведения о подготовке нападения: «Набег на Новую Сербию, решенный в Константинополе, был принят в собрании знатных татарских вассалов и по всем провинциям отданы были распоряжения о призыве к воинской повинности. Требовалось по три всадника с каждого восьми семейств; это число считалось достаточным для образования 3-х армий, которые должны были напасть одновременно: армии

Нурадина* в 40,000 человек было сказано идти к Донцу, армия Калги в 60,000 человек должна была следовать по левому берегу Днепра, к Орели, а стотысячная армия, под личным предводительством хана, назначена была проникнуть в Новую Сербию. Войска едисанской и буджакской орды были преимущественно назначены в эту последнюю армию, сборный пункт которой был назначен близ Томбашара (Дубоссар. — *В. К.*)»⁵². По словам французского эмиссара, каждый татарин имел при себе двух или трёх лошадей, и всего при ханском войске их было около 300 тысяч.

Данные о численности ханского войска зимой 1769 г. противоречивы, как то всегда бывает со средневековыми армиями азиатских и кочевых народов. Ф. де Тотт называет намеченные Крым-Гиреем размеры созываемого войска — 200 тыс. человек. При мобилизационной нагрузке в три человека от восьми семейств, это позволяет вывести цифру в 530 тыс. семейств для всего населения Крымского ханства и подвластных орд от Прута и Дуная до Кубани, что представляется не чрезмерным и потому правдоподобным, в первую очередь учитывая оседлый характер и достаточно высокую плотность татарского населения Буджака и самого Крымского полуострова в то время. Однако французский дипломат ничего не говорит о том, насколько эффективно были выполнены мобилизационные мероприятия и сколько татар в итоге собралось в поход.

Этот вопрос крайне важен и для описания зимнего нашествия 1769 г., и для общей оценки демографического и военного потенциала Крымского ханства в середине XVIII в. Полностью достоверных данных о численности населения и вооружённых сил державы Гиреев в середине XVIII в. нет. По оценке крупного знатока военного дела раннего Нового времени В.В. Пенского, во второй половине XVI — первой половине XVII вв. Крымское ханство при значительном усилии могло выставить в поле 40–60 тыс. конных воинов⁵³. Однако за следующее столетие мобилизационный потенциал ханства существенно вырос, за счёт мигра-

* Нуреддин, или нуреддин-султан, — третья по значимости должность во властной иерархии Крымского юрта, после хана и калги; также занималась одним из представителей дома Гиреев. — *В. К.*

ции кочевых ногайских орд из приволжских степей на подвластные Крыму земли, подчинения татарского Буджака власти хана и частичной седентаризации (перехода к оседлому образу жизни) татар на Крымском полуострове и в Буджаке.

А.А. Скальковский считал, что численность ногайских орд в XVIII в. была невелика. Он писал, без указания источника: «Таким образом все Орды вместе имели 23,500 или положим до 24,000 казанов (то есть котлов, или семей. — *В. К.*), и в случае крайней нужды и опасности могли доставить Хану до 25,000 всадников; всё же народонаселение Ногайское в начале XVIII столетия не превышало 60,000 душ обоего пола, а к концу того века значительно уменьшилось»⁵⁴. В более современной историографии существуют такие оценки: «Имеющиеся источники позволяют говорить о 250–300 тыс. чел. в середине XVIII в. (Крым и причерноморские степи). В 70–90-х гг. XVIII в. численность татарского населения значительно сократилась в результате военных действий и эмиграции. К концу XVIII в. оно составляло около 160 тыс. чел.»⁵⁵. Однако ни ссылок, ни конкретизирующих данных по численности населения Крымского ханства перед войной 1768–1774 гг. авторы не приводят. Если о населении собственно Крымского полуострова после Кючук-Кайнарджийского мира ещё можно судить по переписям, хоть потери от войны и миграции с трудом поддаются учёту, то по причерноморским ногайским ордам достоверных демографических данных нет в принципе. Тем не менее, в источниках и научной литературе содержится много указаний на численность военных сил Крымского ханства в XVIII в.

В феврале 1711 г. набег на правобережную Украину совершила Буджакская орда силой в 40 тыс. человек, считая присоединившиеся к ней отряды янычар, шведов и мазепинцев. Из них собственно татар было около 30 тыс.⁵⁶. Во время же Прутского похода Петра I летом 1711 г. на том театре войны против него действовали главные силы Крымского ханства, численностью от 70 до 100 тыс. человек. Зимой 1737–1738 гг., по сообщению информатора русской разведки, собравшееся при Хан-Кышле для набега на русские владения ханское войско, в которое входили татары Крыма, Буджака, Эдисана и других ногайских орд, на-

считывало 80 тыс. человек⁵⁷. Летом 1738 г. против наступавшей русской армии на Южном Буге действовало войско под командой ханского сына Халим-Гирея, сераскер-султана Буджака, силой в 75 тыс. всадников из буджакских и едисанских ногайцев⁵⁸. В неудачном набеге на Украину в феврале 1739 г. участвовало 40 тыс. человек Буджакской орды под началом султана Ислам-Гирея⁵⁹. Наконец, во время знаменитого мятежа Едисанской орды против ханской власти в 1758 г. под знамёна мятежников вначале собралось 40 тыс. человек. Против них было двинуто верное хану войско Буджакской орды под началом сераскер-султана Саадет-Гирея, силой, по разным данным, 30–40 тыс. воинов. Тогда едисанцы, очевидно, путем поголовного ополчения мужского населения, выставили до 80 тыс. человек, разбили буджакское войско и перенесли военные действия на правый берег Днестра. В итоге Буджак присоединился к мятежу, и совокупные силы двух ногайских орд в сентябре 1758 г. совершили чудовищно опустошительное нападение на Молдавию, разорив большую часть княжества до самых Карпат. По данным свидетеля тех событий Ш.-К. де Пейссоннеля, на Молдавию тогда напало войско силой в 80 тыс. человек⁶⁰. По сведениям русского дипломата П.А. Левашева, в тот раз претендент на престол Крым-Гирей собрал ногайское войско силой в 30 тыс. человек, с которым разорял молдавские и валашские земли⁶¹.

Отметим следующее: различные данные о конфликтах первой половины XVIII в., как правило, показывают, что Буджакская и Едисанская орды нормально могли выставить для участия в военных походах примерно по 30–40 тыс. человек каждая. Общая же сила Крыма была ещё больше. К.-Ш. де Пейссоннель писал: «Военные силы татарского хана очень значительны, он свободно может собрать 150 000 и даже 200 000 человек. Содержание самых больших армий не стоит ему ничего: все дворяне обязаны идти со своими вассалами и каждый солдат носит в своем мешке достаточно, для того чтобы пропитаться три месяца»⁶².

Именно многолюдные Буджакская и Едисанская орды составили ядро войска Крым-Гирея перед его нападением в 1769 г. Помимо них, в Балте к ханскому войску присоединился и принял участие в походе на Новороссию присланный турецким султаном

корпус силой около 10 тыс. конников-сипахов, преимущественно арнаутских* тимариотов⁶³, т.е. уроженцев Западных Балкан (де Тотт разговаривал с ними по-гречески), а также отряд некрасовцев («Игнат-казаков»**), которые, как наиболее боеспособные воины, были присоединены к гвардии Крым-Гирея. Любопытно, что уже в ноябре 1768 г. крупный конный корпус арнаутов-тимариотов находился под Хотинном на Днестре. То есть, учитывая традиционно низкую скорость сбора тимариотского ополчения, они были созданы и направлены на границу ещё до начала войны с Россией. И вообще, сам факт участия крупного конного отряда османской армии в зимнем татарском походе на русские земли представляется беспрецедентным и потому примечательным. И хотя русские военачальники придавали этому большое значение, в действительности присутствие турецких сипахов в войске Крым-Гирея не повлекло никаких изменений в тактике, эффективности и целях грабительского татарского «*чанула*». Что касается упомянутого Тоттом отряда «Игнат-казаков», т.е. некрасовцев, то не вполне ясно, когда и каким путем они прибыли для участия в ханском набеге. Основная масса некрасовцев в то время продолжала жить на Кубани, на землях, подвластных крымскому хану.

В вопросе о численности войска Крым-Гирея корифей изучения русско-турецких войн А.Н. Петров допускает путаницу. Ссылаясь на «подлинный рапорт хана» (неясно, что за документ имеется в виду), он пишет, что собравшееся в Балте перед нача-

* Слово «арнаут» в словаре эпохи русско-турецких войн XVIII — первой половины XIX вв. имело целый ряд значений. Изначально это слово (от турецкого *arnavut, arnavutar*) означало «албанец», но затем стало распространяться и на представителей других народов Западных Балкан. Затем этим словом начали обозначаться иррегулярные формирования как в османской армии, так и на наемной службе у местных правителей, включая и господарей Дунайских княжеств. Наконец, этим же словом «арнаут» стали называться чины иррегулярных добровольческих отрядов, сформировавшихся в русской армии во время войн с Турцией из разноплеменных задунайских выходцев, жителей Валахии и Молдавии и приграничных польских областей. В этих отрядах «арнаутов» могло и не быть ни одного этнического албанца, но всё равно такое название закрепилось за этим типом вооруженных формирований. Но в мемуарах де Тотта говорится прямо: «Под именем Арнаутов понимаются народы Европейской Турции, граничащие с Склавонией». *Tott, Baron Ferenc de. Mémoires du Baron de Tott Sur les Turcs et les Tartares. Vol. 2. Amsterdam, 1784. P. 112.*

** Турки называли некрасовцев «Игнат-казаками» (по имени их первого вождя Игнатия Некрасова) или, по созвучию, «Инат-казаками», от турецкого «инат» — «упрямство, непокорство».

лом похода татарское войско насчитывало в общей сложности 100 тыс. человек. И затем, как полагает Петров, из этого числа были выделены два отдельных войска: 30 тыс. человек во главе с нуредином были направлены к Бахмуту и 20 тыс. во главе с калгой — на реку Орель. Из этого делается вывод, что в войске самого хана могло остаться лишь 50 тыс. человек⁶⁴.

Однако представляется совершенно невероятным с точки зрения военной стратегии и логистики, чтобы абсолютно все мобилизованные силы Крымского юрта, в том числе из восточных его областей, перед началом похода должны были собраться по зимней степи к Балте, на крайней северо-западной оконечности ханских земель, и чтобы затем войскам калги и нуредина следовало двигаться оттуда на левобережье Днепра (от Балты до Бахмута 620 км по прямой линии). Как мы видели, барон де Тотт прямо пишет, что три татарских войска должны были напасть на русские владения одновременно. Наконец, он же рассказывает, что войско хана стояло в Балте, когда наставшие холода дали возможность начать набег, и тогда же были получены известия, что армия калги поднималась к реке Самаре (левый приток Днепра) и армия нуредина также продвигалась вперёд⁶⁵. Да и сам А.Н. Петров на другой странице пишет, что «партия при Калге султане, выступя из Крыма, действовала от Волчьих Вод, разоряя зимовники запорожские; а другая часть при Нуреддин-Паше, в числе 30 000 направилась к Бахмуту»⁶⁶. Таким образом, упомянутое число 100 тыс. человек могло относиться именно к татарскому войску (вместе с турецким контингентом), которое собралось в Балте и состояло под единоличным началом самого Крым-Гирея. Из них в нападении на Елисаветградскую провинцию, как потом сообщал хан в Константинополь, приняло участие 70 тыс. татар и 10 тыс. сипахов⁶⁷. А в письме к великому гетману коронному графу Я.К. Браницкому Крым-Гирей писал из Балты, что стоит в этом городе с 60-тысячным войском⁶⁸. Опубликованная копия этого письма датирована 4 февраля 1769 г. (старого стиля, так как 4 февраля по новому стилю Крым-Гирей находился ещё на севере Елисаветградской провинции и его гвардия в этот день штурмовала засеки в Чёрном лесу). Из этого можно предположить, что войско хана насчитывало 60 тыс. человек уже на

обратном пути из похода, после досрочного отделения Едисанской орды (см. ниже).

Чтобы дополнительно проверить и уточнить информацию о численности ханского войска и планах Крым-Гирея зимой 1769 г., обратимся к данным русской разведки. Насколько осведомлено было русское командование о подготовке и силах неприятеля?

В середине XVIII в. владения Крымского ханства, земли Молдавии, Буджака и Едисана отнюдь не были для русских «землёй незнаемой», так как в то время с ними поддерживались активные торговые связи, важную роль в которых играли запорожские казаки. Имелась и заблаговременно насаждённая постоянная агентура (конфиденты, или «приятели») в важнейших населённых пунктах на османской границе⁶⁹. Помимо получения известий из Сечи, от купцов и конфидентов, русские власти осенью 1768 г. приложили дополнительные усилия для сбора сведений о противнике, в том числе путем отправки лазутчиков в турецкие и татарские земли.

На подготовку противника к набегу в зимнее время указывал целый ряд признаков. 27 ноября (8 декабря) 1768 г. П.А. Румянцев докладывал в Военную коллегию, что, по показаниям полтавских купцов, прибывших из турецких владений, татары со всех сторон собирались к Перекопу. По мысли Румянцева, это делалось для того, чтобы, введя в заблуждение русское командование, после замерзания рек устремиться в набег⁷⁰. Также Крым-Гирей распорядился отпустить задержанных в Крыму в 1767 г. и находившихся в распоряжении Едичкульской орды запорожских купцов и промышленников на соляных озерах. Русские власти также считали это ещё одной попыткой усыпить бдительность перед набегом. Кроме того, татары хотели заручиться симпатией Войска Запорожского низового⁷¹.

Около 20 ноября (1 декабря) к запорожскому войсковому старшине Андрею Лукьянову, стоявшему с командой у границы по Южному Бугу, был прислан от сераскер-султана Едисанской орды Шан-Гирея толмач татарин Тон-Мамбет с письмом на русском языке к кошевому атаману и старшине. В нём содержались предупреждение о скором походе Крым-Гирея на русские земли и предложение к запорожцам перейти на сторону хана. Запорожский

кош немедленно переслал точную копию «прелестного» письма русским властям и заверил их в своей непоколебимой преданности, однако сам факт приёма запорожцами татарских эмиссаров с такими предложениями возмутил П.А. Румянцева, и в дальнейшем подозрения в отношении запорожцев сохранялись⁷².

В делах бывшего Военно-учёного архива хранится много донесений русской разведки тех дней. 14 (25) декабря 1768 г. отставной гусар поселенного Чёрного полка (Елисаветградской провинции) Иваница Форнакиев сообщил, что, будучи отпущен 5 (16) ноября в польское местечко Саврань* для покупки соли, он узнал от тамошних родственников, что «достоверно татарской хан Крымгирей с его большим числом войском, а сколько числом не знает, находится в Каушанах, и всем его буджацким татарам, назад тому дней с десять, приказал, чтоб и старые, и малые, которые только на лошадь сесть могут, все б чрез двадцать пять дней были готовы в поход к нападению на Новороссийскую губернию и имению с Россией баталий»⁷³. Также И. Форнакиев выяснил, что «два грека и парубок для продажи овечьих кож посланы от татарского хана и султана, к разведыванию здешних обстоятельств шпионы»⁷⁴. Греки с таким грузом действительно проследовали в русские пределы через Архангельский форпост (на реке Синюхе, напротив польского села Свердликово, близ шанца Архангельск** 5-й роты Чёрного полка), так что сведения гусара выглядели достоверными.

Поручик того же Чёрного гусарского полка серб Иван Маргажич, энергичный офицер, действовавший с конным отрядом на польской Винничине в составе передового корпуса князя А.А. Прозоровского, в те недели неоднократно посылал лазутчиков в турецкие и татарские владения. 6 (17) декабря из Бершады через Балту «в турецкую сторону» им были отправлены два надёжных человека, «для разведывания о тамошних неприятельских движениях», которые вернулись 11 (22) декабря и сообщили о крупномасштабных военных приготовлениях: «Везде ж

* Современный посёлок городского типа Саврань, районный центр Одесской области Украины.

** Современный посёлок городского типа Новоархангельский, районный центр Кировоградской области.

в татарщине от хана приказано тамошним обывателям иметь в готовности добрых воез и лошадей, а оружейных вещей у всех тех обывателей (христиан. — В. К.) отобрано»⁷⁵. «Татарскому и турецкому войску приказано иметь своих лошадей при добром корме и не далее чрез двух недель с крайнею поспешностью прописанной хан имеет с ордой, при которой и 30 000 турков будет, а всего с ордой имеет быть до 180 000, вступить в Польшу, в Уманскую, Белоцерковскую, Смелянскую и Чигринскую губернию тож и в новороссийские границы и тот переход может быть чрез Балту...»⁷⁶. Агенты Маргажича сообщали, что «турецкое и татарское войско из-под Хотина почти все возвратились к Очакову, Бендерам и Каушанам, где татарский хан сыну своему за худые его поступки отказал команду, которую дал под Хотинем над татарами, и препоручил ту главную команду другому знатному человеку»⁷⁷.

Сведения о подготовительных мероприятиях противника подтверждались и из других источников. Начальником войск в русской Елисаветградской провинции генерал-майором А.С. Исаковым был отправлен «для проведования о неприятельском собрании» поселенец раскольнической слободы Злынки* Назар Алексеев сын Кусаков (жители Злынки были в основном переселенцами-великороссами). Вернувшись, он показал 18 (29) декабря 1768 г., что около 10 дней назад находился в ханском местечке Балте, где встретил своего давнего, со времён турецкого полона, знакомого по имени Абды-Вели, «находящегося при ханском дворе в услужении». Тот сообщил Кусакову, что «[...] хотя всему турецкому войску строжайшей приказ и отдан, чтобы все от первого до последнего на всегдашней случай были в готовности, однако же крымский хан никуды походу не объявляет, пока не окончатся по их закону рамазан и байрам, то есть пост и праздник. Для чего и войско, состоящее под командою сына его родного Бахты Гирея, турки, буджацкие татары и ногайцы, а в скольком числе, о том ему, Абды-Вели, неизвестно, из-под Хотина чрез Молдавию в свои места возвратились и, следуя чрез ту Молдавию, причиняли тамошним жителям большие обиды и разорения. Чрез что

* Современное село Злынка Маловиковского района Кировоградской области.

де живущие по-над Прутом волохи удалились из своих жилищ в леса, за что хан сына своего за слабое содержание команды и на глаза пущать запретил»⁷⁸.

Наконец, 14 (25) декабря некий безымянный «приятель»-конфидент (предположительно, знатный и богатый греческий купец Иоанн Николаев по прозвищу «Кафеджи»⁷⁹) из Могилёва-Подольского, польского местечка на Днестре, у границы турецкой Хотинской райи, сообщал в письме киевскому генерал-губернатору генерал-аншефу Ф.М. Воейкову: «По ханскому указу Сераскер-султан, который был с татарами к Хотину послан, в Каушаны возвращен со всеми татарами и с частью янычар и спагов. На сем возвратном марше татары многих польских подданных пленили, а Молдавию почти совсем разорили, пленяя обывателей, где кого только найти могли, и забирая весь хлеб и скот с собою. В стольном городе Валахии, а именно в Букуреште ожидают прибытия одного паши с войском, а другого в Яссы. Оба сии паши с войском там имеют перезимовать. В Букурешт прислан новый господарь Григорей Гика. Хану Крымскому главная команда над всем турецким войском и пашами от султана поручена. Оной был в Каушанах, намерен после Байрама (на полях приписка: «который в наступающем 1769 году по лунному течению первого числа февральской луны у них празднован быть имеет». — *В. К.*), когда все реки льдом покроются, на границы российские нападение сделать, а именно на Елисаветградскую провинцию. Войска при нем в Каушанах татарского и той околичности немалое число. При Бендерах и Очакове турок до сорока тысяч янычар, спагов и арнаутов считается. Бендерского пашу Дервиш-Гусейна хан послал на смену Хотинскому с четырьмя тысячами турок, на место его в Бендерах поручил команду трехбунчужному паше Хаджи Солх Оглу. В Бендере осмнадцать знамен выставлено, и всякой день чрез бирючей* окликавают стекаться к оним туркам на войну против России»⁸⁰. Здесь особо примечательно, что Порта вверила Крым-Гирею общее руководство всеми силами Османской империи к северу от Дуная.

Житель слободы Чаусовой польской Савранской губернии Фёдор Горб 22 декабря (2 января) 1768 г. показал, что 19 (30) декабря

* Бирюч — старорусское название глашатая. — *В. К.*

к ним приезжал полковник Савранского полка Дубина и сообщил, что в ближайшие дни крымский хан прибудет в Балту и затем «вступит в Польшу для взятия есиру», а далее «одна часть немалая пойдет на здешней орловской форпост, а другая часть на Саврань, а третья часть совокупясь с идущими по-над Днестром польскими конфедератами пойдет Уманщиной к московской границе». Местные жители, не поверив на слово, послали человека «секретным образом проведовать в ханскую слободу Ягорлык», и тот полностью подтвердил эти известия⁸¹. Жители польской Уманщины, приходившие с татарской стороны, в те дни также рассказывали, что хан нападёт либо прямо сейчас, либо после праздника Ураза, который должен был праздноваться в начале января⁸².

Гусарский капитан К. Палалов в письме на молдавском языке (получено 27 декабря 1768 г.) докладывал майору Г.В. Булацелю, что, по сообщению от его людей, посланных в турецкие владения, татары хотят напасть на российские границы на православное Рождество или на Крещение, причём сам хан Крым-Гирей пойдёт на Балту⁸³. 29 декабря сотенный хорунжий 1-го компанейского полка Данила Заводовский сообщил в походной канцелярии генерала А.С. Исакова, что за две недели до того он был послан своим полковником в Балту «для проведывания о неприятельских предприятиях» и слышал от тамошних жителей, что хан с 3 тыс. человек находится в Каушанах, а основное войско собирается под Бендерами. Затем хана со всем войском ожидали в Балте, куда свозилось продовольствие и фураж. «Оной хан, как я довольно слышал, намерен в скором времени со всем тем войском итить в Польшу по Украине, даже до реки Днепра»⁸⁴.

Итак, поступавшие со всех сторон донесения русской разведки в один голос сообщали, что Крым-Гирей энергично готовится к нападению на русские пределы зимой 1769 г. и собирает для этого в Буджаке крупные силы, в том числе и турецкие контингенты, а затем собирается двигаться через Балту. Отметим, что письмо от конфиденанта из Могилёва-Подольского за месяц до начала набега абсолютно точно указывало, что объектом нападения станет Елисаветградская провинция.

С началом похода Крым-Гирея данные русской разведки и, позже, из допросов пленных продолжали указывать, что числен-

ность татарского войска была весьма велика. Уже упомянутый гусарский поручик И. Маргажич узнал через высланных им агентов и сообщил рапортом от 15 (26) января 1769 г., что выступившее из Балты в поход объединённое войско хана насчитывало 80 тыс. турок и татар, кроме того, ещё до 8 тыс. их мелкими партиями вторглись в пределы Польши для сбора провианта и фуража⁸⁵. Два татарина, взятые в плен войсками генерал-майора А.С. Исакова близ крепости Св. Елисаветы в начале набега, на допросе сообщили «под смертною казнию», что крымский хан движется из запорожской степи к крепости с 80-тысячным войском⁸⁶.

Итак, по максимальной оценке и с вычетом 10-тысячного турецкого контингента, перед началом похода под знамена самого хана Крым-Гирея было собрано около 80 тыс. татар, вместо изначально задуманных 100 тысяч. Отметим, что эти цифры близко перекликаются с вышеприведёнными данными о силах Крымского ханства и ногайских орд во время войны 1735–1739 гг. и мятежа 1758 г., как и с известными из разных источников размерами основных сил Крымского ханства, действовавших против русской армии на Днестровско-Прутском театре в ходе летних кампаний 1769 и 1770 гг. Именно на данные о 80-тысячном войске противника опирался в своих действиях генерал А.С. Исаков, хоть вышестоящее командование в лице П.А. Румянцева и продолжало считать их преувеличенными. Но даже по самым сдержанным и заниженным оценкам того времени, которые встречаются в документах, численность войска Крым-Гирея была не менее 40 тыс. человек.

В количественном отношении ядро ханского войска составляли буджакские и едисанские ногайцы. Бежавший от татар в ходе их нападения грузинский невольник по имени Лавре Патсхархархе на допросе показал, что Крым-Гиреем было «собрано против России Едисанской и Белгородской орды сорок тысяч, в коем числе находились арнаут три тысячи, казаков три тысячи, а енычаров сколько числом не знает, но только при них имелось тридцать знамен»⁸⁷. А.Н. Петров, добавляя к этому показания Иосифа Шевченко, бывшего «служителем» при крымском хане, и польского подданного Василия Иванова (от 2 февраля 1769 г.), пишет, что в ханском войске было также до 20 тыс. янычар и

7 тыс. сипахов. «Янычары и спаги были лучшие войска, и потому всегда находились при хане, а в походе — в авангарде; они имели ружья и пистолеты. Все же прочие были вооружены стрелами. Обозов при армии у хана никаких не было, кроме навьюченных верблюдов. Больных возили на волах и лошадях, при татарских войсках вовсе не было артиллерии»⁸⁸.

Разумеется, отряд янычар в войске Крым-Гирея никак не мог насчитывать 20 тыс. человек. Это был набег конного войска, без пехоты, пушек и колесного обоза. Однако некоторое число османских янычар из гарнизонов Бендер, Хотина и крепостей Нижнего Дуная всё же приняло участие в походе. К примеру, вышеупомянутый грузин Лавре, попавший в плен за пять лет до того и проданный одному бендерскому янычару на невольничьем рынке в Кефе (Феодосии), находился при своем хозяине вплоть до самого момента побега, уже на территории польской Уманщины, во время возвращения из русских владений. Участие янычар в походе могло быть связано именно с тем, что Крым-Гирею было вверено общее руководство османскими силами к северу от Дуная. В любом случае, двигаться через зимние степи Ханской Украины и запорожские пустоши эти янычары могли лишь верхом, как татары и сипахи, а не пешим порядком. Кроме того, известно, что русские в то время могли называть янычарами подразделения ханского войска, вооружённые огнестрельным оружием, то есть, фактически смешивались понятия янычар и сейменов, наёмной гвардии Крымского ханства, ездящей пехоты с ружьями и пистолетами. В любом случае, отряды с ручным огнестрельным оружием у хана во время набега были, а вот пушек практически наверняка не было.

Примечательно, что сами татары распространяли сведения о намерении хана взять с собой артиллерию и штурмовать русские города. Уже упомянутый толмач Тон-Мамбет, посланец к запорожцам от сераскер-султана Едисанской орды, «при любопытственном разговоре объявил, что хан Крым Гирей (прибывший в Каушан из Царьграда) на зиму в Крым не будет, а пойдет за ясырем в Россию, и чтобы не только ясырь брать, но и города, для тово на двухстах верблюдах пушки везти будут небольшие наверху верблюдов»⁸⁹. Купец из крепости Св. Елисаветы Масленников

также передавал, что татары послали верблюдов за пушками в Бендеры⁹⁰. Эти сведения привлекли внимание русского командования, которое, однако, не сочло угрозу реальной. П.А. Румянцев писал Екатерине II: «Не познаю также возможность, чтоб пушки на хребте верблюдов препровождаемы были для разорения городов; хотя же сия новость и изобретена бы в самой вещи, то, конечно, носимая верблюдами артиллерия не все сокрушит наши городские стены»⁹¹.

О состоянии военного дела в Крымском ханстве на разных этапах его истории есть множество свидетельств иностранцев-современников, не раз проанализированных и обобщённых исследователями⁹². Приведём здесь только два из них, непосредственно относящиеся ко времени войны 1768–1774 гг. Генерал князь А.А. Прозоровский, командовавший тогда передовым кавалерийским корпусом и многократно имевший дело с татарами, отзывался о них так: «А что принадлежит до татар, то оных многочисленно быть может примерно так, как бы великое число посадить русских мужиков на лошадей, так бы сие представляло татарское войско. К тому же оне худо вооружены и лошади весьма плохи, только к нужде крепки (т.е. выносливы. — *В. К.*). А выбирается из них некоторое число доброконных и зажиточных, которых называют оне панцирники, как и в самом деле они все в панцырях. Полезны оне для зимних нападений на селении, где они очень опасны»⁹³. А австриец Н.Э. Клеман, непосредственно наблюдавший воинов Крым-Гирея в декабре 1768 г., перед самым выступлением их в поход, оставил ещё более скептический отзыв: «Я видел в Ковшанах и Бендерах многие собранные тысячи, между коими находилось множество весьма старых, а иных и весьма молодых, назначенных идти на войну. У многих были очень худые лошади, имея несколько фузей и пистолет, иные вооружены луками и стрелами, из коих они не столько искусно стреляли, как козаки и калмыки. В прочем, как сему, так и владеть саблею не столько изучены, как Турки. Они не храбры и не бодры, и для обращения многих в бегство стоит только показать пистолет. Я часто видал, как они учились стрелять в цель, и пять или шесть минут употребляют, чтобы заряжать, прицеливаться и палить, а когда спускают курок, то голову отворачивают»⁹⁴.

Итак, боевые качества татар в то время не вызывали иллюзий у европейских современников, однако сила Крымского ханства заключалась в многочисленности и высокой мобильности крупных конных масс. Записки Ф. де Тотта и сведения разведки русского командования созвучны в том, что зимой 1769 г. Крым-Гиреем был организован действительно масштабный поход, словно в былые дни наивысшего могущества Крымского юрта. Для сбора столь многочисленного войска Крым-Гирей с самого начала использовал призыв к грабежу и захвату ясыря. Упомянутый грузин Лавре показывал: «От одного хана Гирея всей той орде объявлено, что де турецкой султан пишет к нему как де уже с Россиею война объявлена, то дабы он *собранных татар для разорения и набору пленных пустил в Россию* (курсив мой. — В. К.), почему оной хан со всею тою ордою, хотя в слободе Балте и дожидался от одного поляка обещанных для помощи пушек, но не дождавшись оных, пошли все близ запорожских дач в Елисаветградскую провинцию, пробираясь степью»⁹⁵. Ещё один русский лазутчик, купец Мариинко Гаджиевич, сообщал в декабре 1768 г., что турки собираются в Очакове, готовят зимнюю одежду и «ремни для вязания здешних людей»⁹⁶.

В.В. Грибовский пишет, что ногайцы «с воодушевлением восприняли начало войны, видя в ней возможность возобновления набеговых практик, остановленных в 1739 г., как и расширения своих пастбищ, скованных наброшенными извне границами»⁹⁷. И эта оценка представляется справедливой, хотя и в период с 1739 по 1769 гг. татары активно продолжали свои «набеговые практики» в отношении Молдавии, калмыков, грузин и горских народов Кавказа. Впрочем, русская разведка сообщала о разногласиях среди ногайской знати по вопросу о вступлении в войну с Россией. В «экстракте», т.е. сводке разведанных от 8 (19) января 1769 г., говорилось: «Хан крымской требовал от нагайских мурз о вступлении с Россиею в войну мнения, на что по согласию Хаджи Каплана мурзы, прибывшие к хану едисанские и буджацкие мурзы ни малейшего сходства и согласия в ханском намерении не оказали, но всячески твердили, что они без причины против России на войну идти не намерены, за что хан озлобясь десять мурз посадил в тюрьму, отчего между ордами неудовольство сде-

лалось, и роптание произошло, клонящееся к мятежу»⁹⁸. Если принять это известие за достоверное, то его можно объяснить так: ногайская знать лучше понимала, чего может лишиться в результате войны между Россией и Турцией, тогда как масса населения орд была заинтересована в добыче и не слишком заботилась о последствиях.

Примечательно, что беспощадные грабежи были начаты турками и татарами ещё во владениях Османской империи. Перед началом зимнего похода на русские земли, во время своей дипломатической поездки в Молдавию Ф. де Тотт отмечал, что вся территория княжества, как и часть Валахии, была разграблена турецкими сипахами, направленными на соединение с крымским ханом⁹⁹. «Деревни, которые нам приходилось проезжать, были разорены, как вся Молдавия, и мы едва могли найти в них ночлег. Валахия испытала то же опустошение со стороны нескольких турецких отрядов, которые были предназначены для соединения с ханом и которые в действительности занимались одним лишь разорением своего же государства. Не было такой гнусности, которой-бы не совершили эти турки». По словам де Тотта, хан очень серьёзно воспринял рассказ об обстановке в Молдавии, немедленно известил об этом Порту и якобы даже принял меры по оказанию помощи¹⁰⁰. Затем, согласно мемуаристу, османский контингент прибыл к месту сбора, в Балту, раньше татар, и по пути своего движения жестоко разграбил земли Молдавии, а затем саму Балту и все окрестные сёла, т.е. уже места Ханской Украины. Некоторые поселения разорялись сипахами непосредственно на глазах Крым-Гирея (к примеру, село Ольмар (*Olmar*) у де Тотта — без сомнения, современное с. Гольма Балтского района, в 16 км к востоку от Балты)¹⁰¹.

Как мы видели из целого ряда сообщений русских агентов (донесения поручика И. Маргажича, раскольника Н. Кусакова и могилёвского «приятеля»), вместе с турецкими сипахами под Хотином стояла и часть татарского войска, также принявшая участие в жестоком разграблении молдавских земель¹⁰². Командовал этим войском старший сын правящего хана — Бахты-Гирей¹⁰³ (1745–1800), который тогда занимал должность сераскер-султана одной из ногайских орд (неясно, Буджакской или Едисанской в то

время; но летом 1770 г. он точно был главой Едисана)¹⁰⁴. Три независимых друг от друга источника русской разведки сообщали, что сын Крым-Гирея в конце 1768 г. был временно отрешён своим отцом от командования, и это было непосредственно связано с разорением молдавской земли его войском. Позднее в 1770 г. Бахты-Гирей играл важную роль в переговорах России с ногайскими татарами, а затем, и до, и после присоединения Крыма к Российской империи, непримиримо боролся с русскими и в ранге сераскер-султана возглавлял татарские силы в Буджаке во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг.

Наконец пришло время начала похода. 27 декабря 1768 г. (7 января 1769 г.) Крым-Гирей выехал из Каушан со своей гвардией, высшими военачальниками и сановниками. Свидетелем торжественной, по азиатски пышной церемонии его выступления в последний поход стал австрийский купец Николаус Эрнст Клееман, оставивший красочное описание этого события. Приведём целиком его рассказ, чтобы лучше передать атмосферу одного из финальных эпизодов уходящего величия Крымского ханства и Буджакской орды:

«По правую сторону несли перед ним (ханом. — *В. К.*) 12 штандартов, а именно: бунчук с шелковым знаменем, коего половина была красная, а другая зелёная; два бунчука все зелёные, два не больших знамя, из коих одно зелёное, а другое жёлтое, весьма похожее на корабельный флюгер, три знамя красные с широкими зелёными каймами, на коих вырезан полумесяц, а в середине изображалась двойная сабля зеленого цвету; два знамя жёлтые с широкими красными каймами, и в середине те же самые знаки зелёные, и два знамя до половины красные и половины зелёные. Все сии штандарты были новые, украшенные многими висящими из красного шелку кистями.

Великое множество Татар и Турецких начальников собралось верхами перед Дворцом. Телеги, запряженные верблюдами и дромадарами, ехали с багажом наперед. Около полудня Хан появился на лошади внутри своего Дворца, и как скоро его увидели, то зрители свидетельствовали свою радость восклицаниями. На нем была шуба соболья, покрытая зелёным штофом. Калпак, или Челма Турецкая была такого ж цвета, с широкою собольею опуш-

кою, и в руке держал жезл, означающий верховное Начальство. Оный жезл или палка весьма короткая, оправленная золотом, на верху коей была нарочитая четырехугольная головка с острым концом; при боку имел короткую саблю с золотым эфесом, коей ножны были зеленые бархатные, оправленные также в золоте. Лошадь, на которую он садился, была гораздо лучше всех тех, которых я до того видел: она была Арапская, росту весьма высокого, белая с чёрными и темножёлтыми пятнами; прибор узды золотый, и наперст или нагрудник такого ж металла, чепрак седла был светлоголубой бархатной, с широкою золотою бахромою. Перед сим Владетелем несли четыре штандарта, так же наперед и позади за ним шло восемь драбантов высокого роста, у которых были большие колпаки, украшенные позолоченными гербами, изображающими Ханское оружие. Кафтаны на них красные, и опоясаны широким золоченым поясом, с бляхою на переди такого ж металла, шаровары были тафтяные желтые и сапожки сафьянные такого ж цвета. Оружие их состояло в длинной сабле, у коей ножны были позолоченные, и в большом кинжале.

Два Паша последовали верхом на лошади за Ханом. Позади их шел его секретарь, одетый в Татарское платье. Многие из Начальников сего народа шли в беспорядке, а позади несли прочие знамена, за коими следовали верхами музыканты. Свита была заключена другим народом, составленным из многих сотен Татар.

Вся сия свита представляла зрелище гораздо великолепнее, как я мог в уме своем представить, чтоб была такая у Хана Крымского, и мы обыкновенно полагаемся на прочих Немцов, делая, в рассуждении сем, свои описания.

Всё утро даже до отъезда Хана, многие раздавали даром виноградное вино, а особливо, когда он поехал, то двое из его служителей бросали бедным деньги. Также заколото было сто баранов и оставлено для народа»¹⁰⁵.

Весь следующий день 28 декабря (8 января) через Днестр на восьми паромах переправлялись «бессарабские войска», то есть главные силы Буджакской орды, перед этим собравшиеся в Хан-Кышле под руководством своего сераскер-султана¹⁰⁶. В лагере близ Дубоссар Крым-Гирей некоторое время дожидался осталь-

ных татарских отрядов, шедших с востока (очевидно, Едисанской орды). Затем все силы ханского войска собрались в Балте и спустя ещё восемь дней, 13 (24) января, двинулись отсюда на восток¹⁰⁷.

Пройдя через земли Ханской Украины, войско Крым-Гирея 15 (26) января перешло по льду Южный Буг и вступило в русские пределы у Орловского шанца (позднее Орлик, Ольвиополь, совр. Первомайск Николаевской области), при впадении в Буг реки Синюхи¹⁰⁸. Затем татары, двигаясь по пустынным степям Бугогардовой паланки Войска Запорожского низового (у де Тотта *dans le deserts Zaporoviens*), изменили маршрут и спустились вниз по берегу Буга до его левого притока реки Мертвые воды (у де Тотта *l'Eau-Morte*, совр. река Мертвовод, устье у г. Вознесенск, примерно в 60 км к юго-юго-востоку от Орловского шанца) и вдоль его русла устремились на северо-восток, к русской Елисаветградской провинции¹⁰⁹. В те дни стояли и всё увеличивались сильные морозы, с обильным снегом и метелями. Тем не менее, татары, двигаясь больше наугад, достигли реки Ингула, границы Елисаветградской провинции, перешли её ниже крепости Св. Елисаветы, и уже 19 (30) января передовые отряды подошли к крепости на расстояние в пять верст¹¹⁰. Как мы увидим, предпринятый сложный обходной маневр принёс татарам пользу, отчасти дезориентировав русское командование. По нашим подсчётам, за неделю пути конное ханское войско с вьючным обозом прошло около 280 километров по заснеженной степи, в мороз и метель, что стало очередным доказательством непревзойдённой мобильности татарской конницы. Из рассказа Ф. де Тотта может сложиться впечатление, что татары практически ничего не знали о численности и местонахождении русских сил и о расположении поселений и вообще достаточно слабо ориентировались на местности в русских пределах. Однако, как показывают дальнейшие события, это было не совсем так.

На тревожной границе: русская подготовка к обороне

Насколько была готова Россия к отражению татарского нашествия, и какими военными силами располагала она для этого? Ещё 4 (15) сентября 1768 г. А.М. Обресков сообщал из Константинополя, «яко все движения Татарские и других войск, так как и распоряжения при самом Султанском Дворе, вид кажут непрерывной против нас войны»¹¹¹. Официальный манифест Екатерины II о начале войны с Турцией был подписан 18 (29) ноября 1768 г.¹¹², спустя почти два месяца после акта объявления войны Портой. Естественно, в течение всей осени русское командование собирало сведения о подготовке и намерениях неприятеля, в том числе татар. Как мы видели, прилагались дополнительные усилия по отправке в ханские владения агентов-лазутчиков. И большинство полученных сведений указывало на то, что главным объектом предстоящего нападения татар станет русская Елисаветградская провинция¹¹³.

Эта административно-территориальная единица была образована в 1764 г. из прежней Новой Сербии и Новослободского казачьего полка, располагалась на правом берегу Днепра, между землями польской короны и Войска Запорожского низового, и служила юго-западным форпостом русской колонизации Дикого поля. Выдвинутая вперёд за естественный рубеж, образованный Днепром и Украинской оборонительной линией, Елисаветградская провинция находилась ближе всего к турецким крепостям Северо-Западного Причерноморья и землям едисанских и буджакских ногайцев. Протяжённость южной границы Елисаветградской провинции (с запорожскими степями) составляла около 250 км, а западной (с польской Уманщиной) — около 70 км. В стратегическом отношении положение области было открытым, и потому оборона её считалась делом крайне трудным.

К началу войны с Турцией Елисаветградская провинция включала в себя округа трёх поселенных кавалерийских полков — Чёрного гусарского (бывший гусарский Хорватов), Жёлтого гусарского (бывший Пандурский пехотный) и Елисаветградского пикинерного (сформирован из бывшего Новослободского каза-

чьего полка), а также новопоселяемые раскольничьи слободы. В военно-административном отношении округа поселенных полков делились на номерные роты, каждая из которых имела свой шанец — укрепленное поселение. Впрочем, в достаточном количестве ни живой силы, ни артиллерии для защиты каждого шанца от многочисленного противника не было.

В рядах двух «цветных» гусарских полков, осколков «ново-сербского» проекта, служило, особенно на офицерских и унтер-офицерских должностях, большое число выходцев с Балкан — сербов, валахов и молдаван. Однако в целом замысел массовой колонизации Новой Сербии переселенцами с австрийской Военной границы провалился, и большинство жителей Елисаветградской провинции составляли выходцы из малороссийских и польских областей Украины. К началу войны с Турцией новообразованная провинция находилась в стадии активного заселения и насчитывала около 75 тыс. жителей обоего пола. В это время Елисаветградской провинцией и поселенными полками на западном берегу Днепра управлял с губернаторскими полномочиями генерал-майор Александр Степанович Исаков, бывший комендант крепости Св. Елисаветы¹¹⁴. В службе он находился с 1742 г., во время Семилетней войны был генерал-аудитор-лейтенантом при генерал-фельдмаршале С.Ф. Апраксине (1758 г.), генерал-вагенмейстером при Обсервационном корпусе (1758 г.), майором инженерного корпуса (1758 г.), полковником Фузилерного мушкетерского полка (1762 г.). Получив чин генерал-майора в 1763 г., Исаков с 1764 г. служил при Украинской дивизии, был членом канцелярии Новороссийской губернии и членом следственной комиссии над генерал-поручиком И.С. Хорватом¹¹⁵. Таким образом, генерал Исаков имел разнообразный служебный опыт, в том числе по судебной, административной и инженерной части, однако не командовал войсками во время боевых действий. В течение целого ряда лет он управлял Елисаветградской провинцией, хорошо знал её и считал её развитие и оборону своим главным служебным долгом.

Административным и военным центром провинции была крепость Св. Елисаветы (будущий Елисаветград, позднее Кировоград, в настоящее время Кропивницкий), основанная по имен-

ному указу императрицы Елизаветы Петровны от 11 (22) января 1752 г. и заложенная 18 (29) июня 1754 г. Крепость, располагавшаяся на правом нагорном берегу реки Ингула, была спланирована большой, с шестью полигонами, и рассчитана на гарнизон из 2000 человек пехоты и 200 драгун¹¹⁶. Однако турецкая сторона активно и безуспешно протестовала против строительства крепости, находившейся в 37 часах езды по прямой от границ владений Османской империи, хоть то и были пустынные степи Ханской Украины¹¹⁷. В итоге к началу войны строительство крепости Св. Елисаветы так и не было окончено. П.А. Румянцев писал о ней: «Самая крепость, в оной (в Елисаветградской провинции. — *В. К.*) заложенная и неотстроенная по худому положению, ни к чему не удобна; в противном случае будет она всегда в блокаде и долго стоять не может без коммуникации, которая отсюда легко пресекается»¹¹⁸. Уже после татарского набега, летом 1769 г. Румянцев писал: «По осмотру моему крепость св. Елисаветы, с подчинкою теперь обновляемую, сколько можно, безопасною может быть против всякого покушения легких войск, паче татарских, а формальной осады выдержать никак не может, сколько по неокончанию совершенной ее отстройки, так и по обветшалости всего того, что и состроено, а поставить ее в лучшее состояние и времени и людей недостает, так как и суммы на то не имеется. Она имеет шесть полигонов регулярных, а по пропорции сей должно для защищения быть гарнизону двенадцати баталионам, которого только здесь три, а наградить недостаток в людях военных я способу не имею»¹¹⁹. В крепости на постоянной основе стояли три гарнизонных батальона, а также артиллерийская и инженерная команды¹²⁰.

Непосредственно перед началом войны силы русской регулярной армии в провинции ограничивались Козловским пехотным полком (командир полковник барон Х. фон Корф), который в 1768 г. из-за возмущения гайдамаков был оставлен в крепости, вместо выхода в лагерь¹²¹. Поселенные полки Елисаветградской провинции — Чёрный гусарский, Жёлтый гусарский и Елисаветградский пикинерный — не были регулярными армейскими полками и частями постоянной боеготовности. В документах русского командования они относились к категории «лёгких

войск» — вместе с запорожскими, донскими и малороссийскими казаками, различными поселенными и волонтерскими частями. П.А. Румянцев писал, что «пикинерные полки [...] больше суть поселяне вооруженные»¹²². Со времени начала войны с Турцией командование прилагало усилия по их вооружению, обмундированию и ремонту лошадей, но они были ещё не способны выставить в поле полное число эскадронов.

На бумаге поселенные полки Елисаветградской провинции имели сильный личный состав, но были слабо обеспечены лошадьми. Так, по рапортам от октября 1768 г., в Чёрном полку состояло 1435 человек (из них 1098 рядовых строевых гусар), но лишь 588 строевых лошадей. В Жёлтом полку числилось 1190 человек (860 рядовых строевых гусар), но только 557 строевых лошадей. В Елисаветградском пикинерном полку было 1191 человек (783 рядовых верховых пикинера и 86 пеших стрелков), при 861 верховой лошади¹²³. К началу января 1769 г. в Чёрном и Жёлтом гусарских полках было по пять эскадронов — конных, обмундированных и вооружённых, однако три эскадрона из этого числа были ещё раньше командированы в польскую Уманщину, где успешно подавляли движение гайдамаков и конфедератов и действовали в составе корпуса Прозоровского близ турецкой границы. Генерал А.С. Исаков ставил перед собой цель довести состав обоих гусарских полков до 12 или хотя бы до 10 эскадронов в каждом, но до этого было ещё далеко. Елисаветградский пикинерный полк имел в поле 500 готовых рядовых, однако не был полностью обеспечен оружием, и Исаков запрашивал присылки ему для этого полка из Тулы по тысяче карабинов и сабель¹²⁴. Также в подчинении Исакова находились казачьи компанейские (охочекомонные) полки — набранные по найму конные полки, ранее служившие при малороссийском гетмане, до упразднения этой должности¹²⁵. Летом 1768 г. все три компанейских полка, общей численностью 1038 человек, стояли на форпостах у границ Новороссийской губернии¹²⁶.

По русскому стратегическому плану войны с Турцией оборона Украины была главной задачей меньшей по численности 2-й армии (первоначально в документах именовалась «оборонительным или украинским корпусом»). В общей сложности во 2-ю

армию было назначено 14 пехотных и 16 кавалерийских полков (3 карабинерных, 2 драгунских, 7 гусарских, 4 пикинерных), при 40 полевых орудиях и 10 малых единорогах. Если бы полки были в полном комплекте по штату, то армия насчитывала бы 21 728 чел. пехоты, 13 тыс. чел. кавалерии и 9 тыс. казаков¹²⁷. Однако в действительности ситуация с наличным составом полков 2-й армии зимой 1768–1769 гг. была плачевной. Набранные с началом войны рекруты ещё не прибыли, и их только предстояло учить воинскому делу; вдобавок, и без того малолюдные полки были ослаблены выделением команд для сопровождения рекрутов.

Основу сил 2-й армии составили 10 пехотных полков Украинского (бывшего Украинского ландмилицкого) корпуса, традиционно комплектовавшиеся из южнорусских однодворцев, наследственных стражей степных рубежей государства¹²⁸. Современники отмечали прекрасный людской материал полков ландмилиции, однако к началу войны 1768–1774 гг. их преобразование в части регулярной армии не было завершено. П.А. Румянцев называл их «недавно сделанными и слабыми ещё солдатами»¹²⁹. В Семилетней войне ландмилицкие полки как целые части не участвовали, поэтому большинство их чинов не имело боевого опыта. Осенью 1768 г. после завершения маневров и лагерных сборов под Переяславлем и Полтавой эти полки были размещены на кантонир-квартирах в разных пунктах на левом берегу Днепра. По итогам смотров войск Украинского корпуса Румянцев докладывал в военную коллегия 17 (28) октября: «О ружье во всех пехотных полках собственным опытом я удостоверился, что оное к употреблению действительному негодно вовсе. Я, видевши при экзерцициях, что многие солдаты из оных палить не могли, взыскивал за сие на командирах, которые мне извинялись, что солдаты истощивают последний свой достаток на исправление всечасное оных, но тщетно, ибо пособить в порче неудобь исправной отнюдь не можно»¹³⁰. Полевой артиллерии, кроме полковых пушек, 2-я армия в начале войны не имела.

Командование армией было доверено генерал-аншефу графу П.А. Румянцеву, занимавшему к моменту начала войны с Турцией должности «малороссийского генерал-губернатора, малорос-

сийской коллегии президента, украинского и малороссийского корпусов главного командира». Помимо всей полноты военной и гражданской власти в Малороссии, ему с началом войны была вверена и оборона внешних границ Украины. Однако Румянцеву не был подчинён генерал-аншеф Фёдор Матвеевич Воейков (1703–1778), киевский генерал-губернатор и «Новороссийской губернии главный командир», которому в административном отношении подчинялись поселенные полки Елисаветградской провинции. Накануне и во время татарского нашествия неразграниченность полномочий и ответственности между П.А. Румянцевым и Ф.М. Воейковым была источником трений между ними.

Взгляды двух военачальников на оборону русских границ коренным образом различались. П.А. Румянцев считал, что земли Елисаветградской провинции слишком выдвинуты вперёд и открыты для неприятельского нападения, из-за чего защищать их было нецелесообразно. 28 августа (8 сентября) 1768 г., ещё до начала войны с Турцией, Румянцев писал Воейкову, что не понимает, почему тот просит усилить воинскую команду в Елисаветградской провинции. Румянцев указывал, что там и так находится Козловский пехотный полк, которому следовало бы идти либо в лагерь в Полтаву, либо на свои постоянные квартиры¹³¹. 23 сентября (4 октября) 1768 г., за два дня до объявления Портой войны, Румянцев вновь писал Воейкову по тому же вопросу: «В том же, что касается до защищения Елисаветградской провинции введением моей части войск, я не только Вашему Высокопревосходительству, но и у Двора будучи, всегда говорил одно, что та земля, по положению своему, не имеет никакой удобности, чтоб здешними силами ее защищать. А ежели бы дошло до прямого дела, то не укреплением форпостов приготавливать надежную оборону, но надобно бы силами встретить прежде на себя нападения неприятеля, а не в своих уже границах его отражать. К тому потребных сил, конечно, не составят здешние команды, а дело сие лежало бы на высшей от нас власти, которой касается в сем главное распоряжение». «Обозревши своими глазами пространство, дикость и неудобства той страны, я Вашему Высокопревосходительству то, что и другим, смело и надежно скажу,

что без приумножения военных превосходных сил, с которыми бы можно подействовать наступательно, совсем не в том краю место быть должно нашей обороны. Народ, там поселенный, во сколько многих Вы их ни исчисляете тысячах, при первой буре невидимо рассыплется и подобием ветра улетит из своих жилищ: поелику сия нужная осторожность всегда ему в памяти». «Впрочем, я желал бы, чтоб охранение тамошних всех границ сложено было единственно на попечение Вашего Высокопревосходительства, когда Вы изобретаете к тому удобства и способы, которых я слабым моим рассуждением ни теперь не объеблю, ниже впредь возможным себя найду»¹³².

24 сентября (5 октября) в рапорте в Государственную военную коллегию Румянцев повторял то же самое: «Требуется от меня помянутый господин генерал-губернатор Воейков, чтоб я часть, в моей команде состоящих полков, в подкрепление форпостов ввел неприметным образом в Елисаветградскую провинцию, на что согласиться собою отнюдь мне воспрещает совершенное знание той страны, которую я сам с примечанием объехал. Пространство и дикость оная гораздо требуют превосходнейших сил, нежели все здешние, к защищению ее. В ровной и открытой степи, где ничего того нет, что по искусству военному в укрепление себе употребить бы можно, не только частица войска, но и нарочитой корпус не может противостоять силам многочисленным, которыми окружают со всех сторон открытые дороги. [...] во всей оной Елисаветградской пространной и дикой провинции нет никакого пристанища, которое бы надежное нам подавало укрепление или удержать могло стремления противных. Словом, вся та дикая степь такой природы, что охранение ее превосходит всякие возможности, и предприятия бы, к тому с малым числом войск употребленные, послужили бы только в преуспеяние противных»¹³³. По мысли Румянцева, выделение войск для обороны провинции могло просто принести их в жертву неприятелю, а укрепление форпостов было бесполезным, так как конный противник мог без труда обойти их. Целесообразным способом действий Румянцев считал встретить и разбить противника соединёнными силами на подступах к границам. Другой способ заключался в организованной эвакуации жителей провинции: «Ежели подъять оружие

следует, то по изготовленному уже плану завременно оных перевести в другие места, первая надобность, чтоб не оставить их в корысть непременную противным»¹³⁴. Однако для сражения на чужой земле наличных сил было недостаточно, а эвакуацию не допускали интересы имперской политики. Поэтому Румянцев и заявлял Воейкову, что вообще был бы рад освободиться от обязанностей по защите провинции.

24 сентября (5 октября) 1768 г. Румянцев писал своему патрону в Петербурге графу Н.И. Панину: «Он (Ф.М. Воейков. — В. К.) того же, что и прежде, взыскует, чтоб часть полков ввел я для подкрепления форпостов в Елисаветградскую провинцию. Я довольно Вашему Сиятельству сделал о качестве сей земли описание в письме моем, отправленном с офицером, Бароном Мейендорфом, что оную трудно нам и великими силами защищать. Еще и теперь говорю, что защиты нашей там не должно искать в укреплении форпостов, как Федор Матвеевич полагает, которые и малейшая разрушит противных сила, но должно встретить еще за оными противного»¹³⁵.

В ответ на опасения Румянцева о Елисаветградской провинции Военная коллегия в указе от 11 (22) октября предписывала ему: «Во оной устревать себя к обороне, конечно, не место, но со всем тем не надлежит ее оставить вовсе без защищения и на произволение первым покушениям противной стороны, а особливо там находящиеся мало укрепленные места определенными в них гарнизонами, но паче должно стараться мужественно и с храбростию все грозящее ей от набегов разорение отвращать и содержать ее доколе можно в безопасности»¹³⁶.

В рескрипте Румянцеву от 8 (19) ноября Екатерина II указала, что, хотя Новороссийская губерния наиболее открыта и уязвима для нападения татар предстоящей зимой, «слава и честь оружия нашего требуют, чтоб первые неприятелей покушения были, естли только возможно, совсем бесплодны или бы по крайней мере нарушение целости границ наших они уже за чувствительную себе цену, а не иначе одержать могли, дабы в противном случае турецкое невежество не вознеслось до крайней наглости и они б вдруг не удостоверились, что мы противу их стоять не можем»¹³⁷. Иными словами, по соображениям государственного

престижа и военной психологии оборона Елисаветградской провинции была признана необходимой.

Следуя воле императрицы и указаниям Военной коллегии, Румянцев вначале согласился на оставление за Днепром Козловского полка, а затем уступил Ф.М. Воейкову, настоявшему на посылке в Елисаветградскую провинцию дополнительных сил регулярной пехоты. Однако Румянцев остался недоволен и 19 (30) ноября 1768 г. докладывал в Петербург: «Господин генерал-аншеф и киевской генерал-губернатор Воейков из самых опаснейших постов, то есть Городища и Власовки, где и прежде татарские набеги ощущали, взял у меня два полка — Орловской и Брянской с третьим Козловским в Елисаветградскую провинцию, а их отбытием открытие угла границы сделалось»¹³⁸. Примечательно, что Городище и Власовка находились на левом берегу Днепра, вблизи Кременчуга, то есть в тылу Елисаветградской провинции. Эти пункты Румянцев называл «опаснейшими постами», а расположенную впереди них русскую провинцию с 75 тыс. жителей он, очевидно, уже исключил из своих стратегических расчётов.

30 ноября (11 декабря) 1768 г. П.А. Румянцев писал в Петербург графу Никите Панину: «Я по его (Ф.М. Воейкова. — *В. К.*) требованию ввёл в Елисаветградскую провинцию три полка пехотных, и прибавил ещё ныне две тысячи Козаков Малороссийских, в подкрепление командам, из оных тамо уже бывшим, и чтоб, обороняя ту открытую сторону, наблюдаемо было более о безопасности настоящих границ, он от меня предварен»¹³⁹.

Зимой 1768–1769 гг. Румянцев был сторонником обороны по Днепру и по Украинской линии и, исходя из этого, выстраивал свои планы, в которых для Елисаветградской провинции места практически не оставалось. Историки-апологеты прославляли Румянцева за «новаторскую идею» держать войска не редким кордоном, а несколькими сосредоточенными группами. По замыслу Румянцева, на левом берегу Днепра, в непосредственном тылу провинции, стояла правофланговая группа генерал-поручика Г.Я. фон Далке со штаб-квартирой в Кременчуге. Её костяк составляли пять пехотных полков: Черниговский, Воронежский, Белевский, Ряжский и Елецкий, а также карабинерные полки:

Ямбургский, Ростовский и Псковский. Полки команды фон Далке также были неукомплектованы, имели проблемы с ружьями.

По ордеру Румянцева от 21 ноября (2 декабря) 1768 г. № 1480 группе Г.Я. фон Далке предписывалось удерживать участок протяжённостью около 140 км от Еремеевки* до правого фланга Украинской линии (у Борисоглебской крепости**) ¹⁴⁰. А казачьи разъездами отряд фон Далке наблюдал за линией в 167 вёрст от Ирклеева до Переволочны ¹⁴¹. 1 (12) декабря 1768 г. Румянец приказал фон Далке, в случае нападения противника на А.С. Исакова, оказывать тому помощь, но только в том случае, если бы фон Далке «был уверен прежде, что неприятель прямо и всеми силами к правому моему (фон Далке. — В. К.) флангу стремится, а инако или же в неточности ведав о движении неприятельском, осторожно поступать, дабы тем самому не ослабить левый мой фланг или же оставить команду господина генерал-поручика и кавалера фон Ессена без всякой помощи» ¹⁴². 30 декабря фон Далке докладывал, что в результате нового расписания войск в его распоряжении осталось всего по одному батальону Елецкого и Ряжского пехотных полков, «да и те весьма малочисленные», а другие полки ещё не прибыли, поэтому оказать Исакову помощь такими силами было просто невозможно. Фон Далке предлагал, в случае такой необходимости, взять в свое распоряжение Борисоглебский драгунский и Ростовский карабинерный полки, находившиеся в его «дистанции» ¹⁴³.

Однако прежние инструкции оставались в силе и в начале января 1769 г. ¹⁴⁴. В изложении Румянцева его план звучал так: «Когда же бы [противник] и на Новороссийскую губернию, то есть против правого фланга пустился, то команда, по Днепру расположенная под литерою «Z», генерала-поручика фон Далке к защищению обратится, а в подкрепление оной и левое крыло быть может» ¹⁴⁵. На самом деле, указания Румянцева были максимально осторожными, нечёткими и до крайности сковывали инициативу фон Далке в вопросе оказания помощи Исакову на правом берегу Днепра. Этот план совершенно не учитывал соот-

* Современное село Веремиевка Чернобаевского района Черкасской области.

** Близ современного села Рудка Царичанского района Полтавской области.

ношения сил сторон, сроков получения информации о противнике, реального состояния русских войск и скорости их передвижения. Поэтому в январе 1769 г., во время татарского набега, фон Далке исходил из того, что подкреплять Исакова можно будет не раньше получения полных сведений о направлении движения противника, а сделать это вовремя, из-за мобильности вражеской конницы, было практически невозможно.

О подготовке татарского нашествия с осени 1768 г. имелась масса донесений разведки, но русское командование так и не могло решить, куда же пойдёт противник. П.А. Румянцев опасался обмана со стороны турок и считал, что подчиненные преувеличивают угрозу. 12 (23) декабря 1768 г. он писал Н.И. Панину: «Представьте себе, Ваше Сиятельство, положение теперешнее здешнего народа, самих мне подчиненных и сослужащих со мною, которые во всех концах и всякой из них тревожится, мня опасность, на себя прямо идущую. Федор Матвеевич сказует мне о известиях достоверных, им получаемых, что Турецкие и Татарские войска намерились точно иттить на Елисаветградскую провинцию, домогается у меня защиты уже Киеву, и всем окрестным местам, считая опасность быть от неприятеля самому городу и всей Заднепровской нашей части. Князь Прозоровский уведомляет, что они расположились около Хотина, и что приходящие из Крыма уверяют, как самовидцы, что Крым везде готовится и ополчается к нападению, и что во вспоможение Татарам туда же ожидаются Турецкие войска»¹⁴⁶.

Как мы видели, всё, о чем упоминал здесь П.А. Румянцев, было правдой. Противник собирался напасть на Елисаветградскую провинцию, при этом в декабре 1768 г. турки и татары стояли под Хотинном, население ханства ополчалось в набег, к которому собирались присоединиться и турки. Но Румянцев не доверял разведке и фактически признавал, что может лишь имитировать готовность к отражению нападения: «Я от Вас научась судить о Турках, что они не в ту сторону метят, куда виды показывают, и для того я на всякой час, по известиям от них, должен брать меры, по малому моему искусству, служащие в ободрение только страхом мятущегося, не будучи довольно в состоянии, по малости моих сил, сказать того, что все защищены и безопасны»¹⁴⁷.

Непосредственный начальник на месте, генерал-майор А.С. Исаков остро сознавал недостаточность своих сил и, чувствуя приближение грозы, пытался бить тревогу. Даже после того, как Воейков добился отправки к нему Орловского и Брянского полков, Исаков 8 (19) декабря писал в рапорте на имя генерала Х.Ю. фон Эссена: «Я сомневаюсь и средств не предвижу, можно ли мне будет с малочисленным моим корпусом во всех местах обширной сей провинции оборачиваться и упреждать многочисленного и ветреного неприятеля». «Самая крепость Святыя Елисаветы, как я доносил, весьма в необоронительном состоянии, о исправлении которой как я ни стараюсь, толко еще ни вал совсем не поправлен, ни палисадник не поставлен, да уже за наступлением ныне морозов земляной работы и продолжать будет невозможно». «При таких обстоятельствах мой корпус весьма недостаточен, да к тому ж от пехотных полков в силу повеления вашего высокопревосходительства также от здешнего гарнизона по пятидесяти человек одних рядовых за рекрутами отправлено. Следственно через то немалая сделана убавка, а затем больше к действию не остается как пехотного войска в трех полках до тысячи осмисот, в том числе и назначенные за неспособностями в отставку, которых от одного Козловского полку мною признано сто пятьдесят шесть человек, и уповательно то же и в других двух полках будет, от коих я сего еще ожидаю. И хотя они при полках же до резолюции останутся, только в рассуждении их неспособности к самому действию годными быть не могут. Легких войск и со ожидаемым миргородским полком наберется до трех тысяч девятисот, в том числе маросияне (т.е. малоросияне. — В. К.), художонные и наймиты, на коих и положиться не можно, как я о том от 12 сего месяца доносил»¹⁴⁸.

Вплоть до самого начала татарского вторжения сила «тяжёлого корпуса» (пехота и артиллерия) под командой Исакова оставалась прежней и включала три регулярных пехотных (бывших ландмилицких) полка — Козловский, Орловский и Брянский (два последних считались хорошими), численно слабые, ещё не получившие рекрутов, неопытные и с плохими ружьями, совокупно имевшие в строю 1800 человек (из них 305 предназначенных в отставку по слабости)¹⁴⁹. Гарнизонные батальоны крепости

Св. Елисаветы, как следует из донесений Исакова, суммарно имели всего 400 человек, причём никто даже не рассматривал их как пригодную для действий в поле силу.

Ещё одним источником беспокойства генерала Исакова была слабость «лёгких войск», то есть подвижной конницы (к данной категории относились поселенные конные полки, а также малороссийские казаки разных видов службы). Три наиболее боеспособных эскадрона Чёрного и Жёлтого гусарских полков были командированы в состав корпуса А.А. Прозоровского в Польшу. Кроме того, поселенные полки с осени 1768 г. несли службу по усиленной охране границ. Ещё в середине сентября, до объявления Турцией войны, Ф.М. Воейков приказал А.С. Исакову «все форпосты неприметным образом войсками приумножить и всем Новороссийской губернии полкам быть во всякой военной исправности, так как и Кошевому атаману»¹⁵⁰. Исаков неоднократно подчёркивал, что в результате усиленной аванпостной службы люди и кони поселенных полков к моменту нападения Крым-Гирея были изнурены. Для действий против подвижных татар лёгкая конница была необходима, и Исаков запросил подкрепления в пять тысяч доброконных малороссийских казаков, однако П.А. Румянцев отдал распоряжение направить в Елисаветградскую провинцию только по тысяче человек от Лубенского и Миргородского малороссийских полков¹⁵¹.

В своих донесениях Исаков подчёркивал крайне низкую боеспособность основной массы малороссийских казаков, из-за чего он мог использовать их только для обороны укреплений. Позднее, когда Румянцев гневно спрашивал, почему Исаков без испытания в бою низко оценил качества малороссийских казаков, тот отвечал: «О робости и слабости их я тем заподлинно уверен, 1. прежде, нежели впал неприятель, употреблены были из них пятьдесят человек против двадцати гайдамак, то не только оных [не] поймали и повеление [не] исполнили, но они ж теми гайдамаками разбиты, один убит и шесть тяжело ранено, у иных лошади, ружья отняты и даже то того, что и сапоги скидывали. 2. Когда по первому приближению передовых неприятельских войск поставлены они в крепости в форштате вне ретраншаментов, дабы готовы были в партию, но по слуху, что близко неприятель

тель, а в самом деле своих бывших тогда в действии против его с известием едущих нескольких испугавшись, ломились внутрь и смяли пехотный пикет, для чего принуждено было закинуть рогатку и стращать их пушкою, то посему какой же бы пользы от них ожидать против неприятеля, кроме конфузий»¹⁵².

Кроме того, из рапортов Исакова видно, что во время татарского набега под его командой находилось также двести запорожцев, присланных из Сечи, и небольшое число компанейских (охочекомонных) козаков¹⁵³. По данным А.А. Скальковского, в борьбе с войском Крым-Гирея участвовали 400 запорожцев Буггардовой паланки, якобы отступившие к крепости на соединение с корпусом А.С. Исакова¹⁵⁴. Однако источник этих сведений неизвестен, и достовернее выглядят слова самого Исакова о двухстах запорожских казаков.

Итак, кавалерия Исакова насчитывала около двух тысяч человек в рядах трёх поселенных конных полков и ещё около двух тысяч малороссийских казаков (вероятно, сюда же были отнесены небольшие отряды компанейцев и запорожцев). Таким образом, «лёгкие войска» Исакова были очень неоднородны и по своему составу, и по боевым качествам. А в общей сложности, к моменту татарского вторжения генерал-майор Исаков в Елисаветградской провинции имел 1800 чел. в трёх полках пехоты, 2 тыс. легкой кавалерии поселенных полков и 2 тыс. малороссийских казаков, большинство из которых были непригодны для действий вне крепостных стен¹⁵⁵. Артиллерийская команда крепости Св. Елисаветы была малочисленна, и Исаков в ноябре 1768 г. предписал коменданту Переволоченской крепости прислать ему артиллерийских служителей на подкрепление¹⁵⁶. Общая численность «корпуса» Исакова не превышала 6 тыс. человек, притом совсем различных боевых достоинств, тогда как противостоящие силы Крым-Гирея, напомним, насчитывали от 40 до 80 тыс. человек.

Как докладывал А.С. Исаков 7 (18) декабря 1768 г., основные силы его отряда были расположены двумя кордонами: лёгкие войска держали сеть форпостов по линии от слободы Калиновки через Лукьянов, Злынку и Плетеный Ташлык до Архангельского шанца (около 120 км по прямой), а пехота от крепости Св. Елисаветы стояла в Груске, Виске, Панчове и Новомиргородском

шанце (на фронте около 55 км). Таким образом, два этих кордона наискосок, с юго-востока на северо-запад, пересекали Елисаветградскую провинцию, а сама крепость представляла собой узловой пункт на левом фланге данного расположения.

Генерал-аншеф Ф.М. Воейков первоначально предписывал протянуть оборонительную линию до Добрянки, Терновки и Новоархангельского шанца, однако А.С. Исаков был не в состоянии сделать это из-за малочисленности своих сил, и Воейков в итоге одобрил его диспозицию. Как докладывал Исаков, «в рассуждении что обширность той дистанции, простирающейся с лишком двух сот верст, учинила бы расположение весьма редким и подверженным опасности, почему взирая на сию неудобность и почитая неминуемо нужным иметь войска соединенно и сколь можно кордон гуще, его высокопревосходительство по моему представлению апробовал (то есть утвердил. — В. К.) последнюю сию позицию»¹⁵⁷. Оно в целом отвечало и представлениям Румянцева, которым ордером от 23 декабря (3 января) 1768 г. предписывал Исакову усиливать правый фланг (то есть со стороны польской Уманщины)¹⁵⁸.

Нападение неприятеля ожидалось с юго-запада, со стороны Орловского шанца. Как мы видели, ханское войско действительно вторглось в русские пределы в этом месте, но затем совершило обходный маневр — вниз по Южному Бугу и затем вверх по реке Мертвовод — и вышло на южные подступы к крепости Св. Елисаветы, фактически обойдя русские кордоны с их левого фланга. И этот успешный маневр позволяет предположить, что татары были осведомлены о русских силах лучше, чем это следует из записок де Тотта, и что набег Крым-Гирея был хорошо задуман и осуществлён.

Отдельную важную проблему для русских властей зимой 1768–1769 гг. представляло Войско Запорожское низовое. Как уже было сказано, факт переговоров коша с татарскими эмиссарами в ноябре 1768 г. возмутил русское командование и вызвал у него серьёзные подозрения в лояльности запорожцев. Вдобавок, 26 декабря (6 января) 1768 г., на Рождество, в Сечи разразился крупномасштабный бунт «сиромахи», то есть запорожской гольтыбы, против кошевого атамана и войсковой старшины, ко-

торые были вынуждены спасаться бегством в Новосеченский ретраншмент, под защиту малочисленного русского гарнизона. Получив известия о бунте, русское командование распорядилось отправить в Сечь Елецкий и Ряжский пехотные и Ябургский и Псковский карабинерные полки из команды генерала Г.Я. фон Далке. Сам бунт был уже на следующий день подавлен силами старшины и лояльных ей казаков, при одной пушке с русскими канонирами, однако начатое передвижение войск внесло ещё большую сумятицу в дислокацию сил 2-й армии¹⁵⁹. Как пишет В.В. Грибовский, «замешательством в Войске Запорожском воспользовался Крым Гирей-хан, армия которого смогла почти без препятствий пройти Запорожские Вольности по обеим сторонам Днепра»¹⁶⁰. У того же автора содержится упрек в адрес русских военных властей: «Запорожье оказалось совершенно незащищенным российскими войсками, за исключением Сечи, где в Новосеченском ретраншемента находились небольшие отряды регулярной армии»¹⁶¹. Думается, в данном случае украинский историк переворачивает ситуацию с ног на голову. Это Войско Запорожское низовое, главной задачей и смыслом бытия которого была защита степного пограничья империи, не оказало никакого реального содействия русским силам. И что ещё хуже, запорожцы фактически не стали препятствовать движению татар на обоих берегах Днепра. Возможно, здесь действительно сказалась и внутренняя смута в войске. Однако у де Тотта содержится важное свидетельство о том, что перед пересечением границы Елисаветградской провинции «в то время, когда собирался этот совет, один курьер и несколько пленных, захваченных патрулями, объявили, что вправо от нас запорожские козаки, теснимые Калгой-султаном, вошли с ним в переговоры и, заручившись обещанием нейтралитета с его стороны, отказали в своей помощи командиру крепости св. Елисаветы»¹⁶². Документального подтверждения этого сговора не существует, однако сами факты показывают, что в ходе зимнего нападения Крым-Гирея татары и запорожцы, по сути, негласно придерживались принципа взаимного ненападения. Генерал Исаков докладывал: «За степь Запорожской сечи я никогда не ручался, уверен будучи чрез многие сообщения от кошевого, что войско его команды против неприятеля не только

свою землю защищать, но и меня подкреплять обязывается, но я имею сего не больше как двести человек»¹⁶³. «От Сечи проход его степью нимало не воспрепятствован», — писал Исаков в том же рапорте¹⁶⁴.

Буря из татарской степи

В половине шестого вечера 16 (27) января А.С. Исаков докладывал, что, по донесению из Орловского шанца, противник накануне, 15 (26) января, перешёл вблизи него русскую границу. Тогда Исаков приказал основным силам своего корпуса собраться в Груске*, в 15 км к западу от крепости, «откуда по движениям неприятеля способнее могу оборачиваться», и сам прибыл туда вечером 16-го. По дороге туда Исаков получил сведения, что противник весьма многочислен и в его рядах есть арнауты, то есть турецкие войска¹⁶⁵. Тогда же Исаков, как ранее предписывал П.А. Румянцев, запросил подкрепление у генерал-поручика Г.Я. фон Далке из-за Днепра. Тот направил к нему по одному батальону Елецкого и Ряжского пехотных полков и Ямбургский карабинерный полк, хотя Румянцев обещал Исакову, что тот получит все четыре полка, ранее назначенных для подавления мятежа в Сечи, — два пехотных и два карабинерных¹⁶⁶. Исаков посылал навстречу выделенным двум батальонам и полку конницы курьеров с приказами двигаться как можно скорее, но к крепости они подошли уже в разгар татарского нападения¹⁶⁷.

Как было сказано, перейдя границу у Орловского шанца, татары не стали углубляться в русскую провинцию, а двинулись в обход по пустынным запорожским степям. На три дня противник как будто вообще пропал из поля зрения русского командования. Следующие достоверные известия о действиях неприятеля были получены 19 (30) января, когда войско Крым-Гирея приблизилось к крепости с юга. А.С. Исаков докладывал Г.Я. фон Далке: «Сейчас я получил известие, что неприятель сюда следует и находится в запорожской степи в левой руке от крепости в

* Современное село Грусское Кропивницкого района Кировоградской области.

таком положении, что сего дня может дойти сюда. Сказывают о многочисленной силе. Я буду у крепости повороты свои делать и сим не в риске ни крепость, ни люди, теперь же партию туда отправляю для достоверного примечания, в прочем всевозможные меры располагаю»¹⁶⁸.

Перенесёмся в походный лагерь Крым-Гирея. По рассказу Ф. де Тотта, у границы Елисаветградской провинции на военном совете у хана было принято решение разделить войско и направить третью часть его, из добровольцев, в загонную облаву по всей провинции. Рассыпание на множество мелких отрядов на протяжении многих веков было неизменной тактикой грабительских татарских набегов. Такие загонные отряды, или «загоны», на польском и украинском языках назывались словом «чамбу́л» (польск. *czambuły tatarskie*), от уже упомянутого выше турецкого слова *çapul*. По словам Тотта, на совете было решено, что эти отряды, «последовательно раздробляясь, покроют всю территорию Новой Сербии, сожгут все деревни, всю жатву, захватят в плен жителей и уведут стада»¹⁶⁹. Также было положено, что «остальная армия перейдет Ингул на другой день и направится небольшими переходами к польской границе, стягиваясь постепенно к крепости св. Елисаветы, чтобы охранять фуражиров и ждать их возвращения»¹⁷⁰. Итак, из этих слов прямо следует, что задачей основных сил ханского войска было имитировать угрозу крепости Св. Елисаветы и, не пытаясь атаковать её всерьёз, сковать силы гарнизона, чтобы позволить чамбулам беспрепятственно грабить сёла провинции. Затем татары собирались двигаться в польские земли; добычу, захваченную загонными отрядами, позже следовало по справедливости разделить между всем войском.

Отметим, что воспоминания Ф. де Тотта здесь в высокой степени созвучны словам его знаменитого соотечественника Г.Л. де Боплана, который за 120 лет до того оставил свое описание тактики крупного татарского набега в зимнее время, ставшее уже каноническим¹⁷¹. Де Боплан также пишет, что во время такого набега татарское войско встаёт лагерем в 3–4 лье от границы противника, чтобы отдохнуть, и делится в аналогичной пропорции — две трети образуют главные силы («кош»), а остальные — правый и левый фланги (по 8–10 тыс. человек),

которые по вступлении на неприятельскую территорию делятся на отряды по 500–600 человек для разграбления территории. «Разбегаясь в разные стороны по селам, они окружают их и устанавливают вокруг по четыре сторожевых поста, поддерживающих большие костры на протяжении всей ночи, боясь, как бы кто-нибудь из крестьян не ушел от них; потом грабят, жгут, убивают всех, кто оказывает сопротивление, берут и уводят тех, кто сдаётся, и не только мужчин и женщин с грудными детьми, но также скот: лошадей, волов, коров, баранов, коз и пр.»¹⁷². Даже размеры ханского войска у де Тотта и де Боплана практически совпадают — 80 тыс. татар и 200 тыс. лошадей. Не вызывает сомнения, что тактика грабительского «*чанула*», описанная де Бопланом, оставалась для татар непререкаемым канонem и во время нашествия Крым-Гирея в 1769 г., несмотря на присутствие в его войске османского контингента.

По рассказу де Тотта, с трудом перенесшие поход по зимней степи турецкие сипахи предпочли остаться с ханом, и только «серденгечти»* отправились грабить¹⁷³. Они-то и проявляли наибольшие зверства, и их обычай отрезать головы у противников якобы вызывал отвращение у Крым-Гирея¹⁷⁴. Согласно принятому плану, отправившиеся на грабёж татары вступили в провинцию, рассыпались на чамбулы и начали беспощадно разорять русские селения. Первым их ударам подвергся лежащий на юге провинции округ Елисаветградского пикинерного полка.

Украинский историк В.В. Грибовский настойчиво утверждает, что целью нападения Крым-Гирея было взятие крепости Св. Елисаветы, однако приведённый рассказ де Тотта о совете у хана

* В османской армии термином «*Serdengecti*» (у де Тотта в транскрипции «*Serdenguechety*») назывались особые штурмовые отряды добровольцев-смертников, вооружённых преимущественно холодным оружием. Де Тотт совершенно справедливо уподобляет их аналогичным по назначению отрядам «*les enfants perdus*» (фр. «потерянные дети») во французской армии XVIII века. Авторы английского перевода приводят точный аналог названия этого отряда в британской армии — «*Forlorn Hope*» (от искаженного голландского «*verloren hoop*»). В русском же переводе мемуаров де Тотта «серденгечти» совершенно ошибочно переданы как «сердюки». Де Тотт, вообще критически относившийся к турецкой военной мощи, едко замечает, что назначением серденгечти было победить или умереть, но в действительности они не делали ни того, ни другого. Отметим, однако, что 29 мая 1771 г. дунайскую крепость Журжу отбил у русских Серденгешти Агаси (то есть начальник отряда серденгечти) Чадарджи Углу, и это стало одной из наиболее болезненных для репутации русского оружия неудач во всю ту войну.

перед вступлением в провинцию полностью это опровергает. И абсолютно ложным является следующее утверждение Грибовского: «В конце концов, Крым Гирей уступил требованиям своего войска и разрешил ему произвести ограбление близлежащей территории, что фактически означало завершение военного похода, поскольку значительная часть его участников с этого момента уже была занята отправкой пленных и добычи в крымские владения»¹⁷⁵. Мнимая «уступка» хана столь же мнимым «требованиям войска» является плодом фантазии исследователя, пытающегося так обосновать свою концепцию изначально «неграбительской» военной экспедиции Крым-Гирея.

Когда на следующий день ядро татарского войска во главе с ханом вслед за чамбулами перешло через Ингул, случилась кратковременная оттепель, а уже к ночи ударили жестокие морозы, и ближайшие сутки стали самыми губельными для орды — по словам де Тотта, от холода тогда погибло 3000 человек и 30 000 лошадей. Особенно страдали от мороза турецкие сипахи; непривычные к суровому климату и тяготам походной жизни, они не имели припасов, голодали и клянчили еду у татар¹⁷⁶. Последние же были неприсотливы и привычны к своему скудному, но удобному в походе рациону. «Восемь или десять фунтов муки из жареного проса, столченной и набитой в кожаный мешок у седла каждого ногайца, обеспечивал войску пятьдесят дней пропитания»¹⁷⁷. Казаки-некрасовцы везли с собой по четверти свиной туши за спиной у каждого, в непосредственной близости от ханского «знамени пророка», что возмущало турок¹⁷⁸. То, что в ходе набега войско Крым-Гирея несло ошутимые потери от мороза, следует и из рапортов А.С. Исакова.

Ф. де Тотт описывает, как войско хана двигалось по следам ушедших ранее на грабёж чамбулов и как эти следы делились и разветвлялись всё больше, утончаясь, наконец, до следов одного-двух всадников¹⁷⁹. Такое разделение должно было позволить татарам словно мелким бреднем прочесать всю русскую провинцию. Отдельные партии с добычей стали возвращаться уже скоро, появились и первые отрезанные головы местных жителей, одну из которых в качестве шутки кто-то из аскеров подложил в шатер французских эмиссаров¹⁸⁰.

В течение 30 лет со времён последней, «Миниховской» русско-турецкой войны татары не совершали набегов на владения России, за исключением мелких разбойных нападений на земли запорожских и донских казаков. При этом татары отнюдь не утратили многовековой грабительской сноровки, а вот русское командование в 1769 г., как мы увидим, не имело достаточного опыта в отражении татарских набегов, и потому тактика противника стала для них огромной проблемой.

Ход событий с момента перехода татарами русских границ освещается как в мемуарах де Тотта, так и в рапортах русских военачальников, в первую очередь генерала А.С. Исакова, написанных и непосредственно в дни набега, и позже. При этом версии двух сторон, точно совпадая в изложении ключевых фактов, значительно расходятся в освещении некоторых деталей и в смысловых акцентах.

По рапортам А.С. Исакова, передовые татарские разъезды появились вблизи крепости 19 (30) января, против них были высланы партии. Тогда же были получены известия, что «неприятель во многом числе» стоит при слободе Калиновке* (в 12 верстах к юго-юго-востоку от крепости). Исаков писал, что выслал против него целый detaшмент с пехотным полком, «не смотря ни на ужасную стужу, ни на метель, тогда бывшую»¹⁸¹. Узнав об этом, татары якобы отделились от крепости и степями двинулись через Голую Каменку к Днепру. Позднее в своем итоговом отчёте Исаков писал: «По полученному ж известию, что он во многом числе остановился от крепости в двенадцати верстах, то в ночь послана пехота и легкие войски, но неприятель, услыша по снегу ход, тотчас отделился опять в степь»¹⁸². Очевидно, это был один из татарских чамбулов, направленных на грабеж провинции, так как у де Тотта нет никаких упоминаний о приближении русских войск к ядру ханского войска. Имея преимущество в подвижности, эти татарские отряды легко уклонялись от боя и изматывали русские войска. Именно тогда были взяты в плен два татарина, которые «утвердились в том под смертною казною», что хан имеет 80 тыс. человек, включая 10 тыс. турок. Как представляется,

* Современное село Калиновка Кропивницкого района Кировоградской области.

именно после получения этих данных Исаков и решил не выступать основными силами навстречу противнику. При этом он особо подчеркивал, что принципиально важное решение оставаться в крепости было принято не им единолично, а «положено общим советом полковых командиров»¹⁸³.

В двенадцатом часу дня 20 (31) января Исаков докладывал, что сейчас получил известие о движении противника мимо крепости, в трех-четырёх верстах от неё, к Днепру. Он писал: «Я собираюсь всем корпусом, оставя некоторую часть в крепости, следовать за ним, но при том вашему превосходительству имею сказать то, что здесь такая погода, что в десяти сажнях человека видеть не можно, то есть метель»¹⁸⁴. Это было то самое ненастье, которое, по запискам Тотта, разразилось на другой день после перехода главных сил хана через Ингул. «Я теперь учреждаю все поиски над ним при весьма большом морозе и выюге», — докладывал Исаков Ф.М. Воейкову в тот же день 20 (31) января¹⁸⁵. В действительности он отложил выступление своих главных сил на несколько дней, объясняя это тем, что противник по-прежнему угрожал крепости. В решающие дни набега Исаков оставался под защитой крепостных валов и не рисковал бросить вызов ханской войску на открытом пространстве.

Меж тем, противник стремительно распространился по провинции. Полковой квартирмейстер Жёлтого гусарского полка князь Кудашев, находясь в Глинско, узнал от приехавшего из шанца Дмитровского (11-й роты Жёлтого полка), «яко 20 числа сего месяца в слободу Петриковку, расстоянием отсюда (от Кременчуга. — В. К.) в семидесяти верстах на дороге к крепости Святыя Елисаветы набег татарской множественным числом учинен»¹⁸⁶. Слобода Петриковка, позже получившая название Мурзинка*, была расположена в 50 км к востоку от крепости Св. Елисаветы, здесь находился шанец 4-й роты и полковая канцелярия Елисаветградского пикинерного полка. Таким образом, противник обходил крепость далеко с её левого фланга. Получив это известие, Г.Я. фон Далке распорядился зажечь сигнальные маяки и отдал некоторые распоряжения о перемещении войск

* Современный посёлок городского типа Новая Прага Александрийского района Кировоградской области.

на своей «дистанции» от Еремеевки до Переволочны на левом берегу Днепра, которую он считал в угрожаемом положении. Петриковка (Мурзинка) была полностью разорена татарами¹⁸⁷. По полученным оттуда известиям Исаков докладывал, что противник «имеет же и пушки с собою, кои и употреблены против слободы Петриковки, когда отбивались запершись в церковной ограде жители оной»¹⁸⁸. Данные о пушках у татар представляются недостоверными, однако можно сделать важное сопоставление с мемуарами Ф. де Тотта. По его свидетельству, к хану прибыл гонец от татарского султана и сообщил, что «жители одного большого селения укрылись в монастыре в числе 1200 человек; их сопротивление принудило султана употребить в дело серные светильни, которые он велел прикрепить к стрелам, надеясь, что упорство этих людей уступит перед страхом пожара; но огонь распространился слишком быстро, и несчастные все погибли»¹⁸⁹. Этот вестник прибыл к Крым-Гирею вечером 20 (31) января (см. хронологию набега ниже). Так что с самой высокой степенью вероятности можно предположить, что под сожжённым монастырём татары имели в виду церковь Петриковки, где упорно оборонялись местные жители. А применённое татарами пиротехническое оружие могло быть принято за пушки.

Рассказ Ф. де Тотта вообще проливает гораздо больше света на действия татар и местами существенно отличается от версии генерала Исакова. По словам французского дипломата, ханское войско, вступив в Елисаветградскую провинцию и ориентируясь по сигнальным маякам-кострам («фигурам») русских, вышло к укреплённому населенному пункту Аджамка (у де Тотта *le bourg d'Adgemka*), имевшему 800–900 домов. Это был шанец 19-й роты Елисаветградского пикинерного полка, расположенный в 18 км к востоку от крепости Св. Елисаветы*. К этому моменту татарское войско полностью обессилело из-за стужи. По словам де Тотта, «наша армия была в таком скверном виде, что сама опасалась вылазки: в самом деле, отряд в две или три тысячи человек, атаковавши нас ночью, мог перерезать всех»¹⁹⁰. Тогда хан приказал отряду из 300 отборных добровольцев, представителей татарской знати, после захода солнца совершить демонстратив-

* Современное село Аджамка Кропивницкого района Кировоградской области.

ное нападение на крепость, что позволило ядру войска устроить днёвку в шанце, немного отдохнуть и восстановить силы. Перед уходом татары полностью сожгли Аджамку и тогда-то обнаружили и схватили многих её жителей, прятавшихся в скирдах.

После днёвки в Аджамке воспрянувшее духом ханское войско, которое даже не собиралось штурмовать крепость, двинулось дальше на север, в глубь Елисаветградской провинции, к границам польской Смелянщины и в сторону Днепра. Именно в это время едисанские ногайцы, некогда возведшие Крым-Гирея на ханский престол и всегда бывшие его опорой, бросили своего владыку и повернули к дому. Барон Ф. де Тотт вспоминал: «Войско долго шло во мраке и лишь по прошествии нескольких часов было замечено бегство ногайцев едисанской орды; в надежде избавиться от лежавшей на них десятинной повинности с своей добычи хану, они предпочли возвращаться через пустыню на свой страх»¹⁹¹. По обычаю татар, они должны были выплачивать в пользу хана долю добычи, в том числе ясыря и скота, и называлось это термином из исламского права «хумс»¹⁹². Помимо прочего, упомянутый де Тоттом эпизод показывает, что взятая татарами добыча уже на тот момент, после всего четырех дней в пределах русской провинции, была достаточно велика.

На пути же основной части орды стоял знаменитый Чёрный лес — заповедный лесной массив в верховьях реки Ингульца, воспетый во многих казацких думах и легендах, исстари надёжное укрытие для запорожцев и гайдамаков. Здесь произошёл примечательный эпизод того набега. По словам Ф. де Тотта, хан с ядром своего войска прибыл в деревню Красников (*Crasnikow*). Публикатор русского перевода записок де Тотта не смог идентифицировать этот населённый пункт. Мы же можем с большой уверенностью говорить, что это было село Красноселье (современного Александровского района Кировоградской области). Де Тотт пишет, что в полутора милях (т.е. примерно в 10 км)¹⁹³ от этого села находилось укреплённое поселение Цыбулёв (*Sibiloff*). Несомненно, речь шла о носившем это название шанце 15-й роты Чёрного гусарского полка (совр. село Цибулёво Знаменского района Кировоградской области) и расположенном в 9 км к юго-юго-востоку от Красноселья.

Французский дипломат вспоминал: «В этой деревне (Красников/Красноселье. — *В. К.*), лежащей за болотистой ложиной, было нечто вроде укрепления, где жители вместе с сотней солдат оказали сначала некоторое сопротивление; но боязнь пожара принудила их вскоре бежать и скрыться в лесу, откуда их ружейные выстрелы могли достигать до деревни. Чтоб вытеснить их оттуда, Крым-Гирей, ставши у опушки леса, приказал собрать остаток сипаев (так переводчик назвал сипахов. — *В. К.*), которым он командовал идти в атаку. Но эти храбрецы, которым стихшие холода и отдых в Аджамке возвратили всю их дерзость, рассеялись от первого ружейного выстрела. Игнат-козаки, расположившиеся позади нас, одушевленные присутствием хана, просили и получили разрешение атаковать лес. Они проникли туда, окружили группу людей, которые там защищались, убили около сорока человек и захватили в плен всех, кто не мог спастись бегством»¹⁹⁴. В этом описании примечательно, что, несмотря на общую многочисленность войска, хану лично пришлось пускать в дело свою гвардию и некрасовцев, и можно сказать, что это был своего рода кризисный момент всего нашествия. Этот бой, в котором, по словам де Тотта, было убито 8–10 некрасовцев и несколько татар из ханской свиты, стал памятным событием для участников того похода, во всяком случае, в своих разговорах они не раз вспоминали об «атаке леса».

Примечательно, что и русские источники подтверждают столкновение и огневой бой на границе Чёрного леса. А.А. Скальковский приводит в своём труде найденный им рапорт вальдмейстера (т.е. смотрителя заповедных лесов) секунд-майора Петра Максимова от 26 января (6 февраля) 1769 г.: «По приказанию начальства, говорит он, ведомства моего Гончарской (Александровского уез. Херсонской губ.) и вновь поселенной мною (Максимовской) слобод, обыватели с женами и детьми для сохранения от неприятельского набега, оставя дома свои, скрывались в *Черном-Лесу*, в пристойных местах; — а сего Генваря 24 ч[исла] в полдни неприятель в великой силе в оные слободы вступил и в оных ночлег имел и в ту свою бытность обывательские дворы, равно и бывшее в лагере Чернолесском казенное строение, все без остатка огнем выжег. При вступлении же оного неприятеля

в слободы, когда еще сперва малое число Татар показалось, то те Гончарской и других слобод скрывающиеся в лесах обыватели, с имеющимися при них ружьями самоохотно вышед из лесу к слободе Гончарской, чинили ему, неприятелю, ружейною пальбою и другим оружием сопротивление и несколько неприятельских людей побили до смерти. При чем и из них слобожан несколько побито, а других ранили, кои раненые, спасшися бегом, в живых остаются, а сколько числом с обеих сторон побито, то и познать не можно. За чем Слобожане многие еще из лесов не собрались, а неприятель своих побитых людей огнем сожигает. Я уже ныне с имеющеюся при мне командою нахожусь в укрепленном месте в шанце Цыбулевском (на р. Ингульце в Александрийском уез.), к которому шанцу на другой день, т.е. 25 ч[исла] тот же неприятель чинил приступ, однакож с помощью Божиею чрез употребленный против его воинский отпор, никакого тому шанцу вреда не учинили; да и в предбудущее время проживать имею в оном же шанце Цыбулевском, ибо пока сия начавшаяся с варварами война продолжаться будет, по то время в неукрепленных местах жить будет опасно»¹⁹⁵.

Наконец, и нами среди материалов Военно-ученого архива был найден ещё один любопытный документ о том же самом событии. 29 января (9 февраля) генерал-поручик Г.Я. фон Далке докладывал П.А. Румянцеву из Кременчуга: «Сего числа присланным ко мне от Чигрин-Дубровского сотенного правления репортом представлено, что посыланной от него за Днепр в польские места для проведывания о неприятеле казак Павло Белобаба с командою возвратясь объявил, яко он был за Днепром в селах Новороссийской губернии Марсаковке, Гуте, Галагановке, да в польских Чигринской губернии местечку Чигрине, где подлинно разведал от тамошних обывателей, яко там всюду неприятель обретается и сего генваря с 25 против 26 числа ночевало множество татарского войска, в польском селе Бирках, которая расстоянием от Чигрину Дубровы в пятидесяти верстах, где и кошем расположился. Да сего же генваря 27 числа в том сотенном правлении пришедшие туда бывшие за Днепром новороссийской губернии в Чорном лесе в монастырской пасеке на послушании Амелко Калченко и Ерема Свергуненко показали, что турецкое войско

татары и меж ими снычары или сеймены, орудием много снабженные, конные генваря 24 числа рано напав на них и там много людей разных, в том Черном лесе засекишихся (т.е. укрывшихся за засеками. — *В. К.*), выстрелели и вырубали пятнадцать человек, в каком сражении из тех татар они двух человек убили, потом де те татары о полудни от той пасеки оступя к состоящей под тем же лесом Гуте к засекишимся другим тамо людям, а по побеге их Калиниченка и Свергуненка с той пасеки с прочими там находящимися людьми ночной поры от тех бедств разно убегающих людей они слышали, что якобы татары тамо в Гуте людей нечто порубили и ту Гуту спалили, о чем вашему высокографскому сиятельству рапортую»¹⁹⁶.

Как следовало из донесения казака П. Белобабы, главные силы ханского войска и, почти несомненно, сам Крым-Гирей со свитой и гвардией, в ночь с 25 на 26 января ночевали в селе Борки (Бирки)*, в 47 км к северу от крепости Св. Елисаветы и в 12 км к северо-западу от Красноселья. И это подтверждает, что мы правильно локализовали описываемые де Тоттом события. По словам француза, часть татар попыталась атаковать шанец Цыбулёв на следующий день после боя под Красносельем и в лесу. То есть, поскольку атака Цыбулёва, согласно рапорту Максимова, имела место 25 января (5 февраля), — штурм Чёрного леса ханской гвардией произошёл 24 января (4 февраля). Взять укреплённый и имевший пушки Цыбулёв татары не смогли. Однако, вопреки словам Максимова об отсутствии ущерба, они сожгли дома на окраинах шанца. На следующий день, 26 января (6 февраля), Крым-Гирей с ядром войска после ночёвки в Борках повернул на запад, к польской Уманщине.

Барон Ф. де Тотт описывает события набега на русской земле без привязки к конкретным числам, но мы, отталкиваясь от установленных дат, теперь можем довольно подробно восстановить хронологию произошедшего.

* Совр. село Борки Александровского района Кировоградской области.

27 декабря 1768 г. (7 января 1769 г.)	Начало похода ханского войска. Крым-Гирей с двором и гвардией выступает из Каушан.
13 (24) января	Войско Крым-Гирея выступает из Балты.
15 (26) января	Войско Крым-Гирея переходит через Южный Буг и вторгается в российские владения вблизи Орловского форпоста.
18 (29) января	Выделенная для грабежа часть татарского войска переходит границу Елисаветградской провинции, делится на чамбулы и начинает разорение.
19 (30) января	Основные силы татар во главе ханом переходят пограничную р. Ингул восточнее крепости Св. Елисаветы. Оттепель, которая к ночи сменяется сильным морозом. Ночевка ханского войска на берегу р. Аджамка.
20 (31) января	Значительное усиление мороза. Один из татарских отрядов атакует Петриковку (Мурзинку), защитники сожжены в церкви. Ханское войско несёт большие потери от холода и продвигается к северу. Хан останавливается на ночёвку у «стога сена».
21 января (1 февраля)	Татарское войско приходит в шанец Аджамка и занимает его.
22 января (2 февраля)	Дневка татар в Аджамке.
23 января (3 февраля)	Рано утром татары выступают из Аджамки, которая ими сожжена. После марша в темноте обнаруживается бегство едисанцев. Ханское войско совершает переход на север в сторону деревни Красноселье.
24 января (4 февраля)	Бой за село Красноселье и «атака леса». Татары «в великой силе» имеют ночлег вблизи Красноселья и границы Чёрного леса.
25 января (5 февраля)	Ханское войско совершает переход от Красноселья к Боркам и ночует там. Часть татар неудачно атакует Цыбулёв. Ещё один татарский отряд подступает к крепости и отражён с потерями.
26 января (6 февраля)	Хан начинает движение на запад, в польскую Уманщину.

27 января (7 февраля)	Генерал А.С. Исаков с основными силами своего отряда выходит из крепости и форсированным маршем движется к Новомиргородскому шанцу.
28 января (8 февраля)	Генерал А.С. Исаков со своим корпусом приходит в Новомиргородский шанец. Крым-Гирей ночует в селении Ташлык Смелянской губернии (в 30 км к северо-северо-востоку от Новомиргорода).
29 января (9 февраля)	Ханское войско приходит в Матусово (в 30 км к северу от Новомиргорода). Корпус Исакова стоит в Новомиргородском шанце.
30 января (10 февраля)	Ханское войско движется в сторону Умани и ночует в польской Кальниболоте. Генерал А.С. Исаков движется на запад в сторону шанца Архангельского параллельно ему.
31 января (11 февраля)	Генерал А.С. Исаков движется к Архангельскому шанцу и останавливается на ночлег в 40 верстах от Новомиргорода.
1 (12) февраля	Войско Крым-Гирея начинает движение в сторону Южного Буга, следуя между Уманью и Архангельским шанцем.
5 (16) февраля	После стоянки и дележа добычи Крым-Гирей с Буджакской ордой выступает из Саврани в сторону Каушан. Остальная часть ханского войска распущена по домам.
13 (24) февраля	Крым-Гирей возвращается в Каушаны. Окончание похода.

В те дни, когда войско Крым-Гирея стояло в Аджамке, двигалось на север и участвовало в боях у Чёрного леса, генерал А.С. Исаков продолжал стоять в крепости. В эти дни к нему прибыли отправленные генералом Г.Я. фон Далке из-за Днепра два пехотных батальона Елецкого и Рязского полков, а также Ямбургский карабинерный полк, численно весьма слабые. Ещё позднее, уже после прохода татарского войска, прибыл Псковский карабинерный полк, который был оставлен в Цыбулёве и так и не соединился с главными силами Исакова. В рапорте на имя П.А. Румянцева от 24 января (4 февраля) Исаков прямо называл слабость своего отряда главной причиной бездействия:

«...в поле выйти и так малолюдным войском, в котором не больше как пехоты до двух тысяч пятьсот девяносто и с прибывшими двумя батальонами, а легких войск две тысячи четыреста и [с] ябургским карабинерным полком, да малороссийских казаков, коих робость ни к чему употребить не можно до двух же тысяч, но сколько ж из того переязбших и оттого больных от жестокой стужи и метели, превосходящей силы человеческие, которая продолжается со времени впадения неприятеля в границы, и войско потому употребляясь в походы и в непрестанные партии совсем по такой ужасной стуже ослабело, а особливо легкие команды, по недовольному их числу с ноября месяца не только при кордоне разъезды содержали, но и разные экспедиции в Польше и здесь отправляли, затем неминуемо требует отдохновения, да и по морозу такому не можно ружьем действовать»¹⁹⁷.

При этом Исаков подчеркивал, что силы неприятеля, по показанию двух пленных татар, составляют 80 тыс. человек и что, как говорили эти «языки» и бежавшие из плена русские, они намеревались атаковать крепость. Для того чтобы затруднить прибытие к защитникам «сикурса», то есть помощи и подкрепления, татары сжигали селения, запасы хлеба и сена. По словам Исакова, в ночь на 24 января (4 февраля) арьергард татарского войска ночевал в Аджамке, но основные силы его уже двигались на север к Днепру. Исаков утверждал, что с наличными силами своего корпуса, даже с полученным подкреплением, не может действовать самостоятельно и просил: «Соблаговолите приказывать всевозможно и скорее его встретить и тем мне поиски над ним облегчить, чтоб он между двумя огнями находился, то есть спереди от Днепра и от меня, но только нужно и то, чтобы меня скорее еще сикурсовали, ибо я не могу важного своим малым корпусом против такого многочисленного неприятеля ничего предпринять»¹⁹⁸.

На дополнительную помощь из-за Днепра от Г.Я. фон Далке можно было не рассчитывать — у него в тот момент оставались только Белёвский пехотный, Борисоглебский драгунский и Ростовский карабинерный полки, общей численностью всего 1400 человек с небольшим, а ещё один пехотный полк — Черниговский — был только на марше. В духе указаний Румянцева

фон Далке сосредоточил свои небольшие силы к Кременчугу, отсюда наблюдал за действиями противника и сторожил свой участок на Днепре¹⁹⁹. Этим, фактически, и ограничилась восхваляемая патриотическими историками румянцевская «сосредоточенная оборона» зимой 1769 г.

По донесениям А.С. Исакова, 25 января (5 февраля), в тот день, когда Крым-Гирей уже вступил в Смелянщину и часть его сил атаковала Цыбулёв, отряд татар «в нескольких тысячах» вновь приблизился к крепости, но «опять разбит высланными от меня и прогнан до Цыбулева, который был от него атакован, но тоже отбит с уроном ему и наконец прогнан в Польшу»²⁰⁰. Как докладывал Исаков, в боях вблизи крепости действовали пикинеры и гусары поселенных полков, а также добровольцы из запорожцев, компанейцев и малороссийских полков. В этих стычках конных партий русские имели подавляющий перевес, а противник нёс несопоставимо большие потери: «Неприятель гораздо больше имел урону, ибо кроме того от жестокой стужи терял людей, убито его посланными от меня партиями семьсот тридцать четыре, а наших побито гусар, пикинер и казаков десять, безвестно пропало два, ранено шесть. Весьма мне препятствовала бывшая несносная стужа, инако же бы большие потери он возчувствовал, ибо и вчера, как он близко крепости и в большом числе пришёл, то без дальнего супротивления разогнан и все упомянутое число побито пикинерами, Компанейскими и запорожскими и несколько малороссийскими казаками, только охотниками при сотнике Миргородского полку Потапенке, а от пикинер примайор Увалов, которые во всех случаях ревностно поступают»²⁰¹. Исаков отдельно упоминал, что его конные партии активно пользовались захваченными у татар лошадьми, саблями и луками²⁰². Ф. де Тотт ничего не упоминает о столкновениях с русской конницей вблизи крепости, так как в те дни он вместе с ханской ставкой находился дальше к северу.

Штаб-квартира П.А. Румянцева находилась в Глухове, за 370 км по прямой от крепости Св. Елисаветы, слишком далеко от всей Украинской линии. Вдобавок, татарское нападение застало Румянцева в Киеве, куда он выехал на совещание с главнокомандующим 1-й армией князем А.М. Голицыным. Это ещё больше усложнило для него задачу оперативного руководства действи-

ями по отражению набега. Поняв из донесений А.С. Исакова и других местных командиров, что события развиваются не самым благоприятным образом, Румянцев обрушился с гневной критикой на командующего войсками в Елисаветградской провинции. В своём ордере Исакову от 27 января (7 февраля), когда татары уже выходили из русских пределов, Румянцев, не выбирая выражений, фактически обвинил его в пренебрежении служебным долгом, преувеличении сил неприятеля и даже в трусости: «Вы имели довольно пехоты и с превосходством против того конницы, вы должны были, познавши только вступление неприятеля, встречать его военною рукою и в случае сражения, если бы вы не могли всемерно одержать верх, тогда бы оставалось прилично ретироваться со своим корпусом к крепости под пушки. [...] Страх недостойный увеличивает в одном воображении вашем без испытания силы и число неприятеля, так как напротив уменьшает довольство собственных. Не стыдно ли вам себя унижать пред неприятелем в терпении, которого действий не останавливает стужа, а наши войски для оной равномерно ополчаться не могут? Я скажу справедливо, что ко всему были и есть способы, но недостает только одной диспозиции. Вы, господин генерал, ответственны будете за все то, что вы уже упустили, и еще паче ежели неприятель беспрепятственно и ко Днепру дойдет и вы его не отважитесь, сзади или со стороны ударив, приостановить своим оружием, не возлагая того на счет других командиров»²⁰³. При этом действия Исакова изображались Румянцевым в письме к Н.И. Панину в каком-то карикатурном виде: «...генерал-майор Исаков сам с своею командою привязался толь крепко к сей крепости, что мог бы и не знать приближения неприятеля, ежели бы наш объезд, наехавши на двоих татар, заблудившихся от вьюги, не взял оных»²⁰⁴.

Ещё до получения ордера-разноса от П.А. Румянцева Исаков 27 января (7 февраля) наконец выступил с основными силами своего «корпуса» и двинулся на северо-запад, оставив в крепости Св. Елисаветы батальоны Ряжского и Елецкого полков (600 человек в обоих), 1600 малороссийских казаков и 400 человек из гарнизонных батальонов под общей командой полковника Ряжского полка Б.И. Вассермана²⁰⁵.

На следующий день, 28 января (8 февраля), Исаков докладывал из шанца Новомиргородского*: «Выступил я действительно и вчерась сделал форсированный марш, ныне же в Миргород пришел, применяясь к обращениям неприятельским, известие теперь есть, что он (неприятель. — В. К.) к Смелой тянется, то по сему не оставлю и я по обстоятельствам его обращения подвигаться ему напротив к защищению границ, для того стараюсь ежечасно ведать подлинные его движения»²⁰⁶.

Итак, Исаков выступил со своим корпусом из крепости только 27 января (7 февраля), спустя 6–7 суток с момента прохождения главных татарских сил вблизи крепости, и за два дня форсированными маршами, несмотря на морозную погоду, прошёл путь от крепости до Новомиргорода, около 55 км по прямой. Оттуда Исаков двинулся дальше на запад, в сторону приграничного шанца Архангельского. В ночь на 1 (12) февраля он заночевал в 40 верстах от Новомиргорода и на следующий день собирался быть в Архангельском²⁰⁷. Таким образом, обычными, нефорсированными маршами генерал Исаков с основными силами своей пехоты и с пушками проходил около 20 км в день. При этом он двигался не вдогонку по следам основного ядра орды, а как бы параллельным курсом с ним, притом отставая, самое малое, на день пути. При повороте татар к югу это гипотетически позволило бы Исакову перехватить их, если бы его корпус не уступал им так сильно в скорости и мобильности. К тому же, Исаков не особо и стремился настичь татар. Позднее он докладывал, что «намерение мое было, чтоб отманя его от Днепра и от границ Елисаветградской провинции, атаковать всем корпусом, но он весьма спешил, сведав мои положения»²⁰⁸.

Для активного преследования татар А.С. Исаковым после прихода в Новомиргородский шанец была направлена лёгкая конница под началом полковника Псковского карабинерного полка князя И.В. Багратиона**, силой в 2 тыс. человек²⁰⁹. Она так и не настигла главные силы хана, но вела охоту на рассыпавшиеся по провинции татарские чамбулы и, настигая, уничтожала не-

* Современный Новомиргород, райцентр Кировоградской области Украины.

** Багратион Иван Вахуштович, родственник, но не отец П.И. Багратиона.

которые из них. Те ясырники, кому удавалось бежать от татар, подтверждали, что легкие войска Исакова имели с противником на пути к Умани успешные «шармицели», т.е. конные стычки, и наносили ему немалый урон, тогда как русская пехота следовала верстах в 30-ти позади²¹⁰. Примечательно, что конницу Багратиона составляли в основном местные жители, служившие в поселенных Чёрном и Жёлтом гусарских и Елисаветградском пикинерном полку (округ последнего наиболее пострадал от татар). Поэтому борьба русских мстителей с татарскими налётчиками имела особо беспощадный и истребительный характер. В плен татар практически не брали, а приканчивали их на месте. Один из рапортов Исакова Ф.М. Воейкову, найденный нами в архиве, красноречиво передаёт атмосферу предельного взаимного ожесточения сторон в те дни:

«...Что несравненно мало пленных неприятельских против их убитых, ваше высокопревосходительство не извольте тому удивляться, ибо неприятельская сволочь так зла, что много раз видеть случалось, яко при самой смерти будучи уже либо изранен, либо вовсе сбит с лошади, однако ж обороняется, и отнюдь жив не дается, напротив взаимно тому и легкие войска наши, то есть поселенные в здешней провинции пикинеры, злясь за то, что неприятель в их поселениях сделал для разорения их жилищ и забрания в добычу их родственников, особливо что сперва ударил он на слободы Елисаветградского пикинерного полка, то мстя все также столь невоздержаны, что никоим способом не можно привести их в резон, дабы при удобном случае живых токмо полонили, но предают всех без пощады конечной смерти, так как последний раз в партии, когда мурзу одного сшибли с лошади, и как, разумея, какое известие от него получить можно, хотели весть его ко мне, но не получено сего, потому как пикинеры за свою обиду мщенья и его ведомого уже закололи с приговоркой сею: не берите де наших отцов и матерей»²¹¹.

За время татарского набега и преследования противника войска команды А.С. Исакова также сильно страдали от мороза: «Все сии действия произведены при жесточайших морозах и метелях, превосходящем почти силы человеческие, от которых по репортам от полков и команд показано переязбших людей

четыреста тридцать один, но должность обязывала не взирать и на сие»²¹².

Несмотря на истребление отдельных чамбулов, ханское войско, обременённое большой добычей, беспрепятственно и благополучно прошло на запад по северным окраинам Елисаветградской провинции и по южным — польских Чигиринской и Смелянской губерний — и пришло в Уманщину. Взятый в плен тяжелораненный «служитель» при хане поляк Марк Ивановский показал при допросе, что 28 января (8 февраля) Крым-Гирей, имея десять или более тысяч татар и арнаутов, находился в селе Ташлык Смелянской губернии, причем его сопровождал польский князь Четвертинский. По словам пленного, хан намеревался пробираться в Балту²¹³. По некоторым данным, у татар были проводники из польских конфедератов, что еще больше облегчало их передвижение²¹⁴. В Уманьщине проводником татар служил «ключа Жаботинского ротмистр рода волоского прозванием Стамбовский»²¹⁵. По сведениям Исакова на 30 января (10 февраля), противник накануне находился в Матусове, в 30 км к северу от Новомиргорода, то есть между главными силами сторон сохранялась прежняя дистанция²¹⁶.

31 января (11 февраля) командир русского авангарда полковник князь И.В. Багратион докладывал, что неприятель двинулся к Умани и ночевал в польской Кальниболоте — очевидно, имелось в виду селение по другую сторону пограничной речки Большая Высь, напротив русской Кальниболоты*, шанца 5-й роты Чёрного гусарского полка²¹⁷.

Вопреки всем запретам Крым-Гирей, татары столь же беспощадно грабили владения Польши, союзником которой формально называла себя Османская империя. Высланный 1 (12) февраля на разведку Лубенского полка Чигрин-Дубровский сотник Бутовский докладывал, что в Смелянщине татары полностью выжгли Борки и Каменку и разорили местечки Осоту, Яновку и Яровое. Церкви были разграблены, татары ставили там лошадей, жгли образа для варения на них пищи²¹⁸. По этим названиям можно

* Современное село Кальниболота Новоархангельского района Кировоградской области; напротив него через реку находится село Ямполь Катеринопольского района Черкасской области.

проследить на карте, что ханское войско от Борков двигалось на северо-запад, в сторону Смелой, и подошло к ней на 20 км, а затем повернуло на запад.

Как показывает переписка русских военачальников, в случае попытки татарского войска двигаться дальше на север к Днепру, задержаться на Уманщине или продвигаться в глубь польских земель, они намеревались поймать противника в мешок. Его должны были образовать корпус А.С. Исакова от Елисаветградской крепости, корпус князя А.А. Прозоровского с Винничины, войска Г.Я. фон Далке и П.Г. Племянникова от Кременчуга и Днепра²¹⁹. Однако русское командование с большим запозданием узнавало о движениях неприятеля, медленно осуществляло связь, и потому перехватить татар на обратном пути для русских войск в тех условиях было в принципе невозможно.

Татарское войско пробыло на Уманщине три дня, а затем, никем по-настоящему не преследуемое, двинулось на юг, в сторону родных степей, и, не доходя до самой Умани, прошло восточнее этого города, между ним и русским приграничным шанцем Архангельским²²⁰. Придя в местечко Саврань Брацлавского воеводства, Крым-Гирей устроил там стоянку с общим дележом добычи и затем распустил по домам свои орды, за исключением Буджакской, во главе которой он 5 (16) февраля выступил из Саврани и проследовал через Балту и Ягорлык к Дубоссарам²²¹. Уже к 9 (20) февраля генерал А.С. Исаков от высланных им конных разведчиков имел сведения, что хан находится в Балте и распускает свои войска по домам²²². Затем хан переправился через Днестр у Бендер под звуки артиллерийского салюта и, отдохнув в Бендерской крепости, 13 (24) февраля торжественно вернулся в свой дворец в Каушаны²²³.

Одновременно с вторжением ханского войска в Елисаветградскую провинцию, меньшие по численности орды под руководством калги и нуреддина напали на Бахмут и Волчы воды, но были успешно отражены местными русскими гарнизонами и быстро отступили, хотя и успели взять добычу. Силы татар, подступивших к Бахмуту 27 января (7 февраля), были оценены русским командованием всего в 5 тыс. человек²²⁴. Этот гораздо менее значительный по размерам эпизод и дал советским исто-

риографам формальные основания превозносить «прогрессивную» стратегию обороны П.А. Румянцева, как представляется, без малейших оснований.

На пепелище русской провинции: споры и подсчёты

Последнее в истории татарское нашествие на Россию завершилось, и русским военным и гражданским властям оставалось лишь подсчитывать ущерб и искать виновных. Широкой публике в России была представлена сглаженная и приукрашенная версия событий. В официальном журнале военных действий 2-й армии за 1769 год, который был на следующий год опубликован в Санкт-Петербурге, фактически повторено изложение генерал-майора Исакова, где подчеркивалось, что ханскому войску был дан успешный отпор, что попытки татар атаковать крепость Св. Елисаветы и гусарский шанец Цыбулёв были отбиты с небольшим уроном, что войска генерала Исакова преследовали орду на её пути в Польшу и освобождали взятый полон: «Вслед за ним послана достаточная партия, да и сам Генерал Майор Исаков со всем своим корпусом пошел уже вперед искать его. Всей бытности Хана Крымского в Елисаветградской провинции было четыре дня, в кои он более семи сот человек убитых имел, без всякого почти с нашей стороны урона, ибо Татара нигде не стояли, так что еще не осталось ни одной из наших партий, которая бы не привезла с собою нескольких пленных, лошадей и другой добычи»²²⁵. Журнал сообщал, что «полковник Багратион с легкими войсками пошел по следам неприятеля; что неприятель бежал к польскому местечку Гумане, и бросает все тяжелое; что плененные им в Елисаветградской провинции свобождаются, между тем, от него и возвращаются в свои жилища; и что [...] он, опасаясь наших поисков, идет кучею и в Балту»²²⁶. Особо подчеркивалось, что хан отступил «без причинения в наших границах вредного разорения, в Польшу; в оной же на побеге оставляет ужасные следы варварства своего, разоряя жилища и церкви, а жителей увозя с собою в тяжкую неволю»²²⁷.

Однако журнал военных действий явно приукрашивал неприглядную картину произошедшего. Как мы видели, татары, вопреки словам А.С. Исакова, находились на территории Елисаветградской провинции и разоряли ее не четыре дня, а, по меньшей мере, с 19 по 26 января (с 30 января по 6 февраля). Русские военачальники были хорошо осведомлены о реальном ходе событий и не скупилась на чернила и эмоции для оправдания себя и перекладывания ответственности на других.

Ещё во время набега П.А. Румянцев обвинил во всём генерал-майора А.С. Исакова и в дальнейшем продолжал придерживаться этой линии. Он затребовал у Исакова объяснений, и 12 (23) февраля тот представил свой подробный, на 8 листах, отчёт. Советские историки видели документы их служебной переписки, но грубо попирали принцип *audiatur et altera pars* и не позволяли читателю ознакомиться с объяснениями Исакова, ибо это могло поставить под сомнение апологетическую трактовку действий Румянцева. Составители трехтомника документов генерал-фельдмаршала писали просто: «П.А. Румянцев был очень недоволен действиями генерал-майора Исакова, позволившими татарам вторгнуться в Новороссийскую губернию. Объяснения Исакова, данные в его рапорте, в котором он пытается оправдать свои поступки и невыполнение приказа Румянцева ссылками на многочисленность противника и слабость своих сил, не могли быть признаны достаточными. Рапорт Исакова в Сборнике не публикуется»²²⁸.

В своем отчёте от 12 (23) февраля Исаков вновь повторил свои прежние доводы. Слабость его отряда как в регулярной пехоте, так и в лёгких войсках не позволила ему сразиться с главными силами противника. Встретить врага в открытом поле Исаков не мог, так как опасался, что подвижные массы татарской конницы попросту обойдут его и дальше беспрепятственно устремятся в глубь провинции, создадут угрозу крепости и разорят её форштадт. Также Исаков подчёркивал, что с имевшимися у него силами он был практически беспомощен против тактики татар, распылившись по провинции на множество мелких загонных отрядов. «Есть ли способ сего неприятеля легкого, ветренного и хищного удержать, чтобы он не ворвался в границы и не

сделал какого похищения, особливо в обширной и открытой со всех сторон провинции, разве надобно кругом протянуть цепь, во многом числе войск, а иначе ума моего не достает», — писал Исаков и добавлял: «За ветром гоняться не можно»²²⁹. При этом он упирал на то, что активно высылал партии лёгких войск для перехвата и уничтожения татарских загонов и заблаговременно принял меры по укрытию населения в укреплённых шанцах. В своем рапорте Исаков, не скрывая горечи, рассказывал, что делал всё возможное для подготовки провинции к обороне: «Затем принужден я вашему сиятельству открыть утомленные мои мысли, что я сокрушением сердца вижу, что остались втуне все мои труды и могу сказать неусыпные попечения, которые я чрез три месяца прилагал, стараясь по всей возможности привести провинцию в защитное состояние, как и самую крепость. Укреплял места для ретирады людям, вооружал их, приводя в исправность тем временем, гусар и пикинер снабдевая мундирами и прочим, мучился с поселянами, как с простым и грубым народом, чтобы их привести в послушание для ретирады, о хлебе старался, дабы его не потерять, о магазейнах, словом, о всякой безопасности провинции трудился и распоряжал»²³⁰.

31 марта (11 апреля) 1769 г. П.А. Румянцев в очередной реляции императрице изложил свое видение произошедшего, возложив всю вину на генерал-поручика Г.Я. фон Далке и более всего на генерал-майора А.С. Исакова. С этой реляцией он сопроводил и отчёты обоих подчинённых военачальников, оценив их как не заслуживающие внимания. Румянцев ставил в вину Исакову, что тот, во-первых, не рискнул встретить противника в запорожской степи, вне пределов провинции, а во-вторых, что после перехода татар через Ингул он заперся в крепости, а не распределил свои войска отдельными заслонами на территории провинции: «Не позволяя я отнюдь того, чтоб пехотные полки, толь меньше кавалерию содержать в крепости, но постановил расположить оные в местах удобных и самою натурою укрепленных в околичностях Чёрного лесу, где они могли бы способно и с подкреплением беспрепятственно от Днепра действовать против неприятеля и не допустить пройтить ему между крепостью к Днепру, и с того краю в Польшу»²³¹. Когда именно и в каких выражениях был

дан Исакову этот приказ — неизвестно, и какой военный смысл был выводить пехоту из крепости в зимний лес — тоже. Примечателен и стиль поведения Румянцева по отношению к своему подчинённому перед высшим руководством. Прицепившись к одной лишь фразе Исакова о том, что Ф.М. Воейков якобы предписывал ему в крайнем случае отступить за Днепр, Румянцев фактически обвинил Исакова во лжи и заявил, что Воейков всячески отрицает это. При этом все существенные доводы Исакова в оправдание его действий, изложенные на 8 листах, Румянцев предпочёл проигнорировать.

Как мы видели, советские историки, стремившиеся любой ценой доказать «прогрессивность» графа П.А. Румянцева как военного деятеля, всячески подчеркивали, что вопреки отсталой и косной европейской «кордонной» стратегии того времени, он стремился не разбрасывать свои силы на большом пространстве, а держать их единым сосредоточенным кулаком. Якобы, этих взглядов Румянцев придерживался и зимой 1769 г. Но события в Елисаветградской провинции показывают, что на местном уровне ситуация была как раз противоположной. Вопреки указаниям Румянцева разделить войска на отдельные отряды и расположить их в разных частях провинции, в частности, на окраинах Чёрного леса, — Исаков счёл единственно разумным держать ядро своего «корпуса» в крепости и оттуда действовать «по обращениям неприятельским», хоть это на практике и развязало татарам руки для разорения провинции.

Ранее сам П.А. Румянцев писал: «В ровной и открытой степи... не только частица войска, но и нарочитой корпус не может противостоять силам многочисленным, которыми окружают со всех сторон открытые дороги»²³². Однако в праве на этот самый довод командующий отказывал своему подчинённому. К тому же, перед началом войны Румянцев последовательно и упорно говорил о невозможности обороны правобережья Днепра и выступал против посылки туда войск, а теперь утверждал, что Исаков имел необходимые силы для активных действий. Пресловутые мобильные кулаки Румянцева на Украинской линии были слабы и малоподвижны, а общий уровень руководства ими не позволял оперативно реагировать на действия противника. Перебраться за

Днепр войско Крым-Гирея и не собиралось, но на правом берегу оно чувствовало себя достаточно свободно, и никакая стратегия Румянцева помешать ему не могла.

Доводы обеих сторон неравного спора были выслушаны на самом высоком уровне. В протоколе заседания Государственного совета от 14 (25) мая 1769 г. было записано: «Читана реляция графа П.А. Румянцева с приложенными при оной копиями с ответов генерал-поручика Далке и генерал-майора Исакова, на которую рассуждаемо было, чтоб отдать на рассмотрение его, графа Румянцева, дабы он помянутому генерал-майору Исакову, сходственно с милосердием Ея Императорского Величества, сделал увещевание»²³³. Итак, точка зрения П.А. Румянцева была официально признана верной, а все выстраданные аргументы Исакова не принесли ему ничего, кроме милосердного прощения с «увещеванием». Шансов отстоять свою правоту в споре с высшим командованием у генерала Исакова практически не было. Ещё в феврале 1769 г. под предлогом болезни (неясно, настоящей или «политической») он был сменён на посту командующего войсками Елисаветградской провинции генерал-майором В.Ф. Лебелем²³⁴. Это был окончательный закат карьеры Исакова; о дальнейших его назначениях ничего не известно.

Итак, в январе 1769 г. военная защита юго-западного форпоста России, Елисаветградской провинции, оказалась недостаточно эффективна, а последствия татарского набега, несмотря на все попытки русских военачальников приуменьшить их и обелить себя, были весьма болезненны для русской стороны. Так насколько был велик в действительности масштаб человеческих потерь и материального ущерба, нанесённых войском Крым-Гирея?

1 (12) марта 1769 г. в Константинополе было получено и встречено пушечным салютом донесение Крым-Гирея об одержанной им победе. Хан доносил, что с войском в 70 тыс. татар и 10 тыс. сипахов он разорил 150 деревень, захватил 20 тыс. пленных и несколько сот тысяч голов разного скота²³⁵. Ф. де Тотт также писал, что в русских пределах татарами было сожжено около полутора сотен деревень²³⁶. А.А. Скальковский считал эти данные преувеличенными. По его сведениям, в то время вся

Елисаветградская провинция вместе с поселенными полками и гарнизоном едва имела 35 тыс. душ обоого пола (на самом деле, по достоверным данным, около 75 тыс.), 50 шанцев, столько же начатых слобод и хуторов. По мнению Скальковского, 150 сожжённых селений быть никак не могло, тем более что татары не нашли многих сел и зимовников, расположенных в балках, у оврагов²³⁷. С другой стороны, тот же историк признает, что «вся почти Елисаветградская провинция и часть зимовников Запорожских по Ингулу, Корабельной, Мертвым-Водам (в Бугогардовой поланке) была захвачена врагами или пожрана пламенем»²³⁸.

30 марта (10 апреля) 1769 г. императрица Екатерина II повелела «о присылке уведомления, сколько при впадении неприятеля в границы Елисаветградской провинции и около Багмута пленено народа и последовало убытков»²³⁹. Потери русской армии были невелики. В Елисаветградской провинции пикинеров, гусар и казаков убито 10, пропало без вести 2 и ранено 8, а под Бахмутом чинов той же службы убито и пропало без вести 29 человек²⁴⁰. Труднее было определить потери населения и материальный ущерб. На запрос Румянцева Исаков отвечал, что, по его подсчёту, в плен было захвачено около трехсот человек, но «точного числа им сказать не может и теряется в счёте», так как множество людей бежало из провинции за Днепр, в глубь России. Безусловно, свои данные Исаков умышленно занижал. Военные власти оказались не в состоянии сами провести точные подсчёты и обратились в Новороссийскую губернскую канцелярию, за данными властей земских. Оттуда были представлены два рапорта — один изюмского комиссара секунд-майора А.Т. Грачёва, другой — Днепровского пикинерного полка вахмистра Байдана, значковых товарищей Луценко и Кириллова.

По рапорту трёх последних, в Елисаветградской провинции в результате набега ханского войска было взято в плен 498 человек обоого пола, убито — 345 мирных жителей; сожжено 4 церкви, 1138 жилых домов, 5 мельниц, 1 винокурня; угнано 4429 овец, 5897 голов рогатого скота, 370 лошадей, 30 свиней (очевидно, это пополнили свои запасы некрасовцы, так как татары, по Г. Боплану, сжигали этих отвратительных животных в сараях. — В. К.); сожжено немалое количество сена и хлеба²⁴¹.

По ведомости секунд-майора Грачёва, в плен было угнано 624 души мужского и 559 женского пола, убито — 100 душ мужского и 26 женского пола; то есть общие человеческие потери составили 1309 человек. Угнано скота — 13 567 крупного рогатого скота, 17 100 овец и коз, 1557 лошадей, сожжено 4 церкви, 3 мельницы ветряные, 3 водяные, 1190 поселенских домов, 1 винокурня²⁴². В районе Бахмута татарами было убито 40 и взято в плен 794 человека, нанесен материальный ущерб на сумму 60 400 рублей²⁴³.

Расхождения между цифрами двух ведомостей Румянцев объяснял тем, что Грачёв «скрывшихся в дальние и ближние места жителей убылыми поставлял», и потому ведомость вахмистра Байдана была более точной²⁴⁴. Однако достоверность обоих рапортов вызывает большие сомнения.

Барон Ф. де Тотт называет на порядок большее число захваченного ясыря — свыше 20 тыс. человек (уже ко времени сбора орды на польской территории). Французский консул выводил эту цифру из того, что положенная хану по закону десятая доля добычи («хумс») составила две тысячи человек, даже при всевозможных ухищрениях татар укрывать свои трофеи от начальства. Такое количество пленных де Тотт наблюдал лично, поскольку Крым-Гирей щедро раздаривал невольников приближённым, предлагая их, в том числе, и своему французскому гостю²⁴⁵. По показаниям шпиона русского командования, после окончания успешного набега хан послал в Константинополь в дар султану 300 высоких женщин и 300 — меньшего роста²⁴⁶. Согласно историко-биографическому труду крымского принца Халим-Гирея, во время похода на русские земли в 1769 г. Крым-Гирей захватил в плен 15 тыс. «москвитов»²⁴⁷.

Французского резидента впечатляла та зверская сноровка, с которой татары в ходе набега транспортировали свою добычу, в том числе и двуногую: «С трудом можно было понять, даже видя собственными глазами, ту заботливость, терпение и удивительную ловкость, которые обнаруживают татары для сохранения того, что они успели захватить. Пять или шесть невольников разного возраста, шестьдесят овец и двадцать волов — добыча одного человека — не обременяют его. Головы детей высматривают из мешка, привешенного к тулке седла, молодая девушка

сидит впереди, поддерживаемая левой рукой всадника, мать позади, отец на одной из заводных лошадей, сын на другой, овцы и волы впереди, — все идет и не сбивается с пути под бдительным оком хозяина этого стада»²⁴⁸.

Однако эта «ловкость» при захвате и перевозке ясыря рука об руку соседствовала со зверской жестокостью. В петиции жителей польских Киевского и Брацлавского воеводств на имя российской императрицы говорилось: «...К сущему нашему нещастию хан татарской со всем войском вышел из новой Сербии в Смелянщизну и, поворотя Польшею, вдоль по российской границе, к Саврани и Балте многие селы и деревни сожег. И удивляться недолжно, что в сих местах не почитал по обыкновению веры нашей христианской, церковей, которые еще со особливою жадностью старался разорять, употребляя все последнее тиранство с собратиями и родственниками нашими, забирая из многих мест, где находили, молодых обоего пола людей повели их до своей границы в такое время, что чрез бывшие морозы многое число забранных младенцов поморозил. Кончил тем свое тиранство, что обоего пола людей без выключки всех убивали и запирая в избу до пятидесят человек зажигали»²⁴⁹.

По всей видимости, значительная часть ясыря была захвачена татарами именно на польских в то время Смелянщине и Уманщине — несчастных землях, и без того опустошаемых конфедератами и гайдамаками и лишённых всякой организованной военной защиты. В любом случае, эти пленные в подавляющем большинстве были православными малороссами. Но и российских подданных в полон было угнано немало. Очевидно, показанная в отчете майора А.Т. Грачёва тысяча с лишним пленных из Елисаветградской провинции означала как раз тех, кого не удалось отбить на обратном пути. Впоследствии в ходе победоносной кампании П.А. Румянцева весной и летом 1770 г. на реке Прут к его войскам из татарских селений Буджака бежали русские рабы, захваченные в январе 1769 г.²⁵⁰.

Примечательно, что высшие сановники Российской империи исходили из представления о том, что в ходе набега в татарский полон было угнано 16 тыс. человек. В феврале 1770 г. сменивший П.А. Румянцева новый главнокомандующий 2-й армией генерал-

аншеф граф Пётр Панин писал своему брату Никите, фактическому главе дипломатического ведомства, что это «будет конечно первым из всех зим, бывших и нынешней с Турком войны, не только безвредным, но и без всяких тревог и помешательств в земских промыслах здешних обывателей пребыванием»²⁵¹. И добавлял: «Но как оно ни есть, мой любезный друг, однако ж прошлая зима (1768–1769 гг. — В. К.) здесь стоила до 16 000 обывательских голов и душ, а нынешняя ни одного волоса»²⁵². Два могущественных брата-вельможи могли быть вполне откровенны друг с другом. Позднее именно это число жертв татарского набега — 16 тыс. человек обоего пола и всех возрастов — было приведено Н.И. Паниным в инструкции по ведению мирных переговоров с Турцией. Причем рассматривались они как фактически безвозвратные потери, поскольку угнанные невольники были рассеяны по всей Османской империи и добиться их возвращения на родину не представлялось осуществимым²⁵³.

Однако потери Елисаветградской провинции не ограничивались убитыми жителями и угнанным ясырем. Ещё в сентябре 1768 г. Румянцев отмечал слабую привязанность тамошнего населения к земле: «Народ, там жительствоующий, при первой буре во все стороны побежит, как всегда к тому готовящийся; ибо самые лучшие жильцы, при малейших тревогах все свое имение переправляют за Днепр. Образ их обитания не много разнится от кочующих, а мысли одинаки»²⁵⁴. Так и случилось на самом деле — результаты немалых усилий Империи по колонизации Дикого поля оказались разрушены, и многое предстояло начинать сначала.

Как и писал Румянцев ещё перед войной, жители провинции имели психологию свежих колонистов и кочевников и потому легко снялись с земли и переселились в глубь России. В результате Елисаветградская провинция получила сильный демографический удар. Авторитетный специалист по исторической демографии Российской империи В.М. Кабузан пишет: «На опустошенной территории Елисаветградского пикинерного полка разместился Молдавский полк, поставленный из перешедших на сторону России “волохов, греков, армян и раскольников”. Всем им было разрешено селиться в Екатерининской провинции, Малороссии или “определиться в Молдавский гусарский полк”,

причем они предпочли земли последнего. [...] Интересно, что новоселы почти не образовывали новых поселений, а размещались в уже существующих, но разрушенных татарами. В подавляющей своей массе переселенцы 70-х годов состояли из молдаван. Освоение ими большей части территории бывшего Новослободского казачьего поселения в корне изменило этнический состав населения этого района. [...] В связи с татарским разорением и массовым переселением сюда молдаван, возрастает их удельный вес на территории всей провинции, а в Молдавском гусарском полку они становятся основным населением»²⁵⁵.

Разорительный татарский набег зимы 1769 г. воскрешал в памяти самые мрачные страницы истории многовековой обороны оседлой Руси от хищных кочевников Великой степи. В те дни как будто соприкоснулись две разные эпохи — «сторожевой и степной службы» времён Русского государства Рюриковичей и екатерининского расцвета мощи Российской империи (напомним, что А.В. Суворов был в то время уже в чине бригадира). Однако то был лишь последний буйный порыв затухающего степного пожара, повториться которому было более не суждено. А татарским ордам совсем скоро предстояло столкнуться с суровым возмездием великой северной империи. Кованая пята державы Нового времени должна была опуститься на средневековое ханство.

Вскоре после возвращения из зимнего похода, во второй половине марта по новому стилю (точная дата неизвестна) 1769 г., в разгар подготовки к предстоявшей летней кампании, Крым-Гирей I скоропостижно умер в своем дворце в Каушанах от неизвестной болезни или, как полагал барон Ф. де Тотт, в результате отравления. Именно в столице Буджакской орды, под звуки музыки любимого придворного оркестра, окончил свои дни последний выдающийся хан из дома Гиреев. Находившийся в тот момент в Крыму Н.Э. Клеemann позже вспоминал: «В начале Апреля месяца разнесся слух о смерти Гирея Хана Крымского, и он в самом деле был справедливый, и что Ковшан бунтующими Нагайскими Татарами превращен совсем в пепел»²⁵⁶. А в эти самые недели русские армии готовились с огнём и мечом перейти границы Крымского ханства и Османской империи.

«За ветром гоняться не можно...»

Какие выводы можно сделать в заключение данного очерка? В начале войны с Россией 1768–1774 гг. Высокая Порта не ошиблась в своем решении вернуть Крым-Гирея на ханский престол и доверить ему руководство соединёнными татарско-турецкими силами в нападении на русские владения. За счёт своего высокого авторитета, прежде всего у ногайских орд, хан сумел осуществить полномасштабную мобилизацию военных сил Крымского юрта и привести к русским границам многочисленное конное войско. Набег изначально имел военно-экономическую цель — масштабный грабёж русских владений — и эта цель была татарами достигнута. По своим размерам это нападение было настоящим и, как и сказал С.М. Соловьёв, последним нашествием, поскольку позднейшие набег в этом отношении не могли идти с ним ни в какое сравнение.

С точки зрения Российской империи, урон от нападения Крым-Гирея на южнорусские владения в стратегическом отношении был незначителен. Несмотря на вопиющую незащищённость границы, нерешительные и нескоординированные действия русского командования, татары не могли прорваться за Днепр и Украинскую линию, создать реальную угрозу ключевым городам и густонаселённым областям Малороссии, причинить существенный ущерб её оборонительному и хозяйственному потенциалу, нарушить сосредоточение сил русских армий для предстоявшей кампании против Османской империи и Крыма.

В ходе самого набег так и не произошло заслуживающего упоминания прямого столкновения вооружённых сил России и Крыма. Татары были крайне слабы в полевом сражении против регулярной русской армии с огнестрельным оружием (даже не говоря о действиях против укреплений). Однако их высокий мобилизационный потенциал и удивительная подвижность крупных конных масс, способных передвигаться на большие расстояния даже в экстремальных зимних условиях, показывали, что в ходе начавшейся войны русским предстояло встретить на театре военных действий опасного противника, способного к быстрым и разрушительным ударам по тылам и коммуникациям. П.А. Румянцев

писал: «Когда в толь жестокою и нестерпимую почти человечеству стужу сии легкие неприятельские войска нападение могли делать, то во время лучшей наступающей погоды, без сумнения, вящше они не престанут стремлений своих производить»²⁵⁷.

И хотя татары были неравноценным противником, действия русского командования зимой 1769 г. были откровенно неудачны. Военные власти Российской империи прекрасно сознавали незащищённость Елисаветградской провинции, но ни за все предвоенные годы, ни за четыре месяца, прошедшие с момента заключения А.М. Обрескова в Едикуле, так и не смогли принять твёрдое решение — либо обеспечить провинцию достаточными силами, либо эвакуировать её. В итоге события были пущены на самотёк, а провинция предоставлена самой себе.

Имела место и недооценка угрозы. Российский историк В.Н. Виноградов писал о набеге Крым-Гирея: «Лишь фактор внезапности позволил свершить злое дело — степная конница испарилась с просторов Украины столь же внезапно, как и появилась»²⁵⁸. Но о какой внезапности можно говорить, если с ноября 1768 г. донесения военной разведки о предстоящем татарском набеге шли настоящим потоком и в основном указывали на Елисаветградскую провинцию как на главную цель противника? Увы, граф П.А. Румянцев не доверял заграничной разведке: «...Люди для разведывания о заграничных обстоятельствах без разбору употребляются... Они больше о себе разглашают, нежели разведывают, спрашивая, как видно, всех и всякого, и приносят известия, совсем основания не имеющие»²⁵⁹. В итоге русское командование до последнего ошибочно считало данные о силах татар преувеличенными и так и не выработало ни ясного представления о намерениях противника, ни планов по его отражению.

Как доказал зимний набег Крым-Гирея, сама конфигурация новых владений Российской империи, прежде всего на правом берегу Днепра, в Елисаветградской провинции, делала эти земли практически беззащитными перед крупномасштабным вторжением из татарской степи. Россия с затратой немалых ресурсов колонизировала это пространство, но не могла обеспечить его безопасность от военной угрозы. Поселенные кавалерийские полки

провинции были не в состоянии своими силами, без участия дополнительных сил регулярной армии, защитить свои земли от нападения многочисленной татарской орды. Ещё до войны стал ясен провал эксперимента по построению из сербских эмигрантов Военной границы по австрийскому образцу. Но и после более активного привлечения восточнославянского элемента военная колонизация Новороссии оставалась недостаточно обеспечена в стратегическом отношении.

Что касается действий по обороне провинции в январе 1769 г., то не будем становиться открыто ни на чью сторону в неравном споре двух русских военачальников — будущего генерал-фельдмаршала П.А. Румянцева-Задунайского и скромного армейского генерал-майора А.С. Исакова. Для одного из них начальный акт войны с Турцией означал приближение триумфального зенита его карьеры, для другого — её тихий и бесславный закат. Кто заслуживает осуждения — так это вульгарные историографы-апологеты, поспешившие, вслед за самим Румянцевым, возложить ответственность за татарское разорение провинции на одного лишь генерал-майора огромной империи. Конечно, Исаков в январе 1769 г. не совершил подвига. Но сложно представить, чтобы даже в благоприятных погодных условиях полторы тысячи человек здоровой пехоты с нестреляющими ружьями, несколькими полковыми пушками и слабой кавалерией смогли бы, действуя в чистом поле, разбить или отразить главные силы Крымского ханства из десятков тысяч конных воинов. Во всяком случае, Исаков сумел сохранить и свой немногочисленный «корпус», и крепость Св. Елисаветы с её форштадтом.

На фоне локального кризиса, вызванного татарским прорывом в русские пределы, выпукло проступают некоторые черты графа П.А. Румянцева как полководца и руководителя. Его готовность бросить Елисаветградскую провинцию на произвол судьбы, лишь бы не подвергать риску сосредоточение своей армии, нежелание вникнуть в местную обстановку и взять на себя ответственность за произошедшее, попытки в своих реляциях приукрасить действительность, обелить и даже восхвалить себе перед вышестоящими и возложить всю вину на своего подчиненного, генерала Исакова, — всё это рисует нам не идеализированный,

а реалистичный образ жёсткого, честолюбивого и эгоистичного военного деятеля, идущего к своей цели через любые препятствия. Румянцев был абсолютно прав, когда перед войной говорил об открытости и незащищённости Елисаветградской провинции, но затем он самоустранился от активного руководства её оборонной, коль скоро эта задача не отвечала его стратегическим воззрениям. А восхваляемая военными историками «патриотической» школы «сосредоточенная оборона» по системе Румянцева при наличных силах, расстояниях и тогдашних способах связи была лишь бумажной фикцией.

Отдельным выводом данного очерка следует считать то, что путем сопоставления мемуаров барона Франсуа де Тотта с данными русских документов удалось подтвердить точность целого ряда сообщений французского дипломата. К таковым относятся: подробные сведения о маршруте и хронологии движения татарского войска, о присутствии в нём турецкого контингента из арнаутов, об исключительно тяжёлых погодных условиях во время набега и о потерях татар и турок от морозов, о взятии Петриковки (Мурзинки) и обороне её жителей в церкви, об участии ханской гвардии в боях на окраине Чёрного леса, о применении татарами тактики мелких отрядов-«чамбулов», о грабительских целях и характере нападения и о захвате татарами многочисленного ясыря и другой добычи и т.д. Таким образом, можно и в целом говорить о высокой степени достоверности мемуаров де Тотта как исторического источника.

События зимы 1768–1769 гг. также, несомненно, приблизили конец Войска Запорожского Низового. Перед набегом кошевой атаман П. Калнишевский и казацкая старшина исправно докладывали имперским властям о попытках татар сговориться с ними. Однако тот факт, что татары атаковали русские границы к западу и востоку от Днепра, по сути, в обход основных запорожских земель, вызывал сомнения в лояльности Коша. Наконец, и рождественский бунт запорожской «сиромахи» в декабре 1768 г., вызвавший беспокойство русской власти и потребовавший принятия военных мер, неизбежно должен был породить сомнения в надёжности военной силы и устойчивости социально-административного организма Сечи. Сложная конфигурация границы

к западу от Днепра, со своеобразной чересполосицей русских, польских и запорожских областей, затрудняла обеспечение безопасности украинских земель Российской империи и лишней раз доказывала, что вопросы дальнейшего освоения причерноморских степей неразрывно связаны с разрешением «славянского старого спора» с Речью Посполитой.

И в этих условиях отчетливо становилась видна целесообразность радикального решения вопроса Крыма и причерноморских ногайских орд, что и стало для России главной политической целью войны с Турцией 1768–1774 гг. В этом, на наш взгляд, заключается главное значение нашествия хана Крым-Гирея на Елисаветградскую провинцию в морозном январе 1769 г.

Примечания

- ¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времён. Кн. XIV (т. 27–28). М., 1965. С. 288.
- ² Подробнее о нем см.: Татарчевский А. Путешествие и деятельность барона Тотта в качестве консула в Крыму в 1767 году / [Студент Алексей Татарчевский]. Киев, [1873]; Васюков Е.П. Записки барона Ф. де Тотта как источник по истории Османской империи второй половины XVIII века / Санкт-Петербургский государственный университет. Выпускная квалификационная работа. СПб., 2017; Deherain Henri. La mission du baron de Tott et de Pierre Ruffin auprès du khan de Crimée // Revue de l'histoire des colonies françaises. Tome XV. 1923. P. 1–32; Tóth Ferenc. François baron de Tott (1733–1793) et ses mémoires // Annuaire de l'École pratique des hautes études (EPHE), Section des sciences historiques et philologiques. Résumés des conférences et travaux. 2011. № 141. P. 298–299; Даниш М. Дипломат словацкого происхождения барон Франтишек Тотт при дворе крымского хана Гирея // West–East. 2015. № 8. С. 35–48.
- ³ Tott Baron Ferenc de. Mémoires du Baron de Tott sur les Turcs et les Tartares. Vol. 1–4. Amsterdam, 1784–1785.
- ⁴ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в 2-х томах. Т. 2. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII веке до присоединения его к России. М., 2005. С. 97.
- ⁵ Там же. С. 98–99.
- ⁶ Скальковский А.А. История Новой Сечи или последнего коша Запорожского / изд. 2-е. Ч. 3. Одесса, 1846. С. 16.
- ⁷ Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами. С 1769–1774 год. Составлено, преимущественно, из неизвестных по сие время рукописных материалов, Генерального штаба капитаном А. Петровым. Т. 1. 1769. СПб., 1866.
- ⁸ Записки барона Тотта о татарском набеге 1769 г. на Ново-Сербию. (С предисловием и послесловием С.Е.) // Киевская старина. 1883. Т. VII. № 9–12. С. 135–198.
- ⁹ Масловский Д.Ф. Записки по истории военного искусства в России. Вып. 2. Царствование Екатерины Великой. 1762–1794 год. (С планами, чертежами и схемами). СПб., 1894. С. 130.

- ¹⁰ Клокман Ю.Р. Фельдмаршал Румянцев в период русско-турецкой войны 1768–1774 гг. М., 1951. С. 62–63.
- ¹¹ П.А. Румянцев. Т. II. 1768–1775 / сост. Е.П. Воронин, под ред. П.К. Фортунатова. М., 1953. С. IX–X.
- ¹² Там же. С. XI.
- ¹³ Грибовский В.В. Последние «татарские набеги» 1769 г. // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (V Токаревские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции / (г. Ростов-на-Дону, 6–7 мая 2016 г.) / Отв. ред. А.Л. Бойко, Д.В. Сень. Ростов-на-Дону, 2016. С. 76–82; Он же. Крымское ханство на начальном этапе войны Османской и Российской империй 1768–1774 гг.: к вопросу о «последнем татарском набеге» // Мемлекет тарихы / История государства. Астана. 2016. № 1. С. 33–57.
- ¹⁴ Грибовский В.В. Последние «татарские набеги»... С. 76.
- ¹⁵ Грибовский В.В. Крымское ханство на начальном этапе... С. 33.
- ¹⁶ Там же. С. 33–34.
- ¹⁷ Грибовский В.В. Последние «татарские набеги»... С. 76.
- ¹⁸ Там же. С. 79.
- ¹⁹ Там же. С. 78; то же самое: Грибовский В.В. Крымское ханство на начальном этапе... С. 44.
- ²⁰ Грибовский В.В. Последние «татарские набеги»... С. 82; Грибовский В.В. Крымское ханство на начальном этапе... С. 47.
- ²¹ См.: Грибовський В.В. Типологія татарських набігів у XVIII ст. // Записки науково-дослідної лабораторії історії Південної України Запорізького державного університету: Південна Україна XVIII–XIX ст. Вип. 5. Запоріжжя, 2000. С. 206–211.
- ²² Грибовский В.В. Последние «татарские набеги»... С. 76.
- ²³ В.В. Грибовский пишет: «Само же понятие «набег», которое в столь недифференцированном виде представлено в русских источниках в отношении различных видов военной активности, требует наработки четкой научной типологизации. Собственно, таковую представил комментатор хроники Халим Гирея Кемаль Усеинов, приведя из крымскотатарского языка следующие обозначения: *ильгар* — налет или наезд, *чапул* — набег и *кюруш* — военный поход. [...] Первые два могут быть сопоставлены с широко распространенным среди степных тюркоязычных народов понятием барымта (баранта), которое, впрочем, прилагается к неоднозначным явлением (месть или немотивированный моралью разбой)». Грибовский В.В. Крымское ханство на начальном этапе... С. 54–55. Однако, как мы видим, данная классификация не работает. Крупномасштабный поход общего ополчения Крымского ханства во главе с Крым-Гиреем назывался как раз термином *чапул*.
- ²⁴ Грибовский В.В. Крымское ханство на начальном этапе... С. 40.
- ²⁵ Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского (1756–1776). М., 2003. С. 185.
- ²⁶ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1827. Л. 8–8 об.; Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами... С. 130.
- ²⁷ Записки генерал-фельдмаршала... С. 186.
- ²⁸ Грибовский В.В. Крымское ханство на начальном этапе... С. 38–40.
- ²⁹ Архив военно-походной канцелярии графа П.А. Румянцева-Задунайского. Ч. I. 1767–1769 / Сообщ. М.О. Судиенко // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1865. Кн. 1. С. I–II, 1–270; Переписка графа Н.И. Панина с графом П.А. Румянцовым в первую Ека-

терининскую войну с Турками. 1769 год // Русский Архив. 1882. № 1. С. 33–125; П.А. Румянцев. Т. 2. 1768–1775 / сост. Е.П. Воронин, под ред. П.К. Фортунатова. М., 1953.

- 30 Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского (1756–1776). М., 2003.
- 31 [Левашев П.А.]. Плен и страдание россиян у турков или Обстоятельное описание бедственных приключений претерпленных ими в Царь-граде по объявлении войны и при войске, за которым владели их в своих походах; с приобщением дневных записок о воинских их действиях в прошедшую войну, и многих странных, редких и любопытных происшествий. СПб., 1790.
- 32 [Клеман Николаус Эрнст]. Клеманово путешествие из Вены в Бел-град и Новую Килию, також в земли буджатских и нагайских татар и во весь Крым, с возвратом чрез Константинополь, Смирну и Триест в Австрию, в 1768, 1769 и 1770 годах, с приобщением описания достопамятностей крымских / Переведенное с немецкаго на французский, а с онаго на российский язык Государственной Военной коллегии секретарем Иваном Одинцовым. СПб., 1783.
- 33 Скальковский А.А. История Новой Сечи... Ч. 3. С. 9–10; Грибовский В.В. Крымское ханство на начальном этапе... С. 35.
- 34 Секретарь молдавского господаря, итальянец Наний, взятый в плен русскими войсками в 1769 г., показывал на допросе: «Некоторое число Российских войск, под предводительством полковника Вейсмана, коснулось границ Молдавских, а другая Российская партия, в местечке Соробе арестовала одного пограничного капитана, родом из Валахии». См.: РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1835. Л. 5–17. Допросные пункты секретаря молдавского князя Нания. Опубли.: Переписка графа Н.И. Панина с графом П.А. Румянцовым в первую Екатерининскую войну с Турками. 1769 год // Русский Архив. 1882. № 1. С. 116–124.
- 35 Скальковский А.А. История Новой Сечи... Ч. 3. С. 10.
- 36 Наиболее подробный психологический портрет Крым-Гирея, в восприятии его современника-европейца, содержится у де Тотта. См.: Записки... С. 146–148, 155–156, , 158, 160, 166–167, 170–172, 174–179, 182–183.
- 37 Цит. по: Скальковский А.А. История Новой Сечи... Ч. 2. С. 266.
- 38 [Левашев П.А.]. Плен и страдание россиян... С. 28.
- 39 [Клеман Николаус Эрнст]. Клеманово путешествие... С. 205–211.
- 40 Peyssonnel Claude-Charles de. Traité sur le commerce de la Mer Noire. Paris, 1787. Vol. 2. P. 367–368.
- 41 Цит. по: Пейссонель Шарль де. Записка о состоянии гражданском, политическом и военном Малой Татари / Пер. с фр. В. Лотошниковой, вступ. ст., прим. и ком. В. Грибовского. Днепрпетровск, 2009. С. 65. Данное издание является переводом на русский язык двух ценных документов К.-Ш. де Пейссонеля, опубликованных в конце 2-го тома его знаменитого «Трактата о торговле на Чёрном море».
- 42 Цит. по: Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты... Т. 2. С. 80.
- 43 Там же.
- 44 Подробнее см.: Сапожников И. Каушаны во второй половине XVIII века: дворец Кырым Герай хана и другие сооружения // Scriptorium nostrum. Электронный историчный журнал / голов. ред. В. Андреев. Херсон, 2016. Вып. 3 (6). С. 194–229.
- 45 См.: Донесение российского резидента при крымском хане Никифорова о низложении Крым-Гирея / Публ. Н.Н. Мурзакевич // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 1. Одесса, 1844. С. 375–378.

- 46 [Левашев П.А.]. Плен и страдание россиян... С. 28–29.
- 47 Цит. по: *Виноградов В.Н.* Война 1768–1774 гг. — неизбежная, но несвоевременная // Век Екатерины II: Дела балканские. М., 2000. С. 95.
- 48 [Клееман Николаус Эрнст]. Клееманово путешествие... С. 30; *Deherain, Henri.* La mission du baron de Tott et de Pierre Ruffin... P. 7.
- 49 Записки барона Тотта... С. 147.
- 50 [Клееман Николаус Эрнст]. Клееманово путешествие... С. 44.
- 51 *Deherain, Henri.* La mission du baron de Tott et de Pierre Ruffin... P. 7.
- 52 Записки барона Тотта... С. 155.
- 53 *Пенской В.В.* Военный потенциал Крымского ханства в конце XV — начале XVII в. // Восток (Oriens). 2010. № 2. С. 57–59.
- 54 *Скальковский А.А.* История Новой Сечи... Ч. 1. С. 49.
- 55 *Айбабин А.И., Герцен А.Г., Храпунов И.Н.* Основные проблемы этнической истории Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. III: Сборник Крым. отд. ин-та востоковедения АН Украины; ред.-сост. А.И. Айбабин. Симферополь, 1993. С. 217. Эти же данные повторяются в: *Рославцева Л.И.* Крымские татары: Историко-этнографическое исследование. М., 2008. С. 32.
- 56 Распросные речи нагайского татарина 13 февраля 1711 г. // *Мышлаевский А.З.* Война с Турцией 1711 года. (Прутская операция). Материалы, извлеченные из архивов: Государственного, Военно-Ученого, Главного Морского, Канцелярии Военного Министерства, С.-П.-Б. Артиллерийского Музея, Рижского Генерал-Губернаторского, Академии Наук и Рукописного Отделения С.-П.-Б. Императорской Публичной Библиотеки / Издание Военно-Ученого Комитета Главного Штаба / Сборник военно-исторических материалов. Выпуск XII. СПб., 1898. С. 221–222.
- 57 *Хайдарлы Д.И.* Политические взаимоотношения между Молдавией и Крымским ханством в XVIII в. (1718–1774) / дисс. ... канд. ист. наук. Кишинёв, 1998. С. 46.
- 58 Там же. С. 47.
- 59 Там же. С. 50–51.
- 60 Там же. С. 69–73; *Хайдарлы Д.И.* Население Пруто-Днестровского междуречья и южных районов Левобережья Днестра в XVIII веке. Этнодемографические и исторические аспекты. Кишинёв, 2008. С. 102–103.
- 61 [Левашев П.А.]. Плен и страдание россиян... С. 28–29.
- 62 Цит. по: *Пейссонель Шарль де.* Записка о состоянии гражданском, политическом и военном Малой Таврии. С. 16.
- 63 Записки барона Тотта... С. 153.
- 64 *Петров А.Н.* Война России с Турцией и польскими конфедератами... Т. 1. С. 134.
- 65 Записки барона Тотта... С. 159.
- 66 *Петров А.Н.* Война России с Турцией и польскими конфедератами... С. 138.
- 67 [Левашев П.А.]. Плен и страдание россиян... С. 36–37.
- 68 Копия с письма Татарского хана к Великому Гетману Коронному, Графу Браницкому. 4 февраля 1769 г. // Архив военно-походной канцелярии... Ч. I. С. 250–251.
- 69 См.: *Андриевский А.* Русские конфиденты в Турции и Крыму в 1765–1768 г. Киев, 1894. (оттиск из VIII-й книги «Чтения в Историческом Обществе Нестора Летописца»).
- 70 Рапорт П.А. Румянцева в Военную коллегияю. 27 ноября 1768 г. // П.А. Румянцев. Т. 2. С. 32.

- ⁷¹ Скальковский А.А. История Новой Сечи... Ч. 3. С. 12–14.
- ⁷² Переписку об этом см.: РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1837. Л. 3-6, а также: П.А. Румянцев — Екатерине II. 3 декабря 1768 г. Из Глухова // Архив военно-походной канцелярии... Ч. I. С. 107–108.
- ⁷³ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1837. Л. 17. Показания отставного гусара Чёрного полка И. Форнакиева. 14 декабря 1768 г.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1823. Л. 1–1 об. Рапорт поручика И. Маргажича — майору Г.В. Булацель. 12 декабря 1768 г. Из Тульчина. Н. Клееман также писал о реквизициях оружия у христиан (в Руцук): «Как война с россиянами была объявлена, то отнимали у Христиан все у них оружия, за которые платили третью долю цены, чего они стоили». Клееманово путешествие... С. 23.
- ⁷⁶ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1823. Л. 1–1 об. Рапорт поручика И. Маргажича — майору Г.В. Булацелю. 12 декабря 1768 г. Из Тульчина.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1823. Л. 5–5 об. Сказка в походную канцелярию генерал-майора Исакова от раскольнической слободы Злынки поселенца Назара Кусакова. 18 декабря 1768 г.
- ⁷⁹ Андриевский А. Русские конфиденты в Турции и Крыму... С. 40–41.
- ⁸⁰ ОР РГБ. Ф. 222. Карт. 6. Ед. хр. 12. Л. 8–9 об. Копия. Перевод экстрактом из письма Могилевского приятеля от 14 декабря 1768 г.
- ⁸¹ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1823. Л. 2–2 об. Показания Савранской губернии слободы Чаусовой жителя Федора Горба. 22 декабря 1768 г.
- ⁸² Там же. Л. 4–4 об. Полковник К. Чеснок — Ф.А. Чорбе. 22 декабря 1768 г.
- ⁸³ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1823. Л. 11 об. Перевод с молдавского языка письма капитана Палалова майору Г.В. Булацель. Получено 27 декабря 1768 г.
- ⁸⁴ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1823. Л. 11. Показания Д. Заводовского. 29 декабря 1768 г.
- ⁸⁵ Записки генерал-фельдмаршала... С. 186.
- ⁸⁶ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1826. Л. 71–79. А.С. Исаков — П.А. Румянцеву. 12 февраля 1769 г.; о том же см.: Записки генерал-фельдмаршала... С. 194.
- ⁸⁷ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1827. Л. 8–8 об. Показания взятого из татарской орды грузина Л. Патсарахархе. 30 января 1769 г.
- ⁸⁸ Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами... Т. 1. С. 129–130.
- ⁸⁹ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1837. Л. 5. П.И. Калнишевский — А.С. Исакову. 22 ноября 1768 г.
- ⁹⁰ Там же. Л. 3–3 об. А.С. Исаков — Х.Ю. фон Эссену. Копия рапорта. Б.д. Переслано П.А. Румянцеву 8 декабря 1768 г. (получено 12 декабря). № 374.
- ⁹¹ П.А. Румянцев — Екатерине II. 3 декабря 1768 г. // Архив военно-походной канцелярии... Ч. I. С. 107–108
- ⁹² Ищенко С.А. Война и военное дело у крымских татар XVI–XVIII вв. (по запискам иностранных путешественников и дипломатов) // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках / отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Ростов-на-Дону, 1989. С. 136–145; Дмитриев С.В. Крымское ханство в военном отношении (XVI–XVIII вв.) // Тюркский сборник: 2002. Россия и тюркский мир. М., 2003. С. 210–228; Пенской В.В. Военный потенциал Крымского ханства в конце XV — начале XVII в. // Восток (Oriens). 2010. № 2. С. 56–66; Бобров Л.А. Тактическое искусство крымских татар и ногаев конца

XV — середины XVII вв. // История военного дела: исследования и источники. 2016. Специальный выпуск. V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. II. СПб., 2016. С. 209–388.

- ⁹³ Записки генерал-фельдмаршала... С. 181.
- ⁹⁴ [Клеман Николаус Эрнст]. Клеманово путешествие... С. 199–200.
- ⁹⁵ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1827. Л. 8–8 об. Показания взятого из татарской орды грузина Л. Патсарахархе. 30 января 1769 г
- ⁹⁶ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1837. Л. 15–16.
- ⁹⁷ Грибовский В.В. Крымское ханство на начальном этапе... С. 36.
- ⁹⁸ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1827. Л. 155–155 об. Экстракт полученных от нарочно посланных за границу известных от 8 января 1769 года
- ⁹⁹ Записки барона Тотта... С. 149, 151, 153.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 154–155.
- ¹⁰¹ Там же. С. 158–160.
- ¹⁰² Молдавский историк Д. Хайдарлы попытался перечислить все грабительские набеги татар на Молдавию в XVIII веке, однако события осени–зимы 1768–1769 гг. в этом перечне отсутствуют, как представляется, напрасно.
- ¹⁰³ Его имя в разных русских документах того времени и в литературе передается также как Бахт-Гирей, Баты-Гирей, Багты-Гирей, Бати-Гирей, Бити-Гирей.
- ¹⁰⁴ В.В. Грибовский утверждает, что Бахты-Гирей был назначен сераскер-султаном Едисанской орды ещё при жизни его отца, то есть в период с октября 1768 г. по март 1769 г., но ссылается при этом на данные 1770 г. См.: Грибовский В.В. Крымское ханство на начальном этапе... С. 36. Однако в ноябре 1768 г., уже после возвращения Крым-Гирея на престол, сераскер-султаном Едисана был Шан-Гирей.
- ¹⁰⁵ [Клеман Николаус Эрнст]. Клеманово путешествие... С. 60–63.
- ¹⁰⁶ Записки барона Тотта... С. 157.
- ¹⁰⁷ А.Н.Петров указывает датой выступления из Балты 13 (24) января. Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами... Т. 1. С. 130. Ф. де Тотт писал графу Ф.-Э.Г. де Сен-При 11 (22) января, что завтра утром они выступают из Балты в поход на «Новую Сербию». *Deherain, Henri. La mission du baron de Tott et de Pierre Ruffin...* P. 10–11.
- ¹⁰⁸ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1827. Л. 17–18. Экстракт действиям военным в корпусе генерал-майора и кавалера Исакова в Елисаветградской провинции.
- ¹⁰⁹ Записки барона Тотта... С. 158–161; Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами... С. 130.
- ¹¹⁰ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1823. Л. 29–29 об. А.С. Исаков — Г.Я. фон Далке. Рапорт. 19 января 1769 г. № 7; Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами... Т. 1. С. 132.
- ¹¹¹ Цит. по: П.А. Румянцев — Н.И. Панину. 17 октября 1768 г. // Архив военно-походной канцелярии... Ч. I. С. 68–69.
- ¹¹² Высочайший манифест 18 ноября 1768 г. Печатан при Сенате 19 ноября 1768 г. (Данный манифест был напечатан на 5 страницах; в Полном собрании законов Российской империи его текст отсутствует).
- ¹¹³ В официальных документах тех лет провинция именовалась именно «Елисаветградской», хотя названия «Елисаветград» тогда ещё не существовало, а её административный центр тогда назывался «крепостью Св. Елисаветы».
- ¹¹⁴ Скальковский А.А. История Новой Сечи... Ч. 2. С. 290.

- 115 Генералы и штаб-офицеры русской регулярной армии 1729–1796 гг. Сведения о службе из списков по старшинству / Составление, вступительная статья, комментарии К.В. Татарникова. Т. 1. М., 2019. С. 862–863.
- 116 *Пашутин А.Н.* Исторический очерк г. Елисаветграда. Елисаветград, 1897. С. 6.
- 117 *Скальковский А.А.* История Новой Сечи... Ч. 2. С. 177–178.
- 118 П.А. Румянцев — Н.И. Панину. 24 сентября 1768 г. // Архив военно-походной канцелярии... Ч. I. С. 59–61
- 119 П.А. Румянцев — Екатерине II. 12 июля 1769 г. // П.А. Румянцев. Т. 2. С. 106–110.
- 120 Указ Государственной военной коллегии — П.А. Румянцеву. 11 октября 1768 г. № 261 // П.А. Румянцев. Т. 2. С. 9–11.
- 121 П.А. Румянцев — Екатерине II. 23 июня 1768 г. № 647 // Архив военно-походной канцелярии... Ч. I. С. 20–23.
- 122 П.А. Румянцев — Н.И. Панину. 30 ноября 1768 г. // Архив военно-походной канцелярии... Ч. I. С. 105–106.
- 123 РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1837. Л. 63–64. Ведомость Новороссийской губернии о гусарских и пикинерных полках, в каком числе ныне оные состоят, учиненная из последних за октябрь месяц рапортов.
- 124 Там же. Л. 66–66 об. А.С. Исаков — Ф.М. Воейкову. 2 января 1769 г. Из кр. Св. Елисаветы.
- 125 Подробнее о них см.: *Паласиос-Фернандес Р., Тинченко Я.* Малороссийские компанейские и легкоконные полки в последний период своего существования. 1765–1785 // Старый Цейхгауз. 2014. № 3–4 (59–60). С. 4–15.
- 126 П.А. Румянцев — Ф.М. Воейкову. 23 июня 1768 г. № 650 // Архив военно-походной канцелярии... Ч. I. С. 23–24. Современные историки высказывают мнение, что к началу войны с Турцией во всех трёх компанейских полках вместе могло быть лишь около 500 человек. См.: *Паласиос-Фернандес Р., Тинченко Я.* Малороссийские компанейские и легкоконные полки... С. 5.
- 127 *Петров А.Н.* Война России с Турцией и польскими конфедератами... С. 119.
- 128 Подробнее см.: *Пенской В.В.* Украинский ландмилицейский корпус в XVIII веке // Вопросы истории. 2000. № 10. С. 147–153
- 129 П.А. Румянцев — в Государственную военную коллегию. 24 сентября 1768 г. // П.А. Румянцев. Т. 2. С. 3–5.
- 130 П.А. Румянцев — в Государственную военную коллегию. 17 октября 1768 г. № 1009 // П.А. Румянцев. Т. 2. С. 14–15.
- 131 П.А. Румянцев — Ф.М. Воейкову. 28 августа 1768 г. № 769 // Архив военно-походной канцелярии... Ч. I. С. 48–49.
- 132 П.А. Румянцев — Ф.М. Воейкову. 23 сентября 1768 г. № 909 // Архив военно-походной канцелярии... Ч. I. С. 57–59.
- 133 П.А. Румянцев — в Государственную военную коллегию. 24 сентября 1768 г. // П.А. Румянцев. Т. 2. С. 3–5.
- 134 Там же.
- 135 П.А. Румянцев — Н.И. Панину. 24 сентября 1768 г. // Архив военно-походной канцелярии... Ч. I. С. 59–61.
- 136 Указ Государственной военной коллегии — П.А. Румянцеву. 11 октября 1768 г. № 261 // П.А. Румянцев. Т. 2. С. 9–11.
- 137 Рескрипт Екатерины II — П.А. Румянцеву. 8 ноября 1768 г. // П.А. Румянцев. Т. 2. С. 24–25.
- 138 П.А. Румянцев — в Государственную военную коллегию. 19 ноября 1768 г. // П.А. Румянцев. Т. 2. С. 28–30.

- 139 П.А. Румянцев — Н.И. Панину. 30 ноября 1768 г. // Архив военно-походной канцелярии... Ч. I. С. 105–106.
- 140 РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1826. Л. 80–85. Копия ответа генерала поручика фон Далки, присланного от 6 февраля к генерал-аншефу и кавалеру графу Румянцеву.
- 141 РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1823. Л. 9–9 об. В.М. Долгоруков — П.А. Румянцеву. 30 декабря 1768 г. (получена 4 января).
- 142 РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1826. Л. 80–85. Копия ответа генерала поручика фон Далки, присланного от 6 февраля к генерал-аншефу и кавалеру графу Румянцеву.
- 143 РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1823. Л. 9–9 об. В.М. Долгоруков — П.А. Румянцеву. 30 декабря 1768 г. (получена 4 января).
- 144 Там же. Л. 12–13. В.М. Долгоруков — П.А. Румянцеву. Из Полтавы. Рапорт. 4 января 1769. № 013.
- 145 Рапорт П.А. Румянцева в Военную коллегию. 30 декабря 1768 г. // П.А. Румянцев. Т. 2. С. 54–55.
- 146 П.А. Румянцев — Н.И. Панину. 12 декабря 1768 г. // Архив военно-походной канцелярии... Ч. I. С. 116–118.
- 147 Там же.
- 148 РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1837. Л. 3–3 об. А.С. Исаков — Х.Ю. фон Эсену. Копия рапорта. Б.Д. Переслано П.А. Румянцеву 8 декабря 1768 г. (получено 12 декабря). № 374.
- 149 Там же. Л. 76–76 об. А.С. Исаков — Г.Я. фон Далке. 7 декабря 1768 г.
- 150 П.А. Румянцев — Ф.М. Воейкову. 23 сентября 1768 г. № 909 // Архив военно-походной канцелярии... Ч. I. С. 65–67.
- 151 РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1837. Л. 76–76 об. А.С. Исаков — Г.Я. фон Далке. 7 декабря 1768 г.
- 152 РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1826. Л. 71–79. А.С. Исаков — П.А. Румянцеву. 12 февраля 1769 г.
- 153 РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1827. Л. 156–157 об. А.С. Исаков — Ф.М. Воейкову. 27 января 1769 г. Из крепости Св. Елисаветы
- 154 *Скальковский А.А.* История Новой Сечи... Ч. 3. С. 20.
- 155 *Петров А.Н.* Война России с Турцией и польскими конфедератами... Т. 1. С. 137.
- 156 РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1837. Л. 19–19 об.
- 157 Там же. Л. 44–44 об. А.С. Исаков — П.А. Румянцеву. 7 января 1769 г.
- 158 Там же.
- 159 Подробнее см.: *Греков В.* Бунт сіроми на Запорозжжі 1768 р. // Записки історично-філологічного відділу УАН. Кн. XXI. Київ, 1927. С. 209–241; а также: ОР РГБ. Ф. 222. Карт. 6. Д. 12. Л. 4–4 об. Секунд-майор Микулшин — А.С. Исакову. Рапорт. 26 декабря 1768 г.; там же. Л. 12–12 об. П.А. Румянцев — Н.И. Панину. 7 января 1769 г.; там же. Л. 14–15. Копия с рапорта секунд-майор Микулшина к бригадиру Черткову, в Кременчуге за обер-коменданта находящемуся, от 28 декабря 1768 г.
- 160 *Грибовский В.В.* Крымское ханство... С. 37–38.
- 161 Там же. С. 38.
- 162 Записки барона Тотта... С. 164.
- 163 РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1827. Л. 156–157 об. А.С. Исаков — Ф.М. Воейкову. 27 января 1769 г. Из крепости Св. Елисаветы.
- 164 Там же.

- 165 РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1827. Л. 9–9 об. Копия с рапорта А.С. Исакова. 16 января 1769 г. В половине 6-го часа вечера. Из Груски
- 166 РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1823. Л. 16–16 об. А.С. Исаков — Г.Я. фон Далке. 19 января 1769 г.
- 167 Там же. Л. 29–29 об. А.С. Исаков — Г.Я. фон Далке. Рапорт. 19 января 1769 г. № 7.
- 168 Там же.
- 169 Записки барона Тотта... С. 164.
- 170 Там же.
- 171 *Боплан Гийом Левассер де*. Описание Украины / Пер. с фр. З.П. Борисюк; ред. перевода А.Л. Хорошкевич, Е.Н. Ющенко М., 2004. С. 227–237.
- 172 Там же. С. 232–233.
- 173 Записки барона Тотта... С. 164
- 174 Там же. С. 167.
- 175 *Грибовский В.В.* Крымское ханство на начальном этапе... С. 39.
- 176 Записки барона Тотта... С. 161.
- 177 Там же. С. 162.
- 178 Там же.
- 179 Там же. С. 165–166.
- 180 Там же. С. 167–168.
- 181 РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1827. Л. 17–18. Экстракт действиям военным в корпусе генерал-майора и кавалера Исакова в Елисаветградской провинции.
- 182 РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1826. Л. 71–79. А.С. Исаков — П.А. Румянцеву. 12 февраля 1769 г.
- 183 РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1823. Л. 24. А.С. Исаков — Ф.М. Воейкову. 20 января 1769 г. № 264.
- 184 Там же. Л. 19. А.С. Исаков — Г.Я. фон Далке. 20 января 1769 г.
- 185 Там же. Л. 24. А.С. Исаков — Ф.М. Воейкову. 20 января 1769 г. № 264
- 186 Там же. Л. 17. Г.Я. фон Далке — В.М. Долгорукову. 21 января 1769 г.
- 187 *Кабузан В.М.* Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII — первой половине XIX века (1719–1858 гг.) М., 1976. С. 106.
- 188 ОР РГБ. Ф. 222. Карт. 6. Д. 12. Л. 31–32 об. А.С. Исаков — П.А. Румянцеву. 24 января 1769 г.
- 189 Записки барона Тотта... С. 167.
- 190 Там же. С. 168.
- 191 Там же. С. 170.
- 192 См.: *Кырымлы Хаджи Мехмед Сенаи*. Книга походов. Симферополь, 1998. С. 8, 32.
- 193 Имелась в виду татарская миля, которая соответствовала немецкой или географической миле (доля дуги меридиана в 4 минуты, или 1/15 часть градуса экватора, т.е. примерно 7,41 км). Это расстояние приблизительно равно пути, который лошадь преодолевает ровной рысью за один час, так что понятия «татарская миля» и «час пути» в документах того времени были практически тождественны. См.: [*Клеман Николаус Эрнст*]. Клееманово путешествие... С. 44.
- 194 Записки барона Тотта... С. 171.
- 195 Цит. по: *Скальковский А.А.* История Новой Сечи... Ч. 3. С. 16–18.
- 196 РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1823. Л. 27–27 об. Г.Я. фон Далке — П.А. Румянцеву. Репорт. Из Кременчуга. 29 января 1769 г. № 59.

- ¹⁹⁷ ОР РГБ. Ф. 222. Карт. 6. Д. 12. Л. 31–32 об. А.С. Исаков — П.А. Румянцеву. Репорт. 24 января 1769 г.
- ¹⁹⁸ Там же.
- ¹⁹⁹ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1826. Л. 80–85. Копия ответа генерала поручика фон Далки, присланного от 6 февраля к генерал-аншефу и кавалеру графу Румянцеву.
- ²⁰⁰ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1827. Л. 17–18. Экстракт действиям военным в корпусе генерал-майора и кавалера Исакова в Елисаветградской провинции (при рапорте А.С. Исакова — А.М. Голицыну от 30 января 1769 г.).
- ²⁰¹ Там же. Л. 156–157 об. А.С. Исаков — Ф.М. Воейкову. 27 января 1769 г. Из крепости Св. Елисаветы.
- ²⁰² Там же. Л. 17–18. Экстракт действиям военным в корпусе генерал-майора и кавалера Исакова в Елисаветградской провинции (при рапорте А.С. Исакова — А.М. Голицыну от 30 января 1769 г.).
- ²⁰³ П.А. Румянцев — А.С. Исакову. 27 января 1769 г. // П.А. Румянцев. Т. 2. С. 62–63.
- ²⁰⁴ П.А. Румянцев — Н.И. Панину. 27 января 1769 г. // П.А. Румянцев. Т. 2. С. 63–66.
- ²⁰⁵ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1827. Л. 156–157 об. А.С. Исаков — Ф.М. Воейкову. 27 января 1769 г. Из крепости Св. Елисаветы.
- ²⁰⁶ Там же. Л. 10–10 об. А.С. Исаков — Ф.М. Воейкову. 28 января 1769 г.
- ²⁰⁷ Там же. Л. 24. А.С. Исаков — А.М. Голицыну. Рапорт. 1 февраля 1769 г. Из шанца Кельтень 4-й роты Чёрного гусарского полка.
- ²⁰⁸ Там же. Л. 19 б. А.С. Исаков — А.М. Голицыну. 9 февраля 1769 г.
- ²⁰⁹ Там же. Л. 24. А.С. Исаков — А.М. Голицыну. Рапорт. 1 февраля 1769 г. Из шанца Кельтень 4-й роты Чёрного гусарского полка.
- ²¹⁰ Там же. Л. 49–49 об. Лубенского полка Чигрин-Дубровский сотник Бутовский — Г.Я. фон Далке. 7 февраля 1769 г.
- ²¹¹ Там же. Л. 10–10 об. А.С. Исаков — Ф.М. Воейкову. 28 января 1769 г.
- ²¹² Там же. Л. 17–18. Экстракт действиям военным в корпусе генерал-майора и кавалера Исакова в Елисаветградской провинции (при рапорте А.С. Исакова — А.М. Голицыну от 30 января 1769 г.).
- ²¹³ Там же. Л. 30. Вятского карабинерного полка полковник барон Платен — А.М. Голицыну. 30 января 1769 г. № 64. Из Домантова.
- ²¹⁴ *Петров А.Н.* Война России с Турцией и польскими конфедератами... С. 134.
- ²¹⁵ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1827. Л. 13 об.
- ²¹⁶ Там же. Л. 17–18. Экстракт действиям военным в корпусе генерал-майора и кавалера Исакова в Елисаветградской провинции (при рапорте А.С. Исакова — А.М. Голицыну от 30 января 1769 г.).
- ²¹⁷ Там же. Л. 24. А.С. Исаков — А.М. Голицыну. Рапорт. 1 февраля 1769 г. Из шанца Кельтень 4-й роты Чёрного гусарского полка.
- ²¹⁸ Там же. Л. 49–49 об. Лубенского полка Чигрин-Дубровский сотник Бутовский — Г.Я. фон Далке. 7 февраля 1769 г.
- ²¹⁹ Там же. Л. 51. А.С. Исаков — Г.Я. фон Далке. 9 февраля 1769 г. Из Архангельского; Записки генерал-фельдмаршала... С. 200–205; *Петров А.Н.* Война России с Турцией и польскими конфедератами... С. 135–136.
- ²²⁰ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1827. Л. 19 б. А.С. Исаков — А.М. Голицыну. 9 февраля 1769 г.
- ²²¹ Записки генерал-фельдмаршала... С. 204–205; Записки барона Тотта... С. 175–178; *Петров А.Н.* Война России с Турцией и польскими конфедератами... Т. 1. С. 136.

- 222 РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1827. Л. 51. А.С. Исаков — Г.Я. фон Далке. 9 февраля 1769 г. Из Архангельского.
- 223 Записки барона Тотта... С. 175–176; *Deherain, Henri*. La mission du baron de Tott et de Pierre Ruffin... P. 11.
- 224 *Петров А.Н.* Война России с Турцией и польскими конфедератами... Т. 1. С. 138, 295.
- 225 Журнал военных действий армий Ея Императорского Величества 1769 года. СПб., [1770]. С. 130–132.
- 226 Там же.
- 227 Там же.
- 228 П.А. Румянцев — А.С. Исакову. 27 января 1769 г. // П.А. Румянцев. Т. 2. С. 62–63.
- 229 РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1826. Л. 71–79. А.С. Исаков — П.А. Румянцеву. 12 февраля 1769 г.
- 230 Там же.
- 231 Там же. Л. 67–70.
- 232 П.А. Румянцев — в Государственную военную коллегию. 24 сентября 1768 г. // П.А. Румянцев. Т. 2. С. 3–5.
- 233 Архив Государственного совета. Т. 1. Совет в царствование императрицы Екатерины II-й (1768–1796 гг.). СПб., 1869. С. 26.
- 234 РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1827. Л. 66.
- 235 [Левашев П.А.]. Плен и страдание россиян... С.36–37.
- 236 Записки барона Тотта... С. 170.
- 237 *Скальковский А.А.* История Новой Сечи... Ч. 3. С. 18–19.
- 238 Там же. С. 20.
- 239 РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1826. Л. 158–161. П.А. Румянцев — Екатерине II. 15 мая 1769 г.
- 240 Там же.
- 241 Там же. Л. 162–164. Ведомость учинена в канцелярии Новороссийской губернии, сколько при впадении неприятеля в границы Елисаветградской провинции и около Бахмута и сколько селений сожжено, также скота и разного экипажа забрано, на какую сумму явствуует под сим.
- 242 Там же.
- 243 Там же. О том же см.: *Петров А.Н.* Война России с Турцией и польскими конфедератами... С. 138.
- 244 РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1826. Л. 158–161. П.А. Румянцев — Екатерине II. 15 мая 1769 г.
- 245 Записки барона Тотта... С. 173,
- 246 *Петров А.Н.* Война России с Турцией и польскими конфедератами... Т. 1. С. 136.
- 247 *Халим Гирай-султан*. Розовый куст ханов, или История Крыма / Транскрипция, перевод переложения А. Ильми, составление приложений и пояснения Кемаля Усеинова. Под общ. ред. Н.С. Сейтягьева. Симферополь, 2008. С. 156.
- 248 Записки барона Тотта... С. 169.
- 249 Записки генерал-фельдмаршала... С. 206.
- 250 Журнал военных действий армий Ея Императорского Величества 1770 года. СПб., [1771]. С. 26, 69–70.
- 251 ОР РГБ. Ф. 222. Папка 15. Ед. хр. 6. Л. 32–33. П.И. Панин — Н.И. Панину. Письмо. 23 февраля 1770 г. Из Харькова.

- 252 Там же.
- 253 *Дружинина Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М., 1955. С. 131.
- 254 П.А. Румянцев — Н.И. Панину. 24 сентября 1768 г. // Архив военно-походной канцелярии... Ч. I. С. 59–61.
- 255 *Кабузан В.М.* Заселение Новороссии... С. 106–107.
- 256 [*Клеман Николаус Эрнст*]. Клееманово путешествие... С. 89.
- 257 РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1827. Л. 21–24. П.А. Румянцев — Екатерине II. 5 февраля 1769 г.
- 258 *Виноградов В.Н.* Война 1768–1774 гг. — неизбежная, но несвоевременная // *Век Екатерины II: Дела балканские.* М., 2000. С. 95.
- 259 Цит. по: *Клокман Ю.Р.* Фельдмаршал Румянцев в период русско-турецкой войны 1768–1774 гг. С. 57.

К вопросу о строительстве вооруженных сил в Боснии и Герцеговине в 1860-е годы*

Аннотация:

1860-е годы стали временем экспериментов в вопросах комплектования вооруженных сил в Боснии и Герцеговине: были сформированы отряды башибузуков из местного мусульманского населения; существовали проекты увеличения исламского элемента в армии за счет переселения в Боснию черкесов с Кавказа; предпринимались попытки организации пограничной стражи из христиан Боснийского вилайета. В статье на основе донесений российских дипломатов рассмотрен вопрос о том, как эти мероприятия реализовывались на практике.

Ключевые слова:

башибузуки, Порты, армия, граничары, беговат, черкесы, Боснийский вилайет.

*Ksenia V.
MELCHAKOVA*

On the question of armed forces formation in Bosnia and Herzegovina in the 1860s

Abstract:

The period of the 1860s became the time of experiments in the field of armed force creation in Bosnia and Herzegovina, for instance, there were formed bashi-bazouks units made up of the local Muslims. There were also projects aimed at increasing the number of Islamic combatants through transfer of the Circassians from the Caucuses to Bosnia. Attempts to organise border guard detachments made up of Bosnian Christians were made too. The article deals with the implementation of these projects and is based on Russian diplomatic reports.

Keywords:

bashi-bazouks, Porte, army, grenzers, begovat, Cherkes, The Bosnian Vilayet.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-59-18002 Болг_а «Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность)».

Восстание 1875–1877 гг. в Боснии и Герцеговине обратило внимание российской общественности на этот регион. В то время как на страницах популярных журналов регулярно публиковались сообщения с мест событий, патетические стихотворения в поддержку восставших против османского владычества славян, а также другие произведения, изображающие все ужасы борьбы на Балканах, официальное издание военного министерства России «Военный сборник» размещало в своих номерах аналитические статьи, в которых речь шла о населении, истории и географии региона¹. Одна из них была озаглавлена «Несколько исторических заметок о прежней военной организации Боснии и Герцеговины» (автор — штабс-ротмистр А. Чайковский, датирована 12 августа 1875 г.)².

Действительно, с учетом происходивших в то время в Боснии и Герцеговине событий, представлялось весьма важным разобраться, каково же было здесь положение дел военных. А. Чайковский подробно осветил этот вопрос, начиная с битвы на Косовом поле (1389 г.) и до середины 1850-х годов. Но что же было дальше? В данной статье, используя архивные материалы, мы рассмотрим эксперименты, которые османские власти проводили в 1860-е годы на территории Боснийского пашалыка и Герцеговинского санджака (с 1865 г. — Боснийского вилайета). Этот сюжет уже затрагивался в югославской историографии историком Ибрагимом Тепичем³. Мы же дополним его материалами донесений в военное министерство и МИД российских консулов в Сараеве и Мостаре.

Провинции Босния и Герцеговина в составе Османской империи никогда не были спокойным уголком Балкан. Этот регион постоянно сотрясали волнения. Так, с 1852 по 1862 гг. по Герцеговине прокатилось три восстания, последнее из которых окончилось военным столкновением турецкой армии с соседней Черногорией⁴.

После этих событий Порта впервые начала проводить серьезную работу по сооружению и укреплению дорог и мостов на границах с княжествами Сербия и Черногория⁵.

Еще в начале 1850-х годов Омер-паша Латас⁶ указывал на необходимость строительства дорог в Боснии и Герцеговине.

Карта Герцеговины.

*Составил картограф, капитан корпуса военных топографов
М.Г. Люсилин (Военный сборник. 1875. Т. 105. № 10. С. 412.)*

По его проекту при генерал-губернаторе Осман Мазхар-паше Сулейманпашиче (1859–1861 гг.) начали прокладывать путь из Сараева в Нови-Пазар. Для этой цели Омер-паша привез из Константинополя пятерых инженеров. К лету 1861 г. был готов участок от Сараева до Вышеграда. Эту дорогу начали сооружать первой, так как находящаяся в 10 часах езды от Нови-Пазара Сеница была избрана Омер-пашой местом для склада войскового провианта⁷.

Генерал-губернатор Топал Шериф Осман-паша (1861–1869 гг.) продолжил налаживание транспортного сообщения. Две дороги пролегли между Мостаром и Метковичем, Сараево и Мостаром. В 1866 г. практически была готова дорога из Ливна через Пролог на австрийскую границу к Сплиту⁸. По сообщениям русского консула в Сараеве Алексея Николаевича Кудрявцева

(1868–1877 гг.), за годы пребывания Осман-паши в Боснии дорог и мостов было построено больше, чем за всю предыдущую историю⁹. Налаживание инфраструктуры шло параллельно с формированием военных единиц в вилайете.

Особенностью Боснийского пашалыка и Герцеговинского санджака была поликонфессиональность славянского населения. С османским завоеванием Боснии местная знать приняла ислам, получив привилегии и превратившись в мощную сепаратистскую силу — беговат (агов и бегов. — *К. М.*).

В годы, когда христианское население региона при поддержке сербов Княжества, черногорцев и хорватов готовило широкомащтабное восстание¹⁰, османские власти предпринимали попытки привлечь местных мусульман на свою сторону.

После восстания 1862 г. в Боснию и Герцеговину султаном Абдул-Азизом был направлен комиссар Порты Джевдет-эфенди, задачей которого было выявить причины волнений в этих областях. Он также должен был привлечь боснийских бегов на свою сторону¹¹. В состав комиссии был включен албанский писатель Паско Васа-эфенди, по заказу правительства составивший небольшое сочинение «Босния и Герцеговина во время миссии Джевдет-эфенди»¹².

Тогда же начался процесс переписи населения (предыдущая проводилась в 1851–1852 гг.¹³ — *К. М.*), ее данные были обнаружены в 1865 г.¹⁴. В переписи велся учет мужчин: в результате получилось 721.000 чел. (приблизительно 48% — православных, 18% — католиков, 34% — мусульман). Общее количество населения установили 1.442.000 чел. Данная статистика грешит массой неточностей. По свидетельствам современников, цифры в ней были слишком завышены. Согласно альтернативным переписям, проведенным австрийскими и прусскими агентами в 1860-е годы, количество мусульман в Боснии и Герцеговине составляло примерно 40%, а общее число жителей было около 1.200.000 чел.¹⁵.

Армия Османской империи в то время состояла из регулярных (низам) и резервных (редиф) войск, милиции и нерегулярных воинских частей, а также контингента вассальных областей¹⁶.

В апреле 1864 г. в Боснии и Герцеговине началось формирование 40-тысячной милиции из местного мусульманского насе-

ления — отрядов башибузуков (в переводе с турецкого — «безбашенные»)¹⁷. Организацию новых военных единиц поручили Джевдет-эфенди. О формировании милиции, на основании донесений тогдашнего российского консула в Сараеве Евграфа Романовича Щулепникова (1858—1868 гг.), сообщал в Петербург российский военный агент в Константинополе Виктор Антонович Франкини¹⁸. В Сараево были приглашены беги из всех санджаков Боснии. Явилось 18 человек. Несколько недель шли совещания по вопросу о проведении рекрутского набора и устройстве милиции. Беги дали согласие на эти планы Порты. Было решено в первый год сформировать полк из четырех батальонов, имеющих каждый по 800 чел., а год спустя организовать еще один полк. Юз-баши (ротные командиры), бин-баши (батальонные командиры), миралалай (полковник) и лива-паша (бригадный генерал армии) назначались из рядов регулярного войска. Прочие офицерские чины отдавались боснийским мусульманам. На переговоры с бегами была затрачена значительная сумма денег: каждому из них на путевые издержки выдавалось от 50 до 60 турецких лир, всего — около двух тысяч червонцев¹⁹.

В донесении российского дипломатического агента в Боснии А.И. Иванова российскому послу в Константинополе Н.П. Игнатьеву от 15 августа 1864 г. сообщалось об успехах мероприятий по привлечению бегов в ряды милиции: «Когда несколько дней тому назад султанский фирман, привезенный Салих-пашой из Константинополя, был торжественно прочитан на площади, число представившихся волонтеров было немедленно более 100 человек. На другой день их было уже более 400. Всего предполагается набрать в Боснии от 3.000 до 4.000 человек, которые будут распределены в трех местностях: Сараеве, Травнике и, вероятно, Банялуке (Баня-Луке. — К. М.). Вооружение и одежда этих волонтеров, как равно и содержание их (30 пиастров в месяц), ничем не будут отличаться от одежды и содержания солдат регулярного войска, к которому причисляются новонабранные милиционеры. Служба же их только в Боснии для защиты страны»²⁰. Такие условия были необычны, так как ранее жалованья для башибузуков не предусматривалось. Согласно исследованию Тепича, помимо этого делались следующие уступки: срок факти-

ческой службы уменьшался до трех лет (в резерве увеличивался до 9 лет). Такой порядок комплектования войск в Боснии и Герцеговине продержался менее 10 лет²¹.

Данные мероприятия российские консулы именовали процессом «оттоманизирования» региона. Главными стратегическими пунктами в этих планах были города Колашин в Герцеговине и Сеница в Нови-Пазарском санджаке, на границах с княжествами Черногория и Сербия соответственно. В этих местностях были организованы военные депо, куда поступали бельгийские карабины новых систем. Помимо обучения военному делу боснийские полки активно применялись при строительстве дорог и вырубке лесов²².

Происходящее очень волновало российскую дипломатию и военное ведомство. В фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) хранятся интересные документы, содержащие статистические данные о количестве жителей Боснии и Герцеговины, добровольно вступивших в ряды турецкой армии в 1865–1866 гг. Донесения в военное министерство были составлены российскими консулами в Сараеве и Мостаре.

До мобилизации в 1860-е годы в Боснийском вилайете численность войск составляла примерно 15.000 чел., из них местных жителей от 12 до 30%. Данные на 1 августа 1866 г. говорят о том, что число жителей Боснии и Герцеговины в рядах турецкой армии в вилайете составляло уже более 75%. Если население насчитывало примерно 1.200.000 чел., то 45.000 башибузуков — довольно значительная цифра, это около 19% мужчин-мусульман²³.

Жители Боснии и Герцеговины, вступившие в ряды турецкой армии²⁴

Санджак		?	21.03. 1865	18.04. 1866	23.06. 1866	1.08. 1866
Сараевский	башибузуки	800	1.000	—	5.000	1.452
	пехота			613	?	600
Травницкий	башибузуки	—	900	—	5.000	5.170
	пехота	—		1.517	?	—

Баня-Лукский	башибузуки	—	—	—	?	4.150
	пехота	500	—	—	?	
Зворницкий	башибузуки	—	—	—	?	14.950
	пехота	—	—	1.230	?	—
Бихачский	башибузуки	—	—	—	?	9.480
	пехота	—	—	—	?	—
Нови-Пазарский	башибузуки	—	—	—	?	8.140
	пехота	—	—	617	?	—
Герцеговинский	башибузуки	—	—	—	9.000	—
	пехота	—	—	—		—
Всего		1.300	1.900	3.977 человек в отрядах пехоты	45.000 баши- бузуков	43.942

Причина активизации мобилизационных процессов в 1866 г. крылась в опасении османских властей того, что герцеговинские христиане, воодушевленные успехами Джузеппе Гарибальди в Италии, поднимутся на восстание.

Согласно донесениям российского консула Щулепникова, Топал Шериф Осман-паша намеревался мобилизовать порядка 100.000 боснийских мусульман, но такие планы оказались утопичными³⁰.

Формирование отрядов милиции в Боснии из числа местных магометан было экспериментом, проведенным османскими властями. Основываясь на боснийском опыте, в конце 1866 г. Порта приступила к реализации плана повсеместного вооружения балканских мусульман.

В 1856–1864 гг. шел процесс переселения черкесов с Кавказа в Османскую империю. Мухаджиры (переселенцы, исповедующие ислам, переезжающие из немусульманских в мусульманские страны. — К. М.) должны были помочь Порте в решении важных стратегических задач: 1) увеличение числа мусульманского элемента в местах проживания христиан; 2) помощь в подавлении

национально-освободительных движений внутри страны; 3) повышение боеспособности турецкой армии³¹. В свою очередь, одним из условий, которые выдвигала Россия, было размещение мухаджиров вдали от ее границ³².

Босния и Герцеговина, как нельзя лучше, подходили для этого. В начале 1860-х годов предлагалось разместить 6 тыс. черкесов в Сенице. В дальнейшем, по планам Порты, они должны были расселиться вдоль всей границы с Сербией³³. В начале 1864 г. из Константинополя пришло известие о намерении Порты переселить в Боснию 20 тыс. черкесов. Осман-паша выступал против этой меры, считая, что это еще больше усугубит и так сложную этноконфессиональную обстановку в регионе. Горцы были вооружены, промышленляли грабежом и разбоем, получали ощутимые льготы от османских властей³⁴. Вопрос о черкесах снова был поднят в 1869 г. Тогда османские власти предложили переселить в Боснию 250 тыс. чел.³⁵. Этой меры также удалось избежать³⁶.

Содержание армии в Боснийском вилайете очень дорого обходилось османским властям. Уже в 1868 г. численность войск значительно сократилась: по официальным данным она составляла 28.000 чел. Российский консул Кудрявцев сообщал в МИД, что эти цифры сильно преувеличены — на деле не набиралось и 12.500 чел.³⁷.

Тогда было решено заменить башибузуков в Герцеговине пограничной стражей. Подобные военные единицы существовали в регионе и ранее, но этот опыт не имел успеха³⁸. В донесении от 24 мая 1868 г. российский вице-консул в Мостаре Николай Александрович Иларионов (1866–1868 гг.) сообщал Н.П. Игнатьеву в Константинополь: «При бывшем устройстве совершенно от произвола начальника башибузуков зависело содержание числа их, тогда как он получал от правительства полное содержание для определенного числа башибузуков, которых полагалось в Герцеговине с лишком 1.000 чел., а на деле было не более 500»³⁹. Были образованы два батальона стражи по 500 чел. каждый, которые располагались в Требинье. Предполагалось собрать еще шесть воинских подразделений⁴⁰.

Известны случаи сопротивления мусульманского населения рекрутским наборам. К примеру, согласно донесению А.Н. Куд-

рявцева, в сентябре 1869 г. мобилизация в Белопольском кадилуке закончилась кровопролитием: «В несколько минут было убито 18 человек, ранено до 30 и наведен такой страх и ужас, что сопротивление дало место излиянию верноподданных чувств, и дня через два новобранцы выбыли из своих очагов, отправляясь в назначенное для них место сбора»⁴¹.

К концу 1869 г. А.Н. Кудрявцев докладывал в Азиатский департамент МИД: «Иррегулярных войск, т.е. башибузуков, в Боснийском вилайете очень мало. Только в Герцеговине, а именно в Гацко, Никшиче и Колашине, их насчитывают до 500 человек»⁴².

Основная проблема, по наблюдениям консула, заключалась в отсутствии должного финансирования. За исключением командиров, выплаты жалования военнослужащим задерживались на 5–8 месяцев⁴³.

В начале 1870 г. генерал-губернатор Боснийского вилайета Сафвет-паша (1869–1871 гг.) объявил об расформировании существующих отрядов башибузуков и пограничной стражи и о замене их четырьмя новыми батальонами.

Для набора батальонов в Мостаре была учреждена специальная комиссия из разных военных лиц и бывшего начальника башибузуков Герцеговины Дед-аги Ченгича. В батальоны принимали поступивших в редифы и мусульман со всей империи в возрасте от 24 (26 — для жителей других вилайетов) до 40 лет. Срок службы составлял три года. Каждый солдат обеспечивался ежемесячным жалованием в 60 пиастров, ежедневным продовольствием и одеждой. Новые батальоны предполагалось разместить вдоль австрийской и черногорской границ. Российский вице-консул в Мостаре Иларионов полагал, что данная затея не увенчается успехом, так как местные мусульмане с большой неохотой несли службу в регулярных войсках. Батальоны формировались из самых бедных представителей мусульман вилайета и жителей других областей империи⁴⁴. В начале 1871 г. на территории Боснийского вилайета был сформирован седьмой военный корпус Османской империи⁴⁵. Продолжалось вооружение местных мусульман. Российский консул в Сараеве А.Н. Кудрявцев сообщал Н.П. Игнатьеву: «Правительство решило доставить 24.000 скорострельных винтовок, которые по прибытии в Сараево будут

раздаваться мусульманам, по 6 австрийских червонцев каждая. Магометанская часть Боснии ищет подобно другим державам народного вооружения для защиты своей от Сербии и Черногории, где военные силы развиваются ежегодно с большей и большей силой»⁴⁶.

Эксперимент по вооружению боснийских мусульман, которые должны были встать на защиту вилайета, в итоге не увенчался успехом. Вначале наблюдался большой энтузиазм боснийцев, однако позже он обернулся сопротивлением. В первую очередь это было связано с тем, что османские власти не могли поддерживать обеспечение отрядов боснийской милиции на должном уровне.

Помимо организации милиции (башибузуков) османское правительство пошло на еще один эксперимент — формирование отрядов граничар. С проведением в 1860-х годах реформ в духе османизма, с конструированием единой османской нации в Империи⁴⁷ кажется логичным привлечение к военной службе всех категорий населения Боснийского вилайета. Стоит отметить, что попытки организации подобных военных единиц предпринимались и ранее. Потерпев неудачу при создании пограничной стражи из местных мусульман в 1854 г., османские власти предоставили христианам Боснии и Герцеговины право несения службы на границе⁴⁸. Но судя по всему, эта мера также не принесла положительного результата.

В донесении от 5 октября 1866 г. российский вице-консул в Мостаре Н. А. Иларионов сообщал Н. П. Игнатьеву: «Турецкое правительство намерено образовать на черногорской и сербской границе новую военную организацию, вроде существующей в Австрии на границе с Турцией. Все жители, как христиане, так и мусульмане, будут находиться под оружием и разделены на несколько отрядов.

Из жителей Никшича уже образован батальон граничар для охраны на границах Черной Горы. В Зубцах, как я слышал, приводится также в исполнение это новое устройство.

Поп Жарко (Лешевич. — К. М.), воевода пивлян, бывший на днях в Мостаре для сведения некоторых денежных счетов со здешней турецкой властью, говорил мне об этом новом устройстве

никшичан, добавив, что он удивляется, как они согласились на это, и что если турецкое правительство вздумает ввести эту меру в Пивах, то ни он, и никто из его племени ни за что не допустят этого»⁴⁹. К сожалению, других сведений о попытке организации отрядов граничар в Боснийском вилайете выявить пока не удалось.

Как и десятью годами ранее, привлечь к несению военной службы в Боснии и Герцеговине местное христианское население не получилось, его значительная часть уже находилась под влиянием соседних княжеств — Сербии и Черногории. Со стороны местных мусульман, как уже говорилось, вначале наблюдался энтузиазм. Приведенные выше цифры мобилизации впечатляют. Однако длительного успеха данная мера не имела, так как османские власти не смогли выполнить всех своих обещаний.

Примечания

- ¹ См., напр.: Военный сборник. 1875. Т. 105. № 10. С. 375–413; Т. 106. № 11. С. 55–81; № 12. С. 177–196.
- ² Военный сборник. 1875. Т. 105. № 9. С. 134–153.
- ³ *Tepić I. Osmanska vojska i policija u Bosanskom vilajetu od 50-ih do 70-ih godina XIX vijeka (prema podacima iz sovjetskih arhiva) // Godišnjak društva istoričara Bosne i Hercegovine. Godina XXXVII. Sarajevo, 1986. S. 91–116.*
- ⁴ См.: *Берић Д. Устанак у Херцеговини 1852–1862. Београд; Нови Сад, 1994.*
- ⁵ Об этом свидетельствуют донесения российских военных агентов в Константинополе в военное министерство. См.: Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 450. Оп. 1. Д. 73. Л. 38.
- ⁶ Омер Лютфи-паша, урожд. Михаил Латас (1806–1871) — османский военачальник сербского происхождения. Родился на Военной границе (Австрия). В 1827 г. переехал в Боснию, где принял ислам. Был учителем наследника султанского престола Абдул-Меджида. В 1839 г. получил титул паши. В 1840-е годы вел борьбу с мятежниками в Албании, Сирии и Курдистане. В 1850–1851 гг. был направлен в Боснию и Герцеговину для усмирения местного беговата. Во время Крымской войны (1853–1856) являлся командующим турецкой армией на Дунайской линии, принимал участие в боевых действиях в Крыму и на Кавказе. В 1857–1859 гг. командовал войсками в Месопотамии. В 1861–1862 гг. — верховный главнокомандующий войск, действовавших в Черногории и Герцеговине. В 1867 г. возглавил подавление Критского восстания. В 1868 г. вышел в отставку.
- ⁷ Из донесения Е.Р. Шулепникова А.Б. Лобанову-Ростовскому от 4 (16) июля 1861 г. См.: Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2325. Л. 70–71. Копии материалов из АВПРИ были получены автором статьи в архиве Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН.
- ⁸ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2328. Л. 38 об.
- ⁹ *Тепић И. Босна и Херцеговина у руским изворима: (1856–1878). Сарајево, 1988. С. 209–210.*

- ¹⁰ См.: *Карасёв А. В.* Россия и Балканский союз 60-х годов XIX века: дис. ... канд. ист. наук.: 07.00.03. М., 1984; История Балкан: Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.) / Отв. ред. В. Н. Виноградов. М., 2013. С. 177–191.
- ¹¹ *Aličić S. A.* Uređenje Bosanskog ejaleta od 1789 do 1878 godine. Sarajevo, 1983. S. 170.
- ¹² *Pasko Vasa-efendija.* Bosna i Hercegovina za vreme misije Dževdet-efendije. Banja-Luka, 2011.
- ¹³ Приведенные в разных источниках данные переписи немного отличаются. См.: Военно-статистический сборник на 1868 год. Выпуск II. Италия, Испания, Португалия, Швейцария, Бельгия, Голландия, Дания, Швеция с Норвегией, Греция, Турция и вассальные владения. СПб., 1868. С. 192; *Гильфердинг А. Ф.* Босния в начале 1858 года // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т. 3. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб., 1873. С. 283–284; *Pasko Vasa-efendija.* Bosna i Hercegovina. S. 28–29, 64.
- ¹⁴ Военно-статистический сборник на 1868 год. С. 193–194. Данные для сборника были взяты из «Гласника српског ученог друштва» (1866. Къ. 3.). В приведенных подсчетах обнаруживается ряд неточностей.
- ¹⁵ Там же. С. 194.
- ¹⁶ С введением хатт-и-хумаюна 1856 г. в турецкой армии под военную повинность попадали молодые люди с 21 года. Рекруты пополняли корпуса регулярных войск (низам) по жребию. Срок службы в низаме составлял пять лет. После этого они пополняли ряды резервной армии — редифа. Кроме них редиф пополняли мужчины в возрасте 26 лет, которым по жребию не выпала служба в низаме. Срок службы в редифе составлял семь лет. Далее резервные солдаты попадали в гиаде (запасные войска), срок службы в котором также был семь лет, в мирное время солдаты запаса не собирались. Иррегулярные войска, полицейские или жандармские, набирались из числа служащих солдат или волонтеров. Башибузуки набирались в военное время и представляли собой милицию, комплектуемую из рядов мусульманского населения. Они получали от правительства оружие и продовольствие. Жалованья для башибузуков не предусматривалось. См.: *Лаврентьев А.* Очерки вооружённых сил европейских государств (Турция) // Военный сборник. 1862. Т. 23. № 2. С. 283–326; *Тепић I.* Osmanska vojska i policija u Bosanskom vilajetu ... S. 92.
- ¹⁷ РГВИА. Ф. 450. Оп. 1. Д. 73. Л. 53 об.–54; Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. Документы. М., 1985. С. 447–448.
- ¹⁸ Франкини Виктор Антонович (1820–1892) — военный писатель, генерал-лейтенант. Участник обороны Севастополя в Крымскую войну. С 1856 по 1870 гг. — военный агент в Константинополе. Далее заведовал военно-горским управлением на Кавказе. В конце 1870-х годов был отправлен с особой миссией в Тегеран. Первый российский генерал-губернатор Карсской области.
- ¹⁹ РГВИА. Ф. 450. Оп. 1. Д. 73. Л. 90–91; Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 447–448.
- ²⁰ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 457.
- ²¹ *Тепић I.* Osmanska vojska i policija u Bosanskom vilajetu... S. 102.
- ²² Ibidem.
- ²³ Если ориентироваться на перепись 1865 г., согласно которой мужское население составляло 721.031 чел., из них 243.203 — мусульмане.
- ²⁴ Составлено автором статьи на основании архивных материалов.
- ²⁵ РГВИА. Ф. 450. Оп. 1. Д. 74. Л. 11–14. Точная дата в документе не указана.
- ²⁶ Там же. Л. 15–21 об.

- 27 Там же. Л. 61–62 об.
- 28 Там же. Л. 85–85 об.
- 29 Там же. Л. 98–99.
- 30 *Terić I. Osmanska vojska i policija u Bosanskom vilajetu...* S. 103.
- 31 *Авакян А.Г.* Черкесы в системе государственной власти Османской империи и Турции (вторая половина XIX — первая четверть XX вв.). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002. С. 14.
- 32 Там же. С. 15.
- 33 Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 169. Картон 41. Ед. хр. 35. Л. 5–5 об.
- 34 Черкесы-мухаджеры на 10 лет получали освобождение от податей и воинской повинности, дом или средства на его постройку, пару волов на семью. В случае размещения переселенцев в христианских деревнях, их расселяли в домах местных жителей, которые должны были за свой счет заботиться о черкесах, строить для них дома, содержать их семьи. См.: *Авакян А.Г.* Черкесы в системе государственной власти Османской империи... С. 17.
- 35 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 445; АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2331. Л. 45–46 об.
- 36 Всего, по разным оценкам, из России в Османскую империю переселилось от 1 до 1,5 млн черкесов. Они были размещены на Балканах (в Северной и Центральной Добрудже, Македонии, Фракии, Болгарии), в Анатолии, Сирии, Иордании и на Кипре. См.: *Авакян А.Г.* Черкесы в системе государственной власти Османской империи... С. 17.
- 37 *Terić I. Osmanska vojska i policija u Bosanskom vilajetu...* S. 103.
- 38 Военный сборник. 1875. Т. 105. № 9. С. 149.
- 39 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. Документы. М., 1988. С. 117.
- 40 Там же.
- 41 Там же. С. 204.
- 42 АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2332. Л. 77.
- 43 Там же. Л. 75.
- 44 Там же. Д. 2056. Л. 5–6.
- 45 До этого момента в Османской армии было шесть корпусов. В 1871 г. 7-й корпус был образован в Боснии и 8-й в Йемене. См.: АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2333. Л. 5.
- 46 Там же.
- 47 См.: *Макарова И.Ф.* Турецкие административные реформы как новый императив балканской политики России на рубеже 60–70-х гг. XIX в. // Империи, границы, политики (XIX — начало XX в.). Сборник с материалами от международной научной конференции Софийски университет «Св. Климент Охридски», 27 и 28 февруари 2015 г. София, 2016. С. 63–76; *Олюнин С.В.* Боснийский эялет в конце XVIII — 70-х гг. XIX столетия: османский опыт модернизации традиционного общества. М., 2006; *Aličić S.M.* Uređenje Bosanskog ejaleta...
- 48 Военный сборник. 1875. Т. 105. № 9. С. 150.
- 49 АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2052. Л. 32–32 об.

Планирование Россией войны с коалицией Великобритании, Австро-Венгрии и Турции в 1878 г.

Аннотация:

В статье рассматривается планирование Россией войны с коалицией Великобритании, Австро-Венгрии и Турции в 1878 г. Сразу после окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. русское военное командование предприняло попытку разрешить Восточный вопрос и захватить Босфор и Константинополь. Столкнувшись с противодействием со стороны Великобритании и Австро-Венгрии, русское командование проявило нерешительность в занятии Константинополя и Босфора, что стало одной из причин неудачи России на Берлинском конгрессе. Планы, разработанные Главным штабом и генерал-лейтенантом Н.Н. Обручевым и предусматривавшие ведение военных действий на Балканах и в Галиции, оказались нереализованными.

Ключевые слова:

русско-турецкая война 1877–1878 гг., Восточный вопрос, Константинополь, Босфор, военное планирование, Д.А. Милютин, Н.Н. Обручев.

Oleg E.
ALPEEV

Russian Planning a War against the Great Britain, Austria-Hungary and Turkey Coalition in 1878

Abstract:

The article considers Russia planning a war against the coalition of Great Britain, Austria-Hungary and Turkey in 1878. When the Russo-Turkish war of 1877–1878 was over, the Russian high military command attempted to resolve the Eastern Question and seize the Strait of Bosphorus and Constantinople. Having faced the opposition from Great Britain and Austria-Hungary, the Russian command hesitated to capture Constantinople and the Bosphorus, which led to Russia's failure at the Congress of Berlin. War plans worked out by the General Staff and two-star general N.N. Obruchev, meant to help conduct military operations in the Balkans and Galicia were never realised.

Keywords:

the Russo-Turkish war of 1877–1878, the Eastern Question, Constantinople, the Bosphorus, war planning, D.A. Miliutin, N.N. Obruchev.

В январе–феврале 1878 г. русская армия победоносно завершила кампанию на Балканах, нанеся поражение турецким войскам, и вплотную подошла к столице Османской империи — Константинополю. Несмотря на то, что кровопролитная война закончилась, военно-политическое руководство Российской империи испытало сильнейшее искушение, пользуясь благоприятным моментом, окончательно решить Восточный вопрос, утвердиться на берегах Босфора и установить гегемонию на Балканском полуострове. Вмешательство западных держав в ход мирных переговоров поставило Россию перед лицом новой войны уже с коалицией враждебных государств, в которую, кроме Турции, входили Великобритания и Австро-Венгрия.

В отечественной историографии перипетии подготовки войны России с коалицией трех держав зимой–летом 1878 г. практически не рассматриваются. Внимание исследователей привлекал только сюжет, связанный с борьбой в высших военно-политических кругах из-за вопроса о захвате Константинополя и пролива Босфор. Эта проблематика нашла отражение в 9-м томе официального «Описания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове»¹ и во 2-м выпуске «Особого прибавления» к нему², однако анализ споров между штабом Действующей армии и императором Александром II был доведен только до середины апреля, т. е. до смещения главнокомандующего великого князя Николая Николаевича-старшего. Сведения по данному вопросу содержатся в небольшом, но емком комментарии к письму военного министра Д.А. Милютинина Николаю Николаевичу от 27 февраля, опубликованном во втором томе документального труда «Освобождение Болгарии от турецкого ига»³. Подготовку России к новой войне исследовал современный историк О.Р. Айрапетов в биографии начальника Главного штаба Н.Н. Обручева, но только применительно к роли своего героя в грядущем конфликте — он должен был возглавить штаб предполагавшейся к формированию Юго-западной армии⁴. В целом процесс подготовки России к возможному конфликту рассматривался вне изучения общей военно-стратегической и политической обстановки, в которой оказалась Империя в первой половине 1878 г.

Кризисная ситуация зимы-лета 1878 г. выразилась в сложном процессе выработки и принятия решений дипломатического и военного характера, когда обстановка менялась практически ежедневно. Подготовка и планирование русским военным ведомством новой войны разделяются на два периода. Первый — с января по конец марта 1878 г., когда в фокусе внимания была проблема захвата Босфора — с Константинополем или без него. Основным содержанием этого периода были бесконечные прения по данному вопросу между главнокомандующим генерал-адъютантом инженер-генералом великим князем Николаем Николаевичем и его штабом, с одной стороны, и Александром II и его ближайшими военными советниками — с другой. Во второй период, с конца марта и по 1 июля, к русскому командованию пришло осознание того, что момент для занятия западного берега Босфора безнадежно упущен. Деятельность военного руководства Империи в этот период характеризовалась переориентацией на подготовку оборонительной войны и поиском альтернативных возможностей воздействовать на враждебную коалицию.

Необходимость определить дальнейшие задачи Действующей армии стала очевидной для ее командования после битвы при Филиппополе 3–5 января 1878 г., в которой Западный отряд генерал-лейтенанта И.В. Гурко нанес сокрушительное поражение армии Сулеймана-паши. После этой победы военное поражение Турции окончательно стало очевидным, а путь на Константинополь был открыт. 7 января в русскую штаб-квартиру в Казанлыке прибыли турецкие уполномоченные с первыми предложениями о перемирии, а 8 января русские войска взяли Адрианополь. В ночь на 10 января Николай Николаевич направил Александру II телеграмму, в которой запросил дальнейшие инструкции на случай приближения русских войск к Константинополю, а также на случай вмешательства в войну Великобритании⁵. В январе и первой половине февраля великий князь и его штаб буквально горели идеей захвата беззащитного Константинополя, в то время как император и министр иностранных дел канцлер А.М. Горчаков, опасаясь международных осложнений, были против этого решительного шага.

12 января доверенное лицо Николая Николаевича старший адъютант штаба войск Гвардии и Петербургского военного окру-

га и профессор Николаевской академии Генерального штаба полковник М.А. Газенкампф записал в дневнике: «Идея дойти до Константинополя и Галлиполи вполне овладела великим князем; он только об этом и думает и говорит, и ужасно боится, чтобы государь его не остановил. Этим он объясняет и свое неустойчивое стремление вперед, без всякой заботы о своем тыле. Он говорил сегодня, что мало занять (так в документе. — О. А.) Константинополь и Галлиполи и — уже укрепившись на обоих берегах — диктовать свои условия не только султану, но и Англии с Австрией»⁶. В штабе великого князя даже родилась утопическая идея высадки на азиатском берегу Босфора одной пехотной дивизии X армейского корпуса, оборонявшего черноморское побережье. Этот план был изложен в телеграмме главнокомандующего Александру II от 14 января⁷. Для этой цели командование Одесского военного округа согласилось выделить три полка 13-й пехотной дивизии и один — 34-й⁸. В Петербурге против плана великого князя солидарно выступили военный министр Д.А. Милютин и глава морского ведомства генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич, расценившие его как невыполнимый и несвоевременный⁹.

В ответ на телеграмму от 10 января Александр II направил 12-го числа великому князю телеграмму, в которой допускал ввод войск в Константинополь только в случае, если бы такая просьба исходила от самих турок или представителей иностранных держав¹⁰. Главнокомандующий получил ее в Адрианополе 17 января в 14.00.

К моменту заключения перемирия 19 января русские войска растянулись от Адрианополя до Чорлу. Перед заключением мира в Сан-Стефано 19 февраля авангард под командованием генерал-лейтенанта М.Д. Скобелева занял позиции под Чаталджой, а на следующий день начал движение к пригородам Константинополя, где и остановился. К нему подтянулась гвардия И.В. Гурко. Несмотря на колебания верховной власти и на заключенное перемирие, великий князь начал деятельную подготовку к взятию города. Его не останавливали даже плохое состояние войск после перехода через Балканы и недостаток боеприпасов, возникший вследствие того, что артиллерийские снаряды имелись только

в орудийных передках и передках зарядных ящиков, а остальные остались за Балканским хребтом. Новое наступление назначалось на 21 января. Подробную диспозицию войскам великий князь представил Александру II в рапорте от 22 января¹¹. Но император продолжал сомневаться в целесообразности столь смелого шага и пребывал в нерешительности.

Разногласия, возникшие между штабом Действующей армии и Петербургом, усугублялись неудовлетворительной работой связи, ошибки которой оказывали сильное влияние на процесс принятия военно-политических решений. Так, 29 января в 12.30 Александр II направил главнокомандующему телеграмму, в которой наконец-то разрешал ввести войска в Константинополь либо мирным путем, с согласия султана, либо взять город силой¹². На следующий день по совету А.М. Горчакова он скорректировал принятое решение и в повторной телеграмме, поданной 30 января в 17.40, уточнил, что занятие Константинополя могло состояться и без согласования с турками, но только в ответ на враждебные действия британцев в районе Проливов¹³. Однако из-за перебоев в работе телеграфа вторая телеграмма пришла на день раньше первой, 1 февраля, осложнив для великого князя, его начальника штаба генерала от инфантерии А.А. Непокойчицкого и дипломатических советников графа Н.П. Игнатьева и А.И. Нелидова выработку программы действий на случай развязывания войны на Босфоре¹⁴.

Перемирие и принятие предварительных «Оснований мира», а затем и подписание мирного договора вызвали предсказуемую враждебную реакцию Великобритании и Австро-Венгрии, увидевших угрозу своим интересам в регионе и потребовавших вынесения всех спорных вопросов на решение великих держав. 1 февраля Великобритания ввела в Мраморное море свои корабли. В таких условиях Александр II окончательно пересмотрел свои взгляды на проблему взятия Константинополя и стал решительно требовать от главнокомандующего готовиться к штурму. Великий князь Николай Николаевич, наоборот, начал сомневаться в успехе этого мероприятия. В этом его убеждали и М.И. Газенкамф, и И.В. Гурко¹⁵. Действительно, силы турок в столице и на подступах к ней стали возрастать за счет уходящих войск из дунайских крепостей. Если по состоянию на 25 января рус-

ская разведка считала, что под Константинополем османы имели 91 сильно ослабленный табор (батальон. — *О. А.*), а в самом городе — 22 (в среднем по 300–500 чел. в таборе, всего около 43 тыс. деморализованных солдат)¹⁶, то в начале марта численность войск в окрестностях города оценивалась в 77–80 таборов, но более полного состава¹⁷. Всего русское командование в феврале и начале марта ожидало встретить здесь сопротивление 80–100 тыс. солдат и офицеров противника¹⁸. После заключения мира турки стали лихорадочно укреплять подступы к Константинополю, работая, главным образом, по ночам.

Под влиянием изменившейся военно-политической обстановки русское командование начало готовиться к полномасштабной войне с европейской коалицией. Главным штабом был разработан план развертывания на этот случай, 24 февраля утвержденный Александром II¹⁹. 27 февраля Д.А. Милютин направил великому князю письмо, в котором изложил этот план²⁰, а также приложенные к нему «Общие соображения о распределении сил»²¹. В их основу легла записка, предположительно принадлежащая перу генерал-лейтенанта Н.Н. Обручева и подготовленная в конце января — начале февраля, скорее всего, до 6 февраля²².

В начале 1878 г. Н.Н. Обручев занимал пост управляющего делами Военно-ученого комитета, фактически являвшегося «эмбрионом» не существовавшего в структуре военного ведомства России второй половины XIX в. центрального планирующего органа Генерального штаба. Он был автором плана войны с Турцией, сорванного, впрочем, командованием Действующей армии, а также разработчиком и вдохновителем разгрома главных сил турок в Закавказье в Авлияр-Аладжинском сражении 20 сентября — 3 октября 1877 г. В рассматриваемый период генерал приобрел значительное влияние в выработке важнейших военно-стратегических решений на Д.А. Милютину и опосредованно через него на Александра II.

В представленной записке Н.Н. Обручев предположил два варианта развития событий: 1) война против Великобритании и Турции, 2) война против Великобритании, Австро-Венгрии и Турции. По второму, наиболее тяжелому сценарию, предлагалось изъять из Действующей армии 7 дивизий и направить их

на формирование Нижнедунайской армии в Молдавии в составе 13 дивизий. В Царстве Польском и в Подолии планировалось развернуть Галицийскую (15 пехотных дивизий) и Волынскую (6 дивизий) армии. На группу из трех армий возлагалась задача разгромить австрийцев в Галиции, вторгнуться на Венгерскую равнину и в Трансильванию, а затем вести концентрическое наступление на Будапешт. Всего против Австро-Венгрии выставилось 34 пехотные дивизии, что значительно превосходило предполагаемые силы Двуетной монархии в Галиции — в русском Главном штабе абсолютно точно установили, что противник может развернуть здесь только 24 пехотные дивизии²³.

На серьезно ослабленную группировку на Балканах (17 дивизий на театре военных действий и 3 дивизии в Валахии) возлагалась преимущественно оборонительная задача, так как в январе военно-политическое руководство Империи еще не приняло твердого решения захватить Босфор. Необходимо отметить, что в это время русское военное руководство недооценивало значение подготовки к боевым действиям против Великобритании на второстепенных театрах, таких, например, как Центральная Азия. Н.Н. Обручев отмечал в записке: «Помимо Босфора мы можем действовать на решения Англии раздачей каперских свидетельств и демонстрациями в Средней Азии. Но оба эти средства только паллиативы, самая организация коих представляет еще много проблематичного»²⁴.

В плане от 24–27 февраля Действующая армия, обозначенная в документах как «Балканская», ослаблялась незначительно — только до 21 дивизии вместо 17, и на нее возлагалась задача овладеть Босфором²⁵. Изымаемые из ее состава Гвардейский и Гренадерский корпуса предполагалось переправить морем в Россию и включить в состав армий, действующих против Австро-Венгрии. Вместо Нижнедунайской и Волынской армий формировалась одна Юго-западная армия в составе 11 пехотных дивизий. В Западную армию в Царстве Польском назначались 14 дивизий. На эти армии по-прежнему возлагалась задача вторжения в Австро-Венгрию. План действий Западной армии был детально разработан штабом Варшавского военного округа в феврале и представлен в записке от 19 марта командующего войсками округа генерала

от инфантерии графа П.Е. Коцебу²⁶. Он предполагал нанесение главного удара из района Люблина с целью захвата всей Восточной Галиции. Основой для плана действий Юго-западной армии послужили оперативные работы и выводы из военной игры, проведенной штабом Киевского военного округа еще в январе 1877 г. в преддверии войны с Турцией²⁷.

Важной стороной деятельности военного министерства в ожидании столкновения с коалицией Великобритании, Австро-Венгрии и Турции стала подготовка мобилизационного развертывания вооруженных сил. Проведение новой мобилизации не представляло затруднений: к началу 1878 г. большая часть сухопутных войск России уже была мобилизована — на мирном положении оставались только 12 пехотных и 6 кавалерийских дивизий. Для доведения их до штатов военного времени требовалось 205 тыс. чел., что обеспечивалось наличием имевшегося запаса²⁸. С целью создания превосходства над силами вероятных противников, Мобилизационный комитет Главного штаба начал формирование резервных пехотных дивизий в дополнение к 48, имевшимся в русской армии. В 1877 г. уже были развернуты 4 такие дивизии. С 19 января и по 23 марта 1878 г. шло формирование 14 новых дивизий, 8 из которых к моменту заключения Берлинского трактата были полностью готовы²⁹. Всего в армии насчитывалось свыше 1,5 млн чел.

В марте 1878 г. военно-политическая обстановка изменилась в худшую для России сторону. В Великобритании ушел в отставку министр иностранных дел граф Э. Дерби, сторонник компромисса с Петербургом. Первым шагом заменившего его маркиза Р. Солсбери стала рассылка дипломатическим представителям Соединенного королевства ноты, содержащей протест против результатов Сан-Стефанского мира и твердое намерение добиваться его пересмотра. В Великобритании начались мобилизационные мероприятия. Русская разведка стала получать тревожные донесения о перевозке войск из Индии и сосредоточении их на Мальте. Руководство Российской империи серьезно переоценивало мощь и мобилизационные ресурсы британской армии, считая, что «Туманный Альбион» сможет выставить от 100 до 250 и даже до 300 тыс. чел.³⁰.

В действительности в британских военных кругах вполне отчетливо осознавали невозможность вести широкомасштабную войну с Россией на сухопутных театрах. В марте 1878 г. брвет-полковник (т.е. полковник временного назначения. — *О. А.*) Р. Хоум, помощник генерал-квартирмейстера разведывательного отделения Военного министерства, самый способный штабной офицер Великобритании того времени, и брвет-генерал-лейтенант Г. Уолсли, начальник штаба лорда Р. Нэпира, командующего экспедиционными силами на случай войны, представили два плана действий против России³¹. Первый план был более осторожным и предполагал высадку войск на Балканах для совместных действий с турками, блокаду Черного и Балтийского морей, рейд на Владивосток и Петропавловск, оккупацию островов Лемнос и Лесбос с целью создания там баз. Второй план отличался амбициозностью: в нем, помимо высадки на Балканском полуострове, предусматривалось проведение десантов против Риги, Свеборга и Ревеля на Балтике и поход в русский Туркестан на Ташкент и Самарканд. Но Британская империя не обладала ресурсами для приведения в действие даже первого умеренного плана — для операций против России требовалось 150 тыс. чел., тогда как армия королевы Виктории насчитывала только 134 тыс., из которых 63 тыс. находились в Индии и 22 тыс. в Ирландии³². Это вынуждало лондонский кабинет искать поддержки со стороны монархии Габсбургов, обладавшей большой сухопутной армией.

Из Австро-Венгрии и Османской империи также поступали тревожные новости. Миссия графа Н.П. Игнатъева в Вену с целью расколоть англо-австрийский союз не принесла ожидаемых результатов. 14 и 15 марта состоялись личные беседы Николая Николаевича с султаном Абдул-Гамидом, в ходе которых рассеялись иллюзии великого князя относительно нейтралитета Османской империи в случае новой войны³³. Одновременно турецкие войска продолжали восстанавливать свою боеспособность — в апреле считалось, что османы располагали на подступах к Константинополю и в самом городе примерно 300 таборами, всего 150 тыс. чел. (по 500 чел. в таборе)³⁴. Это уже превышало силы Действующей армии под Константинополем, насчитывавшей здесь около 110 тыс. чел.³⁵. Возникший дипломатический кон-

фликт с Румынией вынудил начать в марте стягивание к Рушуку XI корпуса, а затем перевод его на левый берег Дуная. Кроме того, выяснилась невозможность перевезти в Россию гвардию и гренадер из-за протеста Турции и Великобритании против их посадки в Буюк-Дере³⁶.

Перед лицом войны с коалицией Александр II и его советники еще более настоятельно требовали от великого князя Николая Николаевича готовиться к взятию Босфора. 6 марта император запросил от главнокомандующего детальный план занятия Босфора, который тот предоставил в Петербург 9 марта³⁷. План был утвержден 18 марта³⁸. За день до этого Д.А. Милютин направил Николаю Николаевичу телеграмму, согласно которой ему надлежало вытребовать необходимое количество орудий для береговых батарей у начальника Главного артиллерийского управления генерала от артиллерии А.А. Баранцова³⁹.

Великий князь, как отмечал М.А. Газенкампф, боясь конфликта с венценосным братом, намеренно не сообщал ему истинное положение дел на Балканах, из-за чего в Петербурге неверно оценивали складывающуюся обстановку⁴⁰. Спасать положение был призван победитель Османа-паши инженер-генерал Э.И. Тотлебен, которому было поручено разработать собственный план занятия Босфора. В конце марта он представил свои соображения, согласно которым предполагалось захватить участок западного берега Босфора от Буюк-Дере до Черного моря, поставить в проливе минные заграждения и перевезти сюда 50 мортир для береговых батарей⁴¹. 20 марта записка Тотлебена была препровождена в штаб Действующей армии для исполнения⁴².

Нерешительность Николая Николаевича в вопросе захвата Босфора привела к его отставке с поста главнокомандующего. 21 марта он направил Александру II донесение, в котором впервые решился объективно обрисовать тяжелую ситуацию под Константинополем⁴³. Чуть позже, 1 апреля, в Петербург прибыл из штаба Действующей армии генерал-лейтенант князь А.К. Имеретинский, доклад которого на следующий день окончательно открыл глаза императору и его советникам на сложившуюся на Балканах обстановку⁴⁴. В тот же день Александр II принял решение заменить своего брата на Э.И. Тотлебена в качестве главнокоман-

дующего Действующей армией. Последний вступил в должность 17 апреля⁴⁵. Его начальником штаба стал князь Имеретинский. В действительности это было не самое удачное назначение — герой обороны Севастополя не имел опыта командования армией в полевом сражении и штурма укрепленных пунктов.

В связи с изменившейся обстановкой военное руководство Империи в конце марта переработало стратегический план войны. 27 марта в Петербурге состоялось совещание под председательством Александра II, посвященное его обсуждению⁴⁶. По итогам совещания была разработана «Объяснительная записка к распределению войск на случай войны с Англией и Австрией» с боевым расписанием, утвержденная 30 марта⁴⁷. Главной задачей русских войск по-прежнему называлось занятие Босфора, хотя в ходе совещания возможность штурма турецких позиций была поставлена под сомнение. Д.А. Милютин записал в дневнике под этой датой: «Вследствие полученных от великого князя Николая Николаевича письменных объяснений настоящего положения дел, государь заметно изменил свой взгляд на занятие Босфора; он видит, что задача эта не легкая, что приведение в исполнение тех требований, которые государь много раз выражал относительно скорейшего занятия берега Босфора, повело бы неминуемо к разрыву с Англиею, а может быть и с Турцией»⁴⁸.

В отличие от февральского плана, в новых военно-политических реалиях русское командование вынуждено было отказаться от усиления армий в Польше и в низовьях Дуная Гвардейским и Гренадерским корпусами. Кроме того, в новом плане отказались от нанесения главного удара по Австро-Венгрии с территории Варшавского военного округа, из-за чего Западная армия ослаблялась до 9 пехотных дивизий. Главный удар предполагалось нанести в Буковине и Трансильвании Юго-западной армией, разделявшейся на три отряда — Галацкий, Яский и Каменец-Подольский. Всего в армию входили 19 пехотных дивизий. Западная армия должна была только обеспечивать наступление главных сил с севера.

Здесь, нужно отметить, русский Главный штаб допустил серьезную ошибку, связанную с определением главного операционного направления. Вероятно, в этом сыграли свою роль донесе-

ния русской разведки. Так, 28 февраля поступила информация от военного агента в Вене генерал-майора Ф.А. Фельдмана о том, что удар австро-венгерской армии будет нанесен в Румынии по коммуникациям Действующей армии⁴⁹. На самом деле по плану, разработанному еще в ноябре 1876 г. начальником австрийского Генштаба фельдмаршал-лейтенантом бароном А. фон Шонфельдом, главные усилия габсбургских войск направлялись в сторону Царства Польского⁵⁰. Тем не менее, в Вене, как и в Лондоне, понимали бесперспективность большой войны. 14 февраля 1878 г. (н. ст.) глава военного кабинета императора и его ближайший военный советник генерал-майор Ф. фон Бек представил Францу Иосифу доклад, в котором наглядно показал слабость австрийской армии, невозможность и дороговизну проведения общей мобилизации, на которой настаивал британский кабинет⁵¹.

В связи с неутешительными новостями из штаба Действующей армии военно-политическому руководству Российской империи в апреле пришлось окончательно отказаться от замыслов занятия Босфора. Прибывший под Константинополь Э.И. Тотлебен также признал невозможными активные действия против столицы османов, о чем доложил Александру II 27 апреля⁵². На случай возникновения войны генерал, опасавшийся удара восстановивших боевую мощь турок, разработал план отхода главных сил к Адрианополю и создания там укрепленного лагеря⁵³. Кроме того, для отражения вражеского десанта в Болгарии он распорядился сформировать самостоятельный Северный отряд из XII-го, XIII-го и XIV-го корпусов. XII и XIV корпуса в случае войны передавались в Юго-Западную армию, но новый главнокомандующий Действующей армией активно выступил против этого, не желая ослаблять вверенную ему группировку вопреки интересам общего дела. Торг между Тотлебеном и высшим военным руководством Империи из-за этих корпусов продолжался весь май и июнь⁵⁴. В Петербурге продолжали готовиться к войне по утвержденному 30 марта плану. 12 апреля Александр II утвердил составленное Главным штабом, согласно «Объяснительной записке» от 30 марта, подробное боевое расписание предполагавшихся к формированию армий⁵⁵. 20 мая было утверждено обновленное расписание войск на случай войны⁵⁶.

Невозможность вести подготовку к наступательным действиям на Босфоре вынудило военно-политическое руководство России обратиться к поиску альтернативных способов борьбы с Великобританией — того самого «паллиатива», который еще в феврале не воспринимался всерьез. 4 и 8 апреля в Петербурге состоялись совещания по вопросу подготовки к выступлению в Центральной Азии, по итогам которых было решено начать подготовку к сосредоточению войск Туркестанского военного округа с целью создать угрозу Британской Индии, выдвинуть отряд из войск Кавказского военного округа от Красноводска на Мерв и попытаться дипломатическим путем склонить на свою сторону афганского эмира Шир-Али⁵⁷. 13 апреля Д.А. Милютин отдал соответствующие распоряжения командующему войсками Туркестанского округа инженер-генералу К.П. фон Кауфману⁵⁸. Результатом деятельности военного министерства и туркестанских властей стало сосредоточение 12,5-тысячного отряда возле кишлака Джам на северной границе с Бухарой, где он и пробыл до июля 1878 г., играя роль своеобразного «жупела» для англичан. Русское командование прекрасно осознавало сложность организации похода и снабжения крупных масс войск на территории, не имевшей необходимых транспортных коммуникаций, поэтому с самого начала «Джамский поход» рассматривался как блеф или, скорее, как жест отчаяния. Не принесли желаемых результатов действия русского отряда и в Закаспийском крае, приведшие только к активизации набегов туркмен-текинцев на Чекишляр и Красноводск⁵⁹. Громким провалом обернулась для Петербурга и Ташкента дипломатическая миссия в Кабул генерал-майора Н.Г. Столетова, спровоцировавшая Вторую англо-афганскую войну 1878–1880 гг., в результате которой Афганистан фактически превратился в британский протекторат и на 40 лет полностью выпал из сферы русской внешней политики⁶⁰.

Одновременно военно-политическое руководство Империи начало готовиться к действиям на британских морских коммуникациях, приведя в готовность три крейсера и купив в США еще четыре быстроходных парохода⁶¹. Кроме подготовки к выступлению в Центральной Азии и на морских театрах, еще в конце марта были сделаны распоряжения по сосредоточению

немногочисленных войск Восточно-Сибирского военного округа к Владивостоку и организации его обороны от возможного десанта британцев⁶².

В мае–июне 1878 г. были решены вопросы о назначениях на высшие командные посты на случай открытия военных действий. На должность главнокомандующего сперва серьезно рассматривалась кандидатура фельдмаршала князя А.И. Барятинского — к нему даже приезжал Н.Н. Обручев с инструкциями на случай столь ответственного назначения⁶³. Но в итоге главнокомандование решил взять на себя сам Александр II при начальнике штаба Д.А. Милютине⁶⁴. Юго-Западную армию должен был возглавить наследник цесаревич Александр Александрович, его начальником штаба был назначен Обручев⁶⁵. Западную армию, вероятнее всего, в бой повел бы командующий войсками Варшавского военного округа граф П.Е. Коцебу.

Несмотря на все подготовительные мероприятия, военно-политическое руководство России ясно понимало бесперспективность решения Восточного вопроса и, по большому счету, делало хорошую мину при плохой игре. 1 (13) июня начался Берлинский конгресс, завершившийся 1 (13) июля. 15 июля последовало высочайшее повеление об отмене всех приготовлений на случай войны с европейской коалицией⁶⁶. Угроза нового вооруженного конфликта миновала.

Подготовка Российской империи к войне с коалицией Великобритании, Австро-Венгрии и Османской империи в 1878 г. обнаружила многочисленные негативные стороны, присущие деятельности русского военного ведомства и его Генерального штаба в позднеимперский период. То, что русско-турецкая война 1877–1878 гг. стала «войной упущенных возможностей», являлось следствием вопиющего расхождения между государственной и военной стратегией, проявившегося прежде всего в конфликте между штабом Действующей армии и Петербургом из-за занятия Босфора. Постоянные разногласия между верховным главнокомандованием и главнокомандующими на отдельных стратегических направлениях в более широком масштабе проявятся в годы Первой мировой войны и станут системным изъяном ржавеющей военной машины империи Романовых.

Другой ошибкой следует признать решение сосредоточить главные силы, нацеленные против Австро-Венгрии, в Молдавии, Буковине и Подолии. Из-за неверного определения главного операционного направления незначительные силы русской армии в Царстве Польском находились под угрозой изолированного поражения. Кроме того, сотрудники Главного штаба преувеличивали силы противников, что в конечном итоге также привело к дипломатической капитуляции в Берлине.

Тем не менее, военно-политическое руководство Российской империи сумело вынести из кризисной ситуации 1878 г. два важных урока. Первым и наиболее очевидным следствием неудачной попытки решить раз и навсегда Восточный вопрос стала систематическая подготовка к так называемой «Босфорской экспедиции». Вторым, менее очевидным, результатом драмы у ворот Константинополя нужно признать активизацию центральноазиатской экспансии России. Именно провал «Джамской экспедиции» показал русскому командованию необходимость искать плацдарм для будущих действий против Великобритании и ее богатейшей колонии — Индии, что привело к Ахал-Текинским походам 1879 и 1880–1881 гг. и присоединению Мервского оазиса в 1884 г. Новые территориальные приобретения позволяли иметь удобные районы сосредоточения для армии вторжения в Индию. Это позволило России во время Пендинского кризиса 1885 г. вести диалог с Великобританией уже совсем с иных позиций.

Примечания

- ¹ Описание Русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Т. IX. Ч. 1. Действия с 1 января 1878 г. до окончания войны. Действия в тыловых районах театра войны. СПб., 1913. С. 478–489.
- ² Особое прибавление к описанию Русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Вып. II. Очерк политических событий с 28 декабря 1877 г. по 15 апреля 1878 г. СПб., 1900. С. 1–57.
- ³ Освобождение Болгарии от турецкого ига: документы в трех томах. Том третий. Борьба России и болгарского народа за создание болгарского государства. 1878–1879. М., 1967. С. 29–31.
- ⁴ Айрапетов О.Р. Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев (1830–1904). Портрет на фоне эпохи. М., 2017. С. 240–256.
- ⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 138. Оп. 467. Д. 29/30. Л. 44–44 об.; Особое прибавление... Вып. VI. Документы из секретных бумаг г.-ад. Милютина. СПб., 1911. С. 242–243.

- ⁶ Газенкампф М.[А.] Мой дневник 1877–1878 гг.: изд. испр. и доп. СПб., 1908. С. 360.
- ⁷ Там же. С. 380–381.
- ⁸ Особое прибавление... Вып. VI. С. 257.
- ⁹ Милютин Д.А. Дневник. 1877–1878 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2009. С. 373.
- ¹⁰ Особое прибавление... Вып. VI. С. 249. Написанный рукой А.М. Горчакова подлинный проект телеграммы, составленный им совместно с Д.А. Милютиным. См.: АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 29/30. Л. 6–48.
- ¹¹ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. 14. Рапорты Главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича Государю Императору. СПб., 1898. С. 142–151.
- ¹² АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 29/30. Л. 63.
- ¹³ Там же. Л. 62–62 об.
- ¹⁴ Особое прибавление... Вып. II. С. 3–5; Татищев С.С. Император Александр II: его жизнь и царствование. СПб., 1903. С. 457.
- ¹⁵ Газенкампф М.[А.]. Указ. соч. С. 438.
- ¹⁶ Сборник материалов... Вып. 12. Численность русских и турецких войск в течение кампании. СПб., 1899. С. 146.
- ¹⁷ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 7468. Ч. 3. Л. 361 об.
- ¹⁸ Описание Русско-турецкой войны... Т. IX. Ч. 1. С. 483.
- ¹⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 31. Л. 16–16 об., 33–34 об.
- ²⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 7447. Л. 1–5 об.
- ²¹ Там же. Л. 6–7 об.
- ²² РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 31. Л. 17–28, 35–39.
- ²³ РГВИА. Ф. 485. Оп. 1. Д. 572. Л. 48.
- ²⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 31. Л. 35 об.–36.
- ²⁵ Там же. Л. 33.
- ²⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 7896. Л. 15–33 об.
- ²⁷ РГВИА. Ф. 485. Оп. 1. Д. 572. Л. 163–165 об., 169–179 об.
- ²⁸ Добророльский С.К. Мобилизация русской армии в 1914 году. Подготовка и выполнение: по материалам Военно-исторического архива. М., 1929. С. 19.
- ²⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 7909. Л. 60–61 об.
- ³⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 31. Л. 19–19 об.; Оп. 16. Д. 7902. Л. 14.
- ³¹ Preston A. Frustrated Great Gamesmanship. Sir Garnet Wolseley's Plans for War against Russia, 1873–1880 // The International History Review. 1980. Vol. 2. № 2. P. 261–264.
- ³² Jelavich B. British Means of Offense against Russia in the Nineteenth Century // Russian History. 1974. Vol. 1. № 2. P. 125.
- ³³ Описание Русско-турецкой войны... Т. IX. Ч. 1. С. 486–487; Газенкампф М.[А.]. Указ. соч. С. 534.
- ³⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 7468. Ч. 3. Л. 386 об.
- ³⁵ Особое прибавление... Вып. III. Переписка Императора Александра II с Главнокомандующими: Вел. Кн. Николаем Николаевичем и ген.-ад. Тотлебенем. СПб., 1899. С. 83.
- ³⁶ Описание Русско-турецкой войны... Т. IX. Ч. 1. С. 485.
- ³⁷ Особое прибавление... Вып. II. С. 4.

- ³⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 7893. Л. 121–121 об.; *Газенкампф М.[А.]*. Указ. соч. С. 541–542.
- ³⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 7893. Л. 84.
- ⁴⁰ *Газенкампф М.[А.]*. Указ. соч. С. 498, 510.
- ⁴¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 7449. Л. 3–5.
- ⁴² Там же. Л. 2.
- ⁴³ Особое прибавление... Вып. II. С. 106–110.
- ⁴⁴ *Милютин Д.А.* Указ. соч. С. 404–405.
- ⁴⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 7449. Л. 28–30.
- ⁴⁶ *Милютин Д.А.* Указ. соч. С. 399–400.
- ⁴⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 31. Л. 51–61 об.
- ⁴⁸ *Милютин Д.А.* Указ. соч. С. 399.
- ⁴⁹ РГВИА. Ф. 485. Оп. 1. Д. 572. Л. 57.
- ⁵⁰ *Rothenberg G.E.* The Army of Francis Joseph. West Lafayette, 1976. P. 94–95.
- ⁵¹ *Lackey S.W.* The Rebirth of the Habsburg Army. Friedrich Beck and the Rise of the General Staff. Westport; London, 1995. P. 74–75
- ⁵² Особое прибавление... Вып. III. С. 78–88.
- ⁵³ Там же. С. 85–87.
- ⁵⁴ Там же. С. 89–137.
- ⁵⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 7447. Л. 68–81.
- ⁵⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 7899. Л. 174–176 об.
- ⁵⁷ См. подробнее: «Индийский поход» русской армии: сборник архивных документов / сост. Т.Н. Загородникова. М., 2014. С. 89–94; *Милютин Д.А.* Указ. соч. С. 408–409, 411; *Хидоятов Г.А.* Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60–70-х гг.). Ташкент, 1969. С. 259–261.
- ⁵⁸ «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход»... С. 95–100.
- ⁵⁹ *Куропаткин А.Н.* Завоевание Туркмении (Поход в Ахал-теке в 1880–1881 гг.) с очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г. СПб., 1899. С. 97.
- ⁶⁰ *Загородникова Т.Н.* «Индийский поход» русской армии и миссия генерала Н.Г. Столетова в Кабул // Восток. 2006. № 4. С. 21–36; *Хидоятов Г.А.* Указ. соч. С. 261–293.
- ⁶¹ *Кондратенко Р.В.* Л.П. Семечкин. Судьба теоретика крейсерской войны. СПб., 2003. С. 18–33; *Strakhovsky L.I.* Russia's Privateering Projects of 1878: A Page in the History of Russian- American Relations // The Journal of Modern History. 1935. Vol. 7. № 1. P. 22–40.
- ⁶² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 7897. Л. 4–5.
- ⁶³ *Милютин Д.А.* Указ. соч. С. 428–429.
- ⁶⁴ Там же. С. 429–430.
- ⁶⁵ РГВИА. Ф. 485. Оп. 1. Д. 572. Л. 4.
- ⁶⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 7909. Л. 1.

Борьба за мировое господство и Восточный кризис (1875–1878)*

Аннотация:

В статье автор оценивает российскую и британскую политику во время Восточного кризиса 1875–1878 гг., рассматривая двусторонние отношения в контексте глобальной оппозиции между Англией и Россией, начиная с 1815 г. После окончания Крымской войны 1853–1856 гг. и до начала 1870-х годов в расстановке сил в Европе произошли серьезные изменения, связанные с созданием Германской империи в 1871 г. Возможность российско-германского геополитического союза представлялась, однако, плохим глобальным сценарием для Великобритании. Поэтому английская политика во время Восточного кризиса не так решительно противостоит России и не поддерживает Османскую империю любой ценой. Это делает политический компромисс между Лондоном и Санкт-Петербургом вполне возможным, что и является в конце концов основой решений Берлинского конгресса 1878 г.

Ключевые слова:

Россия, Великобритания, Восточный вопрос, Восточный кризис 1875–1878 гг., Османская империя, мировое господство, Германская империя.

*Ivan
PARVEV*

The Struggle for World Domination and the Great Eastern Crisis of 1875–1878

Abstract:

The proposed analysis evaluates Russian and British policies during the Great Eastern Crisis (1875–78), with bilateral relations being placed in the context of the global hostility between England and Russia lasting from 1815 onwards. In the period between the end of the Crimean War (1853–56) and early 1870s there were serious changes in the balance of power in Europe, which was related to the creation of the German Empire in 1871. The possibility of

* Статья подготовлена при финансовой поддержке болгарского Фонда научных исследований, проект ДНТС/Русия/02/17 — «Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность)».

Russian-German geopolitical union however was a bad global scenario for the United Kingdom. Because of this, English policy during the Great Eastern Crisis was not that strongly opposed to the Russia one, and did not support the Ottoman Empire at all costs. This made it possible to establish political compromise between London and St. Petersburg, which eventually became the basis of the Congress of Berlin in 1878.

Keywords:

Russia, Great Britain, Eastern Question, the Great Eastern Crisis of 1875–1878, the Ottoman empire, world domination, the German empire.

1. Одной из особенностей существующего в историографии традиционного взгляда на Восточный кризис 70-х годов XIX в. и освободительной для болгар русско-турецкой войны 1877–1878 гг. является чрезвычайно сильная концентрация фактологии для относительно краткого периода истории Болгарии и Балкан. Конечно, это «погружение в детали» имеет свое логическое объяснение, так как события тех лет не только радикально изменяют политическую карту Юго-Восточной Европы в результате восстановления болгарской государственности, но и оформляют некоторые из тех «камней преткновения», которые в конечном счете приводят к развязыванию Первой мировой войны.

С другой стороны, пристальное всматривание в связанные с Восточным кризисом 1875–1878 гг. фактологические детали иногда не позволяет увидеть и понять происходящее в рамках общего исторического контекста. При этом можно вспомнить знакомую крылатую фразу немецкой культурной среды: «Из-за слишком большого количества деревьев не можешь увидеть леса» (русский вариант: «За деревьями леса не видно»). Типичным примером подобного «смотришь, но не видишь» можно назвать повышенное внимание к осаде Плевена (Плевны) во время войны. Немало исследователей и журналистов, которые по различным причинам не испытывают особых симпатий к России как к феномену в прошлом и в современных реалиях, считают эту осаду ярким примером бездарности российского военного командования, допустившего ряд грубых ошибок, которые могли бы привести к полному провалу всей военной кампании. Не будем останавливаться на позиции некоторых румынских коллег, которые убеждены, что если бы в конфликте не участвовала армия

Румынии, то Россия наверняка проиграла бы войну. Что, однако, можно констатировать, если с высоты «птичьего полета» бегло проследить все «турецкие войны», которые российская держава вела с конца XVII в. до второй половины XIX в. И тогда мы увидим, что из восьми победоносных войн, война 1877–1878 гг. была не только самой короткой, но и самой успешной, в смысле продвижения к Константинополю. Никогда российская армия прежде не продвигалась в пределы Турции так далеко — даже войска Николая I в 1829 г. дошли только до Адрианополя¹.

Конечно, можно указать и на другие случаи подобного «размывания исторического взгляда» в зависимости от того, куда направлен исследовательский фокус — к микро- или макроистории, воздействует ли на него императив актуальной политической конъюнктуры и пр. Интересно, например, акцентирование внимания на этническом составе русской армии и «установление» задним числом ее современной связи с государствами, которые в XIX в. не существовали, — Финляндией, Белоруссией, Украиной, Казахстаном и др. Естественно, мы можем подсчитать различные этнические компоненты российской армии или ее командного состава (что заняло бы немало времени), но от этого армия, которая 140 лет тому назад победила Османскую империю, не станет менее имперской, а война 1877–1878 гг. не превратится в войну коалиции Белоруссии, Казахстана, России, Финляндии и Украины против Османской империи. Так же непропорционально сильно акцентируется внимание (особенно в СМИ) на подвигах Болгарского ополчения во время войны и особенно при обороне Шипкинского перевала. Сколь бы это ни радовало нас, как патриотов своей страны, и ни побуждало гордиться нашими предками, но нельзя заставить серьезных историков поверить в прекрасную сказку о том, что болгары сами, без чужой помощи освободились от власти султана².

В связи с этим следует подчеркнуть, что ни один народ в Юго-Восточной Европе не смог бы получить свободу от империи «Великого турка» без вмешательства могучего европейского противника Высокой Порты. Это относится и к венграм, которые получили свободу в результате экспансии австрийских Габсбургов на Юго-Восток в конце XVII — начале XVIII вв., это отно-

сится и к сербам, грекам и болгарам в XIX веке, когда военное вмешательство России привело к созданию их государств. Между прочим, судя по общим тенденциям европейской политики во второй половине XIX в., а также рассматривая ее в общем глобальном контексте, русская политика могла бы достичь умеренного геополитического реванша на Балканах и без вооруженного конфликта. В этом случае «Болгарское освобождение» могло бы остаться, как и прежде, лишь политическим проектом с неясным будущим. История избрала другой путь развития, но это не отменяет констатации, что благодаря войне 1877–1878 гг. болгары прямо-таки «поймали последний поезд» для своего национального освобождения.

Всё сказанное выше показывает, что иногда действительно сто́ит посмотреть на драматические события 140-летней давности и в контексте более масштабных исторических процессов, которые не всегда видны в массе мелких фактологических деталей.

2. Могут ли проблемы, связанные с Восточным кризисом и русско-турецкой войной, рассматриваться только в региональном, балканском плане? Да, это возможно, но полученная обобщенная картина будет наверняка неполной, сколь и подробными будут фактологические исследования. Эта картина, например, не сможет дать ответа на вопрос, почему Россия не смогла отстоять полученные ею преимущества, зафиксированные в Сан-Стефанском мирном договоре 3 марта 1878 г., несмотря на то, что русские диктовали его условия в пригороде османской столицы? Почему Российская империя согласилась на столь серьезные геополитические и геостратегические уступки, зафиксированные в Берлинском договоре? Только лишь на основе исследовательского акцента на одном Балканском полуострове это трудно понять. Для этого следует расширить масштаб исторического взгляда с помощью «континентальной» или «глобальной призмы».

Для некоторых более наблюдательных современников той отдаленной эпохи вопрос, находившийся в основе Восточного кризиса 1875–1878 гг., заключается не в том, сохранится ли власть султана на Балканах или нет. Ставка была намного больше, и суть ее очень точно передана английской королевой Викторией в разговоре с лордом Биконсфилдом (Бенджамин Дизраэли): «Во-

прос не в том, будет ли поддержана Турция; вопрос в том, будет ли мировое господство британским или русским»³.

XIX век с точки зрения истории дипломатии и военных конфликтов отличается от предыдущих столетий одной очень существенной деталью. Если в Раннее новое время, то есть в XVI–XVIII вв., столкновения между европейскими державами традиционно происходят за региональное или континентальное господство, то с конца Наполеоновской эпохи появляется новый тип противостояния, а именно — глобальное. Кто-то мог бы оспорить подобный тезис, напомнив, что и в XVI, и в XVIII вв. происходили столкновения между европейскими державами — между Англией и Испанией, между Францией и Великобританией и др. Это действительно так, но в данном случае речь идет скорее о борьбе за континентальное господство, которое имеет помимо своих фронтов в Европе и линии противостояния, например, в обеих Америках.

Новое для эпохи, начавшейся после 1815 г., состоит в том, что впервые в истории осуществляется то, что впоследствии теоретики-геополитики (напр., Альфред Тайер Мэхэн⁴, Халфорд Макиндер⁵ и др.) определяют как столкновение между «морем и материком», от чего зависит, кто будет мировым гегемоном. Две враждебные страны в указанном новом глобальном столкновении — Великобритания и Российская империя, символизирующие соответственно «море» и «материк».

Может быть, сейчас время сделать некоторые предварительные оговорки об указанном «глобальном противостоянии» и его характерных чертах, которые наблюдались в последние два века, начиная с 1815 г. В отличие от региональных и континентальных конфликтов, которые очень часто переходили в реальные военные столкновения, «глобальное противостояние» не ведет к глобальной войне между двумя враждебными полюсами, в которой обе стороны используют весь свой военно-политический потенциал, чтобы победить в прямом поединке. В этом смысле «глобальное противостояние» имеет свой собственный «код поведения». При нем, возможно, дело дойдет до всеохватывающего пропагандистского или экономического столкновения, может иметь место в каком-либо варианте «холодная война» между глобаль-

ными противниками, возможны провокативные региональные столкновения, в которых при необходимости, в той или другой форме, будут участвовать оба полюса, но только с частью своего потенциала. Другими словами, «глобальное противостояние» (или «борьба за мировое господство») должно рассматриваться с точки зрения теоретического анализа скорее как своеобразная «контекстуальная рамка», в которой развиваются региональные и континентальные столкновения. Если задуматься, то крупные мировые конфликты за прошедшие два века на самом деле являются своеобразным продолжением столкновений за *континентальное господство*, но не *вооруженным столкновением* между полюсами в «глобальном противостоянии». Поэтому Великобритания и Россия были союзниками во время Первой мировой войны, поэтому СССР и США воевали вместе против нацистской Германии во Второй мировой войне. Вероятно, в определенные моменты и для двух враждебных полюсов в «глобальном противостоянии» более выгодно не допускать, чтобы третья сила нарушала установленное «глобальное равновесие сил».

3. Как выглядит в XIX веке «глобальная конфронтация» между Россией и Великобританией? Непосредственно после 1815 г. указанные две империи сравнительно быстро оформляют полюсы глобального противостояния. Общий враг Наполеон оказался лишь временной и непрочной спайкой между Лондоном и Санкт-Петербургом. С точки зрения дальнейшей перспективы для Великобритании, Россия казалась ей уже слишком опасной и создающей угрозу. Проблема, конечно, была не в военно-морских силах, а в сухопутных: Российская империя владела землями на трех континентах — в Европе, Азии и Северной Америке, обладала самой многочисленной армией; в пределы России входили территории в Скандинавии (Великое княжество Финляндия) и в Восточной Средней Европе (значительная часть Польши с Варшавой), а на Балканах — Валахия, Молдавия и Сербия находились под российским покровительством. Если к этому добавить слабость Османской империи, сильное политическое влияние Санкт-Петербурга в Германском союзе (через тесные отношения с Веной и Берлином), а также воспоминания о том, как русские войска дошли до Парижа, стремление Великобритании ограни-

чить дальнейшее усиление России, как территориально, так и сферы ее влияния, выглядит объяснимым.

Именно через эту «глобальную призму» и следует рассматривать вступление Англии в Крымскую войну. Тут не стоял вопрос о Святых местах или о праве России быть покровительницей христианских подданных султана (русские правители и так воспринимались как защитники православных в силу традиции и религиозной логики). Проблема была в страхе, что дополнительное усиление русского влияния на Балканах — через создание болгарского государства, путем присоединения земель за Дунаем в направлении Константинополя, — превратит Российскую империю в бесспорного гегемона в Европе, а затем и всего евразийского материка. Конечно, эвентуальная победа русских над Турцией в 1853–1856 гг. не означала бы, что Россия одержит победу и в «глобальной конфронтации» с Англией, но для Лондона существовал бы риск, что англичане не смогут найти ни одного европейского союзника, готового воевать против империи Романовых.

Если смотреть сквозь призму глобального британо-русского противостояния, результаты Крымской войны наносят удар по авторитету России как непобедимому военному фактору в Старом свете. Замена русского протектората над Валахией, Молдавией и Сербией коллективным покровительством всех великих держав, нейтрализация Черного моря и потеря Южной Бессарабии также ослабляют русское влияние в Балканском регионе⁶. С другой стороны, «глобальное столкновение» между Лондоном и Санкт-Петербургом в трансконтинентальном контексте большой европейской политики продолжает существовать и после 1856 г.

«Великое возвращение» России на Балканы начинается с отмены нейтрализации Черного моря (1871 г.), что было в полном противоречии с Парижским мирным договором 1856 г., подписанным после окончания Крымской войны. Во время Восточного кризиса 1875–1878 гг., когда Санкт-Петербург шаг за шагом приближается к войне против султана, британская дипломатия не проявляет намерения активно и любой ценой защищать целостность Османской империи. Это приводит к объявлению русско-турецкой войны, во время которой Лондон остается безучастным зрителем.

Очень странная метаморфоза — немногим более 20 лет тому назад при подобной ситуации британцы без колебаний становятся союзниками турок и воюют вместе с французами и сардинцами против России. Что же в сущности изменилось?

Прежде всего, Российская империя продает в 1867 г. Соединенным Штатам Америки Аляску, в результате чего упоминаемое выше «глобальное противостояние» приобретает немного более спокойные геостратегические измерения, разумеется, преломленные через английскую «призму». С этой точки зрения «компенсаторный» русский взгляд на Балканы выглядит легитимным и не столь скандальным, как в середине XIX в. В сущности, однако, большая перемена наступает в Центральной Европе. В 1871 г. в результате франко-прусской войны была создана Германская империя, а это означало конец политической раздробленности Средней Европы, связанной с созданным в 1815 г. Германским союзом. И припомним, что политическое противоборство между Пруссией и Австрией, поощряемое и Англией, и Россией, было выгодно и двум полюсам «глобального противостояния».

Именно радикальное ослабление Франции и Австро-Венгрии в начале 70-х годов XIX в. и усиление Германии меняют не только соотношение сил в центре Европы, но и своеобразным образом воздействуют на «глобальную конфронтацию» между Великобританией и Россией. Относительное ослабление «русского полюса» Парижским мирным договором и потеря Аляски⁷, без сомнения, были встречены Лондоном с удовлетворением. Конечно, напряжение в ареале между южными русскими границами и британской колониальной империей в Азии продолжалось, но постепенно в Англии укрепляется убеждение, что русское глобальное влияние можно будет «укротить» таким образом, чтобы оно не представляло угрозу для британского морского и экономического господства в мире, поскольку у России нет ни столь сильного флота, ни мощной индустрии, которая могла бы конкурировать с английской.

Это, несомненно, выгодное для Великобритании глобальное статус-кво могло быть нарушено в пользу России только единственным способом, а именно: если каким-либо образом германская геополитическая и промышленная мощь «перель-

ется» в российское имперское пространство. При таком крайне плохом для англичан сценарии евразийский материк вполне возможно может не только начать «глобальную войну» против Британской империи, но и иметь очень большие шансы на достижение окончательной победы.

По той же причине во время Восточного кризиса 1875–1878 гг. британская политика на Балканах представляет собой своеобразный «чемодан с двойным дном»: официально региональной целью является сохранение основных турецких владений в Европе, то есть Лондон позиционируется против России на полуострове, но истинная, я бы сказал, глобальная цель в сущности — помешать углублению политической конвергенции между тремя Северными державами (если мы можем использовать этот английский термин), а именно Россией, Германской империей и Австро-Венгрией. Особенно между Берлином и Санкт-Петербургом.

4. Удастся ли Великобритании достичь своих региональных и глобальных целей во время Восточного кризиса? Ответ — определенно «да». Россия не в состоянии сохранить выгоды, которых она достигла для себя в рамках Сан-Стефанского договора. Санкт-Петербург не справился даже с задачей достичь понимания со своими, по крайней мере в теории, союзниками — Австро-Венгрией и Германией — о компромиссном пересмотре предварительного мира. Глубоко разочарованная позицией Берлина и Вены, российская дипломатия в конце концов договаривается со своим «глобальным противником» о новых границах на Балканах, зафиксированных впоследствии Берлинским конгрессом.

Была ли готова Великобритания воевать с Россией, если бы император Александр II решил не отступать от основных достижений, отраженных в Сан-Стефанском мире? Конечно, нет. Проблема в том, что Англия сумела внушить российской дипломатии, что и в 1878 г. возможно повторение крымского сценария. В этом смысле, если следует указать на более серьезную ошибку Российской империи во время Восточного кризиса, то это, без сомнения, слишком завышенная оценка британской враждебности в рамках «глобальной конфронтации».

Англия достигает не только очень серьезного успеха в региональном плане, она успевает до такой степени расстроить союз-

ные отношения между Санкт-Петербургом, Берлином и Веной, что 7 октября 1879 г. Германия и Австро-Венгрия подписывают тайный оборонительный договор, так как опасаются русского нападения⁸. Александр II и его приближенные воспринимают О. Бисмарка как главного виновника неудачи русских на Берлинском конгрессе. Так Великобритания сумела сохранить удобные для нее рамки «глобального противостояния» с Российской империей, сведя до минимума риск немецко-русского «геополитического синтеза», который бы обеспечил победу «материка» над «морем» в борьбе за мировое господство. И, поистине, была права королева Виктория: «Вопрос не в том, будет ли поддержана Турция; вопрос в том, будет ли мировое господство британским или русским».

Примечания

- ¹ Более подробно о войнах между Россией и Османской империей см.: *Широкоград А.Б.* Русско-турецкие войны, 1676–1918 гг. Минск, 2000; *он же.* Османская угроза России — 500 лет противостояния. М., 2016.
- ² В данном случае достаточно указать на детали, связанные с боевыми действиями у Шипки, чтобы стало очевидно, что болгарские ополченцы хотя, несомненно, и проявляли героизм в критические моменты атак турок 21 и 23 августа 1877 г., но русское командование всё же предпочитало, чтобы оборона перевала находилась в руках регулярных армейских частей, и 25 августа ополчение было отведено с позиции. Это было логичное решение, так как в принципе ополченцы не были профессиональными солдатами. В сущности мало известен факт, что подразделения двух враждующих армий сохраняли свои позиции на Шипке до начала декабря 1877 г. Более подробно о войне и роли болгар в ней см.: *Генов Ц.* Освободителната война 1877–1878. София, 1986. Еще в конце XIX в. были опубликованы воспоминания об участии болгар в военных действиях. См.: *Кисов С.* Българското опълчение в Освободителната руско-турска война 1877–1878 г. Действието на 3-та дружина от бълг. опълчение. Възпоменание на Стефан И. Кисов. София, 1897.
- ³ *Пырвев И.* Балканите и Източният въпрос (1688–1774). София, 2017. С. 256. Прим. 2: „It is not a question of upholding Turkey; it is a question of Russian or British supremacy in the world“.
- ⁴ См.: *Mahan A.T.* The Influence of Sea Power upon History, 1660–1783. Boston, 1890. Это основное сочинение автора. У него есть и другие исследования, напр.: *The Influence of Sea Power upon the French Revolution and Empire 1793–1812.* Boston, 1894.
- ⁵ Наиболее известное сочинение автора: *The geographical pivot of history // The Geographical Journal*, 23 (1904). P. 421–437.
- ⁶ О Крымской войне существует большое количество литературы. Среди основных сочинений следует отметить следующие: *Тарле Е.В.* Крымская война. М., 1950; *Schroeder P.W.* Austria, Great Britain and the Crimean War. The destruction of the European concert. Ithaca-London, 1972; *Baumgart W.* Der Friede von Paris 1856.

Studien zum Verhältnis von Kriegführung, Politik und Friedenswahrung. München, 1972. См. также недавно вышедшую книгу: *Badem C. The Ottoman Crimean War (1853–1856)*. Leiden, 2010.

- ⁷ О русской власти на Аляске в XIX веке. см.: *Littke P. Vom Zarenadler zum Sternennbanner. Die Geschichte Russisch-Alaskas*. Essen, 2003; *Vinkovetsky I. Russian America. An overseas colony of a continental empire, 1804–1867*. Oxford, 2011. О дипломатических и финансовых аспектах см.: *Миронов И. Роковая сделка. Как продавали Аляску*. М., 2007.
- ⁸ Хотя договор и являлся секретным, но обе державы считают необходимым уведомить официально Санкт-Петербург о его подписании. О соглашении 1879 г. см.: *Bagdasarian N.D. The Austro-German rapprochement, 1870–1879. From the Battle of Sedan to the Dual Alliance*. [Rutherford, N.J.] 1976; *Rumpler H. (Ed.). Der «Zweibund» 1879. Das deutsch-österreichisch-ungarische Bündnis und die europäische Diplomatie*. Wien, 1996.

Великий Восточный кризис 1875–1878 гг. и его военно-политические последствия: мифы и реальность*

Аннотация:

Статья посвящена анализу влияния Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг. на последующее развитие военно-политической ситуации в Балканском регионе. Основное внимание уделено динамике интеграционных моделей. В работе проводится анализ существующей историографии по указанным вопросам.

Ключевые слова:

Россия, Европа, Балканы, Болгария, Великий Восточный кризис 1875–1878 гг., Берлинский конгресс 1878 г., великие державы, международные отношения, интеграционные модели.

*Petr A.
ISKENDEROV*

The Great Eastern Crisis of 1875–1878 and its military and political consequences: myths and reality

Abstract:

The article is devoted to the Great Eastern Crisis of 1875–1878 and its consequences for the Balkans in terms of the further military and political conditions in the region. The author pays particular attention to the integration models aimed at the solution of region's problems. The research contains analysis of the modern historical works on the problems under study.

Key words:

Russia, Europe, the Balkans, the Great Eastern Crisis, Congress of Berlin, Bulgaria, Great Powers, international relations, integration models.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (Грант № 18-59-18002 Болг_а «Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность)»).

История Балканского полуострова традиционно несет на себе печать многочисленных мифов, имеющих объективную и субъективную природу и, в свою очередь, оказывающих существенное влияние на развитие военно-политической ситуации в регионе. В основе происхождения подобных мифов лежат как объективные особенности развития региона, отличающегося этно-конфессиональной чересполосицей, так и интересы великих держав, стремящихся использовать конкретные балканские условия для достижения собственных геополитических и геоэкономических целей.

К числу подобных мифов относятся, в частности, попытки искусственного «удревления» балканских народов и их государственных моделей, тенденциозное освещение национальной и региональной истории, максимально расширительная трактовка ареала национальной государственности на основе введения так называемых «этнических границ», апологизация или, наоборот, «демонизация» роли тех или иных народов и государств, в том числе великих держав. Подчас подобные исследования находятся непосредственно в русле «тенденции фальсифицировать историческую правду»¹.

Мифологизация в значительной степени прослеживается и в рассмотрении балканской политики России, которой пытаются приписать исключительно агрессивные стремления в контексте проблемы Черноморских проливов, статуса Крыма и других аспектов и направлений российских интересов в Балканском и Черноморском регионах.

Одним из ключевых краеугольных камней в подобных концепциях традиционно выступают события Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг. и урегулировавшего его Берлинского конгресса. Эти события действительно открыли новую эпоху в истории Балкан, однако их подлинное значение, все плюсы и минусы берлинской модели урегулирования балканских региональных конфликтов и противоречий всё еще нуждаются в объективном исследовании и даже переосмыслении.

В данной связи особое значение приобретает анализ динамики возникновения и развития интеграционных моделей решения балканских проблем, которые приобретают особую актуальность

в XXI веке. Указанные модели также в значительной степени берут свое начало в истории Великого Восточного кризиса, который включал в себя целый ряд ключевых аспектов, расположенных в определенной иерархии. Верхние ряды данных аспектов составляют проблемы, непосредственно обсуждавшиеся великими державами и лежавшие в основе принятых ими решений. Это — международно-правовое признание независимости Сербии, Черногории и Румынии, определение принципов функционирования болгарской государственности, территориальное разграничение на Балканах. Однако наряду с проблемами, нашедшими свое адекватное (или не вполне) разрешение в рамках деятельности «концерта» великих держав, Великий Восточный кризис подспудно поставил на повестку дня вопросы, которые тогда не вышли на верхний уровень международных дискуссий или даже вообще остались за пределами внимания европейских и балканских лидеров. Они относятся к числу тех факторов, которые возникают и развиваются зачастую вне воли и интересов государственных, политических, культурно-национальных и иных сил и явлений. К их числу в специфических балканских условиях конца XIX века относятся интеграционные модели реформирования Балкан. Эпоха восстаний, войн и международной дипломатии, которую объединил в своем составе Великий Восточный кризис, объективно и подчас помимо желаний и устремлений ключевых игроков родила запрос на интеграцию балканских стран и народов как одно из средств урегулирования региональных проблем и обезвреживания тех «мин замедленного действия», которые в изобилии были расставлены на балканской почве Берлинским трактатом. Среди них на одно из ключевых мест уже в начале XX века вышла косовская проблема, а в более широком плане — албанский вопрос. Как весьма справедливо отмечает в этой связи современная германская исследовательница С. Фингер, характеризуя подход албанской стороны, «исполнение национальной мечты албанцев — объединиться в одном государстве — постоянно срывалось в процессе образования национальных государств в Юго-Восточной Европе и привело к возникновению так называемого “албанского вопроса”, который воспринимается албанцами как постоянно продолжающаяся политическая несправедливость»².

Аналогичное мнение в контексте сербо-албанского противостояния вокруг Косово высказывает современный хорватский историк З. Лутовац: «Стремление добиться абсолютного суверенитета над территорией, на которую одновременно претендуют два народа, требуя при этом образования независимого государства либо де-факто отмены всех автономных прав, демонстрирует стремление обеих сторон к конституционно-правовой институционализации доминирования»³.

В данной связи справедливой представляется оценка, данная различным аспектам Берлинского трактата 1878 г. и его последствиям отечественным балканистом В.Н. Виноградовым: «Все балканские страны осудили решения Берлинского конгресса, руководствуясь своими локальными интересами. Все они обзавелись программами национального объединения, скромностью не отличавшимися, ибо все претендовали не только на свои, но и на чужие земли. Чересполосное расселение народов, наличие значительных очагов одних на основной территории расселения других, сложность исторического развития, в ходе которого этносы проживали в разных государствах, — всё это делало проблему разграничения на Балканах, удовлетворяющую все стороны, не только запутанной, но и неосуществимой даже теоретически. При любом ее варианте кто-то всегда оставался обиженным, балканских просторов на всех явно не хватало. Единственный опыт разграничения без вмешательства держав произошел после Второй Балканской войны. По Бухарестскому миру 1913 г. Сербия, Черногория, Румыния и Греция расправились с Болгарией, навязав ей условия, воспринятые в стране как национальная катастрофа. Россия и в то время даже Австро-Венгрия такого обращения с побежденным не допустили бы»⁴.

Не случайно в историографии всех без исключения балканских стран существует устойчивая традиция негативного отношения к решениям Берлинского конгресса как якобы крайне недостаточным с точки зрения обеспечения национально-государственных интересов. И если позиция болгарских историков в пользу противопоставления Берлинскому договору Сан-Стефанского прелиминарного мирного соглашения оправданна хотя бы с точки зрения территориальных аспектов разграничения, то

справедливость оценки многих сербских и черногорских историков о том, что, говоря словами М. Войводича, документ, подписанный в Берлине и гарантировавший международно-правовое признание Сербии и Черногории и увеличение их территорий, стал «угрозой славянству», вызывает серьезные сомнения⁵. «Болгарская нация развивалась в отсутствие собственной государственной организации», — весьма справедливо напоминает болгарская исследовательница В. Паскалева⁶. То же самое в значительной степени относилось и к другим балканским народам, однако это вряд ли может служить оправданием националистическим великодержавным программам.

В противовес этому в значительной степени за рамками историографии балканских государств остаются различные интеграционные модели решения региональных проблем, многие из которых уходят своими корнями как раз в стремления их авторов урегулировать межгосударственные проблемы, оставшиеся в наследство Балканам после завершения Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг.

Между тем, значимость вышеуказанных интеграционных моделей стала особенно заметной более чем столетие спустя. Происшедший в первой половине 1990-х годов кровавый распад Югославии, возникновение на ее территории новых независимых и квазинезависимых государств с перспективой их дальнейшего дробления, а также рост межэтнических проблем в регионе выдвигают на повестку дня выработку моделей сосуществования и взаимодействия различных этно-конфессиональных групп в рамках отдельных государств и на надгосударственном уровне. В западноевропейском общественном мнении принято сводить эту проблему почти исключительно к идее европейской интеграции. Там преобладает наивное представление о том, что вступление всех балканских государств в Европейский союз, а заодно и в НАТО, раз и навсегда перевернёт страницы истории региона, наполненные межнациональными и межгосударственными противоречиями. Однако развитие ситуации в самом ЕС, где очевидный подъем национализма и ксенофобии, давший новый импульс межэтническим проблемам и значительно ухудшивший взаимоотношения ряда государств (Греция и Турция, Венгрия

и Словакия, Венгрия и Румыния), не позволяет рассматривать «евросоюзную» модель интеграции ни как универсальную, ни как успешную. Наоборот, специфика Балканского региона, где ситуация сегодня по многим параметрам аналогична процессам, протекавшим здесь в конце XIX — начале XX вв., заставляет по-новому взглянуть на те интеграционные модели и варианты, которые разрабатывались за последнее столетие, но в силу конкретно-исторических и геополитических условий не были реализованы на практике.

Главной из них по широте охвата и глубине проработки является идея создания Балканской федерации (Федерации балканских республик), разработанная в начале XX века сербскими и болгарскими социал-демократами. Подобная федерация должна была представлять собой политическое объединение, в которое вошли бы на правах автономных членов все балканские народы. Теоретические основы данной идеи были проработаны в первую очередь лидером Сербской социал-демократической партии (ССДП) Димитрием Туцовичем. Он являлся непререкаемым авторитетом в партии, особенно в том, что касалось межнациональных отношений на Балканах и места региона в общеевропейской системе международных отношений. По его убеждению, только Балканская федерация была способна решить многочисленные сложные межнациональные проблемы региона, в том числе косовскую и македонскую. Как отмечал македонский историк Д. Зографски, Туцович «был непримиримым противником раздела и аннексии Македонии, выступая за самое широкое право свободного демократического самоопределения и за особое положение и государственно-правовой статус Македонии как автономной единицы в рамках либо Балканской, либо Восточной федерации»⁷.

Идея создания Балканской федерации была положена в основу решений I конференции социал-демократических партий балканских стран, состоявшейся 25–27 декабря 1909 г. в Белграде. В ее работе приняли участие представители социал-демократии Сербии, Болгарии, Румынии, Греции, Турции, Боснии и Герцеговины, Хорватии, Словении и Македонии. Как отмечал в своем докладе на конференции Туцович, «объединение и взаимная под-

держка стран и народов на Балканах есть единственный путь, который ведет к экономическому, национальному и политическому освобождению»⁸. «Наша цель — союз и объединение балканских народов», — подчеркнул лидер сербских социал-демократов⁹.

В принятой на конференции резолюции отмечалось, что балканский вопрос может быть решен лишь путем союза проживающих здесь народов, а именно «объединением хозяйственных сил, ликвидацией искусственно поставленных границ, обеспечением полной взаимности и общности в жизни и защите от общей опасности»¹⁰.

После завершения Белградской конференции социалистические и социал-демократические организации балканских стран и югославянских областей Австро-Венгрии включили пункт о Балканской федерации в свои программы¹¹. Как подчеркивалось в отчете Главного партийного управления ССДП к X съезду партии, состоявшемуся 30 января — 1 февраля 1914 г., «без федерации нет ни мира на Балканах, ни самостоятельности и свободы для балканских народов»¹².

Сербские социал-демократы предлагали свои интеграционные модели и для преодоления разногласий между сербами, хорватами и словенцами, которые много позже, в начале 1990-х годов, полыхнули кровавыми конфликтами и стали прологом трагического распада единой Югославии. Вплоть до оккупации Сербии в конце 1915 г. сербские социал-демократы ни теоретически, ни в своей практической деятельности не выделяли югославянский вопрос в качестве самостоятельного аспекта более масштабной балканской проблемы. Как справедливо пишет сербский исследователь В. Стругар, «сербские социалисты считали, что сербы, хорваты и словенцы представляют собой три племени одного народа» и что они объективно способствуют ускорению хода исторического процесса, «когда используют любой повод для укрепления стремлений к установлению между ними единства»¹³. По их мнению, отмечал историк, «югославянское национальное объединение, как объединение трех частей одного народа, должно быть реализовано в рамках Балканской федерации, которая самим фактом своего существования сделает невозможными серьезные взаимные разногласия по территориальным вопросам и

в которой сербы, хорваты и словенцы достигнут полного национального самовыражения и полной реализации своей совокупной энергии»¹⁴. Примечательно, что аналогичные положения присутствовали и в решениях эмигрантского Югославянского комитета, действовавшего в Лондоне в годы Первой мировой войны. В его памятной записке, датированной 1915 годом, в частности, говорилось, что «югославянские народы, которые история знает под именем сербов, хорватов и словенцев, суть один и тот же народ, соединяющий в себе все условия для того, чтобы возникло независимое национальное государство»¹⁵.

Развитие национальной программы ССДП носило своеобразный циклический характер, ибо она разрабатывалась на основе изучения отдельных более узких аспектов, а затем ее положения служили средством уточнения и детализации подходов к решению этих же конкретных вопросов, главным из которых для Сербии и тогда, и сейчас был и остается албанский вопрос. На основе анализа истории и современного состояния национального албанского движения Туцович подчеркивал, что албанцев больше нельзя относить к варварским народам. Более того, соседние балканские народы сами не заинтересованы в том, чтобы жить с ними в непримиримой вражде, ибо «взаимный союз — спасение для всех них. А в этом союзе есть место и для албанцев»¹⁶.

Сербия, отмечал лидер сербских социал-демократов в статье «Работа с албанцами», опубликованной в центральном органе ССДП газете «Радничке новине» 28 февраля и 1 марта 1913 г., должна вместе с остальными балканскими государствами заложить искренние, честные и прочные основы этой общности, к которой тогда без всякого сомнения присоединилась бы и Албания. Данная общность для всех балканских народов, в том числе и для албанского, является лучшей гарантией их самостоятельности. Без нее «мы все пропадем, некоторые раньше, а некоторые позже, в том числе пропадут и албанцы. Отделенные, разобщенные, ревнивые и враждебно одни по отношению к другим расположенные, мы будем на Балканах взаимно рыть могилу друг другу — в чужих интересах»¹⁷.

Теоретические аспекты идеи Балканской федерации были конкретизированы Туцовичем уже перед самой Первой мировой

войной в книге «Сербия и Албания», увидевшей свет в начале 1914 г. В разделе, названном «Результаты завоевательной политики», автор дал общую характеристику ситуации, сложившейся на Балканах, и на этой основе сформулировал задачи сербской социал-демократии в национальном вопросе, включая его албанский аспект. «Балканский полуостров, — отмечал он, — является мешаниной наций с переплетенными историческими воспоминаниями», вследствие чего взаимные территориальные претензии расположенных здесь государств (Сербии, Болгарии, Греции и др.) находятся в непримиримом противоречии друг с другом¹⁸. Поэтому, полагал Туцович, данные вопросы могут быть успешно решены лишь путем нового объединения балканских народов. Оно необходимо и в интересах достижения ими экономической самостоятельности. Кроме того, само «национальное освобождение балканских народов невозможно без объединения всех Балкан в один общий союз»¹⁹.

Аналогичную позицию занимал и другой лидер ССДП Душан Попович, подвергавший жесткой критике политику сербских властей в отношении албанцев, которая, по его словам, «оправданное стремление сербского народа к экономическому освобождению сводит на ступень отвратительного гуннского нашествия»²⁰.

В борьбе за пропаганду партийных установок по национальному вопросу сербские социал-демократы активно использовали парламентскую трибуну. Как подчеркивалось в вышеуказанном отчете Главного партийного управления ССДП к X съезду партии, посвященном деятельности сербских социал-демократов в предшествующий период, весной 1913 г. «наши депутаты брали слово по каждому вопросу, выносившемуся на повестку дня в Народной скупщине, всегда начиная и завершая каждую свою речь одним и тем же требованием: осуществить демобилизацию армии, вернуться к миру, достичь объединения балканских народов в Федерацию балканских республик»²¹. На заседании Скупщины 9 апреля 1913 г., в выступлении по поводу правительственного проекта строительства новых железных дорог, депутат от ССДП Драгиша Лапчевич указал, что главной задачей Сербии является создание таможенного союза путем заключения

соответствующих соглашений со всеми балканскими государствами, в том числе и с Албанией, что привело бы к нормализации действующей и созданию новой структуры и сети транспортных путей на Балканах, а Сербии дало бы выход к новым портам и торговым путям. Выступая в Скупщине 18 июля 1914 г. (в этот период заседания сербского парламента из-за опасности войны с Австро-Венгрией проходили в г. Ниш), Лапчевич обнародовал декларацию ССДП, в которой, в частности, говорилось об ошибочности «проводимой правительством агрессивной и военной политики по отношению к албанскому народу, с которым было необходимо крепить дружбу и союз»²².

Аналогичных взглядов придерживалось накануне и во время Первой мировой войны радикальное крыло болгарских социал-демократов. Именно лидер Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесных социалистов) Димитр Благоев первым сформулировал в общем виде идею Балканской федерации еще в 1885 г. А наиболее полно ее суть была изложена редактором партийного органа БРСДП (тесных социалистов) газеты «Работнически вестник» Христо Кабакчиевым. По его словам, Балканская федерация должна была представлять собой объединение балканских государств с республиканским управлением, в котором все народы обладали бы равными правами и свободами, располагали широким местным самоуправлением и сохраняли в неприкосновенности свой национальный язык и культуру. Высшими органами Балканской федерации провозглашались общие парламент (избираемый на основе всеобщего, прямого и тайного избирательного права) и правительство, которые отвечали бы за внешнюю политику, оборону, финансовые и налоговые дела, защиту общегосударственного и национальных рынков, обеспечение деятельности таможни и связи и другие вопросы²³.

В феврале 1915 г. секретарь Центрального комитета БРСДП (тесных социалистов) представил руководству II Интернационала доклад, где, в частности, говорилось: «В качестве средства сохранения нашей политической независимости и решения больших национальных проблем на Балканах мы неустанно и с большим успехом агитируем за сплочение балканских народов в Балканскую федеративную республику...»²⁴.

С позицией «тесных социалистов» отчасти солидаризировался и Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС) будущего главы правительства межвоенной Болгарии Александра Стамболийского. Его внешнеполитическая концепция предусматривала решение двух основных задач: «предотвращение междоусобных войн с соседними государствами и создание такого объединения балканских народов в виде федерации или конфедерации, которое обеспечивало бы их защиту от экспансии империалистических держав, прежде всего Германии и Австро-Венгрии»²⁵.

Касаясь самого больного для Софии национального вопроса на Балканах — македонского, Стамболийский еще в дни общеполитического траура и позора после поражения во Второй Балканской войне 1913 г. выдвинул лозунг не возврата Македонии Болгарии, а ее автономии, что перекликалось с идеями сербских социалистов. Автономия Македонии, по его словам, явилась бы «самым справедливым решением Восточного вопроса..., самым надежным средством умиротворения Балканского полуострова..., самым необходимым условием для создания Балканской федерации»²⁶. Об этом же лидер БЗНС заявил и выступая в болгарском Народном собрании 31 июля 1914 г., уже после объявления Австро-Венгрией войны Сербии²⁷. Другой лидер БЗНС С. Омарчевский писал по поводу Балканской федерации следующее: «Мощный союз... между всеми народами, населяющими Балканский полуостров, ... будет способствовать спасению полуострова и его процветанию... Только в этом союзе — залог мира на Балканах и сохранения его независимости от нашествия германизма»²⁸. Однако нечеткость программных положений в той их части, которая касалась принципов и путей создания Балканской федерации, а также происшедший в 1912 г. организационный раскол самого БЗНС не позволили партии развернуть накануне Первой мировой войны политико-пропагандистскую работу в этом направлении.

С аналогичных позиций подходили к идее Балканской федерации и другие болгарские партии, в том числе пользовавшиеся наибольшей популярностью в предвоенной Болгарии Народная и Прогрессивно-либеральная партии. В теоретическом плане они признавали важность и перспективность лозунга федерации

с точки зрения решения национальных проблем региона или, по крайней мере, сближения и координации усилий балканских государств²⁹. Вплоть до итало-турецкой войны 1911 г. лидер Народной партии и глава правительства Иван Гешов высказывался за включение в состав Балканской федерации даже Турции (в чем он солидаризировался с Тузовичем), и в этих целях в Софии даже был создан специальный болгаро-турецкий комитет. Однако военное поражение Турции привело к тому, что в Софии и других балканских столицах сделали выбор в пользу военного разгрома своего векового неприятеля, и идеи создания единого государства на Балканах отошли в тень достижения антитурецких военно-политических соглашений на двусторонней основе³⁰.

Концепция всебалканского объединения в определенной мере отвечала и тому курсу, который с начала XX века проводила в регионе Россия. После обретения в 1878 г. независимости Сербией, Черногорией и Румынией и международного признания провозглашенной в 1885 г. независимости Болгарии, российское руководство посчитало свою задачу по освобождению христианских народов Балкан в целом выполненной, и потому завершение этого процесса, говоря словами тогдашнего министра иностранных дел России С.Д. Сазонова, могло быть предоставлено усилиям самих освобожденных народов. «Балканский полуостров — для балканских народов — вот та формула, в которую вмещались стремления и цели русской политики и которая исключала возможность политического преобладания, а тем более господства на Балканах враждебной балканскому славянству и России иноземной власти»³¹. Заключенный при поддержке России в 1912 г. военно-политический союз между Сербией и Болгарией, к которому присоединились Греция и Черногория, казалось бы, являл собой доказательство правильности и перспективности такого курса, но лишь до тех пор, пока освободившиеся и округлившиеся территориально страны и их мыслявшие великодержавными категориями правящие круги не принялись за передел только что освобожденных земель. Вторая Балканская война вошла в историю уже как «Межсоюзническая», а с осени 1913 г. болгарское правительство активно занялось созданием собственного антисербского военно-политического блока, важная роль в кото-

ром отводилась албанским отрядам, печально прославившимся террором против сербского населения Косово и Македонии³².

К тому же следует учитывать, что и имевшие место накануне Первой мировой войны попытки руководства Сербии и лидеров албанских военно-политических структур наладить взаимодействие не увенчались успехом «в силу их ограниченности и запоздалости»³³.

Первая мировая война, в которой Сербия и Болгария вновь, как и во Второй Балканской войне, оказались по разные стороны баррикад, а также послевоенное урегулирование, составной частью которого стало появление на карте Европы Королевства сербов, хорватов и словенцев, включавшего в свой состав также черногорские и македонские земли, на время отправили идею формирования всеобъемлющей Балканской федерации в архив.

Однако новый общеевропейский пожар Второй мировой войны и очередное обострение в Балканском регионе межнациональных и межконфессиональных противоречий закономерно придали новый импульс дискуссиям о возможности нормализации, в первую очередь, югославо-албанских и югославо-болгарских отношений в рамках единого надгосударственного образования. 5 февраля 1945 г. в докладе в Отделе международной информации ЦК ВКП(б) секретарь ЦК Коммунистической партии Югославии Эдвард Кардель, говоря о внешнеполитических приоритетах освободившейся страны, заявил: «Мы считаем необходимым, чтобы Югославия теснее связывалась с Болгарией и Албанией, а также с Австрией и Венгрией, если политические процессы в этих странах будут развиваться в таком направлении, которое сделало бы возможным такую связь»³⁴.

Идею Балканской федерации в той или иной степени отстаивали тогда лидеры всех трех государств — Энвер Ходжа, Иосип Броз Тито и особенно Георгий Димитров. Предполагалось при определенных условиях вхождение в состав Балканской федерации Румынии и даже Греции, натянутые отношения с которой были в первую очередь у Албании. Однако непременным условием для этого должен был стать приход к власти греческих коммунистов. Кроме того, оппонентом присоединения к Балканской федерации неславянских государств (Греции и Румынии) оставался

югославский лидер. Тито выступал за создание Южнославянского Союза (Союза Южнославянских Народных Республик), который должен был появиться на карте региона уже после фактического объединения Албании с Югославией. «Почти одинаково, — продолжал в вышеуказанном докладе Э. Кардель, — обстоит дело с Албанией, где внутренние политические условия уже совсем созрели для объединения, и Албания сама под руководством коммунистической партии не имеет другого выхода кроме того, чтобы самым тесным образом опереться на Югославию»³⁵. Это, по мнению Белграда, отчасти разделявшемуся Тираной, помогло бы окончательно решить и проблему Косово «посредством его включения в албанскую федеральную единицу»³⁶.

Как вспоминал позднее другой близкий соратник Тито — политик, ученый и писатель Милован Джилас, югославское и албанское правительства в конце Второй мировой войны «в принципе стояли на точке зрения, что Албания должна объединиться с Югославией, что разрешило бы и вопрос албанского национального меньшинства в Югославии», поскольку «принесло бы не только непосредственные выгоды и Югославии, и Албании, но одновременно покончило бы с традиционной нетерпимостью и конфликтами между сербами и албанцами. И — что... особенно важно — это дало бы возможность присоединить значительное и компактное албанское меньшинство к Албании как отдельной республике в югославо-албанской федерации»³⁷. В этой связи российская исследовательница Е.Ю. Гуськова обоснованно замечает: «И. Броз Тито намного больше интересовала судьба задуманной им Балканской федерации, ядром которой стала бы Югославия. Он готов был пожертвовать Косово, чтобы сделать собственные планы привлекательными для Албании»³⁸.

О том же свидетельствовали и советские дипломаты. Посланник в Тиране Д.С. Чувахин после беседы с Энвером Ходжей по итогам его визита в Белград записал 3 июля 1946 г. в своем дневнике, что «Тито считает необходимым принять все меры к сближению населения Косово и Метохии с населением Албании и что одной из таких мер могло бы быть открытие албано-югославской границы и отмена таможенных пошлин на этом участке границы»³⁹.

Примечательно, что сам Ходжа, выступавший за передачу Косово Албании, отнесся к данной инициативе югославской стороны без особого энтузиазма. Как отметил советский дипломат, «по словам Энвера Ходжи, на поставленный маршалом Тито вопрос об открытии албано-югославской границы в районе Косово и Метохии он ответил, что этот вопрос требует специального изучения и что к нему можно будет вернуться в будущем»⁴⁰. По свидетельству Чувахина, албанский лидер считал, «что эта область (Косово. — *П. И.*), населенная в подавляющем большинстве своем албанцами, несомненно, будет присоединена в свое время к Албании, но что это возможно лишь только тогда, когда и Албания, и Югославия будут государствами социалистическими. Энвер Ходжа подчеркнул при этом, что этой точки зрения он придерживался на протяжении всей национально-освободительной борьбы и что такую же позицию в этом вопросе занимало и всё руководство албанской КП (компартии. — *П. И.*)»⁴¹.

Болгарский же лидер Георгий Димитров, разрабатывавший положения о Балканской федерации еще в межвоенный период, настаивал на максимально расширительном подходе к ее границам и составу⁴². Кроме того, болгарскую сторону не устраивало предложение Тито о выделении в рамках нового объединения особой македонской федеративной единицы, поскольку болгарская историческая и национально-государственная традиции не признавали македонцев самостоятельным этносом, считая их болгарями.

Проходивший в первые послевоенные годы процесс наполнения идеи Балканской федерации конкретным содержанием носил противоречивый характер. Первым шагом, по мнению Сталина и Тито, должно было стать объединение Албании с Югославией. Милован Джилас сообщал о фразе, произнесенной советским лидером в беседе с ним 9 января 1948 г.: «Мы согласны, чтобы Югославия проглотила Албанию»⁴³. В марте-апреле 1947 г. в Белграде прошли непростые переговоры о заключении двустороннего торгового соглашения на базе предложений югославской стороны. Документ предусматривал фактический отказ Албании от монополии на внешнюю торговлю, поскольку все экспортно-импортные операции «должны были осуществляться исключи-

тельно югославскими организациями»⁴⁴. В течение 1947 г. Тирана и Белград достигли договоренностей о парификации монетной системы (предусматривавшей уравнивание албанского лека с югославским динаром), об унификации цен, о таможенном союзе, об обязательности согласования народнохозяйственных планов, о создании совместных обществ. Эта линия в целом соответствовала положениям резолюции V Пленума ЦК Коммунистической партии Албании 1946 г., в которой, в частности, подчеркивалось: «Наша (албанская. — П. И.) политика должна ориентироваться на более тесную и конкретную связь с Югославией»⁴⁵. Однако она встретила возражения со стороны части албанского руководства, которая увидела в ней угрозу для национального суверенитета. Противники форсирования хозяйственной интеграции с Югославией, в частности, ссылались на высказывание Сталина, прозвучавшее во время его встречи с албанской правительственной делегацией в июле 1947 г.: «Албания должна встать на свои собственные ноги»⁴⁶.

В конце 1947 г. Албания и Югославия приступили к обсуждению мер по объединению армий. В качестве первого шага в этом направлении предусматривалась передислокация 2-й пролетарской стрелковой дивизии Югославской армии в один из потенциально конфликтных районов — г. Корча вблизи албано-греческой границы. Однако советско-югославский конфликт, достигший кульминации к середине 1948 г., похоронил планы создания де-факто югославско-албанской федерации: следуя в русле резолюции Информбюро «О положении в Компартии Югославии» от 28 июня, албанское правительство уже 1 июля объявило об аннулировании всех двусторонних договоров и о высылке из страны югославских советников, число которых, по некоторым данным, приближалось к 600⁴⁷. Подобное развитие событий, а также усиливавшееся противодействие западных держав, опасавшихся появления на Балканах «малого СССР», свели на нет усилия по созданию Балканской федерации — как в максимально широких границах (с участием Албании, Югославии, Болгарии, Румынии и Греции), так и в виде тройственного объединения Белграда, Тираны и Софии или хотя бы албано-югославских надгосударственных структур.

Сыграла свою роль и позиция западных держав во главе с США и Великобританией, которые «увидели в советско-югославском конфликте, помимо серьезной идеологической составляющей — раскола монолитного советского блока, важный фактор восстановления своих позиций в регионе»⁴⁸.

В этой связи можно только согласиться с мнением М.Б. Фаталиева о том, что традиционно «во внутривалканских делах между странами региона существовали серьезные расхождения по конкретным вопросам», которые, в свою очередь, выступали важным фактором не только региональной, но и общеевропейской политической повестки⁴⁹.

Новое обострение обстановки на Балканах и, в частности, в Югославии в 1980-е годы дало очередной повод задуматься о необходимости поиска нестандартных моделей для урегулирования ситуации вокруг Косово и других реальных и потенциальных «горячих точек» региона. Одну из них предложил в 1987 г. известный хорватский балканист Бранко Хорват. Проанализировав историю сербо-албанских отношений и место Косово в национально-государственной традиции обоих народов, он высказался за создание албано-югославской конфедерации, в рамках которой могли бы быть надежно обеспечены национально-религиозные права сербского и албанского населения, а также функционировала бы единая финансово-экономическая система, базирующаяся на использовании природных ресурсов Сербии и портовой инфраструктуры албанского побережья Адриатики⁵⁰. Как известно, еще в начале XX века сербский исследователь Йован Цвийич называл Сербию, лишенную выхода к Адриатическому морю, «обнесенной забором страной», а сербов — «арестованным народом». «Только в результате выхода на Адриатическое море Сербия получила бы условия для экономической самостоятельности и оказалась бы удовлетворенной», — заключал он в опубликованной в ноябре 1912 г. (в разгар Первой Балканской войны) статье «Балканская война и Сербия»⁵¹. Предложенная Б. Хорватом модель могла бы обеспечить хозяйственные выгоды для Югославии и Албании и предотвратить эскалацию косовского конфликта. По его мнению, начавшиеся в Албании после смерти в 1985 г. Энвера Ходжи изменения создавали благоприятную основу для

реанимации албано-югославского взаимодействия. Однако стремительный рост албанского национализма в Косово не позволил тогда реализовать эту и другие интеграционные модели⁵².

В новой Конституции Республики Сербия, принятой в 1990 г., в разделе, посвященном территориальному устройству, полномочия Приштины, по сравнению с предыдущим Основным законом страны от 1974 г., были сильно урезаны. Косово теперь располагало де-юре и де-факто внутриреспубликанским статусом и перестало быть субъектом государственных отношений. А начавшийся лавинообразный процесс дезинтеграции всей Югославии окончательно лишил сторонников интеграционных моделей государственного, международно-правового и геополитического пространства. Интерес к ним стал закономерно возрождаться лишь в последние годы, в том числе в контексте евроинтеграционных процессов, а также поиска других моделей политического и экономического объединения государств региона.

Примечания

- ¹ *Гаши И., Мифтари И.* Этническая и религиозная структура населения Косовского вилайета (1877–1912) // Вопросы истории. 2018. № 12. С. 103.
- ² *Фингер С.* Косово: национальное теневое государство // Национализм в поздней и посткоммунистической Европе. Т. 3. М., 2010. С. 312.
- ³ *Lutovac Z.* Serbisch-albanische Beziehungen in Kosovo-Metohija // Minderheiten als Konfliktpotential in Ostmittel- und Südosteuropa. München, 1995. S. 153.
- ⁴ *Виноградов В.Н.* Восточный вопрос утрачивает приоритет в европейских международных отношениях // История Балкан. На переломе эпох (1878–1914 гг.). М., 2017. С. 14.
- ⁵ XV Congres des sciences historiques / Bucarest, 1980. P. 308–328.
- ⁶ *Паскалева В.* Болгарская нация в эпоху Возрождения и Апрельское восстание // Bulgarian Historical Review. 1979. № 1. С. 73.
- ⁷ *Зографски Д.* Димитрије Туцовић о македонском националном питању // Српска социјалдемократска партија. Научни скуп посвећен педесетогодишњици смрти Димитрија Туцовића, одржан у Београду 18.19. и 20. новембра 1964. Београд, 1965. С. 123. См. также: *Зографски Д.* Југословенските социјалисти за македонското прашање. Скопје, 1962.
- ⁸ *Туцовић Д.* Сабрана дела. Књига трећа. Београд, 1980. С. 70.
- ⁹ Историјски архив КПЈ. Т.VI. Београд, 1950. С. 267.
- ¹⁰ *Туцовић Д.* Сабрана дела. Књига седма. Београд, 1980. С.79.
- ¹¹ *Маринова М.* Българските марксисти в защита на националните интереси България, 1900–1912. София, 1976. С. 118, 121.
- ¹² *Туцовић Д.* Сабрана дела. Књига седма... С. 334.

- ¹³ *Стругар В.* Српска социјалдемократска партија о југословенском питању 1914–1918 // Српска социјалдемократска партија. Научни скуп... С. 223.
- ¹⁴ Там же. С. 225.
- ¹⁵ Цит. по: Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998. С. 329.
- ¹⁶ *Туцовић Д.* Сабрана дела. Књига трећа... С. 238–239.
- ¹⁷ Там же. Књига седма... С. 77.
- ¹⁸ Там же. Књига осма. Београд, 1980. С. 104.
- ¹⁹ Там же. С. 105.
- ²⁰ *Поповић Д.* Сабрана дела. Књига друга. Београд, 1985. С. 283.
- ²¹ *Туцовић Д.* Сабрана дела. Књига седма. С. 329.
- ²² Историјски архив Комунистичке партије Југославије. Том III. Социјалистички покрет у Србији 1900–1919. Београд, 1950. С. 285.
- ²³ Българска комунистическа партија в резолуции и решения на конгресите, конференциите и пленумите на ЦК, 1891–1918. Т. I. София, 1957. С. 341.
- ²⁴ Там же. С. 436–439.
- ²⁵ *Писарев Ю.А.* Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985. С. 82.
- ²⁶ Цит. по: *Велев А.* Болгарский земледельческий народный союз и идея балканской федерации (1908–1919 гг.) // *Etudes historiques.* София, 1973. Т. VI. С. 310.
- ²⁷ Болгария в XX веке: Очерки политической истории. М., 2003. С. 55.
- ²⁸ *Стателова Е.* Политика, партия, печат на българската буржуазия, 1909–1912. София, 1973. С. 122.
- ²⁹ *Пантев А. и др.* Външната политика на България и опозиционите партии (1900–1914) // Известия на Института на история БАН. Т. 23. 1974. С. 127–136.
- ³⁰ *Писарев Ю.А.* Великие державы... С. 83–84.
- ³¹ *Сазонов С.Д.* Воспоминания. М., 1991. С. 58–59.
- ³² Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2091. Л. 31.
- ³³ Цит по: *Искендеров П.А.* Развитие сербо-албанских отношений осенью 1913 г. // Вопросы истории. 2016. № 4. С. 82.
- ³⁴ Советский фактор в Восточной Европе 1944–1953 гг. Документы. Т. 1. М., 2002. С. 138.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ *Vickers M.* The Albanians. A Modern History. London — New York, 1995. P. 165.
- ³⁷ *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 96.
- ³⁸ Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. Том первый (1878–1997 гг.). М., 2006. С. 20.
- ³⁹ Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953 гг. Т. 1. М., 1998. С. 477.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же. С. 476.
- ⁴² Подробнее см.: *Димитров Г.* Положение на Балканах и задачи Балканской Коммунистической Федерации // Избранные произведения. Т. 1. М., 1957.
- ⁴³ *Джилас М.* Лицо тоталитаризма... С. 103.
- ⁴⁴ Краткая история Албании. М., 1992. С. 404.

⁴⁵ Там же. С. 405.

⁴⁶ Цит. по: Краткая история Албании... С. 405.

⁴⁷ Краткая история Албании... С. 406.

⁴⁸ *Аникоев А.С.* Балканский пакт в контексте советско-югославского конфликта (1953–1954 гг.) // Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв. М., 2014. С. 365.

⁴⁹ *Фаталиев М.Б.* Переговоры о заключении Балканского пакта и позиция Турции // Вопросы истории. 2019. № 3. С. 111.

⁵⁰ Подробнее см.: *Horvat V.* Kosovsko pitanje. Zagreb, 1988.

⁵¹ *Цвијић Ј.* Географски и културни положај Србије // Гласник Српскога географскога друштва, 3. 1914. Свеска 3–4. С. 12–13; Границе и склоп наше земље // Цвијићева књига. Београд, 1927. С. 8.

⁵² Подробнее см.: *Искендеров П.А.* «Великая Албания»: теория и практика // Вопросы истории. 2012. № 1.

Славянофилы и русское правительство во время Восточного кризиса 1875–1878 гг.

Аннотация:

В статье рассказывается о причинах Восточного кризиса 1875–1878 гг. и об отношении к нему западных держав и России. Большое внимание уделено русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и вопросу о различном восприятии ее со стороны русского правительства и общественных, прежде всего славянофильских, кругов России. Автор особо подробно останавливается на деятельности в этот период И.С. Аксакова и В.А. Черкасского.

Ключевые слова:

Восточный кризис 1875–1878 гг., славянофилы, русско-турецкая война 1877–1878 гг., И.С. Аксаков, В.А. Черкасский.

*Iskra V.
CHURKINA*

Slavophiles and the government of Russia in times of the Great Eastern Crisis of 1875–1878

Abstract:

The article describes the causes of the Great Eastern Crisis of 1875–1878 and the Western powers and Russia's attitude to it. Much attention is paid to the Russo-Turkish war of 1877–1878 and the reasons for its different perception by the Russian government and public, especially Slavophile circles of Russia. The author pays special attention to I.S. Aksakov and V.A. Cherkassky activities performed at the time.

Key words:

the Great Eastern Crisis of 1875–1878, the Russo-Turkish war of 1877–1878, Slavophiles, I.S. Aksakov, V.A. Cherkassky.

После смерти Николая I новый царь Александр II резко изменил внешнюю политику России. Министром иностранных дел вместо графа К.В. Нессельроде, сторонника сотрудничества с членами Священного союза, был назначен князь А.М. Горчаков, убежденный, что во внешней политике Россия

должна придерживаться своих собственных интересов, а не интересов государств Священного союза, проявивших себя недружественно по отношению к ней. Среди возможных союзников он видел зарубежные славянские народы, что соответствовало взглядам славянофилов. При содействии Горчакова в 1858 г. был основан Московский славянский благотворительный комитет, который, по его мнению, должен был помогать министерству иностранных дел налаживать его связи с зарубежными славянами. И, действительно, до середины 1870-х годов деятельность славянофилов среди зарубежных славян соответствовала направлению внешней политики правительства. Положение изменилось с началом в 1875 г. на Балканах Восточного кризиса.

«Восточный кризис 70-х годов XIX в., — пишет отечественный историк В.М. Хевролина, — является важнейшим событием международной жизни Европы второй половины столетия»¹. Причинами его были: национально-освободительное движение балканских народов против турецкого владычества и стремление европейских государств, прежде всего Австро-Венгрии и Англии, укрепить свои позиции на Балканах, представлявших собой важный торговый путь из Европы в Азию. Восстание подвластных Турции народов грозило их освобождением и созданием в регионе независимых государств, симпатизирующих России. Этого ни в коем случае не желала Австро-Венгрия. Ее канцлер Д. Андраши опасался, что в случае победы восстания Черногория, Сербия, Босния и Герцеговина создадут большое славянское государство под покровительством России, что привело бы к вытеснению Австро-Венгрии с Балкан и стало бы примером для славянских народов Габсбургской монархии, активно боровшихся за свои права. Германия чаще всего поддерживала Австро-Венгрию, Францию более всего волновало усиление Германии. Англия решительно не хотела допускать усиления влияния России в зоне Черноморских проливов. Эти державы не желали уничтожения власти Османской империи над балканскими народами. Изменений на Балканах не хотела и Россия. В данный момент она не была готова сразиться с Турцией. Во-первых, она еще не до конца провела военную реформу; во-вторых, в 1874 г. в стране случился неурожай и, в результате, из-за

закупок продовольствия для населения, государственная казна опустела. Кроме того, Россия опасалась укрепления на Балканах позиций Австро-Венгрии и Англии, которые стремились взять под свой контроль Проливы.

В 1860-е годы усилению позиций России на Балканах способствовала деятельность посла в Османской империи Николая Павловича Игнатьева (1832–1908). Он служил там с 1861 по 1878 гг., сначала в качестве посланника, а с 1867 г. в качестве посла. Игнатьев являлся одним из талантливых русских дипломатов того времени. Он окончил Академию Генерального штаба, затем служил в Лондоне, где пришел к убеждению, что главным врагом России является Англия. В 1857 г. он посетил Вену, Белград, Константинополь, Палестину. В 1858 г. Игнатьев возглавил одну из экспедиций в Хивинское и Бухарское ханства, во время которой изучал деятельность там англичан. В 1861–1864 гг. Игнатьев находился во главе Азиатского департамента МИД. В 1864 г. Горчаков направил его в Турцию, указав проводить там доброжелательную в отношении нее политику.

Игнатьев не был славянофилом. Однако еще в Петербурге он встречался со славянофилами и вполне разделял их взгляды на балканскую политику правительства: создать на Балканах независимые государства, симпатизирующие России, и через них установить контроль над Проливами². В Османской империи он вел активную деятельность. Ему удалось создать там во всех провинциях агентурную сеть. Среди его агентов были не только представители угнетенных народов, но и турецкие чиновники. Игнатьев добился установления хороших отношений с султаном Абдул Азизом. Благодаря его деятельности Россия имела значительное влияние в турецких правительственных кругах. Горчаков полностью одобрял деятельность своего посла.

Таким образом, все великие державы Европы в рассматриваемый период не были заинтересованы в уничтожении в Балканском регионе власти Турции.

Началу Восточного кризиса положили события на Балканах, когда против турецких властей восстало сербское население сначала Герцеговины, а затем и Боснии. Турки жестоко подавляли выступления повстанцев, сжигая селения, заподозренные в по-

мощи им, и уничтожая их жителей. Тысячи беженцев хлынули через границу в австрийские, сербские, черногорские земли.

Сербия и Черногория готовились вступить в войну с Турцией, чтобы поддержать повстанцев. Россия вместе с Австро-Венгрией заставили их воздержаться от этого намерения³. Однако один из лидеров славянофилов И.С. Аксаков считал, что на согласие сербов и черногорцев не начинать войну с Турцией всерьез полагаться не стоит. В письме к В.А. Черкасскому от 21 сентября 1875 г. он утверждал, что «восстание нисколько не укрошено, а только разгорается», а Сербия и Черногория «не выдержат нейтралитета: чаша терпения так переполнена, что от малейшей капли пойдет через край. Что же будет тогда? Не может же Россия позволить Австрии занять Сербию своими войсками. Это было бы началом падения для России... Одним словом, если только не удастся дипломатии удержать “status quo” и заставить Герцеговину и Боснию удовольствоваться каким-то нахальным вздором, — быть громам и быть ударам!»⁴.

С самого начала Восточного кризиса славянофилы и близкие к ним деятели активно включились в организацию помощи повстанцам и беженцам. Важную роль в этом сыграли И.С. Аксаков и В.А. Черкасский. Об этом свидетельствует их переписка во время Восточного кризиса. За 1875–1878 гг. сохранилось 15 писем Аксакова Черкасскому и 9 писем Черкасского Аксакову. В них они не только обменивались мнениями о событиях, но и обсуждали текущие практические дела, например, поставку оружия, необходимость найти врачей и др.⁵.

К событиям на Балканах не осталась равнодушной и европейская общественность. Многие европейские деятели, сочувствовавшие славянам, горячо откликнулись на страдания христианского населения Боснии и Герцеговины. В 1875 г. сербский митрополит Михаил и хорватский архиепископ Й.Ю. Штросмайер при активном участии агента (представителя) славянских комитетов Г.С. Веселитского-Божидаровича создали в Париже Международный комитет пособия (помощи) семействам и раненым Боснии и Герцеговины. Члены его вскоре покинули Париж для того, чтобы организовать отделы этого комитета в Англии, России, Швейцарии, Австро-Венгрии и других европейских стра-

нах. Особенно активную деятельность в организации помощи повстанцам и герцеговинским беженцам развернул представитель России Веселитский-Божидарович.

Гаврила Сергеевич Веселитский-Божидарович (1841–1930) происходил из сербской семьи, родоначальник которой перебрался в Россию во второй половине XVIII в. Его дед участвовал в войне с Наполеоном, а отец — в Крымской войне. Сам Гаврила Сергеевич служил сначала в гвардии, а затем в министерстве иностранных дел. Одновременно он занимался журналистской деятельностью — в 1870-х годах писал статьи в «Московские ведомости», «Голос», «Русскую мысль», «Киевлянку» и др., которые обычно подписывал «Аргус».

Веселитский-Божидарович действовал в России и Австро-Венгрии. В Петербурге он связался с С.-Петербургским славянским благотворительным комитетом, где рассказал о целях Международного комитета в Париже и призывал поддержать его деятельность. В Вене в сентябре 1875 г. Веселитский-Божидарович попытался встретиться с М.Ф. Раевским, но не застал его там. В письме, оставленном Раевскому, Веселитский-Божидарович сообщал о создании Международного комитета в Париже и его планах открыть свои отделы в Петербурге, Лондоне и других городах. Он хотел встретиться с Раевским в Вене, чтобы договориться с ним об открытии там отдела, а также надеялся, что Раевский представит его русскому послу, поскольку деятельность Веселитского-Божидаровича будет проходить по преимуществу в Австро-Венгрии⁶. Веселитский-Божидарович действовал не только от имени русской и европейской общественности, но также выполнял отдельные поручения российского правительства. Так, по указанию Горчакова он участвовал в марте 1876 г. в переговорах герцеговинских повстанцев с генерал-губернатором Далмации, полностью поддерживая их требования⁷.

Свою преданность славянскому делу Веселитский-Божидарович доказал не только организацией сбора помощи для герцеговинских беженцев. Когда в 1876 г. началась война Сербии и Черногории против турок, он отправился в Черногорию и участвовал там в боях, а в 1877 г. в рядах русской Дунайской армии отправился в болгарские земли.

В России сбор помощи герцеговинским беженцам проводили славянофилы, которым активно помогала православная церковь. Московский славянский благотворительный комитет стал собирать средства не только для беженцев, но и для повстанцев. Особенно горячо на призыв оказать помощь славянам откликнулись народные массы по всей империи. И.С. Аксаков писал об этом впоследствии: «Две трети пожертвований внес бедный, обремененный нуждою простой народ»⁸. Только за период с 21 сентября по 8 октября 1876 г. в Комитет в качестве пожертвований поступило 811 тыс. руб.⁹.

Уже в самом начале Восточного кризиса позиция славянофилов относительно помощи славянам расходилась с позицией правительства. 12 октября 1875 г. на заседании С.-Петербургского отделения славянского комитета приняли постановление «обратиться ко всем земствам империи с воззванием подать помощь борющимся за независимость». Царь приказал властям принять меры «к обузданию незаконных и неуместных действий комитета», имея в виду его призыв собирать средства для «борющихся за независимость», ибо правительство не желало демонстрировать свою поддержку повстанцам. Однако комитеты продолжали действовать по-прежнему, полагая, что правительство может использовать общественное мнение в пользу славян для давления на Турцию¹⁰. Они продолжали покупать оружие и отправлять его повстанцам. Собранные средства распределялись через консульства, а также агентами славянских комитетов.

В апреле 1876 г. началось восстание болгар. Славянские комитеты отправили им оружие и нескольких русских офицеров, болгар по происхождению. Восстание было подавлено жесточайшим образом: турки сожгли 80 селений и разорили более 200 населенных пунктов¹¹. Основную массу болгарских беженцев приняли Румыния, Сербия и Черногория. Последние стали активно готовиться к войне с Османской империей. Однако русское правительство всё еще надеялось ее избежать. Русский генеральный консул в Белграде А.Н. Карцов заявил сербскому князю Милану, что Россия не поможет Сербии, если она начнет войну с турками. Тот ответил, что он не может противиться воле народа, который требует выступить против Турции. В июле 1876 г. Сербия и Черногория объявили войну Османской империи.

В этот период славянские комитеты усилили сбор средств для помощи раненым и беженцам. Н.Б. Шаховская, заведующая санитарным отрядом, посланным Московским славянским комитетом в Парачин (Черногория), писала И.С. Аксакову 15 октября 1876 г.: «Тут раненым и уцелевшим, потерявшим всё имущество свое, потребна неумолимая помощь ... Мольбам, письмам, просьбам нет конца». По просьбе сербского митрополита Михаила русский санитарный отряд в Парачине кроме пяти лазаретов для раненых открыл больницу для беженцев, «гибнущих ... сотнями от холода, голода, тифа и дизентерии». Помимо этого, русские призвали местных священников приехать в Парачин, обещая им теплый кров, врачей и горячее участие. Санитарный отряд Шаховской содержал Московский славянский комитет. Но помимо него свои санитарные отряды, своих врачей и медицинских работников посылали в Сербию и Черногорию Киев, Харьков, Новгород, Петербург, Дерпт и другие города. Всего в Сербию из России было направлено 115 врачей, 78 фельдшеров, 118 сестер милосердия, 41 студент Медико-хирургической академии. На оказание медицинской помощи Сербии и Черногории за 1875–1878 гг. в России было собрано около 700 тыс. руб.¹².

Славянофилы не только собирали помощь для беженцев и повстанцев, но и организовали добровольческое движение. Оно возникло стихийно, значительное число тех, кто хотел идти на борьбу с Османской империей, составляли офицеры из дворянских кругов, но было много и представителей других сословий. Об этом так вспоминал стоявший во главе Московского славянского комитета И.С. Аксаков: «Я начал вербовку без всякого дозволения правительства. Общество просто завоевало себе это право». Московский славянский комитет организовал «подобие вербовочного присутствия под председательством одного из своих членов А.А. Параховщикова для приема волонтеров, рассмотрения их просьб и заявлений»¹³.

В августе волонтеры получили знамя, подобное тому, с каким Дмитрий Донской победил татаро-монгольское войско на Куликовом поле в 1380 г. Оно было послано сербскому князю Милану, который в ответ написал в благодарственном письме:

«Это знамя пусть будет отныне залогом вечной любви между двумя родственными народами русским и сербским. Я с чувством глубокой благодарности обращаюсь ко всему доблестному народу русскому, который теперь проникнут одною благородною мыслию помочь своим братьям»¹⁴.

Активную запись добровольцев вел С.-Петербургский славянский комитет. Агент III Отделения писал 4 сентября 1876 г. своему начальству, что Петербургский комитет осаждают крестьяне, приехавшие туда на заработки. Чтобы соответствовать предъявляемым к добровольцам требованиям, они обучались у отставного унтер-офицера. Некоторые из них добились своей цели — их записали в добровольцы. В добровольцы шли не только те, кто хотел заработать, но многие по идейным соображениям. В Сербию отправлялись также рабочие и не только в качестве солдат. Из Тулы туда была направлена бригада мастеров для починки оружия¹⁵.

Одним из инициаторов добровольческого движения в России был генерал М.Г. Черняев.

Михаил Григорьевич Черняев (1828–1898) являлся потомственным военным. В 1864–1866 гг. он сыграл большую роль в присоединении Туркестана (Хивинского и Бухарского ханств) к России. В 1873–1878 гг. вместе с Р.А. Фадеевым издавал газету «Русский мир» панславистского направления. В апреле 1876 г. Черняев решил ехать в Сербию. Ему запретили это делать. С помощью И.С. Аксакова он связался с сербским князем Миланом и тайно уехал в Белград. Царь отдал ему приказ вернуться в Россию — Черняев приказу не подчинился. Князь Милан назначил его главнокомандующим сербской армией. В письме от 2 мая 1877 г. к И.С. Аксакову князь Черкасский характеризовал его следующим образом: «Это человек, навсегда испорченный чрезмерным самолюбием, самомнением и грубейшим тщеславием». Черкасский считал, что у Черняева отсутствуют всякая мера и такт, поэтому его можно использовать только в Азии. «Сам он мыслит о себе, что Россия должна быть теперь у его ног, что без него обойтись невозможно, что он один способен вести эту войну»¹⁶. Это мнение сложилось у Черкасского после долгих разговоров с Черняевым и, скорее всего, имело основания.

Уже с начала войны сербская армия и отряды добровольцев стали терпеть от турок поражения. Турки вторглись в земли Княжества.

Славянофилы были недовольны политикой правительства. В.А. Черкасский в письме к И.С. Аксакову от 8 июля 1876 г. характеризовал ее как безмозглую, безумную, бессердечную. «Мы вновь заварив кашу, — писал он, — под руководством наших берлинских и венских Мефистофелей¹⁷, опять предадим славян в самую критическую минуту и сумеем не оставить им другого исхода, как разве лишь кинуться в объятия Англии. Как это сделали мы уже по отношению к грекам»¹⁸. Таким образом, Черкасский, в отличие от Аксакова, главного врага России видел в Англии, а не в Австро-Венгрии. В этом он был солидарен с Н.П. Игнатьевым и другими видными русскими дипломатами.

С.-Петербургский славянский комитет послал в Румынию своего представителя В.С. Ионина, брата русского консула в Дубровнике А.С. Ионина. Он должен был организовать там с помощью общества Болгарская Добродетельная дружина из болгарских эмигрантов и беженцев отряды. Несмотря на разногласия в среде болгарских эмигрантов, ему удалось это сделать и отправить несколько болгарских отрядов в Сербию.

Летом 1876 г. царь понял, что войны с Турцией России не избежать. Он решил обеспечить хотя бы нейтралитет европейских держав. Наиболее сложным это было сделать в отношении Австро-Венгрии. 3 (15) августа в Рейхштадте России пришлось подписать соглашение с Австро-Венгрией, по которому она обещала придерживаться нейтралитета, если получит право оккупировать Боснию и Герцеговину. Это соглашение оставалось в тайне от многих русских дипломатов, в том числе от Игнатьева. В сентябре 1876 г. царь вызвал английского посла и объявил ему, что Россия не претендует на Константинополь и не будет действовать против интересов Англии. В сентябре же 1876 г. началась мобилизация армии. События ускорили неудачи Сербского княжества в войне с Турцией. 31 октября 1876 г. Игнатьев предъявил Турции ультиматум, требуя прекращения военных действий против Сербии. В противном случае ультиматум угрожал вторжением 200-тысячной русской армии в турецкие владения. На

следующий день Порты согласилась заключить перемирие на два месяца, а 16 февраля 1877 г. между Турцией и Сербией был подписан мирный договор, по которому всё оставалось так, как было до войны.

В декабре 1876 г. в Константинополе была проведена конференция послов европейских держав. Игнатьев составил план требований к Турции. Согласно нему Болгария делилась на две части — Западную и Восточную, которые получали автономию, а их губернаторами назначались христиане. Босния и Герцеговина также получали автономию. Сербия и Черногория расширяли свои границы. Эти требования были одобрены всеми послами благодаря тому, что Игнатьеву удалось привлечь на свою сторону английского посла¹⁹.

4 (16) апреля 1877 г. Россия заключила конвенцию с Румынией о совместном выступлении против Турции. Однако в мае 1877 г. русское правительство всё же попыталось урегулировать вопрос мирным путем. Но попытка Игнатьева сделать это не удалась. 30 мая 1877 г. султан Абдул Азиз был свергнут с престола, а 4 июня погиб. К власти в Османской империи пришли деятели, не желавшие идти на компромисс.

30 мая в Главной квартире русской армии произошло совещание во главе с Александром II. На нем присутствовали: князь В.А. Черкасский, Д.А. Милютин (военный министр России в 1861–1881 гг.), А.А. Непокойчицкий (генерал, член Военного и Государственного советов), Н.П. Игнатьев. Обсуждался болгарский вопрос. Было решено, что Болгария будет единой в границах расселения болгар и что она получит автономию. П.А. Шувалов, русский посол в Лондоне, передал это английскому правительству — оно не возражало²⁰.

12 (24) апреля 1877 г. царь, находившийся в то время в Кичиневе, издал манифест, в котором объявлялась война Турции. Союзниками России выступали Черногория и Румыния. Генерал Н.Н. Обручев, автор стратегического плана ведения войны, так определял ее цель: «Безусловное уничтожение владычества турок на Балканах»²¹. Патриотический подъем в России был огромен, он охватил все слои русского общества. На нужды армии было собрано 14 млн руб.²². «Всеобщий восторг не имел гра-

ниц, — вспоминал видный славянофил А.И. Кошелев. — Общее воодушевление было таково, что оно напоминало 1812 год»²³.

Радость охватила и зарубежные славянские народы. «Весь славянский мир, — писала газета словенских либералов «Словенски народ», — с воодушевлением и великими надеждами, с великой верой и с горячими пожеланиями самых больших успехов приветствует русскую освободительную армию, которая в день св. Юрия перешла Прут, чтобы уничтожить врага, четыреста лет державшего в рабстве и страшной неволе наших болгарских и сербских братьев ... Каждый словенец и каждый славянин знает и чувствует, что нашей будет родственная кровь, которая прольется в Болгарии, что успех русского оружия есть успех всего славянства, то есть также и наш»²⁴.

15 июля 1877 г. русские войска форсировали Дунай и вступили на территорию Болгарии. Северная часть ее, вплоть до Балканского хребта, была освобождена. Руководителем Главного управления гражданской частью в Болгарии был назначен по рекомендации Милютина князь В.А. Черкасский. Это назначение приветствовал И.С. Аксаков. 11 июля 1877 г. он писал княгине Е.А. Черкасской, что ее мужу выпала историческая роль «положить основы, класть фундамент политическому и социальному бытию целого народа, быть представителем не только русской власти, но и русской мысли, русских социальных начал по крайней мере в поземельном устройстве, — и водворителем и совершителем освобождения в жизни и быту народа после пятаевокого рабства»²⁵.

Владимир Александрович Черкасский (1826–1878) являлся одним из тех славянофильских деятелей, которые активно участвовали в формировании внутренней и внешней политики государства. Он окончил юридический факультет Московского университета, где на него большое влияние оказали лекции профессоров М.П. Погодина и О.М. Бодянского. В начале 1850 г. он окончательно поселился в Москве, где сразу же примкнул к кружку славянофилов. Участвовал в разработке крестьянских реформ в России (1861) и Польше (1863), выступая за освобождение крестьян с землей при отмене крепостного права. В 1869–1871 гг. Черкасский являлся городским головой Москвы.

Восточный вопрос интересовал его уже по окончании Крымской войны. Черкасский был убежден, что с решением Восточного (турецкого) вопроса связаны будущее Греции, славянских племен, Турции, румынского народа, участь Австрии, Италии, будущее устройство Германии, союз России с Францией, владычество Англии в Средиземном море. Уже в то время он предвидел союз против России Австрии и Англии, а после июльского переворота (т.е. после революции 1848 г.) переход в число врагов России и Франции²⁶.

Когда началась русско-турецкая война 1877–1878 гг., Черкасский стал уполномоченным Общества Красного креста. Он сумел организовать переправку транспортом раненых, чем спас жизнь многим солдатам, сражавшимся под Плевной и на Шипке. После назначения его руководителем Главного управления гражданской частью в Болгарии перед Черкасским встала задача организации мирной жизни в освобожденных районах. Одним из важнейших постановлений Черкасского было разрешение крестьянам убирать урожай с наделов, принадлежавших отступившим с османской армией туркам. Его циркуляр от 4 ноября 1877 г. постановлял, что болгарские беженцы могут засеивать оставленные турками земли. Помимо этого, Черкасский провел административную реформу, согласно которой в освобожденных округах создавались параллельно русское военное и местное болгарское управления. Не всегда между ними были нормальные отношения, поскольку отсутствовала их официальная регламентация. Так, в Тырновском округе отношения между ними складывались позитивно, а в Габровском глава русского управления не считался с болгарским управлением²⁷.

Черкасский выступал не только как серьезный реформатор, но и как мужественный офицер. Когда в конце июля 1877 г. турецкие войска сумели занять часть болгарской территории, прежде освобожденной русскими войсками, Главная квартира вместе с основными частями русской армии передвинулась ближе к Плевне, покинув Тырново. Упорные бои продолжались только у Шипкинского перевала, где русские солдаты вместе с болгарским ополчением сопротивлялись натиску турок. Тырново, оставленному основными русскими силами, грозил захват осман-

скими частями. Помимо местных жителей в Тырновском округе скопилось множество беженцев. Черкасский не оставил город. Вместе с несколькими русскими унтер-офицерами он организовал отряд из 300 молодых болгар, которых обучали азам военного искусства. Этот отряд должен был дать отпор наступавшим на город туркам. В отличие от молодых болгар, готовых сражаться до конца, некоторые болгарские национальные деятели повели себя трусливо. В письме от 28 июля 1877 г. И.С. Аксакову Черкасский так описывал этот случай: «Мой друг Балабан*, главный депутат болгарский, странствовавший по всей Европе и мною назначенный вице-губернатором в Тырнове, совсем раскис, плакал как ребенок, просил позволения уехать в Вену». Черкасский его не отпустил, и тот постепенно оправился от испуга. Не лучше себя вели и два представителя Московского славянского комитета Хомяков** и Нарышкин***, которых Аксаков прислал в помощь Черкасскому и которых тот характеризовал как лентяев и неумех. Они тоже постарались поскорее оставить Тырново. Помимо организации обороны Черкасский должен был обеспечить продовольствием толпы голодных и бедных людей, которые хлынули в Тырновский округ. На это он получил 1 тыс. 908 руб. Многие из этих болгар уничтожали турецкое имущество после занятия русскими войсками их поселений, и они очень боялись мести турок²⁸.

За время своего пребывания в Болгарии Черкасский подготовил записку об управлении освобожденными территориями, которую одобрил Александр II. Она легла в основу первой болгарской конституции 1879 г.

После падения Плевны 28 ноября 1877 г. победа России была окончательно предreshена. Русские войска стали стремительно приближаться к Константинополю. В начале января 1878 г. в Адрианополь был направлен для заключения мира Н.П. Игнатъев.

* Имеется в виду Балабанов Марко Динчев (1837–1921), болгарский публицист, участник движения за национальную болгарскую церковь. После Апрельского восстания 1876 г. был делегирован экзархом Анфимом (Антимом) I вместе с Д. Цанковым к европейским правительствам с целью добиться поддержки требований болгарского народа.

** Хомяков Дмитрий Алексеевич.

*** Нарышкин Александр Александрович.

Черкасский вместе с Игнатьевым присутствовал при обсуждении и подписании прелиминарного Сан-Стефанского мирного договора, заключенного 19 февраля (3 марта) 1878 г. Несомненно, он участвовал в создании текста этого документа. В день его подписания в Сан-Стефано Черкасский умер.

Сан-Стефанский мирный договор подписали со стороны России граф Н.П. Игнатьев и будущий русский посол в Турции А.И. Нелидов, со стороны Турции — министр иностранных дел Сафвет-паша и турецкий посол в Германии Саадулах-бей. Согласно договору, Сербия, Черногория и Румыния становились полностью независимыми, Босния и Герцеговина получали автономию. Вновь создававшееся государство Болгария включало в свой состав все области, населенные болгарами, в Мезии, Фракии, Македонии. Ее территория простиралась от Черного моря до Охридского озера и от Дуная до Эгейского моря. Болгария получила широкую автономию, два года она должна была находиться под русским управлением. К России отходила часть Бессарабии.

Против Сан-Стефанского мирного договора резко выступили европейские державы, прежде всего Австро-Венгрия и Англия. 1 (13) июня — 1 (13) июля 1878 г. в Берлине состоялся конгресс, на котором присутствовали в качестве полноправных членов: Австро-Венгрия, Англия, Германия, Россия, Франция, Турция. Англия, Австро-Венгрия, Германия и Франция выступили единым фронтом против Сан-Стефанского договора. Россия должна была уступить. По заключенному Берлинскому трактату Сербия, Черногория и Румыния получали независимость. Болгария же, по сравнению со Сан-Стефанским договором, теряла многое. Европейские страны не желали образования на Балканах крупного государства, симпатизирующего России. Болгарские земли были разделены на три части. Болгарское княжество с центром в Софии простиралось до Балканского хребта. Оно находилось в вассальной зависимости от Турции, однако в нем в течение девяти месяцев оставались русские войска. К югу от Балканского хребта создавалась Восточная Румелия с центром в Филиппополе, которая входила на правах автономии в Османскую империю. Македонские земли оставались под полной властью Турции, как и Албания и Фракия. К Сербии отошла часть Добруджи, на кото-

рую претендовали болгары. Черногория увеличила свою территорию почти в три раза. Этим великие державы привлекли на свою сторону Сербию и Черногорию. Вместе с тем Австро-Венгрия получила право оккупировать Боснию и Герцеговину.

Таким образом, в Берлинском трактате 1878 г. были параграфы, очень невыгодные для России и болгар. Русская дипломатия должна была уступить, ибо в противном случае России пришлось бы столкнуться с военными действиями со стороны Англии и Австро-Венгрии. Австро-Венгрия подтянула свои войска к границам Боснии и Герцеговины. Англия в мае 1878 г. заключила тайный договор с Турцией (Кипрскую конвенцию), которая позволяла ей оккупировать Кипр в обмен на помощь в случае нападения на нее какого-нибудь государства (подразумевалась Россия). В таких условиях Россия, обескровленная войной с Турцией, не могла не пойти на уступки. Отношение к Берлинскому трактату российского правительства ясно выразил Д.А. Милютин. «Как бы ни были они (уступки Европе. — *И. Ч.*) для нас неприятны, — писал он в своем дневнике, — все-таки нельзя никак сказать, что война велась нами без результата. Огромный шаг будет сделан в историческом ходе Восточного вопроса. Начатое нами дело несомненно довершится самой силою вещей. Автономная Болгария послужит ядром для будущего объединения всего болгарского народа в одно самостоятельное государство»²⁹.

Заключение под напором западных держав Берлинского трактата, который значительно изменил Сан-Стефанский мирный договор, вызвало резкое недовольство славянофилов, которое четко выразил в своей речи 25 июня 1878 г. на заседании Московского славянского благотворительного общества (так с 1876 г. стал называться Московский славянский благотворительный комитет. — *И. Ч.*) И.С. Аксаков. Эта речь, по словам российского историка Н.И. Цимбаева, отразила «настроение определенной части дворянско-буржуазного общественного мнения»³⁰. В ней Аксаков заявил, что Русь-победительница сама добровольно разжаловала себя в побежденную. И далее Аксаков делал вывод: «Кривде и наглости Запада по отношению к России и вообще к Восточной Европе нет ни предела, ни меры», а решения Берлинского договора направлены не только против славян, но и

против русского народа³¹. В неудаче России на Берлинском конгрессе Аксаков обвинил русские дипломатические круги.

Выступление Аксакова вызвало бурную реакцию со стороны царя. 21 июля по приказу Александра II Московское славянское благотворительное общество было запрещено, а сам Аксаков выслан из Москвы.

Возможность дальнейшего сотрудничества славянофилов с властями определил А.И. Кошелев, очень недовольный как Берлинским трактатом, так и действиями правительства против Московского славянского общества. «Особенно расстроило и огорчило меня, — писал он спустя несколько лет, — известие из Москвы о закрытии Славянского комитета и о высылке из Москвы И.С. Аксакова. Славянский комитет и еще более И.С. Аксаков были очень неприятны петербургской власти, и она воспользовалась его речью, чтобы прихлопнуть первый и выпроводить последнего из Москвы»³².

Помимо славянофилов, многие представители русской общественности, особенно из числа военных и дипломатов, были согласны с позицией Аксакова, в частности, известный журналист М.Н. Катков. Большое недовольство вызвало закрытие Московского славянского общества, как органа, «через который само правительство русское проявляло свое сочувствие и покровительство славянам»³³.

После речи И.С. Аксакова и ответа на нее властей сотрудничество славянофилов с министерством иностранных дел прекратилось.

Примечания

- ¹ Хевролина В.М. Восточный кризис XIX в. // История внешней политики России. Вторая половина XX века. М., 1997. С. 174.
- ² Хевролина В.М. Сан-Стефано — венец и завершение дипломатической карьеры Н.П. Игнатьева // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 244.
- ³ Хевролина В.М. Восточный кризис. С. 175.
- ⁴ Никитин С.А. Переписка И.С. Аксакова с кн. В.А. Черкасским (1875–1878) // Славянский сборник. М., 1948. С. 145.
- ⁵ Там же. С. 188.
- ⁶ Југословени и Русија. Документи из архива М.Ф. Рајевског. 40–80. година XIX века. Београд, 1989. С. 149.

- ⁷ *Хевролина В.М.* Восточный кризис. С. 182.
- ⁸ Цит по: *Нарочницкая Л.И.* Россия и национально-освободительное движение на Балканах. 1875–1878. К столетию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. М., 1979. С. 25.
- ⁹ Там же. С. 27.
- ¹⁰ *Хевролина В.М.* Восточный кризис. С. 181.
- ¹¹ Там же. С. 183.
- ¹² *Нарочницкая Л.И.* Указ. соч. С. 105–107.
- ¹³ Цит. по: *Нарочницкая Л.И.* Указ. соч. С. 29.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ *Никитин С.А.* Указ. соч. С. 172.
- ¹⁷ Речь идет о Германии и Австро-Венгрии, с которыми Россия в 1873 г. заключила Союз трех императоров.
- ¹⁸ *Никитин С.А.* Указ. соч. С. 149, 150.
- ¹⁹ *Хевролина В.М.* Сан-Стефано — венец и завершение дипломатической карьеры Н.П. Игнатьева. С. 247, 248.
- ²⁰ *Хевролина В.М.* Восточный кризис. С. 196.
- ²¹ Там же. С. 195.
- ²² Там же. С. 194.
- ²³ *Кошелев А.И.* Записки. Берлин, 1884. С. 228.
- ²⁴ Slovenski narod. Ljubljana. 27.04.1877.
- ²⁵ *Никитин С.А.* Указ. соч. С. 176, 177.
- ²⁶ *Черкасский В.А.* Два слова по поводу восточного вопроса // Русская беседа. 1858. № 4. С. 66, 68.
- ²⁷ *Хевролина В.М.* Восточный кризис. С. 199, 200.
- ²⁸ *Никитин С.А.* Указ. соч. С. 182, 184.
- ²⁹ Цит. по: *Хевролина В.М.* Восточный кризис. С. 217.
- ³⁰ *Цимбаев Н.И.* И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 241.
- ³¹ Там же.
- ³² *Кошелев А.И.* Указ. соч. С. 235.
- ³³ Цит по: *Цимбаев Н.И.* Указ. соч. С. 244.

Рукопись генерала А.А. Алымова «Новачин» из собрания Государственного Эрмитажа

Аннотация:

В статье идет речь о провенансе* и содержании хранящейся в фонде рукописей и документов Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа рукописи генерала А.А. Алымова «Новачин», посвященной истории лейб-гвардии Драгунского полка, его участию в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., а также истории российской гвардии. На основании печатных источников приводятся краткие сведения по истории лейб-гвардии Драгунского полка с момента его основания и до 1964 г., дается характеристика основных боевых эпизодов в его истории. Особое внимание уделяется сражению под Новачином 10 ноября 1877 г.

Ключевые слова:

русско-турецкая война 1877–1878 гг., лейб-гвардии Драгунский полк, Новачин, Филиппополь, Александр II, А.А. Алымов, А.П. Бурого, М.В. Данилевский, Н.В. Велинский, Д.П. Назимов.

Irina M.
ZAKHAROVA

The manuscript of General A.A. Alymov “Novachin” from the collection of the State Hermitage Museum

Abstract:

The article deals with the provenance and contents of the manuscript «Novachin» by General A.A. Alymov, stored in the fund of manuscripts and documents of the Department of History of Russian Culture of the State Hermitage Museum. The manuscript is dedicated to the history of the Dragoon Life Guards Regiment, its participation in the battles of the Russo-Turkish war of 1877–1878, and history of the Russian Guard. On the basis of printed sources, brief information is given on the history of the Dragoon Life Guards Regiment from the moment of its foundation until 1964, as well as the main combat episodes in the history of the regiment are characterized. Particular attention is paid to the battle of Novachin on November 10, 1877, in which the regiment covered itself with unfading glory.

* Провенанс (англ. provenance — происхождение, источник) — история владения художественным произведением, предметом антиквариата, его происхождение.

Keywords:

A.A. Alymov, the Russo-Turkish war of 1877–1878, Life Guard Dragoon regiment, Novachin, Philippopol, Alexander II, A.P. Burago, M.V. Danilevsky, N.V. Velinsky, D.P. Nazimov.

В фонде рукописей и документов Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа хранится рукопись генерала А.А. Алымова «Новачин»¹, посвященная событиям русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и участию в ней лейб-гвардии Драгунского полка. История создания и бытования рукописи, равно как и описанные в ней события, освещающие одну из славных страниц истории российской гвардии, представляют, на наш взгляд, большой интерес.

Лейб-гвардии Драгунский полк был создан указом Александра I 3 апреля 1814 г. в Версале в ознаменование окончания наполеоновских войн с Францией и взятия Парижа. По мысли императора, Конно-Егерский полк, как он назывался до 3 апреля 1833 г., должен был стать живым памятником победе русских войск в боевых действиях 1812–1814 гг. Его формирование происходило в Версале из офицеров и нижних чинов армейской кавалерии, особенно отличившихся в Отечественную войну 1812 года и Заграничных походах, а к весне 1815 г. полк прибыл на место своего расположения — в Новгородскую губернию. Шефом полка был назначен генерал-адъютант князь И.В. Васильчиков. В 1816 г. в Новгороде состоялся высочайший смотр полка, который удостоился лестного отзыва Александра I. И впоследствии император жаловал созданный им полк, предпочитая носить его мундир — вплоть до своей кончины².

В 1828 г. полк совершил первый в своей истории боевой поход во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Однако до участия в военных действиях тогда не дошло, и полк вернулся в Новгород в 1830 г. Командир Гвардейского корпуса великий князь Михаил Павлович сожалел о том, что полк не сражался с турками: «Жаль, что такому славному полку не пришлось затупить свои сабли о турецкие головы»³. Боевое крещение полка состоялось в 1831 г. у деревни Велонтки во время подавления

восстания в Польше. За участие в польских событиях лейб-гвардии Конно-Егерскому полку были пожалованы права и преимущества, присвоенные старой гвардии⁴. В 1836 г. полк был переведен в штаб 3-го округа пахотных солдат в Кречевицах, неподалеку от Новгорода. В 1847 г. после смерти шефа полка князя И.В. Васильчикова полк получил нового шефа — недавно родившегося сына наследника цесаревича Александра Николаевича — великого князя Владимира Александровича, который будет возглавлять полк до 1909 г.⁵ После его смерти и до 4 марта 1917 г. шефом полка являлась вдова Владимира Александровича великая княгиня Мария Павловна⁶.

Наиболее знаменательной страницей истории лейб-гвардии Драгунского полка стало его участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Поскольку «... власть имевшие в 1877 г. не ожидали, чтобы вмешательство в болгарские дела потребовало столько трудностей и жертв, а потому, вопреки основам военного дела, сочли возможным предназначить для действия против турок только четыре корпуса. Гвардия не была включена в состав действующей армии, потому она по обыкновению собралась на лето 1877 г. в Красносельском лагере, мысленно и молитвенно следя за событиями на Дунае. Она за это время осиротела, ибо высшие начальники ее ... находились в действующей армии»⁷, — писал генерал-майор Л.Л. Зедделер, командир 1-й бригады 2-й гвардейской пехотной дивизии. Однако после второго неудачного штурма Плевны на военном совете с участием главнокомандующего великого князя Николая Николаевича 19 июля 1877 г. было решено усилить действующую армию некоторыми армейскими частями и гвардейским корпусом⁸, что коснулось и лейб-гвардии Драгунского полка. Это был последний раз в XIX веке, когда гвардия принимала участие в войне⁹. Как всегда, на драгунские полки, не считая непосредственного участия в боях, возлагались сложные задачи по разведке, проведению рейдов, помощи пехоте и фуражировке¹⁰. Драгунский полк в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. блестяще справился с поставленными задачами.

4 августа 1877 г. полк выступил из Кречевиц, и в середине сентября 1877 г. лейб-драгуны располагались уже под Плевной. Этому предшествовало сложное передвижение полка на театр

военных действий. «...переход был один из самых тяжелых, в особенности для обоза. Вследствие сильных дождей, шедших в предшествовавшие дни, грязь образовалась невылазная...»¹¹, — констатировал в своем труде «Описание военного похода лейб-гвардии Драгунского полка в турецкую кампанию 1877–1878» В.Ф. Дубовский.

Также были проблемы со снабжением полка продовольствием и фуражом. «...с переходом полка через Дунай подрядчики отказались поставлять на полки сено, за невозможностью достать его в нужном количестве по справочным ценам, ...полкам предоставлено было право косить его, где только окажется возможным... Поэтому эскадронные командиры... посылали на покос по полуэскадрону, который отправлялся с утра; накосив сена и навьючив на лошадей, едва возвращался к вечеру на бивуак». В одном таком деле отличился и будущий автор рукописи. «29 числа (сентября. — И. З.) утром был послан таким образом полуэскадрон от 3-го эскадрона под командою прапорщиков: Алымова 1-го и Алымова 2-го, в 12 часов дня на бивуак прибежали 40 оседланных лошадей без седоков. Все лошади были страшно перепачканы в грязи, трензеля и чумбуры* были порваны, у некоторых лошадей оказались порезы, как видно от порванных пут. По расследовании дела оказалось, что, придя на место покоса, слишком много людей было спешено для косьбы, так что коноводам пришлось держать по три и по четыре лошади... При этом одна из лошадей испугалась вылетевшей из кукурузы птицы, бросилась в сторону, за ней другая и т. д., и все понеслись в карьер по направлению к бивуаку... В приказе по полку Алымовым был объявлен строгий выговор, с прибавкою домашнего ареста на трое суток. С этого же времени эскадронные командиры прекратили косить сено»¹², — вспоминал В.Ф. Дубовский.

12 октября 1877 г. состоялся первый бой полка — под болгарским селом Телиш. 28 октября лейб-драгуны штурмовали город Врацу. Во время штурма взводный вахмистр Зотов спас жизнь

* Трензель, или удила, — твердая, обычно металлическая, часть уздечки, вставляемая лошади в рот. Чумбур — повод к походному недоузду или узде, с которой могут быть сняты мундштук и удила; приставляется к кольцу подбородного ремня, а свободным концом крепится за ремень под кобурой. Имеется при всякой строевой седловке, кроме учебной.

будущему автору, тогда еще прапорщику Алымову 2-му, застрелив целившегося в него турка¹³.

Но наиболее памятным был бой 10 ноября 1877 г. под деревней Новачин, находящейся на севере Балкан. Главным его эпизодом стала защита лейб-драгунами орудия 2-й гвардейской конной батареи. В этом сражении «лейб-драгуны доказали, что там, где они не могут победить, они сумеют умереть, сохраняя честь и доброе имя полка»¹⁴, — писал И.М. Кучевский, автор юбилейного издания «Памятка лейб-драгуна. 1814–1914». «Попытка драгун спасти орудия стоила больших потерь. Из 12-ти офицеров убито было три, ранено три и контужено четыре. Из 138 драгун убито 38 и ранено 20. Лошадей выбыло из строя 70»¹⁵. Защищая орудие, погибли смертью храбрых прапорщики М.В. Данилевский, Н.В. Велинский и Д.П. Назимов¹⁶. После окончания войны Александр II, характеризуя подвиг лейб-драгун, сказал: «В несчастном Новачинском деле геройский отряд исполнил свой долг так, как умели его исполнять наши суворовские молодцы-богатыри...»¹⁷. Позднее, в 1885 г., в память об этой странице боевой истории полка, Александр III подарил лейб-гвардии Драгунскому полку картину художника Н.Е. Сверчкова «Бой под Новачином». К сожалению, картина сгорела вместе с баржей, на которой осуществлялась перевозка полкового имущества из Новгорода в Петергоф в 1902 г. Копия этой картины была написана с фотографии оригинала и преподнесена полку в 1914 г. к столетнему юбилею¹⁸.

В ночь на 4 января 1878 г. сводный эскадрон из 63-х лейб-драгун под командованием капитана А.П. Бураго занял Филиппополь, захватив брошенные турками орудия, боевые припасы и пленных¹⁹. Поскольку каждому офицеру полка хотелось быть в составе сборного эскадрона, то кинули жребий. Однако автору рукописи, в отличие от его брата, прапорщика Алымова 1-го, не посчастливилось участвовать в деле под Филиппополем²⁰.

11 января 1878 г. полк вступил в Адрианополь, а к 25 января разместился у Родосто, под Константинополем. 19 марта 1878 г., в день полкового праздника, была получена телеграмма от императора, который поздравлял полк и жаловал ему Георгиевский штандарт. 3 октября 1878 г. на смотре в Севастополе Александр II

навесил на штандарт Георгиевский крест, сняв его с груди своего сына, великого князя Сергея Александровича²¹, участвовавшего в войне в составе Русуцкого отряда.

Александр II и сам состоял в рядах лейб-гвардии Драгунского полка, зачислив себя туда еще в 1864 г.²²

В 1902 г. полк был переведен в Старый Петергоф, где в 1914 г. отмечался его столетний юбилей. На празднествах присутствовала императорская фамилия²³. Полку были преподнесены подарки, в том числе бронзовая скульптурная композиция, изображавшая ряд важнейших событий в истории полка, включая бой под Новачином.

В 1918 г. полк был расформирован, но некоторые офицеры отправились служить в Добровольческую армию. Всего за время участия в Белом движении пять офицеров полка были убиты²⁴, один умер от ран, шестеро были расстреляны. В эмиграции офицеры полка оказались разбросанными по всему свету. В 1928–1931 гг. в Париже вышли четыре выпуска воспоминаний под названием «Лейб-драгуны дома и на войне». В 1933 г. в Белграде умер последний командир лейб-гвардии Драгунского полка генерал-майор С.Я. Гребенщиков. Однако по традиции ежегодно отмечался полковой праздник. В 1964 г. 18 оставшихся в живых лейб-драгун, возглавляемых полковником Э.И. Гримом, отметили 150-летний юбилей полка²⁵.

В числе эмигрировавших из России был и автор рукописи генерал-лейтенант Аполлинарий Александрович Алымов (1857–1934). Потомственный военный, сын полковника, Алымов родился в 1857 г. в Астрахани. По окончании Николаевского кавалерийского училища в 1877 г. он был выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Драгунский полк, прошел всю русско-турецкую войну 1877–1878 гг. В 1913 г. был произведен в генерал-лейтенанты, после революции участвовал в Белом движении на Востоке России. В годы Гражданской войны А.А. Алымов находился в Омске, где был арестован большевиками. После своего освобождения в 1922 г. перебрался в Харбин, где с 1920 г. уже жили его жена и сын Александр, будущий известный архитектор, художник и автор проиллюстрированных им самим мемуаров «Прощай, моя Россия»²⁶. В 1924 г. Алымовы переехали в Париж.

В 1934 г. генерал А.А. Алымов скончался и был похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де Буа. До самой смерти он не порывал связей с оставшимися в живых офицерами полка.

В преддверии 50-летнего юбилея русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в эмигрантской печати стали появляться посвященные ей публикации. Граф Ф.М. Нирод, бывший командир Драгунского полка в 1912–1915 гг., возглавлявший в эмиграции группу офицеров полка, обратился к А.А. Алымову с предложением написать краткий очерк или «памятку» об участии полка в войне. Алымов на тот момент являлся старейшим и единственным оставшимся в живых ее участником. Несмотря на отсутствие в его распоряжении необходимых материалов по истории полка, а также частных заметок, а именно походного дневника, памяток, кроков*, утраченных в период эмиграции, он согласился взяться за этот почетный труд, полагаясь только на собственные воспоминания 50-летней давности. При этом Алымов утешал себя надеждой, что его «далеко не полный труд всё же сам по себе явится некоторым, может быть и слабым, но все же “материалом”, или вернее сказать, “канвою событий”, канвою, в которой понемногу исправятся и пополнятся недостатки и неполнота тем материалом, который может быть случайно еще сохранился у лейб-драгун, проживающих за границей»²⁷.

Впрочем, Алымов всё-таки пользовался некоторыми источниками, в частности, при написании первой части своего труда, — работой военного историка Н.А. Епанчина «Памятка Крестового похода 1877–1878 гг.»²⁸ и статьей «Освободительная война 1877–1878 гг.», опубликованной в газете «Возрождение» 25 апреля 1927 г. Также в его распоряжении имелись две газетные публикации 1928 г. последнего командира лейб-гвардии Драгунского полка генерал-майора С.Я. Гребенщикова в газете «Новое время» — «Захват города Филиппополя» и «Бой за честь полка»²⁹, в которых описывались важнейшие боевые эпизоды в его истории. Учитывая датировку использованных Алымовым источников, можно предположить, что он работал над рукописью в 1927–1928 гг.

* Кроки (в топографии) — план местности, наскоро сделанный путем глазомерной съемки.

Результатом труда А.А. Алымова явилась рукопись размером 26,9 x 21,5 x 1,0 см в твердом картонном переплете с переплетной крышкой, покрытой коленкором, тканевыми корешком и уголками, на 45 листах. На корешке — бумажная наклейка с воинским званием, инициалами и фамилией автора и названием рукописи. Передний форзац орнаментально-декоративный из мраморной бумаги; задний форзац заклеен. Рукопись написана на бумаге верже* с филигранью в виде французского геральдического щита под короной и надписью «RIVOLI». Пагинация отсутствует. Текст написан чернилами двумя почерками, один из которых принадлежит автору. На последней странице рукописи — подпись автора красным карандашом в виде трех заглавных букв «А» в кавычках. В тексте присутствуют исправления, сделанные рукой Алымова, а также авторские же маргиналии.

На авантитуле надпись: «Из Архива объединения бывших гг. офицеров лейб-гвардии Драгунского полка, передано полковнику В.Г. Ковалевскому «На охранение». 1946. Май месяц».

Полковник Владимир Григорьевич Ковалевский (1876–1958) — младший сын командира полка Григория Александровича Ковалевского (1842–1882), под руководством которого полк принимал участие в войне 1877–1878 гг. Владимир Григорьевич также служил в лейб-гвардии Драгунском полку. После революции воевал в Добровольческой армии. Затем эмигрировал во Францию, жил и работал в Париже, являлся сотрудником и автором журнала «Военная быль», военным историком и коллекционером военных предметов и книг, часть которых была передана в Российский Военно-исторический Архив-музей в Париже при Обществе Друзей Военной Были и Общекадетском Объединении во Франции (Кадетский музей) в Париже. Умер Владимир Григорьевич 17 декабря 1958 г.³⁰

После смерти В.Г. Ковалевского в истории бытования рукописи появились «белые пятна». В частности, остается неясным, как

* Бумага верже (фр. *vergé* — полосатая) — белая или цветная бумага с ярко выраженной, видимой на просвет, сеткой из частых полос, пересеченных под прямым углом более редкими полосами. Частые полосы называются вержерами, частота их расположения — по 5–8 на 1 см, более редкие полосы называются понтюзо (фр. *pointuseaux*), они отстоят друг от друга на 2–2,5 см. След от полос рельефно виден на поверхности бумаги лишь с одной стороны. Изначально верже изготавливалась из льняного и пенькового тряпья, отличалась высокой прочностью.

рукопись попала из Архива объединения бывших гг. офицеров лейб-гвардии Драгунского полка на аукцион, где была приобретена Санкт-петербургским коллекционером А.Н. Лещинским, который в 2005 г. продал ее Государственному Эрмитажу за 55747 руб. 80 коп.

В 2015 г. Новгородское общество любителей древности обратилось в Эрмитаж с просьбой о предоставлении ему права публикации рукописи для некоммерческого использования (распространение в школах и библиотеках Великого Новгорода) в виде брошюры тиражом в 100 экземпляров с целью патриотического воспитания юных новгородцев. Просьба была удовлетворена, и в том же 2015 г. рукопись была опубликована³¹. Предисловие к брошюре было написано новгородским краеведом Ю.А. Маркитановым, инициировавшим публикацию.

Один экземпляр издания Маркитанов подарил проживающему в Париже господину Жоржу Попову, крестнику сына генерала Алымова, Александра Аполлинариевича Алымова, умершего бездетным. Попов, унаследовавший семейный архив Алымовых, издал в 2000 г. на французском языке дневниковые записи своего крестного под названием «Прощай, моя Россия»³². В 2007 г. книга А.А. Алымова вышла в Барселоне на испанском языке³³. На русском публикации нет, равно как и отсутствует факт дарения Поповым этих книг Эрмитажу. В 2016 г. он обратился в Эрмитаж с просьбой разрешить ему опубликовать рукопись генерала Алымова «Новачин» на французском языке как часть книги, касающейся истории семей Алымовых и Поповых. Разрешение ему было дано, но, насколько мне известно, эта книга пока в свет не вышла. Таков провенанс рукописи.

А теперь рассмотрим вопрос о содержании рукописи, полноте и достоверности приводимых в ней сведений.

Рукопись состоит из введения и трех глав:

1. Краткий исторический очерк причин русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

2. Полк с 12 апреля 1877 г., дня объявления войны Турции, до переправы армии у Систова через Дунай 15 июня.

3. Полк после 2-й Плевны 18 июля — до перехода через Балканы л.-гв. Драгунского полка с 16 по 19 декабря включительно и далее до конца войны.

Первые две главы не представляют особого интереса в плане новизны, так как в них содержатся общеизвестные факты. Зато в последней главе, составляющей три четверти от общего объема текста, на основе личных воспоминаний дается описание деятельности полка в русско-турецкую войну с упором на бой под Новачином, содержится характеристика любимого автором командира полка полковника Григория Александровича Ковалевского, рассматриваются некоторые действия однополчан и самого автора, даже если речь идет о неудачах. Поскольку А.А. Алымов описывает события 50-летней давности, опираясь, в основном, на свои воспоминания, то возникает вопрос о достоверности приводимых в его книге сведений. Благодаря тому, что в распоряжении историков имеется уже упоминавшееся «Описание военного похода л.-гв. Драгунского полка в турецкую кампанию 1877–1878 гг.», мы можем судить о правдивости изложенных в труде Алымова фактов. Так, авторское описание своего приключения с заготовкой сена и сбежавшими лошадьми практически совпадает с изложением того же эпизода Дубовским. Алымов не пытается обелить себя или казаться храбрее, а полностью признает справедливость наказания за неудачную фуражировку. Не расходится с официальным источником и описание боя под Врацем 28 октября 1877 г., а также радостных чувств жителей города при встрече с русскими войсками. Относительно некоторых эпизодов Алымов сообщает дополнительные подробности, отсутствующие в работе В.Ф. Дубовского. Так, повествуя о подвиге прапорщика М.В. Данилевского, в рукопашном бою зарубившего турецкого офицера, он пишет о личных обстоятельствах Данилевского, стремившегося в бой, чтобы отомстить за своих бабушку с дедушкой, убитых турками на Кавказе³⁴.

О самом сражении под Новачином Алымов также приводит отсутствующие в официальном описании похода подробности. Например, о смерти прапорщика Д.П. Назимова, погибшего в бою с черкесом оттого, что у его шашки вдребезги разлетелся клинок, Алымов сообщает, что изначально у Назимова была прекрасная златоустовская шашка, которую он заменил в этом бою на золингенскую, являвшуюся подарком его невесты. В результате он «при отбиве шашки черкеса получил удар по Золингену, который, как стекло, сломался на три части, и удар черкеса раскроил

прапорщику Назимову висок»³⁵. В отличие от В.Ф. Дубовского, А.А. Алымов более откровенен, говоря о причинах неудачи и больших потерь под Новачином. Авторы официального труда лишь излагают ход сражения, в то время как Алымов, скорбя о погибших товарищах, пишет о стратегических ошибках командования, оставившего три части отряда без связи между собой, и о «ничем не оправданной и непростительной инертности, проявленной командиром 3-го эскадрона л.-гв. Драгунского полка капитаном Ахвердовым»³⁶. Наряду с анализом причин боевых потерь под Новачином Алымов указывает на стратегическое значение этого сражения для дальнейшего развития военных событий. Так, он сообщает о том, что ожесточенное сопротивление, оказанное драгунами, привело к стягиванию турками к Новачину больших воинских соединений, что облегчило захват 11 ноября города Правец, а это, в свою очередь, позволило кавалерии западного отряда генерала И.В. Гурко продвинуться к Балканам и в ожидании падения Плевны готовиться к переходу в Забалканскую Болгарию³⁷.

В целом же к достоинствам труда А.А. Алымова необходимо отнести, во-первых, то, что он писал только о том, о чем помнил сам, либо со слов очевидцев, в частности, своего брата Анатолия Алымова, либо о том, что он почерпнул из уже упоминавшихся эмигрантских изданий. Если же он чего-то не помнил, то не пытался придумать, а ставил знаки вопроса, например, говоря о боевых потерях нижних чинов полка под Новачином³⁸. Во-вторых, Алымов не стремился изобразить себя героем, на котором всё держалось в полку и благодаря которому была выиграна война, а описывал свое реальное участие в событиях, не боясь показаться слабым, недостаточно храбрым и недалевидным. Весьма радует доброе отношение Алымова к нижним чинам, которых он благодарит за помощь в трудных ситуациях, а также к болгарам, которые помогали русской армии, и, в частности, к старушке-болгарке за спасение его жизни.

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на имеющиеся неточности, рукопись генерала Алымова является ценным источником и памятником истории лейб-гвардии Драгунского полка, российской императорской гвардии и русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Примечания

- ¹ ЭРДр-2320. А. А. Алымов. Новачин. Конец 1920-х годов. 26,9 x 21,5 x 1,0 см. 45 листов. Бумага, рукопись, чернила, карандаш, картон, коленкор. Государственный Эрмитаж.
- ² Императорская Российская гвардия. 1700–1878. Хронологические таблицы. СПб., 1878. С. 234–235.
- ³ Кучевский И. М. Памятка лейб-драгуна. 1814–1914. СПб., 1914. С. 16.
- ⁴ Там же. С. 22.
- ⁵ Великий князь Владимир Александрович (Некролог) // Исторический вестник. 1909. Т. 115. № 3. С. 1.
- ⁶ Маркитанов Ю. А., Хохлов И. В. К истории лейб-гвардии Драгунского полка // Военно-исторический журнал. 2008. № 8. С. 75.
- ⁷ Зедделер Л. Л. Отрывки из воспоминаний // Исторический вестник. 1909. Т. 115. № 3. С. 926–927.
- ⁸ Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. II. С. 396.
- ⁹ Летин С. А. Российская императорская гвардия. СПб., 2005. С. 400.
- ¹⁰ Введенский Г. Э. Драгуны. Кавалерия русской армии. СПб., 2004. С. 46–47.
- ¹¹ Дубовский В. Ф. Описание военного похода лейб-гвардии Драгунского полка в турецкую кампанию 1877–1878. СПб., 1880. С. 12.
- ¹² Там же. С. 15–16.
- ¹³ Кучевский И. М. Памятка лейб-драгуна. С. 34–36.
- ¹⁴ Там же. С. 36.
- ¹⁵ Дубовский В. Ф. Описание военного похода лейб-гвардии Драгунского полка. С. 82.
- ¹⁶ Памятник восточной войны 1877–1878 гг. СПб., 1878. С. 42, 94, 256.
- ¹⁷ Гребенщиков С. Я. За честь полка (В память 50-летия боя под Новачином) // Лейб-драгуны дома и на войне. Париж, 1929. Вып. II. С. 17.
- ¹⁸ А. А. Перевод Лейб-Гвардии Драгунского полка из Кречевицких казарм в Старый Петергоф в 1901-м году // Лейб-драгуны дома и на войне. Париж, 1931. Вып. IV. С. 131–134.
- ¹⁹ Памятник восточной войны 1877–1878 гг. С. 35.
- ²⁰ А. А. Алымов. Новачин. Л. 36.
- ²¹ Гребенщиков С. Я. За честь полка. С. 17.
- ²² Императорская Российская гвардия. 1700–1878. Хронологические таблицы. С. 235.
- ²³ Граф Нирод. Воспоминания старого командира. 100-летний юбилей Л.-Гв. Драгунского полка // Лейб-драгуны дома и на войне. Париж, 1930. Вып. III. С. 31–49.
- ²⁴ Г. офицеры полка, убитые в великую и гражданскую войну // Лейб-драгуны дома и на войне. Париж, 1931. Вып. IV. С. 137.
- ²⁵ А. Г. Лейб-Гвардии Драгунский полк // Военная быль. Париж, 1965. № 71. Январь. С. 43.
- ²⁶ Alymoff A. Adieu ma Russie. Paris, 2000.
- ²⁷ А. А. Алымов. Новачин. Л. 1.
- ²⁸ Епанчин Н. А. Памятка Крестового похода 1877–1878 гг. Париж, 1927.
- ²⁹ ЭРДр-2321. Гребенщиков С. Я. Захват города Филлипополя (В ночь с 3 на 4 янв. 1878 г.). Вырезка из газеты «Новое время». Белград, 1928. Государственный

Эрмитаж; ЭРДр-2322. *Гребенщиков С.Я.* Бой за честь полка. Вырезка из газеты «Новое время». Белград, 23 ноября 1928. № 2269. Государственный Эрмитаж.

³⁰ *Геринг А.* Вечная память // Военная быль. Париж, 1959. Январь. № 34. С. 1.

³¹ *Алымов А.* Новачин. Новгород, 2015.

³² *Алуттофф А.* Adieu ma Russie.

³³ *Алуттофф А.* Adió a mi Rusia. Barselona, 2007.

³⁴ *Алымов А.* Новачин. Новгород, 2015. С. 32–33.

³⁵ Там же. С. 45–46.

³⁶ Там же. С. 50.

³⁷ Там же. С. 51.

³⁸ Там же. С. 46.

Передовой отряд генерал-лейтенанта И.В. Гурко и болгары летом 1877 г. (по воспоминаниям участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг.)*

Аннотация:

В статье на основе значительного комплекса опубликованных источников, прежде всего, воспоминаний участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в формате имагологии рассматриваются взаимоотношения солдат и офицеров Передового отряда генерал-лейтенанта И.В. Гурко с болгарами и воссоздается многоплановая панорама их контактов.

Ключевые слова:

русско-турецкая война 1877–1878 гг., Болгария, Передовой отряд И.В. Гурко, Тырново, Хаинкой, Казанлык, Шипка, Эски-Загра.

*Marina M.
FROLOVA*

Two-star general I.V. Gourko's Advanced detachment and the Bulgarians in the summer of 1877 (as remembered by the Russo-Turkish War of 1877–1878 participants)

Abstract:

The article is based on the significant number of published sources, foremost the memoirs of the Russo-Turkish War of 1877–1878 participants. It is written in the form of imagology and considers relations between the soldiers and officers of the two-star general I.V. Gourko's Advanced detachment and the Bulgarians as well as recreates a multidimensional picture of these contacts.

Key words:

Russo-Turkish War of 1877–1878, Bulgaria, general I.V. Gourko's Advanced detachment, Tarnovo, Shipka Pass, Kazanlak, Eski Zağra.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-59-18002 Болг_а «Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность)».

18 июня 1877 г., через три дня после форсирования русской армией реки Дунай, приказом по войскам действующей армии было объявлено о формировании Передового отряда под командованием генерал-лейтенанта И.В. Гурко. 25 июня отряд с боем вступил в г. Тырново, через труднодоступный Хаинкиойский перевал вышел в тыл неприятеля, охранявшего Шипкинский перевал, и овладел им, атаковав турок совместно с авангардом VIII армейского корпуса. За Балканами Гурко занял города Казанлык и Эски-Загру (Стара-Загора) и разбил турецкую группировку у г. Иени-Загры (Нова-Загора) и с. Джуранли (Калитиново). Однако малочисленному отряду герцога Н.М. Лейхтенбергского, защищавшего Эски-Загру, пришлось отступить к Шипкинскому перевалу под натиском многократно превосходящей армии Сулеймана-паши. Гурко отошел к Хаинкиою. Болгарское население бежало вместе с уходившими русскими войсками. Эски-Загра и многие другие болгарские поселения подверглись грабежу, а не успевшие покинуть свои дома болгары — страшным зверствам со стороны турок. 31 июля 1877 г., вследствие предписания главнокомандующего Дунайской армией, Передовой отряд был расформирован.

История этого отряда является и славной страницей русско-турецкой войны 1877–1878 гг., и одновременно предметом дискуссий в связи с тем, что в историографии существуют противоположные точки зрения в оценке его деятельности в Забалканской Болгарии. Вопрос этот сложный и требует тщательных исследований специалистов по военной истории. В задачу же настоящей статьи входит рассмотрение отношений между русскими офицерами и солдатами Передового отряда и болгарами в формате имагологии.

В уже существующей литературе на основании довольно выборочных свидетельств некоторых авторов, участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг., подробно освещались сюжеты о радушной, порой восторженной встрече Передового отряда болгарским населением Тырново, Казанлыка, Эски-Загры, о помощи болгар, оказываемой русским, а также об их боевом содружестве, сложившемся в тяжелых боях при защите Эски-Загры (в первую очередь, речь шла о дружинах Болгарского ополчения). Вовлече-

ние в научный оборот значительного корпуса опубликованных в конце XIX — начале XX вв. мемуаров и их углубленный анализ позволяют создать более многоплановую панораму контактов Передового отряда с болгарским населением.

В нашем исследовании в качестве источника привлекались воспоминания начальника штаба Передового отряда И.В. Гурко полковника Д.С. Нагловского (1838–1890), начальника штаба Болгарского ополчения подполковника Генерального штаба Е.Е. Рынкевича (1846–1896), командира 1-й бригады Болгарского ополчения полковника Ф.М. Депрерадовича или де-Прерадовича (?–1884), подпоручика 3-й дружины Болгарского ополчения С.И. Кисова (1849 г. или 1850 г.–1915), дипломата, ординарца И.В. Гурко князя А.Н. Церетелева (Цертелева, Церетели) (1848–1883), капитана Санкт-Петербургского гренадерского короля Фридриха-Вильгельма III полка Н.И. Мацкевича (1843–1885), офицера Генерального штаба М.М. Чичагова (1854–?)¹, есаула Донского казачьего № 26 полка П.А. Дукмасова (1856–1896), штабс-капитана 14-го стрелкового батальона И.С. Иванова, корреспондента газеты «Русские ведомости» М.П. Федорова (1845–1925), а также рассказ 26-летнего² унтер-офицера 15-го стрелкового батальона Феодосия Плокотникова.

В Передовом отряде состояли 5800 чел. пехоты (в том числе и Болгарское ополчение), 3700 чел. конницы, 12 орудий горных, 18 конных. Перед отрядом была поставлена задача: «выдвинуться вперед в направлении Тырново и Сельви», «разведать о расположении противника, собрать сведения о дорогах в горы и о состоянии в настоящее время проходов через Балканы и приготовиться к движению в горы»; затем «стараться овладеть проходами через Балканы, а кавалерию выслать еще дальше вперед с целью поднять болгарское население, оказать ему поддержку и рассеять турецкие отряды, если бы таковые оказались в незначительных силах»³, — писал военный историк Н.А. Епанчин в своей монографии «Действия Передового отряда генерал-адъютанта Гурко» (СПб., 1895).

Войска Передового отряда, шедшие «густыми колоннами» от переправы через Дунай у Систово по направлению к Тырново, болгары приветствовали «с живейшим участием, вынося фрук-

ты, хлеб и вино»⁴, — вспоминал капитан Мацкевич. В селениях, лежавших на пути следования русских войск, читалось воззвание об освобождении болгар, подписанное императором Александром II, и вместе с переводчиками туда отправлялась рота музыкантов, сообщал штабс-капитан 14-го Стрелкового батальона И.С. Иванов. Но 21 июня праздничное настроение было подпорчено жалобами нескольких болгар на то, что солдаты отняли у них баранов и другое имущество. Немедленно были поставлены караулы в д. Сыр-Яр, рядом с которой расположились лагерем стрелки. И вышел приказ — задерживать и представлять начальнику бригады всякого солдата, пойманного со скотом и другими вещами⁵, т.е. мародерство в войсках стало жестко пресекаться.

21 июня Драгунская бригада прибыла на бивак у с. Турска-Слива. Не успели драгуны расположиться на отдых, как к ним стали приходиться болгары с просьбой о защите от башибузуков и черкесов. Несмотря на жару и усталость, в указанные места посылались разъезды. «Но оказалось, что перепуганные военными событиями болгары, дабы привлечь в свои селения хоть несколько наших солдат, могущих их защитить от зверств турок, нарочно измышляли и доносили о мнимых появлениях неприятеля в той или другой местности», — писал поручик Чичагов и добавлял, что по своей неопытности офицеры сначала верили всем сообщениям болгар и стремились помочь им⁶. «На такую, вполне понятную и простительную их хитрость никто не был в претензии, пока эскадроны были еще свежие»⁷, — отмечал Чичагов.

Болгарские ополченцы, двигаясь к с. Турска-Слива по холмистой местности с богатыми пастбищами и нивами, то и дело встречали бегущих и испуганных болгар, которые «уже дрожали от страха», произнося лишь слова «черкес» и «башибузук». На дружинников это производило неприятное впечатление: «Не весело было смотреть на здоровых и рослых мужчин, потерявших способность рассуждать и говорить от страха; вдобавок они еще пооставляли в селах жен, детей и стариков, спасая лишь самих себя», — подчеркивал подпоручик Кисов. Узнав, что на деревню напали черкесы — около 40–50 человек, Кисов начинал корить поселян: деревня в 350 дворов и не может их прогнать. На что крестьяне отвечали, что у них в прошлом году поотнимали все

те немногие ружья, которые имелись в деревне, и теперь против башибузуков они бессильны. Подпоручик не мог не согласиться с такими вескими доводами, однако на всём пути до Тырново дружинники так и не встретили ни одного турка или черкеса⁸.

22 июня генерал-майор Раух, временно командовавший Передовым отрядом до прибытия Гурко, отдал приказ, по которому Драгунской бригаде предстояло выдвинуться к с. Батак, Донской бригаде на левом фланге — к д. Ебели, Сводной бригаде на правом фланге — к д. Абиза, а главные силы (4-я Стрелковая бригада, Болгарское ополчение) должны были перейти в д. Акчаир.

Драгунская бригада двинулась через деревни Акчаир, Горный Студень и Дольний Студень к Батаку. Лошади шли по брюхо в сочной траве. «Корм был обильный, как весной. Болгары везде встречали эскадрон как избавителей. Все они были, по-видимому, запуганы и лишь преувеличивали грозившую им опасность»⁹, — писал капитан Мацкевич.

Хорошая погода и нетрудный переход располагали к размышлениям. Для болгар самым тяжелым моментом во время войны, считал поручик Чичагов, был период между появлением слухов о приближении русских войск и до их прихода, так как защитить христиан «от грабежей и убийств башибузуков, черкесов и даже уходящих мирных жителей-турок, пользовавшихся краткостью времени, было некому». Русский офицер видел, что на лицах болгар, встречавших русских воинов, «были написаны спокойствие и радость, что их миновала эта горькая чаша»¹⁰. Он передал любопытный разговор с ординарцем драгун, «сметливым унтер-офицером». Какая-то болгарка совала ему чашку с вином, и унтер-офицер вопросительно взглянул на Чичагова: можно ли ему отпить немного вина. Офицер умышленно отвернулся, и унтер-офицер, хлебнув на ходу, не замедлил поделиться своими впечатлениями: «Эти болгары, ваше благородие, добрый народ. Как они стараются из-за хлебопашества и скотины сколько держат, и порядок какой у них на полях! Если их от турки освободить, богатая из них губерния может выйти». Чичагов спросил солдата, неужели он думает, что «мы присоединим эти земли к себе и сделаем из них русские губернии». «Да как же иначе возможно, ваше благородие? Их теперь оставить нельзя

будет: мы уйдем, турки опять придут, так уж тогда их совсем в отместку замучают. Самим же им, милягам, не управиться», — рассуждал драгун. Офицеру пришлось разъяснить ему «политическую невозможность в осуществлении его предложения». «Жалко, ваше благородие, славные бы вышли мужики из них, и вера-то у нас единственно та же, и язык на наш схож: не то, что эти румыны», — заключил унтер-офицер. Поручик понял, что сейчас прозвучали мысли многих солдат¹¹.

Жители д. Караисек предупредили драгун о том, что деревня Батак — вся турецкая и большинство ее обитателей не покинули свои дома. Авангард 9-го драгунского Казанского полка принял все предосторожности при приближении к этому селению. Вызвали старшину деревни, почтенного, седого турка в чалме (Абас-эфенди), который вывел всё население. Переводчик-болгарин прочитал им прокламацию, которая призывала жителей-мусульман сложить оружие и продолжать мирно заниматься своими делами. За покорность и повиновение обещалась неприкосновенность личности и имущества, в противном же случае у них будет взят скот. Турки слушали с огромным вниманием, а затем сложили вне деревни оружие, которое оказалось старое, по преимуществу кремневое и никуда не годное. При подходе командира Драгунской бригады герцога Е.М. Лейхтенбергского старшина деревни, предупрежденный, что едет племянник русского императора, «еще издали стал подходить к нему с поклонами, прижимая руку то ко лбу, то к сердцу, то касаясь ею земли, и, наконец, поцеловал стремя герцога — что служило доказательством высокого уважения и покорности». Бригада расположилась на ночлег. Но выстрелы по русским фуражирам доказали, что «турки не так-то легко покоряются судьбе и силе». Для наказания стрелявших были посланы спешенные драгуны, которые окружили дом, из окон и дверей которого турки продолжали стрелять. Драгуны вошли в него, ранили при этом четырех человек, среди них оказалась и женщина. А другой дом пришлось поджечь. Жителям пригрозили спалить всю деревню, если они не выдадут оружие «до последнего кинжала». И тогда они сдали всё годное, хорошее оружие, которое на следующий день было отослано начальнику Передового отряда. После чего население вышло из деревни и

расположилось у бивака в поле вместе с женами, детьми и домашним скарбом, какой им удалось с собой вынести. В наказание за стрельбу из деревни было забрано небольшое стадо (40 голов рогатого скота). Раненную женщину (в ногу) турки не дали перевязать русскому фельдшеру¹².

Ранение турчанки не произвело на офицеров сильного впечатления. Подобное равнодушие к страданиям женщины, которое было бы невозможно на европейском театре войны, объяснялось Чичаговым религиозным различием и проявлявшейся на каждом шагу ненавистью турок к русским¹³. «Поверьте мне, — говорил переводчик, — и вы со временем убедитесь, что с турками иначе нельзя поступать, как самыми крутыми мерами... Стóбит вам только повесить двух или трех человек, и они сразу делаются ягнятами. Для турок есть одно наказание — смертная казнь». Чичагов не мог согласиться с этим мнением, поскольку высказавший его был «естественным врагом турок». «Нельзя же в самом деле в каждом селении вешать по несколько человек: это, пожалуй, обратится в конце концов в палачей»¹⁴.

Следующий день Драгунская бригада провела на биваке у Батака. Жители селения по-прежнему сидели по соседству, в поле. Чичагов, пригласив переводчика, направился к группе турок с целью что-нибудь у них разведать. О турецких войсках в Тырново местные жители ничего не сказали, но в свою очередь попытались выяснить, сколько простоят в их селении драгуны, объяснив, что они боятся, что болгары их перебьют, так как у них отобрано всё оружие. Чичагов успокоил мусульман, заверив, что им на смену придут другие русские войска¹⁵.

По пути 4-ю Стрелковую бригаду и штабных офицеров нагнал генерал-лейтенант Гурко — «коренастый, небольшого роста генерал с резким голосом и резкими манерами, очень деятельный, неутомимый и, — это главное его в моих глазах качество, — не боящийся ответственности и не ожидающий вечно и во всём приказаний свыше»¹⁶, — высказал свое мнение о командире князь Церетелев.

В 10 часов стрелки были у д. Батак. Турки, человек сорок, забились в один двор. В самой деревне «хозяйничали дружинники, и под их покровительством “братушки” из соседних дере-

вень выгаскивали из несторевавших турецких домов ковры, одеяла, корыта, разную рухлядь. На некоторых дворах были устроены временные хлебопекарни, жарили кур и гусей. В мечети были сломаны перила, сорвана люстра, священные сосуды и книги валялись на полу». Информация о безудержном грабеже Батака дошла до генерал-майора Цвезинского, командира 4-й Стрелковой бригады, который приказал немедленно выслать туда офицерские патрули, и к вечеру порядок был восстановлен. В Батаке были оставлены патрули, и турки, собранные в четырех домах, решались уже выходить на улицу¹⁷. Князь Церетелев также свидетельствовал, что селение было «беспощадно разграблено шедшим вслед Болгарским ополчением»¹⁸.

Подпоручик Кисов рассказывал о стоянке дружин Болгарского ополчения у Батака несколько иначе. Слух о прибытии ополченцев привлек в эту деревню множество болгар из соседних селений. Они несли или везли с собой: «кто бочки вина и водки, кто хлеба и пироги, а кто масло, сыр и ягнят — всем хотелось покормить “свое войско”». Они жаловались на зверства турок, особенно батакских, — те грабили имущество, отбирали скот, а двое показали на нескольких турок, недавно убивших их родных. За эти преступления, а также за стрельбу по драгунам шесть батакских турок были приговорены к расстрелу. Взвод ополченцев привел приговор в исполнение¹⁹.

25 июня, чтобы собрать точную информацию о числе турецких войск в Тырново, генерал Гурко решил произвести усиленную рекогносцировку, в итоге обратившуюся во взятие этого города. Чичагов находился на высоте, на которой стояла 16-я конная батарея подполковника Ореуса и с которой открывался прекрасный вид на Тырново. «В городе заметно было сильное движение: кучки людей перебегали через улицу, некоторые стояли на крышах. Несмотря на это, трудно было сказать, есть ли в нем неприятель. Тырновские болгары, видя отлично из города, что противник, поражаемый огнем нашей батареи и драгунов, которые смело наступали, не выдержал и стал отходить на кладбище и далее на восток, ударили в набат и стали посылать нам различные возгласы радости и махать платками. Момент был торжественный: звон колоколов, грохот орудий, трескотня оружейной пальбы, радостные

возгласы болгар, выбегающих к окраине города, всё смешалось в один радостный и чудесный гул!»²⁰ — вспоминал Чичагов.

В Тырново было сосредоточено около 5 батальонов пехоты (низама), 400 чел. арнаутской кавалерии и 6 горных орудий²¹, т.е. более 3 тыс. турок, которые бежали от русского отряда в 800 человек. В захваченном турецком лагере нашли громадное количество оружия, боевых и продовольственных припасов, а также роскошно вышитое золотом с изречениями из Корана знамя, которое валялось на земле²².

В историографии известен рассказ полковника Генерального штаба М.А. Газенкампа о радостной встрече главнокомандующего великого князя Николая Николаевича в Тырново²³. Но это торжество заранее готовилось, а вступление драгун и казаков 25 июня 1877 г. было неожиданным — тем искреннее явились выражение чувств и проявление эмоций. Полковник Нагловский вспоминал: «Невозможно описать того восторга, того взрыва радости, с которым был встречен вход наших войск в Тырново. Весь город выбежал к нам навстречу. Мужчины и женщины целовали руки, ноги и даже лошадей генерала Гурко и его свиты. Букеты и цветы сыпались со всех сторон, всюду раздавались крики: “Да живе Россия!”, “Да живе император Александр!””, “Вы наши спасители, турки высосали всю нашу кровь!”. Аплодисментам с криками “ура!” не было конца. Словом, всякое описание этого взрыва общего восторга будет несравненно слабее действительности»²⁴.

Всё духовенство города вышло навстречу войскам с хоругвями и образами. Генерал Гурко направился прямо в собор, «если можно так назвать простой дом с крестом на крыше», — комментировал Чичагов. Здесь собралась громадная толпа народа. В соборе был отслужен благодарственный молебен и провозглашено многолетие государю-императору и всему царствующему Дому и русскому воинству. «Молебен прошел очень шумно, так как взволнованные радостью болгары, не будучи в состоянии прийти в себя, беспрестанно входили и выходили из церкви, подпевали дьячку и громко разговаривали»²⁵. Из собора генерал Гурко и его свита проехали в конак, где болгары приготовили угощение. Гурко остановился в доме болгарского архиерея. В самом Тыр-

ново расположился гвардейский полуэскадрон, а бивак отряда разместился за городом.

В этот памятный день 25 июня отряд преодолел около 50 верст в жару по необычайно трудной дороге, не сходя с коней ровно 14 часов. Лошадей не только не кормили, но даже не расседывали. Люди также не ели целые сутки²⁶. Церетелев свидетельствовал: «Дело завершилось блистательно. Но видя, как нас мало, болгары немного струхнули...». Турки бежали, но всё-таки их было втрое больше, и они могли вернуться. Немедленно все ординарцы, сделавшие уже в этот день около 80–90 верст, были разосланы в разные направления²⁷, чтобы подтянуть в Тырново: 4-ю Стрелковую бригаду, три болгарские дружины, Сводную бригаду князя Н.М. Лейхтенбергского и Донскую бригаду полковника Чернозубова.

В беседах с местными жителями начальник штаба Передового отряда Нагловский узнал, что со дня перехода русских войск через Дунай всё христианское население города жило в страшной тревоге. С одной стороны, они с нетерпением ожидали прихода русских, а с другой, — боялись зверств турок, которые пообещали им при приближении русских сжечь Тырново и поголовно перерезать всех болгар. Поэтому все эти дни население жило взаперти, припрятав в погреба и более безопасные места всё свое имущество. Выходили на улицу только в случае самой крайней нужды. Никто не ожидал русских 25 июня. После 12 часов через город промчались арнауты, вопя, что 30 тыс. русских сейчас ворвутся в город. Паника была столь велика, что даже каймакам Тырново Саиб-паша покинул город пешком, так как лошадь у него увели²⁸.

Гвардейский полуэскадрон, как упоминалось выше, оставался в городе: он должен был охранять турецкий лагерь, пороховой погреб и спокойствие жителей. Но он оказался в затруднительном положении, поскольку из-за малочисленности ему практически невозможно было выполнить охранную функцию по отношению к турецкому населению и его имуществу: «всё болгарское население города устремилось в турецкий квартал. Замки у домов, оставленных хозяевами, были сломаны, окна разбиты, имущество расхищалось, целые семьи болгар с женами и детьми занимались перетаскиванием вещей из турецких домов в свои»²⁹.

Тырново, несмотря на свое живописное местоположение, как и все восточные города, был грязен, его улицы были узки и плохо вымощены. Чичагов отметил, что жители носили европейский костюм и вели «полуевропейскую жизнь». Он познакомился с двумя болгарами, окончившими курс в русском Технологическом институте. Офицеров особенно поразила простота обхождения болгарских женщин, которые «вместе с тем возбуждали уважение к себе». Чичагов считал, что взятие Тырново было важно еще и потому, что «этот город есть гнездо интеллигенции Болгарии»³⁰.

27 июня в Тырново торжественно вошли 4-я Стрелковая бригада и Болгарское ополчение. Нельзя не привести воспоминания начальника штаба Болгарского ополчения Рынкевича о впечатлениях этого знаменательного дня и марша ополченцев по улицам Тырново: «С нескрываемым восторгом смотрело население на смуглые, красивые лица болгарских юнаков, стройно и молодецки идущих за знаменем св. Кирилла и Мефодия. В первый раз улицы болгарского города огласились звуками свободной болгарской песни: “Напред, напред, на бой да вървим!” (“Вперед, вперед, на бой идем!” — *М. Ф.*), певшейся сильными и мужественными голосами болгарских охотников. Какое-то совершенно новое, горделивое и вдохновенное чувство отражалось на лицах населения при звуках этой воинственной и гармонической песни и при виде красивых молодых, взявшихся за оружие во имя освобождения прекрасной родины от векового рабства. Болгары с гордостью смотрели на свое красивое, хорошо одетое ополчение и любовались им, как бы сознавая свою силу»³¹.

У конака был отслужен молебен, затем генерал Гурко произнес речь, которую перевел для горожан и ополченцев подпоручик Кисов. «Гостеприимству болгар не было предела: они сами искали случай услужить нам хоть чем-нибудь». «Болгары выбрали немедленно» городской совет и «очень удачно продовольствовали весь наш отряд»³², — подчеркивал князь Церетелев. «Три дня кормили даром»³³, — докладывал генерал-лейтенант Гурко великому князю 29 июня.

Штабс-капитан Иванов узнал, что в Тырново имелось два 4-классных училища и одно приготовительное. Группу офицеров-стрелков пригласили посетить женское училище, где собралось

много интеллигентных болгарок. Учительница произнесла по-русски приветственную речь и поднесла гостям цветы. Офицерам показали и тюрьму, в которой в 1876 г. томились учителя, закованные в кандалы. В книжной лавке офицеры обнаружили «Капитанскую дочку» А.С. Пушкина, переведенную на болгарский язык. Улицы были переполнены ликовавшим народом, который, провозглашая тосты за императора и главнокомандующего, желал иметь великого князя Николая Николаевича своим князем³⁴. Но наряду с этим шло «разграбление мечети и брошенных турками домов. В реке Янтре плавали трупы убитых болгарами турок»³⁵, — вспоминал Иванов и другую сторону этого торжества.

Город принаряжался к встрече главнокомандующего Дунайской армией и вскоре стал походить на прекрасный сад: все дома потонули в зелени и флагах³⁶.

А Передовой отряд между тем готовился к новому походу, но распоряжения об этом до времени сохранялись в тайне³⁷. В штабе армии имели достаточную информацию о балканских проходах, было известно, что Шипкинский перевал был укреплен и занят несколькими таборами (батальонами) турок. Генерал Гурко выбрал маршрут через Хаинкиойский перевал (или Хаин-Богаз), который находился «в более пониженной части Великих Балкан». Через этот перевал проводники опасались водить путешественников и грузы из-за страха перед разбойниками, так как здесь отсутствовала турецкая стража³⁸. Князь Церетелев нашел проводника Хаджи-Стоя, который сам ездил когда-то этой дорогой. 29 июня небольшой отряд (сотня уральских казаков и сводно-саперная сотня) под командованием генерала Рауха был направлен для рекогносцировки всего ущелья и для дорожных работ в наиболее трудных местах. Церетелев с несколькими проводниками спустился вниз, где наткнулся на трех женщин из с. Хаинкиоя. Их нельзя было задержать, что произвело бы переполох в селении. Поэтому им строго-настрого запретили говорить о том, кого они увидели в ущелье. Отряд еще два дня находился в ущелье, приходили жители помогать расчищать дорогу, приносили провизию и информацию о турках, и никто не выдал русских. Хаджи-Стоя был направлен в Хаинкиой, откуда он доставил письменные сведения о числе турок в соседних селениях³⁹.

Но вернемся на несколько дней назад, а именно в 28 июня, в Тырново. Болгарские жители из деревни Кадыккой заявили, что там, а также в окрестных деревнях Трембеш, Власица, Лефедзи и других появляются турецкие отряды, которые грабят и режут местных жителей. Гурко предписал герцогу Е.М. Лейхтенбергскому направить туда сильный разъезд и, если не отобрать, то разогнать обоз турок, которые бежали из Систово. Эскадрон драгун в схватке с табором башибузуков потерял двух человек убитыми и двух ранеными. Из монастыря Св. Петра монахи принесли гробы для погибших драгун, поставили на них свечи и украсили цветами. Полковой священник отпевал воинов в присутствии герцога и всего полка. Болгары были глубоко тронуты. Во время отпевания женщины плакали. «За нас, за болгар убиены», — сказал монах, «желая этим показать, что они чувствуют и понимают, что Россия для них делает»⁴⁰, — отмечал Чичагов.

30 июня Передовой отряд оставил Тырново за несколько часов до прихода туда бригады 9-й пехотной дивизии генерала Дерожинского и до приезда великого князя главнокомандующего. Штабс-капитан 14-го Стрелкового батальона Иванов рассказал о своем разговоре с вольноопределяющимся Михневичем, который, проходя мимо мельниц, полей и пастбищ, поражался богатству болгар: «Печаталось в наших газетах, что в Болгарии народ угнетен, подавлен, бедный народ. Какими жалкими представлялись мне “братушки” до ближайшего знакомства с ними... Читая о разных ужасах, я назлектризовался до того, что не мог усидеть дома. Ничто не могло удержать меня в семье, ни слезы матери и сестры, ни советы добрых знакомых... Я поехал в Бессарабию, чтобы поступить охотником в ряды солдат... Я не жаждал чужой крови... Я хотел пролить свою». И Михневич ее пролил, — вскоре он был убит на Шипке⁴¹.

У деревни Плаково назначили привал и варку пищи для нижних чинов. Стрелки высоко оценили заботу генерал-лейтенанта Гурко о воинах, поскольку в роты раздали баранов и свежее испеченный болгарский хлеб. Именно Гурко приказал генералу Рауху, чтобы тот обязал местное население приготовить «нужное для отряда количество порционного скота и возможно большее количество печеного хлеба»⁴². Но с последним дело обстояло хуже,

поскольку окрестные деревни были малонаселенные. Во время пути по горному дефиле жители встречали войска и приносили и на себе, и на ослах хлеб, но его было недостаточно. Так, 30 июня не более трех батальонов получили выпеченный хлеб, а остальные отряды остались в тот день без него. Жители не хотели брать денег за привозимый ими провиант, но генерал Гурко настоял, чтобы они получили причитающиеся им деньги⁴³.

В 17 часов, когда жара уже начинала спадать, 4-я Стрелковая бригада выступила с привала у д. Плаково. «“Братушки” безучастно провожали глазами проходивший мимо Гурко через деревню отряд. Некоторые, впрочем, угощали стрелков сливами и водой», — отмечал Иванов. Вероятно, впервые стрелки не увидели ликующих лиц болгар, которые бы радостно выходили на улицу с водой, виной и дарами, чтобы приветствовать русских воинов. Контраст с Тырново и прежде пройденными болгарскими селениями был разителен. Иванов даже сделал акцент на том факте, что деревня была вовсе не бедной⁴⁴. Разумеется, стрелки, преодолевая по страшной жаре большие расстояния и готовясь к будущим сражениям с турками, не брали в расчет, что через эту деревню с 28 июня прошло уже достаточное число русских, что все жители были задействованы в приготовлении хлеба для солдат, и что первый всплеск чувств прошел и эмоции притупились, а дополнительной работы было много.

Подъем на перевал от д. Паровцы был очень тяжел, артиллерия поднималась с огромным трудом, два конных орудия оборвались и вместе с лошадьми упали с кручи, но всё обошлось благополучно — наверх вытащили и орудия, и лошадей. Спуск с горы был очень крут, затем узкая тропа вилась вдоль ручья, и ее расширяли саперы, делая пригодной для движения обозов. Последние 6–8 верст по ущелью перед выходом в долину оказались почти непроходимыми для обозов и 9-фунтовых орудий⁴⁵, сообщал Гурко главнокомандующему. Этот участок дороги впоследствии расширяли и улучшали, чтобы по ней могла проходить артиллерия, и привлекали для работ болгар. 10 июля полковник Депрерадович встретил здесь значительную партию болгар, работавших под наблюдением «известного в летописях Болгарии» воеводы Панайота Хитова. «Но должно быть чорбад-

жие не имеют достаточного нравственного влияния на своих сограждан, так как русское начальство распорядилось придать им в помощь казаков», — отмечал Депрерадович. На все расспросы полковника о рабочих-болгарах казак, который здесь же трудился, лаконично отвечал: «Лодырь народ, ваше высокоблагородие, как нагайкой пристращаешь, так и работает, а не досмотришь, сейчас под куст да и спать!»⁴⁶ Командир 5-го саперного батальона полковник Д. Т. Свищевский 13 июля сообщал полковнику Н. Д. Артамонову, штаб-офицеру над вожатыми в полевом штабе действующей армии, о том, что «дорогу исправили, насколько возможно». П. Хитов «прилагал старание к отысканию болгар-рабочих, но много нельзя было найти, и весь труд ложился на одних саперов». Свищевский старался быть к Хитову внимательным и делал всё, чтобы показать ему свое расположение, поскольку тот выказывал «усердия и готовности» настолько, что «заслуживает полного одобрения и поощрения». Полковник просил и Артамонова выразить Хитову благодарность, а также «засвидетельствовать перед начальством о его службе нам»⁴⁷.

Унтер-офицер 15-го Стрелкового батальона Феодосий Плукотников вспоминал, что во время следования по Хаинкийскому проходу к отряду присоединялись болгары в полном ратном вооружении: каждый на лошади, с ружьем, револьвером, кинжалом и по несколько ножей у каждого. Он насчитал около 100 болгар. «Вот нам и помога будет», — передавал он мысли стрелков, глядевших «на воинственных “братушек”»⁴⁸.

Утром 2 июля 1877 г. авангард Передового отряда благополучно вышел из ущелья за Балканы у д. Хаинкией, где застал почти врасплох два табора турецкой пехоты. Весь лагерь, с еще горячей пищей, достался стрелкам. Пленные были переданы болгарским дружинам. Офицерам и ополченцам было очень обидно за явное недоверие со стороны генерала Гурко к ополчению, которое «шло впереди до перевала, а со спуска вперед ушли стрелки»⁴⁹, — досадовал Кисов. Но Гурко в своем рапорте главнокомандующему от 3 июля 1877 г., сообщая «о неимоверно тяжелых трудностях» во время перехода по малоразработанному горному проходу и о том, что «только русский солдат мог пройти в три дня и провести полевые орудия по столь тяжелому ущелью»,

добавлял, что «болгарское ополчение нисколько не отставало от остальных солдат в деле преодоления трудностей движения»⁵⁰. Таким образом, Гурко был внимателен к новому формированию.

2 июля авангард Передового отряда имел дело с четырьмя батальонами турок, разбросанными в окрестностях д. Хаинкиойя. Турки отступили в Иени-Загру. Генерал-лейтенант Гурко распорядился, чтобы все жители, как д. Хаинкиойя, так и других окрестных деревень, напекли за деньги хлеба, сколько кто может⁵¹.

Корреспондент газеты «Русские ведомости» М.П. Федоров, следовавший вместе со стрелками, расположился на ночлег в Хаинкиойе, но хозяева «были не так гостеприимны»: хозяйки бегали от непрошенных постояльцев и, «запираясь в хате, не пускали даже в дверь». Выяснилось, «что с одной стороны, болгары-дружинники и казаки слишком бесцеремонно пользовались гостеприимством крестьян, причем особенно досталось курам, а с другой — сами крестьяне растащили всё, что можно было найти в домах бежавших турок и в оставленном лагере, и, боясь, чтобы вещи не были отобраны, запирали хаты»⁵². Журналист подчеркивал, что «мародерские способности» у волонтеров-ополченцев оказались «преобладающими, везде по дороге они бесцеремонно грабили и турецкие хаты, и хаты своих же “братушек”». Дошло до того, что начальник нашего отряда генерал Гурко приказал объявить им, что первого, пойманного в грабеже и воровстве, прикажет расстрелять»⁵³.

Впечатление, произведенное выходом Передового отряда в долину Тунджи, было огромно: в Константинополе началась паника («...государство поставлено между жизнью и смертью», — было сказано в депеше султанской канцелярии от 2 июля), было решено сменить военного министра Редифа-пашу, главнокомандующего Абдул-Керима, а на подступах к османской столице начали возводить укрепления. Из Черногории срочно была вызвана армия Сулеймана-паши⁵⁴.

4 июля Передовой отряд, оставив заслон на позиции у д. Хаинкиойя для защиты выхода из ущелья (четыре болгарские дружины, четыре горные орудия и шесть сотен казаков), двинулся двумя колоннами к Казанлыку. Блестящей победой закончилось ожесточенное сражение у небольшой деревушки Уфлани с пятью

батальонами пехоты под начальством Рашид-бея, занимавшими хорошо укрепленную позицию.

Корреспондент Федоров сообщал, что во время сражения 4 июля болгарским дружинам, остававшимся сзади в резерве, было приказано пройти цепью за наступавшим отрядом, чтобы подобрать раненых. Журналист отмечал, что они это делали не ответственно, поскольку он сам, приехав на перевязочный пункт, по дороге уже сзади их цепи нашел одного раненого. «А между тем ополченцы занимались весьма не похвальным обыскиванием убитых турок, в чем им помогали и местные “братушки”». Федоров утверждал, что дружинники не пользовались «никаким уважением ни от солдат, ни даже от своих офицеров». «Последние прямо говорят, что еще можно выбрать из каждой роты человек 60 не больше, а остальные хоть бы и разбежались, так горя бы мало было»⁵⁵.

Известие о разгроме турок при Уфлани, быстро распространившееся по всей долине Тунджи, произвело «потрясающее впечатление на турецкие войска, собранные у Казанлыка и Шипки, и породило между ними панику»⁵⁶, — свидетельствовал начальник штаба Нагловский. В числе пленных, взятых в этом сражении, был каймакам г. Казанлыка, присланный пашой для наблюдения за ходом боя. Впоследствии болгары из Казанлыка рассказывали, что каймакам отличался большой свирепостью.

Подпоручика Кисова назначили конвоировать пленных турок в Тырново, что вызвало его недовольство, но ему удалось освободиться от этого поручения, которое было заменено на другое: отправиться с командой по селам за провиантом. С 20 дружинниками подпоручик направился в с. Юртчи, расположенное в шести верстах от бивака у Хаинкиойского прохода. При виде этого отряда жители испугались и попрятались, но увидев, что это не турки, вышли навстречу своим соплеменникам. Кисов объявил собравшимся у церкви крестьянам о цели своего прихода. Последовали распоряжения со стороны старшин, и были посланы люди в соседние деревни с просьбой к жителям доставить войску припасы. На следующий день в деревне были собраны продукты (25 баранов, несколько голов крупного рогатого скота и проч.). Только один старик, принеся провиант, не проявил энтузиазма,

а стоял задумавшись и равнодушно смотрел на всех. На вопрос Кисова, почему он не радуется своему освобождению, тот в свою очередь задал вопрос, сколько продлится время этой свободы. В свои 84 года он не раз видел «дядо-Иванови войски», 48 лет тому назад ему также говорили, что болгары освобождены, но русские уходили, а они оставались в руках турок. Кисов тогда рассказал поселянам о речи императора Александра II в Зимнице и о том, что именно он, Кисов, переводил слова царя болгарским ополченцам. Бывшие с Кисовым дружинники подтвердили его слова, и это успокоило крестьян⁵⁷.

На 5 июля была назначена атака на Казанлык, который находился в 10 верстах от бивака. Князя Церетелева послали вперед парламентаром, чтобы внушить туркам необходимость сдать город и избежать артобстрела, но те начали стрелять в парламентаря. Энергичное наступление русских на Казанлык тремя колоннами вынудило турок оставить его и, бросив артиллерию, искать спасение в горах. Тогда жители вышли с белыми флагами. Князь Церетелев объявил депутатам условия сдачи города. Затем он хлопотал, чтобы помешать грабежу и поставить часовых⁵⁸, в первую очередь, к мечети и лазарету, в которых обнаружили большие склады продовольствия и военных припасов.

Поручик Чичагов вспоминал, что «город был в полном переполохе», когда кавалерия «пролетела» через Казанлык. Там и тут мелькали перед драгунами «кучки болгар, вооруженных одними палками и окружавших пленных солдат, как драгоценность, чтобы передать их нам», или толпы тех же болгар, собравшихся выразить нам свою благодарность и провожавших нас возгласами радости». Солдаты отвечали им на ходу «ура!». Через несколько минут русские кавалеристы были уже далеко за городом, но неприятеля нигде не было видно: «он бежал точно так же, как и те пять таборов, которые встретились накануне»⁵⁹.

К 13 часам к городским воротам подъехал генерал Гурко со свитой. Ему навстречу вышло почти всё мусульманское население с просьбой пощадить их как не принимавших участие в обороне города. Генерал гарантировал им неприкосновенность имущества при условиях, что они выдадут всё оружие, не будут обижать христиан и в городе не будет произведено ни одного

выстрела по русским. Поручив исполнение его приказа относительно выдачи оружия муллам и более влиятельным горожанам, генерал Гурко, оставив турецкий квартал, въехал в болгарский. Как и в Тырново, встреча, оказанная ему в Казанлыке, «была самой восторженной», свидетельствовал Нагловский.

Город Казанлык «по своей опрятности принадлежит к одним из лучших маленьких городков Болгарии», — отмечал Чичагов. «Болгарская или европейская часть города снаружи почти утратила восточный тип и состоит из ряда плотно стоящих друг к другу домов с большими окнами, выходящими на улицу. Турецкая же часть города так и дышит Азией»⁶⁰.

Высланные во все стороны разъезды нигде турок не находили, так как они бежали в горы. «Вооружившиеся болгары зато доставляли их целыми десятками. Неприятель потерял в этот день три орудия, 300 человек пленными и большие запасы продовольствия. Таким образом, на долю кавалерии Передового отряда выпала завидная доля занять второй турецкий город»⁶¹, — подводил итог сражения Чичагов. Выяснилось также, что английский консул в Казанлыке бежал вместе с отступавшими турками за час до прихода Передового отряда⁶², сообщал Гурко главнокомандующему.

Проехав через весь город, генерал остановился в женском монастыре. Отслужив молебен в церкви, он обратился к игуменье с просьбой о принятии русских раненых. Игуменья и все монахини были в восторге, они окружили их заботой и обеспечили им самый старательный, самый усердный уход. Унтер-офицер 15-го Стрелкового батальона Плокотников, тяжело раненный в сражении при Уфлани, удостоверял: «С какой материнской любовью приняли нас монахини!»⁶³. Кроме того, сюда приходили болгарки с едой, около каждого раненого находилось по 10 ухаживавших. 10 июля был снаряжен транспорт (22 телеги) с больными (60 человек) в Тырново⁶⁴. Монахини просили не отсылать их до полного выздоровления. «Это наши раненые, мы бы желали совершенно поставить их на ноги», — говорили они. «Но нельзя было исполнить эту просьбу в виду разных случайностей войны»⁶⁵, — прозорливо замечал полковник Нагловский.

А тем временем кавалерия, несмотря на то, что была в движении уже с 5 час. утра и, невзирая на страшную жару, заняла

д. Шипка, лежавшую при выходе из Шипкинского прохода в долину Тунджи. Турки, стоявшие здесь лагерем, двинулись было на подмогу к Казанлыку, но увидав русские войска, стали быстро подниматься в гору, на перевал, бросив свой лагерь: в нем были найдены большие запасы галет, риса, патронов и других боевых припасов, а также более 150 палаток⁶⁶, сообщал Нагловский.

Генерал Гурко догнал Драгунскую бригаду и вместе с ней уже подъезжал к д. Шипка. К вечеру сюда же подошли стрелки. «Ночлег был очень хорош, благодаря тому, что было найдено много соломы. Весь день стрелки питались сухарями с водой и сливами»⁶⁷, — писал Иванов.

В Шипке, большом в 300 дворов селении, проживало «чрезвычайно энергичное и развитое» болгарское население⁶⁸, отмечал Чичагов. По сведениям болгар, оказалось, что в Шипкинском проходе «сидят до 5000 турок с артиллерией», но наверху у них провианта мало, что их главные запасы размещались внизу, в лагере, и что турки заставляли болгар возить провиант наверх из этого лагеря⁶⁹. Несколько жителей были отправлены в Габрово, чтобы предупредить генерал-адъютанта князя Н.И. Святополк-Мирского, начальника 9-й пехотной дивизии, о планируемой атаке Шипки со стороны Казанлыка.

Первый штурм русскими турецкого лагеря, стоявшего на перевале Шипка, 6 июля был отбит не без использования со стороны турок восточного коварства. Застигнутые врасплох неожиданной атакой русских стрелков и пластунов, турки выслали парламентаря, чтобы оттянуть время и собрать свои силы, а затем нарушили договоренности и открыли огонь. 5000 турок и 12 орудий против горстки храбрецов, не имевших горных орудий! Впрочем, турки не преследовали отходивших к Шипке стрелков. Потери русских в тот день составили 150 человек убитыми и ранеными. Жители принимали в них живое участие: «женщины и дети носили воду, хлеб, вино, фрукты и угощали ими пострадавших»⁷⁰, — отмечал Чичагов.

В тот же вечер окольными путями из Габрово в Шипку пришли болгары с известием от полковника Э.Г. Эллерса, начальника штаба 9-й пехотной дивизии, о том, что 36-й пехотный Орловский полк произвел атаку 5 июля, но она была отбита. 7 июля

Гурко решил повторить штурм, придав отряду горную артиллерию, которая прибыла из Хаинкойя. Но турки опять прибегли к вероломству, прислав рано утром офицера с белым флагом, который привез письмо с условиями капитуляции, подписанное двумя бригадными генералами — Мехмед-Халузи-пашой и Ибрагим-пашой. В назначенное время (в 12 часов) к русским никто не явился. Около двух часов дня с горы спустились только 300 человек регулярной пехоты, офицер и доктор. Основные же силы турок сумели уйти на запад, вновь злоупотребив парламентским флагом⁷¹. В 16 часов приехал офицер Орловского полка с запиской от генерала М. Д. Скобелева, что он с тремя ротами уже занял гору св. Николая. Тогда Гурко отправился туда только со свитой и небольшим кавалерийским конвоем. «Въехав на верх горы, все были поражены торжественно угрюмым видом окружающего. Картина была великолепна»⁷², — с восхищением писал Нагловский. Гурко, осмотрев турецкую позицию, нашел ее «чрезвычайно крепкой и почти неприступной со всех сторон»⁷³.

Но все были потрясены видом убитых. «Многие из этих трупов до истязания их турками были еще живы, и мороз пробегал по всему телу при мысли о тех ужасных мучениях, которые эти несчастные перенесли перед своей смертью». (Трупы были частью обнажены, с вывернутыми пальцами, с выкрученными коленями и ступнями, с вырезанной местами кожей, отрезанными языками, выколотыми глазами.) Пирамида голов солдат (до 30), возвышавшаяся посредине позиции, приводила всех в ужас. «Повязка с красным крестом не спасла санитаря, лежавшего среди других. Возле него носилки и на них изуродованный труп, и, как бы живым доказательством нашего превосходства и врожденной в русском сердце доброты, в полуверсте от этого ужасного места, в какой-то корчме приютился наш перевязочный пункт, где наши врачи перевязывали турецких раненых, поднятых нашими же санитарями кое-где по оврагам!»⁷⁴ — писал капитан Мацкевич. И эти изуверства производились не башибузуками, а регулярными турецкими войсками. У большинства видевших эти ужасы невольно вырывались восклицания: «Отныне нет пощады туркам, отныне не будет больше пленных»⁷⁵.

Несмотря на негодование и боль от увиденного, русские воины не уподобились врагу, не озлобились, что доказывал случай, произошедший с есаулом Дукмасовым. 6–7 июля остававшаяся в Казанлыке кавалерия выполняла приказ по разоружению окрестных турецких селений. В одном из них около 60-ти вооруженных турок заперлись в мечети и открыли по казакам ружейную пальбу. Когда казаки сделали вид, что собираются поджечь мечеть, турки сдались. Болгары указали на 13 из них, обвиняя их в разных преступлениях, зверствах, убийствах и грабежах. Страшно возмущенный рассказами болгар о неслыханных варварствах и зверствах турок, Дукмасов, «под впечатлением минуты негодования», отдал болгарам «на расправу» этих преступников, которые немедленно были повешены. Поздно вечером «усталый физически и особенно разбитый нравственно», есаул вернулся в Казанлык на бивак. «Тени этих тринадцати повешенных турок не давали мне целую ночь покоя: мне всё мерещилось, что они окружают мою палатку и требуют объяснения за мой несправедливый, жестокий суд...», — переживал русский офицер о своем решении. Это происшествие дошло до сведения генерал-лейтенанта Гурко, который потребовал к себе Дукмасова для объяснения и распека его за самоуправство, а затем «отечески дал несколько теплых наставлений и предупредил, что если вперед повторится что-либо подобное, то он без колебаний отдаст» его под суд, и он будет расстрелян⁷⁶.

В Казанлыке по распоряжению Гурко был организован городской совет, в состав которого входили и два именитых турка. Комендантом города назначили майора П.Н. Попова, по мнению Депрерадовича, очень обязательного и любезного человека. В распоряжении майора имелась полсотня донских казаков. Ему вменялось в обязанность держать в повиновении турецкое население, прекратить грабежи и насилия со стороны болгар, ввести в городе административное управление и принять под свой контроль все турецкие склады. Начальник штаба Болгарского ополчения Рынкевич, прибывший в Казанлык 10 июля, положительно отзывался о деятельности коменданта города, отмечая, что «управление и полиция из местных жителей были уже организованы, и порядок в городе был лучше, чем можно было ожидать»⁷⁷.

Войска VIII корпуса заняли Шипкинский и Хаинкиойский проходы, обеспечив тыл отряда Гурко, который вошел с песнями в Казанлык.

«Что может быть приятнее попасть в город, на квартиру, и спать раздевшись после непрерывной бивачной жизни? Только в комнате и можно хорошо отдохнуть!» — писал Чичагов. Болгарин, хозяин дома, где остановились офицеры-драгуны, не знал, как им только услужить. «Ежеминутно отворялась дверь, и дочь хозяина вносила какое-нибудь угощение на подносе». Чичагов вспоминал, что местных деликатесов в Казанлыке было очень много: розовое варенье, красное вино, табак и превосходные фрукты. «Вообще все были вполне счастливы и блаженствовали эти дни»⁷⁸.

В Казанлыке вновь столкнулись с проблемой мародерства солдат. Генерал Гурко приказал оцепить место расположения войск и никого с биваков не выпускать. От каждой части был выслан в город офицерский патруль для ареста всех одиночных нижних чинов. 10 июля вышел приказ начальника отряда, согласно которому «всякий, пойманный в грабеже, на основании законов военного времени будет немедленно расстреливаем». Этот приказ был прочитан во всех ротах, эскадронах, батареях, сотнях и командах⁷⁹. 16 июля, перед выступлением в Иени-Загру, в приказе по Передовому отряду указывалось, чтобы те части войск, которые забирали бесплатно ячмень, мясо и другие продукты, теперь же заплатили бы за всё, забранное у жителей⁸⁰.

В Казанлык прибыло и Болгарское ополчение. Путь его проходил через большое болгарское селение Маглиш (Мыглеж), которое, в отличие от сожженных турецких сел, «стояло как полная чаша»⁸¹, — вспоминал подполковник Рынкевич. На следующий день в нем остановился полковник Депрерадович. Он отметил, что на улицах не было никакого движения: «всё закупорилось и позапиралось за солидно-сложенными высокими каменными оградами». Благодаря болгарскому проводнику в одном доме открыли ворота, и на вопрос русского офицера, зачем они запираются и кого боятся, хозяйка дома ответила, что боятся всех и всего: «И турок боимся, их после битвы под Казанлыком и Шипкой много бродит в горах, и русских казаков боимся, они требуют

от нас корму для лошадей, а кормов у нас нет, вот и запираемся!» Однако Депрерадовича угостили хорошо, поскольку хозяин дома знал семью тырновского проводника полковника. Через некоторое время раздался неистовый стук в ворота дома: это были казаки, «успевшие уже составить о себе в короткое время такую милую репутацию», — с досадой заметил Депрерадович. Он начал упрекать казаков, что «таким разбойничьим поведением они срамят доброе имя русского солдата». А казаки в свою очередь стали жаловаться на болгар: «От них добром ничего не получишь! День-деньской маешься в разъездах, приедешь в селение, все на запоре и нигде не пускают!». «Тоже, пожалуй, резон!»⁸² — не мог не согласиться Депрерадович с казаками.

При вступлении в Казанлык Болгарское ополчение было встречено духовенством и горожанами очень торжественно, «хотя мы и не были первыми из посетивших город»⁸³, — отмечал Кисов.

В Казанлык к генералу Гурко приезжали делегации болгар из Карлово, Филиппополя, Чирпана, Иени-Загры и других мест, лежавших к югу от Балкан, с приглашением занять эти города. «Болгары, видя наши неимоверно быстрые успехи, полагали, что нам стóит только куда-нибудь появиться, и неприятель перед нами разлетается в прах». Но чтобы исполнить все эти просьбы, нужно было иметь 100-тысячную армию⁸⁴, замечал Чичагов.

9 июля в войсках Передового отряда был прочитан приказ Гурко, в котором он благодарил солдат и офицеров за «геройскую службу» и выражал уверенность, что они докажут, что «русский солдат пришел сюда не для разорения и грабежа, а для защиты святого дела». «Вы покажете всему миру, — говорилось в приказе, — что мы поражаем только вооруженного врага и щадим жизнь и собственность безоружных. Только при этих условиях мы можем быть уверенными, что помощь Божия не покинет нас, и труды ваши будут увенчаны полным успехом»⁸⁵.

И как достойное завершение этой части похода последовали награждения и молебн (10 июля), для чего на площади монастыря были собраны взводы от всех частей войск. Присутствовали также герцоги Лейхтенбергские, Николай и Евгений Максимилиановичи, принц Александр Баттенбергский, штаб- и обер-офицеры

отряда и врачи. За взятие Тырнова генерал Гурко получил орден св. Георгия 3-й степени и звание генерал-адъютанта, а герцог Е.М. Лейхтенбергский — генеральские погоны. Привезенные 120 Георгиевских крестов (на весь Передовой отряд) были розданы самым достойным офицерам и храбрецам из нижних чинов⁸⁶.

После занятия Балканских проходов в штабе Передового отряда разрабатывали план следующих операций. Гурко знал о неудаче под Плевной, а также о перемещении корпуса Сулеймана-паши из Черногории на кораблях в Енос и по железной дороге в Адрианополь. Он предложил главнокомандующему активный план обороны Балкан занятием Эски- и Иени-Загры, для чего просил предоставить в его распоряжение отряд генерала Борейши и одну 9-фунтовую батарею.

9 июля в Казанлык приехали две депутации из Эски-Загры: одна — от мусульман города, другая — от христиан. Они призывали русские войска в свой город с мольбами защитить их: мусульмане — от грабежа и резни болгар, болгары — от гнева «взбесившихся событиями в Казанлыке мусульман»⁸⁷. Генерал Гурко пообещал скоро прибыть в город⁸⁸.

На следующий день в Эски-Загру был направлен 9-й Казанский драгунский полк, навстречу которому вышли жители города, а мусульмане сложили всё оружие⁸⁹. Дома в городе были украшены флагами и цветами, которые «сыпались без числа из окон и дверей на проходившие эскадроны». После молебна в церкви были расставлены караулы у мечети с боевыми запасами и назначен комендант города капитан Щеголев, в распоряжении которого был оставлен полуэскадрон для разъездов по городу. Полк расположился на биваке за городом⁹⁰. Однако приход русских, как оказалось, спровоцировал болгар на бесчинства. 10 июля капитан Щеголев докладывал: «Болгары производят страшный беспорядок, грабят дома и лавки, расхищают оружие, отобранное у турок. Часовые и патрули не в состоянии за всем усмотреть. Турки грозят зажечь город, если грабеж не прекратится. Я разослал почти всех людей, кроме необходимого числа для караула пленных»⁹¹. Нагловский писал, что в результате этих беспорядков «многие мусульмане и болгары заплатились жизнью»⁹². На другой день по прибытии в город дружин Болгарского ополчения

им были переданы караулы в городе, и 9-й Казанский драгунский полк в 16 часов выступил на Кечерли, 12 июля разрушил железнодорожную станцию у с. Каяджик, арестовал ее начальника, взял кассу (15 золотых лир и 200 штук серебряной монеты), депеши и по возвращении всё сдал генералу Гурко⁹³.

11 июля в 15 часов в Эски-Загру вошли генерал Гурко со штабом и князя Лейхтенбергские с Киевским гусарским полком. «Не было предела радости и восторга! Всю дорогу болгары нас провожали, бросая под ноги цветы и венки»⁹⁴, — вспоминал Чичагов.

Герцоги Лейхтенбергские со штабом поселились в роскошной квартире в несколько больших комнат. Болгарин, хозяин дома, поспешил представить свое семейство, состоявшее из жены, взрослого сына и дочери. «Сын оказался воспитанником одной из константинопольских школ и порядочно говорил по-французски»⁹⁵, — вспоминал Чичагов.

До Эски-Загры постоянно доходили слухи о приближении турецких войск, и турки, жители города, «из униженных, подавленных, не смевших показаться на улицу, ... обратились в гордых, смелых и страшавших болгар предстоящим мщением», — отмечал Чичагов. Но болгары верили в силу русских и «затуманенные новой жизнью, открывшейся» с появлением русских войск, «не обращали внимание на них, держа себя, однако же, начеку». 13 июля по казакам, проезжавшим мимо турецкого квартала, было сделано несколько выстрелов. Депрерадович описал «необычайную тревогу», поднявшуюся в болгарском квартале при этой стрельбе. Во всей этой «фальшивой тревоге» полковника «неприятно поразило неудержимое чувство панического страха, которое овладевает населением при одном только крике “черкесы!”». Впрочем, «нужно отдать справедливость молодым парням, вооруженным винтовками: все они бросились на выстрелы, то есть навстречу мнимому неприятелю!»⁹⁶ — замечал Депрерадович.

Чичагов делился своими впечатлениями по поводу этого инцидента. «Всегда готовые к мести», вооруженные болгары тут же прибежали к месту происшествия и, убив двух, попавшихся им на глаза турок, еще до прибытия дежурной роты Болгарского ополчения, окружили турецкий квартал, поставив по два челове-

ка с ружьями у каждых ворот и дверей. Генерал Гурко, получив донесение об этом, приказал тотчас же казнить виновных. Болгары повесили шесть человек⁹⁷.

Чичагов не одобрял этот страшный самосуд: «Казалось, что только одни болгары с их пятивековой ненавистью могли совершать эти казни со злорадством и хладнокровием». Но русский офицер вспоминал изувеченные тела русских воинов на Шипке, множество раненных болгарских женщин и детей, и негодование его стихало, уступая чувству признания торжества расплаты: «По делам попало туркам! Око за око, зуб за зуб!»⁹⁸

По прибытии в Эски-Загру обоих драгунских полков из рейда к железнодорожным станциям* 13 июля генерал Гурко двинулся обратно в Казанлык с конвоем одной сотни казаков. Весь отряд, состоявший из 4 батальонов, 15 эскадронов и сотен, 4 горных и 6 конных орудий, остался в Эски-Загре. Начальником этого отряда был назначен герцог Н.М. Лейхтенбергский, а начальником кавалерии в отряде — его брат, герцог Евгений Максимилианович. В задачи отряда входили: охрана выхода из Эски-Загрского ущелья, сбор сведений о неприятеле и отдых кавалерии⁹⁹.

Генерал-адъютант Гурко, получив сообщение о том, что в Карабунаре (станция железной дороги на Ямбольской ветви, к северу от Семенли-Тырново) собирается армия Сулеймана-паши, решил атаковать ее по частям, не дав ей собраться¹⁰⁰. Присоединение бригады генерала Борейши к отряду было расценено Гурко как свидетельство того, что и весь VIII армейский корпус начинает переходить Балканы, а это внушало надежды на новые победы, полагал Нагловский.

Гурко, намереваясь захватить Иени-Загру, приказал 17 июля Эски-Загрскому отряду (правая колонна герцога Н.М. Лейхтенбергского) перейти в окрестности Карабунара, Казанлыкскому (средняя колонна генерал-майора Рауха, с которой шел и сам генерал Гурко) — в с. Чайнакчи, а Хаинкиойскому отряду (левая колонна генерал-майора Борейши) — в с. Лоджа с тем, чтобы 18 июля тремя колоннами атаковать и взять Иени-Загру.

* 9-й Казанский драгунский полк совершил кавалерийский налет на железнодорожную станцию Каяджик. 8-й драгунский Астраханский полк разрушил ветку железной дороги из Ямбола в Адрианополь у станции Карабунар.

Сулейман-паша решил атаковать Эски-Загру (где, как он полагал, стоят главные силы Передового отряда), куда и приказал двинуться дивизии Реуфа-паши (13000 человек, 24 орудия). «Таким образом, 17 июля оба противника произвели одновременно фланговые марши: русские — на юго-восток, турки — на северо-запад»¹⁰¹.

18 июля Гурко разбил противника (5 таборов, 6 орудий и 2.000 черкесов) у Иени-Загры. А город был сожжен турками. «В турецком лагере было брошено много оружия и припасов. У вокзала стоял целый поезд, но без паровоза, нагруженный огнестрельными припасами и провиантом». После отхода русского войска на поле сражения «начали хозяйничать болгары, скрывавшиеся в горах. Забирали оставленное турками в шалашах имущество, разгружали вагоны и увозили к себе на каруцах»¹⁰², — рассказывал штабс-капитан Иванов.

17 июля отряд герцога Лейхтенбергского выступил из Эски-Загры на Иени-Загру, но у с. Джуранлы, встретив сильный турецкий отряд, вернулся назад. 18 июля не удалась и вторая попытка прорваться к Иени-Загре. Вечером русский отряд занял позиции у Эски-Загры. Чичагов свидетельствовал: «Паника в городе была полная: тысячи людей начали уходить из Эски-Загры к Казанлыку. Ущелье не позволяло им быстро уходить: вся эта масса народа скопилась у входа в него. Неловко было поехать в город, где неминуемо к вам обратятся с вопросами, на которые не сможешь и ответить. Сказать прямо: “Бегите, спасайтесь!” — неудобно, когда мы еще не дрались за них; сказать же им: “Обождите, есть еще время”, — опасно, это взять на себя слишком большую ответственность, потому что обстоятельства могут вдруг в полчаса совершенно перемениться, мы можем быть легко раздавлены. Кругом, полосой верст на 10, видны бивачные неприятельские огни. Ясно, что против нас целый неприятельский корпус»¹⁰³.

Но от Гурко прискакал гонец с радостной вестью о том, что Иени-Загра взята и что завтра рано утром к отряду герцога присоединится весь отряд Гурко. «Всё ожило и приободрилось»¹⁰⁴. Депрерадович, исполняя должность коменданта Эски-Загры, объявил о созыве городского совета в конаке 19 июля. Именно со второго этажа конака на следующее утро полковник увидел

значительные массы турецких войск, двигавшихся к городу. «Сердце шемило за исход далеко не равного боя. Волосы поднимались при мысли об участи несчастных жителей в случае, если отряд наш будет раздавлен до прихода главных сил. Одно, что остается: это лечь костями, отстаивая город до последней крайности!»¹⁰⁵ — восклицал Депрерадович.

Сражение у Эски-Загры подробно описано в реляциях генерал-майора Рауха, генерала Столетова, герцога Н.М. Лейхтенбергского и в воспоминаниях многих офицеров.

Силы были неравными. Полковник Депрерадович, приказав отступать, сам решил проехать по городу, чтобы лично предупредить жителей о необходимости бежать и спастись. «В начале боя множество вооруженных болгар высыпало за городскую околицу и заняло выходы улиц к виноградникам», в которых были размещены резервы. «Некоторые из выходов были забаррикадированы пустыми арбами. Очевидно, что милиционеры не ожидали нашего отступления и предполагали примкнуть в критический момент к войскам, защищать город вместе, отступая шаг за шагом, и только дорогой ценой продать его неприятелю», — вспоминал Депрерадович. «Смелость доходила до того, что некоторые из женщин пробрались посмотреть на разгоревшийся бой. Каков же был ужас и общее разочарование, когда наш центр и левый фланг были смяты, а правый фланг вынужден отступать»¹⁰⁶.

Дукмасов также свидетельствовал, что «большинство жителей Эски-Загры бежало из домов и расположилось группами на возвышенных местах за городом, внимательно следя за ходом сражения. Тут были и мужчины, и женщины, и дети. Раненым они подавали помощь, относили их в дома и снова возвращались на свои места. Я немало удивлялся железным нервам болгарских женщин, которые, казалось, довольно спокойно смотрели на эту тяжелую картину колоссальной бойни»¹⁰⁷.

Но когда русские стали отступать, паника и ужас охватили жителей. «Никто и не думал о сопротивлении», — констатировал Депрерадович. «Вооруженные горожане частью рассеялись, частью бросились к конаку. Большинство жителей «бежали с выражением безотчетного страха на искаженных лицах, бежали, бросая детей, руководясь единственным в то время чувством и

желанием спастись от преследования неистового, кровожадного врага, от предстоящих истязаний и мучительной смерти»¹⁰⁸.

Генерал-майор Раух, прибыв в Эски-Загру 19 июля и приняв от герцога командование отрядом, вначале надеялся отстоять город. «Но постоянно усиливающийся неприятель, наступавший с юга и юго-запада, почти полное израсходование патронов и снарядов в горной артиллерии поколебали дружины», — докладывал Раух Гурко в полевой записке, написанной в 8:50 вечера 19 июля. «Дружины вначале вели себя геройски, в особенности офицеры; но когда значительное число офицеров было убито и ранено, болгар нельзя было удержать от беспорядочного отступления в ущелье. Я сам лично собирал их у входа в ущелье, чтобы занять его ими, но это не удалось: дружины разошлись, за исключением нескольких рот, подведенных в порядке полковником Де-предратовичем. Когда я увидел, что болгар не удержать и в горной артиллерии мало снарядов, я приказал отступать за Тунджу»¹⁰⁹.

Кисов описывал жуткие кровавые сцены насилия турок над мирным населением Эски-Загры, однако сам он их не мог видеть. Но он шел по ущелью, которое было переполнено беженцами, и рассказал о душераздирающих картинах бегства болгар, когда в паническом страхе каждый думал лишь о себе, бросая даже своих близких. «Немало грудных детей было оставляемо по дороге, и многих из них подбирали солдаты, и должно сказать правду, преимущественно русские солдаты, особенно те из них, которые были верхом»¹¹⁰, — писал Кисов. «Несколько таких ребят было взято на попечение нашими офицерами»¹¹¹, — свидетельствовал Чичагов. «Больно было смотреть на всё это, — продолжал он, — но еще больнее было подумать, что мы причины всех этих несчастий... Я глубоко убежден, что всякий русский, видевший столь рельефно, как мы сегодня, доблестную защиту Эски-Загры и несчастья, перенесенные болгарами, не решится бросить камнем в них и говорить, что не сто́ит драться за их свободу, что они к нам не питают симпатии, что они трусы или разбойники, и так далее, как мне уже случалось слышать»¹¹².

Чичагов делился в воспоминаниях своими впечатлениями о болгарях: «Болгарин чрезвычайно трудолюбив, трезв, гостеприимен, наивен, откровенен, но запуган. Трудолюбие его заслужи-

вает особенного внимания. Он добросовестно исполняет обязанности земледельца, обрабатывая даже недоступные местности на круче гор; ни один клочок земли не пропадает даром. Успеху его труда много способствует его трезвость. Как семьянин — он хороший, нежный отец и муж; женщина-болгарка самая нравственная, преданная жена. Отсюда станет понятным, как тяжело было болгарам переживать насилия их жен и дочерей. Про гостеприимство нечего и говорить, всякий русский успел убедиться в этом». Поручик заметил, что болгары «особенно быстро братались» с солдатами, и «солдаты отлично ценили их радушие». Отмечая, что народ этот запуган, Чичагов вновь подчеркивал, что болгарин «не труслив»: «На каждом шагу встречали мы вооруженных болгар, рыскавших повсюду, захватывающих пленных, беглецов, турецких мародеров. Редкий день не приходили болгары просить у нас оружие. Если бы русские задались мыслью поднять восстание, то это было бы очень легко, тем более, что болгары очень охотно сами вооружались». Отличным аргументом в пользу данного высказывания служило Эски-Загрское сражение, которое «доказало, что молодое болгарское войско способно стойко драться и умирать за свое отечество». Предвидя возможные возражения своим восторженным отзывам о болгарях, Чичагов тут же парировал: «Проявления же грабежа — такие явления, которые в военное время случаются всюду и всегда; выставлять же их, как общий болгарский порок, несправедливо и неверно»¹¹³. А в более раннем рассказе поручик Чичагов писал, что «разбой и грабеж свойствен всем народностям во время войны в большей или меньшей степени, а тем более полудиким, 400 лет пробывшим в рабстве болгарам! Да разве не извинительно болгарину, потерявшему, как многие сегодня, семью и имущество, завербовать себя на всю жизнь в разбойника, в грабителя всего турецкого, всего того, что связано с напоминанием ему о несчастях на всю жизнь. Я же остаюсь пораженным тем, что нравственная сторона болгарина, несмотря на всосавшееся в кровь рабство, находится еще на такой высокой степени»¹¹⁴, — заключал он.

На следующее утро, 20 июля, герцог Н.М. Лейхтенбергский приказал выстроить дружины и горячо поблагодарил их за по-

ведение в бою: «Вы ничем не уступаете старым солдатам!»¹¹⁵ В реляции и генерал-майор Раух дал высокую оценку действиям ополчения: «В продолжении более 4 часов 2-тысячный отряд людей, недавно собравшихся под знамена, твердо держался против лучшей части турецких войск — армии Сулеймана-паши»¹¹⁶. 22 июля Раух в записке к Гурко ходатайствовал о необходимости «представить болгарские дружины к наградам за дела при Эски-Загре: они их вполне заслужили, в особенности офицеры. Люди дрались геройски, пока подавляемые численным превосходством, не дрогнули». Генерал считал «справедливым представить [к наградам] всех офицеров, бывших в деле, а в роты дать, по крайней мере, от 6 до 8 крестов. Более других отличились 3-я и 1-я дружины»¹¹⁷.

Всё ополчение потеряло убитыми и ранеными: офицеров — 23 (из 55) и 512 нижних чинов. Четыре дружины болгар, две сотни казаков Краснова и Казанский драгунский полк (всего не более 3500 чел.) с 6 орудиями дрались на растянутой позиции (до 6 верст) по южной окраине Эски-Загры с превосходящими силами Сулеймана-паши¹¹⁸.

В 9 час. утра 20 июля Раух, не получая от Гурко никаких сведений, решил отступить к Казанлыку.

А отряд Гурко, 19 июля в 6:00 утра направившись к Эски-Загре, вступил в 7-часовое сражение у с. Джуранли с войсками Реуф-паши (12 батальонов при 8 орудиях, 1 эскадрон и 3000 черкесов)¹¹⁹. Русские потеряли 20 офицеров, 498 нижних чинов, но перебили до 2000 турок¹²⁰.

В сражениях 18 и 19 июля было израсходовано так много патронов и артиллерийских зарядов, что не только предпринимать какую-либо атаку, но даже оставаться на виду турецкой армии было бы неблагоразумно. Вследствие этого Гурко отдал приказание об отходе отряда 20 июля через Дальбокский перевал к Хинкиной, куда войска прибыли 22 июля.

20 июля немного отдохнувший Эски-Загрский отряд, поднявшись с бивака у р. Тунджи, двинулся к Казанлыку. Покинувшие Эски-Загру болгары, переночевавшие рядом с русским отрядом и «всё еще надеявшиеся, что дело не потеряно», быстро собрались и пошли рядом. В Казанлыке начались страшнейший перепол-

лох и невообразимая паника. Христианское население, забрав с собой всё, что можно, поспешно уходило из города. «В воздухе просто стон стоит, на каждом шагу заплаканные, перепуганные лица!»¹²¹ Депрерадович удивлялся, «с каким терпением и покорностью воле судеб переносит население тяжести и последствия военного времени»¹²².

Генерал Раух со штабом остановился в монастыре. «Что за ужасную картину представлял этот монастырь! Все кельи, двор, сад кругом церкви — один общий лазарет, но лазарет, к несчастью, не только военный, но женский и детский»¹²³, — вспоминал Чичагов. Прибывший в Казанлык ординарец главнокомандующего штаб-ротмистр С.А. Цуриков привез известие о неудаче 18 июля под Плевной: стало ясно, что в такую критическую минуту ни одна часть не придет на помощь.

21 июля Эски-Загрский отряд выступил к Шипкинскому перевалу. Чичагов удивлялся русскому солдату, который после всех испытаний не пал духом, понимая, что «отступление есть неудача частная и поправимая». «Солдату жаль было только болгар-братушек, и всё его внимание было устремлено на них». Чичагов вспоминал, что солдаты словно забыли, что у них на плечах лежали ружье, шинель, мешок и т.д. Они сажали к себе на плечи детей, брали у женщин их тяжелые поклажи, подсаживали детишек постарше на лафет, поддерживая их от падения из-за тряской дороги. («Солдаты обратились в нянек»¹²⁴.) Отношение же болгарских мужчин, шедших налегке или ехавших на лошадях, к женщинам и детям, тяжело груженным разным домашним скарбом, резко контрастировало с поведением русских солдат и произвело на подпоручика Кисова «скверное впечатление». На его возмущение болгарин ответил: «На то и жена, чтобы носила». Офицер всё же заставил мужчину взять ношу у своей жены¹²⁵.

22 июля отряд, присоединившись к 36-му пехотному Орловскому полку, встал на перевале Шипка. Командование войсками на Шипкинском перевале было поручено командиру 2-й бригады 9-й пехотной дивизии генерал-майору Дерожинскому.

В приказе по Передовому отряду от 31 июля генерал-адъютант Гурко, прощаясь со своими войсками и благодаря их за героическую службу, вспоминал славный боевой путь отряда, его

сражения и блистательные победы. Гурко особо обращался к болгарским дружинам, «с удивительным мужеством» защищавшим Эски-Загру 19 июля 1877 г. Его знаменательные слова ныне хорошо известны, но считаем нужным привести их вновь: «Это было первое дело, в котором вы сражались с врагом, и в этом же деле вы сразу показали себя такими героями, что вся русская армия может гордиться вами и сказать, что она не ошиблась послать в ряды ваши лучших своих офицеров. Вы — ядро будущей болгарской армии. Пройдут года, и эта будущая болгарская армия с гордостью скажет: “Мы — потомки славных защитников Эски-Загры”»¹²⁶.

Итак, Передовой отряд выполнил самую главную задачу — занять балканские проходы. Вторая часть поручения главнокомандующего при формировании отряда — «выслать кавалерию еще далее вперед с целью поднять болгарское население и оказать ему поддержку» — не была осуществлена командованием, но отнюдь не «в силу своего классового положения», как отмечалось в трудах советской эпохи, «из-за боязни революционного движения болгарского народа»¹²⁷. Уже при формировании Болгарского ополчения предполагалось, что оно не только создаст кадры для будущего войска болгарского государства, но сможет «направить деятельность тех болгар, которые возьмутся за оружие с намерением принять участие в борьбе с мусульманами, и тем регулировать восстание согласно законам и обычаям войны»¹²⁸.

Начальник штаба Передового отряда Нагловский несколько раз в своих воспоминаниях возвращался к этому вопросу, подчеркивая, что генерал Гурко намеревался приступить к организации болгарского восстания только тогда, когда главные силы русского войска будут уже в долине Тунджи. Поднимать болгар на восстание можно было только в тылу, а не впереди отряда. Кавалерию Гурко считал слишком слабым прикрытием для восстания. Нагловский отмечал, что кавалерийским налетом при удаче можно овладеть большой местностью, но удержать ее в случае наступления неприятеля, состоящего из трех родов оружия, нельзя¹²⁹.

В ожидании перехода Балкан главными силами Дунайской армии генерал Гурко принимал все меры к тому, чтобы сдержи-

вать болгар и сохранять всюду порядок, свидетельствовал Нагловский. Но если в городе это было еще как-то возможно, то в окрестностях «дух племенной вражды», вследствие «четырёхвекового тяжелого гнета, проявился в скором времени сильной вспышкой мести, и вокруг г. Эски-Загры запылали турецкие чифтлики и турецкие деревни». «Во время движения кавалерийских полков к линиям дороги большие толпы болгар следовали за полками, резали и грабили в тылу полков мусульманское население и предавали огню его имущество»¹³⁰, — писал Нагловский.

«Вообще взаимное уничтожение было всеобщим и грустным явлением в течение всей кампании, начиная с переправы через Дунай в окрестностях Систово. Всюду при приближении русских войск мусульманское население поспешно бежало и ознаменовывало свое бегство резней и грабежами. Зато и болгары, почуяв силу на своей стороне, не оставались в долгу и подвергали оставшихся турок кровавым репрессиям. Во всех этих кровавых драках первый пример подавался турками. Но в общем итоге болгары были в проигрыше, во-первых, потому что наши власти, — продолжал Нагловский, — всюду сдерживали болгар, тогда как турецкие власти возбуждали мусульман. Во-вторых же, потому что большинство турок уходили до прихода русских войск. Зато временное возвращение турок в местности, занимаемые русскими войсками, ознаменовывалось невообразимыми истязаниями и ужасной резней. Только быстрое и неожиданное занятие городов, как, например, Систово, Тырново, Софии, Филиппополя и др., спасало и от неизбежных зверств и разорения. Сладить с диким необузданным фанатизмом мусульман и с весьма понятными вспышками мести болгар не было никакой возможности»¹³¹, — признавался Нагловский.

Военный историк Н. А. Епанчин, размышляя над второй частью задачи Передового отряда, замечал, что «из людей, рожденных в рабстве, нельзя было создать воинов в одну ночь, и болгары, как тогда казалось, были скорее способны к тому, чтобы мстить при случае своим прежним угнетателям, нежели выступить в открытое поле для борьбы с ними. ... Гурко поэтому откладывал исполнение этой части задачи своего отряда до более благоприятного времени»¹³².

Но Передовой отряд в полной мере пользовался широким содействием, которое ему оказывало болгарское население, — угощения при торжественных встречах, заготовка печеного хлеба, продажа продуктов питания войскам и фуража для конницы, помощь при строительных работах в Хаинкиойском ущелье. Болгары охотно шли на сотрудничество с русскими, стремясь помогать, чем могли. В Передовом отряде прибегали к услугам местных проводников, а болгарское население, неожиданно встретив русских в Хаинкиойском ущелье, хранило молчание и не выдало тайну туркам. Командование нередко посылало надежных болгар (жаль, что в документах не приводились их имена) с ответственными и опасными поручениями через местности, занятые неприятелем, — передать письмо или выведать сведения о противнике. Болгары сами охотно доставляли информацию о турецких войсках, однако в штабе отряда считали рискованным полагаться только на эти данные, поэтому постоянно высылались разъезды для подтверждения имевшихся уже сведений и получения новых.

Таким образом, мы видим, что движение Передового отряда к Тырново, за Балканами к Казанлыку и Эски-Загре было триумфальным шествием, встречаемым с искренней радостью местным христианским населением. Русские восторгались красотами природы, плодородием почв, зажиточностью болгар. Не один воин испытал психологический шок при виде явного довольства болгарского крестьянина, поскольку средства массовой информации России рисовали накануне войны совершенно иной образ угнетенного турками болгарина, прозябавшего в убожестве, нищете и вечном страхе. Многие молодые люди, «наэлектризовавшись» подобными сообщениями, искренне шли добывать единоплеменному и единоверному народу-страдальцу свободу и даже отдать жизнь за такое святое дело. Но оказывалось, что в материальном отношении болгары жили несравненно лучше, чем самый богатый крестьянин в России. Это, конечно, несколько остужало пыл. Однако увиденные в первый раз на Шипке зверства турок способствовали осознанию сложности положения христианского населения в такой благодатной стране и «примиряли» с материальным благополучием болгар.

Шоком для русских явились и действия болгар при вступлении русских войск в населенные пункты, не исключая даже такой «интеллигентный» город, как Тырново, — болгары устремлялись на дикий грабеж турецких кварталов. Мародерство русских солдат, зачастую спровоцированное голодом из-за нерегулярных поставок продовольствия, трудных маршей, сражений, не носило столь массовый характер и не сопровождалось безжалостным уничтожением турецкой недвижимости. Кроме того, командование жестко боролось с этим явлением.

Потрясала русских и слепая месть болгар по отношению к туркам, которая не щадила ни детей, ни женщин, ни стариков. Подобное отношение шло вразрез с христианским мировоззрением русского солдата и офицера, которые были милосердны не только к мирному населению, но и к поверженному, раненому врагу.

Неприятно на русских действовала и чересчур частая ложь болгар о том, что жгут села и их режут мнимые черкесы и башибузуки, поскольку напрасно посылаемые разъезды и фальшивая тревога изнуряли войско.

Довольно скоро русские столкнулись с присущим болгарскому крестьянину прагматизмом, который стал проявляться после щедрого гостеприимства во время торжеств, — русских много, всех не прокормишь, нужно думать о своем семействе. Закрытые наглухо ворота и двери болгарских домов не лучшим образом действовали на тех солдат, которые после тяжелого ратного труда пытались воспользоваться их кровом и хлебом-солью. Проявления равнодушия или же отстраненности от нужд отдельных русских воинов в тот период были редки, но они надолго запомнились.

Воспоминания русских офицеров, находившихся в составе Передового отряда, убедительно свидетельствуют о том, что только в присутствии русских войск болгарское население проявляло активность в организации отрядов самообороны. Вся воинственность и настрой отстоять свои дома в Эски-Загре и драться на сооруженных баррикадах мгновенно исчезли, как только русские войска, в данном случае дружины, стали отступать. Вооруженные горожане во время сражения находились за

русскими резервами и в критические минуты предпочли спасаться, не поддержав своих соотечественников-ополченцев.

Авторы мемуаров — и Чичагов, и Рынкевич, и Депрерадович, с симпатией относясь к болгарам, их трудолюбию, хозяйственности, трезвости и семейственности, не могли не заметить, что их «уродовали в течение пяти столетий», что «рабство всосалось в их кровь». «И надо сперва освободить народ, а затем, указав ему на лучшее будущее, дать время для сглаживания всего наносного, чужого». «Болгары, насколько нам удалось познакомиться с ними, а мы имели к тому возможность, — писал Рынкевич, — народ чрезвычайно способный, трудолюбивый, добрый, народ с характером серьезным и замечательно стремящийся к самообразованию, порядку и благоустройству»¹³³. «Эти задатки и качества достаточно гарантируют способность к самостоятельности и к завидной будущности»¹³⁴, — считал Чичагов.

И наконец, полковник Нагловский, подводя итоги деятельности Передового отряда, утверждал, что он навсегда прославил русское оружие многими блестящими подвигами и соединил свое имя с Балканами и с долиной р. Тунджи. «Общий ход военных действий не позволил немедленно воспользоваться плодами его побед, и вследствие этого над всей долиной разразилась страшная буря, раздражающая душу и возмущающая все человеческие инстинкты. Прелестная Долина роз обратилась в долину слез и рыданий. Но не подлежало сомнению, — заключал он, — что в скором времени в долине раздастся снова гром русского оружия и эти слезы и рыдания послужат купелью возрождения, очищения и освобождения всей долины»¹³⁵.

Примечания

- ¹ Сопоставление текста рассказа М. Чичагова «Передовой отряд. (Воспоминания о походе)» (Военный сборник, 1878) с «Дневником офицера» (Сборник военных рассказов, составленных офицерами-участниками войны 1877–1878 гг. СПб., 1878. Т. 1), подписанный инициалами М.Ч., дает полное право утверждать, что их автором является М.М. Чичагов.
- ² *Плототников Ф.* Поход за Балканы // Чтение для солдат. СПб., 1881. Кн. 4. С. 157.
- ³ *Епанчин Н.А.* Действия Передового отряда генерал-адъютанта Гурко. СПб., 1895. С. 4.
- ⁴ *Мацкевич Н.* Гвардейский отряд почетного конвоя Его Величества в турецкую войну 1877–1878 гг. Варшава, 1880. С. 109.

- ⁵ *Иванов И.С.* 14-й стрелковый батальон «Железной бригады» в Передовом отряде генерала Гурко. (Эпизод из истории освободительной войны 1877–1878 гг.). СПб., 1910. С. 5.
- ⁶ *М.Ч. [Чичагов М.]* Дневник офицера // Сборник военных рассказов, составленных офицерами-участниками войны 1877–1878 гг. (далее — СВР). СПб., 1878. Т. 1. С. 26.
- ⁷ *Чичагов М.* Передовой отряд. (Воспоминания о походе) // Военный сборник (далее — ВС). 1878. Т. 122. № 8. С. 263.
- ⁸ *Кисов С.И.* Из боевой и походной жизни 1877–1878 гг. Воспоминания полковника запаса болгарской армии. Перевел со 2-го испр. и доп. болг. изд. М. Горюнин [Предисл. «От переводчика»]. София, 1903. С. 105.
- ⁹ *Мацкевич Н.* Гвардейский отряд. С. 110.
- ¹⁰ *М.Ч. [Чичагов М.]* Дневник офицера. С. 28.
- ¹¹ Там же.
- ¹² См.: Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове (далее — СМ). СПб., 1900. Вып. 24. С. 4–5; *Чичагов М.* Передовой отряд. С. 264–265; *Мацкевич Н.* Гвардейский отряд. С. 110–112.
- ¹³ *М.Ч. [Чичагов М.]* Дневник офицера. С. 30.
- ¹⁴ Там же. С. 31.
- ¹⁵ Там же. С. 33.
- ¹⁶ *Церетелев А.Н.* Письма с похода. (Румыния. Тырново. Первый Забалканский поход) // Русский вестник (далее — РВ). 1878. Т. 137. № 9. С. 253.
- ¹⁷ *Иванов И.С.* 14-й стрелковый батальон «Железной бригады». С. 11.
- ¹⁸ *Церетелев А.Н.* Письма с похода. С. 253.
- ¹⁹ *Кисов С.И.* Из боевой и походной жизни. С. 109.
- ²⁰ *Чичагов М.* Передовой отряд. С. 270.
- ²¹ *Епанчин Н.А.* Действия Передового отряда... С. 32.
- ²² *Нагловский Д.С.* Действия Передового отряда генерала Гурко в 1877 г. // ВС. 1900. № 7. С. 35.
- ²³ *Газенкампф М.А.* Мой дневник 1877–1878 гг. СПб., 1908. С. 52–53.
- ²⁴ *Нагловский Д.С.* Действия Передового отряда. С. 37.
- ²⁵ *М.Ч. [Чичагов М.]* Дневник офицера. С. 39.
- ²⁶ *Мацкевич Н.* Гвардейский отряд. С. 119.
- ²⁷ *Церетелев А.Н.* Письма с похода. С. 255.
- ²⁸ *Нагловский Д.С.* Действия Передового отряда. С. 38.
- ²⁹ *Мацкевич Н.* Гвардейский отряд. С. 119–120.
- ³⁰ *М.Ч. [Чичагов М.]* Дневник офицера. С. 39–40.
- ³¹ *Рынкевич Е.Е.* Записки о болгарском ополчении (За период с конца апреля по 9 августа 1877 г.) // ВС. 1902. № 4. С. 61.
- ³² *Церетелев А.Н.* Письма с похода. С. 255.
- ³³ СМ. Вып. 24. С. 30.
- ³⁴ *Иванов И.С.* 14-й стрелковый батальон «Железной бригады». С. 19–20.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ *Кисов С.И.* Из боевой и походной жизни. С. 117.
- ³⁷ *Иванов И.С.* 14-й стрелковый батальон «Железной бригады». С. 22.

- 38 СМ. Вып. 24. С. 17.
- 39 *Церетелев А.Н.* Письма с похода. С. 257.
- 40 *Чичагов М.* Передовой отряд. С. 272.
- 41 *Иванов И.С.* 14-й стрелковый батальон «Железной бригады». С. 27.
- 42 *Нагловский Д.С.* Действия Передового отряда. С. 42.
- 43 Там же. С. 45.
- 44 *Иванов И.С.* 14-й стрелковый батальон «Железной бригады». С. 29.
- 45 СМ. Вып. 24. С. 40–41.
- 46 *Депрерадович Ф.М.* Из воспоминаний. С. 33–34.
- 47 Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2. М., 1964. С. 176.
- 48 *Плохотников Ф.* Поход за Балканы. С. 145.
- 49 *Кисов С.И.* Из боевой и походной жизни. С. 125.
- 50 СМ. Вып. 24. С. 43.
- 51 *Нагловский Д.С.* Действия Передового отряда. С. 48–49.
- 52 *Федоров М.П.* Из корреспонденций в «Русские ведомости» // *Гаркавенко П.* Война России с Турцией 1877–1878 г. Подробное описание военных подвигов русских войск на обоих театрах войны за веру и свободу. Подвиги русских богатырей нашего времени, их биографии, очерки, рассказы, сцены и проч. М., 1879. С. 410.
- 53 Там же. С. 411.
- 54 *Епанчин Н.А.* Действия Передового отряда. С. 62, 248.
- 55 *Федоров М.П.* Из корреспонденций в «Русские ведомости». С. 412.
- 56 *Нагловский Д.С.* Действия Передового отряда // ВС. 1900. Т. 254. № 8. С. 252.
- 57 *Кисов С.И.* Из боевой и походной жизни. С. 126–128.
- 58 *Церетелев А.Н.* Письма с похода. С. 262.
- 59 *Мацкевич Н.* Гвардейский отряд. С. 129.
- 60 *Чичагов М.* Передовой отряд. С. 179.
- 61 Там же.
- 62 СМ. Вып. 24. С. 96.
- 63 *Плохотников Ф.* Поход за Балканы. С. 157–158.
- 64 СМ. Вып. 24. С. 198–200.
- 65 *Нагловский Д.С.* Действия Передового отряда. С. 260–261.
- 66 Там же. С. 261.
- 67 *Иванов И.С.* 14-й стрелковый батальон «Железной бригады». С. 54.
- 68 *Чичагов М.* Передовой отряд. С. 180.
- 69 *Нагловский Д.С.* Действия Передового отряда. С. 261.
- 70 *Чичагов М.* Передовой отряд. С. 185.
- 71 *Нагловский Д.С.* Действия Передового отряда. С. 266.
- 72 Там же. С. 267.
- 73 СМ. Вып. 24. С. 94.
- 74 *Мацкевич Н.* Гвардейский отряд. С. 134.
- 75 *Нагловский Д.С.* Действия Передового отряда. С. 267; *Чичагов М.* Передовой отряд. С. 186–187.

- 76 *Дукмасов П.А.* Со Скобелевым в огне. Воспоминания о русско-турецкой войне 1877–78 гг. и о М.Д. Скобелеве ординарца его. Изд. 2-е, доп. СПб., 1895. С. 65–66.
- 77 *Рынкевич Е.Е.* Записки о болгарском ополчении. С. 66.
- 78 *Чичагов М.* Передовой отряд. С. 188.
- 79 *Иванов И.С.* 14-й стрелковый батальон «Железной бригады». С. 66.
- 80 Там же.
- 81 *Рынкевич Е.Е.* Записки о болгарском ополчении. С. 66.
- 82 *Депрерадович Ф.М.* Из воспоминаний. С. 40–41.
- 83 *Кисов С.И.* Из боевой и походной жизни. С. 133.
- 84 *Чичагов М.* Передовой отряд. С. 188.
- 85 СМ. Вып. 24. С. 112–113.
- 86 *Епанчин Н.А.* Действия Передового отряда... С. 113; *Иванов И.С.* 14-й стрелковый батальон «Железной бригады». С. 70.
- 87 СМ. Вып. 24. С. 102–103.
- 88 *Нагловский Д.С.* Действия Передового отряда. С. 44.
- 89 СМ. Вып. 24. С. 238.
- 90 Там же. С. 238–239.
- 91 Там же. С. 116.
- 92 *Нагловский Д.С.* Действия Передового отряда. С. 45.
- 93 СМ. Вып. 24. С. 128–129.
- 94 *Чичагов М.* Передовой отряд. С. 327.
- 95 Там же.
- 96 *Депрерадович Ф.М.* Из воспоминаний. С. 55.
- 97 Там же. С. 58.
- 98 *Чичагов М.* Передовой отряд. С. 332.
- 99 СМ. Вып. 24. С. 133–134.
- 100 Там же. С. 176–177.
- 101 *Керсновский А.А.* История русской армии. М., 1999. С. 344.
- 102 *Иванов И.С.* 14-й стрелковый батальон «Железной бригады». С. 83.
- 103 *М.Ч. [Чичагов М.]* Дневник офицера. С. 84.
- 104 *Депрерадович Ф.М.* Из воспоминаний. С. 85.
- 105 Там же. С. 88–89.
- 106 Там же. С. 93–95.
- 107 *Дукмасов П.А.* Со Скобелевым в огне. С. 96–97.
- 108 *Депрерадович Ф.М.* Из дневника о первом походе за Балканы. С. 306.
- 109 СМ. Вып. 24. С. 227.
- 110 *Кисов С.И.* Из боевой и походной жизни. С. 192.
- 111 *М.Ч. [Чичагов М.]* Дневник офицера. С. 88.
- 112 Там же.
- 113 *Чичагов М.* Передовой отряд. С. 344–345.
- 114 *М.Ч. [Чичагов М.]* Дневник офицера. С. 89.
- 115 *Депрерадович Ф.М.* Из дневника о первом походе за Балканы. С. 313.

- 116 СМ. Вып. 24. С. 368.
- 117 Там же. С. 249.
- 118 *Гейсман П.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в Европейской Турции. Вып. 1–2. СПб., 1906. С. 180–181.
- 119 Там же. С. 179.
- 120 *Керсновский А.А.* История русской армии. С. 344.
- 121 *Депрерадович Ф.М.* Из воспоминаний... С. 108.
- 122 Там же. С. 110.
- 123 *Чичагов М.* Передовой отряд. С. 349.
- 124 Там же. С. 351.
- 125 *Кисов С.И.* Из боевой и походной жизни. С. 206.
- 126 СМ. Вып. 24. С. 323.
- 127 Освобождение Болгарии. Т. 2. С. 180.
- 128 *Рынкевич Е.Е.* Записки о болгарском ополчении. С. 56.
- 129 *Нагловский Д.С.* Действия Передового отряда // ВС. 1900. Т. 255. № 9. С. 41, 43, 46.
- 130 Там же. С. 46.
- 131 Там же. С. 46–47.
- 132 *Епанчин Н.А.* Действия Передового отряда. С. 118.
- 133 *Рынкевич Е.Е.* Записки о болгарском ополчении. С. 67, 69.
- 134 *М.Ч. [Чичагов М.]* Дневник офицера. С. 89.
- 135 *Нагловский Д.С.* Действия Передового отряда // ВС. 1900. № 10. С. 276.

Восточный кризис 1875–1878 гг. в освещении константинопольской газеты «Византис»

Аннотация:

В статье рассматриваются события Восточного кризиса 70-х годов XIX в. в освещении «Византис» — одной из немногих константинопольских греческих газет, непрерывно выходивших в этот период. Позиция владельца газеты и ее главного редактора Д. Ксениса определялась необходимостью балансировать между соблюдением лояльности в отношении Высокой Порты, с одной стороны, и желанием сохранить добрые отношения с Россией, с другой. Еще одним важным фактором, влиявшим на линию газеты, было сочувствие экспансионистским устремлениям Греческого королевства.

Ключевые слова:

восстание в Боснии и Герцеговине 1875 г., Апрельское восстание 1876 г., русско-турецкая война 1877–1878 гг., газета «Византис», Димитриос Ксенис.

*Olga E.
PETRUNINA*

Great Eastern Crisis of 1875–1878 covered by the Constantinople newspaper «Βυζαντίς» (“Byzantis”)

Abstract:

The article deals with the events of the Great Eastern Crisis, which took place in the 1870s, covered by the newspaper «Βυζαντίς» that appeared to be one of few Greek newspapers in Constantinople coming out regularly at that time. Dimitrios Xenis's attitude, who was its owner and chief editor, was determined by the need to keep balance between his loyalty to the Great Porte and his wish to preserve good relations with Russia. One more factor affecting the paper's course was its sympathy to the expansionist endeavours of the Kingdom of Greece.

Key words:

Herzegovina uprising of 1875, April Uprising of 1876, Russo-Turkish War of 1877–1878, newspaper «Βυζαντίς» (“Byzantis”), Dimitrios Xenis.

Разностороннему анализу событий Восточного кризиса 1875–1878 гг. посвящена обширная научная литература, как в нашей стране, так и за рубежом. Специальные работы написаны в том числе и об отношении греков к тем событиям. Основное внимание в этих работах уделялось политике афинского кабинета, общественным настроениям в Греческом королевстве, подготовке и ходу восстаний в пограничных провинциях Османской империи¹. Но несмотря на наличие собственного национального государства, важным с политической, экономической и конфессиональной точек зрения центром эллинизма в то время оставался Константинополь. Местные греки-фанариоты занимали важные посты в османском государственном аппарате, владели крупными компаниями, а Константинопольский патриарх пользовался бóльшим авторитетом, чем афинский Синод. Греческая община города была многочисленной и богатой: ей принадлежали различные предприятия, благотворительные учреждения — школы, приюты, больницы, а также не менее десятка газет.

В связи с Восточным кризисом 1875–1878 гг. греческая константинопольская пресса специально не изучалась. Между тем, она содержит сведения не только о жизни османской столицы в то время, но и о настроениях местного общества, позиции Высокой Порты по важным внутри- и внешнеполитическим вопросам. Греческие газеты также публиковали официальные турецкие документы, телеграммы из районов восстаний и с фронтов. Всё это позволяет увидеть события тех лет с османской стороны, но греческими глазами. Специфика греческих константинопольских газет заключалась в том, что они были выразителями интересов и мнений христиан в мусульманском государстве, поэтому им приходилось соблюдать особую осторожность в сообщениях об антитурецких движениях на Балканах, о ходе войн Империи с европейскими государствами, территориальных претензиях Греции к Империи. С началом русско-турецкой войны положение греческих журналистов еще более осложнилось: греки традиционно были объектом погромов в таких случаях. Порте также было известно об экспансионистских устремлениях Афин. Не случайно многие греческие газеты были закрыты, некоторые журналисты и представители греческой элиты бежали за границу.

Из нескольких греческих газет, непрерывно выходивших на протяжении 1875–1878 гг., особый интерес представляет собой «Византис» — одна из самых уважаемых газет османской столицы. Она издавалась на протяжении нескольких десятилетий. В 1857–1871 гг. она выходила под названием «Тилеграфос ту Воспору ке Византис» («Босфорский телеграф и Византис»), позиционируя себя как наследница газеты «Тилеграфос ту Воспору», издание которой было прекращено в годы Крымской войны. Столь длинное название стало результатом слияния двух газет: основанной в 1841 г. чиновником Константиносом Адосидисом «Тилеграфос ту Воспору» и издававшейся с 1854 г. «Византис». Главным редактором и издателем новой газеты стал владелец «Византис» Димитриос Ксенис². Она выходила дважды в неделю, что было связано с расписанием прибытия в Константинополь австрийских и французских пароходов, привозивших новости из Европы. Впоследствии газета, издававшаяся как минимум до 1888 г., также выходила в уменьшенном формате и в другие дни³. Каждый формат газеты имел собственную нумерацию. К сожалению, в обоих форматах она сохранилась не за все годы, что лишает исследователя возможности анализировать ее полностью. Тем не менее, сохранившиеся номера позволяют выявить ее позицию в отношении важнейших событий Восточного кризиса.

Что касается названия газеты, то оно представляет собой одно из древних названий Константинополя⁴. Сложно сказать, как понимали его османские сановники, поддерживавшие газету, возможно, просто как древнейшее, дохристианское название города. Среди соплеменников Д. Ксениса это название ассоциировалось, прежде всего, с Византийской империей и надеждами на ее возрождение: к примеру, в издававшейся с 1855 г. афинским писателем и журналистом Панайотисом Суцосом газете «Илиос» («Солнце») была рубрика «Византийская империя», где обычно публиковались новости из Османской империи.

Основное содержание «Византис» составляли переводы статей из наиболее авторитетных европейских изданий, которые, правда, не всегда сообщали достоверные сведения. К примеру, осенью 1876 г., со ссылкой на британскую «Таймс», Д. Ксенис опубликовал статью о русских добровольцах в Сербии, число

которых называлось в 22 тыс. чел., то есть было завышено в несколько раз⁵. На первой полосе появлялись важные новости столицы Империи. Встречались также другие важные, с точки зрения Д. Ксениса материалы: тексты заключенных Империей договоров, выдержки из стенограмм заседаний зарубежных парламентов и т.п. От других столичных греческих газет «Византис» отличалась умеренностью взглядов и стремлением воздерживаться от участия в политических баталиях. По воспоминаниям фанариотского историка и писателя Мануила Гедеона, она «не раздражалась бранью и насмешками в адрес русских или болгар, албанцев или турок, или министров»⁶. Хорошо знавший фанариотскую среду М. Гедеон характеризовал Д. Ксениса как не просто выдающегося журналиста, но как одного из наиболее влиятельных людей столицы: он имел обширные связи среди самых высокопоставленных османских сановников, в частности, пользовался покровительством великого визиря-реформатора Аали-паши до смерти последнего в 1871 г., а также министра полиции Хусни-паши, от которого получал ежемесячную финансовую помощь. Ксенис находился в близких отношениях с Константинопольской патриархией, причем его газета поддерживала курс на церковно-административные реформы. Еще одним фактором, определявшим курс газеты, были тесные отношения с российской миссией (с 1867 г. посольством). При этом Ксенис, уроженец Ионических островов, имел также британское подданство, а с 1864 г., когда острова стали частью Греции, — и греческое. Благодаря своим обширным связям Ксенис мог решать самые сложные и деликатные вопросы, касавшиеся его соплеменников⁷.

Во второй половине 1860-х — начале 1870-х годов Д. Ксенис и его газета зарекомендовали себя как выразители настроений той части константинопольских греков, которые считали приоритетным сохранение мира среди православных народов и полагали политику постепенных уступок болгарам неизбежной и оптимальной. Это крыло испытывало недоверие к Порте, подозревая турок в желании разжечь рознь между православными в собственных интересах. Их оппоненты, которых греческий исследователь Д. Стаматопулос деликатно называет этноцентри-

тами, а точнее следовало бы назвать националистами, видели в «славянской угрозе» важнейший вызов того времени. Эффективный ответ на него они мыслили в жесткой антиболгарской политике, которую следовало проводить Греции в союзе с Портой и другими антироссийскими силами⁸. Эта расстановка сил была очевидна уже в 1870 г., когда «Византис» стала единственной константинопольской газетой, не поддержавшей общую антиболгарскую позицию столичных журналистов, сформулированную издателем газеты «Анатоликос Астир» («Звезда Востока») Василисом Каллифроном в связи с изданием султанского фирмана о создании болгарской экзархии⁹.

На начало восстания в Герцеговине, а затем в Боснии летом 1875 г. газета «Византис» отреагировала осторожно, стараясь публиковать преимущественно факты и воздерживаясь от комментариев. Источниками информации Д. Ксенису, как и прежде, служили сообщения зарубежных новостных агентств и прессы, а также источники в правительстве и турецкие газеты. Однако совсем отказаться от оценок журналисту невозможно, так что даже по скудным комментариям и подбору материала можно выяснить позицию газеты. Полученные из правительственных источников новости о ходе восстания, а также сообщения из-за рубежа, представляющие события в выгодном для Порты свете, публиковались без комментариев. Их суть состояла в том, чтобы продемонстрировать, что восстание носит локальный характер, османские власти вполне способны навести порядок, а Сербия не будет вмешиваться в конфликт¹⁰. Но то обстоятельство, что «Византис» публиковала материалы, посвященные восстанию и реакции на него европейских держав практически в каждом номере, показывало истинный масштаб событий. Всё больше информации о них в Европе получали от самих балканских славян, а не от Порты. Публикуя эти сообщения, Ксенис снабжал их комментариями, выражающими недоверие к первоисточникам: «В телеграмме говорится о победе повстанцев, что вполне понятно, поскольку информация получена из сербских источников», «полученные из славянских источников телеграммы, разумеется, не могут заслуживать доверия, поскольку раздувают факты, обманывая европейское общественное мнение»¹¹.

Это самое общественное мнение подталкивало газету к прояснению ее позиции. Так, удивление европейской прессы чрезвычайно холодному, по сравнению с 1866–1867 гг., отношению греков к интересам южных славян стало поводом для публикации передовицы «Греция и Герцеговина». В ней после суждений некоторых европейских газет о позиции греков приведена в сокращении статья из афинской франкоязычной газеты «Мессажер д'Атен» («Афинский вестник»), объясняющая эту позицию, с которой, надо понимать, солидарен и Д. Ксенис: в ней высказывалась обида на сербов, не оказавших поддержки Критскому восстанию 1866–1867 гг., а также формулировалась идея противостояния греков и балканских славян, за которыми стояла Россия¹². Появление такой статьи в «Мессажер д'Атен» вполне закономерно, поскольку ее издатель и главный редактор Андонис Стефанопули был известным приверженцем Великой идеи и создал франкоязычную газету для привлечения к защите греческих интересов европейского общественного мнения. Трудно сказать, было ли это выступление Ксениса выражением его собственной меняющейся позиции или реверансом в сторону столичных греков, всё более проникавшихся духом национализма. Что же касается настроений в Греции, то, как отмечают исследователи, даже летом 1876 г., после начала сербско-турецкой войны, не только греческая пресса, но и политики на словах поддерживали сербов, однако активных действий предпринимать не собирались¹³.

Начало Апрельского восстания 1876 г. в Болгарии сразу привлекло внимание столичной прессы, несмотря на то что оно хронологически почти совпало с началом внутривосточного кризиса в Империи, когда неспособность османских властей обеспечить безопасность иностранных дипломатов на своей территории (убийство немецкого и французского консулов в Салониках 25 апреля 1876 г.) послужила катализатором общественно-политических перемен. Как и прежде, «Византис» писала о событиях в Болгарии и реакции на них со слов турецкой прессы, которая подчеркивала миролюбивый характер болгарской общины и обвиняла в организации беспорядков «апостолов созданных за рубежом революционных комитетов». Сами же болгары, как утверждалось, требовали лишь добросовестного исполнения

фирмана о церковной автономии, а потому не стоило придавать большему локальным беспорядкам особого значения¹⁴.

Но по мере расширения охваченной восстанием территории тон турецких газет, передаваемый на страницах «Византис», стал меняться: появились сообщения об отправке регулярных войск в Болгарию и о «зверствах повстанцев», уничтоживших «села мусульман и верных христиан»¹⁵. Потери турок в боях с восставшими приуменьшались, а отношение к пленным, женщинам и детям замалчивалось. Выпуск газеты от 4 мая воспроизвел две телеграммы командующего войсками в Татар-Пазарджике Адиль-паши о взятии Панагюриште (тур. Отлуккёй). В первой, от 30 апреля (12 мая), говорилось о том, что бой за селение занял всего полтора часа, а потери турок составили шестеро убитыми и двое ранеными. Правда, в конце турецкий командир обмолвился, что в городе остались укрепленные дома, которые он «подверг бомбардировке, стараясь не повредить остальных», и большие запасы боеприпасов. Из второй телеграммы, от 1 (13) мая, выясняется, что «порядок в городе не обеспечен», то есть бои продолжались, а наличие в Панагюриште «множества укрепленных домов» вынуждало Адиль-пашу, уже праздновавшего победу, «задержаться здесь на несколько дней» перед походом на Копривштицу (тур. Авреталан). Через несколько дней были сообщены новые подробности этих событий, причем турецкое командование уверяло, что ко всем сложившим оружие проявлено милосердие и им оказана необходимая помощь¹⁶. О том, что творилось на самом деле в болгарских селениях в эти дни, стало известно позже¹⁷. Комментарии самой «Византис» к этим сообщениям довольно скупы: она с верноподданническим удовлетворением отметила, что «повстанцы повсюду атакованы и рассеяны понесшей огромные жертвы императорской (т.е. султанской. — *О. П.*) армией»¹⁸. Гораздо большую озабоченность Д. Ксениса в это время вызывали международные последствия убийства иностранных консулов в Салониках.

Нужно отметить, что турецкие официальные источники в период восстания были едва ли не единственным источником сведений о нем, поскольку Порта ограничила доступ к этой информации. В частности, была запрещена отправка частных теле-

грамм за рубеж¹⁹. Поэтому, к примеру, газеты Греции сообщали о событиях в Болгарии по материалам константинопольских газет либо ограничивались самыми общими замечаниями²⁰.

К теме Апрельского восстания «Византис» вернулась в августе того же года, когда европейская пресса обсуждала турецкие зверства в Болгарии. В редакционном материале «Оценки, данные прессой резне в Болгарии» говорилось о противоречивой позиции влиятельной французской консервативной газеты «Журналь де деба», которая постоянно помещала статьи о зверствах турецкой армии, источником которых служили репортажи Януария Мак-Гахана в британской «Дейли ньюс»²¹, и одновременно статьи, оправдывающие действия турок и возлагающие на самих болгар вину за трагические события. При этом «Византис» перепечатала только пространную выдержку из статьи второго типа²². Однако сам факт обсуждения такой щекотливой для турок темы, к тому же в таких выражениях, как «резня», «бесчинства», «насилие», говорит о том, что после смены султана журналисты могли позволить себе высказываться несколько свободнее.

К этому времени уже была в разгаре сербско-турецкая война, ход которой «Византис» подробно освещала: ей была посвящена практически вся первая полоса июльских и августовских номеров. Там публиковались телеграммы турецкого командования, а также перепечатывались материалы зарубежных, прежде всего, австрийских газет, отражавшие сербскую и черногорскую позицию²³. Характерно, что сведения славянского происхождения не подвергались сомнению, как это было в 1875 г., а подавались как равные по достоверности турецким. От собственных комментариев редакция «Византис» воздерживалась. Начиная с сентября газета уделяла всё меньше внимания событиям на фронте, рубрика «Театр военных действий» стала содержать всё меньше материалов и постепенно ушла с первой полосы. В октябрьских номерах она иногда отсутствовала²⁴. Это понятно: после нанесенных сербам решительных поражений в османской столице уже не сомневались в исходе войны и интерес к ней стал угасать. 19 октября газета опубликовала информацию о встрече российского посла в Константинополе Н.П. Игнатьева с султаном и великим визирем, которая проходила при закрытых дверях²⁵. В прессу

просочились слухи о том, что речь на ней шла о перемирии с сербами, но о том, что русский посол предъявил Порте ультиматум²⁶, известно не было.

Решение вопроса о судьбе сербов и черногорцев переместилось в кабинеты дипломатов, и «Византис» переключилась на международные отношения, которым всегда уделяла большое внимание. В том случае, если первая полоса газеты не была занята военными сводками, то она заполнялась зарубежными новостями по Восточному вопросу. На ее страницах регулярно появлялись обзоры зарубежной прессы, обсуждавшей, прежде всего, позицию Австро-Венгрии в связи с восстанием в Боснии и Герцеговине, а также Англии, хорошо известной своим стремлением сохранить целостность Османской империи.

Газета не обходила своим вниманием и Россию. Помимо новостей из Петербурга и обзоров российской прессы, «Византис» сообщала о демаршах российского посла, а в рубрике «Разное», содержащей элементы светской хроники, можно найти и сведения о его жене²⁷. По мере осложнения русско-турецких отношений на фоне сербско-турецкой войны материалы, посвященные позиции России, становились всё более пространными, а с начала 1877 г. основной их пафос сводился к вопросу: решится ли Россия начать войну? «Как поступит Россия?», «Мир или война?» — таковы названия передовиц газеты в это время²⁸. Газета подробно освещала поездку Н.П. Игнатьева по европейским столицам в феврале-марте 1877 г., считая ее полностью провальной²⁹.

И вот, наконец, война была объявлена. Первый драгоман посольства М.К. Ону уведомил об этом Высокую Порту, двуглавые орлы над порталом посольства были накрыты черным покрывалом, а сотрудники дипломатического представительства покинули столицу Империи. Их отъезд Д. Ксенис описал во всех деталях, отметив чрезвычайно сдержанное поведение местных мусульман, не позволивших себе каких-либо русофобских выходов, что было особенно примечательно после событий в Салониках годичной давности, а также буйства толпы в Париже во время отъезда немецкого посольства в 1870 г.³⁰. С началом войны для греческих журналистов Константинополя наступили трудные времена: некоторые газеты были закрыты, их редакторы эмигри-

ровали, в том числе ближайший сотрудник Д. Ксениса Иоаннис Тандалидис, а кто-то даже оказался в тюрьме³¹.

Но Д. Ксенис остался в Константинополе, а его газета продолжала издаваться. На следующий день после разрыва русско-турецких отношений передовица «Византис» размышляла над созданным положением. Автор справедливо отмечал, что с начала восстания в Герцеговине развитие Восточного вопроса всё более шло к войне, несмотря на видимые усилия дипломатов по мирному урегулированию кризиса. Как всегда осторожный, Д. Ксенис не возлагал вину за это ни на одну из сторон и выражал надежду, что и после объявления войны европейские державы предпримут попытку примирить Россию с Османской империей. Сам он, впрочем, не очень верил в ее успех, вспоминая неудачу подобной попытки в начале Крымской войны и отмечая воинственные настроения как в Империи, так и среди ее противников³².

Газета «Византис» продолжала издаваться на протяжении всей войны и, конечно, новости с фронта, а также обзор дипломатической борьбы вокруг Восточного вопроса занимали немалое место на ее страницах. В условиях русско-турецкой войны, в которую почти готова была вступить и Греция, а также уже сточавшегося режима султана Абдул-Хамида сохранившаяся в столице Империи греческая пресса была вынуждена вести себя крайне осторожно. В это время Д. Ксенис и его издание становятся выразителями не столько своего собственного мнения и интересов константинопольских греков, сколько настроений османской правящей элиты.

Эта тенденция прослеживается практически с самого начала войны. Вторжение русских войск во владения султана вызывает панику, их малейшие неудачи — радость. Совершившейся переправе русских войск через Дунай³³ не было придано большого значения, турецкое командование не организовало эффективной обороны этого первого естественного рубежа на пути к столице. Но переход русских авангардов через Балканы вызвал настоящий шок: «Никто не ожидал столь быстрого и успешного взятия второго труднопреодолимого естественного рубежа европейской Турции..., появления угрозы ведущей в Константинополь дороге, и всё это без единого серьезного сражения на равнинах Бол-

гарии...»³⁴. Однако затем в Константинополе могли вздохнуть с облегчением: русские надолго увязли под Плевной. Второй неудачный штурм этой крепости турки сочли не просто поражением, но полной катастрофой. Парижская газета «Ле Тан», имевшая своего корреспондента в российской армии³⁵, сообщила, что потери русской армии в этом бою, согласно турецким источникам, «несколько их преувеличившим», составили 24 тыс. чел., турок — 300–400 чел. Эти существенно искаженные цифры перепечатала и «Византис», помещавшая в своих обзорах выдержки из газет, не проявлявших симпатии к России³⁶.

В том же номере была перепечатана заметка того же французского корреспондента, впервые познакомившегося с болгарами. Его впечатления от встреч с болгарскими крестьянами были негативными: он характеризовал их как совершенно запуганных и вообще до крайности трусливых людей, «так же боявшихся своих освободителей, как и прежних господ». Кроме того, при подходе русских войск они прятали продовольствие и отказывались продавать его за любые деньги. Такое отношение справедливо вызывало недовольство солдат. Однако по мере приближения к Балканам настроение населения менялось: русских встречали всё более тепло, а в Тырново им устроили пышный прием³⁷. Эта заметка должна была понравиться греческим читателям, давно уже видевшим в болгаргах своих соперников на Балканах.

Что же касается представителей прессы, прежде всего иностранной, в российской действующей армии, то они находились на особом положении: опасаясь шпионов, их тщательно проверяли³⁸, но и защищали от провокаций. К примеру, злоумышленник, совершивший разбойное нападение на военного корреспондента агентства «Гавас» Леона Поньона в окрестностях Систова, был расстрелян на месте³⁹.

2 сентября оборонявший Плевну Осман-паша сообщил о новом отбитом им штурме крепости⁴⁰. Несмотря на победные реляции, приукрашивавшие положение турецкой армии и приуменьшавшие успехи русских, к этому времени большая часть газеты «Византис» была занята материалами, так или иначе связанными с войной: телеграммы турецкого командования, выдержки из

европейских (в том числе русских) газет о положении на фронте и предполагаемых условиях мира, тревожные сообщения о недовольстве в других частях Империи. Война стала частью жизни столичного общества, к ней привыкли и константинопольские греки. Как писала впоследствии в своих автобиографических романах известная греческая писательница Мария Иорданиду (1897–1989), их жизнь почти не изменилась⁴¹. Иначе воспринимали войну мусульманские народы Империи. Для них она была оборонительной войной за родные города и села. Столица и другие города Малой Азии наполнились беженцами из Закавказья и с Балкан, в стране проходили сборы пожертвований в пользу фронта, войска пополнялись добровольцами, прежде всего, из числа беженцев. Сообщения об этом часто появлялись и на страницах «Византис»⁴².

Ноябрь 1877 г. принес неприятные неожиданности Порте и ее европейским покровителям. Взятие русскими войсками Карса, а затем Плевны радикально изменило военную и политическую обстановку: русские требования к Порте возросли, в войну вступила Сербия. В это время со страниц «Византис» не сходили обзоры той части европейской прессы, которая советовала Высокой Порте немедленно обратиться за посредничеством к европейским державам и начать мирные переговоры, а также выражала надежды на то, что Англия не позволит России овладеть Константинополем. Газета также пристально следила за настроениями в России, имея своего корреспондента в Петербурге⁴³. С точки зрения греков как в Османской империи, так и в Греции, дальнейшее продвижение русских войск не только грозило большими потерями Порте, но и затрагивало греческие интересы: как османские греки, втайне надеявшиеся на возможное возрождение Византии из Османской империи, так и афинский кабинет с его великодержавными устремлениями меньше всего желали создания еще одного славянского государства на Балканах.

Последовавшее за взятием Плевны наступление русских войск, их второй переход через Балканы вызывали в Константинополе всё большее беспокойство, к Новому году переросшее в панику. 3 января «Византис» сообщила о панике, охватившей Адрианополь и окрестные села: тысячи беженцев-мусульман

ринулись в столицу. Среди них оказались не только мусульмане, но и христиане, в том числе болгары. Они спасались не от приближающихся русских войск, но от нападений лазов, черкесов, пьяных солдат османской армии, а также шаек зейбеков — исламизированных горных греков⁴⁴. Несмотря на повторяемые «Византис» заверения турецких газет в высоком моральном духе армии, этот факт свидетельствует об обратном. Воцарившийся в прифронтовых районах хаос приводил к трагическим последствиям. К примеру, переполненный поезд с беженцами сошел с рельсов в 36 км от столицы, в результате погибли люди и было парализовано железнодорожное сообщение с Адрианополем. Это обстоятельство задержало прибытие в ставку российского командования в Казанлык турецких представителей⁴⁵, которых уставший ждать поддержки от англичан султан Абдул-Хамид направил для переговоров о перемирии⁴⁶. К этому времени Адрианополь уже никто не защищал и городским старейшинам ничего не оставалось, кроме как поднести российскому командованию ключи от города⁴⁷.

Путь к столице Империи был открыт. Чтобы пресечь панику Порты вынуждена была прибегать к жестким мерам, поскольку ежедневные сообщения газет о том, что мирные переговоры уже ведутся, мало кого успокаивали. Масла в огонь подливали рассуждения европейских газет о том, кому достанется Константинополь — Англии или России? В этой ситуации все распространители панических слухов были объявлены врагами народа и государства, подлежащими строгому наказанию вплоть до смертной казни. Населению предписывалось доносить на них в полицию. В самом городе усиливалась охрана улиц и объектов государственного значения, к которой, помимо полиции, привлекались воинские части⁴⁸.

Переговоры о перемирии, на которые возлагались большие надежды, затягивались из-за неуступчивости Порты, надеявшейся на повторение сценария Крымской войны, и неопределенности на европейском дипломатическом горизонте⁴⁹. Наконец, 19 января перемирие было подписано, но никакой официальной информации о нем и его условиях от Порты не было. На следующий день газеты полнились слухами. «Если, как кое-кто утверждает,

перемирие подписано, то зачем тогда русские войска с каждым днем продвигаются во Фракии по направлению к столице Османской империи? Или залогом окончательного мира станет временная оккупация русскими Константинополя?» — вопрошала «Византис»⁵⁰. 24 января газета обсуждала условия перемирия, находя информацию о них недостаточно определенной, но всё же настораживающей⁵¹.

В этом же редакционном материале сообщалось о реакции в столице на вторжение греческих войск в Фессалию на следующий день после подписания русско-турецкого перемирия. Действия греков вызвали всеобщее недоумение. Одни объясняли их тем, что греческое правительство, вероятно, не было осведомлено о перемирии, другие, напротив, полагали, что в Греции обо всем знали, но желали таким образом добиться включения в будущий мирный договор греческих условий⁵². Сама же редакция газеты, в предшествующих номерах уделявшая много внимания умонастроениям и военным приготовлениям Греции⁵³, лицемерно выражала удивление началу боевых действий между двумя государствами, «на всем протяжении войны сохранявшими вполне удовлетворительные отношения», и воздерживалась от комментариев, ссылаясь на недостаток информации.

Мирные переговоры, происходившие в крайне тяжелой для России обстановке дипломатического давления со стороны Великобритании и Австро-Венгрии, завершились подписанием 19 февраля (3 марта) Сан-Стефанского мирного договора⁵⁴. 21 и 24 февраля значительная часть номеров «Византис» была посвящена обстоятельствам подписания договора, его условиям, а также реакции на него в Европе и ряде провинций Османской империи. Редакция газеты довольно трезво оценивала договор: называя сам факт его подписания радостным событием, она, в то же время, выражала большие сомнения в его окончательном характере. Основаниями для таких сомнений служили военные приготовления Англии, речь Бисмарка в рейхстаге, полностью воспроизведенная на первой полосе «Византис», телеграммы из Вены, Бухареста, Афин и Белграда с выражением недовольства условиями мирного договора. Собкор газеты в Греции сообщал: «Возмущение российскими условиями неопишное». Страсти разгорались также на

Крите, в Фессалии и Эпире, где уже шли поддержанные Грецией восстания⁵⁵. Последние описывались газетой с большим сочувствием, а их детали основывались на греческих, а не турецких источниках, как это было во время восстаний славян.

В июне 1878 г. «Византис» подробно освещала работу Берлинского конгресса. Читатели могли узнать об основных камнях преткновения между Россией и ее оппонентами: о борьбе вокруг границ Болгарии, судьбе Боснии и Герцеговины, румынской проблеме, принадлежности крепостей в Закавказье. Пристальное внимание газеты привлекали также притязания Греции на османские территории. Вместе со своими соплеменниками по другую сторону границы Д. Ксенис надеялся, что они хотя бы частично будут удовлетворены⁵⁶. Борьбу за свои интересы греки вели не только непосредственно в Берлине, в ней активно участвовали греческие диаспоры в европейских столицах, к примеру, в Париже⁵⁷.

Еще до публикации официального текста нового мирного договора газета Д. Ксениса изложила его основные условия, констатируя значительное усиление влияния России в регионе. Весьма прискорбным газета сочла решение вопроса о судьбе Боснии и Герцеговины. Особое внимание и беспокойство редакции вызвал обсуждавшийся в Берлине, но фактически решенный между Англией и Османской империей вопрос о передаче Англии Кипра, населенного в значительной степени греками. Нанесенный этим удар греческим интересам несколько смягчался ожиданием территориальных приращений к Греции, на которые в Афинах надеялись в связи с решением конгресса об исправлении греко-турецкой границы⁵⁸.

Пройдя вместе с газетой «Византис» через перипетии Восточного кризиса 1870-х годов, мы видим его с необычной стороны — с точки зрения константинопольских греков, желавших быть лояльными своему правительству, но в то же время не портить прежних хороших отношений с российским посольством, которое после войны должно было вернуться в город; сочувствовавших стремлению балканских христиан к независимости от султана, но только в том случае, если этими христианами были

их соплеменники; опасавшихся развала Османской империи, но лишь потому, что это шло вразрез с интересами самих греков, мечтавших о возрождении Византии. Несмотря на такую зачистую двусмысленную позицию газеты, на ее страницах можно найти немало интересных фактов, которые раскрывают отношение Высокой Порты к восстаниям славян и войне с Сербией и Черногорией, состояние Османской империи, к началу 1878 г. фактически потерявшей контроль над прифронтовыми районами, нараставшую панику среди населения.

Газета «Византис» к этому времени несколько отступила от своей прежней позиции, отстаивавшей необходимость мира и единства действий между православными народами Империи, и стала выражать господствующие в греческой среде националистические настроения. На это, несомненно, повлияли отчетливая перспектива развала Османской империи и восстановление болгарской государственности, которые развеивали греческие надежды на возрождение Византии.

Примечания

- ¹ *Lascaris S.-Th.* La politique extérieure de la Grèce avant et après le Congrès Berlin (1875–1881). Paris: Éd. Bossard, 1924; *Νάλτσας Χ.* Ἡ Συνθήκη τοῦ Ἁγίου Στεφάνου καὶ ὁ Ἑλληνισμός. Θεσσαλονίκη, 1953; *Κοφός Ε.* Greece and the Eastern Crisis 1875–1878. Thessaloniki, 1975; *Арш Г.Л.* Греция и Восточный кризис 70-х годов XIX в. // Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и Балканы. Балканские исследования. Вып. 4. М.: Наука, 1978; *Цехмистренко С.П.* Греция, Россия и Восточный кризис 1875–1878 гг. Страницы истории. М.: ИСл РАН, 2013.
- ² Τηλέγραφος τοῦ Βοσπόρου καὶ Βυζαντίς. Ἔτος Β΄. Ἀριθμ. 82. 22.06.1857.
- ³ *Χριστόπουλος Π.* Εφημερίδες ἀποκείμενες στη Βιβλιοθήκη της Βουλῆς (1789–1970). Περιγραφικὸς κατάλογος. Ἀθήνα: Βιβλιοθήκη της Βουλῆς των Ἑλλήνων – Ἴδρυμα νεοελληνικῶν ἐρευνῶν / ΕΙΕ, 1993. Σ. 65.
- ⁴ Упоминается у Стефана Византийского: *Στέφανος.* Περί πόλεων. Basiliae: Ex Officina Oporiniana, 1568. С. 89.
- ⁵ Βυζαντίς. Ἔτος ΙΑ΄. Ἀριθμ. 1139. 25.10.1876; Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. М.: Наука, 1986. С. 287.
- ⁶ *Γεδεών Μ.* Ἀποσημειώματα χρονογράφου. 1780–1800–1869–1913. Ἐν Ἀθήναις: Τυπ. «Φοίνικος», 1932. Σ. 67.
- ⁷ *Γεδεών Μ.* Στο ἴδιο. Σ. 43–49; *Σταματόπουλος Δ.* Μεταρρύθμιση καὶ ἐκκοσμίκευση. Πρὸς μια ἀνασύνθεση της ιστορίας του Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου τον 19^ο αἰῶνα. Ἀθήνα: Ἐκδόσεις Ἀλεξάνδρεια, 2003. Σ. 162, 170.
- ⁸ *Σταματόπουλος Δ.* Μεταρρύθμιση... Σ. 314.
- ⁹ Τηλέγραφος τοῦ Βοσπόρου καὶ Βυζαντίς. Ἔτος ΙΕ΄. Ἀριθμ. 1368. 18.03.1870; Ἀνατολικὸς Ἀστήρ. 14/26 Μαρτίου 1870. Ἔτος Θ΄. Ἀριθμ. 757.

- ¹⁰ См., напр.: Βυζαντίς. "Έτος Ι΄. Άριθμ. 948. 08.07.1875; Άριθμ. 972. 02.09.1875.
- ¹¹ Βυζαντίς. "Έτος Ι΄. Άριθμ. 979. 18.09.1875.
- ¹² Βυζαντίς. "Έτος Ι΄. Άριθμ. 967. 21.08.1875.
- ¹³ *Цехмистренко С.П.* Греция, Россия и Восточный кризис... С. 68–70.
- ¹⁴ Βυζαντίς. "Έτος ΙΑ΄. Άριθμ. 1065. 26.04.1876.
- ¹⁵ Βυζαντίς. "Έτος ΙΑ΄. Άριθμ. 1068. 03.05.1876.
- ¹⁶ Βυζαντίς. "Έτος ΙΑ΄. Άριθμ. 1069. 04.05.1876; Βυζαντίς. "Έτος ΙΑ΄. Άριθμ. 1071. 10.05.1876.
- ¹⁷ История Болгарии в двух томах. Т. 1. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. С. 286–287.
- ¹⁸ Βυζαντίς. "Έτος ΙΑ΄. Άριθμ. 1071. 10.05.1876.
- ¹⁹ "Ωρα. "Έτος Α΄. Άριθμ. 203. 28.04.1876.
- ²⁰ См., напр.: "Ωρα. "Έτος Α΄. Άριθμ. 212. 07.05.1876; Αἰών. "Έτος ΛΗ΄. Άριθμ. 3226. 03.05.1876.
- ²¹ История Балкан. Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.). М.: УРСС, 2012. С. 168.
- ²² Βυζαντίς. "Έτος ΙΑ΄. Άριθμ. 1110. 12.08.1876.
- ²³ Βυζαντίς. "Έτος ΙΑ΄. Άριθμ. 1092. 01.07.1876; Βυζαντίς. "Έτος ΙΑ΄. Άριθμ. 1095. 08.07.1876; Βυζαντίς. "Έτος ΙΑ΄. Άριθμ. 1110. 12.08.1876; Βυζαντίς. "Έτος ΙΑ΄. Άριθμ. 1116. 30.08.1876.
- ²⁴ Βυζαντίς. "Έτος ΙΑ΄. Άριθμ. 1118. 02.09.1876; Βυζαντίς. "Έτος ΙΑ΄. Άριθμ. 1126. 23.09.1876; Βυζαντίς. "Έτος ΙΑ΄. Άριθμ. 1131. 05.10.1876; Βυζαντίς. "Έτος ΙΑ΄. Άριθμ. 1136. 18.10.1876; Βυζαντίς. "Έτος ΙΑ΄. Άριθμ. 1137. 19.10.1876.
- ²⁵ Βυζαντίς. "Έτος ΙΑ΄. Άριθμ. 1137. 19.10.1876.
- ²⁶ Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. М.: Наука, 1986. С. 289.
- ²⁷ См., напр.: Βυζαντίς. "Έτος Ι΄. Άριθμ. 967. 21.08.1875; Βυζαντίς. "Έτος ΙΑ΄. Άριθμ. 1070. 06.05.1876; Βυζαντίς. "Έτος ΙΑ΄. Άριθμ. 1137. 19.10.1876.
- ²⁸ Βυζαντίς. "Έτος ΙΒ΄. Άριθμ. 1184. 17.02.1877; Βυζαντίς. "Έτος ΙΒ΄. Άριθμ. 1188. 28.02.1877.
- ²⁹ Βυζαντίς. "Έτος ΙΒ΄. Άριθμ. 1191. 07.03.1877; Βυζαντίς. "Έτος ΙΒ΄. Άριθμ. 1199. 31.03.1877.
- ³⁰ Βυζαντίς. "Έτος ΙΒ΄. Άριθμ. 1204. 12.04.1877; Βυζαντίς. "Έτος ΚΒ΄. Άριθμ. 2091. 13.04.1877.
- ³¹ *Τσαπανίδου Α.* Ελληνες πολέμοι και θεράποντες του σουλτάνου στην Κωνσταντινούπολη του 19^{ου} αιώνα // Η Κωνσταντινούπολη στην Ιστορία και Λογοτεχνία. Πρακτικά Συνεδρίου 13–14 Μαΐου 2016. Αθήνα, 2018. Σ. 525.
- ³² Βυζαντίς. "Έτος ΚΒ΄. Άριθμ. 2091. 13.04.1877.
- ³³ О ходе боевых действий см.: Война 1877–1878 гг. Т. 1–2. Война в Европейской Турции. СПб., 1882; *Фортунатов П.К.* Война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М.: Учпедгиз, 1950; *Беляев Н.И.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М.: Воениздат, 1956; Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М.: Воениздат, 1977.
- ³⁴ Βυζαντίς. "Έτος ΙΒ΄. Άριθμ. 1205. 14.04.1877; Βυζαντίς. "Έτος ΚΒ΄. Άριθμ. 2115. 05.07.1877; Βυζαντίς. "Έτος ΚΒ΄. Άριθμ. 2116. 08.07.1877; Βυζαντίς. "Έτος ΚΒ΄. Άριθμ. 2119. 19.07.1877.
- ³⁵ В списке допущенных в действующую армию корреспондентов от газеты «Ле Тан» значится Ламот. См.: Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Вып. 2. Журнал военных действий, веденный в Полевом Штабе / сост. М. А. Газенкамф. СПб: Военная типография, 1898. С. 173.

- 36 Βυζαντίς. "Έτος ΚΒ΄. Άριθμ. 2123. 02.08.1877.
- 37 Βυζαντίς. "Έτος ΚΒ΄. Άριθμ. 2123. 02.08.1877.
- 38 *Μαναхова Α.Β.* Проблема допуска корреспондентов на Балканский театр русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2018. № 3. С. 38–40.
- 39 Βυζαντίς. "Έτος ΚΒ΄. Άριθμ. 2123. 02.08.1877.
- 40 Βυζαντίς. "Έτος ΙΒ΄. Άριθμ. 1263. 05.09.1877.
- 41 *Ιορδανίδου Μ.* Διακοπές στον Καύκασο. Αθήνα: Εστία, 1994 (16 εκδ.); Ιορδανίδου Μ. Λωζάνδρα. Αθήνα: Εστία, 1993 (34 έκδ.).
- 42 См., напр.: Βυζαντίς. "Έτος ΚΒ΄. Άριθμ. 2123. 02.08.1877; Βυζαντίς. "Έτος ΙΒ΄. Άριθμ. 1295. 26.11.1877; Βυζαντίς. "Έτος ΚΓ΄. Άριθμ. 2168. 10.01.1878.
- 43 Βυζαντίς. "Έτος ΚΒ΄. Άριθμ. 2158. 02.12.1877; Βυζαντίς. "Έτος ΚΒ΄. Άριθμ. 2159. 06.12.1877; Βυζαντίς. "Έτος ΚΒ΄. Άριθμ. 2160. 09.12.1877; Βυζαντίς. "Έτος ΚΒ΄. Άριθμ. 2161. 13.12.1877; Βυζαντίς. "Έτος ΚΓ΄. Άριθμ. 2167. 03.01.1878.
- 44 Βυζαντίς. "Έτος ΚΓ΄. Άριθμ. 2169. 13.01.1878; Βυζαντίς. "Έτος ΚΓ΄. Άριθμ. 2173. 27.01.1878.
- 45 Βυζαντίς. "Έτος ΚΓ΄. Άριθμ. 2167. 03.01.1878.
- 46 Международные отношения... С. 355.
- 47 История Болгарии... Т. 1. С. 307–308; Βυζαντίς. "Έτος ΚΓ΄. Άριθμ. 2168. 10.01.1878.
- 48 Βυζαντίς. "Έτος ΚΓ΄. Άριθμ. 2168. 10.01.1878.
- 49 История Балкан... С. 310; Международные отношения... С. 355–356.
- 50 Βυζαντίς. "Έτος ΚΓ΄. Άριθμ. 2171. 20.01.1878.
- 51 Βυζαντίς. "Έτος ΚΓ΄. Άριθμ. 2172. 24.01.1878.
- 52 Подробнее о запоздалом вступлении Греции в войну см.: *Цехмистренко С.П.* Греция, Россия и Восточный кризис... С. 110–115.
- 53 Βυζαντίς. "Έτος ΚΓ΄. Άριθμ. 2168. 10.01.1878; Βυζαντίς. "Έτος ΚΓ΄. Άριθμ. 2169. 13.01.1878.
- 54 О ходе переговоров подробнее см.: История Балкан... С. 310–314; Международные отношения... С. 357–364.
- 55 Βυζαντίς. "Έτος ΚΓ΄. Άριθμ. 2180. 21.02.1878; Βυζαντίς. "Έτος ΚΓ΄. Άριθμ. 2181. 24.02.1878.
- 56 См., напр.: Βυζαντίς. "Έτος ΚΓ΄. Άριθμ. 2215. 23.06.1878; Βυζαντίς. "Έτος ΚΓ΄. Άριθμ. 2216. 27.06.1878; Βυζαντίς. "Έτος ΚΓ΄. Άριθμ. 2217. 30.06.1878.
- 57 Βυζαντίς. "Έτος ΚΓ΄. Άριθμ. 2218. 04.07.1878.
- 58 Βυζαντίς. "Έτος ΚΓ΄. Άριθμ. 2218. 04.07.1878; Βυζαντίς. "Έτος ΚΓ΄. Άριθμ. 2221. 14.07.1878; Βυζαντίς. "Έτος ΚΓ΄. Άριθμ. 2222. 18.07.1878.

Константин Леонтьев о Болгарском вопросе на Балканах*1

Аннотация:

Основная тема статьи — анализ Болгарского вопроса как части Восточного вопроса в публицистике и письмах Константина Леонтьева. Историко-софия Леонтьева представлена с трех точек зрения: геополитической (Восточный вопрос, Проливы, восточно-православная конфедерация); идеологической (панславизм, византизм, славизм, босфорский русизм); метафизической (православие). Красной нитью в тексте проходит духовный путь Леонтьева от философа и дипломата Константина до монаха Климента, и отсюда — постепенная трансформация в его взглядах по Болгарскому вопросу. Автор вводит понятие «европобесие», с одной стороны, как обобщение термина Леонтьева «болгаробесие», а с другой, как суть духовной брани леонтьевской историософии. Духовная брань — это образ жизни православного человека, а у Леонтьева — это смысл его текстов — открывать глаза русского человека на его заблуждения в отношении болгар, в отношении Европы. Русское «болгаробесие» является частным примером русского, славянского и болгарского «европобесия», или страсти к европейской либеральной идее в XIX веке.

Ключевые слова:

К.Н. Леонтьев, Болгария, Болгарский вопрос, «европобесие», «болгаробесие», Восточный вопрос, босфорский русизм, панславизм, византизм, туранский миф, славянофобия, фанариоты.

Darina
GRIGOROVA

Konstantin Leontiev on the Bulgarian question in the Balkans

Abstract:

The basic goal of this article is to analyse Konstantin Leontiev's point of view on the Bulgarian question as part of the Eastern question.

The analysis of Leonitev's historiosophy is presented in the context of three discourses:

* Статья подготовлена при финансовой поддержке болгарского Фонда научных исследований, проект ДНТС/Россия/02/17- «Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность)».

- 1) geopolitical discourse (The Eastern question, the Bulgarian question, Bosphorus, Eastern Orthodox Confederation);
- 2) ideological discourse (Pan-Slavism, Byzantinism, Slavism, Bosphorus Russism);
- 3) metaphysical discourse (the Orthodox Christianity).

The leitmotif of this article is Leontiev's spiritual path from philosopher Konstantin to monk Kliment and the transformation of his perspective on Bulgarian question.

The author introduces the term 'Evropobesye' [European devilment] as a generalization of Leontiev's term 'Bulgarobesye' [Bulgarian devilment]. The Russian 'Bulgarobesye' is a part of Russian passion of European liberal idea — 'Evropobesye'.

Key words:

Eastern question, Bulgarian question, the Optina monastery, Pan-Slavism, Byzantinism, Bosphorus Russism, Bulgarobesye [Bulgarian devilment], Evropobesye [European devilment], Turanian myth, Slavophobia, Fanariots.

Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891) — врач, дипломат, писатель, консервативный публицист, историко-соф в лучших русских традициях XIX века, а в последний год своей жизни — монах с именем Климент. Путь от Константина к Клименту — «долгие дни умственного одиночества», как он сам его описывает, — начался на Балканах с обета, который светский эстет и российский консул в Салониках* дал Богородице перед лицом смерти: в случае выздоровления принять монашеский постриг у афонских монахов.

Константин Леонтьев описывает свое обращение («переворот») в письме известному русскому религиозному философу В.В. Розанову (1856–1919): «Всё главное мною сделано после 1872–73 гг., т.е. после поездки на Афон и после страстного обращения к личному православию... Личная вера почему-то вдруг dokonчила в 40 лет и политическое, и художественное воспитание мое. Это и до сих пор удивляет меня и остается для меня таинственным и непонятным. Но в лето 1871 года, когда в Салониках, лежа на диване в страхе неожиданной смерти (от сильнейшего приступа холеры), я смотрел на образ Божьей Матери (только что привезенный мне монахом с Афона), я ничего этого

* В 1871 г. К.Н. Леонтьев был назначен консулом в г. Салоники. Ранее (1869–1871 гг.) он был консулом в Янине, где тяжело заболел.

предвидеть еще не мог. [...] и воскликнул: “Матерь Божия, рано умирать мне! Я еще ничего не сделал достойного моих способностей и вел в высшей степени развратную, утонченно-грешную жизнь. Подними меня с этого одра смерти. Я поеду на Афон, поклонюсь старцам, чтобы они обратили меня в простого и настоящего православного... и даже постригусь в монахи”»². Это было в 1871 г. Дорога от Афона до Оптиной пустыни длилась 20 лет. В 1891 г. Константин стал Климентом по благословению оптинского старца Амвросия (духовного наставника Леонтьева с 1874 г.)³. Спустя несколько месяцев Климент умер в Троице-Сергиевой лавре⁴.

Две болгарские роковые даты оставляют прочный след и присутствуют в текстах Константина Леонтьева до его последнего вздоха: 1872 год (Болгарский экзархат) и 1878 г. (Освобождение Болгарии без Царьграда*).

«Болгарский вопрос»⁵, как русская общественность называет болгаро-греческий церковный спор, является постоянным и в то же время личным вопросом публицистики Леонтьева и его частной переписки. Фундаментальная тема, боль и страх Леонтьева — «европобесие». Мы вводим этот термин, поскольку Леонтьев вводит понятие «болгаробесие» в отношении доминирующей проболгарской позиции русской общественности по церковному вопросу. Однако русское «болгаробесие» является частным примером русского, славянского и болгарского «европобесия», или страсти к европейской либеральной идее в XIX веке — «наше вечное умственное рабство перед их идеями»⁶.

Константин Леонтьев рассматривал ряд вопросов, связанных с Болгарией, болгаро-греческой церковной распрей, славянством: геополитический (Восточный вопрос, Проливы, восточно-православная конфедерация); идеологический (панславизм, византизм, славизм, босфорский русизм) и метафизический (православный)⁷.

* Столица Османской империи в дипломатических документах Российской империи значилась как Константинополь (ныне — Стамбул). К.Н. Леонтьев ее называл Царьградом.

Восточный вопрос как геополитическая мистика

Первостепенной геополитической целью Восточного вопроса для Леонтьева является захват Стамбула/Константинополя/Царьграда и Проливов. «Платоническое освобождение славян» является второстепенным⁸.

«Завоевание Босфора — это судьба России», и здесь ее «естественным союзником» являются болгары: «болгары поставлены были самой историей в положение аванпостов славянства на заветном пути его развития! Вот огромное значение болгар для России и для всего славянства...».

Восточный вопрос для Леонтьева — прежде всего, «церковный», Царьград необходим, чтобы стать центром «Восточно-православного союза», который ставит греков наравне с болгарами по важности для российской политики: «по многим причинам, как историческим, так и географическим, болгары и греки важнее для нас сербского племени»⁹.

Болгаро-греческий церковный спор ставит под сомнение мечту Леонтьева о сакральной реализации Восточного вопроса, а именно о создании конфедерации — «великого восточного союза» или «великого восточно-православного союза», в котором русская власть должна иметь «вселенский характер»¹⁰. Восточный вопрос должен заменить Петербургскую и Московскую Русь «Царьградской Русью» в качестве центра «нового восточного мира»¹¹.

Цель возглавляемой Россией «восточной федерации независимых государств» — «оборонительный союз против Западной Европы», против «нового федерального Запада»¹².

Отсюда идет болезненная реакция Леонтьева на «болгарскую литургию» 6 января 1872 г.*, которая переводит Восточный вопрос «в совершенно новую фазу». «Греко-славянская распря...

* «Болгарская литургия» 6 января 1872 г. — Богоявление, трое болгарских епископов, Иларион Макариопольский, Панарет Пловдивский и Иларион Ловчанский, без согласия Константинопольского патриархата совершили богослужение на болгарском подворье в Константинополе — в церкви Св. Стефана. Это было начало болгарской борьбы за восстановление автокефалии Болгарской церкви.

на меня тогда, как на православного русского человека, наводила духовный и гражданский страх за наше будущее»¹³, — писал он.

Опасения Леонтьева о «лже-богомольном движении болгар» являются мистическими: «Опасен не чужеземный враг, на которого мы всегда глядим пристально исподлобья; страшен не сильный и буйный соперник, бросающий нам в лицо окровавленную перчатку старой злобы. Не немец, не француз, не поляк, полубрат, полуоткрытый соперник. Страшнее всех их брат близкий, брат младший и как будто бы беззащитный, если он заражен чем-либо таким, что, при неосторожности, может быть и для нас смертоносным. [...] только при болгарском вопросе впервые, с самого начала нашей истории, в русском сердце вступили в борьбу две силы, создавшие нашу русскую государственность: племенное славянство наше и византизм церковный. Я сказал и облегчил себе душу!»¹⁴.

Мистический взгляд Леонтьева преобладает над его историческими наблюдениями болгар. В 1873 г. он признает, что «болгары несравненно правые», «прежде болгар, и еще больше их, сами греки грешили всегда этим филетизмом*»; им давно хотелось погречить болгар Македонии и Фракии... Болгарский филетизм... есть филетизм оборонительный, а греческий — завоевательный, стремящийся перейти свои естественные, этнографические пределы»¹⁵.

В 1880-е годы публицистика Леонтьева уже горячо защищает греческую позицию, но причины этого остаются мистическими. Речь идет не об эллинофилии, не о болгарофобии или славянофобии, а о мистическом приоритете: «Не греки должны быть важны для нас сами по себе, как греки, а важны восточные церкви, по исторической случайности оставшиеся в руках греков. [...] Но пока этот великий, центральный и спасительный по своей будущности

* Филетизм — «трибализм». Термин ввели греческие архиереи 16 сентября 1872 г. на Константинопольском соборе, провозгласившем болгарский народ и болгарскую Церковь схизматичной. Филетизм — это греческое осуждение болгар, которые восстановили болгарскую церковь как Болгарскую экзархию 12 февраля 1872 г. Право на это им давал ферман султана от февраля 1870 г. Болгарская православная церковь восстановила свое патриаршеское достоинство в 1953 г. (в третий раз за болгарскую историю: после 927 г. — Преславская патриархия и после 1234 г. — Тырновская патриархия). В 1961 г. последним признает ее статус Константинопольский патриархат.

престол в руках греков, нельзя раздражать их какими-то славянскими бравадами, в которых нет ни ума, ни дальновидной политики, ни христианского смирения со стороны сильного (т.е. России) перед слабым, но правым духовно (т.е. перед патриархом)»¹⁶.

Леонтьев в равной степени критикует болгар и греков («нынешних греков мира сего», «внешних греков», как он называет свободных греков, не являющихся турецкими подданными). Речь идет о демократии и европеизме: «болгарская нация... политические и социальные контуры этой новой нации видны уже и теперь. Физиономия ее — крайне демократическая, привычки, идеалы крайне эмансипационные»¹⁷.

На фоне проболгарской русской общественной мысли Леонтьев — одиночка. Ф.М. Достоевский придерживается примерно тех же взглядов, но в личной переписке, а не публично. Либеральная русская печать занимает полностью проболгарскую позицию, защищает национальные устремления болгар, не скрывает грубого давления греческого духовенства на богослужение болгарских священников, проводимое на славянском языке: «...греческие же архиереи делают невероятные вещи, чтобы не допускать славянского языка в церкви, например, жгут славянские книги, упрасивают пашей выгонять учителей, которые хотят учить славянской грамоте, и т.п. За то ожесточение против них ужасное, и мы не в одном болгарском городе, на вопрос, кто тут владыка, получали такой ответ: «архиерей наш какой-то грек, живет в Стамбуле, к нам он не смеет носу показать»¹⁸.

В истории моей деревни, Расово на Дунае, написанной моим прадедом Силвестром Милчевым, есть рассказ «Поп Валчо» — о подвиге болгарского священника во времена Болгарского возрождения и греческих епископов. Поп Валчо не позволял греческим владыкам облагать налогом своих односельчан и готов был взять на себя ответственность, даже когда его подвергали физическим пыткам. «Поп Валчо Расовский, крупный человек высокого роста с белым лицом и пышной длинной бородой ... одетый в полностью традиционную одежду», надевает рясу только в церковь, а его дом «всегда является прибежищем четников и харамов*», — повествует автор рассказа.

* Харамия — разбойник в Османской империи.

Священнику «причиняют большие страдания врачанские епископы, греки Антим, Мефодий и Аганий, а потом и берковский Дорофей», который был болгаринном. Греческий епископ Антим собирает церковный налог с жителей деревни, но поп Валчо Расовский «из-за буйности и непокорства этим алчным к деньгам владыкам» не хочет платить пошлину. Не оплачивает он и штраф в размере двух турецких лир, которые должны были собрать жители Расово, и несет наказание: «его держат в течение нескольких недель в особой комнате для провинившихся по службе, непокорных или не исполняющих своих обязанностей священников». Это не вразумляет непокорного попа, и греческий владыка подвергает его физическим пыткам: «в комнате стоит вбитое в землю толстое бревно, разделенное на две части, с металлическими винтами, подобные тискам. Владыка хватает свою жертву за бороду и запикивает ее в щель расколотого надвое бревна, которое сжимает бороду, не позволяя ему сидеть или двигаться. Поп Валчо переносил это варварское наказание с необычайным терпением и стойкостью, несмотря на то, что подвергался ему неоднократно»¹⁹.

Церковный спор болгар с греками находил закономерный отклик и в русской общественной мысли. Консервативные издания во главе с М.Н. Катковым и А.С. Сувориным поддерживали болгарскую идею, за исключением газеты «Гражданин». Катков прекратил публиковать Леонтьева из-за его православного и аскетического духа, которого он не понимал: «Его Православие было серенькое, разведенное либеральностью, а когда я развернул вполне знамя моего белого Православия, то он испугался этого варварства и безумия... я возразил ему, что всё это сообразно с мнениями лучших монахов, а он сказал: “монахи ничего не понимают!”»²⁰. Леонтьев не мог знать, однако, что не только Катков со своим «сереньким Православием», но и св. Феофан Затворник был на стороне болгар в церковном вопросе: «Болгары [...] не виноваты. Они не могли сами отстать от патриархата, и не отставали, а просили. Но когда они просили, то патриархат должен был их отпустить. Не отпустил? Они и устроили себе увольнение другою дорогою [...] Виноват патриархат. Собор же их, осудивший болгар, — верх безобразия»²¹. Поздний славяно-

фил и ранний панславист И.С. Аксаков тоже на стороне болгар. Славянские комитеты при активном его содействии популяризируют болгарскую средневековую историю и историю православной церкви в Болгарии. Русская церковь воздерживается от участия в споре.

Не случайно Леонтьев не говорит о «славянобесии», а о «болгаробесии» в русском обществе — от церковного спора до воодушевления, вызванного русско-турецкой войной 1877–1878 гг. Образ греков в русской общественной мысли является нарицательным, они «фанариоты», а болгары — свободолюбивые и незаслуженно обиженные христиане.

Мистический страх Леонтьева перед «загадочным народом» и его воздействием на российскую мысль имеет свои основания: «Только одни болгары у нас всегда правы, всегда угнетены, всегда несчастны, всегда кротки и милы, всегда жертвы и никогда не притеснители. [...] Все болгарские интересы считались почему-то прямо русскими интересами; все враги болгар — нашими врагами»²². Леонтьев демонизирует болгарское влияние на русское сознание: «Болгарские демагоги знали всё хорошо и всё сделали ловко, дабы вылущить свое население поскорее из греков во Фракии и Македонии, они заставили Россию идти за собой с повязкой на очах!»²³.

Позже, в 1880-е годы, в либеральной печати также говорилось о «славянской горячке, охватившей всё общество, которое положительно бредило славянством», о «фальшивых, фантастических понятиях о славянах...», которые «Русская мысль» красиво и задолго до «воображаемых сообществ» Бенедикта Андерсона* определяла как «воображаемых славян»²⁴.

Для русских мы были «воображаемые славяне», как для нас, для болгар, «дед Иван» [дядо Иван] был «воображаемая Россия». Русские нас не знали, и мы их тоже, представление было сказочным, даже мифическим, иррациональным. И только в этой войне, в 1877 г., мы – болгары и русские, встретились реально.

* Бенедикт Андерсон (1936–2015). Автор теории национального сознания как «воображаемого сообщества» [imagined community]. См.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2016.

Восточный вопрос как идеологическая эстетика

Идеологический подход Леонтьева к Восточному вопросу был порожден страхом новоевропейского влияния на Россию через болгар и югославян. Вместо европейской либеральной идеологии Леонтьев предлагает свою, оборонительную идеологическую доктрину — византизм. После взятия турецкого Стамбула, для нас Константинополя, византизм должен обеспечить преемственность «невской цивилизации» в «новом босфорском русизме».

Византизм Леонтьева — это религиозный панславизм, реакция на «либеральное всеславянство», «всеславянский вопрос» — «либеральное зло», тогда как «православно-восточный вопрос» — идеал политического спасения²⁵.

«Я опасаясь либерального всеславянства»²⁶, — признается Леонтьев в письме к Владимиру Соловьеву.

«Не столько сами славяне важны, сколько то, что в них есть особенного славянского, отделяющего нас от Запада... это особое, культурное славянское... Если только оно найдется или выработается... Вот в чем задача...», — пытается он сказать И.С. Аксакову, встречая в ответ «радостное кивание головой». И Леонтьев вновь остается в «умственном одиночестве»²⁷.

Византизм Леонтьева содержит «культурный славизм» как часть «культурно-эстетического идеала» в поисках нового культурно-исторического типа, унаследованного Н.Я. Данилевским. Византизм Леонтьева должен прервать духовную связь России с Европой 1789 года: «антикатолической, антирелигиозной, антимонархической, либеральной, рационалистической»²⁸, с «сатанинским хаосом индустриального космополитизма и современного вавилонского всесмешения»²⁹.

Удаляясь от мифа о славянской идее, Леонтьев создает туранский миф — от «воображаемых славян» к воображаемым туранцам* — основе будущей евразийской концепции: «Бессознательное назначение России не было и не будет чисто славянским.

* Туранец — от «тур», «тура» — мифический народ древнеиранского эпоса.

[...] Россия давно уже не чисто-славянская держава. [...] можно позволить себе сказать про Россию странную вещь, что она есть нация из всех славянских наций, самая не славянская и в то же время самая славянская. [...] ибо только из более восточной, из наиболее азиатской — туранской нации, в среде славянских наций может выйти нечто, от Европы духовно независимое»³⁰.

Восточный вопрос как православная судьба России

Незадолго до того, как Константин стал Климентом, «культурная вера» Леонтьева в Россию (носительницу новой славяно-русско-туранской или славяно-азиатской цивилизации) пошатнулась. Формально толчком к этому явилась статья Владимира Соловьева «Россия и Европа» (1888), в которой фраза «Русская цивилизация — это европейская цивилизация» заставила Леонтьева сначала порвать фотографию Соловьева, а затем признать: «Мне стало больно, потому что я почувствовал, до чего это близко к правде!»³¹

Леонтьев понимает, что эстетическая доктрина византизма не может победить духовную сущность «новой Европы», плод «европейской революции ...всеобщее смешение, стремление уравнивать и обезличить людей в типе среднего, безвредного и трудолюбивого, но безбожного и безличного человека, — немного эпикурейца и немного стоика»³². Дух побеждается духом, а не «культурной верой». «Новая Европа» уже побеждена «православным Афоном».

Леонтьев находит то, что искал, еще в своих первых воспоминаниях об Афоне, в которых нет разницы между греческими, болгарскими и русскими монахами, они едины: «Сколько косвенной, незаметной прямо пользы делают Русскому народу пять, шесть каких-нибудь нам, считающимся образованными, Русским, и неизвестных, Греков и Болгар, поселившихся в ужасных расселинах или в пустынных хижинах Афонской горы. Об этих афонских пустычниках (об отце Данииле-Греке, об отце Василии-Болгарине и подобных им) доходят верные слухи и описания как печатные, так и путем частных писем и рассказов, до

русских монастырей; слухи и описания эти укрепляют наших монахов; образ этих нерусских святых людей, которых русские поклонники видят хоть на этом турецком Востоке, восхищает и утешает их»³³. «Русский поклонник хвалит греков и болгар за их аскетизм. Греческий и болгарский мирской простолудин любит русских монахов за их доброту. Таким образом, восточные христиане и наши русские, взаимно дополняя здесь друг друга, развивают успешно обе главные основы христианского учения — аскетизм и милосердие»³⁴.

В самом конце своей жизни Леонтьев понимает, что нет необходимости подменять православие православной идеологией, такой, как византизм, и что эстетика принадлежит миру сему, в том числе русская эстетика, которая является европейской.

В поисках «оригинальной славяно-восточной культуры» Константин Леонтьев остается идеологически закрытым к очевидному — к церковнославянскому языку как православному дару средневековой Болгарии. Но тогда Леонтьев был бы Д.С. Лихачевым еще до Д.С. Лихачева. А Константин, незадолго до того, как стать Климентом, понимает, что «пожалуй, призвание-то России чисто религиозное... и только!».

Примечания

- ¹ Статья опубликована в сокращенном варианте на сайте «pravoslavie.ru».
- ² Цит по: *Свящ. Кирилл Зайцев*. Любовь и страх. Памяти Константина Леонтьева // Константин Леонтьев: pro et contra. Антология. Кн. 2. СПб., 1995. С. 206.
- ³ Неслучайно называют К.Н. Леонтьева «писатель-послушник» — см.: *Резвых Т.Н.* «Таинство понуждения»: доклад Сергея Дурылина о Константине Леонтьеве «Писатель-послушник» // Христианское чтение. 2017. № 3. С. 159–182; или «писатель-инок» — см.: *Лесневский Ст.* Писатель-инок // Книжное обозрение. 1991. № 4.
- ⁴ О влиянии русского монашества Оптиной пустыни на Константина Леонтьева как факторе его историософии. См.: *Нагорный С.В.* Исихазм в контексте традиции русского любомудрия // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Философия. 2007. № 4. С. 56.
- ⁵ Об «особой роли болгарского народа в славянском мире» в политической философии К.Н. Леонтьева см.: *Косик В.И.* Константин Леонтьев. Размышления на заданную тему. М., 1997. С. 148–170; *он же*. К.Н. Леонтьев: болгарская тема — pro et contra // Славянский альманах. 1998. С. 120–139; *он же*. Немного из истории русофильства и русофобства в Болгарии // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. II. 2016. Вып. 2 (69). С. 22–30. О «негативном отношении Леонтьева к зарубежным славянам» см.: *Хевролина В.М.* Власть и общество 1878–1894 гг. М., 1999. С. 185. О византинизме Леонтьева

- и о болгарском церковном вопросе см.: *Жечев Т.* Българският Великден или страстите български. София, 1985. О «болгарофобии» и «болгарском синдроме» К.Н. Леонтьева см.: *Ценов Стр.* Константин Леонтьев — поэтика болгарофобии // URL <http://sites.utoronto.ca/tsq/55/Tsanov.pdf>.
- ⁶ *Леонтьев К.Н.* Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // *Леонтьев К.* Полное собрание сочинений и писем в 12 томах. Т. 8. Кн. 1. Публицистика 1881–1891 годов. СПб., 2007. С. 221.
- ⁷ О противоречивых взглядах на историософию К.Н. Леонтьева: «разочарованный славянофил» (С.Н. Трубецкой), «философ реакционной романтики», «защитник мистического анархизма» с «эстетическим культом насилия» (Н.А. Бердяев), и в «эстетическом понимании истории» (В.В. Розанов), «самый яркий выразитель “культурного русизма”» (св. И. Фудель) см.: К.Н. Леонтьев: PRO ET CONTRA. Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей 1891–1917 гг. Антология. Кн. 1. СПб., 1995. С. 123–160, 208, 227, 27, 163.
- ⁸ *Леонтьев К.Н.* Дополнение к двум статьям о панславизме (1884 года) // *Леонтьев К.* Восток, Россия и славянство. Т. I. М., 1885. С. 76.
- ⁹ *Леонтьев К.Н.* Мои воспоминания о Фракии. Русский вестник. 1879 г. Примечание 1885 г. // Там же. С. 240, 237.
- ¹⁰ *Леонтьев К.Н.* Храм и церковь. Гражданин, 1878 // Там же. С. 254–255.
- ¹¹ *Леонтьев К.Н.* Письма о восточных делах. Гражданин, 1882–1883 // Там же. С. 297.
- ¹² *Леонтьев К.Н.* Панславизм и греки. Русский вестник, 1873 // Там же. С. 8–10.
- ¹³ *Леонтьев К.Н.* Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // *Леонтьев К.* Полное собрание сочинений и писем в 12 томах. Т. 8. Кн. 1. С. 219.
- ¹⁴ *Леонтьев К.* Восток, Россия и славянство. С. 189.
- ¹⁵ *Леонтьев К.Н.* Панславизм на Афоне. Русский вестник, 1873 // *Леонтьев К.* Восток, Россия и славянство. С. 48.
- ¹⁶ *Леонтьев К.Н.* Дополнения (1885 года) // Там же. С. 227.
- ¹⁷ *Леонтьев К.Н.* Византизм и Славянство. 1875 г. // Там же. С. 127.
- ¹⁸ *Карлова М.Ф.* Турецкая провинция и ее сельская и городская жизнь. Путешествие по Македонии и Албании // Вестник Европы. 1870. № 7. С. 162. Еще о политике греческого духовенства против проведения служб на церковнославянском языке: «...греческое духовенство, захватившее в свои руки управление славянскими епархиями, не только не заботилось о народном образовании, о приготовлении достойных пастырей из среды славян, но даже старалось вытеснить славянское богослужение, столь понятное для народа, и заменить его греческим» // *Нил Попов.* По поводу восстановления Болгарского Экзархата. (Сказано в заседании Славянского комитета 11 мая) // Православное обозрение. 1872. Май. С. 654.
- ¹⁹ *Милчев Силвестър.* Село Расово, Ломско. В миналото и сега. София, 1942. <http://www.memoriabg.com/2015/11/10/skromnoto-delo-na-sabudenite-liude/>.
- ²⁰ *Леонтьев К.Н.* Моя исповедь, декабрь 1878 // *Леонтьев К.* Полное собрание сочинений и писем в 12 томах. Т. 6. Кн. 1. Воспоминания, очерки, автобиографические произведения 1869–1891 годов. СПб., 2003. С. 234.
- ²¹ *Феофан Затворник.* Собрание писем. Вып. 7. Письмо № 1134. М., 1900. Репр. М., 2000. Т. 2. С. 128. Цит. по: *Кострюков А.А.* Жизнеописание архиепископа Серафима (Соболева). София, 2011. С. 91–92.
- ²² *Леонтьев К.Н.* Письма отшельника. Восток, 1879 // *Леонтьев К.* Восток, Россия и славянство. С. 261–262.
- ²³ *Леонтьев К.Н.* О пороках фанариотов и о русском незнании // Там же. С. 272.

- ²⁴ Заметки о русской и немецкой восточной политике в связи с славянским вопросом // Русская мысль. 1882. № 1. С. 21, 26.
- ²⁵ *Леонтьев К.Н.* Плоды национальных движений на православном Востоке // *Леонтьев К.* Полное собрание сочинений и писем в 12 томах. Т. 8. Кн. 1. Публицистика 1881–1891 годов. СПб., 2007. С. 552.
- ²⁶ *Леонтьев К.Н.* Письма к Вл. Соловьеву // *Леонтьев К.Н.* Избранное. М., 1993. С. 339.
- ²⁷ Моя литературная судьба. Автобиография Константина Леонтьева // *Мещеряков Н., Дурылин С.* Литературное наследство. 1935. Т. 22. С. 445.
- ²⁸ Переписка К.Н. Леонтьева и И.И. Фуделя (1888–1891) // *Леонтьев К.* Полное собрание сочинений и писем в 12 томах. Приложение. Кн. 1. СПб., 2012. С. 240, 81, 89–90.
- ²⁹ *Леонтьев К.Н.* Воспоминания и отрывки // *Леонтьев К.Н.* Восток, Россия и славянство. Т. 2. М., 1886. С. 388.
- ³⁰ *Леонтьев К.Н.* Письма о восточных делах. Гражданин, 1882–1883 // *Леонтьев К.* Восток, Россия и славянство. Т. I. С. 284–285.
- ³¹ *Леонтьев К.* Полное собрание сочинений и писем в 12 томах. Приложение. Кн. 1. СПб., 2012. С. 414.
- ³² *Леонтьев К.Н.* Над могилой Пазухина. Гражданин, 1891. <http://kneontiev.narod.ru/texts/pazuhin.htm>.
- ³³ *Леонтьев К.Н.* Мои воспоминания о Фракии. Русский вестник, 1879 г. Примечание 1885 г. // *Леонтьев К.* Восток, Россия и славянство. Т. I. С. 245.
- ³⁴ *Леонтьев К.Н.* Панславизм на Афоне... С. 66.

Достижение Сербией независимости в 1878 г. Иллюзии и реальность

Аннотация:

Сербия стала независимым государством после завершения русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Отношения Российской империи и Сербского княжества накануне подписания Берлинского трактата ухудшились. Во многом это объяснялось личной позицией сербского князя Милана. Сербское руководство считало невозможным поддерживать Россию в случае новой войны. Для российской стороны неожиданным стало нежелание сербской стороны прислушаться к русским рекомендациям. В сербской историографии долгое время утверждалось, что такая позиция Сербии объяснялась ущемлением сербских национальных интересов при подписании Сан-Стефанского договора. Сербские территориальные претензии не были удовлетворены, а создание Великой Болгарии казалось сербам несправедливым. Однако источники свидетельствуют, что отказ от консультаций с Россией произошел не только по этой причине. Князь Милан взял решительный курс на союз с Австро-Венгрией и разрыв с Россией. Это признает и современная сербская историография. Отход от консультаций с Российской империей и сближение с Габсбургской монархией во многом определили характер государственного строительства Сербии, а также ее отношений с соседними балканскими государствами. Сербия обрела статус независимого государства, но одновременно стала зависимой от своего северного соседа — Австро-Венгрии.

Ключевые слова:

Сербское княжество, Российская империя, Берлинский конгресс 1878 г., Александр II, князь Милан Обренович, генерал Р.А. Фадеев, русско-сербские отношения.

*Ludmila V.
KUZMICHEVA*

Serbia gains independence in 1878. Illusions and reality

Abstract

Serbia became an independent state after the Russo-Turkish war of 1877–1878. Relations between the Russian Empire and the Serbian Principality deteriorated on the eve of the signing of the Treaty of Berlin. This was largely due to the personal position of the Serbian Prince Milan. Serbian leadership

considered it impossible to support Russia in the event of a new war. For the Russian side, the unwillingness of the Serbian side to follow Russia's recommendations was unexpected. Serbian historiography has long argued that this position of Serbia was due to the infringement of Serbian national interests in the course of signing of the Treaty of San Stefano. Serbian territorial claims were not satisfied, and the creation of Greater Bulgaria seemed unfair to the Serbs. However, sources indicate that the rejection of consultations with Russia occurred not only for this reason. Prince Milan took a determined course for an Alliance with Austria-Hungary and a break-up with Russia. This is recognised by modern Serbian historiography. The departure from consultations with the Russian Empire and the rapprochement with the Habsburg monarchy largely determined the nature of Serbia's state-building, as well as its relations with neighbouring Balkan States. Serbia gained the status of an independent state, but at the same time became dependent on its Northern neighbour — Austria-Hungary.

Key words:

Serbian Principality, the Russian Empire, the Congress of Berlin of 1878, Alexander II, Prince Milan Obrenovich, General R.F. Fadeev, Russian-Serbian relations.

10 августа 1878 г. в Белграде прокламацией князя Милана Обреновича была торжественно провозглашена независимость Сербского княжества. В речах и молебнах по этому поводу ни одним словом не упоминался вклад России в получение Княжеством окончательного избавления от многовековой зависимости. Австрийский консул доносил своему министру иностранных дел 11 августа о том, что когда оскорбленный таким замалчиванием имени России русский министр-резидент А.И. Персиани обратился за разъяснениями к премьер-министру Сербии Й. Ристичу, последний, «уклоняясь от объяснений, отделался шутивными замечаниями»¹.

Российский дипломат был потрясен этим, как он выразился в своем донесении в Санкт-Петербург от 13 августа, «афишированием неблагодарности»². Анализируя поведение сербского князя и Ристича, Персиани сделал вывод о «повороте» в сербской политике, о «факте сближения, заметно проявляющемся в отношениях между правительствами Сербии и Австрии». Для Персиани это было «громом среди ясного неба», а между тем такая политика правящих кругов Сербии просматривалась уже давно. И заблуждения Персиани можно объяснить не только близору-

костью русской дипломатии в Сербии, но и тем, что Россия неизменно пользовалась большим авторитетом в сербском народе.

Фактически сербское правительство спровоцировало вступление России в очень тяжелую для нее русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Вассальное Сербское княжество, начав в июне 1876 г. войну против своего сюзерена Османской империи, пренебрегло настойчивыми рекомендациями российского правительства сохранять мир. Кровопролитная война Сербии и Черногории против существенно превосходящих турецких сил закончилась поражением 18 октября 1876 г. Русский ультиматум остановил продвижение османской армии к Белграду. Российская империя начала готовиться к решающей войне с Турцией³. Предполагалось, что Сербское княжество выступит в этой войне на стороне России. Россия хотела закрепить права Княжества на будущие территориальные приобретения и именно поэтому считала, что Сербия должна начать боевые действия как можно раньше.

Но Сербия вступила в войну лишь тогда, когда сочла нужным, только в декабре 1877 г., когда пала Плевна и русские войска перешли Балканский хребет. А после заключения Адрианопольского перемирия 19 января 1878 г. стало явным охлаждение русско-сербских отношений, связанное с недовольством сербского руководства перспективами территориального раздела Европейской Турции, закрепленного в Сан-Стефанском договоре.

И если Й. Ристич хорошо понимал, как важно сохранить добрые отношения с Россией для политического развития Княжества, то позиция князя Милана была иной. Неудачи Сан-Стефано озлобили его, он не считал нужным скрывать свое недовольство русскими решениями. Ристич готовил почву для представления на Берлинском конгрессе сербских требований и рассылал английскому и австрийскому представителям в апреле 1878 г. карты, где были отмечены сербские претензии на Трн и Пирот, Радомир, Вранье, Куршумлию, Призрен с подробными объяснениями — почему Сербия имеет на них право⁴, и выражал недоверие России, отстаивавшей право Болгарии на большую часть этих территорий.

В то же время князь Милан уже не скрывал своих антирусских настроений и в беседе с английским представителем Джер-

нингамом 20 мая 1878 г. заявил, что «его главная цель — добиться благосклонности великих держав и доказать любым способом, что он не игрушка в русских руках»⁵. Вероятно, храбрости для такого заявления ему придало поступившее из Вены сообщение о том, что Д. Андраши будет поддерживать на конгрессе в Берлине сербские требования.

По-видимому, в России не до конца понимали, какой серьезный оборот принимает сербо-австрийское сближение. Русская дипломатия не придала должного значения и недовольству, вызванному в Сербии решениями Сан-Стефано, предлагавшими сербским войскам оставить большую часть освобожденной от турок территории. А между тем князь Милан и не особенно старался скрыть нежелание следовать впредь русским рекомендациям.

Показательна в этом плане неудачная попытка царского правительства вступить за Еврема Марковича. Старший брат сербского демократа Светозара Марковича, один из вождей радикалов, офицер сербской армии, он отличился на полях сражений второй сербо-турецкой войны и был приговорен к смертной казни за приписываемое ему участие в организации Топольского восстания⁶.

24 марта 1878 г. состоявший при князе Милане для координации действий русский полковник Г.И. Бобриков обратился с рапортом к начальнику штаба действующей армии и в российское министерство иностранных дел, призывая обратить внимание на судьбу Е. Марковича. В рапорте Бобриков отмечал исключительную храбрость и высокие моральные качества Марковича, несправедливо обвиненного Миланом. Он добавлял, что Маркович был первым в списке сербских офицеров, представленных по окончании войны к русским наградам⁷. В начале апреля Петербург настойчиво рекомендовал Милану смягчить участь Марковича и других приговоренных, заявляя, что в противном случае «правительство князя не должно рассчитывать на одобрение с нашей стороны»⁸. Бобриков пытался вступить за Е. Марковича во время аудиенции у сербского князя. Тот накричал на него, стал угрожать, и Бобриков в знак протеста 8 мая 1878 г. покинул Белград⁹. Милан, однако, не отреагировал ни на рекоменда-

ции русского правительства, ни на заступничество Бобрíkова, и 19 мая 1878 г. Е. Маркович и еще шестеро осужденных были расстреляны в Аранжеловаце «за участие в бунте».

Глава Азиатского департамента МИД Н.К. Гирс приказал Персиани 24 мая 1878 г. «поставить на вид» князю Милану, что казнив Е. Марковича, он не только пренебрег советами императорского министерства, но и, поскольку Маркович был награжден русским военным орденом, осуждая его на казнь, князь «не счел, по-видимому, нужным обратить должное внимание на чувство негодования, которое подобный поступок возбудит в рядах нашей храброй армии, пролившей свою кровь за спасение Сербии»¹⁰. И это был не единственный пример недружественных действий сербских политиков в отношении России.

Сербские публикации последнего времени, в частности, свидетельствуют о том, что позиция сербских политических деятелей в отношении России и русских в годы Великого Восточного кризиса зачастую была не только не доброжелательной, но и просто враждебной. Весьма характерно в этом отношении опубликованное сравнительно недавно сербским историком Миле Станичем письмо генерала Косты Протича своему другу, известному культурному и политическому деятелю Милану Миличевичу¹¹.

Генерал Протич был активным участником войны 1876 г. и командовал обороной Шуматовца, а также Алексинацких и Делиградских позиций; во время второй сербо-турецкой войны 1877–1878 гг. он был начальником штаба Верховного командования и адъютантом князя Милана. Публикуемое письмо было ответом на просьбу Миличевича наградить сербским Таковским крестом русского консула в Сараево А.Н. Кудрявцева за его заслуги в деле поддержки Сербии. Это была вполне рядовая просьба, ибо к сербским наградам было представлено около 140 русских деятелей. Ответ же на эту просьбу был несоответственно желчным и гневным. Генерал Протич сообщил из Ниша 21 мая 1878 г. Миличевичу, только что вернувшемуся из Петербурга, где он был замечательно принят, в том числе и самим императором, что *не хочет* выполнить его просьбу. Подчеркивая, что именно не хочет, а не просто не может, Протич писал: «Я зол на русских. Настолько переполнен злобой и желчью, что отказываю даже

Миличевичу в малой услуге, если она пойдет на пользу кому-нибудь из русских. Если бы у меня было шесть месяцев для того, чтобы написать это письмо, я бы с фактами доказал, что у меня есть основания для того, что мое сердце переполняет яд, когда я думаю о русских». И дальше он излагал свои претензии к России и русским, главная из которых та, что Сербия вступила в войну по русскому приказу, а потом была брошена и забыта. Он говорит о русском предательстве, о несправедливости кремлевской речи императора Александра II*. Поначалу кажется, что обида Протича вызвана тем, что ни он сам, ни сербские офицеры, да и князь Милан не получили русских наград, в то время как их получили румыны и черногорцы. Но вот открывается истинная причина этой злобы и ненависти: это русские в целом и русская политика в целом. «Русские отнимают у сербов сербской кровью искомплненные и освобожденные сербские земли, отдают их болгарам, мы вынуждены угрожать оружием, только чтобы их удержать, и это русские — сербские друзья»¹². И далее он посылал чудовищные проклятия в адрес русского царя, желая ему мучительной смерти.

Еще более рельефно проявились тенденции к постепенному отходу от русского влияния по важнейшему для России вопросу вероятности новой войны с европейской коалицией, угроза которой ясно вырисовывалась после заключения Сан-Стефанского договора¹³, и предполагаемого использования Россией Сербии в этом случае в качестве союзницы.

Русское правительство после подписания Сан-Стефанского договора ясно осознавало перспективу войны с коалицией Великобритании, Австро-Венгрии и Османской империи. Медлить с подготовкой к предстоящей войне было нельзя. Это хорошо понимали в Главной квартире действующей армии. Великий князь Николай Николаевич, когда реально встала угроза новой войны, стал настойчиво просить освободить его от дальнейшего командования армией, ссылаясь на нездоровье: «Если война будет продолжаться и разыграется также с Австрией, то я не буду

* 29 октября 1876 г. в Кремле Александр II в своей речи перед представителями московского общества заявил, что Россия не оставит братьев-славян, и в то же время упрекнул сербов в трусости.

в состоянии больше командовать. Я не могу физически»¹⁴. Он писал об этом Александру II, также считавшему положение очень серьезным и полагавшему, что «следует готовиться к самому худшему, не скрывая от себя всю трудность нашего положения»¹⁵.

Несмотря на то, что русское правительство делало шаги к нормализации положения, было очевидно, как писал военный министр Д.А. Милютин, что «исход конгресса или конференции может привести нас к разрыву с Англией и Австрией, к необходимости быстрого образования армий, к совершенно новой группировке сил»¹⁶. Остро вставал в связи с этим вопрос о возможных союзниках, и Россия рассчитывала на помощь Сербии и Черногории¹⁷.

Сербский исследователь В. Стоянчевич отмечал, что Австро-Венгрия делала всё, чтобы удержать Сербию от союза с Россией¹⁸. Сербскому представителю в Вене недвусмысленно давалось понять, что если Сербия выступит в предполагаемой войне на стороне России, австрийцы займут Белград¹⁹. В ходе предварительных сербо-австрийских переговоров в Белграде консул Австро-Венгрии Н. Вреде, исполняя инструкции Андраши, предложил Сербии заключить военный союз²⁰. Князь Милан, соглашавшийся на все другие условия, заявил, что на заключение военной конвенции он пойти не может. Но одновременно уверил австрийского дипломатического агента, что не выставит свои войска против Австро-Венгрии и что «он желает сохранить независимость; и хотя обстоятельства вынудили его в начале последней войны пойти на соглашение с Россией, это не имело серьезного значения, и он никогда бы не согласился заключить с этой страной союз на большой срок»²¹, и ни в коем случае не будет защищать русские интересы.

Откровения Милана были с удовлетворением восприняты в Вене, и Ристича пригласили приехать для переговоров с Андраши²². В ходе переговоров Андраши предложил Ристичу свои условия²³, заявив, что если Сербия откажется на них пойти, то на Берлинском конгрессе не получит даже того, что получила по Сан-Стефано, в том числе и Ниш²⁴. Это был уже ультиматум, и Ристич вынужден был его принять. В письме князя Милана к Андраши, которое привез Ристич, говорилось, что с момента

заклучения мира с Турцией в феврале 1877 г. сербский князь ни разу не пошел против желаний и рекомендаций Вены. Милан писал, что согласен и впредь выполнять любые пожелания правительства двуединой империи, с тем, чтобы заслужить поддержку «могучей и благосклонной соседней державы»²⁵.

По мнению сербского историка Ч. Попова, уже в этом письме содержатся основные программные положения будущей австрофильской политики сербского князя²⁶. При этом английский представитель, отмечая эту тенденцию правящих кругов Сербии, доносил из Белграда, что в народе чрезвычайно сильны влияние России и надежды на защиту ею сербских интересов на конгрессе²⁷. Е. Груич, замещавший Ристича, в ответ на сообщения о переговорах с Андраши и выдвинутых им условиях, выражал в письмах к Ристичу опасения, не отразятся ли эти переговоры пагубно на сербо-русских отношениях. Он писал 2 июня Ристичу: «Разделяем ваше мнение, что Австро-Венгрия стремится вытеснить русское влияние из сферы, на которую распространяет свои интересы, но боимся, что отказавшись от дружбы с Россией, мы наносим вред Сербии, которая, в случае если Россия ее оставит, будет в будущем целиком зависеть от прихоти Австро-Венгрии»²⁸.

Пока сербские политики высчитывали, чье же покровительство на конгрессе выгоднее, Россия продолжала деятельность по нормализации международной ситуации и, заключив 18 мая 1878 г. англо-русское соглашение, полагала, что теперь у нее один противник — Австро-Венгрия. Милютин считал, что даже «в случае коалиционной войны, мы, прежде всего, должны разделаться с Австрией»²⁹. Здесь же он как о само собой разумеющемся писал о кооперации в этом случае с Сербией, Черногорией и Боснией, выступления которых «заставят австрийцев считаться с лишними 50–60 тысячами союзного нам войска»³⁰. Э.И. Тотлебен, принявший 15 апреля командование действующей армией, подал Александру II две записки, от 1 и 8 июня 1878 г., касающиеся плана возможной войны³¹. Вторая записка была рассчитана на войну только с Габсбургской монархией в связи с распоряжением Александра II «все усилия обратить против Австрии». Обе записки были одобрены императором³². В первой из них под названием «Соображения об общем плане действий армии и о

кооперации Сербии» Тотлебен писал, что на Сербию можно рассчитывать: «Во всяком случае, надо полагать, что как бы ни была истощена страна, в случае новой войны с Турцией и Англией без Австрии, она употребит все свои усилия, чтобы отстоять от Турции всё то, что ею приобретено предыдущею кампанией...»³³. В записке подробно разбирается план совместных предполагаемых действий русских и сербских войск.

Для выяснения состояния сербской армии и ее возможностей в Белград был командирован причисленный к генеральному штабу штабс-капитан Л.М. Чичагов*. Предлогом для его поездки было проведение демаркационной линии между русскими и сербскими войсками³⁴. Милан был заранее предупрежден о приезде Чичагова и в связи с этим отложил планируемую поездку в Ниш³⁵. Однако сербский князь был крайне недоволен приездом русского представителя, понимая, что он может помешать ходу сербо-австрийских переговоров. А.И. Персиани еще до приезда Чичагова 17 мая телеграфировал в ответ на запрос Тотлебена о состоянии сербской армии, что «Сербия сильно истощена... Однако в случае благополучного оборота новой войны и при весьма значительных субсидиях она могла бы выставить до 80 000 людей и войти с нами в кооперацию»³⁶. Милан, по-видимому, сделал всё возможное для того, чтобы убедить русских в «положительной неспособности Сербии к новой войне»³⁷. Й. Ристич отмечал, что князь старался как можно дольше тянуть с ответом Тотлебену³⁸. Такая позиция князя объяснялась тем, что 1 июня началась работа Берлинского конгресса, и Сербия делала ставку на поддержку Австро-Венгрии.

Еще более неприятен в этой связи был для сербского правительства приезд 5 июня в Белград с секретной миссией генерала Р.А. Фадеева. Вернувшись из Черногории зимой 1877–1878 гг., Фадеев обратился с серией записок на имя русского военного министра, в которых излагал «свой взгляд на положение дел в западной турецкой окраине»³⁹. Фадеев писал о необходимо-

* Чичагов Леонид Михайлович (1856–1937) — участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., впоследствии принял священнический сан, а в 1898 г. — монашеский постриг под именем Серафим. Был расстрелян в 1937 г., позже причислен РПЦ к лику святых как новомученик.

сти противодействия стремлениям Австро-Венгрии утвердиться в западной части Балканского полуострова. «Для каждого из освобожденных нами славянских народцев, брошенного без руководства в международную семью, найдется свой заинтересованный друг и покровитель», — характеризовал генерал намерения Андраши. Не доверял Фадеев и сербскому правительству, столь нелюбезно принявшему его летом 1877 г. Он писал, что «возможность безобразных поездок Ристича в Вену для торга русскими завоеваниями должна быть пресечена немедленно», что следует «дать урок белградскому правительству, отличающемуся в одинаковой мере легкомыслием и нахальством»⁴⁰. Фадеев при этом допускал ту же ошибку, что и большинство русских политических деятелей, — недооценивал силу проавстрийской направленности правящих кругов Сербии, полагая, что так как «представителей их в европейский совет, конечно, не пустят, и говорить о них будет русское правительство, то они стоят ныне фактически под русскою рукою»⁴¹.

Милютин полагал, что можно направить Фадеева в качестве частного лица в Сербию, Черногорию и Боснию с тайным заданием выяснить, насколько можно на них рассчитывать в предстоящей войне. Отправляясь в Сербию, Фадеев, по совету Н. П. Игнатъева, попросил, чтобы князю Милану сообщили о его приезде «от лица официального»⁴². Опасения Фадеева были небеспочвенны. Сербский князь, которому сообщили в Ниш о приезде Фадеева и его настоятельном желании встретиться с Миланом, раздраженно телеграфировал Е. Груичу в Белград 10 июня 1878 г., чтобы тот запросил Персиани, имеет ли Фадеев задание от правительства или вновь приехал частным образом⁴³. В этот же день Груич телеграфировал Милану и Ристичу, что Фадеев прибыл хотя и частным образом, но с правительственным заданием от военного министерства и что задание это — тайна⁴⁴.

Сообщение о том, что Фадеев прибыл по поручению русского правительства, осложняло ситуацию. Милан лихорадочно искал способ выдворить Фадеева из Сербии, так как понимал, что миссия его не долго будет оставаться тайной. Сообщая о приезде Фадеева в Белград, Джернингам в донесении к министру иностранных дел Англии Р. Солсбери писал, что Фадеев прибыл

в Белград с целью поддержать антиавстрийские выступления в Боснии в связи с предстоящей оккупацией⁴⁵. Еще через неделю Джернингам сообщал, что Россию вести переговоры с Сербией заставляет необходимость обеспечения тыла в случае войны с Австрией⁴⁶. Он отмечал, что Фадеев ежедневно встречался с вождями восстания в Боснии и вручил им солидную сумму денег, и что Груич говорил, что присутствие генерала очень заботит сербское правительство.

13 июня Груич телеграфировал Ристичу: «Князь желает знать Ваше мнение по следующим вопросам: Фадеев, о котором Персиани говорит, что он прибыл по согласованию с императором и имеет официальную тайную миссию военного министерства, требует:

1. Сведений о составе и размещении австро-венгерских войск вдоль границы Сербии и Боснии. Мы лишь укажем ему надежных людей, а дальше его дело.

2. Сведений о настроении известных лиц и простого народа, как христиан, так и мусульман Герцеговины и Боснии относительно оккупации. Это должны сделать мы, но издержки за счет России.

Министры думают, что мы могли бы по первому пункту указать ему надежных людей, по другому пункту или сами, или через Ранко* добыть сведения. Окончив дела у нас, по которым он ждет ответа, он уедет в Черногорию. Я думаю, что русские, с одной стороны, через Шувалова улавливаются о мире, а с другой стороны, через Милютина готовятся воевать с Австрией в случае неудачи конгресса»⁴⁷.

В ответ Ристич телеграфировал 14 июня 1878 г. о Фадееве: «...он может скомпрометировать нас в глазах Австро-Венгрии, от которой сейчас зависит наш успех на конгрессе»⁴⁸.

В задачу генерала Фадеева входило выяснить возможности Сербского княжества на случай войны. 7 июня 1878 г. он сообщил из Вены, что, хотя Сербия и истощена, но, по его мнению, «в Боснию и из-за Боснии их можно увлечь куда угодно»⁴⁹, так как Босния — «сердечная рана сербов». Он полагал, что Сербия

* Алимпич Ранко (1826–1882) — генерал, в 1876–1877 гг. был командующим Дринской армией.

выступит на стороне России «как только наше правительство захочет и даст сигнал, что в Боснии можно возжечь события, которые необходимо вынудят австрийцев вступить туда, т.е. ввязаться в весьма развлекающую войну местную, ранее и даже независимо от войны с нами и нашими союзниками»⁵⁰.

Но Фадеев ошибался — проавстрийские настроения сербского правительства в это время заставляли его полностью отказаться от Боснии. Позже, когда это стало очевидно, А.М. Горчаков, характеризуя положение в Сербии накануне и в ходе Берлинского конгресса, писал: «Всё это заставляло сербское правительство опасаться столкновения с Австрией, и оно избегало даже подавать какие-либо к этому поводы, напротив, предупредительностью по отношению к Австрии оно старалось расположить последнюю в свою пользу. Так, во избежание недоразумений с венским кабинетом, сербское правительство предписало находившемуся в Боснии М. Любibrатичу* отодвинуть от Дрины свои позиции на юг, а войска княжеские, расположенные по Дрине на случай австрийской оккупации, получили приказание препятствовать переходу вооруженных банд в Сербию»⁵¹.

По-видимому, вскоре и сам Фадеев понял, что ждать поддержки от Сербии не следует, что Босния отошла для нее на второй план. 21 июня 1878 г. он сообщал, что часть сведений о положении в Боснии он получил при помощи сербского правительства, «наблюдавшего постоянно, но довольно вяло за происходившим в этой стране»⁵².

Сведения, собранные генералом, свидетельствовали о том, что в Боснии готовится отпор Австро-Венгрии. В цитированном выше письме к Милютину, Фадеев сообщал также, что по его сведениям, австрийские войска столкнутся в Боснии** с сильным сопротивлением населения. В этом мнении он еще больше утвердился, посетив Черногорию, откуда вернулся в Белград 16 июля 1878 г. Сербское правительство было обеспокоено возвращением Фадеева, так как твердо обещало не только не оказывать никакого противодействия оккупации, но даже склонить на сторону

* Любibrатич Мичо (1839–1889) — один из лидеров восстания в Боснии и Герцеговине в 1875–1878 гг.

** Под Боснией он понимал и Боснию, и Герцеговину.

Австро-Венгрии находящихся в Белграде боснийских воевод⁵³. 28 июля Ристич, заявив, что в отношениях между Сербией и Австро-Венгрией «начинается новая эра», сообщил Вреде, что на границах с Боснией сербская армия создала прочный кордон с целью «противодействовать любым контактам с повстанцами и всякой попытке агитации»⁵⁴.

Венское правительство потребовало у Сербии объяснений по поводу пребывания в Белграде Фадеева. Сербский представитель в Австро-Венгрии Коста Цукич 27 июля объяснился по этому вопросу с бароном Орци⁵⁵, представителем министерства иностранных дел Австро-Венгрии, а 7 августа с Андраши. Когда последний спросил Цукича, почему сербские власти не выдворили Фадеева, тот ответил, что сербское правительство ничего общего с ним не имеет и что он уже покинул Белград⁵⁶.

О том, что Сербия, хотя и без восторга, приняла весть об австрийской оккупации Боснии, но всё же в благодарность за поддержку на Берлинском конгрессе не будет мешать Австро-Венгрии, сообщил Вреде в донесении Андраши 31 июля 1878 г.⁵⁷. Доказательством того, что благодарная Сербия не будет мешать австрийской оккупации и постарается наладить с Австро-Венгрией наилучшие и тесные отношения, Вреде называл готовность, с которой сербские власти доставляют ему оригиналы донесений командующих сербскими войсками на границе, а также сдерживание вождей боснийских повстанцев в Белграде, заявления Ристича иностранным представителям и, наконец, холодный прием, который был оказан генералу Фадееву⁵⁸.

Следует согласиться с мнением В. Стоянчевича, что национально-освободительное движение в Боснии и Герцеговине в 1878 г. потерпело окончательное поражение из-за того, что не получило ожидаемой поддержки от Сербии⁵⁹. Ученый, правда, объясняет такую позицию Княжества тем, что не получило поддержки России и поэтому вынуждено было пойти на союз с Австро-Венгрией. На наш взгляд, переориентацию сербской внешней политики нельзя связывать исключительно с недовольством Сербии решениями Сан-Стефанского мира. Этот процесс начался гораздо раньше, а решения Сан-Стефано были удобным поводом для того, чтобы не подчиняться русским рекомендациям. При

этом Ристич прекрасно понимал, что Австро-Венгрия стремится укрепить свое влияние в западной части Балканского полуострова именно в противовес России⁶⁰.

Сербские исследователи солидарны в том, что деятельность Й. Ристича в ходе работы Берлинского конгресса — вершина его дипломатической деятельности⁶¹. Действительно, Сербское княжество — единственное из балканских славянских государств, которое получило в Берлине бóльшие по площади территориальные приращения, чем по Сан-Стефанскому миру — с 8 тыс. до 11 тыс. кв. км. Но за это Сербия пошла на кабальные условия конвенции с Габсбургской монархией. За присоединение к Сербии области Южной Моравы и Нишавы сербское правительство обещало заключить благоприятный для Австро-Венгрии торговый договор и обязалось будущую железную дорогу построить долиной Моравы и Нишавы по направлению к Салоникам и Константинополю, связав ее у Белграда с австрийской железной дорогой; управление судоходством на Дунае передавалось Австро-Венгрии. Сербия примирилась также с австрийской оккупацией Боснии и Герцеговины и вводом ее войск в Ново-Пазарский санджак.

В ходе работы Берлинского конгресса, на котором русские представители оказались в изоляции, Ристич проводил откровенно антирусскую политику. Допущенный к работе конгресса лишь в качестве уполномоченного, не имеющего права голоса, он развернул активную закулисную работу, встречаясь и совещаясь с представителями всех великих держав⁶². Наряду с представителями Румынии и Греции, Ристич выступил с возражениями против решений Сан-Стефанского мирного договора. 12 июня он подал конгрессу официальную обширную докладную записку⁶³ и карту с обозначением территориальных претензий Сербии.

Длительные переговоры по поводу возможности изменения сербо-болгарской границы Ристич вел с российскими уполномоченными, и в первую очередь с Г.И. Бобриковым, входившим в выделенную из состава конгресса «комиссию стратегического разграничения»⁶⁴. 20 июня Ристич передал П.А. Шувалову, представлявшему Россию на Берлинском конгрессе, записку, в которой требовал, чтобы русская делегация согласилась на присоединение к Сербии Трна и Пирота, так как Россия, по его словам,

не сумела отстоять сербские интересы на западной границе⁶⁵. Русские представители намеревались выступить с предложением, чтобы спорную территорию на сербо-болгарской границе передали Болгарии, справедливо полагая, что именно за счет нее Австро-Венгрия рассчитывает получить гарантию отказа Сербии от претензий на территории Ново-Пазарского пашалыка. В результате компромиссного решения Пирот достался Сербии, а Трн — Болгарии. Русские представители на конгрессе были единственными, кто, отстаивая сербские интересы, выступил и против попытки заставить Сербию выплатить дань Турции, которую она не платила с начала кризиса 1875–1878 гг. Горчаков решительно возражал против этого пункта, поддержав ходатайство Ристича. В результате было решено исключить пункт о выплате дани Сербией и Румынией.

Ристич, между тем, сообщил князю Милану, что всеми своими приобретениями на конгрессе Сербия обязана лично графу Андраши⁶⁶. Сербские историки справедливо отмечают, что запоздалое вступление Княжества в войну, до некоторой степени, повлияло на решения Сан-Стефанского договора относительно сербских приобретений.

Английские представители в Белграде Уайт и Джернингам констатировали осенью 1877–весной 1878 гг. сильные австро-фильские настроения сербских правящих кругов⁶⁷. При этом отмечалось, что в плане территориальных приобретений делается ставка на традиционную русскую благосклонность к Сербии. Но, отмечал Джернингам, австрийское влияние в Сербии настолько прочно, что «как только будет признана независимость и расширение границ, благодарность всех партий к России пройдет так же быстро, как и появилась»⁶⁸.

Именно в период между Сан-Стефано и Берлином рельефно вырисовываются отход Сербии от России и окончательная переориентация на Австро-Венгрию. Причем Сан-Стефано здесь не причина, а лишь «катализатор процесса», протекавшего уже давно. При этом надо отметить, что князь Милан искусно использовал решения Сан-Стефано для подрыва авторитета России в сербском народе с целью облегчить проведение проавстрийского курса. То, что Босния и Герцеговина — «сердечная рана

Сербии» — получают автономию, замалчивалось, зато широко обсуждались «обиды» на болгар. Прикрываясь «ущемлением сербских интересов», было легче окончательно перевести политику на австрийские рельсы.

Еще одним свидетельством этой тенденции явилось то, как сербское правительство стремилось уклониться от русских планов совместных боевых действий в предполагаемой войне с Австро-Венгрией. Характерен и прием, оказанный в Белграде генералу Фадееву. Заключив конвенцию с Австро-Венгрией, сербское правительство отказалось на данном этапе от Боснии. И то, как сербская правящая элита демонстративно старалась уклониться от союза с Россией, свидетельствует, что не Россия «оставила» Сербию «в угоду Великой Болгарии», а Сербия отказалась от традиционных консультаций с Россией, рассчитывая на поддержку Австро-Венгрии.

В последнее время в российской и сербской историографии намечился поворот в сторону анализа катастрофических последствий для имперского пространства, которые имела русско-турецкая война 1877–1878 гг. В сербской историографии наблюдаются отказ от огульных обвинений России в национальном предательстве Сербии в пользу болгар и поворот в сторону анализа международной ситуации в целом. Ярким примером в этом плане является глубокое исследование Сузаны Раич⁶⁹, в котором автор всесторонне проанализировала обстоятельства начала и хода двух сербо-турецких войн. Вполне понятно, что исследовательница пытается оправдать правительство маленького, обескровленного первой войной Сербского княжества, не желавшего летом 1877 г. рисковать новым участием в битве двух империй — Российской и Османской. Выжидательная тактика кабинета Й. Ристича, вступившего в войну, несмотря на призывы России, только 2 декабря 1877 г., представляется ей вполне оправданной. Позволим себе, однако, не согласиться с этим выводом, так как, на наш взгляд, позднее вступление Сербии в войну во многом определило и характер русской политики в отношении последующего формирования границ Сербии. Впрочем, это вопрос дискуссионный и общего положительного впечатления от работы С. Раич не умаляет.

Анализируя позицию России, сербский историк Радош Люшич подчеркивает, что русская дипломатия даже в драматических обстоятельствах Берлинского конгресса делала всё возможное для отстаивания интересов Сербии и Черногории⁷⁰. Особенно ценно, что автор учитывает при этом не только характер русско-австрийских договоренностей, но и имперские интересы России.

Сербия обрела в 1878 г. независимость, и это поставило перед ее правительством новые задачи. Прежде всего, надо было выработать стратегический курс в отношениях со своими балканскими соседями, а также определиться в выборе внешнеполитической ориентации. Отход от консультаций с Российской империей и сближение с Габсбургской монархией во многом определили и характер государственного строительства Сербии⁷¹.

Примечания

- ¹ Србија 1878. Документи. Београд, Српска књижевна задруга, 1978. Док. № 373.
- ² Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах. Т. III. М., 1967. Док. № 108.
- ³ Анализ характера русско-сербских отношений в 1876–1878 гг. посвящены следующие наши работы: *Кузьмичева Л.В.* Русско-турецкая война 1877–78 годов и Сербия // *Славянский альманах.* 1996. М., 1997. С. 68–86; *она же.* Благими намерениями... Сербский вопрос на заключительном этапе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // *Россия и Болгария. К 125-летию русско-турецкой войны 1877–1878 гг.* М., 2006. С. 91–107; *она же.* Русија и припреме Србије и Црне Горе за рат са Турском у пролеће 1876. Околности доласка у Србију М.Г. Черњајева // *Делиград од устанка ка независности 1806–1876.* Београд, 2007. С. 247–262; *она же.* Руско-српска ратна сарадња у Источној Србији 1876–1878 // *Међународни научни скуп «Браничево у историји Србији».* Зборник радова. Пожаревац-Београд, 2008. С. 517–534; *Кузьмичева Л.В.* Австро-русские инициативы по решению Восточного кризиса и начало сербо-турецкой войны 1876 года // *Средняя Европа: Проблемы международных и межнациональных отношений XII–XX вв.* Памяти Т.М. Исламова. СПб., 2009. С. 150–170; *она же.* Современные проблемы историографии и источниковедения Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг. // *Россия и Сербия глазами историков двух стран.* СПб., 2010. С. 99–113; *она же.* Штаб М.Г. Черняева и русские добровольцы в сербо-турецкой войне 1876 года // *Зборник радова са међународног научног скупа «Алексинац и околина у прошлости, 500 година од првог писаног помена 1516–2016», одржаног 3. септембра 2016. године у Алексинцу.* Алексинац, Завичајни музеј, 2016. С. 255–280.
- ⁴ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. III. Док. № 170.
- ⁵ Там же. Док. № 213.
- ⁶ См. о нем: *Бобриков Г.И.* В Сербии. Из воспоминаний о войне 1877–78 гг. СПб., 1881. С. 150–151; *Јовановић Сл.* Влада Милана Обреновића. Књ. II. Београд, 1934. С. 159–179.
- ⁷ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Канцелярия. 1878 г. Д. 17. Л. 81–84 об.

- ⁸ АВПРИ. Ф. ГА-УА2. Д. 272. Л. 55–55 об.
- ⁹ Бобриков пытался вступиться за Е. Марковича во время аудиенции у князя Милана. Тот накричал на него и стал угрожать. В знак протеста 8 мая Бобриков покинул Белград // См.: *Бобриков Г.И. В Сербии...* С. 186–191.
- ¹⁰ АВПРИ. Ф. ГА-УА2. Д. 272. Л. 34–34 об.; Д. 274. Л. 3.
- ¹¹ *Станић Миле*. Коста Протић о Русима // Мешовита грађа. Београд, 2003. Књ. XXI. С. 95–101.
- ¹² Там же. С. 100.
- ¹³ *Чернов С.Л.* Россия на завершающем этапе восточного кризиса 1875–1878 гг. М., 1984. С. 68–92.
- ¹⁴ *Скалон Д.А.* Мои воспоминания. СПб., 1913. Т. 2. С. 247.
- ¹⁵ Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. III. СПб., 1899. С. 29–33.
- ¹⁶ Освобождение Болгарии... Т. III. Док. № 9.
- ¹⁷ Там же. Док. № 31.
- ¹⁸ *Стојанчевић В.* Србија и Русија од Санстефанског мира до Берлинског конгреса // *Отпор austrougarskoј окупацији*. Сарајево, 1979. Р. 203–214.
- ¹⁹ Србија 1878... Док. № 194.
- ²⁰ Там же. Док. № 205.
- ²¹ Там же.
- ²² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 17. Л. 13 об.
- ²³ *Ристић Ј.* Дипломатска историја Србије за време српских ратова за ослобођење и независност. Књ. II. Београд, 1898. С. 159–184.
- ²⁴ Србија 1878. Док. № 233.
- ²⁵ Там же. Док. № 215.
- ²⁶ Историја српског народа. Књ. 5. Т. I. Од Првог устанка до Берлинског конгреса (1804–1878). Београд, 2000. С. 411–412.
- ²⁷ Србија 1878. Док. № 224.
- ²⁸ Там же. № 236.
- ²⁹ Освобождение Болгарии... Т. III. № 67.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Особое прибавление... Вып. III. С. 111–119, 125–129.
- ³² Там же. С. 136.
- ³³ Там же. С. 116.
- ³⁴ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1878. Л. 183 об.
- ³⁵ Србија 1878. Док. №. 228, 238.
- ³⁶ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878 г. Д. 17. Л. 175–175 об.
- ³⁷ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1878. Л. 184.
- ³⁸ *Ристић Ј.* Указ. соч. Књ. II. С. 185–186.
- ³⁹ Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. VI. СПб., 1911. С. 299–338.
- ⁴⁰ Там же. С. 323.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Особое прибавление. Вып. VI. С. 347.
- ⁴³ Србија 1878. Док. № 258.

- 44 Там же. Док. № 259.
- 45 Там же. Док. № 253.
- 46 Там же. Док. № 267.
- 47 Там же. Док. № 266.
- 48 Там же. Док. № 269.
- 49 Особое прибавление. Вып. VI. С. 351.
- 50 Там же.
- 51 АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1878 г. Л. 184–184 об.
- 52 Особое прибавление. Вып. VI. С. 355.
- 53 Србија 1878. Док. № 353.
- 54 Там же. Док. № 359.
- 55 Там же. Док. № 360.
- 56 Там же. Док. № 368.
- 57 Там же. Док. № 363.
- 58 Там же.
- 59 *Стојанчевић В.* Указ. соч. С. 212.
- 60 Србија 1878. Док. № 278.
- 61 *Стојановић Р.* Јован Ристић као дипломата // Живот и рад Јована Ристића. С. 114–117.
- 62 *Ристић Ј.* Указ. соч. Књ. II. С. 184–242.
- 63 Србија 1878. Док. № 263.
- 64 *Бобриков Г.И.* Воспоминания о Берлинском конгрессе // Русский вестник. Т. 205. 1889. № 12. С. 21–25.
- 65 Србија 1878. Док. № 293.
- 66 Там же. Док. № 327, 329.
- 67 Там же. Док. № 224.
- 68 Там же.
- 69 *Рајић С.* Спољна политика Србије између очекивања и реалности (1868–1878). Београд, Српска књижевна задруга, 2015.
- 70 Там же. С. 162–168.
- 71 *Данченко С. И.* Развитие сербской государственности и Россия. 1878–1903 гг. М., 1996. С. 37–68.

Сто лет борьбы Греции за расширение территории (1820–1920 гг.)

Аннотация:

Данная статья является кратким обзором последовательной государственной деятельности греков по расширению своей территории, происходившей на протяжении ста лет в XIX — начале XX вв., которая руководствовалась националистическими принципами.

Ключевые слова:

Греческое королевство, Мегали идея, борьба за увеличение территории, войны на Балканах.

Olga V.
SOKOLOVSKAYA

One hundred years of Greece's struggle for territorial expansion (1820–1920)

Abstract:

This article is a brief overview of the Greeks' consistent state activities to expand their territory, guided by nationalist principles, which proceeded over a hundred years in the 19th and early 20th century.

Key words:

the Greek kingdom, Megali Idea, the struggle to expand territory, wars in the Balkans.

Н ебольшое Греческое государство, созданное в 20-х годах XIX в. (в результате национально-освободительной войны греков за независимость при поддержке великих держав), имевшее население не более 1 млн человек (данные разнятся, более надежный источник дает 766.477 тыс.)¹, постоянно увеличивало свою территорию и население, что полностью отвечало государственным потребностям. Происходило это в результате многолетней, упорной работы горячих сторонников «Великой

идеи» (Мегали идея), существовавшей на протяжении столетий и конкретно сформулированной в середине XIX в. Национальные мечты абсолютного большинства греков всегда рисовали картину Великой Греции во главе с государственным мужем, подобным Александру Великому (Македонскому, как называем его мы), и никогда — во главе с королем чужеродной крови и высокомерными иностранцами.

Недовольные правлением короля Оттона I, баварца, греки постоянно бунтовали и требовали перемен. В его правление, с 1833 г. по 1862 г., т.е. за 30 лет, в различных областях Греческого королевства вспыхнуло более 30 восстаний и бунтов. В феврале 1862 г. произошли восстания сразу в нескольких областях Греции — в Навплионе, Аргосе, Триполи и многих других городах. В масштабной революции 1862 г. участвовало практически всё греческое население, выступившее за высылку баварцев из страны. Временное правительство, сформированное в октябре того же года, объявило о низложении Оттона I. Он и королева Амалия вынуждены были без сопротивления покинуть Грецию и вернуться в Баварию. Однако форма правления осталась прежней и при новом короле Георге I (1863–1913 гг.). Все великие державы-покровительницы — Англия, Франция и Россия, а также Австрия и Пруссия снова выступили за монархическую форму правления, которая, по их мнению, лучше всего подходила для удержания Греции в нужных для ее населения рамках. Великие державы остановились на кандидатуре принца из дома Глюксбургов — второго сына датского короля Кристиана IX и Луизы Гессенской, 17-летнего принца Вильгельма Фердинанда Адольфа Георга (1845–1913). Англичане подготовили для молодого короля и греков «щедрый» подарок в виде Ионических островов, на которых к тому времени усиливалось восстание против британского господства, длившееся около 50 лет. Население Греческого королевства, таким образом, сразу увеличилось на 200 тыс. человек.

Управлять Королевством было непросто, так как юному монарху досталась экономически отсталая аграрная страна, лишь недавно начавшая осваивать европейские технологии, принявшая у себя иностранных строителей, инженеров, творческую интеллигенцию, приехавшую с королем Оттоном I. Наиболее разви-

тые территории, населенные преимущественно греками — Крит, Фессалия, Эпир и острова Эгейского моря, находились еще в составе Османской империи. Георгу I, чтобы удержаться на троне, пришлось разделить чаяния большинства эллинистического мира о возрождении Великой Греции, т.е. поддерживать публично недавно сформулированную великогреческую доктрину — Мегали идея². Для этого ему нужна была поддержка христианской Европы и не в последнюю очередь помощь единоверной грекам православной Российской империи. Не без задней мысли Георг чуть позже выберет себе в России невесту православного вероисповедания. В 1867 г. 16-летняя великая княжна Ольга Константиновна, внучка императора Николая I, была обвенчана с 22-летним королём Георгом I. Российский император Александр II поощрил молодого короля, пожаловав ему высшую награду Российской империи — орден Андрея Первозванного.

Король и королева эллинов были тесно связаны со всеми европейскими дворами, всегда являлись объектами пристального внимания и покровительства, особенно со стороны Великобритании и России. В год коронации Георга его августейшая сестра Александра вышла замуж за наследника английского престола принца Уэльского, ставшего через 39 лет королем Великобритании Эдуардом VII. Отца и мать Георга — датских короля Кристиана IX и королеву Луизу Гессенскую — называли «тестем» и «тёщей» Европы, поскольку они были родителями не только принца Георга и принцессы Александры, но и родителями короля Дании Фредерика VIII, принцессы Дагмар, ставшей впоследствии русской императрицей Марией Федоровной, женой русского императора Александра III и матерью последнего русского царя Николая II, а также принцессы Тиры и принца Вальдемара³.

Постоянно держа в уме печальный пример предыдущего короля Оттона I, который искренне любил свое маленькое королевство и, тем не менее, был свергнут, Георг I чтит греческую конституцию и уважал православную религию греков (хотя сам был лютеранином). Он никогда не вступал в конфликт с национальной буржуазией, неустанно отстаивал интересы своей страны и ее народа, мечтавшего о несбыточном — о Великой Греции со столицей в Константинополе.

Во внутривластической жизни страны Георг был известен тем, что поддерживал авторитет любого премьер-министра, твердо веря в *via media*, вел внутреннюю политику без какого-либо чрезмерного упорства в утверждении своих королевских прерогатив, но и не уклоняясь от них, терпеливо ожидая пока фракции на политической арене не уничтожат друг друга. Георг I прекрасно видел всю глупость некоторых политиков и суть их противостояния, угрожавшего Греции несчастьями. Но никогда не вмешивался в повседневную парламентскую жизнь, понимая, что этим он только усугубит дело и вызовет огонь на себя, при этом для самой Греции никакой пользы не будет. Он говорил с иронией, что «политическая борьба в Греции может расцениваться как национальное наследие»⁴.

Молодой Георг глубоко переживал свои промахи в политике и особенно то, что на него старались свалить все неудачи. Так, в 1866–1869 гг., когда против турецкого господства восстало греческое население Крита, требовавшее воссоединения с Грецией, король обратился за поддержкой к великим державам, однако получил отказ последних в желании греков окончательно решить критский вопрос (т.е. вопрос о присоединении острова к матери-Греции) и оказался в глазах греческого населения виновником неудачи восстания.

Политическая жизнь в Греции в эпоху Георга I с середины XIX в. напоминала непрекращающуюся бурю, сметавшую одно правительство за другим, ломая политическую карьеру и судьбы людей. За первые 20 лет его правления сменилось более 39 правительств, которые возглавлялись личными партиями: Д. Вулгариса (французская, три раза), К. Канариса (русская, три раза), А. Кумундуроса (националистическая, 10 раз), Э. Делигиоргиса (шесть раз), Б. Руфоса (четыре раза), И. Заимиса (два раза), Г. Феотокиса (четыре раза), Х. Трикуписа (шесть раз), Т. Делиянниса (четыре раза), А. Заимиса, Д. Раллиса (два раза) и др.⁵. Буквально смертельная схватка происходила между двумя главными политическими деятелями Греции XIX в. — Харилаосом Трикуписом и Теодоросом Делияннисом о путях становления государства. Трикупис разработал широкую программу социально-политического развития Греции в направлении свободного развития

капитализма и буржуазной государственности. Он — автор исторической речи короля 1875 г., в которой провозглашался принцип формирования правительства парламентской партией большинства. В конце XIX в. и в самом начале XX в. ситуация была не лучше. Политика Т. Делиянниса, мечтавшего о немедленном создании Великой Греции, привела к войне с Турцией в 1897 г., в которой греки потерпели сокрушительное поражение и были на волосок от потери государственности. Даже приход к власти в Греции в 1910 г. Либеральной партии выдающегося политического деятеля, критянина по происхождению, Элефтериоса Венизелоса не изменил ситуацию с чехардой политических сил в греческом парламенте. Это соперничество продолжалось на протяжении десятилетий.

Греческие правительства, сменявшие друг друга во второй половине XIX в., не умели четко формулировать идеи панэллинизма, которые они все разделяли, а диапазон мнений был чрезвычайно широк. Но в целом, несмотря на то, что все политики были преданы панэллинизму, т.е. объединению греков в одном государственном образовании со столицей в Константинополе, по методам его достижения они разделились на две враждующие группировки. Для одних венцом являлось воссоздание Византийской империи со столицей в Константинополе. Недаром наследника престола в угоду грекам называли Константином в честь последнего византийского императора Константина XI. Так, о рождении первенца королева эллинов Ольга писала своему отцу, великому князю Константину Николаевичу: «Ах, если бы я только могла показать Тебе Твоего прелестного внука; Ты даже во сне никогда не видал такого душку! Как я рада, что имя его Константин; во-первых, потому что это Твое имя, а во-вторых, потому что невольно оно заставляет думать о славе Византийского государства, и не только о прошедшем, но это заставляет мечтать и о будущем!»⁶.

Для иных греческих политиков, реалистично мыслящих и считавшихся с устремлениями других христианских народов Балкан, смысл «Великой идеи» заключался в расширении границ Греческого государства на север, в Эпире и Македонии, а также на юг — на острова, включая Крит. Сменявшие друг друга

правительства и их лидеры постоянно сталкивались с проблемой выбора направления панэллинских устремлений, но это не мешало им использовать любую возможность для осуществления Мегали идея.

В январе 1876 г., накануне очередной русско-турецкой войны, Мегали идея была сформулирована тогдашним премьер-министром Греции Х. Трикуписом следующим образом: «Наш интерес побуждает сохранять сейчас спокойствие. Турция рухнет и без нас; славяне с этим справятся, а нам нужно только подождать». Такую точку зрения, активно поддержанную англичанами, разделяла, конечно, не вся Греция. Пассивная политика греческого правительства на фоне всё возрастающей национально-освободительной борьбы славян Балканского полуострова вызывала растущее недовольство в стране. Греческие добровольцы уже сражались с турками в сербских войсках. Странник совместных действий, известный политик А. Кумундурос пытался выяснить через российского посланника в Афинах П.А. Сабурова, на какие территориальные приобретения может рассчитывать Греция, если в случае русско-турецкой войны она выступит на стороне России.

Однако бурный подъем национализма в Греции, не без помощи извне, способствовал развитию антиславянских и антирусских настроений⁷. Их выразителем была политическая группировка во главе с Э. Делигиоргисом, которая категорически выступала против совместных действий с Россией. «Панславизм желает завоеваний, угрожает политическому равновесию и стремится получить преобладание над эллинизмом на Востоке», — утверждали эти деятели⁸. И довод Кумундуроса о том, что «спасение для него (эллинизма. — О. С.) может быть только в братстве восточных народов», не всегда убеждал афинских депутатов парламента. За неделю до начала русско-турецкой войны 1877–1878 гг. министр иностранных дел России А.М. Горчаков не скрывал большой заинтересованности российского правительства в вооруженном восстании греков Эпира и Фессалии против Турции. Он сообщал, что в случае участия Греции в войне Россия не будет возражать против включения в состав Королевства провинций Европейской Турции, населенных греками. Однако и

на этот раз Греция, несмотря на всё возрастающее недовольство населения, осталась нейтральной. В результате острого политического кризиса у власти, как раз к началу войны, оказалось правительство Э. Делигиоргиса, известное своей русофобией и англomanией. Английская же внешняя политика в это время настаивалась на русофобстве, что и копировала часть греческих политиков⁹.

Разразившийся в 70-х годах XIX в. очередной Восточный кризис вселил большие надежды на реализацию Мегалии идея, хотя бы частично, и поставил греческое правительство и короля Георга I перед необходимостью занять четкую внешнеполитическую позицию. Однако споры между политиками привели к тому, что даже в последний месяц войны Греция бездействовала. Недовольство общества заставило короля взять инициативу в свои руки, чтобы не потерять престиж монархии в глазах России и народа, особенно молодого офицерства, призывавшего к восстанию¹⁰.

Кульминация русско-турецкой войны 1877–1878 гг. была моментом огромного разочарования для греческого короля. В этот период он поддерживал регулярную переписку с великим князем Константином Николаевичем. Российское правительство знало об энтузиазме греков, желавших освободить Фессалию, Эпир и даже Македонию. В то время как король праздновал свой 32-й день рождения, он получал регулярные сообщения о вооруженных отрядах, пересекавших турецкую границу, и неделей позже, в первых числах января 1878 г., провел частичную мобилизацию, а в конце февраля приказал армии идти в Фессалию. Но к его разочарованию, несмотря на его семейные связи с Романовыми, Александр II теперь был против вступления Греции в войну. Франция и Великобритания также не хотели, чтобы баланс сил был нарушен греческим военным участием. Короля заставили прервать наступление в Фессалии, и 7 февраля его армия была возвращена на первоначальные позиции.

Вскоре западные державы, разыграв «греческую карту», начали острую дипломатическую борьбу за пересмотр Сан-Стефанского мирного договора, заключенного 19 февраля (3 марта) 1878 г. между Россией и Османской империей. Но договор ока-

зался недолговечным, и греки возлагали большие надежды на открывшийся в Берлине 1 (13) июня 1878 г. новый международный конгресс, где им предоставили возможность изложить свои пожелания. Несмотря на то, что Греция вступила в войну, когда Александр II уже подписывал мирный договор с Портой, восстание греческих патриотов против турецкой власти в феврале 1878 г. в Фессалии, Эпире, Южной Македонии и на Крите, при поддержке из Афин, оказало влияние на позицию великих держав — Австро-Венгрии, Великобритании, Германии, Италии, России и Франции, заседавших на мирном конгрессе в Берлине. Греции пообещали исправление ее северных границ. Но только после того, как Георг I дал указание о вторичной мобилизации и угрожал вновь войной с Турцией. В 1881 г. к Греческому королевству были присоединены новые области — Фессалия и часть Эпира, где проживало подавляющее греческое население. В 1889 г. население Греции достигло 1.604.458 человек (население Афин составило 114.355 человек)¹¹, но еще значительная часть греков оставалась под турецким правлением на различных островах, на Крите и в материковой части Турции в Анатолии вокруг Измира (Смирны). По религиозному признаку они в целом представляли однородную массу — подавляющее большинство греков принадлежало к православной церкви (Греческой Автокефальной, подчинявшейся Константинопольскому патриарху), исключение составляли католики, проживавшие на островах, и небольшое число албанцев-мусульман.

В июне 1881 г. была подписана греко-турецкая конвенция, по которой Греция получала всю Фессалию и округ Арта в Эпире. Нельзя исключать, что и активная позиция греческой королевы Ольги, проявленная в годы русско-турецкой войны, стала известна российскому императору и также оказала свое влияние на него в интересах Греции. При определенных условиях геополитические интересы России не противоречили идеям эллинизма, а могли бы быть полезны друг другу, и этой точки зрения придерживались многие греческие и российские политики и дипломаты, а также король и королева. Несмотря на мелкие неудачи, в целом происходившее расширение территории Греческого королевства укрепило позиции королевского дома Глюксбургов. Однако за

пределами страны по-прежнему оставалась значительная часть населенных греками территорий. Не случайно, пишет современная исследовательница О.Е. Петрунина, что в эти годы патриотические организации стали играть всё большую роль в жизни Греции¹². При этом задачи внешней политики не исключали доктрину «органической работы», то есть внутреннего развития и укрепления греческой государственности.

Как все дальновидные, опытные политики, Георг I горячо поддерживал основные проекты развития страны. Греция с запозданием развивала свою железнодорожную сеть; Георг был уже шесть лет на троне, когда открылась первая линия — от Афин до Пирея. Присоединение Фессалии в 1881 г. стимулировало надежду на создание прямого сообщения с Европой, и в 1884 г. король открыл линию Воло-Ларисса. Основной же интерес Греции лежал в развитии торгового флота, и король горячо поддерживал проект прорытия Коринфского канала через Коринфский перешеек, проект, которым интересовались еще Калигула и Нерон. Коринфский канал был заложен в 1882 г. и открыт в 1893 г. На королевской яхте Георг I собственноручно разрезал бело-голубую ленточку. Канал был удобен, сокращал расстояние и делал плавание судов безопаснее, предохраняя их от штормов. В целом, правление короля Георга I ознаменовалось началом всесторонней модернизации греческого общества и экономики. Крупнейший греческий историк С. Маркезинис пишет: «При Георге I Греция перешла из состояния романтизма к реалистическим действиям, к осуществлению различных программ. Греция выросла территориально, приняла форму современного государства — конституционная монархия, была достигнута определенная стабильность»¹³.

Одной из самых «беспокойных» проблем для Греции был остров Крит, где восстания вспыхивали постоянно в течение всего XIX века. В феврале 1897 г. произошло очередное восстание: христиане подвергались сильным притеснениям со стороны турецкой администрации и, как им казалось, были на грани полного уничтожения на острове. Созданный заранее Критский комитет объявил о присоединении Крита к Греции. Король Георг, надеясь на лояльность великих держав на этот раз, приказал принцу Георгу, получившему, как и он сам, морское образование

в Дании, плыть из Саламинской военно-морской базы на Крит, с четырьмя торпедными лодками, и укрепиться там. Флотилия подошла к столице острова Кании (Ханья) 12 февраля 1897 г., но уже на следующий день была вынуждена уйти обратно. Король надеялся, что в деле мирной передачи острова Греции помогут его династические связи. Во всяком случае русский царь обещал поддержку в назначении верховным комиссаром Крита его второго сына, принца Георга. Но в Афинах горячие националисты во главе с премьером Т. Делияннисом и молодые армейские офицеры позволили своим патриотическим чувствам вытеснить дипломатию. В результате 15 тысяч плохо вооруженных добровольцев из Пирея самовольно приплыли на помощь критским инсургентам, подражая успешным действиям Гарибальди в Сицилии во время Итальянского Рисорджименто. Но Делияннис плохо рассчитал политический расклад в критском вопросе. Он слепо поддержал не только эту флибустьерскую экспедицию на Крит, но и появление нерегулярных частей на турецкой границе в Фессалии. Великие державы заблокировали Крит, высадили многочисленный военный десант и долгие годы держали свои корабли и войска на острове¹⁴.

Телеграммы обеспокоенных родственников греческой королевской семьи — королевы Виктории, императрицы Фредерики, русского царя Николая II — заставили Георга I воздержаться от вступления в войну с Турцией. Турецкие войска были хорошо вооружены и обучены германскими военными консультантами, и султан мог легко отправить на фронт до 1 млн человек. Но королю не удалось противостоять воинственному духу афинян: в случае войны греки должны были организовать восстания во всех еще не освобожденных землях, включая Македонию, а за ними должны были последовать и другие угнетаемые народы Османской империи. Турция сама объявила Греции войну, но восстаний других народов не последовало. 30-дневная война была унижительной для Греции и разрушительной для династии, которую и обвинили в провале.

Германский кайзер помог туркам разбить греков в 30-дневной войне. Императрица Фредерика была возмущена поддержкой Германии турецкого султана и беспокоилась за судьбу своей до-

чери Софии, чей муж, кронпринц Константин, получил боевое крещение в этой войне как главнокомандующий. Однако еще до начала войны она советовала зятю принять помощь от германской армии, которая была прекрасно организована. Она сообщила, что генерал фон дер Гольц добился чудес в обучении турок, а хорошее обучение — это всё. Константин, под впечатлением от послания тещи, отправил в отставку греческих офицеров, которые не соответствовали германским стандартам, чем увеличил число своих врагов. Но, в то же время, он начал создавать ядро личного состава армии, преданного ему и обученного в Пруссии.

По просьбе королевы Виктории русский император выступил посредником в мирном урегулировании. 10 мая 1897 г. Георг I подписал перемирие, которое предусматривало вывод войск с Крита, а также прекращение действий в Эпире и долине Фарсала. Английское военное судно было направлено в старый порт Фалирон, недалеко от Афин, для защиты королевской семьи. В декабре того же года был заключен мир, по которому Фессалия возвращалась грекам. Чтобы не допустить распада государства, державы-покровительницы установили над Грецией международный финансовый контроль, благодаря которому экономика Греции вскоре выправилась.

Неподготовленная и скоротечная 30-дневная война была губительной для греческой династии. Народное возмущение было направлено теперь не против националистов, развязавших глупую войну, а против сопротивлявшегося короля и его семьи. 26 февраля 1898 г. было совершено первое покушение на короля. Анархист, стрелявший в Георга I, сделал шесть выстрелов в то время, когда тот ехал с дочерью принцессой Марией в экипаже по дороге в Фалирон. Никто не был ранен, но это преступление в результате смягчило сердца греков и вновь изменило отношение к династии.

1898 год ознаменовался установлением некоторого компромиссного решения в критском вопросе. С острова были выведены турецкие войска, и интернациональный контингент из британских, французских, итальянских и русских батальонов и флоты европейских держав контролировали теперь всю территорию Крита. Принц Георг был назначен верховным комиссаром

четырёх великих держав на острове. Постепенно здесь был создан автономный режим в составе Османской империи. Около восьми лет просуществовала на Крите администрация принца Георга, который благодаря своей приветливости и патриотизму был популярен в крестьянской среде. Но небольшая группа молодых политиков во главе с 34-летним юристом Э. Венизелосом действовала против него, считая, что консервативная политика Георга мешает присоединению острова к Греции.

В 1905–1906 гг. на Крите вспыхнуло восстание, подавленное великими державами, считавшими несвоевременным и весьма опасным для стабильности в Европе поднятие вопроса о немедленном присоединении острова к Греции. Столкнувшись с возможностью гражданской войны, принц Георг был вынужден подать в отставку и уехать в Париж. Через год он женился на принцессе Марии Бонапарт, праправнучке Наполеона I. Александр Заимис, умелый политик, сменил его на Крите и удерживал остров «дымящимся, но не горящим», пока в результате победоносных для Греции Балканских войн 1912–1913 гг. Крит не был окончательно присоединен к Греции¹⁵.

Пока армия была на стороне монархии и лично короля, трон был в безопасности, но после греко-турецкой войны 1897 г. антимонархические настроения стали проникать и в армию. Императоры и короли уже привыкли к террору революционеров и анархистов, но это был новый феномен — угроза со стороны амбициозных офицерских частей, выразивших презрение к клятве на верность короне. В 1906 г. в Греции началось создание фракции молодых офицеров (Военная лига), настроенных против кронпринца Константина и других сыновей короля Георга I.

На базе патриотических организаций в конце XIX в. было создано «Национальное общество» («Этники этерия»). Его ядро составило молодое офицерство, ярко проявившее себя в критском вопросе, а также в 1909–1910 гг., подняв восстание Военной лиги с требованием коренных перемен и отставки принцев. Движение не было направлено против короля, который вынужден был поддержать многие справедливые требования, а в 1910 г. призвать на пост премьер-министра Э. Венизелоса. Некоторые историки делают предположение, что король Георг I и Венизелос хорошо

знали друг друга по масонской ложе и вели успешную совместную деятельность на благо Греции (проведение сотен конституционных реформ, подготовка армии к войне и др.). Из-за постоянной вражды партий и некоторой пассивности короля процесс модернизации Греции шел, действительно, очень медленно, в связи с чем и произошел взрыв недовольства. Российский посланник в Афинах Б.А. Татищев писал А.П. Извольскому: «Взрыв народного недовольства, выразившийся в бескровной революции, произведенной... эллинской армией, только по недоразумению и благодаря некоторым неприглядным чертам греческого характера, принял враждебное династии направление. В сущности, движение это являлось протестом вовсе не против короля Георга, которого обвиняли самое большее в чересчур пассивном отношении к государственным делам и в неблагоприятном обороте Критского вопроса. Основная причина коренилась в современном строе Греции и управлении бесчестных политиков, которые превратили государственное дело в источник удовлетворения личного самолюбия, кумовства... и даже откровенной наживы»¹⁶.

После восстания офицеров в предместье Афин Гуди Военная лига первым делом отстранила принцев от руководства армией. Король, находясь в загородной резиденции Татое, дал понять, что в случае объявления военной диктатуры он не останется в Греции и 24-х часов. Георг I отнесся отрицательно к случившемуся, но не высказывался об этом публично. Он стал приезжать в Афины лишь два раза в неделю, чтобы выслушать доклады министров. Российскому посланнику Ю.Н. Щербачеву тайно было сообщено, что королевская семья собирается провести зиму на о. Корфу. Россия послала в Пирей в 1909 г. для охраны династии военное судно «Олег», которое простояло там вплоть до разрешения конфликта¹⁷. В течение осени самоуправство руководства Военной лиги заставило короля думать об отречении. Но чувство, во многом мистическое, что у него особая миссия на земле (которое разделяли и которого придерживались многие поколения правителей), и долг перед народом оставили его на троне. Кроме того, он понял, что Венизелос, несмотря на все свои недостатки (крайнюю амбициозность, хитрость и т.д.), сочетал в себе редкое умение вести государственные дела и патриотический пыл. «Мой

отец из всех людей имел меньше всего причин его любить, — писал один из сыновей Георга I принц Христофор спустя четверть века, — однако факт остается фактом, что он не только одобрял его, но и доверял ему»¹⁸.

Э. Венизелос, назначенный Лигой с согласия короля премьер-министром Греции, провел ряд весьма удачных революционных социально-политических реформ, покончивших с засильем олигархических партий и старым укладом жизни. Либеральные реформы позволили стране в кратчайший срок сделать рывок в политическом и экономическом плане и стать более современным государством¹⁹. Но и Лига, и Венизелос, последователь Х. Трикуписа, выступали за серьезные изменения лишь в рамках конституционной монархии, которая, по их мнению, идеально подходила для Греции. Ассамблея внесла существенные поправки в Конституцию, причем король также участвовал в работе ревизионной комиссии. Поправки открывали простор для свободного развития капитализма, укрепляли государственность, отменяли феодальные отношения в деревне. За 1911–1912 гг. было принято 400 новых законов, улучшивших как экономическое, так и политическое положение в стране. Они привели к власти буржуазию, создали профессиональный административный аппарат и получили название «Великого скачка». Премьер-министр стал медленно оттеснять короля от управления страной.

Следующим важнейшим этапом увеличения территории Королевства стали Балканские войны, сопровождавшиеся небывалым патриотическим подъемом в Греции. В кратчайший срок с помощью иностранных инструкторов была проведена модернизация армии и флота, что позволило Греции одержать блестящую победу, в союзе с Болгарией, Сербией и Черногорией, в Первой Балканской войне 1912 г. против Турецкой империи. Уставший от политических дел король собирался отпраздновать 50-летие своего правления и подать в отставку, передав трон кронпринцу Константину, авторитет которого был на высоте. Выдающимся результатом стало присоединение Фракии и части Македонии с лучшим на Балканах портом и торговым центром Салоники. Население Греции значительно увеличилось и достигло 5 млн 425 тыс. человек.

В 1913 г., накануне Второй Балканской войны, Георг I во время своей прогулки по набережной только что завоеванных греками Салоник был убит психически неуравновешенным греком А. Схинасом. В марте 1913 г. на греческий престол взошел 45-летний кронпринц Константин, профессиональный военный, который завоевал симпатии греков, участвуя в Балканских войнах. Хотя Константин не имел тех положительных качеств, которые были у его отца (политической терпимости и др.), у него было три преимущества — он был православным, родился в Греции и был воспитан в греческом духе.

Результаты двух Балканских войн стали для греков настоящим триумфом. По Бухарестскому миру 1913 г. Греция получила богатые земли Южной Македонии, включая «лучший европейский порт на Эгейском море» — Салоники, часть Западной Фракии с Кавалой, Драмой, Серре, Южным Эпиром с г. Янина и большинство островов в Эгейском море, а затем и возделенный Крит. В состав Греческого королевства вошел фактически и полуостров Афон. Греция увеличила свою территорию на 68% и население — на 78%, выйдя на первое место среди балканских государств, не считая Турции. Можно сказать, что страна приняла современные границы, а её население достигло к 1913 г. почти 6 млн чел. Восторженная встреча в Афинах короля Константина, командовавшего армией, в день подписания Бухарестского мира превратилась в национальный праздник.

В результате Балканских войн возросла также политическая и стратегическая роль Греции на Балканах и в Средиземноморье. К началу Первой мировой войны значительно вырос ее торговый флот, занимавший по объему своего тоннажа 11 место в мире. Под греческим флагом плавало 884 парусных судна и 475 пароходов, которые можно было встретить во всех уголках земного шара. Ежегодный экспорт увеличился с 90 млн драхм на рубеже XIX–XX вв. до 162 млн драхм в 1914 г.²⁰

Армия и дух нации находились на подъеме, и это еще больше разжигало стремления греков по всему миру к осуществлению их мечты о захвате Константинополя и присоединении выходящих к Эгейскому морю районов Малой Азии. Греция собиралась также отвоевать всю Западную Фракию, претендовала на Северный

Эпир (Южную Албанию). Сбывалось пророчество российско-го посланника в Греции Е.П. Демидова о том, что скоро грекам понадобится не только луна, но и солнце. Венизелос в разговоре с друзьями, состоявшемся после подписания мира, воскликнул: «А теперь обратим наши взоры на Восток!» Но не все разделяли воинственные взгляды премьер-министра Венизелоса, который ратовал за немедленное вступление Греции в Первую мировую войну на стороне Антанты. Международное положение страны в этот период было сложным. Оно характеризовалось непримиримыми противоречиями с соседними балканскими государствами, и прежде всего с Турцией. Прогермански настроенный король Константин был сторонником нейтралитета Греции для защиты вновь присоединенных территорий. Борьба между Венизелосом и Константином привела к серьезному расколу нации в годы Первой мировой войны, а споры между венизелитами (республиканцами) и монархистами продолжались весь межвоенный период и сильно ослабили страну. В результате Греческое королевство к 1916 г. оказалось фактически расколотым на две части: Афины и ближайшие территории находились под властью короля Константина и прогермански настроенных деятелей, а в Салониках господствовали венизелиты — сторонники держав Антанты, создавшие свое Временное правительство. Весной 1917 г., под давлением Антанты, всё завершилось изгнанием Константина, коронацией его сына принца Александра и вступлением Греции, последней из балканских стран, в войну на её стороне²¹.

26 августа 1917 г. состоялось заседание греческого парламента, на котором Венизелос произнес самую яркую и продолжительную речь за всю историю существования палаты и за время его политической карьеры. Заседание, начавшееся в 6 часов вечера, закончилось на рассвете следующего дня. Основной смысл дебатов заключался в том, что Греции, столько раз упускавшей возможность осуществить Мегали идея, теперь необходимо было обеспечить себе место на мирном конгрессе. «Участвуя в мировой войне на стороне демократических наций, которые ведут совместную борьбу против империалистических амбиций Германии, на чьей стороне находятся два наследственных наших врага (Турция и Болгария. — *О. С.*), — говорил Э. Венизелос, — мы

не только возвратим наши национальные территории, не только вернем нации ее доброе имя и национальную честь, не только будем иметь возможность успешно защищать свои национальные интересы на конгрессе мира, чем застрахуем будущее нашей нации, но сможем стать также достойным членом семьи свободных наций, которую этот конгресс создаст. Всё это мы передадим нашим детям и таким образом осуществим мечту предыдущих поколений, чьими достойными наследниками мы себя сможем тогда называть. Такую Грецию мы уже предначертали своими недавними триумфальными победами в 1912–1913 гг.». Гарантией успеха было то, что цели, к которым союзники стремились в войне, вполне совпадали с национальными чаяниями Греции²². Заручившись поддержкой большинства в парламенте, Венизелос приступил к осуществлению «великогреческой программы», побудив греков активно участвовать в завершающих сражениях на Салоникском фронте.

«Панэллинист из самых крайних», как его называли в Европе, Э. Венизелос возлагал большие надежды на предстоящую мирную конференцию в Париже, хотя имел лишь устные заверения Великобритании и Франции в том, что его программа новых территориальных приобретений со столицей в Константинополе будет ими поддержана. Венизелос счел не лишним накануне конференции подкрепить расплывчатые обещания союзников поддержкой из-за океана и весной 1918 г. получил их, к изумлению всех, от самого В. Вильсона. Невооруженным глазом было видно, что требования, указанные Венизелосом в документе, чреватые большими осложнениями, так как население подавляющего числа территорий, на которые претендовали греки, было смешанным. Например, в районах Малой Азии и островах Эгейского моря, расположенных вблизи Турции, проживали 1 млн 118 тыс. греков и 1 млн 42 тыс. турок²³.

18 января 1919 г. — день открытия Парижской мирной конференции — был для греков, с их точки зрения, весьма унижительным, так как они получили всего два приглашения, и Венизелос, в знак протеста, не явился вовсе. Он заявил председателю конференции Ж. Клемансо, что в то время, как Франция склоняет Грецию к посылке ее войск на Украину, «неуместно так унижать

престиж его страны в глазах всего мира». Однако многочисленная греческая делегация не покинула конференцию, и все делегаты участвовали во всех её последующих заседаниях. Особенной энергией отличался, как всегда, сам Э. Венизелос, работая по 15–16 часов в день. Умело используя свое природное обаяние, ум, такт, исключительное политическое чутье, он делал всё, чтобы греческие требования были услышаны, а политические деятели «большой четверки» оказались на стороне Греции.

Греческий вопрос слушался в Версале 3 и 4 февраля 1919 г. Делегаты Великобритании не скрывали, что сохранение и укрепление личного влияния Венизелоса в Греции отвечают их интересам, но считали справедливым, в частности, предоставить Болгарии свободный выход в Эгейское море через порты Кавалу и Дедеагач. Греческие требования в Малой Азии англичане сочли чрезмерными. Особое беспокойство вызывало то, что греческий премьер лишил Турцию выхода в Эгейское море. В Малой Азии Венизелос настаивал на передаче Греции Измира (Смирны) с прилегающим районом. Гарантию обладания он видел в оккупации земель. Он считал, что настало самое подходящее время извлечь капитал из его преданности делу союзников и осуществить великогреческую программу–максимум: завоевать контроль над восточным побережьем Средиземного моря и Анатолии²⁴.

Все требования делегатов Греции были переданы так называемой «Греческой комиссии», которую возглавил Ж. Камбон, известный своими прогреческими симпатиями. В марте 1919 г. начался раздел турецкой территории европейскими державами, и Венизелос был уверен, что сил у Греции для захвата Измира и западных прибрежных районов в Малой Азии предостаточно. Началась Вторая греко-турецкая война, целью которой было создание Великой Греции со столицей в Константинополе. Венизелос надеялся на помощь Антанты, которая в реальности оказалась весьма небольшой. По Севрскому мирному договору 10 августа 1920 г. Греции передавались Смирна с прилегающими районами с населением около 1 млн человек и сохранялась почти вся турецкая территория в Европе (договор не был подписан Турцией и рухнул вскоре после победы нового турецкого лидера Кемаля Ататюрка в греко-турецкой войне, начавшейся в 1919 г.).

21 ноября 1920 г. состоялось закрытие Парижской мирной конференции. Стало ясно, что дипломатические и военные маневры греков, хотя и совершавшиеся весьма искусно, не привели к новым значительным территориальным приобретениям, хотя из всех балканских участниц конференции Греция оказалась наиболее удачливой и продолжала вместе с другими державами Антанты раздел Турции.

11 октября 1922 г. в г. Муданья было подписано перемирие между Турцией, с одной стороны, и Англией, Францией, Италией, с другой. Через два дня к нему присоединилась Греция. По условиям перемирия греческие войска полностью очистили Малую Азию. Эти события вошли в историю как Малоазиатская катастрофа 1921–1923 гг., похоронившая навсегда великогреческую идею и дискредитировавшая монархию. В 1924 г. в Греции была провозглашена республика, а король Константин был изгнан из страны и вскоре умер.

Итог: 50 тыс. убитыми, 70 тыс. ранеными, 1,5 млн коренного греческого населения Малой Азии навсегда лишилось крова и привычного места проживания²⁵. Севрский договор был похоронен, а с ним и последняя надежда греческих националистов осуществить их грандиозные планы до самого конца.

Однако, несомненно, Греция заняла на Балканах ведущее место в постверсальском мире. Население Греции к 1930 г. увеличилось приблизительно до 6,5 млн человек. Среди прибывших в Грецию было много замечательных людей, и первым среди них можно назвать Паисия Святогорского. Много страданий пришлось пережить грекам, переселившимся не по своей воле из Османской империи, но время лечит раны, и их замечательные поселки, носящие старые названия с приставкой «нео», украшают пригороды Салоник. А в греческих тавернах звучат непревзойденные по красоте мелодии в стиле ребетико, напоминающие о пережитых временах и, конечно, о несчастной любви. Греция сегодня переживает не лучшие времена, но нация остается сплоченной, и временами даже звучат давно забытые панэллинские мотивы.

Примечания

- 1 *Bickford-Smith R.F.H.* Η Ελλάδα την εποχή του Γεωργίου του Α. Αθήνα, 1993. Σ. 41.
- 2 *Соколовская О.В.* Греческая королева Ольга — «Под молотом судьбы». М., 2016. С. 15.
- 3 Там же. С. 7.
- 4 *Nicholas Prince of Greece. My Fifty Years.* L., 1926. P. 72.
- 5 *Bickford-Smith R.F.H.* Η Ελλάδα την εποχή του Γεωργίου του Α. Σ. 303.
- 6 Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 722. Оп. 1. Д. 808. Афины. 17 (29) августа 1868 г. Орфография сохранена.
- 7 *Κοφός Э.* Россия и эллинизм в период Восточного кризиса 1875–1878 гг. // Балканские исследования. Вып. 11. Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции. М., 1989. С. 144.
- 8 *Μαρκεζίνης Σ.* Πολιτική ιστορία της νεώτερης Ελλάδας, 1828–1964. Τ. 1. Αθήνα, 1968. Σ. 87.
- 9 *Prince Michael of Greece. Alan Palmer.* The Royal House of Greece. L. N. d. P. 33–36.
- 10 См.: *Соколовская О.В.* Письма греческой королевы к отцу великому князю Константину Николаевичу Романову о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и Греции // Россия и Болгария: к 125-летию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. М., 2006. С. 80–90.
- 11 *Bickford-Smith R.F.H.* Η Ελλάδα την εποχή του Γεωργίου του Α'. Σ. 41, 43.
- 12 *Петрунина О.Е.* Греческая нация и государство в XVIII–XX вв. М., 2010. С. 420–424.
- 13 *Μαρκεζίνης Σ.* Πολιτική ιστορία της νεώτερης Ελλάδας, 1828–1964. Τ. 1. Σ. 87.
- 14 См.: *Соколовская О.В.* Великий остров Средиземноморья, Греция и миротворческая Европа. 1897–1909 гг. К 100-летию присоединения Крита к Греции. М., 2013.
- 15 Там же.
- 16 Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 326. Л. 610б.
- 17 АВПРИ. Оп. 482. Ф. Политархив. Д. 323. Л. 175.
- 18 АВПРИ. Оп. 482. Ф. Политархив. Д. 330. Л. 42–45.
- 19 *Νικιτινά Τ.В., Соколовская О.В.* Социально-политический кризис и «Великий бросок» в Греции в 1909–1912 гг. // Балканские исследования. Вып. 12. Революции и реформы на Балканах. М., 1994. С. 167–190.
- 20 *Theodoulou C.* Greece and the Entente. Aug. 1, 1914–Sept. 25, 1916. P. XIX. Thessaloniki, 1971. P. XVI; *Dakin D.* The Unification of Greece. 1770–1923. L. 1972. P. 259; *Κορβάτος Γ.* Ιστορία της Νεώτερης Ελλάδας. Αθήνα, 1958. Τ. Υ. Σ. 15, 16.
- 21 См.: *Соколовская О.В.* Греция в годы первой мировой войны. 1914–1918 гг. М., 1990.
- 22 Там же. С. 170.
- 23 *Соколовская О.В.* Великая греческая идея на Парижской мирной конференции // Версаль и новая Европа. М., 1996. С. 86–111.
- 24 *Petsalis-Diomidis N.* Greece at the Paris Peace conference (1919). Thessaloniki, 1978. P. 238.
- 25 См.: *Соколовская О.В.* Великая греческая идея на Парижской мирной конференции. С. 86–111.

Российский дипломат А.С. Ионин о положении Черногории после Берлинского конгресса и о внешнеполитических планах России на западе Балканского полуострова

Аннотация:

В статье речь идет о деятельности русского дипломата А.С. Ионина в качестве генерального консула в Дубровнике, а затем первого российского министра-резидента в Черногорском княжестве в 1878 г. Ионин был не только инициатором и создателем дипломатической миссии в Цетине. Он активно помогал черногорскому правительству разработать основы внешней политики Княжества после подписания Сан-Стефанского и Берлинского договоров. Также он занимался анализом послевоенной ситуации на Балканском полуострове и способствовал разработке основ политики статус-кво, которая должна была закрепить успехи России, достигнутые в войне 1877–1878 гг., и нейтрализовать невыгодные политические последствия уступок, сделанных под давлением европейских держав на Берлинском конгрессе.

Ключевые слова:

Россия, Черногорское княжество, Сан-Стефанский договор, Берлинский трактат, политика статус-кво на Балканах, Александр Семенович Ионин.

*Varvara B.
KHLEBNIKOVA*

Russian diplomat A.S. Ionin on the status of Montenegro after the Congress of Berlin and Russia's foreign policy plans in the west of the Balkan peninsula

Abstract:

The article deals with the activities of the Russian diplomat A.S. Ionin working as au Consul General in Dubrovnik, and the first Russian resident minister in the Montenegrin principality afterwards in 1878. Ionin was not only the initiator and creator of the mission in Cetinje. He actively helped the Montenegrin government to develop a framework for foreign policy after the signing of the San Stefano and Berlin treaties. He also analyzed the post-war situation in the Balkan Peninsula and contributed to the development of the

status quo policy to consolidate Russia's successes achieved in the war of 1877–78 and neutralize the unfavourable political consequences of the concessions made under pressure from the European powers at the Congress of Berlin.

Key words:

Russia, the Montenegrin Principality, the Treaty of San Stefano, the Treaty of Berlin, the status quo policy in the Balkans.

Александр Семенович Ионин (1836–1900) был незаурядным дипломатом-практиком, оказавшим существенное влияние на разработку политического курса России на Балканах в последней трети XIX в. Карьера А.С. Ионина началась в столице Османской империи, куда он, выпускник Лазаревского института восточных языков, был направлен в 1856 г. В 1857 г. он стал драгоманом российской миссии в Сараево. Затем, в 1860 г., был назначен «временно заведовать»

консульством в Янине, и, судя по отличиям и наградам, весьма успешно справлялся с порученным делом. Поэтому спустя несколько месяцев Ионин был уполномочен управлять янинским консульством на постоянной основе. В 1867 г. он был переведен консулом в Дубровник, который в то время находился под властью Габсбургской монархии. На новом месте молодой дипломат трудился так же эффективно, о чем свидетельствуют полученные им ордена. В марте 1875 г. он «по всемилостивейшему разрешению стал пользоваться лично званием генерального консула в Рагузе» (старое название Дубровника. — В. Х.). Там дипломата и застала русско-турецкая война 1877–1878 гг.¹ С этого момента генеральному консулу пришлось часто посещать столицу Черногорского княжества, одновременно курируя вопросы, связанные с горячими точками на Балканах, такими как Босния

и Герцеговина, Старая Сербия, албанские земли. Война решала судьбу славянских областей, поэтому Ионин должен был быть в гуще всех событий, следить за изменениями в умонастроениях тамошнего населения, собирать ценнейшую политическую информацию о намерениях европейских стран воспользоваться в своих интересах результатами войны и т.д. В Архиве внешней политики Российской империи сохранилось значительное число донесений Ионина руководству МИД. Особый интерес представляет объемное дело № 1049 за 1878 год в фонде «Главный архив». Судя по материалам этого дела, регулярные служебные поездки сотрудников и огромный объем работы, которую они выполняли, потребовали быстрых изменений в организации деятельности дипломатических учреждений на Балканах. Именно А.С. Ионин стал инициатором открытия в столице Черногорского княжества постоянного представительства России. В марте 1878 г. он писал управляющему Азиатским департаментом МИД, товарищу министра иностранных дел Н.К. Гирсу: «Вообще бюрократическая фикция Рагузского консульства не отвечает уже давно действительному положению дел, которые находятся в ведении этого консульства. Консульство находится в Рагузе, а всё дело политическое, да и текущее, находится на Цетине»². Решение о создании дипломатической миссии в столице Черногории было принято, и в августе 1878 г.³ Ионин стал первым российским министром-резидентом в Княжестве, которое, наконец, получило международное признание на Берлинском конгрессе. Эту должность он занимал до июля 1883 г., то есть в самый трудный послевоенный период. Ионину довелось принять активное участие в решении многочисленных послевоенных проблем, с которыми столкнулись княжеские власти, российское правительство и дипломатические службы. Также он был вовлечен в разработку стратегического политического курса России на Балканах в новых условиях. Как дипломат справлялся с этими непростыми задачами, видно из его многочисленных депеш, писем, телеграмм и служебных записок. Составленные им документы содержат не только богатый фактографический материал, но и оценки происходивших в регионе событий и процессов. Эти оценки позволяют составить представление о целях и задачах российского правительства на Балканах.

Судя по архивным документам, в тот период самыми важными темами для Ионина были: 1) вопрос о судьбе Боснии и Герцеговины и об участии беженцев из этих областей, нашедших убежище в Черногории (этот сюжет должен быть темой отдельного исследования); 2) социально-экономические и политические перспективы Черногорского княжества после войны; 3) задачи Российской империи на западе Балкан в период между переговорами в Сан-Стефано и Берлинским конгрессом, когда отношения с великими державами были настолько напряжены, что в любую минуту мог вспыхнуть новый военный конфликт. Русский представитель изо всех сил старался не допустить такого развития событий.

Сразу после подписания Сан-Стефанского договора в марте 1878 г. А.С. Ионин еще не знал подробностей соглашения и имел представление только о самых общих итогах переговоров. Он полагал, что выработанные в Сан-Стефано условия выгодны для Черногории, следовательно, нельзя допускать больше никаких военных осложнений. Но уже в мае, когда он ознакомился с изложенными в договоре деталями разграничения между Княжеством и Османской империей, оптимизма у него стало заметно меньше. Будущие границы дипломат назвал «узорами, нарисованными на карте Балкан», а «такая Болгария, которую мы изобразили на карте, вообще невозможна»⁴. Предполагаемые приобретения Княжества вызвали некоторое изумление: «Князь и я, мы глазам не хотели верить, получив карту размежевания Черногории. Слишком много или слишком мало, а существенного нет»⁵. И главное, Ионин не находил ответов на жизненно важные вопросы, от которых зависела послевоенная судьба маленького государства. Как практически добиться от турок передачи черногорцам города Подгорицы и его окрестностей? Есть ли надежда приблизить границы Черногории к Сербии? Что будет с близкими соседями Княжества — боснийцами и герцеговинцами? Особенно неубедительными показались российскому представителю планы в Старой Сербии. В общем, он считал, что такая граница «невозможна, и никто в нее не поверил». Опасным выглядел сам принцип разграничения. Почему в договоре так много земель, еще оставшихся под властью Турции, решено

передать славянам? Как заставить Османскую империю отказаться от областей, в которых она еще не утратила влияния? Если так сделано для того, чтобы потом торговаться и добиваться каких-то уступок, то это — опасный путь. Как только сама Россия начнет отступать от текста соглашения, все остальные тоже станут его нарушать. Но больше всего Ионина беспокоило то, что названные в Сан-Стефанском договоре рубежи слишком выгодны для Австро-Венгрии, которая легко может «добраться едва ли не до Салоник». Поэтому он предупреждал — придется приложить немало усилий, направленных на то, чтобы остановить Австро-Венгрию хотя бы на р. Дрине, «это куда важнее, чем присоединение Македонии к Болгарии»⁶. Если не удастся затормозить австрийскую экспансию, «значение союзного сербского племени упадет», а Черногория вообще может превратиться в анклав. Такая перспектива грозила многочисленными опасностями только что получившему правоспособность Княжеству. Австро-Венгрия в принципе плохо относилась к черногорцам из-за их давнего союза с Россией. Австрийцы, по словам Ионина, «не могут переварить, что у нас на Адриатическом море завелась русская губерния»⁷. Прелиминарный мир, по его мнению, станет не концом, а началом долгой дипломатической борьбы с европейскими державами, выйти из которой победительницей у России не так много шансов. Выводы русского представителя, сделанные на основе анализа договора, были честными: «Мы сами не верим в Сан-Стефанский мир», поэтому велика вероятность новых кризисов и еще одного конгресса⁸. Дальнейшее развитие событий полностью подтвердило опасения дипломата.

В Петербурге также хорошо понимали, что дела на Балканах далеки от завершения. Не случайно еще в апреле 1878 г. товарищ министра иностранных дел Н.К. Гирс передал А.С. Ионину весьма секретное письмо, в котором просил уточнить, какую роль смогла бы сыграть Черногория в случае военного столкновения России с Австро-Венгрией. Благодаря информации, собранной по этому запросу, можно довольно хорошо представить себе экономическое и военное положение Княжества в тот момент.

Ионин категорически настаивал, что никакого конфликта нельзя допускать, так как в Черногории нет продовольственных

запасов, и, если австрийцы закроют границы с нею, сразу начнется голод. К тому же, кроме отражения натиска австрийцев, черногорцам понадобятся силы на другой границе — с албанцами, и, возможно, в Старой Сербии. У Княжества имелось около 15 тыс. войска, из них были готовы реально участвовать в боевых операциях только 8–10 тыс. человек. Проблема была в том, что не хватало патронов, чтобы эти войска могли выполнять какие-то приказания. Еще хуже дела обстояли с артиллерией: «Наши русские пушки почти расстреляны, а для других пушек, взятых у турок, горных и полевых, нет снарядов»⁹. Конечно, Россия снабжала черногорцев определенным количеством боеприпасов, стараясь обеспечить союзнику хотя бы минимальную возможность защищаться, но от идеи продолжения военных действий пришлось отказаться. Приводимые в донесениях Ионина аргументы заставляли российских политиков проявлять максимальную сдержанность на Балканах. С другой стороны, донесения, в которых очень подробно описывалось бедственное состояние экономики Княжества в 1878 г., принесли его населению ощутимую практическую пользу. В конце весны и летом 1878 г. на русские деньги был закуплен и размещен по складам значительный объем продовольствия на крайний случай. Ионин надеялся, что эти запасы, в условиях сохранения мира, позволят черногорцам засеять поля и получить «неплохой урожай»¹⁰.

Позже, в июле 1878 г., российское военное руководство, вслед за министерством иностранных дел, попыталось составить максимально точную картину положения дел на Балканском полуострове. Туда с особой миссией был отправлен генерал Р.А. Фадеев. Он проехал от Белграда до Цетиня, чтобы оценить обстановку и понять, есть ли надежда вернуться к вопросу о судьбе Боснии и Герцеговины. В столице Черногории генерал планировал встретиться с князем Николой. Однако Ионин считал, что возможности что-либо изменить военными способами не существует. Поэтому он изо всех сил постарался убедить посланца военного министерства не давать ни малейшего повода славянам для необоснованных надежд и австрийским властям для подозрений в адрес России. Встреча русского генерала и черногорского правителя не состоялась. В общем, в том, что чер-

ногорцам не пришлось снова воевать и голодать в 1878 г., есть немалая заслуга А.С. Ионина.

В то время, как дипломаты усиленно трудились над сохранением хрупкого баланса, сложившегося после окончания военных действий, решительно настроенная часть русского общества, рупором которой были славянские благотворительные комитеты, напротив, продолжала мечтать о новых победах и окончательном изгнании турок из Европы. Посланцы комитетов, появлявшиеся в Черногории в те дни, доставили Ионину немало забот. Он считал, что их деятельность «непременно обращается в некоторую сплетню и интригу или в политическое искание приключений»¹¹. В силу своих служебных обязанностей российский представитель пытался нейтрализовать возможные негативные последствия славянофильских акций, но результат своих усилий считал ничтожным. «Сколько я ни старался моих сердобольных соотечественников направить на практическое и здравое понимание вещей и разубедить их в справедливости взглядов, которые они себе сформулировали по газетным рекламам, — всё напрасно», — писал Ионин Н.К. Гирсу¹². Особую его озабоченность вызвало нелепое и в какой-то мере опасное поведение в Черногории некоего Васильева. Тот приехал в Цетине с деньгами Петербургского славянского комитета якобы для благотворительной работы. Этот энтузиаст «с первого взгляда показался здесь всем несколько смешным человеком»¹³. Вместо того, чтобы поддержать пострадавших от войны черногорцев, Васильев раздавал деньги беженцам из Герцеговины, которые в то время находились на территории Княжества и утверждали, что они вожаки повстанческого движения. Ионин изумлялся тому, что, не проверив никаких сведений, гонец комитета щедро одаривал приличными суммами весьма сомнительных личностей, из которых мечтал создать нечто вроде временного повстанческого правительства Боснии и Герцеговины. Вырисовывалась трагикомическая картина: «Эти главари сами явились к черногорским властям и заявили, что ничего не замыслили, а деньги почему бы и не взять, если русский верит их рассказам»¹⁴. С точки зрения Ионина, наивные россияне, которые верили, что «держат в руках нити огромного предприятия», выглядели комично. Трагизм же ситуа-

дии заключался в том, что австрийское правительство воспринимало появление русских славянофилов с денежными раздачами на границах всерьез. Оно демонстрировало готовность быстро и решительно реагировать на подобные провокационные действия. Именно поэтому Ионин был категорически против такого рода миссий и просил Н.К. Гирса по возможности их пресекать. Он считал, что МИД имеет право, «не входя с этими комитетами в дальнейшие объяснения, просто посоветовать им прекратить всякую деятельность, польза которой, особенно теперь, совершенно ничтожна в сравнении с нравственным ее вредом»¹⁵. Как видим, отношение профессиональных дипломатов к балканским проблемам было вполне трезвым. Сам Ионин характеризовал его как «практическое благоразумие». Конечно, оно в корне отличалось от романтически окрашенных и потенциально опасных новыми осложнениями настроений российских славянофилов и прессы, симпатизирующей им.

Летом 1878 г. началась новая фаза решения Восточного вопроса. На первый взгляд, этим занимались европейские дипломаты, но за их спинами постоянно «маячили» военные круги, готовые в любую минуту развязать боевые действия. Накануне и в ходе Берлинского конгресса определились те вопросы, по которым противодействие европейских держав российским планам приобрело откровенно непримиримый характер. Это касалось и расширения территориальных владений югославянских держав, и возможного сближения границ Сербии и Черногории, и многих других проблем. Тревога в Черногории постоянно нарастала: «С замиранием сердца здесь ждут решения конгресса», — сообщал Ионин в Петербург¹⁶. Когда же в Берлине были подписаны основные документы, напряжение не спало, так как Княжество оказалось в сложном положении. Российский представитель отметил, что «черногорцы и довольны, и недовольны» итогами конгресса. Международное признание суверенитета было не просто важным для страны результатом, это была моральная победа народа, веками стремившегося к свободе. Однако победа была омрачена тем, как предполагалось провести размежевание с Османской империей. По словам Ионина, узаконенная конгрессом территория Княжества не оставляла надежд на будущее

процветание крохотной державы, у которой было слишком мало ресурсов для «самобытного существования». Невыгодные экономические условия предстоящего разграничения сочетались с тяжелыми политическими обстоятельствами: «Не то удручает здесь умы, что Черногория получила при общем разделе слишком узкие границы, а то, что, получивши эти обглоданные со всех сторон границы, она очутилась еще окруженной Австрией...»¹⁷. Значит, в любую минуту Вена могла оказывать на черногорцев давление, ограничивая их контакты с внешним миром. Это вызвало бурное негодование князя Николы, который демонстрировал свое разочарование и желание противостоять несправедливости со стороны великих держав. Изю всех сил Ионин убеждал князя, что ни у России, ни у славян в данный момент нет возможности сопротивляться решениям Берлинского конгресса. Поэтому нужно смотреть в будущее и сосредоточиться на актуальных задачах послевоенной жизни. Самой трудной для черногорцев была проблема разграничения с Османской империей, и Ионин предупреждал, как нелегко будет «довести до конца дела с Турцией». У Княжества не было реальных сил, чтобы заставить османскую администрацию вывести войска из областей, переходивших под юрисдикцию Черногории. Министр-резидент подчеркивал, что Порты еще надеется на реванш: «Турки думают, что пока всё бродит и находится в напряжении, еще не всё потеряно»¹⁸. Поэтому он настоятельно рекомендовал властям Княжества не давать турецким политикам возможности оттягивать исполнение Берлинского трактата. Дипломат предупреждал: если туркам разрешить хоть на день задержаться на территориях, которые они должны передать Княжеству, это неизбежно приведет к дальнейшим уступкам¹⁹.

Не менее сложной была боснийская проблема. Ионин настойчиво призывал черногорские власти проявлять предельную осторожность в отношениях с Австро-Венгрией в делах, касающихся Боснии и Герцеговины. Черногорское правительство, по его мнению, не должно подстрекать соседей к сопротивлению австрийской оккупации, более того, оно заинтересовано в том, чтобы австрийцы как можно скорее выполнили свои намерения. В случае необходимости, черногорцы должны поспособствовать

успокоению боснийцев и герцеговинцев. Во-первых, потому, что продолжение военных действий в пограничных областях позволит Османской империи воспользоваться моментом и сорвать разграничительные работы («Турция ничего не отдаст по Берлинскому трактату»). Во-вторых, Австро-Венгрия, по мнению российского дипломата, была настроена враждебно к черногорцам, видела в них препятствие «для утверждения в славянских землях». Поэтому ей было выгодно держать Княжество в переходном состоянии и «изнурять его нравственно», а если понадобится, устроить «катастрофу для Черногории»²⁰. Россия, скорее всего, будет слишком занята хлопотами в Восточной Румелии и не сможет быстро помочь. Опасность срыва договоренностей была высока не только потому, что славяне не были согласны с оккупацией Боснии и Герцеговины. Австро-Венгрия готовилась решительно пресечь любое противодействие черногорцев, а турки надеялись на реванш. Ситуацию могли дестабилизировать и интриги остальных европейских держав, стремившихся извлечь максимум выгоды из послевоенной ситуации на Балканах. Это был третий фактор, существенно затруднявший исполнение решений конгресса в полном объеме. Как видим, Ионин прекрасно осознавал, как непросто начиналась самостоятельная государственная жизнь Черногории в окружении могущественных противников.

Не только тяготы Черногорского княжества волновали русского дипломата после окончания войны. Не меньше его занимал вопрос о будущей стратегии России на Балканах. Ионин предлагал не делать поспешных выводов из того, что русскому правительству пришлось пойти на уступки в Берлине, отмечая, что, в сущности, положения Берлинского трактата повторили смысл Сан-Стефанского договора. Они закрепили поражение Османской империи. На большее ни русские, ни славяне не могли тогда рассчитывать, потому что европейские державы видели в России «какое-то чудовище» и стремились помешать любым ее внешнеполитическим планам. Ионин считал это заблуждением, потому что, по его мнению, не русские, а турки по-прежнему угрожали спокойствию Европы. Хотя Турция была «разрушена как самостоятельная индивидуальность», она всё еще не была устранена

с Европейского материка. В каком-то смысле Османская империя стала даже опаснее после поражения в войне, она, по словам Ионина, превратилась в непредсказуемую «стихийную силу». Турки не смирились со своим поражением и верили, что «всякое усложнение» в отношениях европейских держав даст им шанс «ловить рыбу в мутной воде»²¹. Пока Порта продолжала надеяться «как-нибудь выкарабкаться из тисков уловками и промедлениями», договориться с нею было чрезвычайно сложно. Российский представитель предвидел, что «турки станут вести себя недобросовестно»²², с ними «никакого разговора иметь нельзя»²³. К этому он добавил, что традиционная конкурентка России Великобритания, используя надежды османских политиков взять реванш, стремилась «играть умами турок». Так ей самой было легче «под шумок» проникать в Малую Азию²⁴. Дестабилизирующую роль на Балканах играла и экспансионистская политика Австро-Венгрии, торопившаяся расширяться за счет славянских земель. По мнению Ионина, решения конгресса были сформулированы таким образом, чтобы предоставлять европейским странам самые разные поводы для вмешательства в балканские дела. Он ясно видел, что «Берлинский трактат дает в частности для будущего действия Европы несколько практических удобств, а для нас, следовательно, несколько весьма значительных неудобств»²⁵. Дипломат не сомневался, что в ближайшем будущем европейские правительства постараются воспользоваться появившимися на Балканах возможностями, из-за чего могут произойти «всякие нечаянности». То есть, как и многие другие сотрудники российского МИД, Ионин трезво оценивал все опасности послевоенного положения на Балканах и ограниченность российских возможностей. В такой обстановке недопустимо было делать резкие заявления и втягиваться в военные авантюры.

По мнению дипломата, главная цель России в тот момент состояла не в устранении «неудобств», созданных Берлинским трактатом, а в том, чтобы их минимизировать, «сделать их наименее вредными, по возможности, обратить в свою пользу»²⁶. Ионин предлагал «ждать и уметь пользоваться обстоятельствами», только так можно со временем окончательно решить Восточный вопрос. Он верил, что последнее слово будет за Россией,

считал цели российского правительства на Балканах более реалистичными и «естественными», чем цели других европейских держав. Много раз дипломат повторял, что Австро-Венгрия и Великобритания мечтают об «упразднении Турции», «устранении Турции как принципа в дальнейшем развитии Востока», то есть о ее разделе. Россия же стремится «восстановить политическую жизнь на Востоке», то есть вернуть свободу и самостоятельность христианским народам, бывшим подданным султана. Российская дипломатия отстаивает справедливые принципы национального устройства юго-востока Европы, правда на ее стороне. Чрезмерная активность европейцев в балканских делах рано или поздно обернется против них самих, велика вероятность, что они запутаются в собственных интригах. Если Великобритания давно уже научилась извлекать пользу из восточных хитросплетений, то Австро-Венгрия рискует попасть в затруднительное положение. Она, по словам Ионина, «добровольно сунула ногу в капкан», и любые осложнения на Балканах «будут увлекать эту ногу в глубь болота восточных интересов», истощая военные и финансовые силы державы Габсбургов²⁷. Русский дипломат не исключал, что экспансия австрийцев, скорее всего, натолкнется на противодействие Италии, считавшей Адриатику сферой своих интересов. И это будет весьма полезно для России, так как снизит возможность создания антироссийских союзов. В этой ситуации МИД следует проявлять терпение, «сосредоточиться, осмотреться, сосчитать свои силы и осмотреть те дороги, по которым мы эти силы должны будем направить в удобную минуту»²⁸.

И до, и после Берлинского конгресса Ионин призывал к осторожности, взвешенности решений, к отказу от суетного реагирования на мелкие уколы и каверзы европейских коллег: «Мы всегда выиграем терпеливой, но при надобности и удобном случае решительной политикой»²⁹. Первостепенная задача российского правительства, по его глубокому убеждению, заключалась в том, чтобы разработать долговременную стратегию политики на Балканах. Он задавал своим руководителям вполне резонный вопрос: разве у России есть необходимые для продолжения борьбы силы и четкий план дальнейших действий? А без такого плана она «запутается со своими задачами на Балканах»³⁰. Ее внеш-

неполитические цели перестанут быть понятными для славян, исчезнут ощущение правоты и уверенность в окончательной победе. Россия имеет моральное право обращаться к союзникам «только с точными и ясными требованиями»³¹. Ионин настаивал: «... Мы должны представлять собой силу великой державы, которая должна только распутывать узлы, запутывающиеся по силе самой природы вещей, а в случае нужды и рассекать их»³². В этом и состояла заслуга российского дипломата, активно участвовавшего в решении балканских проблем. Он стремился укрепить авторитет России среди югославянских народов, уберечь свое руководство от политических ошибок, чреватых негативными последствиями. В Петербурге внимательно прислушивались к мнению сотрудников, работавших на местах и знавших ситуацию «изнутри». Поэтому призывы Ионина к отказу от попыток ускорить решение трудных вопросов были услышаны. Российское правительство твердо взяло курс на поддержание статус-кво на Балканах и после Берлинского конгресса, по возможности, уклонялось от прямых столкновений с европейскими странами по спорным вопросам. К такой же сдержанности и осторожности оно призывало и славянских правителей, особенно черногорского князя Николу, склонного преувеличивать свои возможности и верившего, что в случае затруднений русские покровители смогут всё уладить. В качестве министра-резидента в Цетине Ионин последовательно продолжал действовать в выбранном направлении, пристально наблюдая за настроениями и поступками черногорских властей. Он добился доверительных отношений с князем и умел тактично удерживать черногорского монарха от слишком резких действий. Ионин — едва ли не единственный русский министр-резидент, о работе которого князь Никола отзывался впоследствии одобрительно и с благодарностью³³.

Испытания военного и послевоенного времени пагубно отразились на состоянии здоровья Ионина. Глубокие переживания по поводу итогов войны, нараставшее ощущение тревоги и опасности не оставляли его. Трудные поездки из Дубровника в Цетине отнимали физические и душевные силы. Желание помочь черногорцам, научить их решать государственные вопросы в соответствии с общеевропейскими правилами, противодействие

попыткам подстрекать славян к дальнейшей вооруженной борьбе, которые предпринимали некоторые «энтузиасты» из России, держали российского представителя в постоянном напряжении. В октябре 1878 г. он жаловался начальству на нервное истощение, головные боли, переутомление, просился в отпуск. Барон Врангель, тесно общавшийся с Иониным в течение этого драматического периода, тоже писал Н.К. Гирсу о том, что его товарищ нуждается в передышке: «Я нашел Ионина расстроенным, он должен уехать лечиться, иначе я предсказываю Вам катастрофу»³⁴. В ноябре 1878 г. министр-резидент получил трехмесячный отпуск и выехал на родину, оставив миссию на своего секретаря А.Н. Шпейера. Собираясь на время покинуть Княжество, министр-резидент продолжал хлопотать о том, чтобы начатые им дела, были доведены до конца. Но больше всего его беспокоила возможность кризисов и конфликтов, поэтому он оставил А.Н. Шпейеру подробную инструкцию, где четко разъяснял, какой линии придерживаться в разных ситуациях. Красной нитью через этот документ проходят мысли о необходимости сохранять сложившийся порядок, избегать неосторожных высказываний и поступков, дистанцироваться в политических отношениях с черносгорскими властями³⁵.

Подводя итог, хочется отметить большое научное значение тех документов, которые вышли из-под пера российского дипломата. Высокий профессиональный уровень, добросовестность и выдержка, трудолюбие, политический такт помогали А.С. Ионину успешно решать сложные практические задачи, продиктованные итогами войны. А незаурядные аналитические способности, умение определить перспективы развития международных отношений, понять место России в этих отношениях позволили ему правильно прогнозировать не только тактические, но и стратегические цели своей деятельности в качестве российского представителя на Балканах. Не будет преувеличением сказать, что А.С. Ионин не щадил своих сил для того, чтобы результаты русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и дальнейшие дипломатические контакты с европейскими державами не обернулись для России слишком тяжелыми испытаниями и потерями. Он, как мог, добивался этой цели и немало преуспел в своих трудах.

Примечания

- ¹ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Департамент личного состава и хозяйственных дел (далее — ДЛС и ХД). Ф. 159. Оп. 464. Д. 1557.
- ² АВПРИ. Ф. Главный архив. Оп. 181. Д. 1049. Л. 282.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же. Л. 316.
- ⁵ Там же. Л. 316 об.
- ⁶ Там же. Л. 319.
- ⁷ Там же. Л. 328 об.
- ⁸ Там же. Л. 321 об.
- ⁹ Там же. Л. 83 об.
- ¹⁰ Там же. Л. 79.
- ¹¹ Там же. Л. 331.
- ¹² Там же. Л. 331–331 об.
- ¹³ Там же. Л. 332.
- ¹⁴ Там же. Л. 335 об.
- ¹⁵ Там же. Л. 342.
- ¹⁶ Там же. Л. 346 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 137 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 142.
- ¹⁹ Там же. Л. 148.
- ²⁰ Там же. Л. 149.
- ²¹ Там же. Л. 152.
- ²² Там же. Л. 141.
- ²³ Там же. Л. 157 об.
- ²⁴ Там же. Л. 142 об.
- ²⁵ Там же. Л. 133.
- ²⁶ Там же. Л. 133 об.
- ²⁷ Там же. Л. 155–155 об.
- ²⁸ Там же. Л. 134 об.–135.
- ²⁹ Там же. Л. 154.
- ³⁰ Там же. Л. 129.
- ³¹ Там же. Л. 128 об.
- ³² Там же. Л. 129 об.
- ³³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 939. Ионин А.С. Д. 135. Л. 43 об.
- ³⁴ АВПРИ. Ф. Главный архив. Оп. 181. Д. 1049. Л. 385.
- ³⁵ Там же. Д. 1042. Л. 206–297 об.

**Проблемы черногоро-турецкого
территориального разграничения
по итогам Берлинского конгресса 1878 г.
(в освещении журнала «Нива» в начале 1880-х годов)**

Аннотация:

Статья посвящена непростому периоду в истории Черногории после Берлинского конгресса 1878 г., когда молодое балканское государство, получившее официальное признание своей независимости от Османской империи, добивалось, в первую очередь с помощью своей верной покровительницы России, реализации статей мирного договора, касающихся территориального разграничения Княжества с Турцией. Из-за нежелания Порты передавать установленные соглашениями территории, этот процесс оказался довольно сложным и затянулся на несколько лет, периодически сопровождаясь военными столкновениями. Все эти сюжеты подробно освещались на страницах самого популярного в те годы в России петербургского иллюстрированного журнала «Нива».

Ключевые слова:

Черногория, Османская империя, территориальное разграничение, Берлинский конгресс 1878 г., черногорский правитель Никола Петрович-Негош, журнал «Нива».

*Natalia G.
STRUNINA-BORODINA*

**The problem of border demarcation
between Montenegro and Turkey
after the Congress of Berlin of 1878
(covered by 'Niva' magazine at the beginning of the 1880s)**

Abstract:

The article is devoted to a difficult period in the history of Montenegro after the Congress of Berlin of 1878, when the young Balkan state was officially recognised an independent from the Ottoman Empire. Montenegro sought, first of all with the help of its faithful patron Russia, the implementation of the peace treaty articles concerning border demarcation between the Principality and Turkey. Due to the Turkish unwillingness to transfer the territories established by the agreement to Montenegro, this process turned out to be

rather complicated, and eventually it shut down for several years and was accompanied by recurrent military clashes. All these plots were described in detail in «Niva», an illustrated magazine published in Saint Petersburg, very popular in Russia at the time.

Key words:

Montenegro, the Ottoman Empire, demarcation, the Congress of Berlin of 1878, Montenegrin ruler Nikola Petrovich-Negosh, «Niva» magazine.

Основным источником для данного исследования послужили материалы, представленные на страницах санкт-петербургского иллюстрированного журнала «Нива», издававшегося с 18 (30) декабря 1869 г. по сентябрь 1918 г. Благодаря высокому качеству публиковавшихся материалов и иллюстраций, и, что немаловажно, низкой цене (в 1878 г. годовая подписка на еженедельник составляла всего 4 руб. 50 коп. без доставки и 5 руб. 50 коп. с доставкой¹), это издание обрело невероятную популярность, по сравнению с другими журналами дореволюционной России. Тираж «Нивы» рос с каждым годом: в 1878 г. он составлял 43 тыс. экз., к 1886 г. достиг 102 тыс. экз., а в дальнейшем поднялся до 275 тыс. экз.² К примеру, тираж самой популярной газеты тех лет, «Нового времени», к 1914 г. был меньше — около 200 тыс. экз.

В рассматриваемый период «Нива» являлась самым распространенным изданием в России³. Выходивший на протяжении почти полувека, исключительно информативный журнал, конечно, не мог остаться без внимания современных специалистов⁴. Это издание — весьма ценный источник для исследования множества тем, начиная с ключевых вопросов развития русского общества и заканчивая более узкими сюжетами.

Издателем журнала был потомственный дворянин, книгоиздатель Адольф Федорович Маркс (1838–1904), приехавший в Санкт-Петербург в 1859 г. из Германии и основавший здесь в 1869 г. издательство, а позднее акционерное общество «Товарищество издательского и печатного дела А.Ф. Маркс», где и печаталась «Нива». Здесь в две смены трудились 700 человек, именем одной из работниц, Евгении Соколовой, типография стала называться уже в Советской России (с 1924 г.). Само здание издательства, находящееся на Измайловском проспекте, д. 29,

было включено в 2001 г. в «Список вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность»⁵.

Изначально «Нива» была создана наподобие весьма популярных в родной А.Ф. Марксу Германии журналов «для семейного чтения» и была предназначена для образованной публики — городской интеллигенции, чиновников, учителей, врачей, состоятельных купцов, провинциальных помещиков⁶. В журнале публиковались очерки географического и исторического характера, статьи «по наукам и искусству», вопросам медицины и многое другое. В разделе беллетристики печатались переводные романы и повести, а также произведения русских писателей. Среди авторов были: Д.В. Аверкиев, Г.П. Данилевский, Н.Н. Каразин, Н.С. Лесков, А.Н. Майков, Д.Н. Мамин-Сибиряк, Д.С. Мережковский, Василий и Владимир Немирович-Данченко, Я.П. Полонский, И.Н. Потапенко, К.К. Случевский, Вс.С. Соловьев, К.М. Фофанов. В «Ниве» также публиковались произведения крупных писателей: роман Л.Н. Толстого «Воскресение», повесть Д.В. Григоровича «Гуттаперчевый мальчик», несколько рассказов А.П. Чехова, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, произведения К.Д. Бальмонта, И.А. Бунина, позднее А.А. Блока, К.И. Чуковского и др.⁷.

Особый интерес читателей вызывали фотокорреспонденции о важнейших мировых событиях и репродукции с картин выдающихся художников: И.К. Айвазовского, И.И. Шишкина, И.Е. Репина, А.Н. Бенуа, И.Э. Грабаря, В.В. Верещагина и В.Д. Polenova. Последние побывали на Балканах во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг.⁸.

В отсутствие таких современных СМИ, как телевидение и интернет, люди черпали информацию из газет и журналов, а страницы «Нивы» изобиловали различными сведениями, красочными иллюстрациями и фотографиями. Учитывая еще и огромную популярность «Нивы», мы с уверенностью можем назвать этот журнал одним из ценнейших источников, из которого широкие слои населения Российской империи получали разнообразную информацию, в том числе и относительно черногорских событий⁹.

Раздел журнала «Политическое обозрение» являлся чем-то вроде нынешних телевизионных новостей с обзором событий за неделю. Несмотря на то, что авторы данного раздела не известны, можно предположить, что они писались самим редактором журнала, как это было принято и в других изданиях. С 1878 по 1887 гг. им был Федор Николаевич Берг (1840–1909) — литератор, публицист, перешедший после работы в «Ниве» также на должность редактора в журнал «Русский вестник», а затем, уже в начале XX в., редактировавший газеты «Русский листок» и «День»¹⁰.

Именно в «Политическом обозрении» после Берлинского конгресса очень часто появлялась «черногорская тема». Журнал не имел в Черногории собственного корреспондента, однако эти функции брал на себя находившийся в это время в Княжестве П.А. Ровинский (1831–1916) — известный русский ученый-славист, этнограф и журналист. Еще весной 1878 г. Павел Апполонович принял предложение А.С. Суворина, редактора столичной газеты «Новое время», и отправился в качестве корреспондента в Боснию и Герцеговину. В мае 1879 г. Ровинский прибыл в Черногорию, где благодаря помощи и поддержке своего друга слависта А.Н. Пыпина, получил должность внештатного драгомана русской дипломатической миссии. Прожив в Черногории более 20 лет (с 1879 по 1906 гг. с небольшими перерывами), Ровинский досконально изучил эту страну, считал ее своим вторым домом, а черногорский народ проникся к нему искренней любовью и уважением и называл его «Павле Рус». Результатом многолетних исследований ученого явился его капитальный труд «Черногория в ее прошлом и настоящем», состоящий из шести книг¹¹.

Наряду с материалами, предоставляемыми Ровинским, сведения о Черногории для «Политических обозрений» брались из иностранных газет и журналов.

Июльское восстание 1875 г. в Герцеговине и Боснии не могло оставить равнодушными их соседей-черногорцев, которые уже 20 августа 1875 г. на народной скупщине приняли решение поддержать выступление босняков и герцеговинцев¹². В 1876 г. вспыхнуло Апрельское восстание в Болгарии, которое было

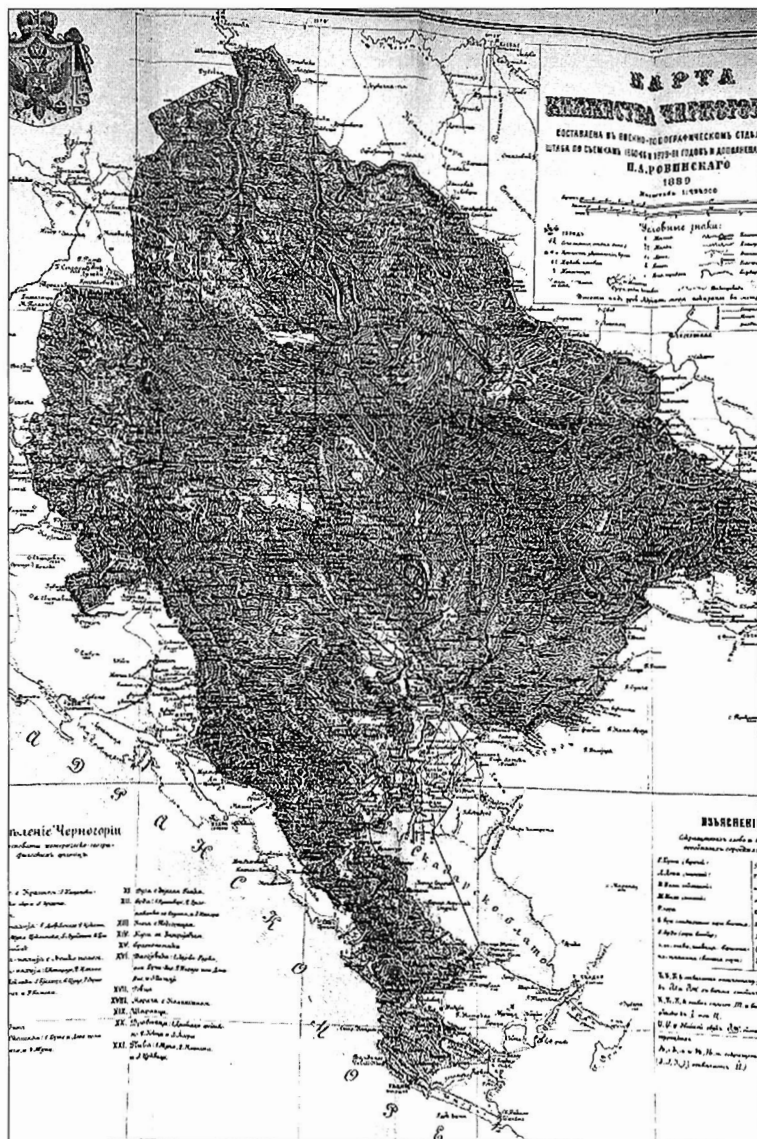

Рис. 1. Карта Черногории 1889 г. из книги П.А. Ровинского¹³.

жестоко подавлено османами. Пока европейские правительства пытались повлиять на Порту путем увещаний и переговоров, балканские славяне не бездействовали и в июне 1876 г. Черногория и Сербия, достигнув политического соглашения, начали войну против Турции. После поражения сербской армии и обращения белградского кабинета за помощью к великим державам, начались длительные переговоры с Портой, в процессе которых европейская дипломатия предлагала пути решения вопроса, но Константинополь их отвергал. В апреле 1877 г. Россия объявила Турции войну, закончившуюся поражением последней. 19 февраля (3 марта) 1878 г. был подписан Сан-Стефанский прелиминарный мирный договор, который под давлением европейских государств впоследствии подвергся пересмотру на конгрессе в Берлине (июнь–июль 1878 г.).

По Берлинскому трактату Черногория получила независимость и территориальное приращение площадью в 5 кв. км¹⁴. Ей были предоставлены города Подгорица, Колашин и Гусинье, не занятые черногорскими войсками; в то же время она должна была возвратить Турции освобожденные черногорцами территории Ульциня с прилегающей к нему частью Приморья, а также передать Австро-Венгрии области в Герцеговине (Зубцы, Гацко, Црквицу и порт Спицу), занятые во время войны.

Как точно отметила отечественная исследовательница Н.И. Хитрова, ни одно из участвующих в войне балканских государств не встретило столько сложностей при определении послевоенных границ как Черногорское княжество¹⁵.

В общей сложности на закрепление присоединенных к Черногории территорий потребовалось почти пять лет. «Порта под разными предлогами уклонялась от приведения в исполнение решений Берлинского конгресса, ссылаясь на свое бессилие противодействовать Албанской лиге*, выступившей против передачи Черногории Подгорицы, Гусинья и других земель»¹⁶.

* Албанская (Призренская) лига — албанская национальная организация, созданная 10 июня 1878 г. в г. Призрене изначально при содействии турецких властей с целью противодействия решениям Берлинского конгресса. В ноябре 1878 г. Лига выступила с лозунгом получения автономии для территорий, населенных албанцами, что расходилось с планами Порты. В конце 1880 г., при поддержке местного албанского населения, войска Лиги свергли местных турецких чиновников и уста-

Уже с конца 1878 г. «Нива» стала рассказывать русским читателям про набирающую силу Албанскую лигу, которая была, по словам автора соответствующего сообщения, «предназначена для воспрепятствования территориальным уступкам Черногории»¹⁷ и чтобы «разрушить все мирные иллюзии европейских дипломатов»¹⁸.

Несмотря на противодействие албанцев, в начале 1879 г. Турция всё-таки сдала Черногории Подгорицу, Спуж и Жабляк. Другие же территории, а именно Плав и Гусинье, албанцы отстаивали с оружием в руках — они не пустили сюда османскую военную комиссию, а 8–10 января 1880 г. отбили атаки черногорцев, попытавшихся взять Плав и Гусинье своими силами¹⁹. Осознав, что албанское сопротивление представляет собой немалую силу, Порты решила использовать его в своих целях.

С начала 1880 г. «Нива» каждую неделю помещала сообщения о черногоро-турецком разграничении. Так, в феврале в «Политическом обозрении» отмечалось, что после отказа албанцев сдать черногорцам Гусинье последовало официальное заявление Порты о том, что она не желает передавать черногорцам территории, населенные преимущественно мусульманами. Другой причиной нежелания Константинополя передавать Плаво-Гусинский округ, о которой не говорилось в прессе, было то, что вышеуказанные территории являлись весьма плодородными, о чем писал в своем обширном труде о Черногории П.А. Ровинский, а также то, что Турцию тайно поддерживала Австро-Венгрия, стремившаяся не допустить усиления Княжества и свести на нет все достижения Берлинского трактата²⁰. При посредничестве подписавших его держав, по черногоро-турецкому вопросу было

новили свою власть в городах с албанским населением. В январе 1881 г. Лига объявила себя местным автономным албанским правительством, однако уже в апреле того же года Константинополь выдвинул свои войска против албанцев, после чего плохо вооруженные силы Лиги были разбиты. Однако выдвинутое Лигой требование об албанской автономии позднее стало лозунгом албанского национально-освободительного движения. 27 ноября 1912 г. Всеалбанский конгресс в г. Влёра провозгласил независимость Албании, которая была подтверждена на Лондонской конференции 1913 г. (см. подробнее: *Сенкевич И.Г.* Албания в период Восточного кризиса (1875–1881 гг.). М., 1965; *Арш Г.Л.* Албания: Исторический очерк // Большая российская энциклопедия. М., 2005. Т. 1; *Искендеров П.А.* Пробуждение «албанского фактора» (1878–1908 гг.) // История Балкан. На переломе эпох (1878–1914 гг.). М., 2017. С. 138–156).

предложено вместо плодородного Плавско-Гусинского округа присоединить к Черногории часть гористого Кучи-Краинского округа (с христианским населением) и город Ульцинь с окрестностями²¹. Но Порта тянула время и не принимала окончательного решения. Как сообщалось в «Ниве», за два месяца «черногорский вопрос нисколько не подвинулся вперед».

Тем временем Албанская лига вела активную подготовку, чтобы с оружием в руках отстаивать албанские территории от «притязаний» черногорского князя Николы. Местные турецкие власти оказывали албанцам содействие в организации обороны местности, а также боеприпасами²². К 1 марта 1880 г. воинам Албанской лиги было роздано 32 тыс. скорострельных ружей, как сообщалось в «Ниве», а в спорных округах — Плавском и Гусинском — находился хорошо вооруженный и снабженный всем необходимым 10-тысячный отряд арнаутов (албанцев. — *Н. С.-Б.*), готовый отразить нападение черногорцев, располагавшихся на границе, близ реки Великая (один из притоков р. Лим), всего с тремя тысячами войска. В самом Гусинье находились склады боеприпасов и большое количество провианта, а вокруг были возведены (еще в январе–феврале 1879 г.) значительные полевые укрепления. Поэтому, заключала «Нива», это просто ловушка для черногорцев, которые вряд ли получают обещанные Черногорией округа²³.

Как уже отмечалось, находившиеся в Константинополе представители держав, подписавших Берлинский трактат, предложили взамен равнинных областей Плава и Гусинья передать Черногории Кучи-Краинский округ, начиная от реки Зеты вдоль гребня Гатийских гор к заливу Кастрати (Скутарийского озера) — то есть горные районы Хот и Груду. На основе этих предложений 12 (24) апреля 1880 г. между Турцией и Черногорией была подписана конвенция, по которой Порта обязалась передать оговоренную территорию в 10-дневный срок²⁴. Однако вскоре она заявила, что не несет ответственность за сопротивление местного населения этой акции. Из Цетине шли уверения в том, что турецкие войска передали свои позиции арнаутам, сообщалось в «Ниве»²⁵. Князь Никола обратился к державам за содействием — принять меры по улаживанию ситуации. Представители России, Германии, Австро-Венгрии, Франции, Италии и Англии — послы

и дипломаты в Константинополе — в свою очередь направили султану ноту с требованием освободить силами турецких войск занятые арнаутом местности и, очистив их, передать Княжеству²⁶. Порта вновь медлила, в отличие от албанцев — они тем временем устроили собрание вождей и именитых арнаутов, на котором единодушно было решено отстаивать албанские территории «от всех и всего», сообщила «Нива». На собрании были избраны два главнокомандующих войсками Лиги — предводитель албанских мусульман Хода-бей и вождь албанского католического племени мирдитов князь Биб-Дод-Пренк (от христиан)²⁷. Турецкий губернатор Скутари сдал город албанцам²⁸. (Лига имела в виду образовать из Албании автономное княжество под верховной властью султана²⁹.)

В мае 1880 г. представители держав повторно обратились к Порте с нотой по поводу турецко-черногорского пограничного вопроса³⁰. Практически одновременно с этим Албанская лига разослала из Скутари прокламацию ко всем албанцам, в которой выражались стремления к созданию автономного Албанского княжества³¹. Эту ситуацию «Нива» назвала настоящей западной для Черногории.

В конце весны — начале лета 1880 г. волнения в Албании и Черногории продолжались, как писал корреспондент «Нивы», на горных тропах велись единичные бои албанцев и черногорцев. В Княжестве ожидали пересмотра Берлинского трактата

Князь Биб-Дод, вождь Мирдитов. С фотогр. граф. М. Раппольд.

Рис. 2. Вождь племени мирдитов
Пренк Биб-Дода.
(Нива. 1880. № 30)

в виду того, что Турция руками албанцев не отдавала ни клочка земли. В связи с этим европейские державы высказались за необходимость проведения морской демонстрации для оказания давления на Порту³².

4 июня 1880 г. в Берлине состоялась конференция европейских держав, однако она ограничилась рассмотрением лишь греко-турецкого вопроса. Относительно Черногории Порте было предложено, в качестве очередного варианта (взамен г. Ульциня), передать Княжеству прилегающий к городу Подгорица Земский округ³³. Турецкий султан на словах согласился с этим, но по-прежнему медлил с реализацией договоренностей, пока албанское население усиливало свои военные отряды и запасалось провиантом. Черногорцы также активно подтягивали войска к границе³⁴.

3 августа 1880 г. Порта получила коллективную ноту держав, в ультимативной форме потребовавших передать Черногории либо Земский округ, либо Ульцинь; в случае невыполнения обещаний в трехнедельный срок, Турцию ожидала демонстрация европейского флота³⁵. Однако европейское согласие не было полным. Так, Франция отказывалась от прямого вооруженного давления на Константинополь, а также отклонила предложение английского представителя оккупировать Измир военно-морскими силами великих держав. Поэтому турки всё медлили, предлагая вновь провести переговоры. Тем временем черногорцы, как сообщала «Нива», уже были готовы с оружием в руках отстаивать положенные им по трактату территории, подготовив 12-тысячную армию, находившуюся на равнине между Тузлой и Подгорицей под командованием Перо Вукотича³⁶.

30 августа 1880 г. в № 35 «Нива» сообщала своим читателям, что европейские державы по инициативе Уильяма Юарта Гладстона* (1809–1898), премьер-министра Великобритании

* У.Ю. Гладстон выступил с инициативой поддержать Черногорию от несправедливых турецких притязаний на территории, которые должны были отойти Княжеству в соответствии с Берлинским трактатом. Политиком была написана статья о Черногории, в которой он делал экскурс в историю этой области и описывал местные нравы и быт. Его статья имела целью вызвать симпатии к черногорцам у английского общества, она была переведена на русский язык и издана в Санкт-Петербурге в декабре 1877 г. (См.: *Гладстон У. Черногория. Статья Гладстона. Издание К.П. Победоносцева. В пользу черногорцев (из журнала Гражданин). СПб., 1877.*)

в 1880–1885 гг., решили «окончательно принять энергичные меры и добиться от Порты пограничных уступок в пользу Греции и Черногории» и выступить с морской демонстрацией у ее берегов под начальством флагмана в Средиземном море английского адмирала Сеймура. Изначально ему были даны инструкции при необходимости не ограничиваться блокадой турецких портов, но «перейти к более действительной мере». Попытка Константинополя «всполошить» албанцев и создать Европейской комиссии сложности вполне удалась, и даже удалось создать иллюзию попыток уговорить албанцев — Порта отправила якобы на переговоры с представителями Албанской лиги Ризу-пашу³⁷, который, как писала позднее «Нива», на деле помогал албанцам³⁸.

Когда европейские державы приступили к исполнению своих угроз и 14 военных судов уже ожидали указаний в Рагузе (Дубровнике), Порта заявила, что готова немедленно передать Дульцинь (Ульцинь) черногорской стороне³⁹.

После этих обещаний европейский флот приостановил свои действия и Турция тоже осталась на прежних позициях, прося вновь перейти к переговорам. Державы пошли на уступку Порте, согласившись на передачу Черногории лишь города Ульцинь без прилегающей территории Диноша и Груды, однако потребовали, чтобы эта акция состоялась немедленно. Но турецкая сторона вновь пошла хитрость, выразив готовность передать город, однако предложила державам предварительно уточнить границу уступаемой территории, чтобы затянуть время новыми переговорами⁴⁰.

Тем временем Лига на очередном заседании (которое, кстати, проводилось в здании одной из турецких народных школ в Скутари без каких-либо препятствий) приняла решение послать албанское войско в Ульцинь⁴¹, что и было сделано — туда было отправлено 400 человек из Скутари. Еще 300 албанцев прибыли из Кальнапделена* в Скутари и тут же направились в Ульцинь, который был переведен на военное положение. Как сообщала «Нива», по распоряжению султана вождям Албанской лиги было

* По всей видимости, автор сообщения допустил ошибку, так как такого населенного пункта не было. Скорее всего имеется в виду один из городов округа Малесия-э-Мади на крайнем северо-западе Албании: Коплик-и-Поштем (Koplik i Poshtëm) или Кельменди (Kelmendi).

послано 3 млн франков (через зятя Аббедин-паши — Киазит-бея). В свою очередь, европейские дипломатические представители единогласно дали разрешение адмиралу Сеймуру в случае необходимости бомбардировать Ульцинь⁴². На это султан отреагировал следующим образом: всю ответственность в случае кровопролития он возложил на европейские державы⁴³.

В начале октября 1880 г. в «Ниве» было опубликовано сообщение о том, что европейские державы уже стали сомневаться относительно проведения морской демонстрации — они проявляли неготовность ни двинуться к турецким берегам, ни тем более воевать, посчитав, что лишь появления их судов близ Рагузы будет достаточно, чтобы запугать султана и заставить его немедленно выполнить все обещания. Лишь Англия и Россия не отступили от первоначальных заявлений и были готовы направить свои корабли к берегам Албании⁴⁴. Однако спустя неделю державы уже изъявили готовность к решительным мерам — от выдвижения объединенного флота в Эгейское море и овладения одним из островов вплоть до продвижения эскадры в Босфор и Дарданеллы и даже свержения султана Абдул-Гамида. После таких заявлений последний якобы пообещал германскому и французскому послам немедленно передать Ульцинь черногорцам без каких-либо особых условий⁴⁵.

4 октября 1880 г. Порта направила европейским державам новую ноту, в которой отрицала их право вмешиваться во внутренние дела Османской империи и изъявила согласие на передачу Ульциня, требуя удаления союзной эскадры и отказа Европы от морской демонстрации⁴⁶. В ответ на это часть флота прибыла в Котор, в том числе и русские корабли.

25 октября 1880 г. на страницах «Нивы» была опубликована историческая справка об Ульцине. В ней рассказывалось, что в последнюю войну черногорцы отвоевали его у турок. Жители уже было примирились с таким положением дел, однако, из-за нежелания Порты отдать черногорцам город, решением Берлинского конгресса было постановлено, что турецкая сторона передаст Черногории вместо Ульциня Плав и Гусинье. Однако Турция не захотела передавать и эти местности, так же как (в качестве третьего варианта) округ Зета до Хумского болота. Вследствие

этого державами было решено вернуть черногорцам завоеванный ими Ульцинь, а ввиду «упёртости» Порты была проведена морская демонстрация объединенных европейских судов⁴⁷. В том же номере «Нивы» была помещена гравюра «События в Черногории. Смертный бой под облаками». В описании картины говорилось, что, несмотря на усилия европейской дипломатии, урегулировать конфликт пока не удастся — на границе Черногории и Албании идут кровопролитные бои на узких горных тропах⁴⁸.

А Турция тем временем заявила европейским державам, что готова немедленно передать Ульцинь черногорцам, однако для обсуждения некоторых «подробностей» Порты инициировала «переговоры» с черногорской стороной⁴⁹.

Лишь в № 48 за ноябрь 1880 г. «Нива» порадовала читателей долгожданным известием о том, что Турция решила наконец «прекратить комедию» с Дульциньо. Незадолго до этого английский посланник в Константинополе Гошен объявил Порте, что державы дают ей срок в 10 дней, чтобы передать город. И 14 ноября 1880 г. черногорцы заняли Ульцинь. Выражая искреннюю радость по этому поводу, «Нива» всё-таки задавалась вопросом: «Но что будут делать черногорцы с городом, вчера еще принадлежавшим вражеским племенам?»⁵⁰. И действительно, после такой непростой процедуры передачи Ульциня процесс вхождения его в жизнь Княжества шел трудно, и, спустя год после его присоединения, «Нива» писала о беспорядках в Ульцине и об ожидаемых столкновениях между мусульманами и христианами⁵¹.

При передаче Черногории Ульциня, Турция удержала за собой Диношский округ — об этом «Нива» сообщала в № 23 за 1881 г.⁵², но уже без особого энтузиазма, так как на первый план в данный период уже вышли сербская тема, а также греческий и болгарский вопросы. Материал о Черногории появился в № 24 за 1881 г. — в связи с приездом в Петербург черногорской княгини Милены, жены князя Николы (дочери княжеской четы находились в это время на обучении в Смольном институте⁵³).

В 1881–1882 гг. черногорская тема вновь появилась на страницах «Политического обозрения» «Нивы». На этот раз внимание журнала привлекли волнения славянского населения в Габсбургской монархии, а именно в Боснии и Герцеговине, а также в

Боке Которской. Население этих областей воспротивилось указу Вены об обязательной воинской повинности и массово бежало на территорию Черногории. На настойчивые требования Вены насильственно выдворять беженцев в пределы Австро-Венгрии князь Никола отвечал отказом⁵⁴. Однако вскоре он осознал, что содержание беженцев негативно скажется на черногорской казне, и на границе Княжества стали выстраиваться кордоны⁵⁵. В 1881–1882 гг. «Нива» неоднократно обращалась к этой теме, рассказывая, например, о заступничестве за беженцев перед венским кабинетом князя Николы, который активно ходатайствовал об их амнистии. Боснийско-герцеговинские волнения продолжались четыре месяца и были подавлены Австро-Венгрией. В общей сложности на территории Черногории оказалось более 11 тыс. беженцев из Боснии, Герцеговины и Боки Которской, за которых Никола Петрович-Негош и ходатайствовал перед Веней.

Двуетадная монархия пошла ему навстречу лишь тогда, когда стало известно о грядущей поездке черногорского князя в Россию. Опасаясь, что Никола будет искать заступничества Петербурга, Вена объявила об амнистии и дала разрешение вернуться на родину большинству беженцев⁵⁶.

В августе 1882 г. князь Никола совершил очередной визит в Россию. Весь его путь до Петербурга, как отмечалось на страницах «Нивы», «сопровождался целым рядом сочувственных оваций. Массы народа на каждой станции встречали и провожали князя громким восторженным “ура”. При этом подносились ему хлеб-соль и цветы»⁵⁷. Это было выражением того, можно сказать, родственного чувства русского народа к черногорцам, которое сложилось, в том числе, и благодаря публикациям на страницах самого популярного в Российской империи иллюстрированного журнала материалов по черногорской теме.

В 2018 г. научной общественностью отмечалось 140-летие окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. На различных научных форумах рассматривались многие аспекты этой темы, а также послевоенные события, происходившие на Балканах. Отмечался вклад ученых, создавших значительные труды по

данным вопросам. К настоящему времени историки разных поколений выявили немало документов, позволивших исследовать события тех лет глубоко, всесторонне и объективно. Эта работа продолжается и поныне. И, конечно, для специалистов очень важен тот факт, что почти 140 лет тому назад, когда по этой теме еще не было научных трудов, популярный петербургский журнал, известный по всей России, публиковал на своих страницах материалы о черногорцах, албанцах, Албанской лиге, политике великих держав, давал свои комментарии, сообщал немало подробностей, помещал иллюстрации, просвещая таким образом в доступной форме своих читателей и формируя у них представления о послевоенной жизни балканских народов, полной сложностей и трудноразрешимых проблем.

Примечания

- ¹ Баренбаум И.Е. Книжный Петербург. Три века истории: Очерки издательского дела и книжной торговли. СПб., 2003. С. 127.
- ² Краткая литературная энциклопедия. Т. 5. М., 1968. С. 254–255.
- ³ Эту информацию мы почерпнули из самой «Нивы», из раздела с указаниями цены на объявления, помещаемые в журнале. См.: Нива. 1880. № 16. С. 328.
- ⁴ Ким Е.Х. Роль и значение журнала «Нива» в развитии русского общества на рубеже 1870-х гг. — начала XX века (Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. (07.00.02) МГУ им. М.В. Ломоносова, Историч. фак.). М., 2004; Пушкарская Е.Ю. «Нива» как тип массового энциклопедического семейного журнала (Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к.ф.н. (10.01.10)). СПб., 2011.
- ⁵ <http://www.citywalls.ru/house8954.html>.
- ⁶ Баренбаум И.Е. Указ. соч. С. 123–124.
- ⁷ Там же; Краткая литературная энциклопедия. Т. 5. С. 254–255.
- ⁸ Когда на Балканах началась сербо-черногоро-турецкая война, летом 1876 г., В.Д. Поленов отправился на нее добровольцем. Его путевой дневник, а также зарисовки, сделанные им в Черногории и Сербии, были опубликованы на страницах «Нивы». С началом русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Поленов снова отправился на Балканы, но уже состоял в официальной должности художника при Главной квартире наследника-цесаревича Александра Александровича в Болгарии. см.: Струнина-Бородина Н.Г. О поездке русского художника В.Д. Поленова на Балканы в 1876 г. // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры. 22–23 мая 2018 г. М., 2018. С. 67–71.
- ⁹ Струнина Н.Г. Никола Петрович-Негош на страницах журнала «Нива» // Славяне и Россия: славянские и балканские народы в периодической печати. Отв. ред. С.И. Данченко. М., 2014. С. 219–241.
- ¹⁰ http://hrono.ru/biograf/bio_b/berg_fn.html.

- 11 *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. 1. География. История. Этнография. Археология. Современное положение. СПб., 1888; Т. II. Ч. I. СПб., 1897; Т. II. Ч. II. СПб., 1901; Т. II. Ч. III. СПб., 1905; Т. II. Ч. IV. СПб., 1909; Т. III. Пг., 1915.
- 12 *Вукович Г.* Рат Црне Горе са Турском 1876. Цетиње, 1929. С. 3.
- 13 Приложение к кн.: *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. 1. География. История. Этнография. Археология. Современное положение. СПб., 1888.
- 14 По Сан-Стефанскому договору Черногория должна была получить более 9 кв. км, но Берлинский трактат уменьшил эти достижения, и общая территория Черногории к 1881 г. составила 9,475 кв. км (см.: *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. 1. С. 2).
- 15 *Хитрова Н.И.* Русско-черногорские политические отношения после Берлинского конгресса 1878 г. // Россия и Восточная Европа. Кишинев, 1984. С. 149.
- 16 Там же. С. 150.
- 17 Политическое обозрение // Нива. 1878. № 52. С. 986.
- 18 Город Призрен в Албании // Нива. 1880. № 5. С. 103.
- 19 *Искендеров П.А.* Черногория в международных отношениях 1878–1903 гг. // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. М., 2003. С. 183.
- 20 *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. 1. С. 10–23.
- 21 Политическое обозрение // Нива. 1880. № 6. С. 124.
- 22 *Искендеров П.А.* Черногория в международных отношениях 1878–1903 гг. С. 182.
- 23 Политическое обозрение // Нива. 1880. № 13. С. 264.
- 24 Политическое обозрение // Нива. 1880. № 16. С. 324.
- 25 Политическое обозрение // Нива. 1880. № 17. С. 348–349.
- 26 Политическое обозрение // Нива. 1880. № 18. С. 368.
- 27 Албания и Пренк Биб-Дода, вожь Миридитов // Нива. 1880. № 30. С. 606.
- 28 Политическое обозрение // Нива. 1880. № 19. С. 388.
- 29 Политическое обозрение // Нива. 1880. № 20. С. 408.
- 30 Там же.
- 31 Политическое обозрение // Нива. 1880. № 21. С. 428.
- 32 Политическое обозрение // Нива. 1880. № 22. С. 449.
- 33 Политическое обозрение // Нива. 1880. № 27. С. 548; Албания и Пренк Биб-Дода, вожь Миридитов // Нива. 1880. № 30. С. 607.
- 34 Политическое обозрение // Нива. 1880. № 28. С. 568.
- 35 Политическое обозрение // Нива. 1880. № 32. С. 648–649.
- 36 Политическое обозрение // Нива. 1880. № 33. С. 669–670.
- 37 Политическое обозрение // Нива. 1880. № 34. С. 710.
- 38 Политическое обозрение // Нива. 1880. № 37. С. 748–749.
- 39 Политическое обозрение // Нива. 1880. № 36. С. 728.
- 40 Политическое обозрение // Нива. 1880. № 38. С. 768.
- 41 Там же.
- 42 Там же.
- 43 Политическое обозрение // Нива. 1880. № 39. С. 788.
- 44 Политическое обозрение // Нива. 1880. № 40. С. 810.

- 45 Политическое обозрение // Нива. 1880. № 41. С. 832.
- 46 Политическое обозрение // Нива. 1880. № 42. С. 855.
- 47 Дульциньо // Нива. 1880. № 43. С. 862.
- 48 Смертельный бой под облаками // Нива. 1880. № 43. С. 878.
- 49 Политическое обозрение // Нива. 1880. № 43. С. 879–880.
- 50 Политическое обозрение // Нива. 1880. № 48. С. 998–999.
- 51 Политическое обозрение // Нива. 1881. № 39. С. 868.
- 52 Политическое обозрение // Нива. 1881. № 23. С. 509.
- 53 Политическое обозрение // Нива. 1881. № 24. С. 529.
- 54 Политическое обозрение // Нива. 1881. № 41. С. 912; Политическое обозрение // Нива. 1881. № 42. С. 936.
- 55 Политическое обозрение // Нива. 1881. № 49. С. 1098.
- 56 *Хитрова Н.И.* Русско-черногорские политические отношения после Берлинского конгресса 1878 г. С. 152–153.
- 57 Князь Николай I, Черногорский // Нива. 1882. № 37. С. 865.

Актуализация в России памяти о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. в военных конфликтах первой половины XX в.*

Аннотация:

В данной статье рассматривается то, как всплывала память о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. в России в первой половине XX в. Рассматриваются три пиковых, неюбилейных, а потому лишенных елеса, периода упоминания войны — Балканские войны, Первая мировая война и вступление Красной армии на территорию Болгарии в 1944 г. Прослеживается разница между моментами, отмечается инструментальный характер исторической памяти.

Ключевые слова:

русско-турецкая война 1877–1878 гг., Балканские войны, Первая мировая война, Вторая мировая война, историческая память.

*Nikita S.
GUSEV*

Appeals to the Russo-Turkish War of 1877–1878 in times of military conflicts of the first half of the 20th century

Abstract:

This article examines the emergence of the memory of the Russo-Turkish war of 1877–1878 in Russia in the first half of the twentieth century. It considers the three key, non-anniversary, and therefore in their true colours, mentions of the war — the Balkan wars, the First World War and the entrance of the Red army into the territory of Bulgaria in 1944. The difference between those moments is traced, the instrumental nature of historical memory is also highlighted.

Keywords:

the Russo-Turkish war of 1877–1878, Balkan wars, World War I, World War II, historical memory.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-59-18002 Болг_а «Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность)».

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в истории Болгарии — один из ключевых моментов. Рассуждения же о ее значении, последствиях и альтернативных путях развития ситуации в рамках данной статьи нас мало интересуют. Эта война важна и для истории России — последняя победоносная война Российской империи, последняя в череде русско-турецких войн и последняя, в которой Россия оказывала славянам помощь в деле их освобождения. Ее герои надолго стали легендами, но их дело, как повелось практически сразу после подписания Берлинского трактата, считалось неоконченным. И актуализации этой темы в первой половине XX в. посвящена данная работа.

Первая Балканская война, объявленная Болгарией, Сербией, Грецией и Черногорией в 1912 г. Османской империи, была воспринята в России в том числе и как продолжение русско-турецкой. Русское общество живо отреагировало на борьбу православных народов Балкан против их векового угнетателя. Практически в каждой газете имелась ежедневная рубрика, посвященная войне на Балканах. Часть изданий отправила туда собственных корреспондентов, среди которых был и патриарх отечественной военной журналистики Вас.И. Немирович-Данченко.

Впервые он побывал в Болгарии в русско-турецкую войну 1877–1878 гг., сопровождая русскую армию в качестве корреспондента. В связи с этим для него события 1912 года тесно перекликались с действиями русских войск за 35 лет до этого, и, направляясь по освобожденным землям в сторону болгаро-турецкого фронта, он вспоминал, как армия генерала И.В. Гурко шла по этим местам¹, а находясь в Старой Загоре, писал про подвиг командира болгарской дружины П.П. Калитина^{2*}. Одно из разоренных сел показалось ему знакомым, и он довольно много места уделил сравнению виденного им в русско-турецкую и Балканскую войны³. В итоге, глядя на неприступные Чаталджинские укрепления, писатель думал о Плевне⁴. В болгарских солдатах он видел наследников русского воинства: «Точно в их жилы с злаками полей, с плодами садов влилась доблесть наших безвестных и

* Павел Петрович Калитин, командир 3-й дружины Болгарского ополчения, погиб в сражении за Эски-Загру (ныне — Старая Загора), защищая Самарское знамя.

безымянных героев»⁵. Погружение в прошлое поддерживалось и болгарами: «Ко мне относятся здесь как к родному. Вспоминают, что я на этих полях и в Балканах переживал тридцать пять лет назад освободительную войну»⁶.

Вас. И. Немирович-Данченко не один воспринимал Балканскую войну как продолжение русско-турецкой. Присутствовало и представление о балканских событиях как заключительном этапе более обширного процесса. 25 октября 1912 г. в Москве был дан торжественный обед в честь отъезда на Балканы в качестве уполномоченного Российского Красного Креста лидера октябристов А.И. Гучкова. Там он произнес речь, в которой утверждал: «Я счастлив, господа, что дожил до дня и событий, о которых мечтал еще в годы ранней юности». Согласно его словам, он еще во время русско-турецкой войны так сострадал «несчастиям братьев-славян», что ради их избавления желал сбежать из дома и отправиться на Балканы добровольцем. Теперь же его переполняла радость от того, что он едет смотреть на завершение столь важного дела⁷. Кадет П.Б. Струве заявлял: «Победа христиан на Ближнем Востоке есть торжество России, быть может, завершение одной из ее великих исторических задач»⁸. Глава МИД С.Д. Сазонов также видел в Первой Балканской войне финал «исторической миссии России» — освобождение христианских народов полуострова от турецкой власти. При этом, по его мнению, задача «была к началу XX века настолько выполнена, что окончательное ее завершение могло быть предоставлено усилиям самих освобожденных народов», уже достаточно самостоятельных и жизнеспособных⁹. Частично с ним соглашался правый публицист М.О. Меньшиков. В ноябре 1912 г. на страницах «Нового времени» он утверждал, что создание Балканского союза и его победы — плод «двухсотлетней борьбы России с Турцией за освобождение южных славян». Но оставлять их без опеки он считал недопустимым, даже завышая потери от этой «двухсотлетней борьбы»: «Мы вложили в свободу балканских народов миллионы жизней. Этот нравственный капитал необходимо оградить от расхищения и использовать к взаимной выгоде»¹⁰.

Постулировалась преемственность Балканской войны по отношению к русско-турецкой и менее явно. В одной из брошюр,

посвященных балканским событиям, портреты правителей-союзников были размещены после изображения Александра II¹¹. В 1913 г. в России вышел составленный К. Кузьминским сборник болгарского фольклора и произведений новейших поэтов и писателей. Подборка привела Г. Полилова, автора рецензии на эту книгу, к выводу, что как в народной, так и в авторской поэзии «везде слышится тоска за угнетенную родину, вспоминается с благодарностью царь-Освободитель, Александр II», «таятся надежды на избавление родины от тяжелого турецкого ига, вспоминаются подвиги предков и великодушные русских»¹².

В Петербурге часто проводились «славянские обеды». Председателями на таких мероприятиях были не обязательно «главные моторы» этого движения. Так, 4 апреля 1913 г. славянский обед состоялся под председательством генерал-лейтенанта К.А. Рудановского, человека далекого от политики, но участника русско-турецкой войны 1877–1878 гг.¹³.

В марте 1913 г. болгарские войска при поддержке сербских овладели ключевой турецкой крепостью Адрианополем. В Государственной думе России это вызвало ликование. Октябрист В.И. Стемпковский рассказывал, как гимназистом радовался взятию Плевны, и предложил помянуть Александра II и М.Д. Скобелева. Один из крестьянских представителей, Н.П. Стародумов, обратился к болгарским гостям со своими воспоминаниями о моменте падения этой турецкой твердыни в 1877 г., а депутат Г.М. Блажиевский говорил С. Даневу, путая даты и перевирая топонимы: «Я второй раз переживаю такой момент. В первый раз это было в 1878 г., после взятия Плевны. Я был в то время комендантом Люлю-Бургаса». В ответ присутствовавший на заседании глава болгарского парламента С. Данев произнес: «Мы, ваши ученики, ... закончили дело, которое вы начали»¹⁴.

Надо отметить, что у самих болгар присутствовало ощущение, что они завершают дело, у истоков которого стояли русские. Это было зафиксировано и в манифесте об объявлении войны: «Болгарский народ помнит пророческие слова Царя-освободителя “Святое дело должно быть доведено до конца”»¹⁵. Преимственность проскальзывала и в словах рядовых болгарских граждан. Простые солдаты запаса при мобилизации рассуждали

подобным образом: «Мы сейчас будем биться за свободу наших братьев так же, как русские бились за нашу свободу»¹⁶. Декларировалось это и на различных торжественных встречах и мероприятиях с участием представителей русского общества. Порой болгары даже гордились, что превосходили русских в своих боевых подвигах¹⁷. Нельзя, однако, не указать, что напоминание о русско-турецкой войне «подогревалось». Перед началом боевых действий болгарская пресса заговорила о незавершенности дела русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Летом 1912 г. печать обращалась к памяти об этих событиях. Сообщалось о выборе места строительства русской церкви на Шипкинском перевале¹⁸, а буквально за несколько дней до перехода болгарской армии через турецкую границу были опубликованы воспоминания о юбилейных торжествах в 1902 г., посвященных боям за Шипку и Шейново¹⁹. Подчеркнем, что эти номера вышли спустя 10 лет непосредственно после событий и тогда, когда вопрос о войне с Турцией был решен. Перед объявлением войны не единожды в различных уголках Болгарии, при участии ее граждан в России служились молебны за упокой Александра II²⁰.

Однако несмотря на все эти мотивы восприятия войны, отождествляющие 1877 и 1912 гг., существовали серьезные различия. Агент охранного отделения сообщал: «Нет того подъема и сочувствия, какие были в 1877 году, во время Турецкой кампании»²¹. Профессор-славист П.А. Лавров объяснял это тем, что в войне 1877–1878 гг. страна принимала участие²². В 1912–1913 гг. официально Петербург занимал позицию нейтралитета.

А летом 1913 г. разразилась Вторая Балканская война, в которой вчерашние союзники делили приобретения. Вину за крушение идеи единения славян русское общество всецело возложило на Болгарию, которую стали именовать не иначе как предателем славянства²³.

Вскоре почти вся Европа оказалась втянутой в Первую мировую войну, но официальная София поначалу заняла позицию нейтралитета. В России, так и не поняв причин Второй Балканской войны, по-прежнему недооценивали глубину внутривосточных противоречий. Очень часто противопоставлялись болгарское руководство (именуемое немцами и их агентами) и болгарский

народ, выражалась уверенность, «что благодарный к своей освободительнице болгарский народ и доблестная болгарская армия сумеют сбросить с себя иго немецкого принца» и присоединятся к России в войне²⁴. Эта уверенность была столь сильной, что диппредставительству Софии в Петрограде пришлось опровергать слухи о революции под лозунгом присоединения к России²⁵.

Реальность оказалась иной. 22 сентября 1915 г. в Болгарии была объявлена мобилизация. С.Д. Сазонов тогда предложил Николаю II нанести удар первыми, но император считал связь, созданную русско-турецкой войной, нерушимой: «Болгария — одной с нами веры; мы создали ее нашей кровью; она обязана нам своим национальным и политическим существованием; мы не можем обращаться с ней, как с врагом»²⁶. За несколько дней до вступления Болгарии в войну газета «Московские ведомости» также верила в «славянское сознание болгарского народа, в большинстве преданного и благодарного Державе-Освободительнице балканских народов от мусульманского ига»²⁷. В прессе появилось открытое письмо некоего русского офицера-болгарина болгарскому военному министру. Он призывал руководство своей родной страны: «Раньше, чем подписать приказ о выступлении против сербов, прикажите свалить с пьедестала статую Царя-Освободителя, спасшего Болгарию. На том месте, где стоит эта статуя, выройте большую черную яму и положите туда список всех русских, погибших на Балканах»²⁸.

Тем не менее история развивалась в ожидаемом, хоть и не желаемом русским обществом, ключе. 14 октября 1915 г. Болгария объявила войну Сербии. Участник Балканских войн К. Аврамов с грустью записал в своем дневнике в этот день: «Поскольку Россия, наша освободительница, в союзе с Сербией, значит, что мы в войне и с ней... До чего мы дошли!»²⁹. 18 октября 1915 г. Николай II одобрил манифест*, начинавший войну между вчерашними освободителями и освобожденными. То, о чем ранее

* Из-за отсутствия императора в столице и попытки синхронизировать объявление войны с Англией и Францией, 18 октября 1915 г. Николай II получил по телеграфу текст манифеста, этой датой же он был датирован, хотя был опубликован 19 октября, а фактически подписан 20-го (Шкундин Г.Д. Разделяй и властвуй! Вопрос о сепаратном мире с Болгарией в политике держав Антанты (октябрь 1915 — март 1916 г.). София, 2007. С. 29).

никто не мог и подумать, вызвало ожидаемую горечь и воспоминания о войне 1877–1878 гг. Великий князь Андрей Владимирович записал в тот день в дневнике: «Последние идеалы рухнули. Перед престолом Всевышнего да вопиют все те русские солдаты, на полях Болгарии за ее освобождение свою душу положившие. Вопиет и мы, их потомки, в единой надежде, что те, кто виновны в этом, понесут свою кару, и, ежели народ болгарский был введен немцами в заблуждение, — да уразумит его Господь»³⁰. Не всех представителей правящего Дома обурежала такая грусть, у императрицы Александры Федоровны Болгария вызвала лишь злобное раздражение, выраженное в письме супругу: «Черт побери эти балканские государства! Россия всегда была для них любящей матерью, а они изменили ей и сражаются с ней»³¹.

Нельзя было не затронуть этого мотива и в правительственном сообщении о войне. «Россия всё еще не утратила надежды, что рука верных своим историческим заветам болгар не подымет на сыновей русских воинов, легших костями за Болгарию», — этими словами заканчивался документ³².

Правая пресса, правда, тут буквально сорвалась и обрушила свой гнев уже на болгарский народ. И только умеренно правый «Колокол», выражавший скорбные чувства в связи с тем, что «Россия — освободительница славянства — силою обстоятельств оказалась вынужденной объявить войну освобожденной ей Болгарии», уверял читателей, что не стоит смешивать болгарскую власть, представляющую собой «тевтонских наймитов», с народом³³.

О глубине возмущения вступлением Болгарии в войну на стороне противников освободившей ее России можно судить и по очерку К.И. Чуковского «Дети и война», вышедшему в конце 1915 г.: «Десятилетний Володя, у которого умерла бабушка, был безутешен на кладбище. Ничто не могло его вывести из оцепенелой печали. Он был в каком-то столбняке меланхолии. О чем я ни заговаривал с ним, он — никакого ответа. Вдруг я мимоходом сказал:

— Ну, как тебе нравится Болгария?

— Да, да! — встрепенулся он. — Скверная, недобрая Болгария... Русские освободили ее, а она... Вот уж именно пригрели змею...»³⁴.

А поэт С.А. Копыткин в 1916 г. откликнулся на эти события стихотворением «Болгарии», которое начал с напоминания:

*Не за твоих ли спящих дедов
Шли наши деды и отцы
В ненастье зимнее отведать
Балкан холодные зубцы?
Не за тебя ль в снегах Балкана
Российский воин умирал
И вел на грозного Османа
Дружину Белый генерал?³⁵*

Таким образом, в русском обществе превалировало мнение, что в благодарность за освобождение Болгарии страна должна веки вечные следовать в фарватере русской внешней политики, пусть и вопреки своим национальным задачам. И это чувство затмевало разум общественным деятелям. Однако яркого проявления ненависти, по крайней мере, в прессе, не наблюдалось.

В 1916 г. информация о Болгарии на страницах печати часто вырезалась цензурой — складывается ощущение, что болгары воспринимались как «отрезанный ломоть» славянства, потому их старались не часто вспоминать. Можно предположить здесь и более сложную конструкцию. Акцентируя внимание на фигуре болгарского царя и не сотворяя образ врага из болгарского народа, можно было оставить поле для маневра в виде свержения монарха и заключения союза с новой властью, который бы ни одна из сторон не осудила. Недаром в правительственном сообщении об объявлении войны болгарский правитель называется по имени, или «принц Кобургский», или «князь Фердинанд», «король Фердинанд» (царский титул вовсе не озвучивается, кроме как в контексте, что Россия его признала в 1908 г.). Но ни разу титул рядом с прилагательным «болгарский» не встречается*.

* В российском руководстве в 1916 г. даже появился проект переворота и низложения царя Фердинанда, однако здраво оценивший ситуацию С.Д. Сазонов поставил на нем крест (см. об этом: Шкундин Г. Не замочить ли нам Кобурга? Болгария в российской военной стратегии и политике весной 1916 года // Родина. 2009. № 6; Каширин В.Б. Поход в Добруджанскую степь: эволюция замысла, планирование и подготовка экспедиции за Дунай в 1916 году // «STUDIA BALKANICA» (К юбилею Р.П. Гришиной). М., 2010. С. 146–147).

В 1915–1916 гг. Болгария фактически выполнила свои задачи, заняв Македонию, но выйти из войны она не могла. Оказавшись неполноправным партнером в коалиции, она сполна вкусила тяжести военного времени. Но деваться ей было некуда, оставалось лишь держаться Центральных держав. Для этого проводились мероприятия, нацеленные на разрыв всех символических связей с Россией. Так, в марте 1916 г. произошло переосвящение храма-памятника Александра Невского в храм святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Александр Невский, как известно, считался небесным покровителем Александра II, и данный храм имел функцию не только церковную, но также являлся данью памяти русскому императору и всем русским воинам, сложившим голову за освобождение Болгарии. Газета правящей партии «Народни права» писала вскоре: «Надо искоренить все следы русского влияния. Имя Александра Невского, признанного святым только в России, ничего не говорит сердцу болгарского народа... Болгария должна, наконец, отказаться от роковых ошибок и традиций, должна жить собственным сердцем и лишь для самой себя»³⁶. Однако никуда не делся с центральной площади стоящий лицом к Народному собранию памятник Царю-Освободителю, не были разрушены музей-мавзолей в Плевне и другие напоминания о подвигах русских солдат в 1877–1878 гг. Власти не могли рвать связи с глубоко укоренившимися в народе, ставшими уже частью собственной болгарской исторической традиции символами.

В 1916 г. в войну вступила Румыния, на помощь которой пришли русские части, и состоялось прямое боестолкновение между русскими и болгарами³⁷. Хотя обе стороны и проявляли решимость сражаться по правилам, к раненым и пленным было более человеческое отношение, нежели на других фронтах. Хотя самих болгар и несколько смущала необходимость сражаться с русскими, но они считали, что отстаивают свою землю, а не претендуют на чужую.

Однако в восприятии болгарами русских имелись существенные отличия. Старшее поколение, выросшее в годы до и сразу после русско-турецкой войны 1877–1878 гг., относилось к «братушкам» с большей симпатией и сокрушалось о том, что приходится в них стрелять. Младшее поколение, свободное от

таких настроений, оказалось более прагматичным — *à la guette comme à la guette*, и жалость к врагу может оказаться губительной для тебя самого³⁸. Правда, этот же прагматизм порождает страх перед русскими. Один из солдат на добруджанском фронте вспоминал канун столкновений: «Мы уже знали, что будем воевать... против русских войск, главным образом, против казаков. А кто из нас не слушал рассказы стариков о неслыханной храбрости русских казаков с длинными клинками в освободительную войну 1877–1878 годов... Поэтому по пути к Добрудже некоторые из нас спрашивали: “Как будем биться с казаками с нашими короткими саблями?”»³⁹. И для этого воина, представителя молодого поколения, казалась ненормальной ситуация, сложившаяся после прибытия турецких частей, — против русских заодно с турками сражались болгары⁴⁰.

Запечатлелись события осени 1916 г. и в болгарской художественной литературе. Добруджанский поэт Л. Бобевский посвятил им стихотворение «Детубийцам», где обращался к русским, готовым умертвить свое дитя — созданную ими Болгарию. И. Вазов написал несколько стихотворений, в которых рассказал о страшной горечи, которую испытывает от того, что болгарам необходимо поднимать оружие против своих освободителей, о непонимании, как такое могло случиться⁴¹.

Вскоре кардинально изменилась сама Россия. Болгария приняла эмигрировавшие осколки Империи, стала развиваться уже без влияния освободительницы. Однако из памяти ничто не стерлось, и когда правительство А. Стамболийского в 1922 г. пыталось разоружить расположенные в стране части армии П.Н. Врангеля, в обращении командующего русской армией вновь актуализовывалась память о русско-турецкой войне⁴²...

Следующее же конъюнктурное обращение к событиям 1877–1878 гг. произошло в 1944 г., когда Красная армия вступила в Болгарию. Вся ситуация способствовала актуализации памяти о русско-турецкой войне, прежде всего среди болгар, и эту карту следовало разыграть. Вдобавок, действия проходили в направлении, далеко от конечной цели войны, что снижало боевой дух в частях РККА. И в то же время поведение красноармейцев, особенно в тыловых частях, не должно было породить среди мест-

ного населения никаких антисоветских настроений, поскольку это усложнило бы установление коммунистической власти. Так, военные корреспонденты газеты «Правда» отметили, что случаи мародерства в первые дни после пересечения границы создали «благоприятную почву для фашистских элементов» и привели к появлению «фашистских листовок» в Русе⁴³.

Накануне вступления на территорию Болгарии Красной армии в частях проводилась активная агитационная работа, в которой в том числе речь шла и о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Была отпечатана полумиллионным тиражом «Памятка воинам Красной Армии», в которой среди прочего солдату напоминалось: «Ты, славный воин Красной Армии, потомок русских героев Плевны и Шипки»⁴⁴. После пересечения границы агитационная работа в этом направлении продолжалась различными способами.

Воздействие оказывалось через военную прессу. Фронтная газета «Советский воин» писала: «Ты идешь, товарищ, по знакомой земле. Здесь, в виноградных долинах Болгарии, в узких улочках городов, на заоблачных балканских перевалах, знают тебя, товарищ! Болгарские старики с детства помнят тебя в лицо... Твой дед, тот же русский человек, орловский или брянский крестьянин, москвич или киевлянин, шел, как ты сегодня, и пел в пыли похода лихую солдатскую песню. Ее запомнили гулкие ущелья и чуткие дубовые рощи. И само сердце народа таит в себе отзвуки этой давно пропетой песни». При этом даже приводился подсчет, что «свобода и счастье каждого тринадцатого-четырнадцатого болгарина были оплачены жизнью одного русского». Потому газета призывала: «Будь, товарищ, преемником высокой традиции русских войск на Балканах... Будь в бою и на отдыхе таким, каким запомнил русского солдата болгарский народ, и приумножай славу русского оружия»⁴⁵.

Читались лекции, причем они могли транслироваться через громкоговоритель, рассказывая о русско-турецкой войне солдатам, расположенным на территории в радиусе до двух километров от установки⁴⁶. Иногда и спонтанно приходилось проводить собрания и лекции. Например, одна из частей, следуя через Свиштов, обнаружила памятники погибшим в войне 1877–1878 гг. Сразу же был сделан привал на три часа, проведены беседы

о том, чему посвящены памятники, организован митинг и торжественный марш с развернутым знаменем советских солдат мимо могилы русских⁴⁷.

В армейских библиотеках не оказалось достаточного фактического материала по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Но пропагандисты, агитаторы, культработники отправлялись на его поиски в местные библиотеки и книжные магазины. И находили искомое. Например, начальник штаба 333-й стрелковой дивизии В.Ф. Маковеев обнаружил «Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг.», изданный в Петербурге в 1902 г., и выписал оттуда примеры для бесед с солдатами и офицерами⁴⁸.

Проявлялась и смекалка. В репертуар художественной самодеятельности одной из частей была включена песня «Эх, Самаргородок», и ее исполнение в болгарском населенном пункте вызвало живую реакцию среди местных жителей и последовавшее разъяснение истории Самарского знамени⁴⁹.

Организовывались встречи со старожилами, помнившими русско-турецкую войну. На одной из них Ф.И. Толбухин вручил медали «За отвагу» трем ветеранам, болгарским ополченцам, участвовавшим в обороне Шипки⁵⁰.

Главными местами памяти, естественно, являлись Шипка и Плевен. В последний было организовано немало экскурсий, во время которых солдатам рассказывали о подвигах их предков. На Шипке же рядом со старыми мемориальными досками установили новые, на одной из которых было высечено стихотворение фронтового журналиста Л. Гориловского. Текст с одной правкой лично утвердил командующий фронтом⁵¹. Аналогичная доска была размещена на памятнике русским воинам в Плевне. На ее торжественном открытии присутствовало командование армии. А неподалеку от памятника стоял живой свидетель плевненской эпопеи 82-летний болгарин Генов. Со слезами он говорил: «Здравствуйте, братушки! Я помню ваших героев-дедов. Вы похожи на них, братушки. Я счастлив, что вижу вас в нашей Плевне»⁵². Интересно отметить, что данное место памяти вызвало у писателя К.М. Симонова другие чувства: «Глядя на эту мемориальную доску, было странно думать, что тогда румыны воевали вместе с нами против турок, за освобождение болгар»⁵³.

Однако доминирующим мотивом в официальной пропаганде всё же была не русско-турецкая война. Так, она не упоминалась в обращении командующего 3-м Украинским фронтом Ф.И. Толбухина к болгарам о целях входа советских войск⁵⁴. Бóльшее значение играло вновь вытасщенное знамя противостояния славянства и германизма. В официальном обращении руководства Красной армии к болгарскому населению смешивались оба ингредиента пропаганды. Говорилось, что «на протяжении 30 лет немцы используют Болгарию для своих разбойнических целей», уже дважды — во Второй Балканской войне и Первой мировой это приводило к катастрофе для страны, а в «1941 году Болгария в третий раз попала в лапы Германии». Но «так же, как в 1877 г. русская армия освободила Болгарию от иностранного ига, так и сейчас, в 1944 г., братская Красная армия, разбив немцев, пришла на помощь болгарскому народу»⁵⁵. Вероятно, это обуславливалось, в том числе, особенностью всей советской агитации — в ней упор делался не на гитлеризме, а на немцах (достаточно вспомнить эренбургское и симоновское «Убей немца»). Но не менее важна и историческая память солдат, пришедших на Балканы. Это были молодые люди последних призывов, воспитанные на основе присущего 20–30-м годам официального взгляда на прошлое страны. Очень точно это отметил поэт, а в тот момент агитатор Б.А. Слуцкий: «В Болгарии наши интеллигенты, воспитанные на формулах Покровского*, увидели вторую сторону российской внешней политики. На горных дорогах, за крутыми поворотами они читали мемориальные доски скобелевских времен, огромные, вечные, врезанные в камень, напоминавшие следы Будды. Особенно способствовали развитию русской гордости храм и музей в Плевне. Дивизии делали тридцатикилометровые крючки, чтобы провести бойцов через их тишину»⁵⁸. Героические страницы той войны, ее положительное влияние на историю Болгарии в школьное образование пришли слишком поздно. Учебник А.М. Панкратовой, пересматривавший кате-

* Имеются в виду негативные оценки внешней политики Российской империи (определение ее как хищнической и захватнической, в рамках ее освобождение славян являлось побочным эффектом), характерные для так называемой школы М.Н. Покровского, отказ от постулатов которой произошел в середине 30-х годов XX в.

горические оценки М.Н. Покровского, был издан в 1940 г., и в широких народных массах «новая» память об освободительной войне не укоренилась.

Потому, видимо, если мы обратимся к поздним воспоминаниям ветеранов, историй про аналогии с русско-турецкой войной мы практически не встретим*. Правда, историк эту аналогию увидит. Ветераны, как и солдаты освободительной войны, были поражены белым хлебом, виноградом и т.д. Еще одна примечательная аналогия — рассказ про некоего солдата, который якобы на русском языке попросил у местных булку. Болгарское слово «булка» переводится как «девушка, невеста», потому ситуация приобретала определенную комичность. Появляется такая игра словами в книге Вас.И. Немировича-Данченко о русско-турецкой войне 1877–1878 гг.⁵⁷, есть она в корреспонденции периода Балканских войн 1912–1913 гг.⁵⁸ и присутствует в воспоминаниях советских солдат⁵⁹.

Таким образом, в войнах первой половины XX в., в которых участвовала Болгария, неизменно всплывала память о русско-турецкой войне 1877–1878 гг., при этом ее упоминания могли звучать и как укор, и как радостная параллель с прошлым. Стоит признать, что русско-турецкую войну активно использовали пропагандисты, играя на чувствах русских и болгар, но для того была почва. И память о войне не угасала, хотя в межвоенные годы в СССР и загонялась на задворки героического прошлого страны. До сих пор сохраняется представление о неразрывной связи Болгарии и России, и для последней она является пресловутой мягкой силой, одним из ее инструментов. Однако любой инструмент требует правильного применения — не чрезмерного и навязчивого, без наставительных нравоучений (что мы, к сожалению, наблюдали в год 140-летия подписания Сан-Стефанского договора⁶⁰). Иначе, как записал в 1955 г. после поездки в Болга-

* Хотя в официальных мемуарах начальников политотделов говорится о том, что они с детства были знакомы с историей той войны вплоть до того, что знали картину К.Е. Маковского «Болгарские мученицы» (Здравей, България. Спомени на съветски маршали, генерали и офицери а освобождение на България и бойната дружба през Отечествената война 1944–1945 г. / Съст. И. Лалов. София, 1986. С. 130, 229, 244). Возможно, это объясняется не политическими соображениями, а тем, что они представляли, как правило, старшее поколение, заставшее дореволюционный взгляд на русско-турецкую войну.

рию профессор С.Б. Бернштейн: «Бесконечные напоминания об освобождении болгар русскими вызывают и не могут не вызывать раздражения»⁶¹.

Примечания

- ¹ *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV. СПб., 1913. С. 43.
- ² Там же. С. 47.
- ³ Там же. С. 138–147.
- ⁴ Там же. С. 182.
- ⁵ Там же. С. 88.
- ⁶ Там же. С. 41.
- ⁷ Отчет Центрального Комитета Союза 17 Октября о его деятельности с 1 сентября 1912 года по октябрь 1913 года. М., 1913. С. 76–77.
- ⁸ *Струве П.Б.* Балканский кризис и исторические задачи России // *Русская мысль*. 1912. № 10. С. 156.
- ⁹ *Сазонов С.Д.* Воспоминания. Минск, 2002. С. 50.
- ¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. 1912 г. Ед. хр. 278. Л. 30–30 об.
- ¹¹ *Везенков В.* Македония и причины Балканской войны. М., [б. г.].
- ¹² Исторический вестник. 1913. № 5. С. 683.
- ¹³ Петербургский листок. 1913. 5 апреля.
- ¹⁴ *Гальперина Б.Д., Перегудова З.И., Старцев В.И.* Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1912 года // *Вопросы истории*. 1999. № 4–5. С. 15–16.
- ¹⁵ Балканските войни по страниците на Българския печат 1912–1913 / Съст. Кишилова П. София, 1999. С. 40.
- ¹⁶ *Додов Н.* Дневник по Балканската война. София, 2006. С. 10.
- ¹⁷ *Георгиева С.* Войнишки дневник на Петър Жечев Курдоманов за Балканската война. Силистра, 2001. С. 53.
- ¹⁸ Мир. 1912. 18 август.
- ¹⁹ Там же. 1912. 2 октомври.
- ²⁰ Там же. 1912. 1 юли; там же. 1912. 9 август.
- ²¹ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Ед. хр. 1346. Л. 21.
- ²² *Лавров П.А.* Балканский союз и переживаемый им кризис. Петрозаводск, 1914. С. 2.
- ²³ См.: *Котов Б.С.* Межсоюзническая война лета 1913 года в восприятии русского общества (по материалам прессы) // *Новая и новейшая история*. 2015. № 3.
- ²⁴ *Иванов И.Е.* Возрождение сербского государства и интриги Австрии. М., 1914. С. 31–32. См. также: *Гусев Н.С.* «Торгующим во храме»: Леонид Андреев и обвинения русскими болгар в предательстве славянства (1914–1915 гг.) // *Очерки истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы в годы Первой мировой войны*. М., 2015.
- ²⁵ Новое время. 1914. 7 августа. URL: <http://starosti.ru/article.php?id=43189> (дата обращения: 22.02.2019).
- ²⁶ *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 217.

- ²⁷ Цит. по: *Иванов А.А., Репников А.В.* «Болгарская измена»: русские правые о вступлении Болгарии в Первую мировую войну на стороне Центральных держав // *Новейшая история России / Modern history of Russia*. 2014. № 3. С. 203.
- ²⁸ Там же. С. 204.
- ²⁹ *Аврамов К.* На фронта спокойно (из дневника на един войник). София, 1932. С. 86.
- ³⁰ Цит. по: *Шкундин Г.Д.* Разделяй и властвуй! Вопрос о сепаратном мире с Болгарией в политике держав Антанты (октябрь 1915 — март 1916 г.). София, 2007. С. 31.
- ³¹ Цит. по: там же. С. 35.
- ³² Биржевые ведомости. 1915. 7 октября; Нива. 1915. № 42. С. 779а.
- ³³ *Иванов А.А., Репников А.В.* Указ. соч. С. 207.
- ³⁴ *Чуковский К.И.* Дети и война // *Нива*. 1915. № 42. С. 966.
- ³⁵ URL: <http://bibra.ru/composition/bolgarii/> (дата обращения: 18.02.2019).
- ³⁶ Цит. по: *Шкундин Г.Д.* Русские и болгары в годы Первой мировой войны: проблемы взаимовосприятия // *Россия — Болгария: Векторы взаимопонимания. XVIII—XXI вв.* / Отв. ред. Р.П. Гришина. М., 2010. С. 192.
- ³⁷ Подробнее об этом см.: *Каширин В.Б.* Поход в Добруджанскую степь: эволюция замысла, планирование и подготовка экспедиции за Дунай в 1916 году // «STUDIA BALKANICA» (К юбилею Р.П. Гришиной). М., 2010.
- ³⁸ *Шкундин Г.Д.* Русские и болгары... С. 194–201.
- ³⁹ Централен държавен архив на Република България (ЦДА). Ф. 300Б. Оп. 1. А.е. 57. Л. 15.
- ⁴⁰ Там же. Л. 17.
- ⁴¹ *Калиганов И.И.* Сквозь прорезь оружейных прицелов: болгары против русских в Добрудже в 1916 г. // *Славянский мир в третьем тысячелетии: К 1150-летию славянской письменности*. Кн. I. М., 2013. С. 326–327.
- ⁴² *Даватц В.* Очерки пятилетней борьбы // *Русская Армия в изгнании* / Сост. С.В. Волков. М., 2003. С. 39.
- ⁴³ *Великите сили и България 1944–1947 г. Т. I: Примирието между СССР, Великобритания, САЩ и България (януари — октомври 1944 г.): Документи* / Сост. Л. Ревякина, В. Тошкова, Т.В. Волокитина. София, 2014. С. 247.
- ⁴⁴ *Пиастро Г.* Политико-воспитательная работа в советских войсках и среди населения Болгарии (3-й Украинский фронт, сентябрь 1944 — май 1945 г. // *Советское славяноведение*. 1977. № 1. С. 34.
- ⁴⁵ *Аношин И.С.* На правый бой. М., 1988. С. 87.
- ⁴⁶ Там же. С. 99.
- ⁴⁷ *Волокитина Т.В.* «По дедовскому следу»: Красная армия в Болгарии осенью 1944 года // *Фабрика за история. Т. III: Войни. Революции. Памет* / Съст. Р. Михнева, К. Грозев. София, 2017. С. 162.
- ⁴⁸ *Аношин И.С.* Указ. соч. С. 91–92.
- ⁴⁹ *Здравей, България. Спомени на съветски маршали, генерали и офицери а освобождение на България и бойната дружба през Отечестваната война 1944–1945 г.* / Съст. И. Лалов. София, 1986. С. 71.
- ⁵⁰ Там же. С. 140.
- ⁵¹ Там же. С. 110.
- ⁵² *Аношин И.С.* Указ. соч. С. 94–95.
- ⁵³ *Симонов К.М.* Разные дни войны. Дневник писателя. 1942–1945 годы. М., 2005. С. 376.

- ⁵⁴ Великите сили и България 1944–1947 г. Т. I. С. 146–147.
- ⁵⁵ Здравей, България. С. 13–14.
- ⁵⁶ *Слуцкий Б.* О других и себе. М., 2005. С. 49.
- ⁵⁷ *Немирович-Данченко В.И.* После войны. СПб., 1880. С. 4.
- ⁵⁸ *Чириков Е.Н.* Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М., 1913. С. 31.
- ⁵⁹ *Нужная (Яковенко) Е.Е.* // Я помню: Воспоминания ветеранов Великой Отечественной Войны. URL: <https://iremember.ru/memoirs/mediki/nuzhnaya-yakovenko-evgeniya-evlampievna/> (дата обращения: 14.01.2019).
- ⁶⁰ Напр., см. дискуссию об этом: Страсти по юбилею. 140-летие освобождения Болгарии от османского владычества в российской и болгарской политической риторике // Историческая экспертиза. 2018. № 2.
- ⁶¹ *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти: Воспоминания. Дневниковые записи / Отв. ред. В.Н. Топоров. М., 2002. С. 208.

**«Освободители» и «победители».
Из истории отечественной болгаристики***Аннотация:*

Статья посвящена фундаментальному академическому изданию — трех-томной публикации документов и материалов «Освобождение Болгарии от турецкого ига» (Т. I–III. М., 1961–1967), подготовленной сотрудниками Института славяноведения и архивными работниками СССР совместно с болгарскими историками и архивистами в рамках международного научного сотрудничества. Автор рассматривает основное содержание этого труда и показывает тот вклад, который внесли создавшие его специалисты в изучение истории русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и проблемы «Освобождение Болгарии».

Ключевые слова:

публикация документов «Освобождение Болгарии от турецкого ига», русско-турецкая война 1877–1878 гг., Болгария, болгаристика, сотрудничество советских и болгарских ученых, Институт славяноведения АН СССР (РАН).

Svetlana I.
DANCHENKO

**«Liberators» and «victors».
Excerpts on the history of Russian/Soviet
Bulgarian studies***Abstract:*

The article is devoted to the fundamental academic work «Liberation of Bulgaria from the Turkish yoke» (Vol. I–III. Moscow, 1961–1967) consisting of three volumes of documents and other materials. The work was arranged by members of the Institute of Slavic studies and USSR archive workers in collaboration with Bulgarian historians and archivists within the framework of international scientific cooperation. The author considers the contents of this three volume work and pays special attention to the contribution made by historians specialising in the history of the Russo-Turkish war of 1877–1878 and «Liberation of Bulgaria» working on the edition.

Key words:

academic work «Liberation of Bulgaria from the Turkish yoke», Russo-Turkish War of 1877–1878, Bulgaria, Bulgarian studies, Soviet and Bulgarian scholar cooperation, Institute of Slavic studies of the USSR (Russian) Academy of Sciences.

Для того, чтобы объективно и в полной мере оценить тот вклад, который за многие десятилетия внесли ученые СССР/России и Болгарии в изучение русско-болгарских отношений, следует обратиться к начальному этапу исследований и их сотрудничества. В 2017 г. отмечались разные юбилеи: 100 лет Октябрьской революции, 150 лет Славянского съезда в Москве 1867 г., 140-летие начала русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Но среди этих памятных дат была еще одна, имеющая отношение и к болгаристике, и к истории Института славяноведения РАН. В 1967 г. был успешно завершен грандиозный научный проект — трехтомная публикация документов «Освобождение Болгарии от турецкого ига», первый в истории Института славяноведения труд в рамках международного сотрудничества, в данном случае с болгарскими учеными.

Эта публикация во многих отношениях стала уникальным явлением в отечественной историографии. И по своему замыслу, автором которого был профессор Сергей Александрович Никитин (1901–1979), в память которого мы ежегодно проводим наши Никитинские чтения, и по числу привлеченных специалистов из СССР и Болгарии, и по масштабам проведенных изыскательских работ в десятках центральных и региональных архивов и библиотек двух стран, и по числу проблем, освещенных в данной публикации — языком документов и в комментариях, а также по значимости этого труда для последующего развития болгаристики.

С 1 января 1947 г. в Москве, в структуре Академии наук СССР, начало функционировать новое научно-исследовательское учреждение — Институт славяноведения. С.А. Никитин (в то время — профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, с 1947 г. — зав. кафедрой истории южных и западных славян) стал одним из его основателей, возглавив сектор истории зарубежных славянских народов периода феодализма и капитализма.

В качестве главной, ключевой темы исследований для этого немногочисленного в то время научного подразделения профессор Никитин с самого начала определил проблему русско-балканских связей, включающую вопросы балканской политики России и отношения русского общества к событиям на Балка-

нах — в период от Крымской войны 1853–1856 гг. до Берлинского конгресса 1878 г.

Следует подчеркнуть, что уже в 1940-е годы сам С.А. Никитин целенаправленно работал по данной тематике и в 1947 г. защитил докторскую диссертацию «Русское общество и вопросы балканской политики России в 1853–1876 гг.»¹. При ее подготовке, во время интенсивных архивных поисков и изучения русской периодической печати, ученый вскрыл громадные пласты в большинстве своем не известных ранее документов и материалов, относящихся к истории Восточного кризиса 70-х годов XIX в. Познакомившись с их содержанием, профессор Никитин пришел к выводу, что выявление, издание и обстоятельный их анализ — важнейшая задача славистической науки. Новые документы были необходимы, в первую очередь, для углубленных исследований в области недостаточно изученной и односторонне трактуемой в тот период балканской политики России. Важно отметить, что с самого начала Сергей Александрович придавал этому виду работы очень большое значение, считая его особой формой научно-исследовательского труда, когда исторические проблемы, в отличие от статей и монографий, освещаются языком снабженных комментариями и справочным аппаратом документов.

В советскую эпоху для выполнения какого-либо научного замысла прежде всего была необходима поддержка соответствующих вышестоящих структур, и не только академических. После окончания Великой Отечественной войны советским руководством был взят курс на укрепление формирующегося социалистического лагеря. Применительно к славяноведению это означало, что в первую очередь «разрешались» и поддерживались те труды, в которых исследовались проблемы возникновения и развития дружественных связей России/СССР и зарубежных славянских народов, их боевого содружества в борьбе с общими врагами на разных исторических этапах. С.А. Никитин прекрасно ориентировался в послевоенных реалиях и поэтому из всего многообразия тем будущего документального труда («из истории феодализма и капитализма» (тематика его сектора) выбрал проблему «Роль России в освобождении Болгарии от турецкого ига». Это направление научного исследования было важно еще и потому,

что позволяло, помимо русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и создания Болгарского государства, осветить целый ряд других значимых вопросов, а именно: этапы Восточного кризиса, международные отношения и балканская политика России и других великих держав, отношение русского общества к национально-освободительной борьбе балканских славян, роль русских дипломатов, военных, общественных деятелей и организаций в происходивших на Балканах событиях — то есть давало возможность изучить главную тему комплексно.

В 1947 г., когда был создан Институт славяноведения и возглавляемый С.А. Никитиным сектор, исполнилось 70 лет с начала русско-турецкой войны 1877–1878 гг., а к 90-летию юбилею этого выдающегося события издательство «Наука» АН СССР выпустило три тома фундаментального труда. Эти 20 лет были наполнены кропотливой, целенаправленной, интенсивной (порой буквально «на износ») работой, изыскательской и исследовательской одновременно, — в архивах, библиотеках, хранилищах музеев, в которой участвовали десятки преданных своему делу ученых-славистов, архивистов, переводчиков. К тому же это был один из первых опытов международного научного сотрудничества в Институте славяноведения, в данном случае с болгарскими коллегами. Бесспорные достижения этого периода — навыки и наработки по выявлению, обработке, изучению, комментированию и подготовке к изданию документов — станут ценнейшим «капиталом» создателей «Освобождения Болгарии...» и в последующие десятилетия будут использоваться ими при осуществлении других институтских международных проектов, в том числе и по проблеме «Россия и зарубежные славяне в XIX веке».

Период подготовки публикации был очень важен еще и потому, что в эти годы был сделан решающий шаг по пути формирования научной школы славистов профессора С.А. Никитина. Молодые в ту пору ученые, которых он привлек к выявлению и комментированию документов, к составлению именного и географического указателей к этому изданию, — А.А. Улунян, Н.В. Зуева, Е.М. Шатохина, К.Л. Струкова, И.В. Чуркина, Д.Ф. Поплыко, В.Г. Карасев, И.В. Козьменко, Н.И. Хитрова, В.Д. Конобеев, В.М. Хевролина и др. — являлись не только его

учениками, но и единомышленниками. Ведя научный поиск под руководством С.А. Никитина, перенимая мастерство Учителя, приобретая опыт и знания, они постепенно превращались в высокопрофессиональных, авторитетных специалистов в области балканской политики России и русско-балканских связей. Всё это впоследствии, став известными учеными — болгаристами и югославистами, они использовали в работе и щедро передавали своим ученикам, обеспечивая, таким образом, преемственность научных исследований.

С конца 1950-х годов под руководством профессора Никитина в Советском Союзе впервые были осуществлены масштабные работы по выявлению архивных документов по вышеуказанной тематике. Научный поиск проводился не только в хранилищах столичных городов, но и в регионах — на Кавказе, в европейской части России, в бывших советских республиках (Украина, Молдавия), а также за границей — в Болгарии.

В подготовке труда активное участие приняли болгарские историки — академик Д. Косев, А. Бурмов, Н. и Г. Тодоровы, Н. Жечев, Х. Гандев, К. Каратеодорова, Р. Стоянова и др. Они также выявляли документы, писали комментарии, отстаивали позиции болгарской исторической науки на заседаниях совместной советско-болгарской редколлегии, регулярно проходивших в Москве и Софии.

Работа над публикацией «Освобождение Болгарии...» стала не только вехой в становлении советской болгаристики, но и важным этапом в истории Института славяноведения, его международных контактов. Огромную роль этот труд сыграл и в жизни его создателей — отечественных ученых-болгаристов. Благодаря ему были установлены тесные, очень нужные для работы, по-настоящему дружеские связи со многими болгарскими коллегами, продолжавшиеся потом долгие годы.

Я начала свою трудовую деятельность в Институте в секторе новой истории балканских народов (так с 1968 г. стал называться бывший сектор С.А. Никитина) в июне 1971 г., т.е. с момента выхода в свет последнего, третьего тома «Освобождения Болгарии...» прошло уже четыре года. Однако участники этого проекта, сотрудники сектора (про себя я их называла «группой

победителей»), и прежде всего болгаристы — Василий Дмитриевич Конобеев, Акоп Арутюнович Улунян, Нина Владимировна Зуева и Екатерина Мелентьевна Шатохина — словно продолжали жить в том времени. «Невооруженным глазом» было видно: они просто счастливы, что им удалось ЭТО сделать. В разговорах они постоянно возвращались в те незабываемые годы, вспоминали какие-то яркие эпизоды, уникальные архивные находки, поездки за границу и встречи с болгарскими коллегами, превратившимися за столько лет в друзей. Радость научной победы не покидала их, давая силы для осуществления новых замыслов и проектов.

К началу 1970-х годов уже появились положительные рецензии на этот труд в советской и зарубежной научной печати, а его участники были награждены высокими болгарскими наградами. Но на том этапе развития славяноведения уникальность этой публикации, как мне кажется, в полной мере еще не осознавалась. Должно было пройти немало времени, чтобы оценить ее научное значение, всё то, что дает современным исследователям основание считать «Освобождение Болгарии...» непревзойденным, классическим образцом советского академического документального издания.

А сделали его таковым они, мои незабвенные старшие коллеги, неутомимые труженики науки, бесконечно преданные своему делу и в результате ставшие «победителями». Мне не пришлось в то время трудиться в их дружной команде, и мои воспоминания основываются на их рассказах и оценках других сотрудников, свидетелей грандиозной эпопеи подготовки к изданию «Освобождения Болгарии...». Мне уже приходилось писать о С.А. Никитине (в соавторстве с И.В. Чуркиной)² и об А.А. Улуняне³. Поэтому здесь хотелось бы рассказать о других участниках проекта (с советской стороны), внесших значительный личный вклад в его реализацию.

Василий Дмитриевич Конобеев (1916–1978) являлся одним из организаторов и руководителей работы по выявлению документов в архивах, хотя в 1950-е годы он еще не был сотрудником Института славяноведения (стал им в 1966 г.). Этот высокий, статный полковник в отставке, участник Великой Отечественной войны преподавал историю КПСС в Военно-воздушной инже-

нерной академии и вел занятия с будущими космонавтами (впоследствии он часто рассказывал нам о Ю.А. Гагарине и других). Профессор Никитин, ответственный редактор труда «Освобождение Болгарии» и главный генератор идей, конечно, не мог всё контролировать, организовывать каждодневную работу и сводить воедино результаты деятельности различных поисковых групп во многих городах. Поэтому помощь Василия Дмитриевича на этом поприще, человека военного, ответственного и дисциплинированного, пользовавшегося большим и заслуженным авторитетом у коллег, к тому же специалиста по истории русско-болгарских отношений*, была весьма значительна.

Семь лет я работала в одном секторе с В.Д. Конобеевым, вплоть до его внезапной кончины в августе 1978 г. (как и многие бывшие фронтовики, он не отличался крепким здоровьем). И хотя публикация уже была завершена, издана и очень высоко оценена в научном сообществе СССР и за рубежом, Василий Дмитриевич не сбавлял темпа и по-прежнему, как истинный солдат науки, интенсивно трудился в архивах — выявлял документы для новой советско-болгарской публикации «Россия и болгарское национально-освободительное движение. 1856–1876 гг.». И еще при этом писал докторскую диссертацию (защищенную в Болгарии в 1973 г.) и находился в постоянном научном контакте с болгарскими коллегами.

Я помню В.Д. Конобеева очень серьезным (редко улыбался и шутил) и строгим. И еще всегда готовым помочь молодым сотрудникам. Помощь эта была просто бесценна, ведь он так хорошо знал все основные для историков архивы, почти как С.А. Никитин, и его рекомендации и консультации были лучшим путеводителем в том же Архиве внешней политики России (ныне — Архив внешней политики Российской империи — АВПРИ).

Вместе с Василием Дмитриевичем в «болгарской группе» сектора трудились две замечательные женщины, подруги со студенческих времен и на всю жизнь — Нина Владимировна Зуева

* В 1950 г. В.Д. Конобеев защитил в Институте истории АН СССР кандидатскую диссертацию «Роль России в создании вооруженных сил Болгарии в период ее освобождения от турецкого ига (1878–1879 гг.)». В 1953 г. она была опубликована под названием «Русско-болгарское боевое содружество в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.» (впоследствии переведена на болгарский язык).

(1926–2013) и Екатерина Мелентьевна Шатохина (1924–2003). Среди «победителей» — создателей труда «Освобождение Болгарии...» — они, на мой взгляд, занимают особое место. Их судьба была неразрывно связана с Институтом славяноведения с начала 1950-х годов. Обе — выпускницы исторического факультета МГУ, обе — ученицы профессора Никитина, обе — болгаристки. Темы их научных исследований — взаимодействие российской дипломатии и болгарского национально-освободительного движения в контексте международных отношений на Балканах в 50–70-х годах XIX в. К сожалению, так сложилось (главным образом, ввиду их огромной нагрузки по подготовке публикаций документов), что проработав в Институте более 30 лет, они не защитили диссертаций и не издали индивидуальных монографий. Однако при этом их перу принадлежат десятки статей, опубликованных в авторитетных научных изданиях СССР и Болгарии, и разделов в обобщающих трудах: «История Болгарии» (Т. I. М., 1954), «Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг.» (М., 1986), «Болгарско-российские общественно-политические связи. 50–70-е гг. XIX века» (Кишинев, 1986). Несмотря на отсутствие степеней, они были признаны в научном сообществе болгаристов как высококвалифицированные специалисты.

Особенно значимым был вклад Н.В. Зуевой и Е.М. Шатохиной в создание публикации «Освобождение Болгарии...». Именно на них лежала значительная часть огромной текущей работы — по выявлению и комментированию документов, по технической подготовке их к печати, по контактам с иногородними и болгарскими коллегами и т.д. и т.п. В общем, тот, кто когда-нибудь трудился на публикаторском поприще, знает, что это такое. К тому же Нина Владимировна была секретарем С.А. Никитина, руководителя очень требовательного, превыше всего ставившего интересы науки и служение ей. Такие личные качества Н.В. Зуевой и Е.М. Шатохиной как редкостное трудолюбие, добросовестность и скрупулезность в работе, доброжелательное и уважительное отношение к коллегам, преданность своему делу, профессионализм, любовь к Болгарии и болгарам, ярко проявились при подготовке рассматриваемого труда и, в конечном счете, способствовали его успеху.

Особенно хочется подчеркнуть их роль в развитии научных связей нашего Института с болгарскими коллегами, заложенными еще в 1950-е годы. Мне, молодой и неопытной сотруднице, они в этом плане давали настоящие «мастер-классы». Я не могла не видеть, с каким уважением и симпатией общались с ними болгарские историки, приезжавшие в Институт славяноведения в командировки — и рядовые сотрудники, и мэтры с орденами и званиями. Для них Нина Владимировна и Екатерина Мелентьева были не просто сотрудниками-болгаристами, их очень ценили за удивительные человеческие качества, доброту, искренность, готовность помочь в самых разных ситуациях, за любовь к их родине. И в Болгарии Нину Владимировну и Екатерину Мелентьевну знали и уважали, что неизменно проявлялось во время их заграничных командировок. Как и их друг, болгарист Акоп Арутюнович Улунян, Н.В. Зуева и Е.М. Шатохина свою задачу как исследователи, ту, которая была им по силам, видели прежде всего в том, чтобы сделать как можно больше открытий в библиотеках и архивах, собрать как можно больше нового материала по своим темам, создав таким образом обширную источниковую базу для изучения русско-болгарских отношений в Новое время, в том числе и будущими поколениями российских и зарубежных историков. В этом плане они были типичными представителями отечественного исторического славяноведения второй половины XX в., когда накопление новых документов и фактов являлось одним из главных направлений деятельности ученых. И на этом поприще они трудились всю свою жизнь, трудились честно, самоотверженно, добросовестно и профессионально.

А теперь обратимся к содержанию труда «Освобождение Болгарии от турецкого ига».

Первый том, с подзаголовком «Освободительная борьба южных славян и Россия. 1875–1877» (М., 1961), — это документальная предыстория русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Он включает 460 документов (78 — за 1875 г., 322 — за 1876 г., 60 — за 1877 г.), из которых 26 уже были ранее опубликованы в других изданиях.

Хронологические рамки первого тома — от начала восстания в Герцеговине летом 1875 г. до 12(24) апреля 1877 г., дня объявления войны.

Для подготовки этого тома участники проекта обследовали материалы 72 архивных фондов в хранилищах СССР и свыше 60 фондов в Болгарии.

В первом томе отчетливо проявилась одна из главных особенностей данного труда — широта тематического охвата. В него были включены документы, позволившие по-новому осветить ряд важнейших вопросов по истории освободительного движения болгарского и других балканских народов, балканской политики России в начале Восточного кризиса 70-х годов XIX в., о позиции других великих держав. Несомненной заслугой создателей труда является публикация документов об общественных связях между Россией и южными славянами, что не нашло еще на том этапе развития отечественного славяноведения отражения в других изданиях. Это главная тема первого тома, хотя и дипломатическая история представлена целым рядом уникальных документов, ранее не известных исследователям. Донесения консулов: А.С. Ионина из Дубровника, А.Н. Карцова из Белграда, Я.П. Славолубова из Мостара и др. — позволяют сделать вывод о значительной роли русских дипломатических представителей, одновременно являвшихся агентами славянских комитетов на Балканах, в деле оказания разноплановой помощи герцеговинским и боснийским беженцам, болгарам, сербам, черногорцам (раздача денежных пожертвований, покупка продовольствия и вещей, организация санитарной службы и т.д.).

Впервые в историографии в первом томе «Освобождения Болгарии...» был представлен уникальный источник — документы из фондов III отделения е.и.в. канцелярии, хранящих материалы политического сыска. В труд были включены донесения губернских жандармских управлений, копии перлюстрированных писем, характеризующие отношение различных социальных групп населения Российской империи к событиям на Балканах. Бесценный материал по теме «Русское общество и освободительная борьба южных славян» содержится в опубликованных в первом томе документах Московского славянского комитета и его С.-Петербургского отделения, принимавших непосредственное и самое активное участие в организации денежных и вещевых сборов по всей России уже с осени 1875 г., в компании по посыл-

ке добровольцев в Сербию после начала сербо-турецкой войны летом 1876 г., в связях с болгарскими комитетами, а также с благотворительными организациями в Сербии, Черногории, Боснии и с Международным комитетом помощи семействам и раненым Герцеговины и Боснии, созданным в Париже 16 (28) августа 1875 г. под председательством сербского митрополита Михаила.

Благодаря изысканиям болгарских коллег был выявлен целый корпус материалов о деятельности болгарских революционных комитетов и подготовке Апрельского восстания 1876 г. Из архивов Болгарии были извлечены личные письма, документы Болгарского центрального революционного комитета, Болгарского центрального благотворительного общества, местных комитетов, т.е. организаций нелегальных или полуполициальных. Часть этих материалов написана симпатическими чернилами и была расшифрована, многие источники оказались поврежденными. Данная группа документов потребовала большой предварительной работы. В первый том были также включены выявленные в Архиве внешней политики России уникальные дипломатические документы по болгарской тематике: донесение российского посла в Константинополе Н.П. Игнатьева от 27 апреля (9 мая) 1876 г. в МИД о начале Апрельского восстания в Болгарии и его же донесение лично Александру II от 7(19) мая о подавлении выступления и др.

На страницах первого тома впервые в историографии нашло отражение добровольческое движение в Сербию в 1876 г. Эту тему освещает весьма значительный блок документов. Они характеризуют социальную среду, дававшую добровольцев, мотивы, ведшие их в Сербию, показывают совместные действия русских и болгарских добровольцев, а также ту огромную помощь славянских комитетов во главе с И.С. Аксаковым, которую они оказывали добровольцам, начиная с их обмундирования и отправки на Балканы. В этой связи примечательно опубликованное в томе письмо И.С. Аксакова к главнокомандующему сербской армией в сербо-турецкой войне русскому генералу М.Г. Черняеву от 7 сентября 1876 г.: «Вы и представить себе не можете, сколько работы у меня... что значит стоять лицом к лицу с всенародным движением! Приходится объясняться ежедневно с сотнею лиц и получать ежедневно больше сотни писем, на которые нельзя не

отвечать, чтобы не оскорбить сердечного чувства пишущих... Я начал вербовку без всякого дозволения, и, наконец, общество просто завоевало себе это право...»⁴. Свою деятельность Аксаков считал делом «историческим», которому «приходится служить теперь до у́стали»⁵.

В первом томе также представлены документы об отношении к событиям на Балканах русских революционеров. Ранее оно характеризовалось почти исключительно на основе материалов периодической печати. Несколько статей из революционного издания — газеты «Вперед!» — в «Освобождении Болгарии...» также опубликовано. Но наряду с ними здесь помещены исключительно интересные письма С. Степняка-Кравчинского, раскрывающие мотивы поездки революционеров в Боснию и Герцеговину, их отношение к происходящим событиям и т.д.

Документы первого тома затрагивают многие вопросы, которые и по сей день являются ключевыми, а некоторые и дискуссионными, неизменно привлекающими внимание исследователей Восточного кризиса 70-х годов XIX в. Среди них — позиция русского правительства, отношение различных слоев русского общества к событиям на Балканах, деятельность славянских комитетов. В советскую эпоху было принято всячески подчеркивать сочувствие к борющимся против турецкого ига славянам широких масс населения Российской империи — крестьян, рабочих, служащих и интеллигенции, в меньшей степени дворян и купечества, что выражалось в значительных материальных пожертвованиях. При этом в исторических трудах иные мнения, имевшие место в русском обществе по поводу необходимости и целесообразности этой помощи, практически не рассматривались. Поэтому самой высокой оценки заслуживает объективная позиция создателей «Освобождения Болгарии...», которые, несмотря на существовавшие в историографии «стандарты», поместили в первом томе документы, свидетельствующие о том, что далеко не все в России приветствовали «славянский порыв». Из включенных в том копий перлюстрированных писем, а также донесений начальников губернских жандармских управлений следует, что некоторые представители интеллигенции, в целом сочувствуя «страждущим славянам», тем не менее, выступали

против помощи им в таких масштабах. Они считали, что собранные по всей Империи сотни тысяч рублей нужно потратить на нужды не балканцев, а самих русских. Среди документов этого плана — весьма примечательное перлюстрированное письмо от 5 августа 1876 г. за подписью «Г-ов» издателю газеты «Голос» А.А. Краевскому, на котором есть помета императора Александра II: «Много справедливого». Его автор пишет: «Нечего говорить, что народ понимает будущность и величие славянской семьи! Кто истинно любит Россию, тот поймет, что она теперь нуждается только в мире и мире. Посмотрите: ведь у нас повсюду бедность и неряшливость! Откройте лучше подписку на народное образование, — это будет целесообразнее помощи славянам, которые, поверьте, нас не любят, потому что слабый никогда не любит и не будет любить сильного»⁶. Впервые была опубликована и примечательная записка III отделения от 7 ноября 1875 г., в которой отмечается следующее: «Несмотря на сильное содействие прессы к подогреванию чувств благотворительности к страдающим герцеговинцам, в обществе уже открыто поговаривают о чересчур сильных симпатиях России в сравнении с остальными европейскими государствами, даже заставляющих забывать собственные внутренние свои нужды...»⁷.

Целый блок опубликованных в первом томе документов посвящен отношению населения Российской империи к ожидаемой уже в конце 1876 г. войне с Турцией. Среди них преобладают политические обзоры губернских жандармских управлений, составлявшиеся по указанию правительства. Примером может служить исключительно интересный документ — донесение начальству полковника А.В. Комарова из Псковского губернского жандармского управления от 26 октября 1876 г. По его мнению, если бы война сейчас была объявлена, «то ... была бы весьма популярна... тем не менее все, от простого крестьянина до лиц, занимающих высшие ступени губернской иерархии, сознают, что война есть одно из величайших народных бедствий и что ежели мудрость человеческая найдет средство обойти это зло, то все останутся очень благодарны»⁸.

Но несмотря на эти благие пожелания, 12(24) апреля 1877 г. Россия объявила войну Турции. Длилась она около года, была тя-

желой, кровопролитной, с огромными человеческими жертвами и финансовыми затратами. Военные издержки составили 1.113 млн руб.⁹.

События русско-турецкой войны — с ее начала до 19 февраля (3 марта) 1878 г., дня подписания Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора, — отражены в документах **второго тома** «Освобождения Болгарии...», который был выпущен издательством «Наука» в 1964 г. с подзаголовком «Борьба за национальное освобождение Болгарии в период русско-турецкой войны. 1877–1878».

Всего во втором томе — 499 документов (362 — за 1877 г., 137 — за 1878 г.); 26 из них ранее уже были опубликованы. Для подготовки этого труда учеными, архивистами и музейными работниками двух стран были обследованы материалы 295 фондов в хранилищах СССР и 118 фондов в хранилищах Болгарии.

Особенностью этого тома является то, что составители не включили в него материалы о военных действиях, так как, по их мнению, этот вопрос уже детально был освещен в различных изданиях, начиная с XIX века.

В течение всего периода войны, наряду с военными действиями против турецких армий, Россия вела тяжелую дипломатическую «битву» с Англией и Австро-Венгрией, которые «поставили себе целью превратить военные победы России в ее политическое поражение»¹⁰. Создатели этого труда, не ставя своей задачей полное освещение этих вопросов, включили в том значительное число секретных инструкций министра иностранных дел Российской империи князя А.М. Горчакова, писем и заметок Александра II, телеграмм и докладов посла в Лондоне в 1874–1879 гг. П.А. Шувалова, посла в Константинополе графа Н.П. Игнатьева, а также ряд других документов, которые раскрывают многие важные моменты дипломатической истории русско-турецкой войны.

Среди материалов этого блока следует выделить впервые опубликованные инструкции А.М. Горчакова П.А. Шувалову от 18 мая 1877 г., — об англо-русских переговорах относительно соблюдения интересов обеих стран и о позиции России в вопросах о Суэцком канале и Черноморских проливах. Документ опровергает утверждения британского кабинета о стремлении России

захватить Суэцкий канал и таким образом угрожать интересам Англии в Средиземном и Красном морях. Примечательна часть инструкции относительно намерений русского правительства урегулировать вопрос о Константинополе и Проливах — «с общего согласия на справедливых и действительно гарантированных началах»¹¹. В документе подчеркивается, что захват Константинополя «не входит в планы его величества императора». Русское правительство надеется, продолжал далее Горчаков, что Лондон *«примет во внимание особые интересы России, удовлетворение которых зависит от этой войны и из-за которых Россия идет на такие большие жертвы. Эти интересы состоят в абсолютной необходимости положить конец несчастному положению христиан, находящихся под властью турок, и постоянным кризисам, которые из этого вытекают... При каждом из этих кризисов России ставят в вину ее политику, смотрят на нее косо: кризисы влияют на международные отношения, торговлю, финансы, кредиты»*. Однако Россия, по словам министра, не может постоянно находиться *«во власти...разрушительных случайностей, которые мешают ее мирному развитию и наносят ей неисчислимый вред»*. Вот почему российский император *«решился возложить все расходы по войне на плечи своей страны»* (выделено нами. — С. Д.). В заключение Горчаков подчеркнул, что «этот жизненно важный для России вопрос не противоречит ни одному из интересов Европы, которая со своей стороны страдает от шаткого положения на Востоке»¹².

В этом же, «дипломатическом», блоке документов опубликована секретная телеграмма Горчакова Шувалову в Лондон от 30 мая 1877 г., свидетельствующая об изменении позиции русского правительства по болгарскому вопросу. Если раньше допускалось разделение Болгарии на северную и южную, то теперь, как отмечал Горчаков, «после зрелого исследования вопроса мы не можем согласиться на разделение Болгарии на две части: она должна быть единой и автономной»¹³.

Документы по дипломатической истории войны раскрывают также колебания, непоследовательность и нерешительность в известные моменты русской дипломатии, которые успешно использовали западные противники России для нажима на русское

правительство с целью уменьшить, насколько возможно, результаты победоносной войны. В опубликованных материалах содержится немало свидетельств о том, какую важную роль играли в ходе дипломатической борьбы личные качества и способности отдельных дипломатов, например, Н.П. Игнатьева — с его широкой осведомленностью и твердостью как дипломата, глубоким пониманием болгарского вопроса. Особый интерес представляют документы, которые отражают переговоры с представителями Турции и характеризуют международную обстановку при заключении Сан-Стефанского договора.

Авторы включили во второй том много документов о помощи болгар русской армии, рассматривая ее как продолжение национально-освободительной борьбы болгарского народа. Из документов следует (док. № 169, № 171 и др.), что и созданное русскими Болгарское ополчение, и другие вооруженные отряды принимали непосредственное участие в военных действиях; болгары действовали также в качестве разведчиков, переводчиков, проводников и санитаров, оказывали помощь в снабжении русской армии продовольствием, в строительстве и укреплении оборонительных сооружений, дорог, мостов и т.д. За это они получали благодарности и заслуженные награды командования русской армией.

Целый блок документов второго тома посвящен созданию и деятельности Болгарского ополчения во главе с генералом Н.Г. Столетовым. Сформированное и обеспеченное обмундированием, в основном на частные пожертвования, собранные славянскими комитетами, оно до конца войны находилось на финансовом содержании России. Известно, что общие расходы на Болгарское ополчение на 1 января 1878 г. составили 834 174 руб.¹⁴. В этой связи следует отметить примечательный документ — письмо военного министра России Д.А. Милютина И.С. Аксакову от 28 апреля 1877 г., в котором есть такие строки: «Для сформировавшихся в конце прошлого и начале нынешнего года болгарских дружин всё обмундирование и снаряжение было заготовлено в Москве попечением вашим (И.С. Аксакова. — С. Д.) совместно с Помпеем Николаевичем Батюшковым, Тимофеем Савичем Морозовым, Сергием Михайловичем Третьяковым, Николаем Александровичем Найденовым и Василием Дмитрие-

вичем Аксеновым. Заготовление это, выполненное с полной исправностью и своевременно, с умеренным для казны расходом... уже поступило на снабжение сформированных и формируемых болгарских дружин»¹⁵.

Восторг, радость и энтузиазм болгарского населения при встрече русских освободителей и их проявления были уже известны в советскую эпоху — из опубликованных ранее документов и из мемуарной, весьма обширной литературы — воспоминаний очевидцев событий, в основном русских офицеров, находившихся в Действующей армии на Балканах. Помещенные во втором томе документы дополняют уже имевшиеся сведения по данной теме. Так, здесь опубликовано письмо агента славянских обществ в Болгарии К.Н. Станишева И.С. Аксакову от 18 июня 1877 г., в котором он сообщал: «Очевидцы... рассказывают, что болгаре от радости плачут и смеются, при встрече с русскими солдатами крестьяне обнимаются и целуются, угощают наших солдат тем скудным достатком, который остался у них от хищничества турок. Да, великое совершилось и совершается. Бог действительно возлюбил русский народ, что ему дал в удел великое дело — освобождение братьев!»¹⁶

Важную и значительную по объему часть второго тома составляют документы о деятельности русских по гражданскому устройству освобожденных болгарских земель начиная уже с лета 1877 г. В прежних публикациях по данной теме начала XX века (Н.Р. Овсяный и др.) были помещены главным образом общие положения, инструкции и другие материалы, которыми должны были руководствоваться русские деятели по гражданскому управлению; отчеты и переписка императорского комиссара в Болгарии генерала А.М. Дондукова-Корсакова и пр. Конкретная же работа русских и болгар по гражданскому устройству болгарских земель была отражена слабо, особенно в период, когда шли военные действия. Именно поэтому авторы «Освобождения Болгарии...» решили опубликовать во втором томе значительное число документов, которые проливают свет на многоплановую и неустанную деятельность русских по организации хозяйственной жизни, охране городов и сел, сбору налогов и в других областях гражданского управления. Немалую роль в успехе этой

деятельности сыграл видный общественный деятель, близкий к славянофилам, в 1868–1870 гг. — московский градоначальник, а с ноября 1876 г. — заведующий гражданскими делами при главнокомандующем Дунайской армией князь Владимир Александрович Черкасский (умер в Сан-Стефано, в день подписания мирного договора). Из документов, опубликованных во втором томе, совершенно очевидно, какой значительный вклад внес этот деятель в создание новой Болгарии. Русское гражданское управление под его руководством, исходя из главной своей задачи — заложить основы свободного Болгарского государства, стремилось постепенно комплектовать весь государственный аппарат из лиц болгарской национальности. Русские занимали только высшие должности, которые впоследствии должны были быть также замещены болгарами. Многочисленные материалы второго тома свидетельствуют о том, сколько внимания уделяли князь Черкасский и его подчиненные подбору кадров для гражданского управления в Болгарии — он начался уже накануне войны, но по-настоящему развернулся после ее объявления. При этом упор делался на болгар, учившихся в России.

Следует отметить, что помимо рассмотренных выше вопросов, в документах второго тома затрагивается масса других, на которых мы не имеем возможности подробно остановиться в нашей статье: о Самарском знамени (впервые упомянуто), врученном от жителей г. Самары болгарским дружинам; о реакции жителей Российской империи на объявление русско-турецкой войны; о сборе пожертвований среди ее населения (с апреля по ноябрь 1877 г. было собрано около 10 млн руб.); об образовании и деятельности местных болгарских органов самоуправления, городских и сельских общинных советов, которые, помимо помощи русской армии и болгарским вооруженным отрядам, с самого начала действовали как органы, выполнявшие различные функции государственной власти на местах; о создании и действиях болгарской народной милиции и др.

Третий том публикации, с подзаголовком «Борьба России и болгарского народа за создание Болгарского государства. 1878–1879», вышел в издательстве «Наука» в 1967 г. Он включает 390 документов: 244 — за 1878 г. и 146 — за 1879 г.

Главная тема третьего тома — деятельность российских дипломатов, военных и общественных деятелей, направленная на формирование государственности Болгарии и привлечение самих болгар к этому процессу.

Для подготовки труда участниками проекта были обследованы материалы 160 фондов в архивах СССР и 100 фондов в хранилищах Болгарии.

По территориальному охвату документы третьего тома относятся к Болгарскому княжеству и Восточной Румелии — областям, где было введено русское гражданское управление. Наряду с этим здесь опубликованы также материалы о Македонии, в которых речь идет о национально-освободительной борьбе населения этой области против решений Берлинского конгресса 1878 г., и о Южной Фракии.

Одна из главных тем третьего тома — международные отношения и дипломатическая борьба великих держав в период от Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора до Берлинского конгресса. Многочисленные документы, приведенные в издании, свидетельствуют о той тяжелой ситуации, внутри- и внешнеполитической, в которой оказалась Россия после победоносного окончания войны. Страна пребывала в политической изоляции, и реальная опасность создания враждебной коалиции во главе с Великобританией вызывала серьезную тревогу у правящей элиты. Этим объяснялись как попытки быстрее договориться с Турцией о превращении прелиминарного мирного договора в окончательный, так и стремление руководителей внешней политики России лавированием и уступками смягчить в какой-то степени ситуацию. Все эти вопросы детально освещаются в публикуемых документах, в том числе о переговорах Е.П. Новикова и Н.П. Игнатъева в Вене и П.А. Шувалова в Лондоне.

«Немалая часть достижений Сан-Стефанского мирного договора была утрачена в процессе всех этих переговоров еще до Берлинского конгресса, закрепившего разделение Сан-Стефанской Болгарии на три части (Болгарское княжество — самоуправляющееся, но признающее сюзеренитет султана и платящее Турции дань; автономную область Восточная Румелия в составе Турции, во главе с генерал-губернатором христианином; и оставленную

за Турцией Македонию), а также изменение ряда других статей прелиминарного мирного договора»¹⁷.

В третьем томе впервые были полностью опубликованы инструкции русским уполномоченным на Берлинском конгрессе, раскрывающие отношение русских правящих кругов к различным вариантам решения вопроса о создании Болгарского государства. Документы тома убедительно свидетельствуют о том, что западные державы вели борьбу против действий России и против интересов воссоздавшейся Болгарии, прежде всего в Европейской комиссии по организации Восточной Румелии. Эта борьба наглядно проявилась в румелийском финансовом вопросе, в вопросах о возвращении мусульманских беженцев на прежние места жительства, о турецких преступниках и многих других, что, безусловно, замедляло и усложняло деятельность русского гражданского управления в Болгарии, отвлекало его силы от решения основных, созидательных задач.

Содействие государственному формированию двух болгарских политических объединений, образованных по настоянию западных держав вместо Сан-Стефанской Болгарии, основанных на разных статутах, создание, вопреки желаниям противников России, предпосылок для последующего объединения и упрочения их независимости — такова была главная политическая линия правящей российской элиты. Авторы рассматриваемого труда включили в третий том примечательный документ — инструкцию МИД России русскому генеральному консулу в Филиппополе А.Н. Церетелеву, в которой подчеркивалось: «Отделение Берлинским конгрессом Южной Болгарии от Северной и образование из нее особой области под названием Восточной Румелии представляет... ненормальное положение вещей...». В связи с этим консулу предписывалось «употреблять все старания к поддержанию ...связей между обеими половинами Болгарии и к противодействию всем влияниям, направленным к разъединению их»¹⁸. Такое же «задание» получил и дипломатический агент и генеральный консул в Болгарии А.П. Давыдов в инструкции МИД от 7 сентября 1878 г.¹⁹.

Всё болгарское — и шире — всё славянское население Балканского полуострова было глубоко взволновано пересмотром

Сан-Стефанского мира, произведенным в Берлине. Борьба против решений Берлинского конгресса — такой была общая линия действий, объединявшая болгарское население разьединенных теперь территорий. На страницах третьего тома подробно освещены все формы этой борьбы, с которыми приходилось иметь дело русской администрации, и ее отношение к ним.

Значительная часть опубликованных здесь документов посвящена организации государственного аппарата и деятельности русского гражданского управления, особенно частным ее вопросам. В томе имеются материалы о приглашении врачей, улучшении санитарного состояния населенных пунктов, об организации народного образования, создании библиотек, о введении болгарской административной терминологии. Впервые в этом издании показана забота русских властей о создании в Болгарии статистики как правильной системы учета, о проведении единовременной переписи населения городов и сел, земельных угодий и скота, о военной подготовке болгар и создании Болгарского земского войска.

В документах третьего тома прекрасно, на наш взгляд, передана та созидательная атмосфера, которая сложилась после освобождения страны и являлась результатом усилий многих русских людей, действовавших в это время в Болгарии. Имея в своем распоряжении военных и штатских сотрудников, озабоченных судьбой нового государства, русский комиссар в Болгарии Александр Михайлович Дондуков-Корсаков (с мая 1878 г. по июнь 1879 г.), боевой генерал, в период войны — командующий XIII армейским корпусом, а затем — Восточным отрядом русской армии на Балканах, сумел в труднейших условиях оперативно и четко организовать работу своих подчиненных. На страницах третьего тома приведено немало сведений об этих людях, на разных участках приложивших свой труд к делу государственного строительства Болгарии. Среди них: представители русских военных кругов — генерал-майор Михаил Алексеевич Домонтович, майор Геннадий Иванович Шигорин; русские гражданские чиновники — заведующий судебным отделом Управления российского комиссара в Болгарии, один из составителей проекта Органического устава (конституции) княжества Болгария Сергей Иванович Лукьянов,

сотрудник русского гражданского управления Константин Андреевич Бух, главный агент славянских комитетов в Болгарии, губернатор Софийского санджака (1878) Петр Владимирович Алабин и др.; а также болгары, русские подданные — Марин Стоянов (Степанович) Дринов, профессор Харьковского университета, в 1878–1879 гг. — софийский вице-губернатор, первый министр просвещения Болгарского княжества; Иван Степанович Иванов, губернатор г. Сливена и др.

Среди многочисленных, очень важных и содержательных документов третьего тома мне хотелось бы специально остановиться на двух. Они не относятся к числу ключевых, не касаются сложнейших вопросов дипломатической борьбы и строительства новой Болгарии. В них затрагиваются, казалось бы, частные, отнюдь не глобальные моменты послевоенной жизни. Однако мне кажется, что без них и им подобных материалов публикация «Освобождение Болгарии...» не была бы такой глубокой, тематически широкой и замечательной.

Первый документ — письмо военного министра России Д.А. Милотина графине Антонине Дмитриевне Блудовой, приближенной к императорскому двору аристократке, фрейлине, весьма интересовавшейся «славянским вопросом», — от 4 ноября 1878 г. Из него следует, что Блудова направила Александру II подготовленную ею записку «относительно находящихся недалеко от Шумлы, около нынешнего Эски-Стамбула, развалин древней столицы Болгарского царства Преславы». Город Преслава (или Преслав) был второй столицей Болгарского государства со времени царствования Симеона (893–927 гг.) до византийского владычества (972 г.). Во время турецкого господства он был разрушен. Судя по всему, вездесущая и очень активная графиня Блудова сообщала в своей записке императору какие-то сведения об этом, подчеркивая значение этого города, некогда центра болгарской культуры, и просила Александра II посодействовать в поисках его следов. Как видно, император «проникся» этой идеей, и русский комиссар в Болгарии князь Дондуков-Корсаков к множеству «заданий» от разных начальников и ведомств, получил еще одно, на этот раз «высочайшее». И вскоре он уже смог доложить Д.А. Милотину, что «по его поручению команди-

рованный на место шумлинский окружной начальник представил подробную записку о том, что осталось от древней столицы и что можно было собрать между местными жителями». Кроме того, князь Дондуков-Корсаков предписал местному начальству «принять меры к сохранению найденных весьма немногих остатков древности». А почти через 20 лет, в 1897 г., начались археологические раскопки разрушенного Преслава, которые с перерывами велись и в социалистической Болгарии. В результате были обнаружены ценнейшие памятники болгарской архитектуры той эпохи²⁰. И кто бы мог подумать, что всё началось с инициативы русской придворной дамы, которая в 1878 г. беспокоилась не о нарядах, драгоценностях и балах, а об историческом наследии освобожденной Болгарии.

Второй из упомянутых выше документов — циркуляр отдела внутренних дел Управления российского комиссара в Болгарии губернаторам от 9 ноября 1878 г. об увековечении памяти русских воинов, павших во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В нем говорится: «Его императорскому величеству государю императору благоугодно было повелеть, чтобы на могилах воинов, убитых и умерших в минувшую... войну, оставшимися в живых их товарищами поставлены были бы памятники. В исполнение высочайшей воли были выработаны составленной для этого под председательством генерал-адъютанта графа Шувалова комиссией особые правила, а по предложению главнокомандующего Действующей армией — указаны места для постановки памятников. Это места бывших сражений: Систово, Никополь, Джуранли, Ловча, Плевно, Церковна, Мечка, Араб-Конак, Шибка, Филиппополь и Хаджи-Оглу-Базарджик. Кроме этого, предположено также устроить и привести в приличный вид кладбища в местах бывшего расположения больших военно-временных госпиталей и лазаретов: в Систове, Горном Студне, Болгарени, Боготе, Торнове, Габрове, Беле, Софии, Филиппополе, Адрианополе»²¹.

На протяжении десятков лет в Болгарии, как болгарскими, так и русскими однополчанами, было воздвигнуто около 450 памятников погибшим за свободу Болгарии — в знак памяти и признательности героям-освободителям.

Летом 1969 г., т.е. через 91 год после окончания русско-турецкой войны, мне посчастливилось в составе студенческой группы кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова побывать в Болгарии. Мы проехали почти через всю страну, посетили многие города и села и везде встречали памятники русским воинам, и не только величественные мемориалы, как на Шипке, но и очень простые, однако ухоженные, окруженные цветочными клумбами, посещаемые (даже в будний день!) туристами и местными жителями. И это нам, молодым, уже познакомившимся с историей Болгарии, было очень радостно.

Несмотря на «вехания» нынешнего времени — следствие новых политических реалий в отношениях России и Болгарии, памятники павшим в последней русско-турецкой войне героям-освободителям по-прежнему сохраняются, хотя, по свидетельствам очевидцев, и не в таком образцовом состоянии, как в советскую эпоху...

Завершая обзор основного содержания публикации «Освобождение Болгарии...», хотелось бы специально остановиться на ряде моментов. Во-первых, необходимо отметить тщательный, профессионально выполненный отбор документов, при вдумчивом прочтении которых перед нами предстает масштабная картина сложнейшей международной ситуации периода Великого Восточного кризиса, национально-освободительной борьбы южных славян, общественного движения в России в их поддержку, различных аспектов освобождения болгарских земель и строительства новой Болгарии.

Всего в издание вошло 1349 документов. И это только небольшая часть того обширного материала, который был выявлен участниками проекта. Так называемый «отсев» «Освобождения Болгарии...» (т.е. выявленные, но не вошедшие в публикацию документы) огромен. Разумеется, он не пропал — его в полной мере использовали ученые нашей страны и Болгарии в своих статьях, монографиях и диссертациях. Важно подчеркнуть, что труд «Освобождение Болгарии...» положил начало многим исследованиям в СССР по истории Болгарии и российско-болгарских связей, о значении русско-турецкой войны 1877–1878 гг. для балканских народов (работы С.А. Никитина, В.Д. Конобеева, А.А. Улуяна,

И.В. Козьменко, Н.В. Зуевой, Е.М. Шатохиной, В.М. Хевролиной и др.) — ранее эта тематика была почти не разработана.

Во-вторых, особого упоминания заслуживает высокий уровень комментирования документов. Руководитель проекта С.А. Никитин придавал этому виду работы очень большое значение. Большинство комментариев — настоящие мини-исследования, со ссылками на обширную литературу на разных языках, опубликованные источники, в том числе из редких изданий, и даже на архивные документы. Именно поэтому они весьма информативны, прекрасно написаны и, собранные вместе, вполне могут составить энциклопедический словарь по теме: «Восточный кризис 70-х годов XIX в. и освобождение Болгарии». После выхода в свет этой публикации основательное, профессиональное комментирование станет отличительной чертой многих отечественных изданий документов в последующие десятилетия, а «Освобождение Болгарии...» и поныне остается образцом этого вида работы.

Такой же высокий уровень отличает и развернутый указатель имен данного труда, которым долгие годы пользовались и пользуются до сих пор историки-балканисты, специалисты по XIX веку, совершенно уверенные в точности указанных в нем сведений.

Именно благодаря аналитическим комментариям и первоклассному справочному аппарату «Освобождение Болгарии...» не может, на наш взгляд, считаться лишь публикацией документов. Это новаторская документально-исследовательская работа высочайшего научного уровня, которая уже 50 лет тому назад признавалась капитальной, фундаментальной и образцовой. И сейчас на нее по-прежнему «равняются» и применяют бесценный опыт участников этого проекта в своей научной деятельности и трудах многие слависты и балканисты.

Используя формулировки отчетов нынешнего времени, у публикации «Освобождение Болгарии...» весьма высокий «индекс цитируемости»: на нее часто ссылались и ссылаются в различных научных изданиях, начиная с 1970-х годов. Так, согласно проведенным мною подсчетам, в академическом сборнике документов «Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. 1875–1878» (М., 1978), который не дублирует, а дополняет «Освобождение Болгарии...» новыми данными, авторы вступи-

тельной статьи 16 раз ссылаются на нее, а в комментариях — 38 раз. Имеются ссылки на «Освобождение Болгарии...» и в коллективных обобщающих трудах и монографиях: «Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в.» (М., 1978) — 14 раз; «Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг.» (М., 1986) — 15 раз; «История Балкан. Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.)» (М., 2012) — 33 раза; монография В.Н. Виноградова «Балканская эпопея князя А.М. Горчакова» (М., 2005) — 4 раза и др.

Ссылаются на «Освобождение Болгарии...» в комментариях к документам и создатели ряда фундаментальных публикаций, выполненных уже в XXI веке: «Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. Документы» (М., 2008), «Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875–1878 гг.» (Самара, 2009), «Москва–Сербия, Белград–Россия. Сборник документов и материалов. Том 2. Общественно-политические связи. 1804–1878 г.» (Белград–Москва, 2011).

Когда-то Сергей Александрович Никитин сказал, что со временем многие нынешние исторические труды устареют и останутся лишь «фактом историографии», достойным, в лучшем случае, упоминания в соответствующем разделе чьей-то диссертации. Но никогда не устареют профессионально выполненные публикации документов — они всегда будут востребованы, к ним будут неизменно обращаться ученые следующих поколений. В данном случае так и получилось.

И поныне трехтомная публикация «Освобождение Болгарии от турецкого ига», в свое время удостоенная многих положительных рецензий и восторженных похвал научного сообщества, при взгляде на нее «из XXI века», заслуживает самой высокой оценки, а труд, вложенный в нее десятками специалистов, нашей благодарной памяти. Тем же, кто в угоду политической конъюнктуры, стремится «пересмотреть» исторические факты и создать «свою» историю Восточного кризиса 70-х годов XIX в., русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и освобождения Болгарии, хочется пожелать хотя бы раз вдумчиво, «от корки до корки» прочитать этот документальный труд, который был представлен в нашей статье.

Примечания

- 1 Защита докторской диссертации С.А. Никитина прошла успешно. Вскоре ее автор подготовил данный труд к публикации в издательстве АН СССР. Однако цензура сочла невозможным, по идеологическим соображениям, его напечатать, и набор был раскупан (Об этом см.: *Чуркина И.В.* Неизданная книга С.А. Никитина // *Путь ученого. К 90-летию со дня рождения С.А. Никитина. Балканские исследования. Вып. 14. М., 1992*). Неизданные в 1940-е годы главы из книги С.А. Никитина «Русское общество и вопросы балканской политики России в 1853–1876 гг.» (кое-что ему удалось опубликовать в некоторых своих работах) смогли увидеть свет лишь спустя 65 лет, в 2013 г., в труде «Славяне и Россия: К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина. Сборник статей» (С. 161–372). Это стало возможно благодаря тому, что в архиве профессора Никитина чудом сохранилась верстка книги с его авторскими пометками (ныне она находится у бывшего сотрудника Института славяноведения РАН А.Н. Горяинова, который любезно предоставил ее для публикации).
- 2 *Данченко С.И., Чуркина И.В.* Сергей Александрович Никитин (1901–1879) // *Портреты историков. Время и судьбы. Т. 4. Новая и новейшая история. М., 2004; Данченко С.И., Чуркина И.В.* С.А. Никитин и его научная школа историков-славистов // *Славяне и Россия: к 110-летию со дня рождения С.А. Никитина. Сборник статей. М., 2013.*
- 3 *Данченко С.И.* Неповторимый Акоп: ученый, гражданин, друг // *Славяне и Россия: славянские и балканские народы в периодической печати. К 90-летию со дня рождения А.А. Улуняна. М., 2014.*
- 4 Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах. Том первый. Освободительная борьба южных славян и Россия. 1875–1877. М., 1961. С. 386.
- 5 Там же. С. 260. Письмо И.С. Аксакова Ф.В. Чижову от 27 июня 1876 г.
- 6 Там же. С. 328. Письмо «Г-ова» А.А. Краевскому от 5 августа 1876 г.
- 7 Там же. С. 152.
- 8 Там же. С. 469–470.
- 9 Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах. Том второй. Борьба за национальное освобождение Болгарии в период русско-турецкой войны. 1877–1878. М., 1964. С. 23.
- 10 Там же. С. 9.
- 11 Там же. С. 82.
- 12 Там же.
- 13 Там же. С. 107.
- 14 Там же. С. 161.
- 15 Там же. С. 57.
- 16 Там же. С. 127.
- 17 Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах. Том третий. Борьба России и болгарского народа за создание Болгарского государства. 1878–1879. М., 1967. С. 8.
- 18 Там же. С. 207.
- 19 Там же. С. 221–222.
- 20 Там же. С. 301.
- 21 Там же. С. 308.

Хотела ли Россия болгарского Освобождения? Новые интерпретации и мифы в современной болгарской исторической и публицистической литературе*

Аннотация:

С началом демократических перемен перед болгарской исторической наукой встала проблема переосмысления множества, ставших уже аксиомой, утверждений и трактовок, связанных с русско-турецкой войной 1877–1878 гг. и освобождением Болгарии от османского владычества. Особенно настойчиво и подчас агрессивно исторический ревизионизм заявил о себе на страницах публицистической литературы. В данной статье рассматриваются современные тенденции в интерпретации исторических событий тех лет и существующие мифы, а также исследуются обстоятельства, способствующие их распространению. Автор анализирует основные научные труды на эту тему, вышедшие за последние 30 лет, а также научно-популярные и публицистические сочинения и материалы, взятые из СМИ.

Ключевые слова:

русско-турецкая война 1877–1878 гг., освобождение Болгарии, болгарская историография, современные интерпретации истории.

Mikhail
SIMOV

Did Russia want liberation of Bulgaria? New interpretations and myths in Bulgarian academic and popular literature

Abstract:

With the beginning of democratic changes in Bulgarian historical science faced the problem of reconsideration of many accepted assertions and interpretations concerning the Russo-Turkish war of 1877–1878 and the liberation of Bulgaria from the Ottoman rule. Historical revisionism was presented with

* Статья подготовлена при финансовой поддержке болгарского Фонда научных исследований, проект ДНТС/Россия/02/17- «Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность)».

exceptional persistence, often aggression, on the pages of journalistic essays. The following paper examines modern trends in interpreting the events that happened 140 years ago and explores the existing myths and conditions facilitating their spreading. The main academic works on the subject published in the last 30 years, as well as journalistic popular works and publications in mass media are analysed by the author.

Keywords:

the Russo-Turkish war of 1877–1878; liberation of Bulgaria; Bulgarian historiography; modern interpretations of history.

Ничто из написанного в историографии не является окончательным и неоспоримым. С течением времени появляются новые факты, широко известные события подвергаются иным толкованиям, изменяются политическая ситуация и геополитические приоритеты государств. Кроме того, история зачастую пишется людьми, демонстрирующими свои политические пристрастия и желающими представить политически выгодную «правду», выполняя такие задачи, как, например, национально-патриотическое воспитание. Эти обстоятельства не раз были поводом для объяснения одних и тех же событий в диаметрально противоположном ключе.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии от османского владычества — одна из самых широко представленных тем в болгарской исторической и публицистической литературе, а в последнее время и одна из активно обсуждаемых в общественном пространстве. Беглое прочтение даже части многочисленных исследований и популяризаторских сочинений подтверждает тот факт, что это событие подвергалось и продолжает подвергаться самым разным интерпретациям, что является результатом, главным образом, изменения характера русско-болгарских политических отношений в течение десятилетий. Если в годы социализма тема рассматривалась в общественном пространстве как величайшее событие, которое навеки утвердило болгаро-русскую/советскую дружбу, то в последнее время на передний план выводятся экспансионистские устремления России, которым она шаг за шагом следовала в ущерб болгарским интересам. В обоих направлениях интерпретации войны и политики России зачастую присутствуют весьма максималистские оценки.

Без сомнения, историография социалистического периода внесла огромный вклад в изучение русско-турецкой войны и предшествующих ей событий, было также опубликовано большое количество исторических документов. В 1960–1980-е годы, благодаря таким известным болгарским авторам, как Христо Христов¹, Константин Косев², Цонко Генев³ и Стефан Дойнов⁴, появились обобщающие, насыщенные богатой фактологией исследования. Основные выводы этих научных трудов легли в основу энциклопедических изданий и учебных программ, на которых стали базироваться сотни научно-популярных публикаций, которые, в отличие от классических работ по этой тематике, были выдержаны в «эмоционально-патриотическом» тоне. Во всех этих сочинениях основополагающие события в истории современного болгарского государства рассматривались, более или менее, в рамках идеологических шаблонов и получали довольно однобокие оценки. Русско-турецкая война традиционно была представлена как вершина политики России, связанной с покровительством балканских славян, война «за решение исторически прогрессивных и полезных народу задач»⁵, сыгравшая для Болгарии роль буржуазно-демократической революции⁶ и навсегда зацементировавшая русско-болгарскую дружбу, которая после социалистической революции переросла в «вечную нерушимую и животворную советско-болгарскую дружбу»⁷.

В процессе радикальной демократизации и департизации всех сфер общественной жизни, начавшихся в конце 1980-х годов, пали прежние идеологические ограничения и цензура, что «открыло двери» для плюрализма в исторических дискуссиях и «вывело на поверхность» мнения, опровергающие аксиоматические утверждения марксистской историографии. На фоне политического разъединения и крушения концепции болгаро-советской/русской дружбы вопрос о роли России во время Восточного кризиса и русско-турецкой войны стал предметом особо оживленных споров. Прежние трактовки событий 1877–1878 гг. сильно диссонировали с политической ситуацией, а также с национальной гордостью и стремлением к политической эмансипации от России: картина событий, согласно которой болгары не завоевали свободу самостоятельно, а получили ее в дар от русского царя, не устраивала болгарские правящие круги.

На этом фоне голоса, раздающиеся из всех слоев общества, обвиняли историков в партийности, необъективности, сознательном замалчивании и искажении фактов в пользу политической идеологии. Зачастую чересчур сгущая краски, эти критики имели определенные основания так утверждать. Представители исторической науки также признавали необходимость в объективной оценке русско-турецкой войны в духе современной европейской историографии, а иногда и сами предлагали весьма смелые интерпретации этой темы в противовес односторонним оценкам историографии социалистического периода⁸.

Первая категория мифов и заблуждений, требующих опровержения, связана с военными действиями русской армии на Балканах в 1877–1878 гг., а другая более тесно привязана к идейно-политическому дискурсу темы — подлинным причинам русско-турецкой войны и политике России по отношению к болгарскому народу. Почему Петербург объявил войну, какие были намерения России в отношении Болгарии, чего она хотела достичь — освобождения болгар от так называемого «турецкого ига» или их полного подчинения своим интересам? Сан-Стефанский мир, что это — высшее выражение стремления Александра II избавить братьев-славян от рабской участи или хладнокровный шаг к созданию русской задунайской губернии? Этот круг вопросов провоцирует острую дискуссию в последние годы и получает самые разные, зачастую довольно одиозные ответы. Тезисы и утверждения, которые долгие годы считались неоспоримыми, сегодня подвергаются противоречивым толкованиям, восторженно положительные оценки сменяются полным отрицанием войны 1877–1878 гг. как освободительной, а объективный исторический анализ часто остается в тени политически окрашенных споров.

В данной статье будут рассмотрены интерпретации, которые в последние три десятилетия предложили болгарская историческая наука и популярная литература, и представлены мифы, связанные с историей болгарского освобождения.

Новые тенденции в интерпретации характера и значения русско-турецкой войны обозначились еще в конце 1980-х годов. Попытку оспорить некоторые постулаты «официальной правды» сделал в 1988 г. историк Божидар Димитров в своем став-

шем достаточно популярным сочинении «Русско-турецкая война 1877–1878. Хроника»⁹. На его страницах Димитров пишет о дискуссиях, которые велись в современных ему болгарских интеллектуальных кругах, справедливо высказывая мнение о том, что жизнеспособность альтернативных взглядов не обязательно является показателем их истинности, а, скорее всего, результат до сих пор господствующей «политики неприкосновенной официальной правды и отсутствия плюрализма в научной дискуссии»¹⁰. В центре внимания Димитрова находятся, главным образом, действия русской армии, но наряду с этим автор затрагивает и политические аспекты, рассматривая войну не как априори освободительную акцию, а как шаг на пути к достижению вековых устремлений России на Востоке¹¹. Впоследствии эта книга была подвергнута незначительным переработкам автора и издана уже под другим, более «маркетинговым», заглавием — «Настоящая история Освобождения 1860–1878 гг.»¹².

К 110-летию освобождения Болгарии партийным издательством была выпущена и монография К. Косева и Ст. Дойнова. Ее сложно привязать к какой бы то ни было новой тенденции в историографии русско-турецкой войны, но, однако, восторженные формулировки в восхвалении болгаро-советской дружбы в ней отсутствуют, а ее основная задача — вывести на передний план революционную борьбу болгарского народа и выявить «органическую связь и динамическое взаимодействие между русско-турецкой войной и болгарской национальной революцией»¹³. Эта работа развивает положения монографии Хр. Христова¹⁴ о войне как завершающем акте болгарской национальной революции, порожденной внутренними причинами — общественным, экономическим и культурным развитием нации.

Настоящий переворот в интерпретации истории болгарского освобождения, подчас подаваемый с примесью агрессии, приходится на начало 1990-х годов, когда падение идеологических «табу» и развитие частного книгоиздательства дали возможность многим авторам различного уровня профессиональной подготовки предложить читателям свою «правду» о войне и роли политики Петербурга на Балканах. В ответ на односторонний взгляд, предлагаемый историографией социалистического периода, и

в унисон политической повестке дня проявилась противоположная тенденция — отрицать освободительный характер войны, приуменьшать ее значение для болгарского народа и делать акцент на завоевательных устремлениях России. Переиздание сочинений конца XIX — начала XX вв., отражающих крайне негативное, политизированное и необъективное мнение о политике России в Болгарии во время освобождения и в целом, стало самым легким способом предложить читателю «правду», «глубоко запрятанную в прежние десятилетия»¹⁵. Как отмечал в 1994 г. историк Пламен Митев, в условиях «разрастающейся духовной нищеты и нашего политического раскола» появились околонуточные труды, в которых «история и миф, объективность и пристрастие слились воедино»¹⁶. По мнению К. Косева, высказанные мнения, как до, так и после демократических перемен, являются по большей степени необоснованными и политизированными¹⁷.

В возникновении данной ситуации известную долю вины несет и академическая наука. С начала 1990-х годов, в результате сокращения финансирования и кадров, она оказалась в состоянии дестабилизации, в то же время публикации о русско-болгарском боевом содружестве, подвигах русской армии и пр. уже не были актуальны. Многие историки, работавшие по данной проблематике, предпочитали идти по «накатанной колее», рассматривая лишь отдельные аспекты темы, но почти не пытаясь предлагать новые трактовки уже известных событий.

Альтернативные мнения высказывались в форме размышлений и дискуссий на тему русско-турецкой войны и освобождения Болгарии только на страницах научной периодики. Эмоциональный пафос постепенно уступал место более беспристрастному анализу истории притязаний России на Черноморские проливы и ее планов подчинения Болгарии¹⁸. Однако призывы и попытки глобально переосмыслить значение событий 1877–1878 гг., освободившись от эмоциональных пристрастий и невзирая на политическую конъюнктуру, на данном этапе не нашли своего отражения в монографических исследованиях¹⁹. Иными словами, наука не сумела дать ответ на давно наболевшие вопросы, делая упор на беспристрастный анализ, что также послужило импульсом к широкому распространению и процветанию в дальнейшем

разных ненаучных и глубоко политизированных мнений, дающих категоричные ответы на интересующие общество вопросы.

Это, однако, не означает, что и историки были свободны от присущего ненаучному направлению максимализма. В 1994 г. в своих «Размышлениях о русско-турецкой войне», направленных на изобличение стереотипов о русско-турецкой войне, Пламен Митев назвал мифом получившее широкую общественную популярность представление о том, что Россия объявила войну с целью освобождения болгар. По его мнению, отнюдь не кровавое подавление Апрельского восстания в Болгарии в 1876 г., не сочувствие к страданиям болгар и голос демократической русской общественности, а положение, в котором оказалось после злополучной войны с Турцией «любимое» Россией Сербское княжество, вынудило Петербург пойти на военные меры²⁰. Для царского правительства болгарский вопрос был «разменной картой в большой политической игре», а что касается Сан-Стефанского договора, то Митев считает его «величайшим фарсом, срежиссированным российским МИД во второй половине XIX в.»²¹.

Эта публикация спровоцировала дискуссию на страницах журнала «История». В ответ историк Христо Глушков, не отрицая необходимости в выработке исторической наукой новой и объективной оценки русско-турецкой войны, возразил против провокационной трактовки Митева и выразил свое убеждение, что «... мы не можем и нам ни в коем случае нельзя терять свою убежденность в освободительной миссии России, иначе мы рискуем потерять Болгарию»²². В более умеренном тоне он призвал не заменять прежнюю линию историографии на возвеличивание освободительной миссии России ее полным отрицанием²³.

В научных и научно-популярных публикациях, посвященных 120-летию русско-турецкой войны и освобождению Болгарии, многие авторы рассматривали события 1877–1878 гг. прежде всего в контексте военно-политической стратегии Петербурга на Востоке, главной целью которой было взять под контроль Черноморские проливы²⁴. Другие, выступая пламенными апологетами освободительной войны, категорически опровергали «злбные описания» русофобов относительно планов создания «задунайской губернии» и завладения Константинополем и Проливами²⁵.

Более «сбалансированную» точку зрения предлагает К. Косев: он не отрицает наличия стратегических интересов России в Юго-Восточной Европе и в районе Проливов, но выделяет войну 1877–1878 гг. из всех остальных «агрессивных» войн, которые вела Россия против Османской империи за завоевание территорий и влияния. По его мнению, этот конфликт носил исключительно оборонительный характер и его цель — защитить русские позиции и влияние на Востоке, выступая в защиту балканских народов. Косев утверждает, что если все предыдущие русско-турецкие войны начинались по инициативе Петербурга, то на этот раз царское правительство не хотело вооруженного конфликта и сделало всё возможное, чтобы его предотвратить, так что о завоевательных планах здесь не может быть и речи²⁶.

В целом, в 1990-е годы робкие попытки исторической науки внести новую струю в довольно подробно изученную тему русско-турецкой войны были немногочисленны. В то же время исторический ревизионизм уже принял гораздо более угрожающие и нередко носящие агрессивный характер формы на страницах популярных сочинений и праволиберальной прессы, которые, благодаря широкой читательской аудитории, оказывали большое влияние на формирование общественного мнения. Авторы подобных публикаций активно боролись против «казённых историков» и «искажения исторических фактов», предлагая читателю «настоящую правду» и не стесняясь в выражениях, называя освобождение Болгарии Россией «отвратительной ложью»²⁷.

В течение последних 20 лет вопросы, связанные с русско-турецкой войной и предшествующими ей событиями, сохраняют свою актуальность и продолжают оставаться объектом различных толкований. Появились первые после демократических перемен обобщающие научные монографии, посвященные данной теме. Ясные очертания приобрели и новые направления в интерпретации русско-турецкой войны и роли России в освобождении Болгарии. Подход к теме и общая ее трактовка, несомненно, находятся в зависимости от уровня профессиональной квалификации и идейно-политических предпочтений авторов. Если в 1990-е годы весь пафос новых исследований был направлен на преодоление коммунистического наследия в историографии

и на доказательство того, что освобождение — это достижение болгарской нации, а не дар русского царя, то сегодня тема рассматривается на страницах публицистических сочинений еще активнее, но всё больше в рамках актуального политического дискурса о гибридной войне и русской угрозе на Балканах.

В связи с этим можно выделить три актуальные в настоящее время направления интерпретации темы в научной и публицистической литературе.

Первое направление формируется в исторической науке и присутствует в основном на страницах академических изданий. Современные специалисты в целом сходятся во мнении, что в огромной по объему литературе о войне 1877–1878 гг. фактология достаточно хорошо изучена, но в интерпретации фактов присутствует ряд невыясненных вопросов, необидительных утверждений и сильно отличающихся друг от друга, эмоционально и политически окрашенных оценок²⁸. Поэтому главные их усилия направлены на анализ источников и исследование вопросов вне зависимости от политики и эмоциональных пристрастий. Общая черта академических сочинений — комплексный подход в исследовании темы и умеренность в оценках. Если историография социалистического периода делала упор на «национальное» значение событий Восточного кризиса, то сегодня они рассматриваются как эпизод большой политической игры великих держав и балканских наций в их борьбе за «наследство» Османской империи.

В период 1999–2008 гг. историки А. Пантев, Ст. Дойнов, К. Косев и Хр. Глушков опубликовали монографии обобщающего характера, намереваясь дать новую интерпретацию теме о войне и освобождении, учитывая современные тенденции в историографии²⁹. Авторы, не вступая в ожесточенную дискуссию с теми, кто высказывал другое мнение, и не пытаясь «разорвать шаблоны», выдав единственно существующую, по их мнению, «истину», делают попытку на основе глубокого анализа выработать сбалансированную оценку политики России во время Восточного кризиса и ее роли в освобождении Болгарии.

В характерном для него академично-патетичном стиле А. Пантев рассматривает войну 1877–1878 гг. как событие европейского масштаба и называет ее «самой честной войной русского цариз-

ма», «священным походом» и «благородной европейской миссией», при этом не отрицая и прагматических политико-стратегических мотивов России в объявлении войны, которые, однако, в атмосфере энтузиазма и «славянофило-православной мистики» в русском обществе уступили иррациональным соображениям³⁰.

В 1999 г. К. Косев и Ст. Дойнов издали переработанный вариант своей монографии 1988 г., которая существенно отличается по содержанию, трактовкам и оценкам³¹. В связи с 130-летием освобождения Болгарии данный труд был опубликован уже под другим заглавием³². В книге показано, как драматично закончились попытки России выйти из Восточного кризиса путем дипломатических переговоров, как нелегко дался Александру II переход от тактики мирного урегулирования к военному решению конфликта и как был подписан «фиктивный» Сан-Стефанский мир. По мнению авторов, решение объявить войну стало результатом стремления России не потерять влияние и позиции на Балканах, будучи принятым вопреки миролюбивой политике Александра II и его убеждениям о несвоевременности конфликта. В этом смысле освобождение Болгарии является результатом не столько альтруистических мотивов, сколько прагматических соображений, что, однако, не уменьшает значения освободительной миссии России.

В контексте большой международной политики и, в частности, вопроса о Черноморских проливах анализирует позицию России во время Восточного кризиса и Вылкан Вылканов, приходя к выводу, что освобождение Болгарии занимало последнее место среди стратегических целей Петербурга, взгляд которого всегда был устремлён к Босфору³³.

Сегодня, 140 лет спустя, анализ и интерпретация русско-турецкой войны и политики России остается актуальным вопросом для болгарских ученых. В 2017 г. вышла научная монография, цель которой — представить «настоящую историю» войны³⁴. Ее автор Эмануил Эмануилов еще в предисловии отмечает, что Россия освободила болгар от османского владычества, и этот факт нельзя оспорить или отбросить, однако необходимо самым тщательным образом подвергнуть анализу соображения Петербурга по этому вопросу³⁵. Эмануилов вступает в заочный спор со

своими коллегами Косевым и Дойновым и выдвигает тезис, что для России объявление войны в 1877 г. было способом решения не внешних (сохранение влияния на Балканах), а внутривосточных задач — выхода из внутреннего кризиса, к которому вела политика нейтралитета. Книга не дает усомниться в том, что сочувствие к страданиям единокровных народов никогда не было движущей силой политики Петербурга, наоборот, в 1876 г. официальная Россия «оставила болгар нести свой крест на божественную Голгофу»³⁶ и не пошла бы на активные действия, если бы брожение среди русского народа в связи с бездействием правительства не начало подрывать авторитет императора и стабильность в Империи³⁷.

Второе направление в интерпретации русско-турецкой войны 1877–1878 гг. представлено учеными разных сфер гуманитарного знания, в том числе и историками, чей частично научный, частично публицистический подход к теме не лишен предвзятости, стремления опровергнуть «вредные для болгарской нации» мифы и в итоге доказать враждебность политики России по отношению к Болгарии на протяжении веков. Под прикрытием объективного исторического анализа ими выдвигаются тезисы, по всей видимости, соответствующие политическим интересам отдельных кругов, а в подкрепление выводов приводятся «мало известные» и «шокирующие» документы. Трибуной для таких авторов чаще всего служит праволиберальная периодическая печать, а также научная периодика и сборники статей. Появились и внушительные монографии, рассматривающие русскую политику по отношению к Болгарии на протяжении веков. В этих сочинениях присутствуют более резкие высказывания, политизация вопроса и нередко комментарии в адрес левых политических сил.

Ярким представителем данного направления являлся историк Пламен Цветков. В своих многочисленных статьях и выступлениях он последовательно отстаивал тезис о том, что свободная и независимая Болгария несовместима со стратегией русских царей на Балканах, чья цель одна — Константинополь и Босфор³⁸. Война 1877–1878 гг. в его работах изображается как завоевательная кампания на пути к этой цели, а по отношению к Болгарии планировалось не освобождение, а полное завоевание.

По мнению Цветкова, представление о России как освободительнице — глубоко неверно, поскольку единственной целью Петербурга в этой кампании было завладеть болгарскими землями и сделать существенный шаг к достижению полного доминирования в регионе и контроля над Проливами. В Сан-Стефано якобы был подписан договор о бессрочной русской оккупации Болгарии, и в связи с этим историк стремится убедить читателя, что только европейские великие державы спасли страну от злосчастной участи стать задунайской губернией России и плацдармом для дальнейших экспансионистских планов Петербурга. Поэтому не Сан-Стефанский, а Берлинский договор поистине значим для Болгарии, так как именно он «освободил» ее от русской власти и дал ей хоть и ограниченный, но всё же суверенитет³⁹.

Политическая окрашенность таких утверждений более чем очевидна. Цветков в своих работах не упускает случая кинуть камень в огород «историков-коммунистов». Например, в адрес К. Косева он пишет, что будучи членом Болгарской социалистической партии, тот всё же больше историк, чем коммунист⁴⁰. Но главная цель Цветкова — не столько опровергнуть коммунистическую историографию, сколько изобличить всю «вредность» этого «страшного для нашей психики и нашего национального самосознания» мифа об освободительнице России, «насаждаемого десятилетиями русской пропагандой, промывающей нам мозги»⁴¹.

К той же парадигме интерпретации освобождения Болгарии принадлежат и многие другие сочинения. В кавычках определение «освободительная» по отношению к русско-турецкой войне стоит и в работах представленного как «истинный болгарский историк» Янко Гочева⁴². Его монография в трех томах «Русская империя против Болгарии» еще раз решительно опровергает «миф» об освобождении и безапелляционно выдвигает тезис о том, что Россия смотрела на болгарское государство только как на инструмент в своей военно-политической стратегии на Востоке⁴³.

В последнее время тема русско-турецкой войны и связанные с ней вопросы пользуются большим вниманием и среди разных политических аналитиков, публицистов и журналистов, общей чертой которых являются праволиберальные политические взгля-

ды и ярко выраженная неприязнь к политике Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации на Балканах. В политико-публицистическом направлении оценки значения русско-турецкой войны можно найти ярчайшие примеры тенденциозности, исключительно выборочной работы с источниками и искажения исторической правды в пользу политической идеологии. Если в трудах таких авторов, как Цветков, всё же можно найти признаки научного подхода к проблеме, то в этих работах русско-турецкая война выступает не как предмет исследования, а как способ привести из истории примеры губительной для Болгарии политики России и провести параллель с сегодняшними «агрессивными намерениями» Кремля на Балканах. Язык этих работ отличается остротой и вычурностью, для них характерна широта анализируемого материала, а их оценки категоричны.

В качестве одного из наиболее ярких и свежих примеров можно привести вышедшую к 140-летию Освобождения книгу болгарского журналиста и блогера Иво Инджева под одиозным заглавием «Русско-турецкая поработительная война»⁴⁴. Автор строит свои рассуждения на основе источников, якобы скрупулезно анализируя их, но на самом деле подбирая те пассажи и цитаты, которые могут, при «правильной» трактовке, подкрепить его тезисы. Между тем многогранная и сложная история болгарского освобождения дает достаточно возможностей для таких «исследований», для которых не требуется особого аналитического таланта.

Чтобы доказать враждебность и агрессивность России по отношению к Болгарии, авторы сочинений подобного типа запаслись арсеналом аргументов в виде ложных фактов, сфабрикованных исторических источников и крайне тенденциозных трактовок событий, которые широко распространяются в интернете и медийном пространстве, а в некоторых случаях находят место и в высказываниях представителей государственной власти. В качестве доказательства того, что еще современники тех далеких событий догадались о коварстве Петербурга, приводятся выдернутые из контекста документы и свидетельства. Так, например, идеолог революционного движения Георги Раковски изображается как убежденный русофоб на базе его сочинения,

выражающего несогласие с политикой Петербурга по переселению болгар в южные области России⁴⁵. К еще более грубой манипуляции прибегают авторы, приписывающие герою национальной революции Василу Левскому слова: «Тот, кто нас освободит, тот и поработит», которые цитировались в том числе и президентом Р. Плевнелиевым в Народном собрании и вызвали всплеск справедливого негодования⁴⁶.

Несмотря на категоричные опровержения историков, в медийном пространстве продолжают тиражироваться «шокирующие факты», как, например, тот, что Болгария заплатила за свою свободу более 30 тонн золота⁴⁷. Неясно лишь, пришла ли Россия поработить болгар или освободить их за деньги.

В последнее время изобличители русской враждебной политики по отношению к Болгарии в особенно зловещих красках изображают личность графа Николая Павловича Игнатьева, стремясь представить его как беспощадного врага болгарского народа в его борьбе за независимость. Это, конечно, трактуется не только в контексте личных пристрастий Игнатьева, но и как отражение систематической политики Петербурга по подавлению болгарского национализма и противодействию стремлениям болгар к церковной и политической самостоятельности⁴⁸. Следы вмешательства и влияния «зловещего» царского посла авторы находят в том числе и в экзекуции Васи́ла Левского турецкими властями⁴⁹. Из «Записок» Игнатьева извлекаются разнообразные сведения, будто бы подтверждающие завоевательные намерения Петербурга по отношению к Болгарии. Придавая огласке «тщательно скрывааемые во времена социализма факты», эти авторы забывают, что «Записки» Игнатьева были опубликованы на болгарском языке еще в 1986 г.⁵⁰

Также многие сегодня выступают в роли первооткрывателей Рейхштадского соглашения, которое историческая наука якобы долгие годы скрывала. На самом деле оно давно известно в научной литературе⁵¹, только сейчас это соглашение зачастую цитируется некорректно и, не будучи подвергнуто критическому анализу, рассматривается как акт, направленный исключительно против интересов Болгарии⁵². В энциклопедии «История болгар», например, утверждается, что в Рейхштадте великие державы до-

говорились о том, чтобы не создавать большое болгарское государство⁵³, хотя на самом деле в записках говорится о славянском, а не болгарском государстве⁵⁴. Тот факт, что в Рейхштадте была достигнута договоренность о создании независимого Княжества Болгария в случае окончательного крушения османской власти в Европе, многие предпочитают не упоминать.

Подводя итоги, нельзя не согласиться, что утверждение однозначной оценки русско-турецкой освободительной войны и роли России на Балканах в целом вряд ли возможно, а в конечном счете и не нужно, потому что это поместило бы данную тему в определенные шаблонные рамки. Однозначные ответы на сложные вопросы, которые ставит перед нами история освобождения Болгарии, вряд ли приведут к лучшему пониманию исторических событий и процессов. Хотела ли Россия освободить Болгарию или преследовала цель получить новые территории на Востоке? А почему бы не то, и не другое? Именно к такому сбалансированному подходу изучения данного вопроса стремится современная академическая наука в Болгарии, чего нельзя сказать о сочинениях публицистического жанра, в которых даются резкие и категоричные оценки, по всей видимости, связанные с преследованием определенных политических и иных интересов. Сегодня, к огромному сожалению, мы все являемся свидетелями процесса превращения истории болгарского освобождения в инструмент для последовательно насаждаемого внушения, что противостояние России есть не что иное, как историческая миссия Болгарии.

Примечания

- ¹ Христов Хр. Освобождението на България и западните държави. София, 1968.
- ² Косев К. Бисмарк, Източният въпрос и българското освобождение. София, 1978.
- ³ Генов Ц. Освободителната война 1877–1878. София, 1978.
- ⁴ Дойнов Ст. Българската общественост и Руско-турската освободителна война (1877–1878). София, 1978.
- ⁵ Христов Хр. Освобождението на България и западните държави. С. 225.
- ⁶ Он же. Характер и значение на Освободителната война // Освобождението на България 1878–1968. София, 1968. С. 20.
- ⁷ Предисловие академика Димитра Косева к книге: Генов Ц. Освободителната война. С. 8.

- ⁸ Митев Пл. Размисли върху Освободителната война (1877–1878) // История. София, 1994. № 2. С. 52–59; Глушков Хр. Руско-турската война от 1877–1878 г. се нуждае от компетентна и обективна оценка // История. 1995. № 5. С. 27–36.
- ⁹ Димитров Б. Руско-турската война 1877–1878. Хроника. София, 1988.
- ¹⁰ Там же. С. 7.
- ¹¹ Там же. С. 15.
- ¹² Димитров Б. Истинската история на Освобождението 1860–1878. София, 2006, 2010, 2017.
- ¹³ Косев К., Дойнов Ст. Освободителната война 1877–1878 и българската национална революция. София. 1988. С. 10.
- ¹⁴ Христов Хр. Освобождението на България и западните държави.
- ¹⁵ В начале 1990-х годов появились книги: Авантюрите на руския царизъм в България. Документи от царските архиви. Варна, 1991. (Впервые опубликована в Москве в 1935 г.: Авантюры русского царизма в Болгарии. Сборник документов. Составитель: П. Павлович.); Раковски К. Русия на Изток (Историческо изследване на руската политика на изток и частно — в България). София, 1994. (Впервые опубликована в 1898 г.: Раковски К. Русия на Изток (Историческо изследване на руската политика на изток и частно — в България). Варна, 1898.); Гудев П. Време е да видим Русия освободи ли ни? София, 1994. (Книга съдържа и така: България и интригите на Русия — фототипно издание книги 1914 г.; Стременията на руската дипломация, борбата ѝ против обединението на българския народ 1773–1913 — фототипно издание книги 1914 г.; Руската политика спрямо България 1878–1914 — фототипно издание книги 1915 г.).
- ¹⁶ Митев Пл. Размисли върху Освободителната война (1877–1878). С. 53.
- ¹⁷ Косев К. Освободителната война в контекста на Източния въпрос // История. 1998. № 1. С. 1.
- ¹⁸ Markov G. The Russo-Turkish War and the Bulgarian Liberation, 1877–1878 // Bulgarian Military Review. 1994. № 2. P. 39.
- ¹⁹ Вышедшая в 1993 г. в серии «Историческое чтение» книга Стефана Дойнова (Руско-турската освободителна война. София, 1993) не предлага нову точку зрения по этой проблеме.
- ²⁰ Митев Пл. Размисли върху Освободителната война (1877–1878). С. 54.
- ²¹ Там же. С. 56.
- ²² Глушков Хр. Руско-турската война от 1877–1878 г. се нуждае от компетентна и обективна оценка. С. 34.
- ²³ Там же. С. 35.
- ²⁴ Дюлгерова Н. Руската имперска доктрина и Руско-турската война (1877–1878 г.) // Известия на Института за военна история. 1999. № 64. С. 2–5.
- ²⁵ Митев Й. Освобождението на България от турско робство. София, 1997. С. 44.
- ²⁶ Косев К., Дойнов Ст. Възкресението на България през 1878 г. София, 1999. С. 20; Косев К. Освободителната война в контекста на Източния въпрос. С. 10.
- ²⁷ См., напр.: Демокрация. София, 2002. № 51. 20 февруари. С. 6.
- ²⁸ Косев К. Истинските причини за Руско-турската война (1877–1878 г.) // Еволюция. София, 2005. № 2. С. 6; он же. Освободителната война в контекста на Източния въпрос. С. 1; Пантев А., Глушков Хр. Европейски измерения на Освободителната война. Велико Търново, 2008. С. 7–8; Мишев Р. Необходимата война // 130 години от Руско-турската война (1877–1878 г.) и Освобождението на България. Велико Търново, 2009. С. 9; Емануилов Е. Истината за Освободителната война пред съда на Клио. Велико Търново, 2017. С. 5–6.

- ²⁹ Косев К., Дойнов Ст. Възкресението на България 1878 г. София, 1999; Косев К., Дойнов Ст. От Шипка и Плевен до Сан Стефано и Берлин. София, 2007; Пантев А., Глушков Хр. Европейски измерения на Освободителната война.
- ³⁰ Пантев А., Глушков Хр. Европейски измерения на Освободителната война. С. 43, 187.
- ³¹ Косев К., Дойнов Ст. Възкресението на България 1878 г.
- ³² Косев К., Дойнов Ст. От Шипка и Плевен до Сан Стефано и Берлин.
- ³³ Вълканов В. Русия, Черноморските проливи и България. Варна, 2016. С. 43.
- ³⁴ Емануилов Е. Истината за Освободителната война пред съда на Клио. Велико Търново, 2017.
- ³⁵ Там же. С. 5.
- ³⁶ Там же. С. 44.
- ³⁷ Там же. С. 71.
- ³⁸ Цветков Пл. «Освободители» или завоеватели (руските войски през 1877 г.)? // Аз Буки. София, 1999. № 9. С. 13; он же. Освобождение или национално обезличаване (Руско-турската война от 1877–1878 г.) // Демокрация. София, 2000. № 59. С. 26; он же. Целта на Русия е била да завладее всички български земи // Детонация. София, 2005. № 5. С. 18; он же. Сан Стефано (1878) — освобождение или ново заробване? // Про и анти. София, 2008. № 9. С. 1; он же. Сан Стефано като самоубийство // Седем. София, 2008. № 10. С. 3; он же. Санстефанският мит // Про и анти. 2009. № 9. С. 1; он же. Санстефанският мит — една трайна манипулация // Известия на българската орда. 2005. № 1. С. 30; Конференция на тема: «Ролята на Русия при Освобождението на България». София, 1 март 2004 г. Стенографски протокол. София, 2004. С. 6–17.
- ³⁹ Конференция на тема: «Ролята на Русия при Освобождението на България». С. 13–15.
- ⁴⁰ Там же. С. 16.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Гочев Я. Трябва да знаем истината за политиката на Русия на Балканите // Про и Анти. 2008. № 43. С. 8.
- ⁴³ Он же. Руската империя срещу България. София, 2006. С. 123, 131, 148.
- ⁴⁴ Инджев И. Измамата Сан Стефано. Руско-турската поробителна война. София, 2018.
- ⁴⁵ Раковски Г. Преселение в Русия или руската убийствена политика за българите. София, 1886.
- ⁴⁶ <https://news.bg/politics/iskat-izvinenie-ot-plevneliev-za-falshifitsirane-na-levski.html> (24.01.2019).
- ⁴⁷ <https://frognews.bg/novini/treti-mart-platihme-krav-zlato-osvobojudenieto.html> (24.01.2019).
- ⁴⁸ Гочев Я. Убийството на Васил Левски. Виновниците. София, 2016. С. 593–603.
- ⁴⁹ Там же. С. 629–630.
- ⁵⁰ Изгнатиев Н. Записки 1875–1878 г. /Составител Иван Илчев/. София, 1986.
- ⁵¹ Христов Хр. Освобождението на България и западните държави. С. 53–54.
- ⁵² См., напр.: Семерджиев П. Руската империя и Съветският съюз в съдбата на България. Т. 1. Йерусалим, 2001. С. 208, 213.
- ⁵³ История на българите. Т.5 Военна история. София, 2007. С. 322.
- ⁵⁴ Сборник договори на Русия с другите държави 1856–1917. М., 1952. С. 146.

Празднование 140-летия русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в контексте болгаро-российских отношений 2007–2018 гг.*

Аннотация:

Рассматривая юбилеи как составной элемент «исторической политики» государства и ее производной — политики памяти, а также как инструмент формирования идентичности болгарского общества, автор анализирует празднования в Болгарии 130-летия (2008 г.), 135-летия (2013 г.) и 140-летия (2018 г.) русско-турецкой войны 1877–1878 гг. как национальные мероприятия. В статье показано, как на протяжении 1991–2018 гг. оформлялась современная официальная интерпретация национального праздника 3 марта, каковы позиции ученых-историков и содержание дискуссий экспертов. Особое внимание уделено трем международным научным конференциям по случаю Освобождения страны (2008–2018 гг.). В статье делается вывод о том, что рассматриваемые юбилеи отражают политику памяти, проводимую официальной Болгарией, с учетом разных этапов развития болгаро-российских отношений (нормализация, охлаждение, застой), и стремление властей не допустить откровенной русофобии.

Ключевые слова:

юбилеи, 3 марта, Россия, Болгария, историческая память, идентичность, русско-турецкая война 1877–1878 гг.

*Iliyana
ATANASOVA (MARCHEVA)*

Celebration the 140th anniversary of the Russo-Turkish liberation war of 1877–1878 in the context of Bulgaria-Russia relations 2007–2018

Abstract:

Considering anniversaries as part of the so-called «politics of memory» executed by the state which in fact is a tool used to construct Bulgarian identity, the

* Статья подготовлена при финансовой поддержке болгарского Фонда научных исследований, проект ДНТС/Россия/02/17- «Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность)».

author analyses three celebrations, i.e. the 130th (2008), the 135th (2013) and the 140th (2018) anniversaries of the end of the Russo-Turkish war of 1877–1878 that took place in Bulgaria in the form of national events. The article shows gradual formation of the official interpretation of ‘March 3rd’ that proceeded from 1991 to 2018 as well as attitudes of historians and expert discussions’ contents. Special attention is paid to the three international conferences devoted to Liberation of Bulgaria that took place in 2008–2018. It is concluded that the anniversaries in question reflect the official «politics of memory» exercised in Bulgaria taking into account all stages of modern Bulgaria-Russia relations (normalization, cooling, stagnation) and the authorities’ desire not to come down to outspoken Russophobia.

Key words:

anniversary, March the 3rd, Russia, Bulgaria, historical memory, identity, Russo-Turkish War of 1877–1878.

Юбилеи, рассматриваемые как совокупность официальных мероприятий по конкретным поводам, являются собой определенные послания обществу и миру, содержание и значение которых не всегда однозначно определенное. «Разгадка» возможна, если оценивать данные мероприятия (в соответствии с постмодернистскими тенденциями в историографии) как *социальный конструкт*. При таком подходе юбилеи являются собой инструмент и элемент официальной «исторической политики» и ее производной — политики памяти. Ее важная задача состоит в том, чтобы интерпретировать историческое событие в интересах формирования необходимой власти идентичности общества, личности и государства. С таких позиций в предлагаемой вниманию читателя статье предпринят анализ празднования в Болгарии в 2018 г. 140-летия русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (РТВ) в контексте болгаро-российских отношений на современном этапе.

Официальное празднование «Освобождения Болгарии от османского ига» берет свое начало 3 марта (19 февраля по ст. стилю) 1888 г. Спустя 60 с лишним лет, в 1950 г., эта дата была объявлена «шовинистическим» праздником и исключена из перечня национальных чествований. Официальным праздник был объявлен вновь в 1978 г., но одновременно — в связи со 100-летием окончания войны, а затем еще один раз — постановлением Июльского пленума ЦК БКП (1987 г.) по случаю 110-летия начала войны. Главным национальным праздником по-прежнему оставалось 9 сентября — в тот день в 1944 г. к власти пришла

коалиция левых сил, и входившая в ее состав коммунистическая партия начала борьбу за властную монополию¹. Такое положение сохранялось до 1991 г., несмотря на наступившие в стране перемены после отстранения в 1989 г. от власти прежнего партийного и государственного лидера Тодора Живкова. Функционировавшие вплоть до «нежной революции» в Болгарии* старые коммунистические органы власти, отказавшись от коммунистической символики во имя национальной, не спешили решать вопрос о новом национальном празднике и ограничивались эпизодическими полумерами. Так, в 1990 г. по решениям Государственного совета НРБ и Народного собрания 9-го созыва, принятым в феврале–марте, день 3 марта был отпразднован в национальном масштабе. Но очередное коалиционное правительство Димитра Попова (22 декабря 1990 г.– 8 ноября 1991 г.), в состав которого впервые вошла антикоммунистическая оппозиция — Союз демократических сил (СДС), не изменило дату национального праздника. И только 3 марта 1991 г., впервые после длительного перерыва, *«День Освобождения Болгарии от османского ига»* отметили в стране как *национальный праздник*².

В условиях геополитического разрыва Республики Болгария (провозглашена 15 ноября 1990 г.), заявившей о своем «пути в Европу», с преемницей Советского Союза Российской Федерацией признание 3 марта национальным праздником сразу же вызвало критику в болгарском обществе. Оперирова политическими и историческими аргументами, свое отрицательное отношение выражали настроенные антикоммунистически политики правого спектра, часть ученых и журналистов, в основном из этих же политических кругов. Для них подобный праздник, сопровождавшийся естественным выражением признательности болгар России за Освобождение и восстановление их государственности, диссонировал с *«новым цивилизационным выбором»*. Президент Республики Болгария Петр Стоянов, вступая 22 января 1997 г. в должность, так определил этот выбор: путем вхождения в НАТО и ЕС Болгария стремится стать европейской страной³.

* «Нежная революция» — процесс ликвидации коммунистического режима в Болгарии, начатый смещением со своих постов 10 ноября 1989 г. руководителя страны Т. Живкова (прим. ред.).

В 1991–2007 гг. проводимая в стране политика памяти была направлена на формирование новой цивилизационной идентичности. Предполагалось преодолеть коммунистическое наследие, в том числе особенно близкие отношения между СССР и Болгарией. В демонстрации этой близости болгарские коммунистические руководители подчас доходили до сервизма и самоунижения. Но в указанные годы начинает поднимать голову и русофобия, а праздник 3 марта и РТВ оказываются весьма подходящими событиями для ее внедрения в болгарское общество⁴. Отношение общества к подписанному 3 марта 1878 г. Сан-Стефанскому мирному договору (или, точнее, невозможность осуществления идеала Сан-Стефанской Болгарии) разделяло болгарское общество еще в XIX в., когда формировались политические партии, чей внешнеполитический курс обуславливался их отношением к России. В зависимости от этого они подразделялись на русофильские и русофобские⁵.

Политика памяти, утверждающая отрицательные коннотации в отношении РТВ и 3 марта, также реализуется посредством уточнения текстов в учебниках истории и публикаций в прессе о «другом лице» войны, отражавшем страдания убогавших из Болгарии турок, и о «Янусовом лице» героев — европейского воспитанника Османа-паши и преследователя «кавказцев» генерала Скобелева⁶. Некоторые историки поднимают вопрос о необходимости для болгарской науки преодолеть «наше предубеждение, что русские солдаты всегда хорошие, а турки — всегда плохие»⁷.

Ученые не ушли от ответа на поставленный в СМИ вопрос: «Должна ли эта дата [3 марта. — Ред.] быть нашим национальным праздником?». Одним из ведущих историков, противников 3 марта как даты болгарского освобождения, являлся покойный проф. Пламен Цветков. Еще в начале 1990-х годов он обосновывал свою позицию, указывая на неучастие болгар в войне, наличие оккупационного режима в стране и фиктивный характер Сан-Стефанского мирного договора и подчеркивая, что реально Болгария появилась на карте Европы лишь в результате Берлинского конгресса. По мнению Цветкова, графа Н.П. Игнатьева, автора Сан-Стефанского мира, следует считать «болгароедом», желавшим объединить славян под эгидой России на руинах Авст-

рии и Турции⁸. Ученый предлагал отмечать 3 марта как дату подписания в 1918 г. Брест-Литовского мирного сепаратного договора, поскольку тогда Болгария находилась в стане победителей — Германии, Австро-Венгрии и Турции. *«Этот договор является признанием болгарского подвига в Добрудже, перекрывшего дорогу русским в Царьград и обеспечившего выживание болгарскому государству»*, — утверждал Цветков⁹.

Другие оппоненты, в частности, проф. Петко Ст. Петков в 2005 г., обосновывали свое негативное отношение, подчеркивая, что 3 марта 1878 г. был заключен лишь прелиминарный, т.е. необязательный договор между Россией и Турцией, который не был реализован, а в то же время предполагал передачу болгарских территорий Румынии и Сербии. Более того, договором предусматривалась двухлетняя русская оккупация Болгарии. В самой войне болгары не принимали участие. Не отрицая освободительного характера РТВ и героизма русских солдат, Петков констатировал: *«множество оснований сомневаться в знаковом характере даты 3 марта, с которой мы связываем освобождение болгар от османского ига»*. Положительные коннотации этой дате придали, в сущности, решения Берлинского конгресса, который, однако, расчленил национальную территорию. В силу этого, считает Петков, необходимо искать начальную дату освобождения, могущую стать национальным праздником. Таковой ученому видится 20 апреля, день начала Апрельского восстания 1876 г. Именно это событие, по мнению тырновского профессора, положило начало болгарскому Освобождению, поскольку героизм и страдания апрельских повстанцев явились поводом к войне¹⁰.

Дата 3 марта как национальный праздник подвергается сомнению видными историками в публичном пространстве, где формируется общественное мнение. Практически с самого начала перехода к демократии их научные поиски находят отражение в учебниках и формируют мировоззрение будущих поколений болгарских граждан. Но в отличие от исследований и даже публичных дебатов, где у индивидов есть свобода дискутировать и отстаивать свою точку зрения, учебники с введенными в них программами представляют официальную историю и содержат знание-норму, предназначенную для учащихся в дисциплинар-

ном порядке. В учебниках, изданных в 1993–2000 гг., а также в указаниях Министерства образования о содержании учебников заложены *«стратегии, дающие преимущество европейской ориентации, воспринимаемой главным образом как средство “отталкивания” от бывшего Советского Союза и как способ преодоления славянофильства, длительное время считавшегося идеологическим препятствием для формирования западноевропейской (подчеркнуто мной. — И. М.) идентичности»*¹¹.

В 1999 г. фактически начинается новая эра, происходит окончательный слом послевоенного биполярного мира с его системой взаимных сдержек. В этих условиях строители «новой Европы» понимают, что необходимо формировать общую европейскую культурную идентичность. Ситуация чревата конфронтацией, но в Брюсселе всё еще колеблются, кого сделать общим врагом, способным объединить все страны континента так же, как Запад был объединен против коммунизма и СССР во время холодной войны. Рассматриваются «кандидатуры» России, Евразии и исламского мира¹². Таким образом, в конце 1990-х годов русофобия как иной вариант паневропейской идентичности не была четко выражена, несмотря на то, что находилась в фокусе внимания всех неправительственных организаций переходного периода, наряду с распространением либерализма и демократии¹³.

После 2007 г., по мере ухудшения отношений между Россией, с одной стороны, и ЕС и США, с другой, в связи с военным и геополитическим противостоянием между ними, Россия становится в глазах западного мира признанным врагом, противостоящим ЕС и НАТО, лояльным членом которых является Болгария. Очевидно, что новый цивилизационный выбор Болгарии противоречит установлению национального праздника, тесно связанного с Россией. Анализ торжеств по случаю юбилеев РТВ и празднования 3 марта после 2007 г. — 130-летие, 135-летие и 140-летие — наглядно демонстрирует официальную политику памяти, с помощью которой болгарское руководство стремится формировать общественное мнение в собственной стране и в то же время адресовать свои установки как России, так и ЕС.

Каковы общие моменты в праздновании этих годовщин? Созданы Национальные инициативные комитеты с участием из-

вестных политиков, общественных деятелей, ученых и представителей творческой интеллигенции, которые каким-либо образом связаны с Россией. Разрабатываются национальные программы празднований, в которых преобладают традиционные мероприятия — издание книг, организация выставок, открытие мемориальных досок или памятников¹⁴, проведение конференций, торжественный концерт, парад перед парламентом и возложение цветов на Шипке высшими должностными лицами.

Эта общая схема, взятая из сведений о Программе празднований 140-летия в 2018 г. и о проведенных мероприятиях в 2013 г. и 2008 г., демонстрирует и характерные различия, в которых отражается состояние и «температура» болгаро-российских отношений.

В 2008 г. Национальный комитет действует под патронажем президента РБ Георгия Пырванова. Возглавляет комитет министр культуры Стефан Данаилов, что свидетельствует о вовлечении исполнительной власти в организацию торжеств. Почетный гость — президент России, который в январе 2008 г., наряду с подписанием трех крупных проектов в сфере энергетики (нефтепровод Бургас — Александрополис, газопровод «Южный поток» и строительство второй АЭС «Белене»), открывает вместе с президентом Пырвановым торжества и объявляет 2008 год «Годом России в Болгарии». Следующий, 2009 год, будет объявлен «Годом Болгарии в России».

Юбилей 2013 г. пришелся на период нахождения у власти (с 2009 г.) партии ГЕРБ (Граждане за европейское развитие Болгарии), лояльного члена ЕНП (Европейской народной партии). Национальный комитет находился под патронажем председателя Народного собрания Цецки Цачевой, и не президент страны или исполнительная власть, а парламент инициировал создание этого комитета. Его возглавил депутат от Болгарской социалистической партии (БСП), авторитетный профессор-историк Андрей Пантев. Его позиция: *«Любое современное государство празднует ту дату, когда оно появилось на карте Европы»*, и в этом смысле с помощью РТВ *«Россия реализует европейскую идею, соответствующую идеалам XIX века и современного национализма»*¹⁵. Глава парламента не наделен внешнеполитическими

представительскими функциями, имеющимися у президента, и это говорит об ориентации праздника на болгарскую общественность. Кроме того, в своем праздничном обращении президент Росен Плевнелиев заявляет что «Третье марта — это святой национальный праздник, день, когда мы выражаем свою признательность жертвам, принесенным русскими воинами, а также финскими, румынскими, польскими, как и воинами многих других стран, отдавшими свою жизнь за Освобождение Болгарии»¹⁶. Упоминание русских солдат — это прорыв, так как в предыдущем Обращении Плевнелиева в 2012 г. слов «русский» и «Россия» вообще не было¹⁷. В духе выступления президента на юбилейные мероприятия были приглашены делегации парламентских групп дружбы из России, Финляндии, Украины, Беларуси, Румынии и «других стран, внесших вклад в Освобождение Болгарии», как указывалось на сайте парламента¹⁸.

Вследствие украинского кризиса зимы 2013–2014 гг. антагонизм между ЕС и Россией усиливается. Русофобия становится объединяющей идеологией ЕС, начинается гибридная война* против российского влияния на континенте. Обострение отношений между ЕС и Россией негативно отражается на двусторонних отношениях. Подтверждением последующей деградации становится провал трех болгарско-российских проектов в области энергетики, а также участие Болгарии в режиме санкций ЕС против России в связи с присоединением Крыма в 2014 г.¹⁹.

В 2015 г., когда антироссийские настроения в ЕС достигают своего пика, а в Болгарии у власти вместе с партией ГЕРБ находятся правая, христианско-демократическая и русофобская коалиция «Реформаторский блок» и либеральная социал-демократическая партия АБВ («Альтернатива — болгарское возрождение») бывшего президента-социалиста Георгия Пырванова, президент Плевнелиев в речи по случаю праздника 3 марта подчеркивает: «В этот день мы едины в нашей признательности и почитании тысяч русских воинов и добровольцев — представителей многих других народов: румын, финнов, поляков, украинцев, сербов,

* Гибридная война — подавление политического оппонента без классического военного вторжения; комбинация разного рода подрывных средств и манипуляций в политической, идеологической и других сферах (прим. ред.)

черногорцев, эстонцев, литовцев, латышей и других воинов, погибших в освободительной для болгар Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Их подвиг не будет забыт, и болгарский народ всегда будет преклоняться перед их самопожертвованием!»²⁰. Фактически сформулирована модель выражения благодарности болгар своим освободителям.

140-летие РТВ отмечалось в 2018 г., когда у власти снова находится ГЕРБ, на сей раз вместе с коалицией «Объединенные патриоты», придерживающейся националистической риторики. Русофобия уже считается в болгарском обществе признаком хорошего тона. В одном из интервью журналист Болгарского национального радио (БНР) Петр Волгин заметил, что говорить что-либо хорошее о России, независимо от темы разговора, неполиткорректно²¹. Более того, в 2016 г. Россия в национальной оборонной доктрине Болгарии названа врагом в возможной будущей войне²².

Тем не менее, все перечисленные выше элементы предыдущих юбилеев повторились и в 2018 г. Национальный инициативный комитет снова действует под эгидой болгарского президента, а программа, которую он готовит, называется «*Болгария помнит*». Председателями являются известные интеллектуалы — проф. Андрей Пантев и глава Болгарской академии наук акад. Юлиан Ревальский. 28 августа и 14 ноября 2017 г., в канун юбилея, открыты две мемориальные доски ген. Николаю Столетову, командующему Болгарским ополчением, на столичном бульваре, носящем его имя, и на фасаде 5-й городской многопрофильной больницы, расположенной на том же бульваре (№ 67)²³. Российский президент был приглашен на торжества еще в 2017 г., но из-за предстоящих в 2018 г. выборов он отклонил приглашение, и вместо него в качестве высокого гостя в Болгарию прибыл председатель Русской православной церкви патриарх Кирилл. Хотя его официальный визит состоялся по приглашению Св. Синода БПЦ, но 2 марта в аэропорту патриарха с государственными почестями встретила вице-президент Болгарии Илияна Йотова. 4 марта патриарха Кирилла приняли президент, а также премьер-министр. Налицо — признаки юбилея 2008 г., что говорит о намерении болгарской стороны поднять уровень праздника и предпринять шаги по улучшению двусторонних отношений.

Вместе с тем празднование 140-летия сопровождалось чередой болгаро-русских дипломатических и общественных скандалов. Поводом явилось *Слово* президента Болгарии Румена Радева, вызвавшее цепную реакцию. В своей речи 3 марта 2018 г. болгарский президент очень четко перечислил тех, кого чтит болгарское общество. От его имени он дал обещание, что Болгария будет помнить подвиг участников Апрельского восстания 1876 г., кровавое подавление которого вызвало возмущение и искреннее сочувствие Виктора Гюго и других европейцев; будет помнить благородный *«братский порыв русского общества, который доказал, что православные болгары не одиноки»*, а также объявление императором Александром II войны Турции во имя справедливости и русского достоинства. Вместе с тем, в соответствии с уже утвердившейся «формулой» Радев выразил уважение и почтил память *«воинов многих народов: русских, румын, финнов, украинцев, белорусов, поляков, литовцев, сербов и черногорцев»*. *«Для всех них, — подчеркнул президент, — Болгария стала последним домом, и мы чтим их как своих героев»*²⁴.

Премьер-министр Бойко Борисов, в свою очередь, направил письма премьер-министрам Польши, Финляндии, Черногории, Румынии, Украины и Молдовы с выражением благодарности *«за участие их соотечественников в русско-турецкой освободительной войне 1877–1878 гг.»*²⁵.

*Позиция официальных болгарских властей вызвала острую реакцию патриарха Кирилла, причем дважды. 4 марта во время встречи с президентом он выразил свое разочарование «неправильной исторической интерпретацией событий, связанных с освобождением Болгарии», имея в виду «все эти ссылки на участие других стран в освобождении... Ни Польский сейм, ни Литовский сейм не принимали участия в решении о начале войны с Османской империей»*²⁶. В тот же день в софийском аэропорту перед представителями средств массовой информации патриарх заявил: *«Меня огорчило то, что по официальной риторике представителей государства наравне с Россией, оказывается, ту же самую роль в освобождении Болгарии играли Польша, Литва, Финляндия. ...Никакой политкорректностью нельзя оправдать ложную историческую интерпретацию»*²⁷.

Более того, Русская православная церковь предоставила запись встречи президента 4 марта, чтобы информировать болгарскую и российскую общественность об испытанном патриархом, и, весьма вероятно, и официальной Москвой, чувстве «огорчения». Но таким образом возник внешнеполитический скандал с внутривосточным оттенком. Скандал фактически свел на нет важные констатации патриарха Кирилла об огромном цивилизационном вкладе Болгарии, сделанные в начале визита. Ведь еще 2 марта 2018 г., прибыв в Софию, патриарх в своем заявлении впервые открыто признал решающую и первостепенную роль Болгарии в распространении славянской письменности и православия в России. И во время войны «десятки тысяч русских воинов... вернули братьям-болгарам этот великий исторический долг». *«Без болгарского Православия не было бы и русского Православия...»*, — подчеркнул патриарх, — *потому что через болгарское Православие русский народ получил основы православной веры на родном славянском языке»*²⁸. Прежде патриарх делал подобное признание лишь перед болгарскими официальными лицами, в частности, перед болгарским президентом Плевнелиевым во время своего первого визита в Софию 29 апреля 2012 г., о чем упоминает в фейсбуке министр иностранных дел и бывший главный секретарь Плевнелиева²⁹. Таким образом, как утверждают аналитики³⁰, в 2018 г. патриарх косвенно принес свои извинения болгарскому обществу за слова российского президента В.В. Путина 24 мая 2017 г. Тогда, выступая по случаю присуждения президенту Македонии Гёрге Иванову международной премии им. Святейшего Патриарха Всея Руси Алексия II* за 2016 год, Путин заявил, что славянская письменность пришла в Россию *«из македонской земли»*. В болгарском обществе сказанное было воспринято как «бестактность» или «глупость», а у политиков и общественных деятелей вызвало острую реакцию³¹.

Заявления патриарха Кирилла также сопровождалось обвинениями и нападками на него как на *«второсортного агента*

* Точное название премии — «За выдающуюся деятельность по укреплению единства православных народов. За утверждение и продвижение христианских ценностей в жизни общества». Учреждена Международным фондом единства православных народов, руководителем Попечительского совета которого вплоть до своей кончины в 2008 г. был патриарх Алексий II (прим. ред.).

советского КГБ» — со стороны болгарского вице-преьера Валерия Симеонова из коалиции «Объединенные патриоты». Резко отреагировали на слова патриарха и ведущие болгарские журналисты, эксперты и ученые, часто, между прочим, критикуемые за русофильство³². Обвинения и упреки посыпались и на «неблагодарных болгар» со стороны российских журналистов и экспертов, например, в популярной передаче Владимира Соловьева на канале «Россия 1» государственного телевидения 6 марта 2018 г. Обсуждалась тема «Почему Болгария забыла “русскую кровь”»³³.

В то же время правящая партия ГЕРБ обвинила Радева в неспособности защитить «национальные интересы» от претензий патриарха и потребовала от канцелярии президента опубликовать ответ главы государства. Когда выяснилось, что стенографической записи беседы нет, раздались голоса даже об импичменте президента. Из канцелярии президента сообщили, что российская видеозапись не зафиксировала именно ответ Радева, в котором тот изложил болгарскую «формулу» благодарности: «... так же, как Церковь борется за душу каждого человека, так и мы чтим память каждого воина, сражавшегося в русской армии под знаменами императора Александра II и погибшего за болгарскую свободу, независимо от его народности. Что касается Освобождения, то оно явилось результатом Русско-турецкой войны, и Болгария признательна России»³⁴. Поскольку упреки не прекращались³⁵, 29 марта 2018 г. Св. Синод РПЦ был вынужден продемонстрировать аудиозапись встречи, сделанную с личного телефона протоиерея Николая Георгиева, отвечающего в Московской патриархии за связи с общественностью, которая была передана в СМИ «из-за непрерывного интереса многих»³⁶.

Кроме того, президента обвиняли в нарушении первоначального сценария празднования: после принятия военного парада он поднялся на Шипкинский перевал к памятнику Свободе, хотя по предварительной договоренности туда должна была отправиться председатель Народного собрания Цвета Караянчева. В результате на Шипке она была освистана собравшейся на вершине Столетова толпой³⁷. Вероятная причина обструкции — отсутствие Караянчевой и премьер-министра Бойко Борисова на приеме у президента по случаю праздника.

Из сказанного выше ясно, что организация юбилея в 2018 г. явилась попыткой повысить уровень отношений между двумя странами. Но, в отличие от 2008 г. и 2013 г., новый президент не связан с правящей коалицией, и между ним и исполнительной властью существуют соперничество и напряженность. После вмешательства гостя из России они усилились, и вместо улучшения дело доходит до скандалов и обострения отношений.

Публичные скандалы несколько заслонили роль торжеств 3 марта как важной составляющей официальной политики памяти. Вот почему более определенно перемены в организации и самом подходе к празднику наблюдаются во время проведения международных научных конференций в связи со 140-летием РТВ, особенно если сравнивать их с форумами 2008 и 2013 гг. Сравнение позволяет зафиксировать перемены в интерпретации войны и освобождения болгар профессиональными историками, которые своими докладами на научных форумах, статьями, интервью и публикациями в СМИ формируют общественное мнение и влияют, прямо или косвенно, на умы граждан и политиков. Будучи участницей тех событий, я одновременно испытываю и облегчение, и трудности при попытках их проанализировать. Но рискну посмотреть на наши научные усилия как сторонний наблюдатель. Остановлюсь на трех больших международных конференциях, которые явились частью Национальных юбилейных программ, то есть получили официальное разрешение на проведение, а не представляют собой любительские и независимые научные форумы, на их названиях, составе участников, местах проведения и результатах.

С 28 февраля по 1 марта 2008 г. в Гранд-отеле «София» состоялась большая болгаро-российская конференция «Болгария и Россия между признательностью и прагматизмом». Ее организаторы — Институт истории БАН и неправительственная организация «Форум Болгария-Россия». Участвовали 70 специалистов из Болгарии и 23 — из России. Гостей и организаторов приветствовали президент Болгарии Г. Пырванов и посол России А.В. Потапов. В программе конференции значились два «круглых стола»: «Рождение современного болгарского государства и Россия (1878–1934)» и «Болгария и Советская Россия/СССР в системе

международных отношений. Узловые события XX века и общественное мнение в Болгарии и России». Доклады опубликованы в 2009 г.* Очевиден традиционный исследовательский ракурс: основной акцент сделан на двусторонних отношениях, рассматриваемых как баланс между признательностью и прагматизмом. Такой подход полностью соответствовал высокому уровню болгаро-российских отношений в 2008 г.³⁸.

Во время 135-летнего юбилея большая международная конференция (27 февраля — 1 марта 2013 г.) проводилась на базе Софийского университета (СУ) и БАН. Основными организаторами являлись Институт исторических исследований БАН, «Форум Болгария–Россия» и Исторический факультет СУ, представленный евразийским центром «VIA EVRASIA/ ВИА ЕВРАЗИЯ». Конференция носила интригующее название: «135 лет спустя: Болгария — Россия — Евразия». В программе уточнялось, что конференция проводится «по поводу 135-й годовщины Русско-турецкой Освободительной Войны (1877–1878)». С приветствиями выступили посол России Ю.Н. Исаков, председатель Национального комитета проф. Андрей Пантев, а также ряд ведущих болгарских и российских историков. Со стороны хозяев, однако, участников конференции приветствовали заместитель ректора СУ проф. Атанас Герджиков, а не сам ректор Иван Илчев, и ученый секретарь БАН по гуманитарным наукам доц. Йоанна Спасова. Сразу же бросается в глаза их более низкий ранг как организаторов мероприятия. Не прозвучало и приветствие патрона торжеств — главы парламента Цецки Цачевой. Примечательно отсутствие в названии конференции слова «война», хотя число 135 названо. Евразия включена как регион, в котором велась эта война. Таким образом, организаторы пошли по пути расширения представлений о войне и ее геополитическом значении с учетом современных реалий — создания Евразийского союза. На это намекает слово «спустя». Россия и Болгария, однако, представлены в названии как субъект и результат войны. Участие в научном мероприятии приняли 89 ученых, в основном из России и Болга-

* См.: Международна научна конференция «България и Русия между признателността и прагматизма». Доклади. София, март 2008 / Отговорен редактор акад. Георги Марков. София: Печатница на Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2009 (прим. ред.).

рии, а также коллеги из Украины и Казахстана. Основные темы докладов — традиционные: «Война 1877–1878 гг.», «Политика России на Балканах до войны», «Советская политика в Болгарии и Восточной Европе», «Русская эмиграция в Болгарии». Появляются и новые темы — «Россия и Кавказ XVIII–XX вв.» и «Россия–Болгария–Евразия в XXI в.». По сравнению с предыдущей конференцией, болгаро-российские отношения вписаны в более широкий геополитический и хронологический контекст. Однако неудачное стечение обстоятельств, впрочем, символизировавшее официальную политику сдержанности в болгаро-российских отношениях и оценках памяти о войне, стало причиной, по которой из-за финансовых скандалов Фонд «Научные исследования» не выделил средств на издание сборника статей и материалов конференции.

В 2018 г. проводится ряд научных конференций, о чем свидетельствует сайт «Национальная программа торжеств в связи с 140-летием Русско-турецкой освободительной войны (1877–1878) и восстановлением болгарской государственности». В их числе конференция, организованная фондом «Славяне», совместно с русскими и болгарскими общественными и научными организациями, состоявшаяся в БАН 27–28 января на тему «Русско-турецкая освободительная война (1877–1878) и восстановление болгарской государственности. Балканы и Россия: 140 лет спустя. Историческое значение, геополитические последствия и актуальные измерения»; конференция «140 лет со дня Освобождения Болгарии. Возвращение Болгарии в Европу», проведенная в БАН Институтом исследований обществ и знаний 1 марта; конференция «Уроки истории. 140 лет со дня Русско-турецкой войны», прошедшая 2 марта в Военной академии³⁹. Но основной упор на веб-сайте Программы был сделан на конференции, организованной историческим факультетом Софийского университета (ИФ СУ). По всей видимости, именно ее организаторы сочли наиболее представительной⁴⁰. Поэтому я уделю ей особое внимание.

Конференция была полностью организована силами ИФ СУ в лице Инициативного комитета. В его составе — один из ведущих национальных историков, чл.-корр. БАН, проф. Иван Илчев (руководитель) и известные специалисты по истории болгарского

Возрождения и России в XIX в. Тема конференции — «Балканы и Европа во время Восточного кризиса (1875–1881 гг.)» — отразила весьма отвлеченную связь с юбилеем. Выпали не только война, Болгария и Россия, не указаны даже юбилейные даты. Ученым было предложено рассматривать войну не в болгаро-русском, а в более широком контексте, а именно в европейском и балканском — как часть Восточного кризиса и его влияния на весь Балканский полуостров. Об этих намерениях свидетельствуют и тематические секции конференции. Их семь: Балканские общества накануне войны; Европейское общественное мнение и Восточный кризис; Высокая Порта, реформы и Восточный вопрос; Болгария, Балканы и мир; Война; На пути к новому международному порядку; Память о войне. Еще одной важной отличительной чертой конференции явилось участие в ней ученых из России, Болгарии, Сербии, Турции, Молдовы, Беларуси, Украины, Финляндии. Такой состав участников отразил научную концепцию организаторов и утвердившуюся традицию чествовать память народов, воевавших в рядах русской армии⁴¹. Сборник докладов вышел в 2019 г.*

Всё это говорит о новом подходе к РТВ и ее итогам. Он выражается в подчеркнутой политкорректности и строгом академизме организаторов и участников, их стремлении избегать прямой полемики о роли России, вписав РТВ в общеевропейский контекст, демонстрирует восприятие болгарскими учеными европейских ценностей толерантности, поиска общего, того, что объединяет, а не разъединяет в различных «национальных версиях» событий. Они также приняли модель празднования, установленную болгарскими политиками.

Такой подход к празднованию юбилеев всё более утверждается в болгарской научной жизни. Примером может служить чествование в 2014 г. 1000-летия со дня кончины царя Самуила (997–1014 гг.) — трагической фигуры национальной истории, на правление которого выпала постоянная борьба в защиту независимости болгарского государства от Византии. К сожалению, вскоре после его смерти Болгария была завоевана своей южной

* См.: Балканите и Европа в Източната криза 1875–1881 г. София: Университетско издателство «Св. Климент Орхидски», 2019.

соседкой, наследницей которой считается современная Греция. На Самуила «претендуют» и македонские историки, рассматривая его как родоначальника македонского государства. Очевидно, что чествование выдающейся фигуры болгарской средневековой истории — весьма деликатный вопрос с точки зрения современных болгаро-балканских отношений. Поэтому представительная научная конференция в БАН при участии 65 ученых из Европы и США, организованная Комитетом во главе с акад. В. Гюзелевым, прошла под названием «Европейский Юго-Восток во второй половине X — начале XI века. История и культура»⁴². Одноименный сборник докладов увидел свет в 2015 г.*

Новый подход преодолевает традиционный, в известной степени парадный, стиль подобных юбилеев, как и их двусторонний характер. Расширяются география и тематика, теряет значение оппозиция «враг–герой», а также идея о ведущей роли России. Война предстает как часть европейской истории, но без реализации высказанного в 2013 г. предложения проф. Андрея Пантева рассматривать войну и дату 3 марта в более широком европейском контексте — с точки зрения образования национальных государств в XIX в. Освобождение рассматривается в более скромных географических границах европейского Юго-Востока. Таким образом, с помощью региональной истории формируется европейская идентичность.

В праздновании 3 марта со всеми отмеченными в указанные годы различиями прослеживается подобная тенденция: признательность за Освобождение выражается не только России, но и государствам, чьи представители сражались в ее армии. И такой подход соответствует нормальным отношениям, которые уже сложились между двумя странами. Так болгарское государство выражает полную эмансипацию от своей русской освободительницы. Данная позиция впервые в 2018 г. встретила открытую реакцию со стороны российской власти в лице патриарха. Это свидетельствует о том, что и Москва уже не смотрит на Болгарию снисходительно, как на «младшую сестру». Для установления

* См.: Европейският Югоизток през втората половина на X — началото на XI в. История и култура. (Международна научна конференция. София, 6–8 октомври 2104 г.) / Съставители Васил Гюзелев, Георги Н. Николов. София: Военно издателство, 2015.

таких очищенных от сентиментальности болгаро-российских отношений, бесспорное значение имеет и внешнеполитическая ориентация Болгарии. Страна, как лояльный член ЕС и НАТО, следует их внешнеполитическому курсу, который на данном этапе подчеркнута антироссийский. Тем не менее, в данных условиях, посредством организации юбилея в 2018 г., Болгария стремится утвердить в обществе европейскую идентичность, а политики и ученые стараются, чтобы осуществление этой задачи не происходило на откровенно русофобской основе.

Примечания

- ¹ България празнува! Честит 3-ти Март! Сдружение на югозападните общини. 03.03.2016 г.: <http://www.aswm.net/index.php/bg/news/item/47-balgariya-praznuva-chestit-3-ti-mart> (дата обращения: 7.01.2018).
- ² Държавен вестник. № 27. 5 април 1991 г.
- ³ Петър Стоянов: Като президент чувствах изключително силната подкрепа на българските граждани. БНР. Архив фонд. 22.01.2017 : <http://archives.bnr.bg/2795/petar-stoyanov-kato-prezident-chuvstvah-izklyuchitelno-silnata-podkrepa-na-balgarskite-grazhdani/> (дата обращения: 20.10.2018).
- ⁴ *Марчева Ил.* Българите в края на ХХ век — в търсене на нова идентичност. Сбогуване с Изтока // Проблемът Изток–Запад, съвременни измерения. София, 2004. С. 129.
- ⁵ *Илчев Ив.* Митът за Санстефанска България като «свещена крава» на българския национализъм // История. 1995. № 6. С. 60.
- ⁶ *Марчева Ил.* Българите в края на ХХ век. С. 136; *Илчев Ив.* Другата война. Янусовото лице на героите. Част II // Сега. 22 февруари 2003 г.
- ⁷ *Митев Пл.* Размисли върху Руско-турската Освободителна война (1877–1878) // История. 1994. № 2. С. 57.
- ⁸ *Въжарова М.* Проф. Пламен Цветков: 3 март не може да е националният празник на България. Това е по-скоро ден, поругаващ националното достойнство. Дебати.bg, 03.03.2018.: <https://debati.bg/prof-plamen-tsvetkov-3-mart-ne-mozhe-da-e-natsionalniat-praznik-na-balgaria-tova-e-po-skoro-den-porugavasht-natsionalnoto-dostoyinstvo/> (дата обращения: 29.10.2018).
- ⁹ Санстефанските митове и българските комплекси. Интервю на «Дойче веле» с проф. Пл. Цветков. Медианул, 03.03.2012: <https://www.mediapool.bg/sanstefanskite-mitove-i-balgarskite-kompleksi-news190243.html> (дата обращения: 29.10.2018).
- ¹⁰ *Петков П.* Българските национални празници и българския национален идеал // Електронно списание LiterNet. 17.11.2005. № 11 (72) https://litenet.bg/publish11/petko_petkov/bylgarskite.html (дата обращения: 29.10.2018).
- ¹¹ *Димитрова Сн.* Когато теорията на историята се мисли за излишна // Социологически проблеми. 2005. № 1–2. С. 125.
- ¹² *Ватова Ив.* Идентичност и култура в съвременния европейски контекст // Социологически проблеми. 2003. № 3–4. С. 262.
- ¹³ *Марчева И.* Болгаро-российские отношения в 1992–2013 г.: заметки и наблюдения // Российская и болгарская государственность: проблемы взаимодействия XIX–XXI вв. М., 2014. сноска 9. С. 339.

- ¹⁴ В центре столицы 28 августа 2008 г. был открыт памятник болгарским ополченцам, а 2 марта 2013 г. — бюст генерала И.В. Гурко.
- ¹⁵ Проф. Андрей Пантев: Ако престанем да почитаме Трети март, преставаме да бъдем народ с достойнство. Агенство «Фокус», 3 март 2013 г. :<http://www.focus-news.net/opinion/2013/03/03/23780/> (дата обращения: 7.01.2019).
- ¹⁶ Слово на президента Росен Плевнелиев по повод Националния празник на България — Трети март (2013): <https://www.president.bg/speeches-and-statements1075/slovo-na-prezidenta-rosen-plevneliev-na-tarzhestvenata-zarya-proverka-po-sluchay-natsionalniya-praznik-3.html> (дата обращения: 30.10.2018 г.).
- ¹⁷ Слово на президента Росен Плевнелиев по повод Националния празник на България — Трети март (2012): <https://dariknews.bg/novini/bylgariia/slovo-na-prezidenta-rosen-plevneliev-po-sluchaj-nacionalniq-praznik-3-mart-864620> (дата обращения: 30.10.2018 г.).
- ¹⁸ В Народното събрание беше учреден Национален инициативен комитет «135 години от Освобождението на България», 23.11.2012.: <http://www.parliament.bg/bg/news/ID/2530> (дата обращения: 30.10.2018 г.).
- ¹⁹ Бончева Ю. Борисов откри приятелски огън по САЩ // Сера. 13 ноември 2015 г.: <http://old.segabg.com/article.php?id=773466> (дата обращения: 5.01.2019 г.).
- ²⁰ Слово на президента Росен Плевнелиев по повод Националния празник на България — Трети март (2015): <https://www.president.bg/speeches-and-statements2457/slovo-na-prezidenta-rosen-plevneliev-na-tarzhestvenata-zarya-proverka-po-sluchay-natsionalniya-praznik-3-mart-i-137-godini-ot-osvobozhdenieto-na-balgariya.html> (дата обращения: 01.11. 2018 г.).
- ²¹ Петър Волгин: В България е проява на лош тон да говориш нещо хубаво за Русия. Альтернативен поглед. 31.10.2018: <http://pogled.info/tv/alternativen-pogled/petar-volgin-v-balgariya-e-proyava-na-losh-ton-da-govorish-neshto-hubavo-zarusiya.98618> (дата обращения: 2.11.2018 г.).
- ²² Колев К. Русия — основна заплаха за България? Гласове.15.09.2017: <http://glasove.com/categories/komentari/news/rusiya-osnovna-zaplaha-za-bylgariya> (дата обращения: 2.11. 2018 г.).
- ²³ Откриване на паметна плоча на ген. Николай Столетов: <http://pomnim.bg/otkrivane-na-pametna-plocha-na-gen-nikolay-stoletov> (дата обращения: 03.01. 2019 г.).
- ²⁴ Слово на президента Румен Радев по повод Националния празник на България — Трети март (2018): <https://www.president.bg/speeches-and-statements4285/slovo-na-prezidenta-rumen-radev-po-povod-natsionalniya-praznik-na-balgariya-treti-mart.html> (дата обращения: 30.10. 2018 г.).
- ²⁵ Борисов: Почитаме паметта на всички воители, загинали за свободата на България. БГНЕС, 3 март 2018: <https://dariknews.bg/novini/bylgariia/borisov-pochitame-pametna-na-vsichki-voiteli-zaginali-za-svobodata-na-bylgariia-2082421> (дата обращения: 5.11.2018).
- ²⁶ Банкова Е. Стенограмите: Какво са си говорили патриарх Кирил и президента Радев? // Дарикнюс, 29 март 2018: <https://dariknews.bg/novini/bylgariia/stenogramite-kakvo-sa-si-govorili-patriarh-kiril-i-prezidenta-radev-2087896> (дата обращения: 5.11.2018 г.).
- ²⁷ Московският патриарх се обиди, че почитаме и падналите за свободата ни поляци, литовци и финландци. OFFNews, 04.03.2018 г. : <https://offnews.bg/obshtestvo/moskovskiat-patriarh-se-obidi-che-pochitame-i-padnalite-za-svobodata-676075.html> (дата обращения: 5.11.2018).
- ²⁸ Константинов Ж. Патриарх Кирил: «Чрез българите русите са получили езика си», NOVA, 02.03.2018: <https://nova.bg/news/view/2018/03/02/208727/> (дата обращения: 5.11.2018).

- 29 Путин към Георги Иванов: Славянската писменост идва от македонската земя. NOVA, 24.05.2017 г.: <https://nova.bg/news/view/2017/05/24/183139> (дата обращения: 7.01.2019 г.).
- 30 Дърева В. Кому это выгодно? Защо руският патриарх атакува погрешния редут. Поглед.инфо, 13.03.2018: <http://pogled.info/avtorski/Velislava-Dareva/komu%D1%8Dto-v%D1%8Bgodno.93131> (дата обращения: 5.11.2018).
- 31 Посланикът отказва «Златен скункс» за думите на Путин за писмеността «от македонска земя», HASKOVONET, 25.05.2017: <http://www.haskovo.net/news/427882/Poslanikat-otkaza-%E2%80%9DZlaten-skunks%E2%80%9D-za-dumite-na-Putin-za-pismenostta--ot-makedonska-zemya> (дата обращения: 5.11.2018 г.).
- 32 Дърева В. Кому это выгодно? ; Боян Чуков: Не руският народ, а руската империя освободи България основно с благородни мотиви: <https://www.youtube.com/watch?v=dF6JE17KIVl>. Опубликовано 8.03.2018 г; Проф. Румяна Михнева: Патриарх Кирил даде сериозен коз в ръцете на българските русофоби. Епицентър, 08.03.2018: <http://epicenter.bg/article/Prof--Rumyana-Mihneva--Patriarh-Kiril-dade-seriozen-koz-v-ratsete-na-balgarskite-rusofobi-/148918/11/33>(дата обращения: 6.11.2018 г.).
- 33 Руско тв предаване: Българите са неблагодарници, а президентът им продажник // Архивна версия на в. Сера, 09.03.2018: <http://old.segabg.com/article.php?sid=2018030900019985043> (дата обращения: 5.11.2018 г.).
- 34 Президентството след видеото с патриарха: Признателни сме на всеки войн, загинал за свободата ни! Отговорът е вследствие на скандала около визитата на патриарх Кирил. BGN AIR, 7 март 2018: <https://www.bgonair.bg/bulgaria/2018-03-07/prezidentstvoto-sled-video-to-s-patriarha-priznatelni-sme-na-vseki-ruski-voyn-zaginal-za-svobodata-ni> (дата обращения: 6.11.2018 г.).
- 35 Президентството пред Вести.бг: Няма стенограма от срещата Радев-патриарх Кирил. ТВ Европа, 27.03.2018 г.: <https://www.tvevropa.com/2018/03/prezidentstvoto-pred-vesti-bg-nyama-stenograma-ot-sreshtata-radev-patriarh-kiiril/> (дата обращения: 5.01.2019 г.).
- 36 Николов Йв. Разговорът между Радев и руския патриарх излезе на светло Президентът обяснява на митрополит Кирил, че няма от какво да е огорчен. BGN AIR, Опубликовано 29.03.2018 г.: <https://www.bgonair.bg/bulgaria/2018-03-29/razgovorat-mezhdu-radev-i-ruskiya-patriarh-izleze-na-svetlo/>; Банкова Ел. Разпространиха записи от разговорите между президента Радев и руския патриарх. Дарикнюс, 29.03.2018: <https://dariknews.bg/novini/bylgariia/razprostraniha-zapisi-ot-razgovorite-mezhdu-prezidenta-radev-i-ruskiia-patriarh-2087888> (дата обращения: 5.01.2019).
- 37 Цветан Цветанов: Освиркаха Караянчева заради Радев! Епицентър, 04.03.2018: <http://epicenter.bg/article/Tsvetan-Tsvetanov--Osvirkaha-Karayancheva-zaradi-Radev-/148576/2/0> (дата обращения: 02.11.2018).
- 38 По-подробно об этой конференции см.: Марчева И. Международна българо-русска научна конференция // Информационен бюлетин на БАН. Бр. 4. Април 2008 г. С. 13.
- 39 Исторически изследвания, конференции, семинари, проекти: <http://pomnim.bg/programa> (дата обращения: 9.11.2018).
- 40 Акценти от програмата «България помни»: <http://pomnim.bg/> (дата обращения: 9.11.2018).
- 41 Международна научна конференция «Балканите и Европа в Източната криза 1875–1881 г.», 2 март — 4 март 2018 г.: <http://pomnim.bg/mezhdunarodna-konferentsiia-balkanite-i-evropa-v-iztochnata-kriza-1875-1881> (дата обращения: 9.11.2018 г.).

- ⁴² Отбелязваме 1000 г. от смъртта на цар Самуил (програма). OFFNews, 06.10. 2014 г.: <https://offnews.bg/kultura/otbeliazvame-1000-g-ot-smartta-na-tcar-samuil-programa-399326.html>; С редица събития в София отбелязваме 1000-годишнината от смъртта на цар Самуил София. Blitz. bg, 04.10.2014: https://www.blitz.bg/obshtestvo/stolitsa/s-reditsa-sbitiya-v-sofiya-otbelyazvame-1000-godishninata-ot-smrtta-na-tsar-samuil_news294368.html (дата обращения: 9.11.2018 г.).

Обзор военно-исторических исследований о Первой мировой войне в Болгарии*

Аннотация:

Болгарская историография Первой мировой войны развивается в рамках трех периодов, которые четко разграничиваются между собой. Публикации 20–30-х годов XX в. можно рассматривать как продукцию национальной школы, которая носит на себе яркие следы политических катастроф и нерешенных национальных проектов. Второй период охватывает эпоху коммунистического режима или тоталитарного управления в Болгарии (9 сентября 1944 г. — 10 ноября 1989 г.) и включает эволюцию от полного отрицания предыдущей историографической школы, абсолютного игнорирования темы по идеологическим и политическим мотивам до ее постепенной реабилитации. В течение последних трех десятилетий, особенно в связи с празднованием юбилейных годовщин участия Болгарии в Первой мировой войне, возрастает интерес историков к теме и к овладению новым исследовательским пространством.

Ключевые слова:

Первая мировая война, историография, Болгария.

Svetlozar
ELDAROV

A review of the military and historical studies of World War I in Bulgaria

Abstract:

The paper reviews the development of the Bulgarian historiography of the First World War, which can be divided into three totally different periods. The publications from the 1920s and 1930s can be viewed as a product of a national school that is strongly marked with the trauma from the political catastrophes and unrealised national projects. The second period covers the Communist era or the totalitarian government of Bulgaria (September 9, 1944 — November 10, 1989) and includes an evolution from a total denial of the past historiographic schools, i.e. a complete ignoring of the topic of the ideological and political

* Статья подготовлена при финансовой поддержке болгарского Фонда научных исследований, проект ДНТС/Россия/02/17- «Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность)».

motives, to its gradual rehabilitation. In the last three decades, since there have been many jubilee celebrations of the World War I end and Bulgaria's participation in it, the interest of historians towards this topic has risen as well as acquirement of new research areas.

Keywords:

the First World War, World War I, historiography, Bulgaria.

Настоящая статья не ставит перед собой цель предложить читателю полное библиографическое описание и систематический анализ публикаций о Первой мировой войне, появившихся в Болгарии за последнее столетие, а является лишь попыткой очертить основные тенденции, характеризующие развитие военно-исторических исследований по теме в разные исторические периоды. По этой причине ряд имен авторов и заглавия монографий и статей будут лишь упомянуты, а некоторые из них даже не будут цитироваться в тексте или сноске. Это не отрицает их научную ценность, поскольку все они могут быть найдены в цитированных здесь исследованиях и библиографии.

В Болгарии Первая мировая война традиционно является предметом исследований в первую очередь военно-исторической науки. Это отчасти отражает формальную логику и односторонний подход в научном мышлении о событии, но еще больше связано с политическими условиями в стране, которые — за исключением трех последних десятилетий — развиваются в русле авторитаризма и тоталитаризма при повышенном влиянии военного фактора на все сферы общественной и частной жизни. Не менее важным фактом является и то, что Первая мировая война и институционализация болгарской военно-исторической науки — ровесники, поскольку 1914 год — год рождения обеих.

5 августа, через день после того, как армии Центральных держав и Антанты вступают в прямое столкновение, по указу болгарского царя Фердинанда при Штабе армии была создана Военно-историческая комиссия (ВИК). Ее формирование не связано с самой войной, а скорее всего является запоздавшей попыткой восполнить пробел и создать подобную институцию, которая в ряде европейских армий существовала уже со второй половины XIX в. Главная задача ВИК — завершить историю Сербско-болгарской войны 1885 г., начатую группой военных

авторов несколькими годами ранее, и сосредоточиться на исследовании Балканской войны. И как будто бы потому, что эта институция родилась во время войны, ей не пришлось существовать спокойной и полноценной научной жизнью. Со вступлением Болгарии в Первую мировую войну на стороне Центральных держав деятельность по формированию новой институции прекращается. Вновь возобновленная в разгар войны в 1917 г. и восстановленная после подписания Нейиского договора в 1919 г., она начинает свою реальную деятельность в начале 20-х годов XX в.¹ Принимая во внимание условия, в которых она функционирует, — политический, экономический и моральный кризис в побежденной стране и строжайшие сокращения и ограничения национальных вооруженных сил — ВИК выполняет свои задачи и позиционирует себя как ведущее научное учреждение в изучении военной истории и войн Болгарии, главным образом Первой мировой войны, которая, вместе с Балканской войной, становится ее приоритетом.

Корреляция между Балканской и Первой мировой войнами важна с историографической точки зрения, поскольку обе они (если предположить, что Первая и Вторая Балканская или Балканская и Межсоюзническая войны — это два этапа одного и того же военно-политического конфликта) политически взаимосвязаны, и, как правило, у них одни и те же авторы — политики, дипломаты, генералы и офицеры, участвовавшие в них либо в качестве профессиональных военных, либо как гражданские историки, компетентные в данной проблематике. Важным условием развития научно-исследовательской деятельности ВИК является то, что она организационно интегрирована с Военно-историческим архивом, который хранит все документы, собранные во время Первой мировой войны (как и во время других войн Болгарии), — от оперативных планов и других важных директив Главного командования до полковых книг приказов и дневников ротных командиров.

Болгарская историография Первой мировой войны развивается в рамках трех периодов, которые четко и резко разграничены между собой.

Первый совпадает с периодом между двумя мировыми войнами и оканчивается установлением коммунистического (тоталитарного) политического режима 9 сентября 1944 г. В эти годы в качестве организационного и координационного центра выделяется ВИК. В 1921 г. она обращается к десяткам действующих и офицеров запаса с просьбой принять участие в написании военной истории Болгарии. Бывшие участники стратегического планирования и управления болгарской армией в Сербско-болгарской (1885 г.), Балканской (1912–1913 гг.) и Первой мировой войнах (1915–1918 гг.) приглашаются для написания воспоминаний. Таким образом, осуществляется и работа комиссии. Первой, в рамках одного тома, завершена история Сербско-болгарской войны (опубликована в 1925 г.), затем начинается работа над созданием семитомной истории Балканской войны (опубликована в 1933–1937 гг.), и лишь потом приходит очередь истории участия Болгарии в Первой мировой войне, запланированной в девяти томах. Работа над ними начинается в начале 1928 г., но интенсивно продолжается в 1930-х годах. Она, однако, остается незавершенной, поскольку до конца периода (от 1936 до 1943 гг.) были опубликованы лишь шесть томов, посвященных наступательным операциям болгарской армии в Сербии, Македонии, Косово и Добрудже². Впечатляют количественные параметры издания — около 5700 страниц и более 200 карт в Приложении. Впрочем, то же самое нельзя сказать о содержании труда. В данном случае, да и вообще, если говорить о всей продукции ВИК, речь не идет о научном исследовании в присущем для этого термина значении. Поэтому тома истории Первой мировой войны можно охарактеризовать как публикации документов, поскольку в них имеет место подробный пересказ материалов Военно-исторического архива об отдельных боях и операциях, но без какого-либо глубокого научного анализа и выводов.

С 1927 г. ВИК начинает издавать журнал «Военно-исторический сборник» в качестве своего научного органа, цель которого — помочь в изучении войн за национальное объединение. До конца 1943 г., когда его издание было прекращено из-за англо-американских бомбардировок Софии, вышли в свет 98 номеров и около 20000 страниц, содержащих 312 публикаций о болгарской

военной истории и войнах Болгарии. Среди них лидирующую позицию занимают публикации о Первой мировой войне — 148, или 46% от общего числа публикаций, за которыми следуют материалы о Балканской войне — 93, или 29%. Эти пропорции соответствуют как задачам, поставленным ВИК, что формирует издательскую политику журнала, так и потребностям военно-политической конъюнктуры. В 1930-е годы почти все европейские страны готовятся к новому мировому конфликту, который тогда казался почти неизбежным, и эта подготовка в военно-техническом отношении полностью основана на опыте Первой мировой войны. Это относится и к Болгарии, где, помимо прочего, из-за национальной катастрофы большинство публикаций несут в себе чрезмерную эмоциональную окраску, так как они написаны военнослужащими, непосредственно участвовавшими в тех событиях. По этой причине, например, в журнале находят место материалы о боях при Добро Поле на Македонском фронте, где в сентябре 1918 г. войска Антанты совершают решительный прорыв, который приводит к капитуляции Болгарии. По мнению автора, сделавшего наукометрический анализ содержания «Военно-исторического сборника» за этот период, публикации соответствуют индивидуальным интересам и эмоциям авторов и о какой-либо обдуманной логике в представленных материалах о Первой мировой войне речь не идет³.

Военно-историческая комиссия работала в тесном сотрудничестве с Военно-издательским фондом. Он был создан в 1919 г. как самостоятельное военно-торговое предприятие со статусом юридического лица. Его цель заключалась в том, чтобы выпускать военно-научную и военно-историческую литературу и периодику и представлять это как частную инициативу, чтобы избежать нарушений соответствующих статей Неййского договора. Кроме продукции ВИК Военно-издательский фонд выпускает газету «Народна отбрана» («Народная оборона») (продолжение предыдущего официоза военного министерства газеты «Военни известия»), журналы: «Военен журнал», «Български воин», «Подофицерски журнал» («Унтер-офицерский журнал»), «Съвременна пехота», «Нашата конница», «Артилерийски преглед» («Артиллерийское обозрение») и др., в которых содержа-

лись ценные мемуарные свидетельства и другие материалы о Балканской войне⁴.

Помимо институциональных рамок, болгарская историография Первой мировой войны в этот период развивается и как частная инициатива. Многие авторы — военные и гражданские — публикуют книги по собственной инициативе и в частных издательствах. Выходцы из среды болгарских генералов и офицеров становятся одними из самых активных авторов того времени; раньше, во время войны, они занимали ответственные штабные или командирские должности, а сейчас пытаются объяснить причины новой национальной катастрофы, снимая с себя ответственность и возлагая ее на других — неверных союзников, некомпетентных политиков, предателей. Подобного рода литература отличается откровенно личными и политическими пристрастиями, нередко допускает острый полемический тон, что оставляет мало места объективности⁵.

С точки зрения типологического анализа, военно-историческая литература о Первой мировой войне первого историографического периода представляет большое разнообразие: авторские и коллективные монографии, созданные на основе богатой военной документации; воспоминания офицеров высшего и младшего командного состава, не лишённые предвзятости, профессиональные анализы компетентных военных специалистов; не вполне профессиональные и компетентные, но искренние личные впечатления непосредственных участников с передовой линии; официозные и пафосные полковые истории, опубликованные в целях пропаганды; личные и критические оценки отдельных авторов, изданные в качестве оправдания или изобличения. С чисто научной точки зрения, описание по «горячим» следам только что произошедших событий, помимо преимущества изложения фактов из первых рук, имеет и недостаток — утопает в деталях и страдает от недостатка более широкого и дистанцированного взгляда на объект исследования. Субъективный фактор в этот период является самым сильным, поскольку цель авторов, большинство из которых — участники разыгравшейся драмы, снять с себя любую ответственность, а по возможности переложить ее на кого-то другого. Даже при том, что они полны недостатков, эти труды,

часто сопровождаемые документами, всё же оказываются важной основой для следующего поколения исследователей.

Созданное болгарской историографией в 20–30-х годах XX в. можно рассматривать как продукцию национальной школы, ярко отмеченной травмой политических катастроф и нерешенных национальных проектов. Дух политического оправдания участия Болгарии в Первой мировой войне и глорификации боевых действий болгарской армии доминирует в изданиях ВИК и других публикациях по данной теме. В качестве своеобразного девиза или ключа к пониманию сути этого историографического периода может служить заглавие книги генерала Стефана Тошева, командира 3-й болгарской армии, прославившейся своими победами над русско-румынскими войсками в Добрудже в 1916 г.: «Побежденные, которых не побеждали. Ответ нашим обидчикам как союзникам. Обзор всей войны 1915–1918 г.»⁶.

В годы Второй мировой войны работа ВИК над историей Первой мировой войны была прекращена. Англо-американские бомбардировки Софии в конце 1943 г. — начале 1944 г. приводят к эвакуации всей службы, вместе с личным составом, архивами и библиотекой, в провинцию. Однако не это является причиной прекращения многотомного проекта — она целиком кроется в идеологической и политической сути установленного 9 сентября 1944 г. режима в Болгарии.

Второй период развития болгарской историографии о Первой мировой войне охватывает эпоху коммунистического режима или тоталитарного управления в Болгарии — с 9 сентября 1944 г. по 10 ноября 1989 г. Характерным для этого периода, особенно для его первой половины, является то, что он прежде всего отмечен идеологическим догматизмом правящей Болгарской коммунистической партии (БКП), которая строго следует установленной в Советском Союзе идейно-политической модели. Историческая наука, как и другие области научной и духовной жизни в Болгарии, подвергаются жесткой идеологической ревизии, а борьба с «монархо-фашизмом» и «великоболгарским шовинизмом» приобретает опасные размеры. Выдающиеся болгарские исто-

рики подвергаются клеймению как «реакционеры», «фашисты» и «великоболгарские шовинисты» со всеми вытекающими для них отсюда последствиями. Кроме того, их труды изымаются из открытого доступа, а по партийному заказу идет полная переработка учебников по истории с целью «прочистить» их от «фашистских и великоболгарских элементов». Это более всего касается авторов из области военной истории, большинство из которых являлись резервистами или действующими офицерами и, следовательно, были обременены всем тем негативным, что было в Царстве Болгария. В этом контексте также решается и судьба институциональной основы болгарской военно-исторической науки.

В конце декабря 1944 г. ВИК снова возвращается в Софию. Несмотря на ущерб и разрушения, полученные во время войны от англо-американских бомбардировок, Комиссия ставит перед собой цель — окончить создание истории болгарской армии в Первой мировой войне, а также подготовить последние два тома из истории Балканской или Межсоюзнической войны. Однако энтузиазм военных историков был погашен быстро и жестко. В виде организационно-структурной реформы была проведена «чистка» старых кадров, сопровождаемая идеологической индоктринацией в духе сталинизма. С начала 1946 г. ВИК преобразована в Военно-исторический отдел при Министерстве народной обороны (МНО), на следующий год прекращается выпуск журнала «Военно-исторический сборник» (он будет восстановлен лишь в 1952 г.)⁷. Институциональная, кадровая и идеологическая трансформация болгарской военно-исторической науки сопровождается и тематическими изменениями — Балканская, Межсоюзническая и Первая мировая войны, вместе с военным строительством и другими войнами Болгарии в период 1878–1944 гг., как объекты исследования, исчезают, и вместо них прочно устанавливаются, в качестве научных приоритетов, следующие темы: антимилитаристская деятельность БКП, партизанское сопротивление и участие болгарской народной армии в заключительном этапе Второй мировой войны.

В марте–апреле 1948 г. в Софии по инициативе БКП в рамках программы «За успешную идеологическую перестройку научно-

го фронта», вытекающей из решений учредительной конференции Коминформбюро в сентябре 1947 г., проводится совещание о состоянии и задачах болгарской исторической науки. Руководитель совещания — Вылко Червенков, в то время председатель Комитета по науке, искусству и культуре и член Политбюро БКП, ответственный за настроения среди интеллигенции. Основной доклад представлен Туше Влаховым, инспектором по истории в Министерстве образования. В духе обязательного идеологического догматизма и национального нигилизма докладчик определяет болгарское участие в войнах 1912–1918 гг. как результат шовинистско-завоевательной политики болгарской буржуазии, которая стремилась расширить сферы своей экономической деятельности и вместе с тем утвердить свое господство внутри страны. В качестве главного виновника национальных катастроф Т. Влахов указывает царя Фердинанда — «агента» Германии и Австро-Венгрии⁸. В 1948 г. Вылко Червенков формулирует основные задачи болгарской исторической науки — «очистить авгиевы конюшни буржуазной историографии», освободиться от «реакционного наследства великоболгарского шовинизма» и перестроиться на «прочных марксистско-ленинских основах»⁹. В этом духе была дана директива о написании «новой» истории Болгарии.

Будучи уничтоженными политически и морально (а многие и физически), носители исторической памяти периода до 9 сентября должны были быть уничтожены и «научно». В отношении авторов, писавших про Балканские войны, это поручение возложено на Крумку Шарову, тогда еще ассистента по истории Софийского университета. Ее первая и единственная статья на эту тему опубликована в 1950 г. в журнале «Исторически преглед» под заглавием «Буржуазная историография и участие Болгарии в войнах (1912–1918)». По словам автора, ее цель — ответить на призыв Г. Димитрова и В. Червенкова, во время работы V конгресса БКП, к критике «враждебных и ненаучных представлений о великоболгарском фашизме в нашей истории». И К. Шарова успешно с этим справляется, компенсировав посредственный историографический анализ и незначительную библиографическую осведомленность идеологической яростью и политической корректностью. Статья звучит как суровый и не подлежащий

обжалованию приговор в отношении представителей болгарской историографии периода до 9 сентября 1944 г., объявленных «обыкновенными апологетами буржуазной и монархической завоевательной политики» и «глашатаями великоболгарского шовинизма». «История Болгарии периода Балканской, Межсоюзнической и Первой мировой империалистической войны всё еще не написана. Ее написание является одной из существенных задач, которые следует решить историкам, вооруженным единственно *правильным*, единственно научным методом марксизма-ленинизма», — обобщает в конце статьи автор¹⁰. После подобной идеологической дисквалификации старых авторов едва ли можно было найти болгарского историка, который осмелился бы искать и читать их книги в библиотеке, тем более, что они оказались под особым режимом использования («спецфонды», «секретная сигнатура», «служебный доступ» и пр.). Тема получает дальнейшее развитие у Туше Влахова, который публикует несколько статей в том же журнале, оспаривая национальную легитимность политических стремлений Болгарии в отношении Македонии¹¹.

Результаты «успешной идеологической перестройки научного фронта» отчетливо видны в двухтомной «Истории Болгарии», подготовленной БАН. Тема Первой мировой войны (Т. 2, 1955) поручена проф. Христо Христову, в то время заместителю директора Института истории БАН, а затем и его многолетнему руководителю и академику вплоть до демократических перемен. Интересным является само структурирование текста, который разделен на две отдельные главы в двух различных частях тома. Период с начала войны до осени 1917 г. рассматривается в третьей главе «Болгария в Первой мировой войне», предпоследней во второй части труда «Болгария в эпоху империализма». Далее следует также глава, посвященная развитию болгарской культуры с 1878 по 1917 гг. Третья часть, «Болгария в период общего кризиса капитализма», начинается с первой главы «Отражение Великой октябрьской социалистической революции в Болгарии», которая завершает повествование о Первой мировой войне. Точно таким же исторически нелогичным, но политически корректным является и содержание двух глав — в них речь идет больше

об антивоенной пропаганде и подрывной деятельности Болгарской рабочей социал-демократической партии (БРСДП — тесных социалистов), о влиянии революции в России 1917 года на болгарскую армию и общество, о так называемом «Владайском восстании» или мятеже дезертиров Македонского фронта в сентябре 1918 г., чем о самой войне. Отношение автора к ней и к целям, которые стоят перед Болгарией, — подчеркнуто негативное: «Основной задачей нового правительства (премьер-министра Василя Радославова. — С. Е.) была именно задача отделить Болгарию от Антанты и привязать ее к колеснице германо-австрийского империалистического блока». Везде в тексте слова «национальное объединение» неизменно заключаются в кавычки, чтобы подчеркнуть негативное отношение автора к ним¹².

В начале 1960-х годов, из-за обнаруженных некоторых идеологических ошибок, история была переработана и издана в трех томах. Текст о Первой мировой войне (Т. 2, 1962), впрочем, остался без изменений, как по своей структуре, так и по содержанию, — очевидно, что он был полностью идеологически и политически выдержан¹³.

Заклейменная таким образом, тема участия Болгарии в Первой мировой войне остается в арьергарде научных интересов военных и гражданских историков. В продолжение 20 лет, с 1954 по 1972 гг., в «Военно-историческом сборнике» опубликовано лишь 36 статей по этой теме, более половины из них посвящены подрывной антивоенной деятельности, бунтам солдат и т.д.¹⁴. На эти идеологически «правильные» темы выходят и некоторые монографии и документальные публикации¹⁵. Одним из немногих исключений является монография Туше Влахова о взаимоотношениях Болгарии и ее союзников во время войны¹⁶.

Известные перемены в болгарской историографии наступают в начале 70-х годов XX в. Это связано как с изменившимися политическими условиями в коммунистическом блоке в целом и в Болгарии в частности, так и с одним событием в советской историографии, которая являлась идейным, политическим и методологическим маяком для болгарских историков. Речь идет об издании двухтомной истории Первой мировой войны в Советском Союзе¹⁷.

Примерно в то же самое время организация и управление военно-исторической наукой в Болгарии претерпевают важные структурные изменения. Решением Центрального комитета БКП и Совета министров Военно-исторический отдел при Министерстве обороны преобразован в Институт военной истории при Генеральном штабе Болгарской народной армии (ИВИ ГШ БНА). Он развивается как методологический и координационный центр военно-исторических исследований в Болгарии. Создание новой институции совпадает с выходом в свет двухтомной истории Первой мировой войны в Институте военной истории в Москве в 1975 г. Под влиянием советского опыта и некоторые болгарские историки предлагают начать работу над историей участия Болгарии в войне, но эта идея не была воспринята. По рекомендации высшего партийного и государственного руководства страны Институт военной истории сосредотачивает свою деятельность на следующих темах: «Военные аспекты вооруженной борьбы в 1941–1944 гг.», «Революционная деятельность БКП в буржуазной армии», «Отечественная война в Болгарии 1944–1945 гг.», «Строительство вооруженных сил Болгарии», «Боевое сотрудничество и дружба с советской армией и армиями других государств — членов Варшавского договора»¹⁸.

Известный перелом в отношении болгарской исторической науки к Первой мировой войне наступает в конце 70-х — начале 80-х годов XX в., когда страна готовится к празднованию 1300-летия Болгарского государства (681–1981). В связи с этим коммунистический режим в Болгарии ослабляет запрет на патриотически окрашенные темы, такие как Балканская и Первая мировая войны. Однако истинные причины этой позиции кроются в намерении партийной элиты использовать национализм как выход из экономического, политического и идеологического кризиса, охватившего в то время тоталитарный режим. Здесь, может быть, следует провести параллель между двумя периодами в развитии болгарской историографии о Первой мировой войне. Если период между двумя мировыми войнами можно определить как *классический* с точки зрения болгарского национализма, то 1980-е годы следует считать чем-то вроде его «ренессанса». Строго говоря, *социалистический национализм* этого периода гораздо

сильнее, фактически полностью контролируется тоталитарным государством, даже больше, чем национализм его авторитарного предшественника. Но именно тотальный контроль делает этот национализм застенчивым, беззубым и послушным, настоящим домашним любимцем «социалистического общежития» (общества).

В этом политическом контексте 13 февраля 1980 г. в Институте военной истории в Софии проводится научная дискуссия на тему «О характере болгарской армии и войн, которые она вела в период 1885–1918 гг.». В форуме с докладами и сообщениями принимают участие 20 военных и гражданских историков. Девять из докладов, оцененных как наиболее значительные, были опубликованы в отдельном номере «Известий Института военной истории и Военно-исторического научного дружества»¹⁹. Научная дискуссия и сборник докладов, появившийся под знаком официальных празднований по случаю 1300-летия Болгарского государства, становятся последним и, в сущности, предопределенным столкновением между идеологическим догматизмом уходящей эпохи и научным прагматизмом нового времени.

В некотором смысле термины «дискуссия» и «столкновение» — просто эвфемизмы, поскольку их истинное значение не соответствует реальностям тоталитарного государства. Словно по мановению волшебной палочки, историки, которые до этого времени отрицали Балканскую войну и называли ее «завоевательной», теперь начинают превозносить ее как «освободительную». Если и имело место столкновение тезисов, идей и концепций, то оно произошло не на научном уровне, а в верхах партии-государства. Его результат, своего рода волшебная палочка, — решение секретариата ЦК БКП 1979 г. об укреплении патриотического воспитания во всех сферах общества и, в первую очередь, в науке и образовании. Этот документ обеспечивает идеологические рамки и политическую санкцию, обязательные для эпохи, и туда вписывается насколько радикальный, настолько и скоротечный поворот в развитии болгарской исторической науки — создание научных подразделений (отделов или групп) по изучению национального вопроса в исторических институтах и на факультетах. По характеру своей организационной структуры и научной тематики на ИВИ ГШ БНА возложена ведущая роль в этом процессе. Так называемая дискуссия на самом деле

проходит как манифестация единодушного согласия, переодевая в научную униформу партийный указ, и решительно провозглашает новое отношение к Балканской войне как к прогрессивной, справедливой и освободительной, продолжению национально-освободительной борьбы эпохи до и после Освобождения Болгарии, логическому и закономерному приложению к русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Не настолько однозначно принимается участие Болгарии в Первой мировой войне, и не в последнюю очередь потому, что в 1916–1918 гг. болгарская армия сражается в Добрудже и на Румынском фронте (р. Серет) с русскими войсками, что в глазах коммунистического режима выглядит поруганием мифа о России/Советском союзе как о «двойном освободителе» (в 1878 г. от «турецкого», а в 1944 г. — от «фашистского» ига).

Материалы научной дискуссии были опубликованы в 1981 г., в разгар общенациональных празднований 1300-летия Болгарского государства, и сыграли роль детонатора в процессе реорганизации болгарской исторической науки, особенно для исследований македонского вопроса и Балканской войны. По вышеупомянутой причине исследования Первой мировой войны всё еще малочисленны и проводятся в не настолько приподнятом патриотическом тоне, как предыдущие две темы. За период с 1973 по 1989 гг. в «Военно-историческом сборнике» опубликованы лишь 24 статьи о Первой мировой войне (58 — о Балканской)²⁰. Производит впечатление то, что до 1981 г. эти материалы посвящены в основном «Владайскому восстанию», но затем появляются и чисто военно-исторические²¹, более современные общеисторические²² и даже культурологические²³ темы. Аналогичное соотношение наблюдается и в «Известиях института военной истории и Военно-исторического научного дружества», которые выходят с 1966 г. как приложение к «Военно-историческому сборнику». За период с 1973 по 1989 гг. там опубликовано 13 исследований о Первой мировой войне (52 — о Балканской), пять из них помещают в сборник материалов дискуссии 1980 г.²⁴

В 1980-х годах выходят несколько монографий гражданских историков, где военно-политические и дипломатические проблемы Первой мировой войны рассмотрены более объективно и научно²⁵.

Третий период болгарской историографии Первой мировой войны начинается 10 ноября 1989 г. Эта дата, связанная с отставкой долголетнего председателя ЦК БКП и председателя Государственного совета Народной Республики Болгария Тодора Живкова, официально объявлена днем «падения» коммунистического режима в Болгарии, т. е. начала отдирижированного перехода от тоталитаризма к демократии. Явные механизмы тоталитарного контроля заменены более мягкими и незаметными формами воздействия со стороны политического закулисы и институционального подполья, которые успевают завладеть немалой частью новых организаций и объединений гражданского общества. Домашнего питомца выставили на улицу искать пропитание на принципах рыночного механизма, но его владельцы не забывают о нем. Со временем он окрепнет, у него вырастут зубы. Однако с большинством ученых так не происходит. Кроме старых научных структур, историки, занимающиеся Первой мировой войной и связанной с ней национальной проблематикой в целом, теперь находят поддержку в Македонском научном институте и Фракийском научном институте, восстановленных, соответственно, в 1990 и 1994 гг.

Наиболее интенсивно исследовательская деятельность продолжается в Институте военной истории, который в 1992 г. переименован в Национальный центр военной истории и переходит в подчинение к Генеральному штабу Министерства обороны, где тогда в первый (и последний) раз в административном и научном плане доминируют гражданские историки. При Национальном центре военной истории создан отдел «Армия и общество», цель которого — исследовать участие Болгарии и болгарской армии в войнах 1912–1918 гг., уже открыто объявленных «войнами за национальное освобождение и объединение». Теперь Балканская, Межсоюзническая и Первая мировая войны изучаются не только с точки зрения военной науки и военного искусства, но и с точки зрения их разноликих взаимоотношений с общественными процессами и явлениями. Идея написания военной истории участия Болгарии в Первой мировой войне снова выходит на передний план. Парадоксально, а может быть и закономерно,

но военно-исторической науке не суждено развиваться в новых условиях, несмотря на политическую ориентацию Болгарии на Европейский союз и НАТО. То ли из-за появления идей мультикультурализма и глобализма в болгарском обществе и вынужденного или тактического отступления национализма, или же по чисто организационным и финансовым причинам, но в 1995 г. Национальный центр военной истории снова возвращен Генеральному штабу, чтобы деградировать и к концу десятилетия превратиться в обыкновенный отдел с несколькими учеными в рамках Военной академии и ориентацией на область «уроков из практики» (мировой и национальный опыт миротворческих миссий НАТО). Приостановлен выход и флагмана военно-исторической периодики журнала «Военно-исторический сборник» (снова начинает выходить в 2003 г., прекращает в 2009 г. и опять восстановлен в 2010 г., но уже как частное издание).

Несмотря на организационную и кадровую «чистку», и военные историки вносят свой вклад в изучение темы. В 2005 г. в Военной академии организована международная конференция по проблемам Первой мировой войны, доклады участников которой посвящены не только сугубо военным вопросам, но и политическим, экономическим, культурологическим и общественным аспектам войны²⁶. Чуть позже выходит и первый том коллективного труда «Болгарская армия в Первой мировой войне. 1915–1916»²⁷. Его второй том так и не увидит свет. Вместо этого в 2015 г. опубликована солидная монография под тем же заглавием, но охватывающая весь период участия Болгарии в мировой войне — с 1915 г. по 1918 г.²⁸. Военные историки, авторы этих изданий, опираются на достижения своих коллег, работавших в период между двумя мировыми войнами, обогащая их новыми архивными документами и исследованиями.

Наряду с упадком болгарской военно-исторической науки тема участия Болгарии в Первой мировой войне процветает среди гражданских историков из университетов и институтов БАН, а также среди неассоциированных исследователей. Несомненно, это отчасти связано с падением монополии военных историков на эту тему. Ликвидация тоталитарных форм идеологического контроля также помогает сориентировать профессиональный

интерес историков на незанятые по идеологическим причинам ниши, называемые клише «белые пятна» в болгарской истории. В любом случае, новая политическая конъюнктура открывает новые возможности, которыми многие спешат воспользоваться, в том числе и ряд историков, которых искушает тема Первой мировой войны и военной истории вообще. Их исследования и до сих пор не потеряли своей научной ценности²⁹.

В этот период в болгарской историографии выделяется Георги Марков, профессор и директор Института истории Болгарской академии наук (1994–2013 гг.), член-корреспондент (с 2004 г.) и академик (с 2008 г.), как самый авторитетный эксперт по проблемам Первой мировой войны. Во время предыдущего исторического и историографического периодов он являлся одним из активных исследователей Балканской и Межсоюзнической войны, и теперь закономерно его интересы охватывают и Первую мировую войну. В 1995 г. Г. Марков публикует монографию о военно-политическом лавировании Болгарии между Антантой и Центральными государствами и о ее участии в войне в 1915–1916 гг. — под заглавием «Голямата война и българският ключ за европейския погреб. 1914–1916» («Великая война и болгарский ключ к [пороховому] погребу Европы. 1914–1916»)³⁰. Спустя десятилетие выходит вторая его монография о периоде 1917–1918 гг., в том числе и о последствиях Неййского мирного договора, под заглавием «Голямата война и българската стража между Средна Европа и Ориента. 1916–1919» («Великая война и Болгария на страже между Средней Европой и Востоком. 1916–1919»)³¹. Автор окончательно реабилитирует концепцию первого историографического периода о Первой мировой войне как о справедливой защите национальных интересов и как о войне за национальное объединение. Его монографии написаны на основе глубокого изучения темы и обширного использования документов из болгарских архивов, особенно из Центрального военного архива в Велико Тырново, который длительное время был недоступен для рядовых историков, а также на основе болгарской и зарубежной историографии по данной проблематике.

В 2016 г. на основе своего монографического исследования Г. Марков создает популярный коммерческий его вариант — два

богато иллюстрированных тома объемом в тысячу страниц под заглавием «Великая война и болгарский меч над балканским узлом 1914–1919». Девиз, или скорее посвящение, в начале данного издания говорит достаточно о его содержании: «Выигрываем битвы, но проигрываем войну. Храбрецы, вы выполнили свой долг перед Отечеством! Вечная слава, и пусть земля вам будет пухом!»³².

Исследования и публикации о Первой мировой войне переживают настоящий бум в связи с празднованием ее столетия. В Софии создан Национальный комитет по празднованию 100-летия Первой мировой войны и участия в ней Болгарии (1915–1918 гг.). При его поддержке и при участии ученых из Военной академии, Болгарской академии наук, Македонского научного института, Фракийского научного института, университетов, архивов и музеев в стране проведены национальные и международные научные конференции и опубликованы сборники исследований. С 13 по 16 октября 2015 г. проведена серия конференций в Софии, Видине, Кюстендиле и Кырджали, которые объединены общей темой «Первая мировая война на Балканах и вступление в нее Болгарии (1914–1915)». Расширенная версия докладов издана в одноименном сборнике, который содержит 38 публикаций. С 4 по 7 октября 2016 г. в таком же «серийном» формате, но на этот раз на тему «Первая мировая война и Болгария в 1916 г.», проведены конференции в Софии, Благоевграде, Добриче и Тутракане. Сборник докладов содержит 62 публикации. Оба форума проведены с международным участием историков из России, Сербии, Польши, Румынии, Венгрии, Черногории и др., а среди болгарских представителей присутствуют как известные личности, сформировавшиеся как историки еще в конце второго историографического периода, так и молодые ученые, чей дебют в области военно-исторических исследований о Первой мировой войне связан с ее столетием. Поэтому сборники этих конференций отличаются богатым военно-историческим и интердисциплинарным содержанием, которому еще предстоит быть оцененным по достоинству и обогатить научное знание³³. В 2018 г. в разных городах страны организовано еще несколько научных конференций, посвященных Первой мировой войне и участию в ней Болгарии. Наиболее значимая конференция, по количеству участников и иностран-

ному представительству, проведена 15–16 сентября в г. Дойран [Республика (Северная) Македония] как яркая символическая связь с последними эпическими сражениями болгарской армии на Дойранской позиции перед окончательным крахом Салоникского фронта. Издание сборников с докладами этих конференций завершат историографический вклад национальных празднований 100-летия участия Болгарии в Первой мировой войне.

Наряду с научными результатами юбилейных форумов, в качестве своеобразной рекапитуляции современного облика болгарской историографии о Первой мировой войне может служить трехтомный сборник исследований, подготовленный в рамках национальных торжеств и изданный от имени одного из самых популярных военно-патриотических союзов страны (при официальной поддержке Министерства обороны) — Союза воспитанников военных Его Величества училищ, Школы офицеров запаса и родолюбивого воинства и гражданства. В трилогии своими публикациями представлены известные болгарские исследователи, во главе с академиком Г. Марковым, чьи имена неизменно упоминаются на всех научных форумах, в периодических изданиях, в монографиях и во время самых разных мероприятий, связанных с историей Первой мировой войны³⁴. Название военно-патриотического союза, которое отражает преемственность с армией Царства Болгария, с одной стороны, и авторы сборника, большинство из которых стали учеными в конце тоталитарного режима, с другой, как будто символизируют столетний путь болгарской историографии о Первой мировой войне и объединяют в своего рода национально окрашенное диалектическое единство три историографических периода. Хорошо это или нет для исторических исследований, покажет будущее.

Примечания

- ¹ Петров Т. Създаване и начални стъпки на Военноисторическата комисия (1914–1946) // 90 години организирани военноисторически изследвания в България. Сборник доклади и научни съобщения, изнесени на международна научна конференция в София, 26–27 октомври 2004. София, 2004.
- ² Българската армия в Световната война 1915–1918 г. Т. II. Войната срещу Сърбия през 1915 г. Настъплението на 1-ва армия през границата от 1 до 14 октомври. София, 1936; Т. III. Войната срещу Сърбия през 1915 г. Настъплението на 2-ра армия

- в Македония. София, 1938; Т. IV. Войната срещу Сърбия през 1915 г. Настъпление на 1-ва армия по долината на р. Морава и това на северната група от 2-ра армия към Лесковец и Прищина от 22 до 31 октомври. София, 1940; Т. V. Косовска операция. София, 1946; Т. VIII. Войната срещу Румъния през 1916 г. Подготовка на войната и Тутраканската операция. София, 1939; Т. IX. Настъплението на 3-а армия в Добруджа. София, 1943.
- ³ *Проданов Н.* «Военноисторически сборник» (1927–1943) // 90 години организирани военноисторически изследвания в България... С. 181–182.
- ⁴ *Станчев Ст.* Създаване и развитие на военноисторическите научноизследователски структури в Българската армия // 90 години организирани военноисторически изследвания в България... С. 11–13.
- ⁵ *Фичев Ив.* Лични спомени за всеобщата Европейска война. София, 1921; *Малее Л.* Принос към истината за катастрофата на България през септември 1918 г. Документи, факти и спомени. София, 1921; *Нойков Ст.* Защо не победихме 1915–1918. София, 1922; *Радославов В.* България в световната криза. София, 1923; *Рибаров Н.* Принос към истината и тактическо изследване на причините да не победим във войната 1915–1918. София, 1924; *Недев Н.* България в Световната война (1915–1918). Бегъл исторически преглед. София, 1925; *Велчев В.* Към погром. Как се провалиха националните идеали. София, 1926; *Жеков Н.* Българското войнство 1878–1928. София, 1928; *Христов Ат.* Исторически преглед на Общоевропейската война и участието на България в нея. София, 1925; *Маджаров М.* Дипломатическа подготовка на нашите войни. София, 1932; *Гургинов Ал.* Изпитанията във войните 1915–1918. София, 1936. По-подробно о публикациите за този период см.: *Участието на България в Първата световна война 1915–1918 година.* Библиография. София, 1994.
- ⁶ *Тошев Ст.* Победени без да бъдем бити. Отговор на хулителите ни, като съюзници. Обзор на цялата война 1915–1918 г. София, 1924.
- ⁷ *Петров Т.* Указ. соч. С. 35–36.
- ⁸ Съдът над историците. Българската историческа наука. Документи и дискусии, 1944–1950. Т. 1. София, 1995. С. 270–271.
- ⁹ Доклад на др. В. Червенков пред V конгрес на БКП // Исторически преглед. 1948/1949. № 3–4.
- ¹⁰ *Шарова Кр.* Буржоазната историография и участието на България във войните (1912–1918) // Исторически преглед. 1950. № 2. С. 157.
- ¹¹ *Влахов Т.* Върховизмът и неговата роля по време на войните // Исторически преглед. 1950/1951. № 4–5.
- ¹² История на България. София, 1955. С. 295–326, 363–394.
- ¹³ История на България. София, 1962. С. 288–317, 354–386.
- ¹⁴ Военноисторически сборник. Библиографски справочник, София, 1974. С. 66–83.
- ¹⁵ *Панайотов Л.* Борбата на БРСДП (т.с.) против завоевателната и авантюристична политика на българската буржоазия в периода на войните (1912–1918 г.). София, 1956; *Христов Хр.* Революционната криза в България през 1918–1919. София, 1957; Великата октомврийска социалистическа революция и революционните борби в България през 1917–1919. Сборник от документи и материали. София, 1957; *Христов Хр.* Войнишкото въстание 1918. София, 1961; *Работата на БКП в армията 1891–1918.* Документи и материали. София, 1966.
- ¹⁶ *Влахов Т.* Отношенията на България и Централните сили по време на войните 1912–1918 г. София, 1957.
- ¹⁷ История Первой мировой войны. Т. 1–2. М., 1975.
- ¹⁸ *Станчев Ст.* Указ. соч. С. 13–16.

- ¹⁹ Извещаване на Военноисторическото научно дружество (ВИНД). Приложение к журналу «Военноисторически сборник», 1981. Т. 31.
- ²⁰ Журнал «Военноисторически сборник» и «Известия на Института за военна история и Военноисторическото научно дружество» 1973–1997. София, 1999. С. 98–104.
- ²¹ *Нешев Н.* Бойното използване на българската артилерия през Първата световна война // Военноисторически сборник. 1987. № 2. С. 135–147; *Караиванов А.* Отбраната на Дойранската позиция през септември 1918 година // Военноисторически сборник. 1988. № 2. С. 117–139; *Миланов Й.* Българското въздухоплаване през Първата световна война (1915–1918 г.) // Военноисторически сборник. 1989. № 2. С. 96–123.
- ²² *Илчев Ив.* България в стратегическите планове на Великобритания на Балканите (октомври 1915 — септември 1918 г.) // Военноисторически сборник. 1981. № 2. С. 30–48; *он же.* Из историята на българската пропаганда в Швейцария по време на Първата световна война и на Парижката мирна конференция 1919 г. // Военноисторически сборник. 1984. № 1. С. 115–133.
- ²³ *Конева Р.* Културна политика и дейност на Щаба на Действащата армия 1915–1918 година // Военноисторически сборник. 1986. № 5. С. 79–95.
- ²⁴ *Александров Ив.* Националноосвободителните задачи на българската армия във войните от 1885 до 1918 г. // Известия на Института за военна история и Военноисторическото дружество. 1981. Т. 31. С. 93–103; *Василев В.* За социално-класовата характеристика на българската армия във войните от 1885 до 1918 г. // Там же. 1981. Т. 31. С. 55–74; *Дамянов С.* Българският национален въпрос в началния етап на Първата световна война (1914–1915 г.) // Там же. 1981. Т. 31. С. 104–122; *Стоилов П.* За характера на българската армия и на водените от нея войни през периода 1877–1918 г. // Там же. 1981. Т. 31. С. 9–54; *Христов Д.* Още за войните, водени от българската армия от 1885 до 1918 г. // Там же. 1981. Т. 31. С. 130–134.
- ²⁵ *Пантев Ан., Петков П.* Съединените американски щати и България по време на Първата световна война. София, 1983; *Лалков М.* Балканската политика на Австро-Унгария 1914–1917. Австро-унгарската дипломация в борба за съюзници през Първата световна война. София, 1983; *Дамянов С.* България във френската политика 1878–1918. София, 1985.
- ²⁶ Първата световна война на Балканите. Сборник доклади и научни съобщения, изнесени на международна научна конференция в София на 10–11 октомври 2005 г. София, 2006.
- ²⁷ Българската армия в Първата световна война. Т. 1. 1915–1916. София, 2010.
- ²⁸ Българската армия в Първата световна война 1915–1918. София, 2015.
- ²⁹ Подробную библиографию по теме в начале 1990-х годов см. в: Участието на България в Първата световна война 1915–1918 година. Библиография. София, 1994. Здесь специально следует упомянуть исследования Ивана Илчева, Румяны Коневои, Снежаны Димитровой, Сони Пенковой, Тодора Петрова, Сево Явашчева, Веселина Янчева и других авторов, которые расширили пространство исследований о Первой мировой войне своими многочисленными публикациями.
- ³⁰ *Марков Г.* Голямата война и българският ключ за европейския погреб 1914–1916 г. София, 1995.
- ³¹ *Марков Г.* Голямата война и българската стража между Средна Европа и Ориента 1916–1919. София, 2006.
- ³² *Марков Г.* Голямата война и българският меч над Балканския възел 1914–1919. София, 2016.
- ³³ Първата световна война на Балканите и въстването на България в нея (1914–1915). Сборник с доклади от международната научна конференция, София,

Видин, Кюстендил, Кърджали, 13–16 октомври 2015. София, 2017; Първата световна война и България през 1916 г. Международна научна конференция, 4–7 октомври, 2016. София, Благоевград, Добрич, Тутракан. София, 2016.

- ³⁴ България в Първата световна война 1915–1916. Сборник със студии и статии. София, 2016; България в Първата световна война 1917–1918. Сборник със студии и статии. София, 2017; България в Първата световна война. Равносметката. Сборник със студии и статии. София, 2018.

Ю.А. Писарев о русской эмиграция в Югославии*

Аннотация:

Ю.А. Писарев много занимался балканскими сюжетами Первой мировой войны. Продолжением этого интереса стала его статья о русской эмиграции в Королевстве Югославия, о построенном эмигрантами Русском доме в Белграде и находившейся там библиотеке, которая была уничтожена после Второй мировой войны. Статья была одной из первых отечественных работ, написанных на эту тему. В ней ярко проявились особенности жизненного и творческого кредо автора.

Ключевые слова:

русская эмиграция в Югославии, Русский дом в Белграде, библиотека эмигрантской литературы, академик Ю.А. Писарев.

*Konstantin V.
NIKIFOROV*

Yu.A. Pisarev on the Russian emigration in Yugoslavia

Abstract:

It is well known that Soviet academician Yu.A. Pisarev devoted his particular attention to the Balkans on the eve of the First World War. Taking a further step he published an article about the Russian emigration in the Kingdom of Yugoslavia, the Russian House in Belgrade created by the emigrants, and the library located there which was later destroyed in the course of the Second World War. This article was one of the first works in the USSR devoted to this topic. Pisarev's life and scientific stance is fully displayed in the work.

Key words:

Russian emigration in Yugoslavia, the Russian house in Belgrade, the library of emigrant literature, academician Yu.A. Pisarev.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-59-18002 Болг_а «Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность)».

Нам хотелось бы вспомнить академика Юрия Алексеевича Писарева (1916–1993)¹, со дня кончины которого прошло уже более четверти века. Он много писал о Балканах во времена войн и перемирий, и недаром посвященный ему очередной тематический сборник «Славяне и Россия» так и назывался: «Проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв.»². Нужно сказать также, что Писарев не только одним из первых советских историков стал писать о событиях Первой мировой войны³, но и создал Ассоциацию историков по ее изучению. В те времена это было совсем не просто.

Первая мировая война — Великая война, как ее называли современники, — в советское время трактовалась как война «империалистическая» и всегда затушевывалась по сравнению с Великой Отечественной войной. Соответственно и жертвы этой войны замалчивались. В том, что отношение к Первой мировой войне и российским жертвам этой войны стало постепенно меняться, — велика заслуга Ю.А. Писарева.

Однако мы бы хотели напомнить еще об одной стороне его многогранного творчества — о его вкладе в изучение истории русской или российской эмиграции в Югославии. Он успел написать лишь одну статью на эту тему, но она важна, поскольку раскрывает не только важную научную проблему, но и мировоззренческие позиции и особенности работы самого автора.

Деятельность русской эмиграции пришлось на недолгий период мирной паузы между двумя мировыми войнами. В этот период, при отсутствии официальных отношений между СССР и Королевством сербов, хорватов и словенцев (Югославия), трудно говорить о каких-либо русско-сербских или советско-югославских связях. Но в какой-то степени традиционно дружеские связи между двумя народами были представлены отношениями сербов с русскими беженцами. И эти отношения были весьма плодотворными. Вклад русских эмигрантов в сербскую культуру и науку был значительным и заметным. Его следы видны даже в наши дни.

Проблема русской эмиграции на Балканах и прежде всего в Королевстве Югославия Ю.А. Писарева волновала давно. Он пришел к ней органично, исследуя балканские сюжеты Первой мировой войны. Однако заняться сразу этой проблематикой

он не мог — по понятным причинам история послереволюционной русской эмиграции долго оставалась еще большей табу-темой, чем Первая мировая война, публиковать по ней серьезные работы было невозможно.

Начавшаяся перестройка в СССР устранила многие препятствия. В конце 1980-х годов Ю.А. Писарев вступил в переписку с проживавшим тогда в Южной Калифорнии (США) младшим сыном полковника В.А. Артамонова — военного агента Российской империи в Сербии, который после октябрьского переворота 1917 г. остался в Югославии. Тот прислал ему «целый ряд ценнейших фотографий и сообщил о малоизвестных ... подробностях событий, происходивших в Белграде накануне Первой мировой войны»⁴. Еще раньше, во время своих командировок в Югославию, Писарев встречался с представителями первой волны российской эмиграции, в частности с известным ученым В.А. Мошиным. Вспоминая об одной из таких встреч, Писарев писал, что «люди в потертых пиджаках и поношенных платьях оказались высококультурными собеседниками»⁵.

Неудивительно, что, как только это стало возможно, Ю.А. Писарев стал автором одной из первых серьезных научных статей о российской эмиграции в Югославии⁶. За год до него к этой теме обратился также доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ В.А. Тесемников в своей статье «Российская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.)»⁷. Сейчас по этой теме написано уже очень много, прежде всего в России и Сербии⁸. И это понятно — история российской эмиграции в Югославии принадлежит прежде всего этим двум странам. Но надо отдать должное Тесемникову и Писареву — в отечественной историографии они были первыми. По крайней мере, первыми, кто постарался и смог взглянуть на эту проблему непредвзято. В Сербии одна из первых научно значимых монографий принадлежала перу О. Джурича — «Русская литературная Сербия»⁹. Необходимо отметить многолетнюю плодотворную деятельность А.Б. Арсеньева, хранителя документации и самой памяти о русской эмиграции в Сербии, автора интересных трудов о русских в Воеводине¹⁰. Из последних работ отметим монографию И. Антанасиевич о русском комиксе в Югославии¹¹.

Основная тема статьи Писарева — культурная и научная деятельность российской эмиграции в Югославии. Надо отметить, что такой подход к проблеме эмиграции был вполне обоснован. Он был менее политизирован, а главное — лучше обеспечен документальным материалом. Другое дело, что он до сих пор остается доминирующим в отечественной и сербской историографии. В результате в изучении российской эмиграции в Югославии существует заметный перекосяк: превалируют работы, посвященные размещению беженцев в Югославии, их быту, издательской деятельности и прежде всего вкладу эмигрантов в развитие культуры и науки принявшей их страны¹². В то же время опубликовано намного меньше работ, которые бы затрагивали политическую историю эмиграции, идейно-организационную борьбу ее представителей и т.п.

В этом смысле немногим лучше исследовано участие русских эмигрантов в событиях гражданской и освободительной войны в оккупированной Югославии в годы Второй мировой войны¹³. Но это не отменяет задачи написания собственно истории эмиграции в межвоенный период. До сих пор одной из самых востребованных на эту тему книг остается первый том записок В.А. Маевского, изданных в США в середине 1960-х годов¹⁴. Назовем еще одну важную работу — книгу, написанную неизвестными русскими эмигрантами, оказавшимися в югославских тюрьмах после сталинско-титовского конфликта 1948 г. Работа велась, естественно, не по доброй воле, а по приказу тюремщиков, создавших из отобранных русских заключенных своего рода «шарашку»*. Окончательно рукопись под грифом «секретно» была перепечатана в количестве 172 экземпляров, озаглавлена «Белоэмиграция в Югославии. 1918–1941.» и датирована «Белград, январь 1955 г.». Судьба распорядилась так, что многолетний труд русских эмигрантов перестал быть актуальным к моменту своего завершения. В советско-югославских отношениях началась так называемая нормализация. Однако еще долго главный исторический труд эмигрантов, их своего рода «автопортрет»,

* Шарашка — разговорное название НИИ и КБ тюремного типа, подчиненных НКВД (позже МВД) СССР, в которых работали осужденные ученые, инженеры и техники с 1930 по 1953 гг.

оставался в ведении госбезопасности. Лишь в начале XXI в. он, наконец, увидел свет¹⁵.

Но вернемся к статье Ю.А. Писарева «Российская эмиграция в Югославии». Она интересна не только по новаторскому для тех лет содержанию, но и по необычной форме. В ней ученый использовал оригинальный прием — о российской эмиграции рассказывается не напрямую, а через судьбу эмигрантской публичной библиотеки. В итоге именно библиотека становится как бы главным действующим лицом этой статьи. Так чаще пишут художественные, нежели научные произведения.

У статьи мощный зачин — также сродни началу художественного произведения: «Знаменитая Тургеневская библиотека в Париже была уничтожена гитлеровцами. Русская публичная библиотека в Белграде погибла из-за попустительства и безответственности некоторых руководителей советских учреждений в Югославии...»¹⁶. Конечно, здесь есть известное преувеличение. Российские чиновники в Югославии были лишь олицетворением проводившейся тогда политики. Но они, говоря словами Евгения Шварца, оказались лучшими учениками.

Русские беженцы захватили с собой на чужбину самое дорогое, в том числе и книги. Одна из жительниц г. Сремски-Карловцы вспоминала, что у русских был свой «клуб», где они собирались. «Там же располагалась и их большая библиотека с отборными книгами, преимущественно русскими, привезенными с родины. Я себе часто задавала вопрос, как им удалось привезти эту уйму книг»¹⁷. Разрозненные книжные собрания, библиотеки в 1932 г. были собраны в одном месте, когда эмигрантская библиотека открылась в новом помещении — построенном рядом с бывшим посольством России Русском доме имени императора Николая II. С этого времени Ю.А. Писарев показывает все изломы судьбы русской эмиграции еще и через призму тех изменений, которые происходили с Русским домом.

И вновь любимый прием автора — противопоставление: «Русский дом был возведен в самом центре Белграда, вблизи королевского дворца, и принадлежал к одним из лучших зданий югославской столицы... Вместительный и красивый, Русский дом привлекал к себе внимание жителей Белграда, которые охотно посещали вы-

ставки и вернисажи, музей казачьей конницы и смотрели кинофильмы...»¹⁸. После Второй мировой войны всё изменилось: «Дом советской культуры уже не был тем центром... Русский дом потерял свое обаяние. Изменился к худшему даже его внешний облик. Прекрасное архитектурное сооружение было исковеркано после реконструкции... Но самым нелепым и кощунственным было водружение памятника Ленину у гардероба при входе в читальный зал...»¹⁹.

Как-то, пишет Ю.А. Писарев, он «посетил Дом советской культуры (ДСК), где читался доклад о развитии социализма в СССР. В зале, где когда-то под овации переполнявшей его публики И.В. Северянин читал свое знаменитое стихотворение «Я — гений Игорь Северянин!», сидела небольшая горстка стариков...»²⁰. И даже это еще было хорошо. «При значительном штате, — пишет автор, — ДСК посещало мало людей — преимущественно это были советские командировочные. Эмигранты, как правило, обходили ДСК, может быть, памятуя о том, что он сыграл трагическую роль в судьбе их библиотеки»²¹.

Уничтожение русской библиотеки в Белграде началось фактически сразу же после войны, после передачи правительством Югославии Русского дома в дар Советскому Союзу. «Газеты и журналы эмигрантов были сожжены в котельной ДСК, часть из них сдана как утильсырьё в 1946–1947 гг.»²². Однако «наибольший ущерб библиотека понесла при после СССР в Югославии Н.П. Фирюбине (1955–1956)²³». Ученые пытались как-то воспрепятствовать этому вандализму. «В 60-е годы закончилось ничем ходатайство двух советских ученых — профессора МГУ В.Г. Карасева и доцента МГУ В.П. Гудкова — перед послом СССР в СФРЮ А.А. Епишевым (1961–1962)²⁴ о спасении библиотеки», а в 70-е годы тот же результат ожидал самого Писарева, «дважды ставившего этот вопрос перед послом В.И. Степаковым (1971–1978)²⁵»²⁶.

В целом в статье на югославском примере поставлен важный вопрос об отношении к исторической памяти, к историческим ценностям наших официальных лиц и, в частности, высокопоставленных дипломатических работников. Их отношение часто просто удручает, особенно на фоне самоотверженного поведения многих ученых или деятелей культуры. К сожалению, это относится не только к советскому периоду.

В 1975 г., когда российская эмиграция доживала в Югославии свой нелегкий век, Русскую библиотеку впервые посетила представитель Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина Н.П. Горская. «Она была поставлена, — отмечает Писарев, — в исключительно трудные условия работы в грязном подвале. Ей всё же удалось спасти часть книг. Так бесславно закончилась эта печальная эпопея: история с белградской библиотекой», а наше Отечество с ее гибелью понесло «невосполнимую утрату»²⁷.

Попутно в статье Ю.А. Писарева читатель может найти и много других интересных сведений, иногда прямо не связанных с судьбами эмигрантов. Тем более что в ткань статьи органично вписаны личные воспоминания ученого. Например, он приводит важные данные, которые подтверждают, что Л.Н. Толстой «во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. намеревался записаться добровольцем в русскую армию. “Все идут и я должен пойти”, — заявил он». Толстой также «резко осудил агрессию Габсбургов против незащитной Боснии и Герцеговины»²⁸. Этот факт интересен тем, что в литературе позиции двух классиков — Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского — по отношению к Восточному вопросу и помощи России южным славянам часто противопоставляются. Из статьи Писарева видно, что их взгляды, по крайней мере, не были диаметрально противоположными. Впрочем, наверное не случайно, Толстой послал героя «Анны Карениной» Алексея Вронского умирать именно в Сербии²⁹.

Конечно, статья Ю.А. Писарева, которая писалась в последний год существования Советского Союза, еще не полностью свободна от всех старых идеологических клише. Так, автор отмечал, в частности, что «диктатура пролетариата не предполагала преследование непролетарской интеллигенции», и это якобы понимал Ленин, провозгласивший доктрину восприятия “всех тех богатств, которые выработало человечество”». Чисто тактический шаг 1921 г. по заманиванию белоэмигрантов в Россию назван Писаревым «гуманным декретом об амнистии», хотя многих из них, поверивших и вернувшихся, расстреляли. Правда, он сам признаёт, что уже через год «была произведена насильственная депортация 200 интеллигентов-инакомыслящих»³⁰.

Завершает Ю.А. Писарев свою статью разделом «Память и памятники». Он вспоминает о роли России в освобождении Сербии от османского гнета и в защите ее от неприятелей в годы Первой мировой войны. И вновь автор прибегает к противопоставлению. Он описывает запустение на кладбище в Белграде, где покоятся российские солдаты и офицеры, погибшие на фронтах Первой мировой: «Поросли бурьяном могилы воинов, превратившиеся в размытые дождями небольшие холмики земли, покосились, а то и упали деревянные кресты, стерлись от времени таблички с именами... Советское посольство в Югославии не обращало на кладбище никакого внимания»³¹. В то же время могилы советских воинов содержались в надлежащем порядке³².

Другой пример. В самом центре Белграда, в парке Калемегдан, есть памятник «благодарения» французским воинам, на цоколе которого написано: «Любим Францию, как и она нас любила». Но именно на этом месте, обороняя Белград осенью 1914 г., погибли русские артиллеристы. Французские же войска, напоминает Писарев, «вошли в Белград только 11 ноября 1918 г., через десять дней после освобождения города самими сербскими солдатами». Все эти факты ученый изложил послу В.И. Степакову, но тот отмахнулся от него, «как от назойливой мухи». «Царские солдаты не интересовали советского посла»^{33, 34}.

В то же время югославские официальные лица выглядели более пристойно. Несмотря на некоторую критику их отношения к российским эмигрантам, ученый отмечал в своей статье, что «в югославском народе не померкла благодарная память о русских, внесших свой вклад в развитие их культуры», воевавших за Белград в годы Первой и Второй мировых войн³⁵.

В свою очередь и в русском народе отношение к сербам традиционно занимает совершенно особое место. О своем первом посещении Австрии и Югославии Ю.А. Писарев вспоминал через много лет, используя уже не раз отмеченный прием противопоставления: «На меня, помнится, произвели большое, но разное впечатление столицы обоих государств: державная Вена с ее роскошными дворцами, имперскими площадями и величественными памятниками — немymi свидетелями былого могущества монархии Габсбургов, и более скромная менее официальная ... столица Сербии.

Белград с кривыми, уходящими в гору улочками, ремесленными мастерскими и бесконечными кафанами... Разные страны и разные люди... Степенные, подчеркнуто вежливые, но погруженные в себя, в свое дело и в свои раздумья австрийцы, неизменно прилично одетые в новые или слегка поношенные, но непременно отутюженные костюмы жители Вены, и, напротив, темпераментные, громогласные, пестро одетые сербы, готовые познакомиться тут же, на улице, которую они переходят где попало и как попало, нарушая движение транспорта, жители Белграда. Каждый второй австриец копит свои деньги в "шпархзамкассе" или в банке, каждый второй серб, а может быть, и каждый первый беспечно проживает и пропивает их, залезая в долги. У австрийских немцев всё рассчитано, всё взвешено. У сербов, напротив, всё неучтено, многое просто безалаберно». И тут же делается однозначный вывод: «Русским, привыкшим к размаху и беспечности, ближе сербы»³⁶.

Кстати, если уж мы говорим о русской библиотеке, то еще одним нерукотворным памятником пребывания русских эмигрантов в Сербии стало бережное отношение к книгам и в целом любовь к чтению, которые сербы переняли именно от них. Как писал сербский литературовед О. Джурич, «русский литературный вклад в Сербии больше заметен в культуре в широком смысле, чем в самой литературе». В Сербии, где «книга только занимала свою высокую духовную нишу, русское поклонение перед письменным словом стало подобно небесному дару»³⁷.

Повторим, что по теме русской эмиграции Ю.А. Писарев написал всего лишь одну статью. Но, как и во многих других случаях, он был одним из самых первых. И нам кажется, что его статья «Российская эмиграция в Югославии» заслуживает особого внимания по ряду причин. Статья — для своего времени новаторская, разноплановая, продуманная и содержательно, и композиционно. Статья — позволяющая судить не только о научных взглядах автора, но и о его литературном вкусе, о его стиле, чувстве слова. И это несмотря на то, что она, как и все последние труды ученого, писалась уже серьезно больным человеком, не прекращавшим работать даже на больничной койке. И это статья — не только пера маститого ученого, преданного исторической науке, но и настоящего гражданина, подлинного патриота своей страны.

Примечания

- ¹ См. о нем: *Виноградов К.Б., Шемакин А.Л.* Юрий Алексеевич Писарев (1916–1993) // *Портреты историков. Время и судьбы. Т. 4. Новая и новейшая история.* М., 2004. С. 366–377; *Данченко С.И.* Академик Юрий Алексеевич Писарев. Жизнь в науке // *Славяне и Россия: Проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю.А. Писарева.* М., 2017. С. 10–32.
- ² *Славяне и Россия: Проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв.*
- ³ См.: *Писарев Ю.А.* Сербия и Черногория в Первой мировой войне. М., 1968; *он же.* Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985; *он же.* Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия: 1914–1915. М., 1990; *он же.* Сербия на Голгофе и политика великих держав. 1916 г. М., 1993.
- ⁴ *Писарев Ю.А.* Тайны Первой мировой войны. С. 18, 124.
- ⁵ *Писарев Ю.А.* Российская эмиграция в Югославии // *Новая и новейшая история.* 1991. № 1. С. 160.
- ⁶ Там же. С. 151–161.
- ⁷ *Тесемников В.А.* Российская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.) // *Вопросы истории.* 1988. № 10. С. 128–137.
- ⁸ На наш взгляд, наиболее серьезной работой остается докторская диссертация профессора Белградского университета Мирослава Йовановича, опубликованная не только на сербском, но и на русском языке: *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. М., 2005.
- ⁹ *Ђурић О.* Руска литерарна Србија 1920–1941 (писци, кружоци и издања). Београд, 1990.
- ¹⁰ *Арсеньев А.Б.* У излучини Дунаја. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999; *он же.* Русская эмиграция в Сремских Карловцах. Сремски Карловци, 2008.
- ¹¹ *Антанасиевич И.* Русский комикс королевства Югославии. СПб., 2018.
- ¹² В России этими проблемами много занимался, в частности, В.И. Косик. См., например: *Косик В.И.* Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде. 1920–1950-е годы. Ч. 1. М., 2007; *он же.* Что мне до вас, мостовые Белграда? Русская диаспора в Белграде. 1920–1950-е годы. Эссе. М., 2007.
- ¹³ См.: *Тимофеев А.Ю.* Русский фактор и Вторая мировая война в Югославии. 1941–1945. М., 2010; см. также: *Тимофеев А.Ю.* Руси и Други светски рат у Југославији. Утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији 1941–1945. Београд, 2011.
- ¹⁴ *Маевский В.* Русские в Югославии. Взаимоотношения России и Сербии. Т. I. Нью-Йорк, 1960; Т. II. Нью-Йорк, 1966.
- ¹⁵ Белоемиграција у Југославији. 1918–1941. Т. I–II. (Приредили Т. Миленковић, М. Павловић.) Београд, 2006. См. также: *Никифоров К.В.* Белоемиграција у Југославији. 1918–1941. (Приредили Т. Миленковић, М. Павловић.) Београд, 2006. Т. I. 506 с.; Т. II. 359 с. // *Славяноведение.* 2007. № 4. С. 89–92.
- ¹⁶ *Писарев Ю.А.* Российская эмиграция в Югославии. С. 151.
- ¹⁷ Цит. по: *Арсеньев А.Б.* Русская эмиграция в Воеводине // *Русские в Сербии. Взаимоотношения России и Сербии с конца XII до начала XX века. Русская эмиграция в Сербии. Россияне в Сербии — последних 60 лет и сегодня.* Белград, 2009. С. 158.
- ¹⁸ Там же. С. 154.

- ¹⁹ Там же. С. 156.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. С. 157.
- ²³ В 1957–1983 гг. — заместитель министра иностранных дел СССР. Муж Е.А. Фурцевой (с 1956 по 1974 гг.) — первого секретаря Московского горкома КПСС (1954–1957), члена Президиума ЦК КПСС (1957–1961), министра культуры СССР (1960–1974).
- ²⁴ Весной 1962 г. отозван из Югославии, возвращен на военную службу и назначен на должность начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота, присвоено звание генерала армии.
- ²⁵ В 1964–1965 гг. — главный редактор газеты «Известия», в 1965–1970 гг. — заведующий отделом пропаганды ЦК КПСС, доктор исторических наук.
- ²⁶ Писарев Ю.А. Российская эмиграция в Югославии. С. 158.
- ²⁷ Там же. С. 151, 158–159.
- ²⁸ Там же. С. 154.
- ²⁹ См., напр.: *Шемякин А.Л.* Смерть графа Вронского. М., 2002; 2-е доп. издание. СПб., 2007.
- ³⁰ Писарев Ю.А. Российская эмиграция в Югославии. С. 158.
- ³¹ Там же. С. 159.
- ³² Время изменилось. К 100-летию начала Первой мировой войны русская часть белградского кладбища «Ново Гробле» была отреставрирована российской стороной. К сожалению, дорогостоящие работы были проведены крайне неудачно, от оригинального вида мемориального места мало что осталось.
- ³³ Писарев Ю.А. Российская эмиграция в Югославии. С. 159–160.
- ³⁴ К 100-летию Первой мировой войны в белградской крепости Калемегдан всё же был установлен памятник в честь русских и сербских солдат, погибших при обороне города. Он был привезен из России и представляет собой гранитный крест высотой 2,7 метра с бронзовым изображением Георгия Победоносца.
- ³⁵ Писарев Ю.А. Российская эмиграция в Югославии. С. 160–161.
- ³⁶ Писарев Ю.А. Тайны Первой мировой войны. С. 3.
- ³⁷ Бурић О. Руска литерарна Србија 1920–1941. С. 271.

Между Сциллой и Харибдой: Болгария в геополитических расчетах Германии и СССР в начальный период Второй мировой войны*

Аннотация:

Статья освещает положение Болгарии, оказавшейся в начальный период Второй мировой войны на перекрестке геополитических интересов Германии и Советского Союза и вынужденной воспринять тактику лавирования и затягивания времени при выборе своего стратегического партнера и союзника. Объявив о полном и последовательном нейтралитете, болгарское руководство на практике склонялось к превращению его в дружественный Германии, чему в немалой степени способствовало содействие Берлина в передаче Болгарии Южной Добруджи. Помимо готовности германского руководства гарантировать территориальные приращения Болгарии, на оформление позиции Софии в значительной степени влияли страх перед большевизмом и осуществленный к тому времени «прибалтийский сценарий». Вступление Болгарии в марте 1941 г. в Тройственный пакт означало, что СССР проиграл дипломатическое сражение за Болгарию.

Ключевые слова:

Германия, СССР, советская стратегия безопасности и сражение за Болгарию, визит В.М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г., Тройственный пакт.

*Tatiana V.
VOLOKITINA*

Between Scylla and Charybdis: Bulgaria in geopolitical calculations of Germany and the USSR at the early stage of World War II

Abstract:

The article covers the position of Bulgaria, which found itself at the crossroads of geopolitical interests of Germany and the Soviet Union in the initial period of the Second world war and was forced to employ the tactics of maneu-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-59-18002 Болг_а «Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность)».

vering and dragging its heels choosing its strategic partner and ally. Having declared complete and consistent neutrality, Bulgarian leadership in practice tended to turn the country into a «Pro-German» unit, which was greatly facilitated by the assistance of Berlin in the transfer of Southern Dobrudja to Bulgaria. In addition to the willingness of the German leadership to guarantee territorial increments of Bulgaria, Sofia's position was to a great extent influenced by the fear of Bolshevism and the so-called «Baltic scenario» implemented by that time. Bulgaria's entry into the Triple Pact in March of 1941 meant that the USSR lost the diplomatic battle for Bulgaria.

Key words:

Germany, the USSR, Soviet security strategy and battle for Bulgaria, visit of V. M. Molotov to Berlin in November 1940, the Triple Pact.

Накануне Второй мировой войны ведущие европейские государства вели сложную политико-дипломатическую игру с целью разграничения сфер интересов в Европе и на Ближнем Востоке. Исследователи едины в оценках важности в этом контексте балканских проблем. Расположенная «в сердце» Балкан Болгария оказалась в эпицентре событий: на ней сосредоточили свои дипломатические усилия как набравшая силу и нацеленная на реванш Германия, так и Советский Союз.

Интерес Германии к Болгарии объяснялся намерением укрепить собственные позиции на Балканском полуострове и в целом в Черноморье, а также способствовать обеспечению рейха сырьем и продовольствием. Советское политическое руководство рассматривало малую балканскую страну как ключевой элемент системы безопасности СССР в бассейне Черного моря — сухопутный мост к Проливам¹. Возможность влиять на режим прохождения судов, установление советского контроля над морским побережьем Болгарии позволили бы, как считали в Москве, минимизировать потенциальную угрозу СССР со стороны Германии и Великобритании в Черноморском бассейне. По мнению израильского историка Г. Городецкого, вплоть до нападения Германии на Советский Союз Сталин допускал такой неблагоприятный для советской стороны вариант развития событий².

Положение оказавшейся между двух огней Болгарии было сложным. Признавая, но отнюдь не идеализируя геополитические расчеты Германии и их балканскую составляющую, болгарское руководство с осторожностью оценивало и политику Моск-

вы. Как отметила российская исследовательница Е.Л. Валева, София взяла курс на «сдержанное и дозированное улучшение отношений с СССР, избегая при этом тесного сближения на политической основе»³. По этой причине фактическим провалом закончилась миссия в Софию заместителя наркома иностранных дел СССР В.П. Потемкина в конце апреля 1939 г.: болгарская сторона отказалась от советского предложения принять участие в «организации системы защиты мира». Достаточным для себя болгары считали строгое следование линии «*лояльного эффективного и исчерпывающего нейтралитета*» (Здесь и далее курсив мой. — Т. В.). Именно так определил официальную позицию Софии на встрече с В.М. Молотовым в августе 1939 г. член делегации Народного собрания Болгарии, председатель парламентской комиссии по иностранным делам Г. Говедаров⁴. Альтернативный вариант балканского сотрудничества во имя сохранения мира оказывался для болгарской стороны неприемлемым из-за территориальных споров, в первую очередь, из-за отошедшей к Румынии Южной Добруджи. Ранее, в беседе 26 апреля 1939 г. с Потемкиным, глава кабинета министров Георгий Кыосиванов следующим образом изложил оценку ситуации: *«Болгария более чем когда-либо угнетена сознанием своего одиночества. Это ощущение особенно усилилось после гибели Чехословакии. Болгарский народ опасается и своего порабощения немцами, ненавидящими славян. Фактически немцы уже овладевают Болгарией. Они закупают до 80% ее экспорта и вынуждают ее закупать на эту выручку немецкие товары и вооружение. Ни Англия, ни Франция, к которым много раз обращалась Болгария, до сих пор не помогли ей ничем. Болгария готова была бы сотрудничать вместе с прочими балканскими государствами для сохранения мира. Но для этого она хотела бы, чтобы Балканский пакт* не был направлен против нее, как это было до сих пор, и чтобы ей вернули Южную Добруджу, житницу прежней Болгарии, дававшую до 16% всего болгарского экспорта. Богатая хлебом Румыния не нуждается в этой области. На большее Болгария*

* Балканский пакт, или Балканская Антанта, — созданный в 1934 г. блок в составе Турции, Греции, Румынии и Югославии. Цель блока — сохранение status quo на Балканах в рамках Версальской системы.

сейчас не претендует. Пусть ей вернут Добруджу, отнятую у нее в 1913 году, и она вступит в сотрудничество с балканскими странами, охраняющими мир. Сама Болгария не хочет войны. Она желала бы остаться в стороне от международных конфликтов, сохранив нейтралитет»⁵. На прямой вопрос советского дипломата: «Готова ли Болгария активно поддержать Румынию, Турцию, Грецию или другую жертву агрессии при условии последующего удовлетворения ее желания получить обратно Южную Добруджу», Кьосеиванов ответил так: «Он согласен, что нейтралитет представляется иллюзией. Он понимает, что Болгарии не избежать хотя бы страдательного участия в общем конфликте. Для того, чтобы она приняла на себя обязательства активно выступить против агрессора на защиту балканских стран, нужно было бы пересмотреть Балканский пакт и распространить его нынешние обязательства касательно совместной защиты внутрибалканских границ и на внешние границы участников пакта. Это обеспечило бы их коллективную оборону против опасности агрессии со стороны Германии и Италии»⁶.

Очевидный акцент на Южную Добруджу не означал отсутствия у болгар других территориальных притязаний — к Югославии на Вардарскую и к Греции на Эгейскую Македонию, что, естественно, не могло не беспокоить их соседей.

В балканской политике Москвы болгарское направление рассматривалось в одной сцепке с турецкими делами. Важность такого подхода возросла после того, как в результате итало-абиссинской войны* Анкара стала открыто ориентироваться на Великобританию. Для советской стороны это создавало определенную угрозу нарушения баланса сил на Балканах и в Черноморье и воспринималось с тревогой. Не случайно в начале мая 1939 г. в телеграмме В.П. Потемкину, находившемуся с визитом в Турции, нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов напоминал:

* Итало-абиссинская, или итало-эфиопская, война (1935–1936 гг.) велась за обладание Италией африканскими территориями. Завершилась победой итальянцев: по декрету короля Виктора Эммануила III от 9 мая 1936 г. Эфиопия вошла в состав Итальянской Восточной Африки. Вялотекущая партизанская война продолжалась вплоть до осени 1941 г., когда итальянские войска были разгромлены англичанами и Эфиопия освобождена от итальянской оккупации.

*«Имейте в виду, что в истории Стамбул брался всегда с суши, со стороны Болгарии. Чтобы ликвидировать этот недостаток, нужно добиваться того, чтобы Болгария включилась в общий фронт миролюбивых сил против германской агрессии. Отсюда [вытекает] необходимость переуступки болгарам Южной Добруджи»⁷. Однако, как нередко бывает, одно звено в территориальных вопросах может потянуть за собой другие. Не случайно, беседуя с Потемкиным 30 апреля, президент Турции Мустафа Исмет Инёню выразил опасение, что, получив Южную Добруджу, болгары заявят права на Фракию и Дедеагач*⁸. И, надо признать, оказался прав.*

Итак, начало войны Болгария встретила объявлением нейтралитета. Понимая, однако, всю хрупкость этой конструкции, руководство страны прибегло к проверенной тактике лавирования, тем более что подписанный 23 августа 1939 г. пакт о ненападении между Германией и СССР этому способствовал. Заключив на рубеже 1939–1940 гг. серию соглашений и фактически предоставив Советскому Союзу свободный транзит через болгарскую территорию для грузов, направляемых в третьи страны, в том числе и в Германию, болгары продемонстрировали готовность поддерживать дружественные отношения с Москвой. Однако при урегулировании вопроса о Южной Добрудже летом 1940 г. они предпочли опереться на Германию, хотя советское руководство заявило о своей готовности поддержать болгарские требования активными действиями⁹. В результате начатые по инициативе Берлина болгаро-румынские переговоры в Крайове завершились 7 сентября 1940 г. подписанием договора, по которому Болгарии возвращалась Южная Добруджа в границах 1913 г. и предстоял обмен титульным населением¹⁰. На протяжении сентября–декабря 1940 г. место более 102 тыс. покинувших край румын заняли 67 тыс. болгар-переселенцев из Северной Добруджи. В итоге обмена доля болгар в Южной Добрудже превысила 53%, а румын сократилась до 1,6%¹¹. Проводившимся в межвоенный период румынскими властями колонизации и этнокультурной ассимиляции Южной Добруджи был положен конец.

* Дедеагач — турецкое название греческого города Александруполиса на берегу Эгейского моря.

Политический эффект столь важной для Софии дипломатической акции был исключительно велик: «дружеское посредничество» Германии в разрешении добруджанского вопроса вызвало среди болгар сильный всплеск германофильских настроений и усиление фашистской и националистической пропаганды. Огромное значение приобрел тот факт, что Южная Добруджа «упала в руки болгар подобно спелому яблоку». Это образное сравнение, сделанное в генконсульстве США в Стамбуле, сопровождалось не менее эмоциональным заключением американских дипломатов, что «вся страна сошла с ума от восторга и радости»¹². Отразилось это даже и в изменениях на карте Софии. Центральный бульвар, носивший прежде имя болгарского предпринимателя и мецената Евлоги Георгиева, получил новое название: одна часть его стала бульваром Адольфа Гитлера, другая — бульваром Бенито Муссолини*. Широкие круги болгарского общества одобрили выбор правящих кругов, сделавших ставку на Берлин. И именно под влиянием этих событий болгарский нейтралитет быстро обрел вполне отчетливую перспективу превращения в «прогерманский»¹³. Рассчитывая удержать Болгарию в стороне от будущего военного конфликта, царь Борис и кабинет министров рассматривали нейтралитет под особым углом зрения: как необходимость ступить «в ногу» с генеральной германской политикой, избегая любых шагов, которые могли бы считаться вызовом мощному Третьему рейху. Иной вариант действия, отмечал биограф царя Бориса III С. Груев, исключался, учитывая как экономическую зависимость Болгарии от Германии, так и несомненное сходство ревизионистских устремлений немцев и болгар, весьма болезненно воспринимавших «наследство» Версаля¹⁴. Существенное влияние оказывал на болгарскую политику и еще один важный фактор — страх перед большевизмом. Груев писал в связи с этим: «Россия — как страна и культура — традиционно радовалась своей популярности в Болгарии, хотя первоначальное преклонение перед старшим братом-освободителем значительно охладело после Освобождения, когда его медвежье объятие начало мало-помалу душить. Но даже самые рьяные ру-

* Современное название — бульвар Евлоги и Христо Георгиевых.

софилы в Болгарии возмущались и боялись революции, которая в их глазах разрушила многое из того, что они любили в России: ее славянскую душу, ее культуру и религию, и [коснулась] многих выдающихся личностей, которыми они восхищались»¹⁵. Учтя эти благоприятные для себя факторы, Германия 16 октября 1940 г. официально, причем в ультимативной форме, предложила Болгарии присоединиться к Тройственному пакту. Для Софии наступило время нелегких раздумий¹⁶.

Советская сторона, обеспокоенная активностью Германии в потенциальной сфере интересов СССР¹⁷, рассчитывала прояснить обстановку, а, если удастся, то и разрешить своеобразный «кризис взаимопонимания» в отношениях между Москвой и Берлином. Посему советское руководство приняло официальное приглашение главы правительства СССР В.М. Молотова посетить Берлин в ноябре 1940 г.

Свою задачу на предстоявших переговорах германская сторона определяла как выяснение шансов привлечения СССР к активному военно-политическому сотрудничеству с Германией против Великобритании и, при необходимости, США. В Берлине рассчитывали, что лакомой для Москвы приманкой может стать обсуждение вопроса о разделе не только Восточной Европы, но и всей Евразии на сферы влияния.

Главная задача советской стороны, судя по документам, заключалась в том, чтобы «разузнать действительные намерения [Германии] и всех участников пакта 3-х...»¹⁸. Конкретное наполнение этого тезиса отразили «директивы», которыми должна была руководствоваться на переговорах советская делегация. На них единодушно ссылаются все исследователи. Однако, по мнению академика А.О. Чубарьяна, «директив» как конкретного документа, скорее всего, не существовало: точнее говорить о записи некоего совещания и возможных рекомендаций, которые в преддверии визита давал Сталин, возможно, с учетом других высказываемых предложений¹⁹. В ходе переговоров было желательно «подготовить первоначальную наметку сферы интересов СССР в Европе, а также в Ближней и Средней Азии, прощупав возможность соглашения об этом с [Германией] (а также с И[талией])»²⁰. В записи указывалось на «серьезные интересы»

СССР в Турции, Румынии и Венгрии и особо подчеркивалось: «Болгария — главный вопрос переговоров, она должна быть, по договоренности с Г[ерманией] и И[талией], отнесена к сфере интересов СССР на той же основе гарантий Болгарии со стороны СССР, как это сделано Германией и Италией в отношении Румынии, с вводом советских войск в Болгарию»²¹. (Напомним, что решения Венского арбитража от 30 августа 1940 г. Германия как один из «арбитров» интерпретировала, помимо прочего, и как обретение своего права в случае «угрозы» направить войска для прикрытия нефтеносных районов Румынии.) Уже в ходе начавшихся переговоров Молотов получил дополнительные разъяснения из Москвы. В телеграмме Сталина от 13 ноября подчеркивалось, что «безопасность черноморских районов СССР нельзя считать обеспеченной без урегулирования вопроса о Проливах» и что именно с вопросом обеспечения безопасности СССР, то есть спокойствия в районе Проливов, «органически связан вопрос о гарантировании Болгарии со стороны СССР». Без договоренности с болгарями о пропуске советских войск «для защиты входов в Черное море» обеспечить такие безопасность и спокойствие не представлялось возможным²². Наличие воинского контингента в Болгарии, по расчетам Москвы, должно было стать действенным средством давления на Турцию²³.

Добиваясь согласия Болгарии, советская сторона была готова предоставить ей гарантии неприкосновенности территории и сохранения существующего внутреннего режима, причем, по словам Молотова, «если угодно, [не] на сотни, а [на] тысячи лет». «Советский Союз ни при каких обстоятельствах не намерен вмешиваться во внутренние дела этой страны, ни «на волосок» не отойдет от этого обещания и готов гарантировать Болгарии выход в Эгейское море», — заверял Молотов²⁴.

Несмотря на немалые усилия дипломата, вопрос о советских гарантиях Болгарии решить в Берлине не удалось: признав на словах интересы СССР в зоне Проливов, Гитлер не пошел ни на какие реальные договоренности. «Похвастаться нечем, — сообщал Молотов в Москву, — но, по крайней мере, выяснил теперешнее настроение Гитлера, с которым придется считаться»²⁵. Последующие события показали, что советская сторона не могла

действовать «на равных» с германским союзником и всё время оказывалась в положении догоняющего.

Важность для советского руководства привлечения Болгарии на свою сторону подтвердила и коллизия, возникшая в ходе визита Молотова вокруг вопроса о вступлении СССР в Тройственный пакт. Гитлер отметил ориентацию участников пакта на «великое азиатское пространство», которое предлагал разделить на восточно- и центрально-азиатское, причем, последнее с выходом в открытый океан (Индийский) он считал возможным включить в «сферу интересов России». Нацеливая, таким образом, СССР на Иран, Афганистан и британскую Индию, германское руководство не только рассчитывало ограничить намерения СССР в Европе и ослабить его позиции на континенте, но и преследовало цель столкнуть его с Великобританией²⁶.

Резонно задаться вопросом, насколько серьезно оценивали в Москве проект пакта четырех держав? На наш взгляд, убедительных подтверждений, что он был принят советским руководством за чистую монету, нет, хотя в отечественной историографии этот вопрос под сомнение фактически не ставится²⁷. Исходной точкой такого подхода является факт, что Москва не собиралась отказываться от политики раздела сфер влияния, оформление которой началось во время советско-германских переговоров 1939 г. Некоторые исследователи приводят в качестве аргумента выдержку из телеграммы Сталина Молотову в Берлин от 13 ноября 1940 г. («Если результаты дальнейшей беседы покажут, что ты в основном можешь договориться с немцами, а для Москвы останутся окончание и оформление дела, то тем лучше», — указывал Сталин²⁸.) Но может ли это служить полноценным доказательством? Советская сторона не могла не обратить внимание на то, что важное, «не сегодняшнего дня», предложение немцев, касавшееся геостратегических интересов Германии и СССР, было, по оценке Молотова, изложено «схематично»²⁹. (Показательно, что и участник переговоров министр иностранных дел И. фон Риббентроп назвал вышеупомянутый проект «мыслями в сыром виде»³⁰.) Основанных же на архивных источниках подтверждений какой-либо серьезной аналитической работы или всесторонних обсуждений в советском руководстве

далеко идущих намерений германского союзника на сегодняшний день нет³¹. В Москве доминировало желание любым способом оттянуть войну, в том числе и демонстрируя «равенство» перед инициативами Берлина. Советская сторона попыталась воспользоваться ситуацией, чтобы еще раз обозначить свою позицию в вопросе о сферах влияния. Однако, продемонстрировав определенную заинтересованность в определении границ предполагаемой «Великой Азии», Молотов во время берлинских встреч с фон Риббентропом и Гитлером настойчиво возвращался к конкретным вопросам, касавшимся, прежде всего, Финляндии, Болгарии, Румынии, Турции, прибалтийских стран, интересов СССР на Балканах. Как отмечал присутствовавший на переговорах в качестве наблюдателя личный переводчик фюрера Пауль Шмидт (беседы Молотова переводил тогда дипломат Густав Хильгер), такая нацеленность советской стороны фактически срывала намерение Гитлера «заставить русских сменить направление их устремлений с Запада на Юг» и якобы окончательно убедила фюрера в важности для Москвы западного (то есть европейского) вектора ее политики, с чем Гитлеру было трудно смириться. Это сказалось и на атмосфере переговоров. Г. Хильгер вспоминал: «Гитлер, приветствуя Молотова при первой встрече, был ошеломляюще любезен... Однако на второй день противоположность целей обоих партнеров по переговорам выявилась столь отчетливо, что о возможности договоренностей речь уже вряд ли могла идти»³².

Обстановка, действительно, постепенно накалялась. Шмидт впоследствии сравнил ее с поединком «двух боксеров-тяжеловесов». «Нокаута не было, но по истечении двух важных по своим последствиям дней мир между двумя странами подвергся большому испытанию... Я присутствовал на многих других встречах под сгущающимися перед бурей тучами на политическом небосводе, но все они казались расплывчатыми и смутными по сравнению с разговорами между Гитлером и Молотовым. ...Это был последний случай, когда внешняя форма и внутреннее содержание никак не были взаимосвязаны... Именно в те дни были приняты решения, которые привели Гитлера к мысли напасть на Советский Союз»³³.

С последним выводом трудно согласиться, поскольку разработка конкретных планов военной операции против СССР велась в Германии с лета 1940 г., причем одновременно в разных структурах — в штабах Верховного Главнокомандования и сухопутных войск, а также высшими офицерами, которым предстояло в будущем возглавить группы армий. 30 июля Гитлер сообщил военному руководству о намерении начать весной 1941 г. войну против СССР, а в первых числах августа 1940 г. был готов план «Фриц». В день прибытия советского наркома в Берлин, 12 ноября, Гитлер утвердил Директиву № 18, предписывавшую продолжить подготовку плана войны против Советского Союза «...независимо от результатов переговоров с Молотовым»³⁴. (Директива неукоснительно выполнялась: на основе плана «Фриц» был разработан и 5 декабря утвержден план «Отто», и, наконец, 18 декабря Гитлер подписал Директиву № 21, известную как план «Барбаросса». Все эти разработки основывались на тактике «блицкрига», то есть молниеносной войны.) Иными словами, предлагая Молотову проект присоединения СССР к Тройственному пакту, Гитлер уже имел в кармане первый вариант плана нападения вермахта на своего восточного союзника, что заставляет усомниться в искренности его намерений создать четверной союз. Более того, исследования российского историка В.И. Лоты, специально изучавшего мероприятия германского руководства по прикрытию плана «Барбаросса», дают основания рассматривать проект включения СССР в пакт в русле широкой кампании дезинформации, которая была санкционирована германскими верхами и активно велась, начиная с середины 1940 г. В подробно прописанном плане действий большое значение придавалось дипломатическим акциям на высоком уровне, что и подтвердили приглашение Молотова в Берлин на переговоры в ноябре 1940 г. и постановка на них по инициативе хозяев вопроса о дележе «наследства Великобритании» в качестве центрального.

А.О. Чубарьян справедливо характеризует озвученный на встрече в Берлине «евразийский план» Гитлера как «эфемерный» и «совершенно нереальный», в значительной мере из-за его «глобального» характера, что сразу же породило в Москве сомнения в достижимости и искренности намерений германского союзника.

Берлинская встреча не только не принесла ее участникам конкретных результатов, но, скорее всего, и не преследовала подобных целей. Во всяком случае, накануне отъезда в Берлин Молотов получил указание не подписывать никаких документов, отложить этот вопрос до будущей встречи в Москве, не давать немцам ясных и исчерпывающих ответов³⁵. В окончательном виде советская позиция была сформулирована уже после возвращения Молотова в Москву. К тому времени стало известно, что вызванному 17 ноября 1940 г. в резиденцию фюрера в Берхтесгадене царю Борису удалось парировать настойчивые требования присоединиться к Тройственному пакту, отложить его подписание, признав, однако, что Болгария «в принципе» готова к этому шагу. Свою позицию монарх мотивировал опасностью со стороны Турции для неподготовленной к войне Болгарии и возможным нежелательным ухудшением отношений с Москвой³⁶. Отказ Софии на том этапе, судя по всему, не только не успокоил советское руководство, но и усилил его активность в дипломатическом сражении за Болгарию, тем более что именно во второй половине ноября 1940 г. к Тройственному пакту присоединились Венгрия (20 ноября), Румыния (23 ноября) и Словакия (24 ноября).

Оказавшись между Германией и СССР, как корабль Одиссея между Сциллой и Харибдой, царь Борис прибегнул к характерной для него тактике лавирования и затягивания времени. Но в действительности он уже принял решение. В те дни в частном разговоре с лидером парламентской оппозиции Николой Мушановым монарх заявил: «Дилемма такова: Германия или Россия. Эти две силы будут решать судьбу Европы. Ваши чувства говорят Вам — Россия, но если Вы прислушаетесь к голосу разума, то ответите — Германия!»³⁷ Столь четко сформулированная позиция отнюдь не отражала истинное психологическое состояние царя Бориса, его доходящие до отчаяния колебания, помноженные на мучительное ощущение собственного бессилия и невозможности противостоять давлению внешних сил. При неясном исходе войны неизбежный союз с Германией казался монарху преждевременным, и оправдывала его лишь историческая задача национального объединения³⁸. Но этот довод перевешивал все остальные.

25 ноября 1940 г. в Москве послу В. фон Шуленбургу были вручены советские предложения, касавшиеся пакта четырех. По сообщению дипломата в германский МИД, советское руководство определило условия, на которых было готово присоединиться к пакту: признать район «к югу от Батуми и Баку в общем направлении к Персидскому заливу центром территориальных устремлений Советского Союза», а также «согласовать секретный протокол между Германией, Советским Союзом и Италией с признанием того факта, что Болгария географически расположена внутри зоны безопасности черноморских границ СССР...». В связи с этим, подчеркивало советское руководство, «заключение советско-болгарского договора о взаимопомощи... является политической необходимостью». Среди условий значилась также организация в районе Босфора и Дарданелл военной и военно-морской базы СССР на началах долгосрочной аренды³⁹.

В Москве также заявили о готовности поддержать болгарские территориальные претензии к Греции и Турции (Западная Фракия, Дедеагач, Драма и Кавала), организовать поставки в страну зерна, хлопка и пр., направить к болгарскому побережью советский флот. Об этом Сталин и Молотов информировали Георгия Димитрова в беседе 25 ноября 1940 г.⁴⁰. Все эти предложения, включая и отношение Москвы к участию в Тройственном пакте, прежде всего, подчеркивали острую заинтересованность советской стороны в разрешении к своей выгоде «болгарского вопроса». Но насколько действительно выполнимыми считали советские руководители эти условия, остается загадкой. Скорее, на наш взгляд, речь шла еще об одной попытке оказать опосредованным способом нажим на болгар, не питая, впрочем, никаких иллюзий на поддержку Берлина, преследующего свои цели в большой игре.

Одновременно советская сторона предприняла прямое давление на Софию. 24 ноября 1940 г. в болгарскую столицу прибыл дипломат высокого ранга, генеральный секретарь НКВД СССР А.А. Соболев. Цель его поездки заключалась в том, чтобы довести позицию советского руководства до царя Бориса и премьер-министра Богдана Филова⁴¹.

Переданные Соболевым предложения из 12 пунктов предусматривали оказание Болгарии «всяческой, в том числе и воен-

ной, помощи в случае угрозы [ей] со стороны *трех держав* или группы стран», содействие в осуществлении ее «национальных устремлений» — обеспечение выхода к Эгейскому морю и в район Адрианополя, помощь «деньгами, продовольствием, вооружением и сырьем» и пр. Обращает на себя внимание, что еще не дав окончательного ответа на предложение вступить в Тройственный пакт, советская сторона фактически признала его возможную антиболгарскую направленность, а выдвинув свое единственное условие — заключить советско-болгарский пакт, фактически отмежевалась от союза трех держав. Итог миссии Соболева, однако, оказался провальным: болгарское правительство отклонило советские предложения, несмотря на их привлекательность. Определяющим фактором, обусловившим негативный ответ болгар, явились опасения повторения у себя в стране «прибалтийского сценария», на чём, кстати, успешно сыграла немецкая дипломатия.

Хотя после отказа болгар, по указанию Коминтерна, в стране развернулась мощная «Соболевская акция»*, она, в конечном счете, сыграла на руку болгарским «верхам», укрепив их в решении присоединиться к Тройственному пакту. 30 ноября 1940 г. через посланника в Софии А.А. Лаврищева в Москву был передан ответ болгар на советские предложения, в котором говорилось, что Болгария уже начала соответствующие переговоры с Берлином. Рассчитывая на новые территориальные приращения, официальная София на том этапе заявила о неприемлемости удовлетворения своих национальных интересов силой оружия⁴², то есть в очередной раз подтвердила свои надежды на мирную ревизию итогов Версаля и расчеты остаться нейтральной в военном противостоянии. Заметим, что несмотря на кажущуюся абсурдность такой возможности, она оказалась впоследствии реализованной: помимо Южной Добруджи, Болгария, «не пошевелив пальцем», заполучила Фракию, Македонию и так называемые Западные окраины (территории, уступленные Королевству сербов, хорватов и словенцев по Нейскому мирному договору 1919 г.)⁴³.

* «Соболевская акция» — движение в поддержку пакта с СССР, развернутое болгарскими коммунистами на основе советских предложений и на средства Москвы.

Последней попыткой советской стороны склонить болгар к политическому сотрудничеству явилось предложение о предоставлении Болгарии гарантий безопасности и интересов в одностороннем порядке. 6 декабря 1940 г. Лаврищев передал соответствующее представление болгарам, а 18 декабря последовал ответ министра иностранных дел Ивана Попова с отклонением советского предложения⁴⁴.

Следует учитывать, что это решение болгарское правительство принимало в условиях сильного давления со стороны Германии, упорно стремившейся втянуть Болгарию в Тройственный пакт. В начале января 1941 г. Гитлер, убеждая главу кабинета Филова «не бояться» России, цинично прогнозировал, что германская союзница «проглотит свершившийся факт, как это было в случае с Румынией»⁴⁵.

Вскоре началась переброска немецких войск на Балканы. По донесениям югославской разведки, в начале января 1941 г. ежесуточно в Румынию через территорию Венгрии следовали по 18–20 эшелонов с войсками и военной техникой. Подобный размах ясно указывал на формирование у советских границ мощной ударной группировки, численность которой определялась в 400–500 тыс. чел.⁴⁶.

Этот факт обеспокоил как советское руководство, так и Запад. 17 января 1941 г. Молотов пригласил посла фон Шуленбурга для обсуждения «некоторых политических вопросов». Однако советский дипломат начал беседу с выражения удивления в связи с тем, что до сих пор Берлин не дал ответа на условия присоединения СССР к Тройственному пакту. На фоне реальных шагов Германии по созданию военной группировки вблизи советских рубежей удивление это выглядит сегодня странным и, более того, на наш взгляд, подтверждает дезинформационный со стороны немцев характер проекта пакта четырех. (Краткий и формальный ответ германского правительства был дан спустя еще неделю — 23 января 1941 г. и гласил, что советские условия обсуждаются с Италией и Японией и судьба их решится за столом переговоров с СССР⁴⁷. Явная отписка указывала, что в Берлине уже не пытались поддерживать в глазах Москвы иллюзии относительно продолжения с ней политического сотрудничества.) Проявилась в

полной мере та зависимость длительности соблюдения договоров от их целесообразности, о которой говорил Гитлер на совещании руководства вермахта еще 23 ноября 1939 г.⁴⁸.

Молотов, разумеется, не мог не поставить перед фон Шуленбургом вопрос о сосредоточении германских войск в Румынии «в большом количестве» и об их готовности оккупировать Болгарию, Грецию и Проливы. Советский дипломат подчеркнул, что возможные действия Англии и Турции по упреждению Германии чреваты превращением Болгарии в театр военных действий и что в создавшейся обстановке советское правительство будет считать «появление каких-либо иностранных вооруженных сил на территории Болгарии и обоих Проливов... нарушением интересов безопасности СССР»⁴⁹.

В болгарские дела мало-помалу начинали втягиваться и западные державы. Обеспокоенная действиями немцев на Балканах Великобритания по дипломатическим каналам открыто угрожала Софии разрывом отношений и бомбардировками военных и промышленных объектов. В середине января 1941 г. Лондон официально предупредил, что будет рассматривать присутствие германских войск в Болгарии как соучастие страны в германских операциях против Великобритании⁵⁰. Неожиданную активность, как выяснилось, инициированную Лондоном, проявили и Соединенные Штаты. Прибывший 19 января 1941 г. в Софию эмиссар президента Ф. Рузвельта, юрист и кадровый разведчик полковник Уильям Донован⁵¹ в беседах с болгарскими «верхами» (премьер-министром Б. Филовым и министрами И. Поповым и Т. Даскаловым) призывал болгар оставаться нейтральными, но при попытке немцев двинуться через болгарскую территорию в Грецию, где к тому времени находился британский экспедиционный корпус, выступить с оружием в руках. Воинственно настроенный гость не удержался и от прямой угрозы, заявив, что если Болгария ошибется в выборе союзника, то будет уничтожена. С. Груев отмечал, что визит Донована якобы разочаровал болгарского монарха, надеявшегося, что Запад достигнет компромисса с Германией прежде, чем война докатится до Балкан⁵². Однако опубликованные документы говорят и о других чувствах, которые вызвали у монарха речи американского визитера. В бе-

седе 26 января с начальником культурно-политического отдела МИД Германии Ф. фон Твардовским (беседа состоялась во время немецкой архитектурной выставки в Софии), царь Борис, как сообщал его собеседник в Берлин, говорил о визите Донована с явной издевкой. Подчеркнув, что тот не имел ни малейшего представления о политических условиях и истории Балкан, как и интереса к ним вообще, болгарский монарх назвал выступления Донована и иных эмиссаров «болтовней», признаком слабости. И особенно подчеркнул, что «если бы Америка была сильна, она бы действовала, а не угрожала»⁵³. Позиция Соединенных Штатов, ясно сформулированная Рузвельтом 29 декабря 1940 г. в одной из широко известных и популярных у американцев «бесед у камина»*, конечно, не прошла мимо внимания царя Бориса. Лаконичные формулировки, согласно которым «ни одна страна не может умиротворить нацистов», как «нельзя умиротворить безжалостного зверя» и «угуговорить зажигательную бомбу», президент сопроводил четкой задачей для своей страны — «стать военным арсеналом для всей мировой демократии» и убежденной констатацией: «Я верю, что державам Оси не победить в войне»⁵⁴. Поэтому, думается, рассчитывать на какие-либо иные заявления Донована у монарха не было оснований. А что, в свою очередь, мог ожидать от болгарской стороны Донован, если 20 января, то есть на следующий день после его прибытия в Софию, кабинет министров после 8-часового обсуждения принял решение о вступлении Болгарии в Тройственный пакт? Да и еще раньше болгарские политики в доверительных беседах с западными дипломатами ясно давали понять, что если немцы решат вступить в страну, то сделать с этим ничего не удастся: «болгары не могут и не будут противостоять им с оружием в руках». Усилия Запада удержать Болгарию от вступления в Тройственный

* «Беседы у камина» — обобщенное название радиобращений Ф. Рузвельта к американскому народу по актуальным вопросам политики и экономики. Беседы в присутствии журналистов ведущих американских радиостанций проводились в Белом доме, в комнате с камином, откуда и получили свое название. Начиная с 12 марта 1933 г. и по 6 января 1945 г. состоялось 31 выступление президента. Необычайная популярность бесед объяснялась умением Рузвельта простым, понятным слушателю языком говорить о весьма сложных проблемах, что в немалой степени повлияло на его имидж «мастера общения».

пакт успехом не увенчались, хотя укрепили намерение болгарских «верхов» ограничить прямое вовлечение страны в войну⁵⁵.

28 февраля 1941 г. фон Шуленбург, выполняя директиву, поступившую из Берлина, сообщил Молотову о завершении переговоров с Софией о вступлении Болгарии в Тройственный пакт и о дате подписания соответствующего протокола — 1 марта⁵⁶. Присоединение к странам «оси» болгарская сторона оговорила условием, что ее армия не примет непосредственного участия в военных действиях, а стремление получить выход к Эгейскому морю должно быть поддержано другими членами пакта. Последовавшее за вступлением в пакт трех появление в пределах страны 680-тысячной германской армии под командованием фельдмаршала В. Листа было встречено населением с большим подъемом, цветами и по славянскому обычаю — хлебом-солью. Зафиксированное в секретном донесении Бюро абвера в Софии от 8 марта 1941 г. «повсеместное абсолютно дружелюбное и приятельское отношение» несколько портил страх перед возможными английскими бомбардировками столицы и крупных городов, но постепенно «весьма значительная нервозность» населения по этому поводу сошла на нет, уступив место радужным прогнозам, что с немецкой помощью будут, наконец, осуществлены «национальные желания» болгар⁵⁷.

Последней точкой в политико-дипломатическом сражении за Болгарию стали заявление болгарской стороны от 1 марта и ответная нота НКВД СССР от 3 марта 1941 г. В заявлении, переданном начальником политического отдела МИД Болгарии И. Алтыновым, подчеркивалось, что правительство Германии «просило согласия болгарского правительства на вступление немецких войск..., заявив, что эта мера является временной и имеет своей целью сохранение мира на Балканах», что оно не предъявило никаких условий, «противоречащих болгарской миролюбивой политике...». Особо отмечалась надежда правительства на то, что позиция Болгарии найдет понимание в Москве и не вызовет ухудшения двусторонних отношений, которые Болгария «считает постоянным элементом своей внешней политики»⁵⁸.

Советская сторона заявила в ответ, что, независимо от желания болгарского правительства, его позиция не способствует

укреплению мира, а ведет «к расширению сферы войны и к втягиванию в нее Болгарии», и что ввиду этого «Советское правительство, верное своей политике мира, не может...оказать какую-либо поддержку болгарскому правительству в проведении его нынешней политики»⁵⁹.

Таким образом, в начальной фазе Второй мировой войны Берлину удалось переиграть Москву в болгарском вопросе, добившись присоединения Софии к Тройственному пакту и не допустив возможности для СССР связать Болгарию гарантийным пактом в целях прорыва к Проливам. При этом Гитлер, как точно заметил российский историк В.К. Волков, «уже давно выбросил в корзину» соглашение 1939 г.⁶⁰, в то время как Москва еще пыталась сохранить советско-германский «альянс врагов», не совместимый с налаживанием одновременного противодействия СССР Германии и западным державам⁶¹. На болгарском направлении советская сторона, руководствуясь собственными национально-государственными интересами, предпринимала активные действия, но при этом любой ее ход лишь ухудшал положение. И, тем не менее, реванш состоялся. Он был подготовлен военными победами Советского Союза на фронтах Второй мировой войны. После вступления Красной армии летом 1944 г. на Балканы Болгария, вошедшая в сферу влияния СССР, начала играть отведенную ей роль в советской стратегии безопасности.

Примечания

- ¹ Волокитина Т.В. К истории формирования советской стратегии безопасности в годы Второй мировой войны: сражение за Болгарию // Актуальные проблемы истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. По материалам работы круглого стола (г. Воронеж, 10–11 марта 2015 г.) / Отв. ред. А.С. Железняков, В.В. Теплухин. Воронеж, 2015. С. 115–132.
- ² См., напр.: выступление Г. Городецкого в дискуссии на международной научной конференции «Болгария и Россия в XX веке» (София, Институт по история на БАН, 1995 г.) // България и Русия през XX век. Българо-руски научни дискусии / Ред. кол.: В. Тошкова, Л. Ревякина и др. София, 2000. С. 221.
- ³ Валева Е.Л. «Болгарская карта» в геополитической игре Москвы и Берлина (1939–1941 гг.) // България и Русия между признателността и прагматизма. Доклади / Отговорен ред. Г. Марков. София, 2008. С. 391.
- ⁴ Стойчо Машанов. Из спомените ми — Научен архив на БАН. Сб. IV. Оп. 110. А.е. 157. Л. 420.
- ⁵ Год кризиса. 1938–1939. Документи и материали: в 2-х тт. / Сост. МИД СССР. Т. 1. М., 1990. С. 104.

- ⁶ Там же.
- ⁷ Документы внешней политики (далее — ДВП). Т. XXII: в 2-х кн. Кн.1. Январь–август 1939 г. М., 1992. С. 328.
- ⁸ Год кризиса. 1938–1939. С. 107.
- ⁹ Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. / Отв. ред. В.К. Волков. М., 1999. С. 380.
- ¹⁰ Подробнее см.: *Валева Е.Л.* Возвращение Южной Добруджи Болгарии в сентябре 1940 г. // *Славяне и Россия: Проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв.* / Отв. ред. С.И. Данченко. М., 2017; *Гладышева А.С.* Этноконфессиональная карта Южной Добруджи (1913–1940 гг.) // *Миграции на хора и идеи в България и Унгария (XIX–XXI в.)* / Съст и научна редакция Пенка Пейковска, Габор Деметер. София, 2018.
- ¹¹ *Сальков А.П.* Урегулирование проблемы Южной Добруджи (1939–1947 гг.) // *Новая и новейшая история.* 2005. № 5. С. 74–75.
- ¹² България — своенравният съюзник на Третия райх. Документална колекция / Ред. В. Тожкова. София, 1992. С. 93.
- ¹³ *Валева Е.Л.* «Болгарская карта» в геополитической игре Москвы и Берлина. С. 392.
- ¹⁴ *Груев Стефан.* Корона от тръни. Царуването на Борис III. 1918–1943. София, 1991. С. 316.
- ¹⁵ Там же. С. 315.
- ¹⁶ Подробнее см.: *Николов Р.* Присъединяването на България към Тристранния пакт: военностратегически аспекти на политическия ангажимент // 100 години независима България: стълбовете на държавността. Сборник доклади и научни съобщения, изнесени на международна научна конференция в София, 14–15 октомври 2008 г. София, 2009. С. 136–144.
- ¹⁷ Подробнее см.: *От Версаля до «Барбароссы».* Великое противостояние держав. 1920-е — начало 1940-х гг. / Богданов В.Н., Васильева Н.В., Гаврилов В.А. и др. М., 2018. С. 363–373, 378–379.
- ¹⁸ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (ч. 1) 1 ноября 1940 г. — 1 марта 1941 г. М., 1998. С. 30–31.
- ¹⁹ *Чубарьян А.О.* Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 — июнь 1941 года. М., 2008. С. 320.
- ²⁰ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (ч. 1). С. 31.
- ²¹ Там же; *Мировые войны XX века: в 4-х книгах.* Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы / Отв. ред. М.Ю. Мягков. М., 2002. С. 175–176.
- ²² ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (ч. 1). С. 61.
- ²³ СССР — Германия. 1939–1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 по июль 1941 г. Т. 2 / Сост. Ю. Фельштинский. Вильнюс, 1989. С. 119.
- ²⁴ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (ч. 1). С. 70, 71; *Безыменский Л., Горлов С.* Накануне (Переговоры В.М. Молотова в Берлине в ноябре 1940 г.) // *Международная жизнь.* 1991. № 8. С. 120.
- ²⁵ *Безыменский Л., Горлов С.* Накануне. С. 117.
- ²⁶ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (ч. 1). С. 38, 46, 69; *Чубарьян А.О.* Канун трагедии. С. 325–326.
- ²⁷ См. напр.: *Сафразьян А.Л.* Переговоры Германии и СССР в ноябре 1940 г.: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/30429-peregovory-germanii-sssr-noyabre-1940>.
- ²⁸ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (ч. 1). С. 60–61.
- ²⁹ СССР — Германия. 1939–1941. С. 132.
- ³⁰ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (ч. 1). С. 72.

- 31 Чубарьян А.О. Канун трагедии. С. 295.
- 32 Цит. по: Сидорчик А. Последнее танго в Берлине. Зачем Молотов пожимал руку Гиммлеру: www.aif.ru/society/history/poslednee_tango_v_berline_zachem_molotov_pozhimal_ruku_gimmleru.
- 33 Шмидт П. Переводчик Гитлера. Смоленск, 2001. Режим доступа: <https://libking.ru/books/nonf-/nonf-biography/101313-paul-shmidt-perevodchik-gitlera.html>.
- 34 Владимир Лота. Операция прикрытия «Барбароссы»: mil.ru/winner_may/history/more.htm?id=10646886%40cmsArticle.
- 35 Чубарьян А.О. Канун трагедии. С. 436, 322, 336.
- 36 Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 386.
- 37 Цит. по: Груев Стефан. Корона от тръни. С. 332.
- 38 Филов Б. Дневник. София, 1986. С. 101; Валева Е.Л. Болгария в начале Второй мировой войны: драма страны и царя Бориса III // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. / Отв. ред. Г.Г. Литаврин, Р.П. Гришина. М., 2002. С. 302–306.
- 39 СССР — Германия. 1939–1941. С. 132–133; ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (ч. 1). С. 136–137.
- 40 Георги Димитров. Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949). София, 1997. С. 203.
- 41 Подробнее см.: Ревякина Л.В. Соболевата акция в съветско-германските отношения // Призвание и всеотдайност. В чест на 70-годишния юбилей и 40-годишната научна дейност на проф. д.и.н. Витка Тошкова. София, 2011. С. 204–211.
- 42 Архив внешней политики РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 13. Д. 135. Л. 14–15; ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (ч. 1). С. 159.
- 43 България — своенравният съюзник на Третия райх. С. 93.
- 44 ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (ч. 1). С. 211.
- 45 Цит. по: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 397.
- 46 СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война. 1939–1941. Дискусии, комментарии, размышления / Отв. ред. и сост. С. З. Случ. М., 2007. С. 295.
- 47 Чубарьян А.О. Канун трагедии. С. 336.
- 48 «Совершенно секретно! Только для командования». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы / Сост. В.И. Дашичев. М., 1967. С. 103–104.
- 49 СССР — Германия. 1939–1941. С. 144.
- 50 Болгария в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. Е.Л. Валева. М., 2003. С. 252.
- 51 Подробнее о визите У. Донована см. напр.: Збоев А.В. Активизация политики США на Балканах в начале 1941 г.: визит полковника У. Донована в Софию // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. № 2. Екатеринбург, 2014. С. 280–292.
- 52 Груев Стефан. Корона от тръни. С. 348.
- 53 България — своенравният съюзник на Третия райх. С. 27–28.
- 54 Рузвельт Ф.Д. Беседы у камина / Перевод с англ. А.Б. Шаракшенэ. М., 2003. С. 211–212.
- 55 Тошкова В. България в балканската политика на САЩ. 1939–1944. София, 1985. С. 93.
- 56 СССР — Германия. 1939–1941. С. 149, 150–151.
- 57 България — своенравният съюзник на Третия райх. С. 36–37.
- 58 ДВП. Т. XXIII. Кн.2 (ч.1). С. 441; Запись беседы полномочного представителя СССР в Болгарии А.А. Лаврищева с начальником политического отдела МИД

Болгарии И. Алтыновым о присоединении Болгарии к Тройственному пакту. 1 марта 1941 г. // Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы. Т. I. Ноябрь 1917 — сентябрь 1944 г. /Отв. ред. Л.Б. Валев, В. Хаджигириков. М., 1976. С. 546.

⁵⁹ ДВП. Т. XXIII. Кн.2 (ч.2) 2 марта — 22 июня 1941 г. С. 448; Нота Народного комиссариата иностранных дел СССР миссии Болгарии в СССР в ответ на сообщение болгарского правительства о вводе в Болгарию германских войск // Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы. Т. I. С. 547.

⁶⁰ СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война. 1939–1941. С. 295.

⁶¹ Там же. С. 293.

Распадающаяся Югославия: можно ли было избежать войн?

Аннотация:

В статье анализируются факторы, которые должны были обеспечить Югославии стабильность в 1980-е годы после смерти И. Броз Тито. Среди них — коллективное руководство, Президиум СФРЮ и Конституция 1974 г. Однако эти факторы не смогли удержать страну от межреспубликанских конфронтаций. При наличии серьезных противоречий в стране многие понимали, что Югославию трудно будет удержать от распада. Но всё же попытки спасти федерацию были. Автор рассматривает следующие: усиление центральных органов власти, введение многопартийной системы, переговорный процесс между республиканскими властями и центром. Все попытки провести реформы политической системы и замедлить процесс распада СФРЮ не увенчались успехом. Кризис всех ветвей власти, неспособность руководства субъектов Федерации идти на компромисс, перенос центра тяжести принятия решений из Центра в республики, невозможность союзных органов преодолеть центробежные тенденции, бескомпромиссное и бесперспективное столкновение двух концепций судьбы страны открыли путь Словении и Хорватии к отделению. Но их позиция не была бы столь решительной, если бы Загреб и Любляна не получили серьезную поддержку ряда европейских государств. В статье уделено также внимание позициям международных организаций и отдельных стран по вопросу сохранения югославской федерации.

Ключевые слова:

Югославия, Сербия, Словения, Хорватия, кризис, распад федерации, международные организации.

Elena Yu.
GUSKOVA

Yugoslavia on the brink of break-up: was it possible to avoid the war?

Abstract:

The article is devoted to the times when the foreign policy of the USSR in relation to socialist countries changed, and the “Gorbachev Doctrine” appeared in perestroika. M. S. Gorbachev was actively engaged in foreign policy issues, lying his particular attention to Europe. The author tries to find an answer to the question: to what extent was he interested in the Balkans? To answer

this question, the author refers to one of the significant events of that time — M. S. Gorbachev's visit to Yugoslavia in 1988. It was then when the foundations of the country's Balkan policy were laid, which manifested itself in the 1990s. The visit gave Mikhail Gorbachev an opportunity to get to know Yugoslavia better, to get a better idea of the life of the peoples of this country, to feel the love of the Yugoslavs for Russia and the Russian people. As Gorbachev's close party comrades supposed, it was during the years of perestroika that a full understanding was reached between the leadership of the USSR and Yugoslavia. The contents of the conversations, and the final documents gave the Yugoslav side the assurance that mutual understanding reached will in case of possible difficulties allow it to be provided with Soviet help and support. It is this kind of assistance that Yugoslavia would need in two years, when the country began to fall apart, when Slovenia and Croatia decided to leave the Federation on their own and received full support from Germany and the United States. But Moscow refused to help.

Key words:

Yugoslavia, the USSR, M. S. Gorbachev, foreign policy, perestroika, cooperation, samoupravleniye.

Распад большого и сильного многонационального федеративного государства, каким была Югославия, до сих пор вызывает споры исследователей, а значит, привлекает внимание историков и ученых других специальностей. Количество книг, написанных по проблемам бывшей Югославии, постоянно растет¹, как и увеличивается желание молодых исследователей внести свою лепту в разрешение вопроса о причинах столь быстрого развала югославской федерации в начале 90-х годов XX в. По прошествии 30 лет после начала тех трагических событий появилось достаточное количество новых документов, а также мемуарной литературы, раскрывающей подробности многих эпизодов кризиса на территории бывшей Югославии². Главные вопросы, на которые пытаются ответить исследователи, следующие: причины распада СФРЮ, нужно ли было пытаться и надо ли было сохранять Югославию?

Существовало несколько факторов, которые должны были обеспечить Югославии стабильность в 1980-е годы. *Первое*. Понимая, что после его смерти в стране начнется борьба за власть, многолетний руководитель Югославии И. Броз Тито предусмотрел, что страной должно управлять коллективное руководство — Президиум СФРЮ. Он состоял из восьми человек — по одному

представителю от каждой республики и автономных краев. Коллективность руководства заключалась в ежегодном избрании нового председателя Президиума по заранее определенной очередности, а его демократизм — в принципе консенсуса при принятии решений. Смена председателя Президиума происходила каждый год в мае. Это — главное, по мысли Тито, что будет удерживать страну от серьезных потрясений. Однако уже совсем скоро мнения членов руководящего органа страны стали не совпадать по многим вопросам. Член Президиума СФРЮ Борисав Йович в своем дневнике записал, что члены Президиума, особенно из Хорватии и Словении, имели отличную от других позицию по вопросам реформ, будущего государства, взаимоотношений между республиками, введения чрезвычайного положения, поэтому согласование позиций шло с большим трудом. Когда же представитель Словении Янез Дрновшек стал председателем Президиума, то, по мнению Б. Йовича, он постоянно затруднял и даже бойкотировал работу коллективного руководства³. Уже 30 января 1990 г. Б. Йович сделал неутешительный вывод: «Президиума как коллективного руководителя государства и верховного главнокомандующего больше нет. Никакое коллективное решение оно объективно не в состоянии принять»⁴.

Второе. Руководство страны возлагало большие надежды на Конституцию 1974 г., которая передала многие полномочия центральной власти республикам и обеспечивала равные права всем субъектам Федерации, что должно было лишить их правовых основ для предъявления претензий к остальным субъектам Федерации и центру. По сути, субъекты Федерации получали государственный статус. Республики становились ответственными за экономическое и политическое развитие на своей территории. Допускалась широкая законодательная деятельность республиканских парламентов и сотрудничество республик с международными организациями. Фактически Конституция 1974 г. открыла период культа нации, и это никак не могло спасти страну от дезинтеграции. Югославское содружество в те годы выявило сложные национально-сепаратистские проблемы, которые вышли на первый план уже в середине 1980-х годов. Анализируя ситуацию тех лет сегодня, в последней своей книге Б. Йович высказывает

твердое убеждение, что именно Конституция 1974 г. обеспечивала механизм выхода республик из состава Югославии, чем и воспользовались, прежде всего, Словения и Хорватия⁵.

Казалось бы, именно в Югославии, всегда уделявшей повышенное внимание национальному вопросу, не должно было возникать противоречий, которые нельзя разрешить. Тем не менее, обострения проявлялись в разных частях Федерации. В ноябре 1974 г. состоялись новые выступления албанских студентов в Приштине. В конце 1978-начале 1979 гг. произошла вспышка религиозного фанатизма в Боснии и Герцеговине, выразившаяся в росте религиозной нетерпимости к немусульманскому населению республики, в требовании большей свободы вероисповедания, в призывах к возвращению к традиционным мусульманским обычаям. Ситуация осложнялась начавшимися в 1981 г. националистическими выступлениями в Автономном крае Косово.

Если говорить о причинах распада югославской федерации, то надо обязательно выделить внутренние, которые расшатывали Югославию изнутри, и внешние, которые характеризовали отношение к возникающей проблеме мирового сообщества. Безусловно, распад многонационального государства югославянских народов имел в своей основе комплекс сложных внутренних причин — исторических, экономических, политических, идеологических, религиозных и национальных. Мы не можем в статье подробно рассмотреть все эти причины, обратим внимание лишь на основные.

Югославские ученые, обсуждавшие в мае 1982 г. за «круглым столом» проблемы общественно-политической нестабильности, поставили югославскому обществу «основной диагноз — общественный кризис»⁶. Термин «кризис» прочно вошел в политический словарь обществоведов и политиков и применялся ко всем сферам жизни общества — политике, экономике, идеологии, деятельности партии, межреспубликанским отношениям.

В таких условиях экономическая нестабильность была лишь наиболее отчетливым проявлением кризиса. К числу крайне острых экономических проблем относились: усиление общего и структурного несоответствия в области внешней платежеспособности страны; сокращение промышленного производства;

превышение темпов роста потребления над реальными материальными и финансовыми возможностями; рост цен и темпа инфляции; снижение производительности труда и эффективности хозяйствования; обострение проблем безработицы; падение жизненного уровня и заработной платы; значительные социальные различия. В стране ощущались нехватка сырья и полуфабрикатов, электроэнергии, товаров широкого потребления. И хотя в 1982 г. была принята Долгосрочная программа экономической стабилизации, она не смогла решить проблемы урегулирования кризисных явлений в стране.

В 1980-е годы на фоне обострения экономических проблем в Югославии подвергались серьезной критике принципы организации югославской федерации. Наиболее серьезные опасения вызывали ранее восхваляемые тенденции конфедерализма и, прежде всего, децентрализация, приведшая к дезинтеграции, к полной потере федеральными органами способности проводить в жизнь принимаемые решения. Функции Федерации сводились к институту согласования интересов и к полной зависимости Центра от республик и краев. Решения принимались крайне медленно, оказалась сложной процедура согласования всех точек зрения. Исполнительная власть, опутанная бесконечными договорами и соглашениями, предусматриваемыми системой самоуправления, была абсолютно неэффективна. Ослабление федерального Центра привело к усилению республиканских центров власти. Обществоведы одними из первых выступили с предложением о необходимости изменения Конституции 1974 г. Отношения в Федерации, по их мнению, должны рассматриваться с точки зрения взаимных прав, обязанностей и ответственности субъектов. Нельзя рассматривать Федерацию только как гарантию республиканской независимости. Однако этому воспротивились республики, которые выступали за «национальную эмансипацию». Национальные политические элиты поддерживали ощущение угрозы для нации, доказывая, что именно их нация явилась жертвой коммунистического режима, поэтому основная задача состоит в защите национальных интересов нации. Это подпитывало и укрепляло агрессивный национализм, «который пытался перебросить вину за общественный кризис на другую

(прежде всего, сербскую) нацию, замалчивая роль и участие национальных олигархий в углублении кризисных очагов»⁷.

Группа экспертов в 1985 г. начала работать над анализом причин слабого функционирования политической системы. Итогом их деятельности стало опубликование для всенародного обсуждения «Критического анализа функционирования политической системы социалистического самоуправления»⁸ — объемного документа, который должен был обозначить и попытаться решить назревшие проблемы. Этот документ не смог привести к желаемым результатам: самой слабой частью «Анализа» были морализаторские рекомендации выхода из кризиса.

Среди серьезных идеологических причин следует назвать кризис однопартийной системы, снижение престижа Союза коммунистов Югославии (СКЮ), центробежные тенденции партийных организаций всех республик, кроме Сербии и Черногории.

При наличии таких серьезных противоречий в стране многие понимали, что Югославию трудно будет удержать от распада. Но всё же попытки спасти федерацию были, причем серьезные и решительные. Инициатива исходила, прежде всего, от федеральных властей, руководства Сербии и Черногории. Рассмотрим этот вопрос подробнее. Остановимся на трех направлениях реформирования политической системы, которые должны были затормозить или свести на нет негативные тенденции функционирования единой федерации.

1. Укрепление власти Центра. Федеральное руководство еще в конце 1980 -х годов не видело иного пути укрепления государства как усиление центральных органов власти Федерации в общественно-экономическом, юридическом и территориальном отношении через пересмотр основных положений Конституции 1974 г. 29 декабря 1987 г. на заседании Союзного веча Скупщины СФРЮ был принят Проект изменений Конституции СФРЮ, переданный на всенародное обсуждение. Предложенные поправки к Конституции вызывали у одних опасения, что укрепится власть Центра за счет ослабления республик и краев, другие расценивали их как очередной компромисс, который ничего не может изменить, полагая, что поправок абсолютно недостаточно для выхода из кризиса, третьи вообще не видели необходимости

в изменениях. 25 ноября 1988 г. Скупщина СФРЮ приняла 39 поправок к Конституции СФРЮ.

Однако остановить центробежные тенденции ряда республик уже было нельзя. Словения и Хорватия стали открыто заявлять о стремлении к государственному суверенитету. И пример Словении здесь весьма показателен. «Словения, — отмечает историческая наука уже независимой Словении, — отдавала себе отчет в своей экономической мощи и не собиралась подчиняться централизации, не обещавшей модернизации и подъема производства. Весной 1987 г. группа интеллигенции, объединившаяся вокруг журнала «Нова ревия» (в основном антикоммунистически настроенные либералы и католики), опубликовала свои предложения к словенской национальной программе, содержащие требования политического плюрализма, демократии, рыночных преобразований экономики и государственной независимости Словении (возможно, в рамках югославской федерации). Требования вызвали протест и осуждение во всей Югославии»⁹. Журнал «Младина» начал кампанию против Югославской народной армии (ЮНА) «как недемократического института, всегда готового к военному перевороту», и вызвал недовольство руководства армии¹⁰. Новое коммунистическое руководство Словении (с 1986 г. председателем Союза коммунистов Словении стал Милан Кучан) сегодня оценивается словенскими учеными как либеральное, противостоявшее коммунистическому режиму Слободана Милошевича.

2. Реформа политической системы, как полагало руководство Сербии, должна была поддержать борьбу низов со старыми формами государственного и партийного управления. По стране прокатилась волна массовых выступлений трудящихся, названных антибюрократическими революциями. Реформа политической системы должна была лишить аргументов тех, кто упрекал СКЮ в монополизации власти, устранить все преграды на пути демократического развития Югославии.

Реформа однопартийной системы прошла два этапа: эволюционный и условно революционный. Сначала была сделана попытка активизировать так называемый «политический плюрализм», то есть дать возможность всем оппозиционным движениям

выражать свои взгляды через Социалистический союз трудового народа Югославии (ССТНЮ), который был создан в 1953 г. Этой организации отводилось особое место в политической системе Югославии. ССТНЮ рассматривался как основа системы политической демократии в Югославии, вполне заменяющий многопартийную систему. Термин «политический плюрализм» появился в югославском политическом лексиконе, прежде всего, как отдушина для нарастающего недовольства неспособностью СКЮ вывести страну из кризиса, как отражение стремления к большей демократизации.

Власть относилась лояльно к тем организациям, которые объявляли о своем вхождении в ССТНЮ. До 1988 г. все объединения граждан носили неполитический характер. И только в конце 1980-х годов появляется ряд политических организаций, которые получают название «альтернативные движения», а позднее — «новые политические движения».

Видя в возникающих общественных и политических группах зародыши политических партий, руководство страны пыталось ввести их в организационные рамки существующего фронта, пойти по пути «непартийного политического плюрализма», т.е. плюрализма позиций, мнений, объединений, не ведущих к созданию политических партий.

К середине 1980-х годов влияние ССТНЮ упало, поэтому руководство попыталось активизировать эту организацию, чтобы дать возможность формирующейся оппозиции отстаивать свою точку зрения на контролируемой платформе. Острая и оживленная дискуссия среди югославских ученых и общественно-политических деятелей о политическом плюрализме являлась важной составляющей дискуссии об изменении политической системы, роли СКЮ, о новом видении социализма, в то время, как теория социалистического самоуправления пыталась теоретически обосновать возможность согласования различных точек зрения и политических движений в рамках ССТНЮ. Ученые пытались доказать, что политический плюрализм позволяет преодолеть политическую отчужденность руководства от граждан, вернуть веру в носителей политических функций; избежать внутривнутрипартийных разногласий; построить современное правовое государ-

ство¹¹. В рамках ССТНЮ поощрялись дискуссии, особенно теоретические, которые создавали видимость демократического обсуждения, но не могли привести к расшатыванию системы. Многие тогда были убеждены, что Социалистический союз трудового народа — идеальное место для таких споров. Многим, не желавшим расставаться с однопартийной системой, предлагался вариант внутривнутрипартийного плюрализма, который должен был способствовать демонополизации партии. Многие ученые сходились на том, что существующий в Югославии контролируемый федерально-партийный политический плюрализм вполне соответствует требованию времени и представляет собой прогрессивное явление в стране, успешно строящей самоуправленческий социализм.

Однако практика оказалась такова, что Социалистический союз не смог заменить собой многопартийную систему. Не мог ССТНЮ и нейтрализовать диссидентское движение. Оно существовало, правда, большей частью, за рубежом, а в стране развивалось вне рамок этой организации.

В такой ситуации было решено перейти к многопартийной системе и прекратить споры о недемократическом развитии Югославии. Многопартийная система стремительно зарождалась в 1990 г. Переход к ней должен был стать шагом к утверждению в Югославии парламентаризма европейского образца. В силу исключительного обострения всей ситуации, грозившего крахом государства, этот переход стремились осуществить в наикратчайшие сроки. Всего несколько месяцев понадобилось для организации выборов на неизвестной доселе многопартийной основе. Последний съезд СКЮ, за которым последовал его фактический самороспуск, состоялся 20 января 1990 г. А первые многопартийные выборы в двух республиках — Словении и Хорватии — прошли уже в апреле того же года. Выборы в новые парламенты Сербии, Черногории, Македонии, Боснии и Герцеговины состоялись в ноябре — декабре 1990 г.

Диссидентское движение, существовавшее в стране в предыдущий период, не могло создать основу для формирования партий широкого идеологического спектра. Оно лишь давало ощущение принадлежности к оппозиции. Именно поэтому, когда

в январе 1990 г. открылась реальная возможность для создания многопартийной системы, многие партии, например, в Сербии, не имели своего политического лица. Они различались по лидерам, а лидеры происходили из одного кружка. Большинство партий были немногочисленными, не имели опыта политической работы, формировались в республиках по национальному признаку. Уже в сентябре 1990 г. официально было зарегистрировано 119 политических партий и организаций. Все партии, включая и социалистические, полностью или частично отказались от классового принципа в своей политической программе, заменив его национальным.

Но в связи с тем, что зарождение новых партий проходило в условиях распространения идей национализма, антикоммунизма, глубокого кризиса СКЮ, оплота и стержня социалистической системы, реформа не смогла преодолеть политический кризис в стране, отчужденность руководства от граждан, вернуть веру в представителей политической власти, избежать внутривнутрипартийных разногласий, встать на путь демократизации общества.

3. Согласование позиций республик. 1990 год — критический период в жизни СФРЮ. Кризис продолжался, и никакие реформы предшествующих месяцев не смогли изменить ситуацию. Последним спасательным кругом стала попытка сесть за стол переговоров руководителей всех республик. Перед ними стояла задача выявить позиции сторон по поводу будущего федерации, а потом найти приемлемое для всех решение.

И в республиках, и в руководящих органах страны стали разрабатываться концепции новой формы объединения республик. Шла борьба между сторонниками, главным образом, двух концепций: конфедерации (или союза суверенных государств), согласно которой республики сами решают, какую часть своего суверенитета передать центру, и федерации — единого государства со сложной внутренней структурой и с широкими полномочиями центра. К тому времени уже было ясно, что Хорватия и Словения будут отстаивать модель конфедерации, Сербия и Черногория — федерации, а Македония и Босния и Герцеговина займутся поисками среднего варианта. Руководство Сербии и Черногории выступало резко против конфедерации, так как

было уверено, что от конфедерации до распада государства один шаг.

Президиум СФРЮ еще в октябре 1990 г. подготовил и направил Скупщине СФРЮ два проекта устройства будущей Югославии — федеративный и конфедеративный — в надежде, что принятие одного из них сможет остановить надвигающийся хаос. Сам Президиум склонялся к федеративному варианту и потому рекомендовал Скупщине СФРЮ проголосовать именно за него, чтобы на его основе начать подготовку новой Конституции.

На заседании Президиума СФРЮ 25 декабря 1990 г. было решено приступить к открытому обсуждению сложившихся отношений в югославской федерации и политического будущего страны. С 10 января по 28 февраля 1991 г. состоялись три заседания Президиума СФРЮ совместно с представителями всех республик, а параллельно, в период с 18 января по 1 марта, — 11 двусторонних встреч республиканских делегаций: Сербии и Черногории, БиГ и Хорватии, Сербии и БиГ, Хорватии и Черногории, Сербии и Словении, БиГ и Черногории, Хорватии и Сербии, БиГ и Словении, БиГ и Македонии, Словении и Македонии, Хорватии и Македонии. Результатом многочасовых дискуссий стало четкое разделение позиций руководства республик на сторонников федерации (Сербия, Черногория) и конфедерации (Словения, Хорватия).

Руководство Словении и Хорватии исходило из того, что республикам необходимо стремиться к государственной самостоятельности и суверенитету, поэтому разработало модели (октябрь 1990 г. и апрель 1991 г.) конфедеративного устройства будущей Югославии. Конфедерация должна была представлять собой добровольный союз суверенных государств, которых объединяют экономические интересы, единая граница, а также общая цель включения в европейские интеграционные процессы. Основными ветвями власти конфедерации предлагалось сделать: парламент как совещательный орган, Вече министров, Конфедеративный суд, Исполнительную комиссию. Во всем остальном субъекты конфедерации полностью самостоятельны — имеют собственную валюту, собственное войско, дипломатические представительства в других странах. В соответствии с этим проектом был подготовлен и текст Договора о югославской конфедерации —

Союзе югославских республик, который было предложено обсудить и подписать всем республикам Югославии. Позже Словения выступила с новой инициативой — создать разьединенную (разноразноуровневую) федерацию. Этот проект предполагал разделение страны на два — три суверенных содружества, причем одна группа республик могла бы развиваться как федерация, а другая как конфедерация. При этом следовало предварительно договориться об уважении существующих границ, соблюдении экономических и политических интересов территорий. Таким образом, Словения предлагала добровольное разьединение, видя в этом шаг к европейской модели единения.

На смену согласованиям позиций республик с Центром пришел диалог республик без Центра. С 28 марта по 6 июня руководители республик шесть раз встречались в разных городах страны, обсуждая проблемы выхода из кризиса, взаимоотношения республик и Центра, пытаясь определить хотя бы общие контуры нового содружества югославских народов. За свою безрезультативность они были названы в печати «туристическим путешествием шестерки». Сербия продолжала отстаивать идею сохранения Югославии, склонна была принять и уменьшенный вариант федерации, но при условии, что все сербы будут жить в одном государстве. При непоколебимом желании Словении и Хорватии отделиться, в Югославии могли бы остаться Сербия, Черногория, Македония, Босния и Герцеговина. Македония в феврале 1991 г. стала склоняться к проекту союза самостоятельных и суверенных государств. Весной 1991 г. федерацию поддерживали всего три республики — Сербия, Черногория, Босния и Герцеговина. Босния и Герцеговина, вернее ее Президент, занимал достаточно сдержанную и неопределенную позицию. По мнению А. Изетбеговича, для Югославии предпочтительней что-то среднее между федерацией и конфедерацией. «Она должна содержать элементы и той, и другой, и в этом заключается наша двойная формула», — говорил он.

Единственное, о чем удалось договориться шести руководителям, это провести референдумы в каждой республике, в ходе которых население выскажется за будущий статус Югославии: «Союз суверенных государств» или «Единое демократическое союзное государство».

Как видим, все попытки провести реформы политической системы и замедлить процесс распада СФРЮ не увенчались успехом. Кризис всех ветвей власти, неспособность руководства субъектов Федерации идти на компромисс, перенос центра тяжести принятия решений из Центра в республики, невозможность союзных органов преодолеть центробежные тенденции, бескомпромиссное и бесперспективное столкновение двух концепций судьбы страны открыли путь Словении и Хорватии к отделению. Но их позиция не была бы столь решительной, если бы Загреб и Любляна не получили серьезную поддержку ряда европейских государств.

К тому же в Хорватии уже назревал военный конфликт: в районах компактного проживания сербов была провозглашена Сербская автономная область Краина, которая не хотела оставаться в составе Хорватии. Ее не признавало хорватское правительство, и до военных столкновений оставались считанные дни.

Чтобы ответить на вопрос, поставленный в названии статьи, следует уделить внимание позициям международных организаций и отдельных стран по вопросу сохранения югославской федерации. Не вдаваясь в подробности всей деятельности Европы и ООН по югославскому вопросу, остановимся только на проблеме поддержки сепаратистских настроений Словении и Хорватии.

Белград согласился на посредническую роль международных организаций только потому, что в 1990 — начале 1991 гг. не было ни одной страны или международной организации, включая НАТО, которые на официальном уровне поддержали бы тенденции дезинтеграции Югославии. Поэтому Югославия была спокойна в отношении сохранения федерации. В первой половине 1991 г. ЕС считало, что только «объединенная и демократическая Югославия имеет шанс интегрировать в новую Европу»¹². На заседании министров иностранных дел стран-членов Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) в Берлине 19 июня 1991 г. было принято заявление о ситуации в Югославии, в котором «министры выразили... свою поддержку демократическому развитию, единству и территориальной целостности Югославии»¹³.

Руководители Словении и Хорватии, со своей стороны, предпринимали серьезные дипломатические шаги, чтобы заручиться

поддержкой ведущих держав. Так, в начале 1991 г. Ф. Туджман направил обращение президенту США Бушу с призывом защитить демократию в Хорватии, Словении, БиГ от «коммунистического диктата» Сербии и Югославской народной армии¹⁴. Оппозиция в американском конгрессе призвала оказать помощь «некоммунистическим» республикам Югославии. Америка как всегда сначала привела в действие экономические рычаги. В мае 1991 г. конгресс США принял решение приостановить американскую помощь Югославии по причине попрания демократии. Член Президиума СФРЮ от Хорватии Стипе Месич устанавливал связь с лидерами ведущих держав и убеждал их, что дальнейшее существование югославской федерации бессмысленно. «Мне хотелось увлечь идеей распада Югославии тех, кто обладал сильным влиянием в Европе — Геншера* и Папу. С Геншером я встречался даже три раза. Он помог мне получить аудиенцию у Папы. И тот, и другой согласились с тем, что было бы лучше, если бы СФРЮ перестала существовать», — откровенно говорил С. Месич¹⁵. Хорватия занималась покупкой оружия, созданием вооруженных отрядов, а в Словении велась энергичная работа по подготовке плана отделения.

Словенцы также активно устанавливали контакты с зарубежными странами, чтобы было легче добиться признания независимости. Так, в 1990 г. в Москву прилетал Д. Рупел, отвечавший в новом словенском правительстве за международное сотрудничество. Целью поездки было установить связи с Министерством иностранных дел РСФСР и СССР, а также найти подходящего кандидата-словенца для непосредственного контакта с российским министерством, чтобы «добиться как можно скорее дипломатического признания и установления дипломатических отношений с Российской Федерацией»¹⁶. Такой фигурой в Москве стал глава крупнейшего словенского экономического представительства в России Р. Кокаль. Для него было крайне важно установить дружеские отношения с российскими дипломатами, но так, чтобы об этом не знали сотрудники югославского посольства. Поэтому, как вспоминает Р. Кокаль, «в целях конспирации

* Ганс-Дитрих Геншер — министр иностранных дел ФРГ.

большинство встреч мы организовывали в подвальных помещениях выставочного здания фирмы «Словениялес» в Козицком переулке в центре Москвы. Если бы такие встречи проходили в здании представительства, о них бы прежде узнавали в Белграде, чем в Любляне». На этих встречах говорили о событиях в Югославии, о планах Словении провозгласить независимость. «Борис Колоколов, заместитель министра иностранных дел, — вспоминает Р. Кокаль, — при случае сказал, что наши встречи можно характеризовать как „подпольную деятельность в подвалах“ и что все актеры, участвовавшие в ней, убеждены, что „они работают на перспективу“»¹⁷.

Единство стран Запада и международных организаций по поводу сохранения Югославии не продлилось долго. В мае 1991 г. Австрия и Албания продемонстрировали свою озабоченность разрастанием кризиса на Балканах — объявили о приведении части вооруженных сил в состояние повышенной боевой готовности. Деятельность мирового сообщества выглядела как ряд спонтанных мер, проводимых под влиянием изменяющихся обстоятельств, хотя, скорее всего, она носила продуманный и концептуальный характер. Например, ЕС остро реагировало на нежелание Президиума СФРЮ назначить С. Месича на пост председателя этого органа, ссылаясь на необходимость строго придерживаться Конституции СФРЮ, однако вскоре стало поддерживать отделение Хорватии и Словении, забыв и Конституцию, и международные акты.

Первоначально ЕС координировало свои усилия с СБСЕ. В конце июня 1991 г. по предложению Германии в рамках СБСЕ был создан Консультативный комитет Центра по превентивному предотвращению конфликтов с местом прописки в Вене. И уже 1 июля Комитет принял Декларацию о выводе войск ЮНА из Словении и Хорватии вместо того, чтобы запретить нерегулярные формирования в этих республиках и деятельность, направленную на раскол Федерации. Аргументами было то, что офицеры ЮНА в большинстве своем были коммунистами, а руководство «антизападно и антилиберально» настроено¹⁸. Кроме того, Югославии были предложены «добрые услуги» в урегулировании конфликта. Заслуга в переориентации стран Запада принадлежит, по мнению

многих участников тех событий, Германии. С. Месич пишет, что во время войны в Словении Г.-Д. Геншер убеждал европейских партнеров отказаться от идеи единой Югославии и поддержать независимость Словении и Хорватии¹⁹.

Анализ материалов и документов показывает, что если бы международные организации хотели остановить разгоравшийся пожар на Балканах, то могли бы это сделать на любой его стадии, начиная с 1991 г. Поэтому важно понять, что в поисках решения международные организации исходили не из интересов сохранения югославской Федерации, а из интересов тех стран, которые они представляли, или стран, которые доминировали в этих организациях.

Чтобы ускорить процесс безвозвратного распада СФРЮ, в умы европейских политиков настойчиво внедрялась формула о необходимости признать независимость новых республик. Такое признание, якобы, поможет избежать военных столкновений. 9 января 1992 г. на очередном заседании Международной конференции по бывшей Югославии М. Кучан и Ф. Туджман, ссылаясь на решение Арбитражной комиссии, констатировали, что Югославия больше не существует, и просили признать независимость Хорватии и Словении. Самую активную поддержку они получили со стороны Германии.

По мнению лорда Каррингтона, именно Германия, традиционно настроенная прохорватски, настойчиво убеждала другие страны признать независимость Хорватии. «На встрече в Лондоне в январе 1992 г. представитель Великобритании Дуглас Хог высказался против преждевременного признания Хорватии, однако все остальные участники, за исключением Ханса ван ден Брука, его не поддержали. Они главным образом молчали, но зато тогдашний министр иностранных дел Германии Геншер напористо гнул свою линию. Ван ден Брук на самом деле был единственным министром, который выразил несогласие, поскольку Хог не был в ранге министра»²⁰. Об этом же упоминает в своей книге посол США в Югославии У. Циммерман²¹. Генеральный секретарь ООН Перес де Куэльяр писал в декабре 1991 г. председателю Совета министров ЕС Ван ден Бруку и министру иностранных дел Германии Г.-Д. Геншеру, что выборочное признание республик СФРЮ

может «способствовать расширению нынешнего конфликта и углублению взрывоопасной ситуации»²².

По вопросу признания Хорватии и Словении активную позицию занял Ватикан. 26 ноября 1991 г. кардинал Содано пригласил послов США, Франции, Великобритании, Бельгии, Италии, Германии и Австрии, ознакомил их с позицией Ватикана и настаивал, чтобы их страны признали Словению и Хорватию в течение месяца. Послы этих стран с воодушевлением поддержали предложение Ватикана²³.

По мнению лорда Каррингтона, Европа совершила две ошибки. «Думаю, было бы лучше, — отмечал он в одном из интервью осенью 1992 г., — если бы Европа раньше признала, что Югославия распалась. По плану, предложенному мной еще летом 1991 г., шесть республик определялись таковыми, с более или менее тесными взаимными связями, с одной стороны, и наличием центра, с другой. Некоторые из них утверждали, что готовы к такому союзу. Однако сообщество двенадцати* меня не послушало, поскольку боялось, что такой план послужит прецедентом для распада Российской Федерации. Второй ошибкой Европы было признание Хорватии и Словении. Целью созыва европейской конференции, на которой я стал председательствующим, было непризнание независимости этих двух республик вплоть до тех пор, пока не будет достигнуто глобальное согласие шести югославских республик. Их признание подорвало основы нашей работы, которая свелась к обычным двусторонним переговорам, тем более, что позднее считалось необходимым спрашивать и Боснию о ее желании быть независимой. Очевидно, что ее президент Алия Изетбегович мог ответить только утвердительно. Я предупреждал лидеров ЕС, что такой сценарий, который неприемлем для сербов в Боснии, приведет к гражданской войне. Это было трагической ошибкой»²⁴.

Германия, вспоминал лорд Каррингтон, убеждала, что признание Хорватии и Словении остановит сербское наступление на Хорватию, поскольку уже тогда действия Сербии рассматривались бы как агрессия на суверенное государство²⁵. Госсекретарь США

* Количество членов ЕС до 1995 г.

У. Кристофер в июне 1993 г. писал, что немцы несут особую ответственность за ситуацию на Балканах, поскольку смогли убедить своих партнеров по ЕС признать Словению, Хорватию, БиГ. Используя алогичный прием, Германия убеждала, что непризнание Хорватии и Словении означает одобрение сербской агрессии²⁶. Она торопилась привлечь на свою сторону другие страны, поскольку уже 23 декабря 1991 г. формально объявила о признании независимости Хорватии и Словении с тем, что решение должно вступить в силу 15 января 1992 г. Г.-Д. Геншер предупредил, что Германия в любом случае признает Хорватию, даже если ЕС ее не поддержит. В руках у Германии были весомые аргументы — разрушение Вуковара, агрессия в Далмации, наступление на Дубровник. Геншер вспоминал: «Были прогнозы, что Германия останется в изоляции, дискуссия была очень-очень острая, но результат был намного больше, чем мы могли надеяться»²⁷.

Известная сербская исследовательница, юрист и активная участница тех событий Смиля Аврамов называет ночь с 16 на 17 декабря 1991 г. в Брюсселе «драматичной», когда Геншер оповестил своих коллег по ЕС, а также США, СССР и Генерального секретаря ООН о том, что Германия безусловно признает Хорватию и Словению. «В действительности, — считает ученая, — Германия той ночью провозгласила себя новой силой, чьи национальные интересы не во всем совпадают с интересами ее союзников»²⁸. Многие руководители европейских стран согласились с Германией, чтобы не нарушать единство своих рядов. «Мы стояли перед Маастрихтом. Никто не мог допустить развала союза. Но мне было более чем ясно, что этим решением мы предвосхитили пожар в Боснии, а может быть и в Косове», — писал бывший министр иностранных дел Италии Джани де Микелис²⁹.

Как вспоминает тогдашний министр обороны Югославии В. Кадиевич, Германия не хотела допустить создания единого сербского государства, поскольку оно могло помешать осуществлению ее глобальных целей. Более того, чтобы эти земли никогда не могли объединиться, их надо было поссорить, заставить бороться между собой за границы³⁰. В. Кадиевич, будучи военным, располагал сведениями, что Германия через свою сеть агентов основательно готовила будущие события.

Стремлением любыми средствами добиться ускоренного признания новых государств Германия фактически минировала начавшийся переговорный процесс, который мог привести к миру. Она катализировала конфликтную ситуацию в Югославии и несла за это большую ответственность. Позже даже американские эксперты стали высказывать мнение, что причины нынешних проблем кроются в поспешном признании Хорватии, а затем Боснии и Герцеговины. В интервью американской газете «Ю-Эс-Эй тудей» У. Кристофер заявил, что немцы несут особую ответственность за то, что Европейское сообщество дало уговорить себя признать бывшие югославские республики³¹.

Рассмотрев внешние и внутренние причины, которые способствовали распаду федеративной Югославии, можно смело констатировать, что внутренние причины играли важную роль в развитии и углублении кризиса, а международный фактор стал решающим в развале Федерации. Мотором в механизме разрушения стал сепаратизм тех республик, которые поставили задачу выйти из состава Федерации и создать самостоятельные государства. Возможным это стало из-за обострения и неуправляемости межнациональных противоречий и благодаря поддержке сепаратистских движений международными организациями и отдельными странами.

Что могли, но не сделали те международные организации, которые пытались урегулировать разрастающийся кризис в Югославии? Чтобы избежать военных действий и многочисленных жертв, надо было руководителей всех республик посадить за стол переговоров и не поддерживать ни одну из сторон до тех пор, пока они не договорятся по целому ряду важнейших вопросов в случае их «развода». Должны были быть четко определены вопросы границ, государственных долгов, недвижимого имущества, паспортов, пенсий и многие, многие другие. Именно тогда мы имели бы тот же результат, что и сегодня, но с меньшими потерями. Если этого не сделали, то ситуацией управляли те, кому выгодно было развалить югославскую федерацию по самому неблагоприятному сценарию именно для сербов.

Примечания

- ¹ См. напр.: *Praljak S. Agresija Bosne i Hercegovine na Republiku Hrvatsku*. Zagreb, 2007; *Slobodan Milošević: Put ka vlasti. Osmo sednica CK SKJ*. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 2008; *Кузнецов Д. В. Югославский кризис: Взгляд сквозь призму общественного мнения*. М.: Книжный дом «Либроком», 2009; *Jović V. Kako su Srbi izgubili vek*. Beograd: Službeni glasnik, 2016; *Војска Југославије у одбрамбеном рату 1999. Године*. Књ. 1–2. Београд: Медија центар «Одбрана»: Клуб генерала и адмирала Војске Србије, 2019. и др.
- ² См. напр.: *Bulatović M. Pravila ćutanja*. Beograd: Narodna knjiga — Alfa, 2004; *Кадиевич В. Д.* Контрудар. М.: Освобожденная Сербия, 2007; *Плавшић Б.* Сведочим. Бања Лука: Триопринт, 2005; *Крајишник М.* Јачи од силе и судбине. Подгорица, 2015; *Голубовић С.* Пад ноћног сокола. Београд: Медија центар «Одбрана», 2016; *Павковић Н.* Трећа армија седамдесет осам дана у загрљају «Милосрдног анђела»: Ратни дневник команданта Треће армије Војске Југославије. Књ. 1–2. Београд: Графипроф, 2017. и др.
- ³ *Joviћ Б.* Последњи дани СФРЈ: Изводи из дневника. Београд: Политика, 1995. С. 45, 50–51, 100.
- ⁴ Там же. С. 97.
- ⁵ *Jović V.* Kako su Srbi izgubili vek... С. 45.
- ⁶ *Popović M. V.* Stvaralačka kritika i praksa socijalističkog samoupravljanja // *Socijalizam*. Beograd, 1982. N 2/3. С. 220.
- ⁷ *Golubović Z., Kuzmanović B., Vasović M.* Društveni karakter i društvene promene u svetlu nacionalnih sukoba. Beograd: Institut za filozofiju i društvenu teoriju, 1995. С. 147.
- ⁸ Критичка анализа функционисања политичког система социјалистичког самоуправљања. Београд, 1985.
- ⁹ *Прунк Ј.* Краткая история Словении. [М.], [1996]. Рукопись. С. 29.
- ¹⁰ *Silber L., Litl A.* Smrt Jugoslavije / Prevod sa engleskog. Beograd: Radio B92, 1996. С. 58.
- ¹¹ Политички pluralizam u sistemu socijalističkog samoupravljanja: Okrugli sto // *Samoupravljanje*. Beograd, 1989. N 5. С. 35.
- ¹² Ћинјенице о кризи у бившој Југославији // *Међународна политика*. Beograd, 1993. N 1014. С. 13.
- ¹³ Из заявления о ситуации в Югославии (СБСЕ, Берлин, 19 июня 1991 г.) // *Югославия в огне*. Документы, факты, комментарии. М.: Славянская летопись, 1992. С. 180.
- ¹⁴ Югославия в огне... С. 70.
- ¹⁵ Кто играл главные роли? // *Сербия*. Белград, 1995. № 26. С. 31.
- ¹⁶ *Кокаль Р.* Московские воспоминания // *Славянский альманах 2005*. М.: Индрик, 2006. С. 544.
- ¹⁷ Там же. С. 548, 551.
- ¹⁸ *Avramov S.* Postherojski rat Zapada protiv Jugoslavije. Veternik: LDI, 1997. С. 259.
- ¹⁹ *Mesić S.* Kako je srušena Jugoslavija: politički memoari. Zagreb: Nislavpress, 1994. С. 78–79.
- ²⁰ *Каррингтон П.* Европе нужно стыдиться: Сокращенный вариант интервью белградскому еженедельнику НИИ // *Сербия*. Белград, 1995. № 24. С. 16.
- ²¹ США в новом мире: пределы могущества. М.: Рос. инст. стратегич. исслед., 1997. С. 207.
- ²² *Izetbegović A.* Govori, pisma, intervju 95. Sarajevo: ТКР «Šahinpašić», 1996. С. 188–189.

- ²³ *Avramov S.* Op. cit. S. 195.
- ²⁴ *Лорд Карингтон.* Двије грешке Европе: Интервју последице предаје његове дужности лорду Овену // Побједа. Подгорица, 1992. 29 септ. С. 10.
- ²⁵ *Николић М., Бејкер, Де Микелис, Карингтон, Дима, Венс.* Признавање Словеније, Хрватске и Босне била је катастрофална грешка // Аргумент. Београд, 1995. 24 фебр. С. 4.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ BBC: Smrt Jugoslavije // Vreme. Beograd, 1995. 27 nov. S. 45.
- ²⁸ *Avramov S.* Op. cit. S. 193.
- ²⁹ *Николић М., Бејкер, Де Микелис, Карингтон, Дима, Венс.* Указ. соч. С. 5.
- ³⁰ *Кадјевић В.* Моје виђење распада. Београд: Политика, 1993. С. 26.
- ³¹ ИТАР-ТАСС. Серия «СЕ». М., 1993. 21 јуна. С. 16.

**Соседи-враги.
Городская война в Сараево
в новеллах «Братья по улице» Желько Пржуля**

Аннотация:

Первый сборник рассказов сараевского писателя Желько Пржуля (род. в 1964 г.) «Братья по улице», прошедшего боснийскую войну 1992–1995 гг. на сараевском фронте, является ценным источником как собственно по современной городской войне, так и по воздействию войны на современное восточноевропейское общество. Написанные в манере «трагического реализма» тексты отражают процессы поляризации полиэтнического общества в условиях нарастания межобщинного напряжения, распад механизмов кроссэтнических связей (в том числе и их сохраняющиеся элементы).

Ключевые слова:

Желько Пржуль, боснийская война 1992–1995 гг., осада Сараево, Босния и Герцеговина, Республика Сербская, современная сербская литература.

*Georgi N.
ENGELHARDT*

**Neighbours turned Enemies:
Sarajevo Urban War in Željko Pržulj's
novels “Street Brothers” (‘Braća po ulici’)**

Abstract:

The collection of novels „Street brothers“ (‘Braća po ulici’, 1996) by a Sarajevo Serb writer Željko Pržulj, a veteran of the Bosnian war of 1992–1995, contains valuable information about urban warfare as well as about the impact this war has on modern society in Eastern Europe. Employing ‘tragic realism’, Pržulj depicted the life in besieged Serbian blocks in Sarajevo, the collapse of multiethnic community along the ethnic lines and civil-military relations.

Key words:

Željko Pržulj, Bosnian War of 1992–1995, Siege of Sarajevo, Bosnia and Herzegovina, Republika Srpska, Contemporary Serbian Literature.

Эта статья посвящена отражению боснийской войны 1992–1995 гг. в творчестве ее непосредственного участника, современного сербского писателя Желько Пржуля (род. в 1964 г.). Выбор именно его текстов обусловлен местом этого автора в современной литературе Республики Сербской, опубликовавшего с 1996 г. 15 книг¹, включая эпический роман «Рука ангела» (2017) — о судьбе сараевских и боснийских сербов в Первой мировой войне и роман «Владыка, слава ему и милость» о св. Василии Острожском. Для Пржуля характерно пристальное внимание к судьбам именно боснийских сербов, хотя он является ярким носителем общесербской идентичности и всегда изображает своих земляков именно в ее контексте. В 2019 г. писатель выпустил первый том романа «Одни на белом свете» — расширенной саги о войне в Сараево², в основу которого легла его первая книга — сборник новелл «Братья по улице». В данной статье из массива всех текстов автора избран именно этот его первый сборник, написанный по самым горячим следам войны.

Ж. Пржуль, уроженец сараевского района Илиджа, принимал участие в создании отрядов сербской самообороны в своем квартале в самом начале 1992 г., т.е. до начала широкомасштабных боевых действий (апрель 1992 г.)³. Всю боснийскую войну он прошел в составе Илиджанской бригады армии Республики Сербской (АРС), оказавшейся в одном из самых горячих мест сараевского фронта. Будучи одним из немногих молодых сербов Илиджи, успевших получить высшее образование, он стал инженером-строителем, окончив архитектурный факультет Сараевского университета. По его словам, «семья считалась четнической, и “карьерные” факультеты, такие как “политические науки” и философский для нас были закрыты, максимум — технические»⁴. Он был избран соседями командиром отряда самообороны, превратившегося в непрерывных городских боях за свои и близлежащие кварталы в ударный отряд бригады. Большинство его товарищей отдали свои жизни в этих боях, в них он потерял отца и брата. Еще в ходе войны Пржуль берет за перо, пишет для местных и белградских изданий; его первые тексты появляются на страницах «Дуги», самого престижного белградского журнала 1990-х годов. Один из ведущих современных сербских прозаиков

Небойша Еврич, познакомившийся с ним именно на сараевском фронте, в рецензии на «Одни на белом свете» называет его творчество «харакири перед зеркалом... , долгом павшим друзьям, брату и отцу»⁵. Однако конец войны нанес ему, вместе с большинством сараевских сербов, сокрушительный удар: согласно Дейтонскому мирному соглашению 1995 г. вся боснийская столица отошла в состав Федерации Боснии и Герцеговины (ФБиГ), т.е. мусульмано-хорватской части БиГ. Отстоявшим свои дома и кварталы в трехлетних кровавых боях сербам пришлось в январе-марте 1996 г. покинуть их. Постепенно по соседству со столицей появились новые кварталы Сербского (или Восточного) Сараева, но за это время собственно образованное ядро сараевской общины в значительной степени разъехалось по другим городам Республики Сербской (РС), Сербии (прежде всего — в Белград) и даже по всему миру. Центр интеллектуальной жизни РС переместился в ее новую столицу, Баня Луку, и Желько Пржуль оказался одним из немногих деятелей культуры, оставшимся если не в родном городе, то рядом с ним.

После войны он вернулся к профессии инженера-строителя, обеспечивающей ему материальную независимость и возможность посвящать всё свободное время литературе, так как прожить за счет творчества, тем более творчества свободного, в дейтонской Боснии было и остается крайне сложно. По его собственному горькому признанию, быть писателем в Республике Сербской — «мазохизм», «сродни психиатрическому диагнозу»⁶. Будучи сараевцем, он так и не влился в литературные и политические круги Баня Луки, при этом и с влиятельной в восточной части Республики Сербской демократической партией (СДП) литератор, позволяющий себе говорить всё, что думает о местных деятелях, теплых отношений не выстроил. Тем более, что он далек от воспевания людей, «нажившихся на смертях и горе соплеменников». Оставаясь убежденным сербским патриотом, он не может снискать симпатий и «другой стороны», бошнякских* элит и международных чиновников.

* Бошняки — с 1993 г. официальное самоназвание мусульман славянского происхождения в БиГ, Сербии, Хорватии, Черногории (с 1971 по 1993 гг. для их обозначения в СФРЮ официально использовался термин мусульмане).

Вышедший вскоре после остановившего боснийскую войну Дейтонского соглашения сборник новелл «Братья по улице» состоит из 14 коротких текстов, носящих во многом дневниковый характер.

Картина В.В. Верещагина «Апофеоз войны», избранная для оформления книги, красноречиво показывает отношение автора к войне. Это классическая «окопная проза» — о фронтовой повседневности войны, о раздавленных войною судьбах людей, их попытках сохранить свое достоинство, вопреки всему. Братья по улице — это «дворовая компания», или «парни с района» в нашем современном понимании. Они вместе росли, хулиганили, играли рок, а потом откуда-то появились национальные партии, сказавшие, «что они принадлежат им по рождению»⁷. И они взяли розданное этими партиями оружие и упорно стали воевать друг с другом за родные кварталы.

К началу 1990-х годов Илиджа была типичным этнически перемешанным сараевским спальным районом без выраженного преобладания какой-либо из боснийских общин. По данным переписи 1991 г., ее населяло 67.438 человек: 28.973 мусульман, 25.061 сербов, 6.914 хорватов, 5.134 югославов⁸ и 1.356 остальных⁹. На начальном этапе столкновений местный сербский отряд смог первым овладеть районным отделом МВД и за счет этого установил контроль над всей территорией района. По мере цементирования линии фронта в Сараево Илиджа неожиданно приобрела стратегическое значение (квартал разделял мусульманские отряды в осажденном Сараеве и на внешнем фронте), но и сама оказалась в полуосаде: после передачи под контроль миротворцам ООН сараевского аэродрома Бутмир 28 июня 1992 г. путь к ближайшему сербскому узлу снабжения растянулся с 7 до 130 км.

На практике это означало, что местные жители и бойцы снабжались по остаточному принципу, а больные и раненые попадали в госпиталь с большим трудом и огромными задержками. «Множество лучших парней умрут от пустяковых ран, ведь никакого здоровья не хватит доехать до больницы в Пале»¹⁰.

Следствием стратегического значения района стали постоянные упорные бои за него — мусульмане на этом участке стреми-

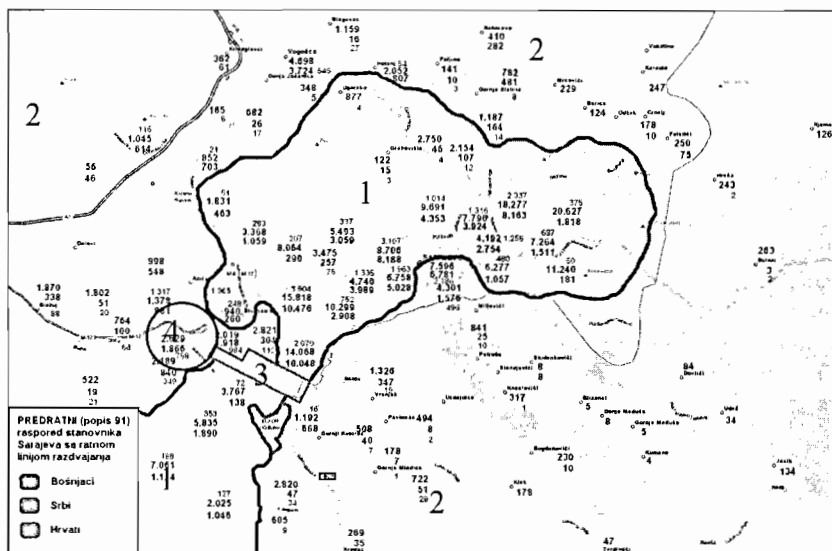

Рис. 1. Линии фронта в Сараево, 1992–1995 гг., стратегическое значение Илиджи*.

- 1 – территория под контролем правительства мусульман;
- 2 – территория под контролем сербов (РС);
- 3 – Сараевский аэродром;
- 4 – Илиджа.

лись прорвать блокаду по кратчайшему направлению, а сербы отставали свои дома и улицы.

События рассказов Пржуля происходят на «типичных сараевских улицах с их дикой застройкой. Дома жмутся один к другому, к ним лепятся сараи и гаражи. Числа им нет, а каждый нужно занять и проверить. Кто там был, тот знает, а кто не был — тому не описать. Как объяснить, что сначала слышишь дыхание врага и только потом видишь его самого. Тут можно только гранатой и автоматом, всё остальное слишком медленно. Замешкаешься полсекунды и тебя нет»¹¹. Всё в таких боях решают «ударные группы. Они первыми идут на врага, а дистанции там от пяти до

* Источник: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/a/af/Sarajevo_stanovni%C5%A1two_i_linija_razdvajanja.JPG (дата обращения: 15.05.2019).

десяти метров... Основа таких групп и любого отряда — команды. Команда состоит из двух или трех бойцов. Они прикрывают и защищают друг друга в любых условиях, так что если один ошибся и делает глупости, другой прикрывает его пока бой не стихнет, а потом... Потому такие команды и возникают из тех, кто и до войны был неразлучен... Если команда распадется, то им нечего ждать. Смерть уже тут»¹². Так, напарник лирического героя Джата после гибели «ближайшего сродника» приходит в неистовство — «его не узнать. Больше ни осторожности, ни здравого смысла. Схватил помповое ружье и так и ломит напролом и палит. А мне куда деться, мы же команда. Они сопротивляются, но что они могут против двух безумцев. Кто-то пытается сдаться, будто автомат ему случайно в руки попал, кто-то бежит... Только когда мы вырвались вперед почти на 200 метров, а 200 метров в уличном бою — как от Белграда до Подгорицы, и попали под огонь своих пулеметов, Джата как будто пришел в себя и остановился подождать остальных»¹³.

Костяком боевых отрядов стали довоенные дворовые компании с их спайкой и взаимовыручкой, и бойцы ощущают свое отличие от подкреплений со стороны: «присланные сначала обшаривают брошенные дома, грабят их и только потом идут на позиции... Парням с улицы приходится их терпеть, иначе и таких не будет»¹⁴.

При этом сами бойцы зачастую не испытывают личной вражды друг к другу, ведь войну, в их понимании, определили вонне страны:

«Когда на всех сараевцев свалилась эта беда, когда соседи и кумовья (ведь говорят, что Бог на небе, а кум на земле) по воле иностранцев стреляют друг в друга»¹⁵.

Одновременно для них естественна лояльность к «своим». Так, рассказ «Пишоня и Жуга на войне» посвящен судьбе неразлучных друзей-хулиганов, серба и мусульманина: «два рокера, два заправских сараевских хулигана стали первыми на всех фронтах Сараева. Один за Боснию, другой за Югославию... Вместо Битлов — боевые трубы. Неджаричи, Касиндолска, Соколы, Жуч¹⁶. Один против другого. “Оккупант” против “палача”. Один против другого, жаждут крови и ищут скальпа. Вот

такой вот рокн-ролл... Пишоня и Жуга, два верных друга...»¹⁷. Временами они связываются по рации и жалуются друг другу, что не тот совсем город, «нет больше нормальных пацанов, одни наркоманы-невротики». Они погибают в один день: «на свою беду Пишоня увидел то, что был видеть не должен. Ждать было нельзя, и один из преданных прострелил ему сердце», а узнав об этом, его мусульманский друг-противник встал из окопа под выстрел снайпера. А через год «всё те же переговоры, всё те же лидеры правят нашей судьбой, и лишь на городском кладбище две заброшенные могилы без табличек, на них рыдают две старухи. Одна по воскресеньям, а другая — по пятницам»¹⁸.

Традиционно Босния была знаменита институтом комшилука — кросс-общинных соседских связей и взаимовыручки, в том числе семейных и кумовских. Считалось, что наиболее прочной система комшилука была именно в Сараево, и потому было широко распространено мнение, что эти прочные локальные связи уберегут боснийцев от бойни, сдержат взрыв межобщинной напряженности. Тексты Пржуля помогают понять, почему этого не произошло, где пролегли границы добрососедских отношений.

В начале войны жители улицы Ники Колумбича в квартале Касиндольской улицы на Илидже еще живут в каком-то мире, «хотя война уже полыхала по Боснии и Герцеговине, да и по Сараеву. Сегодня туда заходили парни с лилиями¹⁹, а завтра — с сербскими триколорами²⁰ «еще стоят в смешанных патрулях» (по одному мусульманину, сербу и хорвату). Наивные надеются, что война обойдет их стороной, реалисты собирают вещи для долгой жизни в изгнании; задиристые по ночам добывают оружие, а днем идут «на кафу» к соседям другой веры. Все строили разные планы и расчеты, и никто не догадывался, что будущее окажется столь жестоким»²¹.

Мотивация будущих бойцов проста — защита в прямом смысле «своего очага», ведь «защищаем его не в дверях, а на границе нашей Илиджи»²².

В первых перестрелках все стараются особо не стрелять по соседскому жилью. Женщина набрасывается на бойцов: «Вы во всем виноваты, зачем стреляли в соседей, теперь выкручивайтесь сами, а нас не впутывайте»²³. Всё меняют первые жертвы. «Как

в плохом рассказе, выстрелом с соседской стороны тяжело ранили Релю. Как в «награду», что не хотел идти на них. И тут всё началось... Уже всерьез... Слышны проклятия и брань прошлой войны, будто еще вчера не были соседями и друзьями, вместе пившими и ухлестывавшими за красотками, вместе праздновавшими оба Рождества и мусульманские Байрамы»²⁴. Комшилук кончился, совместное осталось в прошлом. Старые связи сводятся к выводу оказавшейся на территории «других» родни на «свою сторону». Срабатывают эти связи и в случае личных трагедий, не влияющих на общий ход войны. «Всего я насмотрелся на этой войне. Меньше всего — хорошего... Но ничего так не потрясает как детская смерть. Малыши неповинны в глупости взрослых». Сербь с риском для себя переодевают соседа-мусульманина в свою форму, чтобы он смог вынести тело убитой дочери из квартала, куда «ооновцы боялись сунуться»²⁵. Или как, например, в рассказе «Белый» старые друзья (ставшие атаманами «своих сторон») могут встретиться на нейтральной территории, выпить, и мусульманин помогает сербу исполнить заветную мечту — посидеть в кафе, оказавшемся на другой стороне города. Вроде бы довоенная идиллия. Только через два дня обе стороны врываются в нейтральный квартал и сжигают кафану дотла²⁶.

Комшилук распадается быстро, и попытки склеить его осколками неудачны — «на улице Ники Колумбича умерло братство и единство»²⁷. Где-то еще люди созваниваются, «как в старое время», но сосуществования больше нет. Может, когда-то и сойдутся снова наши нерожденные еще дети, только рожденные до 4 мая лета Господнего 1992 уже больше не могут быть вместе. Напрасно пытаются примирить нас всякие лорды²⁸. Верно сказал Андрич: «Когда в Боснии вспыхнет ненависть, долго не погаснет»». Так, выгнанный из квартала хорват пытается договориться о возвращении своих соплеменников:

- Давай попробуем вернуть всё как раньше.
- Как раньше не получится.
- Но ведь Караджич²⁹ и Бобан³⁰ вроде об этом договорились?
- Радован Караджич и Бобан могут о чем угодно договариваться³¹. Они друг в друга не стреляли, один живет в Грудах³², другой — в Пале³³, а мы — тут. Если один раз на нас напали, где гарантия, что это снова не повторится?»³⁴.

Рассказы Ж. Пржуля во многом подтверждают понимание комшилука французским исследователем Ксавье Бугарелем как «не столько выражением светской толерантности, сколько механизмом повседневной подстраховки представителей различных общин... функционирующим, пока государство обеспечивало политическую стабильность и мир. ...В ином случае комшилуки... замешался поиском безопасности через конфронтацию и войну, что показывает межобщинное насилие, ...сопровождавшее с XVIII в. кризисы в БиГ»³⁵.

Довоенный Сараево отличался и от других районов БиГ смешанным составом населения, обилием межэтнических браков, а, значит, и детей смешанного происхождения. Роберт Хасанефендич из многодетной смешанной семьи с одним братом воюет на сербской стороне, а его отец стал активистом мусульманской партии ПДД³⁶. «Роберт из тех, кто ничей на этой войне. Легко быть сербом, легко быть мусульманином, легко быть и хорватом. А каково рожденному в смешанном браке? ...»³⁷. Перед войной в уголовной уособице гибнет его младший брат и «неделю лежит в морге — на сербском кладбище его не хоронят из-за фамилии, а на мусульманском — из-за имени. Один Роберт знает, как и где он смог похоронить брата»³⁸. На поле боя он находит другого брата, воевавшего на стороне мусульман. «В окопе будто спал Рики. На его рукаве — голубой щит с золотыми лилиями. Роберт смотрел на герб Неманичей на своей форме³⁹, на голубой щит на камуфляже брата и ничего не понимал»⁴⁰, и он бросает отцу лишь горький упрек — почему других соседей вынесли, а брата бросили? И ответ на напыщенную фразу о «геройской смерти за родину» посылает «героев» куда подальше⁴¹. Среди мусульман воюют и сербы.

Один из рассказов сборника Ж. Пржуля посвящен «Усташу», воюющему в сербском отряде хорвату, попавшему в плен и решившему взять в руки оружие, у которого один брат служит в армии БиГ, а второй — в Хорватском Вече Обороны⁴².

Одни на белом свете. Характерный момент для современных локальных конфликтов — переживание их участниками своего периферийного положения в современном мире — «одни на белом свете». Телевидение показывает им, что магистральный поток жизни несется в стороне от их военного ада. «Вот и Но-

вый год. Во всем мире. Сейчас итальянцы выбрасывают старые вещи в окно, китайцы запускают фейерверки, а русские ныряют в ледяную Неву. Даже увядшие красотки готовятся на танцы, а я с друзьями — на первой линии... Ждем 1994-й»⁴³.

Герои рассказа «Наташа и Владо» «живут в городе на краю света», «принц и принцесса без царства, без ничего». «Их сверстники поступают в Гарвард, купаются на пляжах Шри Ланки, делают детей на окраинах Калькутты, мечтают ночами в Петербурге, а они... свои желанья держат в себе, как язву в желудке. Наташа мечтает, чтобы он выжил, Владо — хоть что-то оставить после себя. Здесь соседка — смерть, и никто ее не боится. Только, чтобы пришла быстро и чтобы осталась какая-то память. Рассказ, анекдот, ребенок, улица, ложь».

«Все новости из города на краю света о близких людях сводятся к трем. Погиб. Тяжело ранен. Женился»⁴⁴.

Ж. Пржуль и его герои весьма скептически смотрят на всех политиков, включая и сербских. Для них это какая-то внешняя сила, влияющая на их жизнь, но влияющая прежде всего негативно. Они не ждут от них ничего хорошего, подозревают в закулисных сговорах и уверены, что лидеры весьма далеки от страданий простого люда. «На похоронах говорят речи, обещают заботиться о семье погибшего, даже улицу назвать в его честь... Только за несколько месяцев много чего произошло и немало друзей уже разделило его судьбу...»⁴⁵. Не связывает писатель особых надежд и с компетентностью руководителей — «состоять в СДП⁴⁶ не значит окончить военное училище»⁴⁷. Он весьма скептически описывает возрождение четничества в РС в рассказе «Богоявленская ночь». На Рождество в ресторане торжественное собрание тех, «кто в прошлой войне называл себя четниками. Сейчас это помогает карьере». Автор, потомок репрессированных четников, едко замечает, что стоило бы проверить, кто их участников вечера получал в период социализма повышенные ветеранские пенсии (полагавшиеся ветеранам партизанского движения Й. Броз Тито, как раз с этими четниками и воевавшим)⁴⁸. «Ведь вчера именно они нас обвиняли и выписывали по 60 суток тюрьмы за сербский национализм». Он горько отмечает, что не является «примерным сербом»⁴⁹, поэтому годится только для фронта, а не для политической карьеры.

В заключение следует отметить, что военные рассказы Желько Пржуля «Братья по улице» являются ценным источником по истории гражданской войны в Боснии и Герцеговине 1992–1995 гг., прежде всего — сербской стороны. Написанные по горячим следам конфликта, они отражают как менталитет и мироощущение, мотивацию бойцов сербских отрядов на сараевском фронте, так и общие социальные механизмы влияния этнополитического конфликта на полиэтничную среду, степень распада и/или сохранения механизмов кроссообщинных взаимосвязей. Присущий автору стиль «трагического реализма», сознательный отказ от патетики дают картину влияния войны на современное восточноевропейское общество.

Примечания

- ¹ *Пржуль Ж.* Браћа по улици. Панчево, 1998; Из Српског Сарајева. 1996; Дјеца са границе. Српско Сарајево, 1997; Дабогда црк’о рокенрол“. Српско Сарајево, 1998; Наличје. Бања Лука, 2000; Откуд ти овде. Нови Сад, 2002; Посљедни племићи. Источно Сарајево, 2003; Незаштићени сведок. Источно Сарајево, 2004; Између два потопа. Источно Сарајево, 2005; Горштак у тенама. Источно Сарајево, 2006; За тебе. Источно Сарајево, 2008; Седми два. Источно Сарајево, 2012; Посљедни дани Гаврила Принципа. Источно Сарајево, 2014; Владика, слава Му и милост. Источно Сарајево, 2016; Рука анђела. Књ.1–2. Источно Сарајево, 2017.
- ² *Пржуль Ж.* Сами на свијету: књига почетка. Источно Сарајево, 2019.
- ³ Интервју с Ж. Пржулем 20 јуна 2019 г. Рабочи архив автора.
- ⁴ Там же.
- ⁵ *Пржуль Ж.* Сами на свијету: књига почетка. Источно Сарајево, 2019, форзац
- ⁶ *Željko Pržulj:* Biti pisac u Republici Srpskoj je psihijatrijska dijagnoza. Frontal.ba 05.06.2017. URL: <http://www.frontal.ba/novost/88049/zeljko-przulj-bit-i-pisac-u-republici-srpskoj-je-psihijatrijska-dijagnoza> (дата обращения: 15.05.2019).
- ⁷ *Пржуль Ж.* Браћа по улици... С. 51.
- ⁸ Югославы — официально введенная в СФРЮ в 1971 г. отдельная этническая категория.
- ⁹ <http://pod2.stat.gov.rs/ObjavljenePublikacije/G1991/pdf/G19914026.pdf> с.1 (дата обращения: 15.05.2019).
- ¹⁰ *Пржуль Ж.* Браћа по улици... С. 51.
- ¹¹ Там же. С. 13.
- ¹² Там же. С. 29–30.
- ¹³ Там же. С. 19.
- ¹⁴ Там же. С. 17.
- ¹⁵ Там же. С. 16.

- 16 Неджаричи, Соколы (Соколович-Колония), Касиндолска улица — районы Сараева, отмеченные интенсивными боями. Жуч — холм в Сараево, взятый мусульманскими отрядами осенью 1992 г.
- 17 *Пржужь Ж. Браћа по улици... С. 52.*
- 18 Там же. С. 53.
- 19 Лилии — так называемый герб Котроманичей (средневековой династии боснийских королей), ставший в 1992 г. эмблемой Республики Босния и Герцеговина и защищавших ее отрядов мусульман — синий щит с золотыми лилиями.
- 20 Трехцветные значки сербских отрядов.
- 21 *Пржужь Ж. Браћа по улици... С. 8.*
- 22 Там же. С. 8.
- 23 Там же. С. 14.
- 24 Там же. С. 9–11.
- 25 Там же. С. 24.
- 26 Там же. С. 70–72.
- 27 Братство и единство (Братство и единство наших народов и народностей) — девиз официальной национальной политики титовской Югославии.
- 28 Намек на лорда Питера Каррингтона, председателя Международной конференции по бывшей Югославии и его преемника лорда Дэвида Оуэна.
- 29 Радован Караджич (Радован Караџић) (род. в 1945 г.) — сараевский психотерапевт и литератор, основатель и председатель Сербской демократической партии БиГ (СДП БиГ), политический лидер боснийских сербов в первой половине 1990-х годов, первый президент Республики Сербской. В 1992 г. избран председателем Президиума Сербской Республики БиГ, с августа 1992 г. по июнь 1996 г. — президент РС. В 1995 г. обвинен Международным трибуналом по бывшей Югославии в преступлениях против человечности, более 10 лет скрывался от МТБЮ. В 2008 г. арестован в Белграде и выдан МТБЮ. 24 марта 2016 г. приговорен к 40 годам заключения. 20 марта 2019 г. приговорен к пожизненному заключению Апелляционной палатой Международного остаточного механизма для уголовных трибуналов (Гаага).
- 30 Мате Бобан (Mate Boban) (1940–1997) — в 1992 г. глава Хорватского демократического содружества БиГ, политический лидер боснийских хорватов.
- 31 Имеется в виду соглашение Р. Караджича и М. Бобана 6 мая 1992 г. в г. Грац (Австрия) о прекращении боевых действий между сербами и хорватами в Боснии.
- 32 Груде — хорватская община в Западной Герцеговине.
- 33 Пале — сербский поселок под Сараево, административный центр Республики Сербской в 1992–1998 гг.
- 34 *Пржужь Ж. Браћа по улици... С. 22–23.*
- 35 *Bougarel X. Bosnie, Anatomie d'un conflit. Paris, 1996. P. 84.*
- 36 ПДД — Партия демократических действий (Странка демократске акције) — созданное в 1990 г. Алией Изетбеговичем национально-политическое движение боснийских мусульман, боровшееся за создание независимой БиГ. До сих пор остается ведущей бошнякской политической партией.
- 37 *Пржужь Ж. Браћа по улици... Стр. 83.*
- 38 Там же. С. 84.
- 39 Герб Неманичей — белый двуглавый орел с короной, находился на гербе Королевства Сербии (1882–1918), Королевства сербов, хорватов и словенцев (1918–1929), Королевства Югославии (1929–1941) и Республики Сербской в 1992–2002 гг.

⁴⁰ *Пржуљ Ж. Браћа по улици...* С. 85.

⁴¹ Там же. С. 86.

⁴² Там же. С. 59.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 67.

⁴⁵ Там же. С. 74–75.

⁴⁶ СДП — Сербская демократическая партия БиГ (Српска демократска странка БиХ) — созданное в 1990 г. национально-политическое движение боснийских сербов, правящая партия в Республике Сербской в 1992–1998 и 2000–2006 гг.

⁴⁷ *Пржуљ Ж. Браћа по улици...* С. 13.

⁴⁸ Там же. С. 63.

⁴⁹ Там же. С. 64.

Сведения об авторах

1. *Алпеев Олег Евгеньевич* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации.
2. *Атанасова (Марчева) Илияна* — профессор современной истории Болгарии в Институте исторических исследований Болгарской академии наук.
3. *Волокитина Татьяна Викторовна* — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, зав. Отделом истории Восточной Европы после Второй мировой войны Института славяноведения РАН.
4. *Григорова Дарина* — профессор, д-р Софийского университета им. св. Климента Охридского.
5. *Гусев Никита Сергеевич* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ученый секретарь Института славяноведения РАН.
6. *Гуськова Елена Юрьевна* — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.
7. *Данченко Светлана Ивановна* — доктор исторических наук, зав. Отделом истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН.
8. *Елдаров Светлозар* — профессор, доктор исторических наук Института балканистики с центром фракологии, Болгарская академия наук.
9. *Захарова Ирина Михайловна* — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, главный хранитель Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа.
10. *Искендеров Петр Ахмедович* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.
11. *Каширин Василий Борисович* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

12. *Кузьмичёва Людмила Васильевна* — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
13. *Мельчакова Ксения Валерьевна* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.
14. *Никифоров Константин Владимирович* — доктор исторических наук, директор Института славяноведения РАН.
15. *Петрунина Ольга Евгениевна* — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.
16. *Пырвев Иван* — профессор, д-р Софийского университета им. св. Климента Охридского.
17. *Симов Михаил* — кандидат исторических наук, научный сотрудник Национального Исторического музея Болгарии.
18. *Соколовская Ольга Владимировна* — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.
19. *Струнина-Бородина Наталия Григорьевна* — младший научный сотрудник Института славяноведения РАН.
20. *Фролова Марина Михайловна* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.
21. *Хлебникова Варвара Борисовна* — кандидат исторических наук, доцент кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова.
22. *Чуркина Искра Васильевна* — доктор исторических наук.
23. *Энгельгардт Георгий Николаевич* — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Научное издание

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

Никитинские чтения
«Славяне и Россия»

СЛАВЯНЕ И РОССИЯ:
РОССИЯ, БОЛГАРИЯ, БАЛКАНЫ
Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв.
(Мифы и реальность)

Сборник статей

Главный редактор
К. В. Никифоров

Ответственный редактор
С. И. Данченко

Компьютерная верстка
П. Н. Морозов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Институт славяноведения РАН
119991, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, корп. «В»
Адрес электронной почты:
inslav@inslav.ru

Подписано в печать 27.11.2019. Формат 60×84^{1/16}.
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 29,99.
Объем 32,25 печ. л.

Заказ № 102.
Тираж 500 экз.

